

Research Centre of the History and Archaeology of Crimea
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

“Demeter” Non-Profit Foundation

International Scholarly Conference

XX
BOSPORAN READINGS

*Cimmerian Bosphorus and the
World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages.
Main results and prospects of research*

Simferopol – Kerch – 2019

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

Центр археологических исследований
Благотворительного Фонда «Деметра»

Международная научная конференция

XX
БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Боспор Киммерийский
и варварский мир в период античности и средневековья.
Основные итоги и перспективы исследований*

Симферополь-Керчь – 2019

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

Протокол № 3 от 15.04. 2019 г.

XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2019. – 656 с.

ISBN 978-5-6040450-5-3

© НИЦ ИАК КФУ
им. В.И. Вернадского, 2019
© ЦАИ БФ «Деметра», 2019
© Авторы, 2019

ИЗ ИСТОРИИ КОНФЕРЕНЦИИ «БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К началу нового тысячелетия Фонд «Деметра» (основан в 1995 г. в г. Керчь) уже состоялся как один из важнейших факторов влияния в деле сохранения боспорских древностей. Однако для дальнейшего развития научно-исследовательских проектов, возникла необходимость реорганизации самого Фонда, что и было сделано в начале 2000 г. Обновленным составом Правления Фонда под председательством В.Д. Письменного принимается большая программа по научно-исследовательским и музейным проектам в керченском регионе. Важнейшей составляющей частью этой программы стало проведение в Керчи ежегодной международной научной конференции «Боспорские чтения».

Организаторами этого крупнейшего в Северном Причерноморском регионе археологического форума – выступили Центр археологических исследований Благотворительный Фонд «Деметра» и Крымское отделение института востоковедения НАНУ (ныне НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского). Программным комитетом под председательством А.И. Айбабина и В.Н. Зинько изначально было принято решение о широком хронологическом диапазоне обсуждаемых докладов по проблематике «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья».

Местом работы конференции выбран живописный район г. Керчи, расположенный возле стен древнего боспорского города Нимфея, и первые «Боспорские чтения» были проведены в начале сентября 2000 г. В ней приняли участие чуть более трех десятков исследователей из России, Украины и Польши. К началу конференции был выпущен небольшой сборник материалов. Конференция прошла в деловой дружеской обстановке.

новке. Участники совершили экскурсию в Нимфей. По предложению начальников боспорских экспедиций было принято решение провести следующую конференцию в мае 2001 г. Что и было сделано.

С тех пор ежегодно в начале последней декады мая в Керчи стали собираться около 100 ведущих специалистов из различных академических центров, научно-исследовательских институтов, университетов и музеев-заповедников из различных городов России, Украины, а также европейских стран и США. На несколько дней Керчь становилась сосредоточением крупнейших специалистов по античной и раннесредневековой археологии припонтийского региона. На пленарных заседаниях и постерных сессиях известные европейские ученые обсуждают актуальные проблемы исследований и новейшие открытия.

Традиционно, перед началом конференции, руководство Фонда «Деметра» устраивает прием-презентацию в ходе которой представляет новые книги, изданные на благотворительные средства Фонда за прошедший год. Каждый год таких новых изданий бывает несколько, а всего за 20 лет работы этого единственного в Крыму ежегодного международного форума Фондом издано более 100 сборников научных трудов, монографий и каталогов коллекций. Все участники конференции получают их в качестве благотворительного дара. С 2002 г. Фонд «Деметра» выделяет благотворительные гранты, по которым ученые готовят каталоги коллекций античных памятников Керченского историко-археологического музея. Впервые в Крыму была поставлена задача полного научного издания уникальных коллекций античных и ранневизантийских древностей. Фондом издано уже 14 томов, среди которых особого внимания заслуживают серии каталогов «Лапидарная коллекция», «Нумизматическая коллекция», «Керамические клейма» и другие.

В течении года в Оргкомитет конференции, который работает на базе Центра археологических исследований Фонда «Деметра», приходит более 100 тезисов докладов из разных стран. Обработка этих материалов и подготовка к публикации научного сборника конференции занимает всю зиму и большую часть весны.

К началу конференции Фонд издает материалы конференции. Уже изданы материалы 20-ти конференций:

- I Боспорские чтения. Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2000. – 142 с.

- II Боспорские чтения. Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров: мат-лы междунар. науч. конф. – Керчь, 2001. – 196 с.

- III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: мат-лы междунар. науч. конф. – Керчь, 2002. – 300 с.

- IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: мат-лы междунар. науч. конф. – Керчь, 2003. – 314 с.

- V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: мат-лы междунар. науч. конф. – Керчь, 2004. – 448 с.

- VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф: мат-лы междунар. науч. конф. – Керчь, 2005. – 383 с.

- VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековья. Ойкос: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2006.

- VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2007.

- IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2008.

- X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2009.

- XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2010.

- XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2011.

- XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2012.

- XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2013.

- XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2014.

- XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2015.

- XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: мат-лы междунар. науч. конф. - Керчь, 2016.

- Материалы XVIII Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения». – Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь, Керчь, 2017.

- Материалы XIX Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации». – Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь, Керчь, 2018.

- Материалы XX Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований». – Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь, Керчь, 2019.

По графику конференции один день посвящается знакомству с археологическими и историческими памятниками г. Керчи и окрестностей, а также с историко-археологическим музеем, включая золотую кладовую и лапидарий, созданных на средства Фонда «Деметра». За прошедшие годы участники конференции побывали на раскопках большинства боспорских городов и некоторых сельских поселений, совершили экскурсию в Феодосию и по Керченскому проливу.

Мы уверены, что международная научная конференция «Боспорские чтения» стала важнейшим аспектом исследовательских и практических работ на постсоветском пространстве целого поколения ученых из различных стран.

В.Н. Зинько, Е.А. Зинько

Некоторые эпизоды из фотохроники конференции «Боспорские чтения»

Илл.1. БЧ I. Открытие конференции 5 сентября 2000 г.

Илл.2. БЧ I. Экскурсию по Нимфею проводит Н.З. Кунина

Илл.3. БЧ I. Общее фото в день отъезда 8 сентября 2000 г.

Илл.5. БЧ II. Экскурсию по Пантикапею проводит В.П.Толстиков. Май 2001 г.

Илл.4. БЧ II. Участники конференции: О.Ю.Соколова, В.Д.Письменный, М.Ю.Вахтина. Май 2001 г.

Илл.6. БЧ II. Участники конференции у колонн пританея. Май 2001 г.

*Илл.7. БЧ III. Презентация изданий: В.Н.Зинько, В.Д.Письменный, И.Н.Барановская.
Май 2002 г*

*Илл.9. БЧ IV. В.Д. Письменный рассказывает участникам конференции о строительстве
научного центра Фонда. Май 2003 г.*

*Илл.8. БЧ III. Экскурсия в Керченский музей. А.И.Айбабин, Э.А.Хайрединова,
О.Маврина, В.А.Сидоренко, А.Твардецкий. Май 2002 г.*

Илл.10. БЧ IV. Участники конференции в день отъезда из Эльтигена. Май 2003 г.

*Илл.11. БЧ V. А.И. Айбабин представляет новый том «Боспорских исследований».
Май 2004 г.*

Илл.13. БЧ VI. Т.В. Блаватская на презентации книги. Май 2005 г.

Илл.12. БЧ V. Участники конференции в день отъезда из Эльтигена. Май 2004 г.

*Илл.14. БЧ VI. Т.В. Блаватская, Е.А.Зинько, Т.А.Матковская. Экскурсия в лапидарий.
Май 2005 г.*

Илл.15. БЧ VII. В зале заседаний. 1-й стол – коллеги из Украины, 2-й стол – коллеги из Дании, 3-й стол – коллеги из России. Май 2006 г.

Илл.17. БЧ IX. Фуршет-приветствие. В.Д.Писменный беседует с С.Д.Крыжицким и Н.А.Лейпунской. Май 2008 г.

Илл.16. БЧ VII. Итоги конференции подводит С.Д.Крыжицкий. Май 2006 г.

Илл.18. БЧ IX. Участники конференции в день отъезда. Май 2008 г.

Илл.19. БЧ X. Доклад В.Д. Кузнецова. Май 2009 г.

Илл.21. БЧ X. Участники конференции в атриуме научного центра Фонда «Деметра». Май 2009 г.

Илл.20. БЧ X. Доклад С.Ю. Монахова. Май 2009 г.

Илл.22. БЧ XI. В зале заседаний. Май 2010 г.

Илл.23. БЧ XI. Заседание ведет Г.Ю. Ивакин. Май 2010 г.

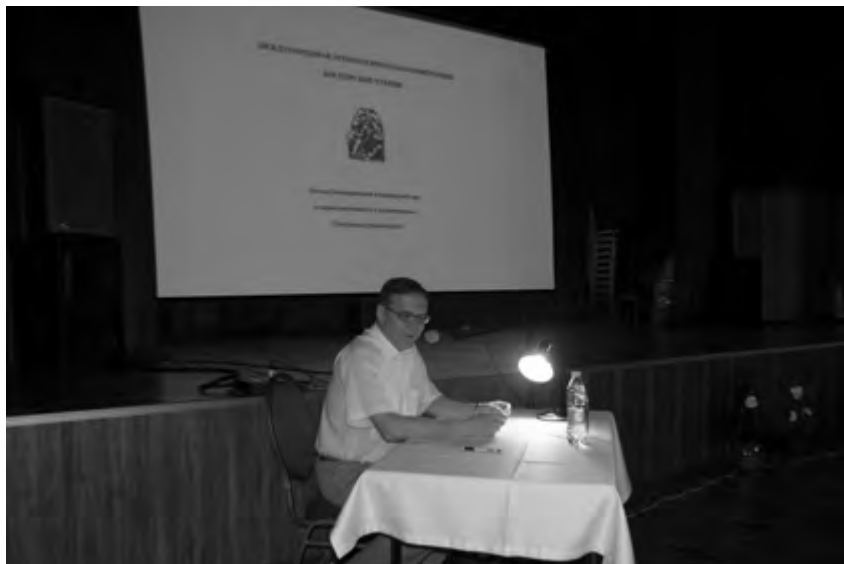
Илл.25. БЧ XII. Поздравление «остепенившихся». Май 2011 г.

Илл.24. БЧ XI. На вопросы отвечает Ю.В. Болтрик. Май 2010 г.

Илл.26. БЧ XII. Доклад М.Ю. Трейстера. Май 2011 г.

Илл.27. БЧ XIII. Доклад Н.П. Поваляева. Май 2012 г.

Илл.29. БЧ XIII. Традиционный дружеский ужин: Н.М.Шевченко, Н.А.Сон, Е.Е.Фиалко. Май 2012 г.

Илл.28. БЧ XIII. На экскурсии в Керченском музее. Май 2012 г.

Илл.30. БЧ XV. В парке Фонда «Деметра». Май 2014 г.

Илл.31. БЧ XV. Участники конференции после подведения итогов. Май 2014 г.

Илл.33. БЧ XVI. Участники конференции после подведения итогов. Май 2015 г.

Илл.32. БЧ XVI. Утреннее заседание. Май 2015 г.

Илл.34. БЧ XVII. Заседание ведет М.М. Казанский. Май 2016 г.

Илл.35. БЧ XVII. На экскурсии в Тиритаке. Май 2016 г.

Илл.37. БЧ XVII. Общее фото после подведения итогов. Май 2016 г.

Илл.36. БЧ XVII. Перед заседанием Попечительского совета Фонда «Деметра». Май 2016 г.

Илл.38. БЧ XVIII. Е.А.Молев и Н.В.Молева представляют 2-й том о Китее. Май 2017 г.

Илл.39. БЧ XVIII. Утреннее заседание. Май 2017 г.

Илл.41. БЧ XIX. В зале заседаний. Май 2018 г.

Илл.40. БЧ XVIII. Перед экскурсией по Керченскому проливу. Май 2017 г.

Илл.42. БЧ XIX. Обсуждение докладов. Май 2018 г.

Илл.43. БЧ XIX. На экскурсии в Нимфее. Май 2018 г.

Илл.44. БЧ XIX. Общее фото после подведения итогов. Май 2018 г.

АБРАМЗОН М.Г., НОВИЧИХИН А.М.
(Магнитогорский Гос.Университет, г. Магнитогорск;
Анапский музей-заповедник, г. Анапа)

«ЗАБЫТЫЕ» МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ИЗ АНАПСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ПОСТУПЛЕНИЯ 1980-Х ГГ.)¹

В фондах Анапского археологического музея хранятся четыре неопубликованных клада, поступившие в 1980-е гг. Это три небольших клада пантикапейских монет из слоя пожара Горгиппии середины III в. до н.э., а также крупный клад позднебоспорских статеров из с. Гай-Кодзор.

Комплексы из слоя пожара Горгиппии представляют особый интерес для изучения денежного обращения Боспора в конце IV – середине III в. до н.э. Они происходят из домов, сгоревших в середине III в. до н.э. (Алексеева, 1997, с. 110–116). Однако имеются основания утверждать, что не все они связаны со временем пожара.

1. Клады из помещений 52 и 53 дома 10 «а» (1980 г.). В 1980 г. при исследовании дома 10 «а», существовавшего у южного края Широкой улицы и уничтоженного городским пожаром в середине III в. до н.э., найдены два клада монет 340–250 гг. до н.э. (Алексеева, Нестеренко 1980, 75–76; Алексеева, 1997, с. 122). Клад из помещения 53 (Инв. № КМ 8364/11956–11989) кроме 34 монет деградированного типа «сатир/лук и стрел» (Шелов, 1956, № 66) (33 экз.) включал серебряный диобол типа «сатир влево/ голова барана вправо» (Анохин, 1986, № 80) ок. 340–330 гг. до н.э. и дихалк типа «сатир/протома пегаса» (Анохин, 1986, № 112) ок. 330–315 гг. до н.э. Если дихалки нередко встречаются в кладах периода денежного кризиса и митридатовского времени, то присутствие серебряной монеты IV в. до н.э. в кладе деградированной меди денежного

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00098 А «Денежное обращение, экономическая и политическая ситуация на Азиатском Боспоре в III–I вв. до н.э. по материалам монетных кладов из новых поступлений в Анапский археологический музей».

кризиса необычно. В экспедиционном отчете и монографии Е.М. Алексеевой (Алексеева, Нестеренко 1980, 75; Алексеева 1997, с. 122) фиксируется принадлежность серебряной монеты к скоплению из 35 монет. В фонды ААМ данный комплекс был передан именно как гомогенный клад. Монета с контрамаркой «треножник» (SNG SPMFA 1006), наложенной в середине III в. до н.э., позволяет датировать комплекс близко ко времени городского пожара.

Клад из помещения 52 (Инв. № КМ 8365/11936–11945), напротив, не связан со временем пожара, хотя и найден в горелом слое. Он состоит из 10 монет типа «голова сатира влево / лук и стрела, ПАН», из которых 8 отчеканены поверх тетрахалков типа «голова сатира влево / голова льва, осетр, ПАН» с надчеканками в виде звезды и горита (Шелов, 1956, № 67), 2 – на новых кружках (Анохин, 1986, № 133). Это типичный комплекс начала периода денежного кризиса на Боспоре. Кладик был спрятан, по-видимому, в конце первой четверти III в. до н.э., задолго до пожара, уничтожившего дом 10 «а». Ближе всего по составу типов к нему клады из Горгиппии (1882 г.) (Прушевская 1945, с. 17–27), Нимфея (1951 г.) (Голенко, 1974, с. 73–73), Юбилейное I (1991 г.) (Фролова, Савостина, 1998, с. 140–155) и Генеральское-Западное (1999 г.) (Зинько, Куликов, 2002, с. 399). Все эти комплексы имеют общую дату, не выходящую за рамки первой четверти III в. до н.э.

2. Клад из помещения 102 дома 29 (1986 г.). Клад (Инв. № КМ 9213/1–32) включает 32 монеты типа «голова сатира влево / голова льва, осетр, ПАН» (Анохин, 1986, № 125). Монеты имеют крайне плохую сохранность. Комплекс был передан в музей начальником Анапской экспедиции ИА АН СССР/РАН Е.М. Алексеевой в 1989 г. Комплекс был найден в помещении помещения 102, которое является частью дома 29, открытого в средней части археологического заповедника «Горгиппия». Этот дом вместе с другими домами строительного периода IB погибает в пожаре в третьей четверти III в. до н.э. Е.А. Алексеева отмечает, что дату катастрофы подтверждают монеты и амфорные клейма из дома 29, а также домов 10 и 41 (Алексеева, 1997, с. 110–116).

Однако найденный в помещении 102 клад точно не может быть связан с датой пожара, погубившего дом 29. Д.Б. Шелов датировал тип «голова сатира влево / голова льва, осетр, ПАН» временем ок. 315–300 гг. до н.э. (Шелов, 1956, с. 216, № 61). В самом начале III в. до н.э. такие монеты подверглись массовой надчеканке клеймами в виде звезды и горита, а также и перечеканке в тип «сатир / лук и стрела». Комплекс уника-

лен: отсутствуют сведения о других подобных кладах, состоящих только из тетрахалков с головой льва и осетром на о.с., еще не подвергшихся контрамаркированию. Не перечеканенные монеты (по одной) встречаются еще в пяти комплексах конца IV – середины III в. вместе с другими монетами:

В остальных кладах периода денежного кризиса все монеты типа «голова сатира / голова льва, осетр» снабжены надчеканками в виде горита и двенадцатилучевой звезды (Анохин, 1986, № 131) и часто соседствуют с другими типами первой половины III в. до н.э. Очевидно, что в течение первой половины столетия тетрахапки со львом и осетром, не подвергшиеся контрамаркированию или перечеканке, практически полностью исчезают из обращения. Лишь единичны экземпляры, избежавшие этих операций, обращаются на денежном рынке до середины столетия, как свидетельствуют перечисленные клады. Таким образом, публикуемый комплекс, состоящий только из тетрахалков типа Анохин 125, был спрятан в помещении 102 одним поколением обитателей дома 29 – в конце IV в. до н.э., а пожар произошел при другом поколении, – в начале третьей четверти III в. до н.э. Пять других горгиппийских кладов, связь которых со временем городского пожара надежно установлена, имеют уже совершенно иной состав: в них преобладает деградированная пантикапейская медь с луком и стрелой на реверсе.

3. Клад из с. Гай-Кодзор 1986 г. (Инв. № КМ 7894). Включает 1061 статер четырех последних боспорских царей: Тейрана (266/267, 275/276–278/279) – 3 экз., Фофорса (285/286–308/309) – 354 экз., Радамсада (309/310–318/319) – 46 экз., Рискупорида VI (318/319–341/342) – 658 экз. В 1972 и 1977 гг., на том же берегу Шум речки, в нескольких сотнях метров южнее, были найдены два аналогичных по составу клада, которые в отличие от третьего комплекса включали еще варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса (Салов, 1975, с. 172–175; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 544–560). Все три клада были сокрыты в 341/342 г. н.э.; ту же дату имеют клады из Керчи 1995 и 2009 гг. (Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 530–544; Сидоренко, 2011, с. 458–569), Кеп 1962 г. (Голенко, Сокольский, 1968, с. 72–125) и Тиритаки 1946 г. (Харко, 1949, с. 73–81). Главной причиной массовой тезаврации в эти годы и внезапного прекращения боспорской чеканки в 341/342 г. н.э. была внешняя угроза, связанная с новым движением сармато-аланов и германцев Метиды. Топография кладов свидетельствует, что в этом году нападению

подверглись Пантикапей, Тиритака, Кепы, а на южной границе – важный стратегический пункт у с. Гай-Кодзор, в урочище Шум-речки.

Клад включает неопубликованные и редкие статеры, в том числе представляющие отклонение от стандартной трактовки типа оборотной стороны. Так, например, в нем присутствуют четыре статера 324/325 г. н.э., на которых орел на шаре изображен вправо, а не как обычно влево, при этом его голова с венком в клюве также обращена к императору. Такие статеры представляют исключительную редкость: до сих пор был известен единственный экземпляр из Кепского клада 1962 г. (Голенко, Сокольский, 1968, табл. XII, 526).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь–Керчь. (БИ. Suppl. 2).
- Алексеева Е.М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Алексеева Е.М., Нестеренко Н.Д. 1980. Отчет о работе Анапской экспедиции Института археологии АН СССР за 1980 г. // НА АМ. А1–26.
- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Голенко К.В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. Т. XI.
- Голенко К.В., Сокольский Н.И. 1968. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. Т. VII.
- Зинько В.Н., Куликов А.В. 2002. Клад медных боспорских монет III в. до н.э. из Крымского Приазовья // МАИЭТ. Т. IX.
- Прушевская, 1945. Прушевская Е.О. Анапский клад пантикапейских медных монет // ТОНГЭ. I.
- Салов А.М. 1975. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА 4.
- Сидоренко В.А., 2011. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. XVII. Симферополь.
- Харко Л.П., 1949: Тиритакский клад 1946 г. // ВДИ. № 2.
- Фролова Н.А., Савостина Е.А. 1998. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. № 1.
- Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

АГАФОНОВ А.В., ТОЛСТИКОВ В.П.,
ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф.В.
(ГМИИ, Москва)

ШТУКАТУРКА С ГРАФФИТИ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ 2018 ГОДА

В раскопках 2018 года на территории верхнего плато горы Митридат в Керчи (раскоп Новый Верхний Митридатский, кв. 44, шт. 5, отметка +5.90, мощность слоя 0,68 м: рис. 1 – исследованная в прошлом сезоне площадь оконтурена синим) были открыты 26 фрагментов штукатурки (цемянка, красная краска – ПАН-2018, оп. № 63: рис. 2) с выполненными разными почерками граффити – рисунками и языковыми записями. Нынешняя находка продолжает ряд ей подобных – прежде в Пантикапее, на других раскопах (рис. 3), неоднократно встречался аналогичный материал.

Большой объем фрагментов был получен, например, в середине 1960 годов при исследовании Боспорской археологической экспедицией под руководством И.Д. Марченко т.н. «Пританея». По их итогам реконструкция декора штукатурного покрытия данного объекта была выполнена С.И. Финогеновой.

В отчете Т.В. Блаватской за 1958 г. отмечены никак ею ближе не описанные лексические артефакты. А в 1959 году И.Д. Марченко упоминает граффито Ἡράκλου, где представлена дублетная форма генитива имени Геракла, идущая по второму склонению (-κλος, -κλου и т.д.) вместо более известной модели третьего склонения на -κλής.

Позже мы намерены сделать все названные находки предметом специального исследования. Настоящая же заметка является первой попыткой введения в научный оборот пантикапейских граффити на штукатурке как отдельного класса памятников.

Особенность ныне представляемой коллекции составляет сочетание незначительных остатков изображений такелажа и не могущих быть

однозначно определёнными несущих их плавств с чётко, зато, идентифицируемыми словами и сопровождающими последние магическими знаками. Тут, прежде всего, обращает на себя внимание неоднократное появление причастия ἀποδηῶν, что позволяет определить надписи, как оставленные на стене некоего святилища (о каком из них, расположенных на акрополе полиса, конкретно идёт речь, трудно пока сказать) моления лиц, отправляющихся в дальнюю поездку, о помощи божества в пути.

В двустрочном № 14 (здесь и далее см. рис. 4: курсивом отмечены неполностью сохранившиеся литеры) эта форма повторяется – ἀποδῆῶν ΘΥ... (за ней, возможно, стоит начало ЛИ Θύμων и т.п.) | ἀποδηῶν –. Не исключено, что плотно прижатые друг к другу граффити этого фрагмента были оставлены тесно связанными между собою людьми. Фр. № 13 раскрывается в ἀποδῆῶν[ν ... | ... кат]ατύγ[ων: правый угол дельты вычерчен косо, эта – курсивно, обрывки мю и омеги – друг под другом. Если предположение о взаимоотношениях отъезжающих из № 14 верно, то кат]ατύγ[ων № 13, начертанное другой рукой, может быть оставлено «доброжелателем» одного из них (которому, впрочем, совсем не обязательно должны были быть в действительности присущи противоположные наклонности). ... ΕΜ ... | ... ΝΟΥ ... в две строки фр. № 2 также допускает интерпретацию ἀποδῆῶν<ε>μῶν – со смешением на письме долгого и краткого [ε] – с последующим ΑΗ (Нумений et sim.). В этой связи и в № 26 читается, вероятно, ἀποδηῶν Ζῆθος (от дзеты дошёл лишь верхний уголок, омикрон существенно сполз вниз). Наконец, в ... ΘΩ ... фр. № 5 сохранились, наверное, реликты имени Агафон (и проч.) от той же формулировки.

Кроме того, зафиксируем элементы ворожбы. Под буквами № 5 частично сохранилось судно со снастями, гибель которого должно было, по злему замыслу, обеспечить наложенное на него магическое «колесо». А в № 26 поверх имени и над ним грубо прочерчены элементы колдовской «паутины», призванной связать силы и возможности просителя Зета.

Шрифту присущи лунарные (омега – rassim, ипсилон в № 2) и курсивные (эта № 13) очертания некоторых графем. Но намного более показательно сочетание в одних и тех же словах архаичного облика альфы с косой перекладиной (№№ 13, 14) и ипсилон в виде простой «птички» с пересекающимися внизу внахлест линиями (№ 13) и развитого пи с равновеликими опорами и выходящей за их пределы горизонталью (№№ 13, 14). Последнее лишний раз подтверждает, что письмо граффити развивалось в своей (намного более близкой рукописям) логике, а потому

привлекать лапидарные надписи в качестве аналогий при датировке текстов «малой эпиграфики», вообще, как писали Адольф Вильгельм и Луи Робер, вряд ли стоит.

В такой ситуации остро встаёт вопрос о дате наших артефактов. К сожалению, слой, где были вскрыты граффити, типично мешаный. В нём соседствуют фрагменты восточно-греческой (VI в. до Р.Х.), аттической краснофигурной (начала V – начала IV вв.) и чернолаковой керамики (VI–II вв.) с амфорами Клазомен, Лесбоса, Пепарета и Коса (конца VI – первой половины IV вв.), Гераклеи (IV–III вв.), Синопы и Гераклеи (I в. до Р.Х. – I в. от Р.Х.: Внуков, Абрамов), светлоглиняными узкогорлыми (I–IV вв.: Внуков, Абрамов), типа Делакеу и красноглиняными круглодонными корчажками (IV – начало VI вв. и IV – VIII вв. соответственно, по классификации И.Б. Зеест), а также пряжками типа «Сиракузы» (V–VII вв.). По наиболее же представленному здесь керамическому массиву археологический контекст даёт IV–VIII вв.

Несколько лучше обстоит дело со штукатурками из пантикапейских раскопок 1946–1981 гг. Сопровождающий материал и там, правда, варьируется в пределах от IV в. до Р.Х. по IV в. от Р.Х. Однако, наиболее надёжные комплексы датируются III–II вв. до Р.Х. Изображения же судов и такелажа из находок 1946, 1958, 1959 и 1962 гг. (рис. 3) аналогичны тем, что представлены на знаменитой Нимфейской фреске первой четверти III в. до Р.Х. Это позволяет консервативно датировать новые граффити началом II в. до Р.Х. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что вышеуказанный мешаный слой перекрыл культовое сооружение эллинистического времени.

Наконец, графика во фрагменте № 2, по-видимому, укрепляет аргументы в пользу довольно ранней (не позднее III–II в. до Р.Х.) датировки начала утраты различия между долгим и кратким звуками [ε] – в произношении и на письме – с опережающим развитием этого процесса на греческой периферии.

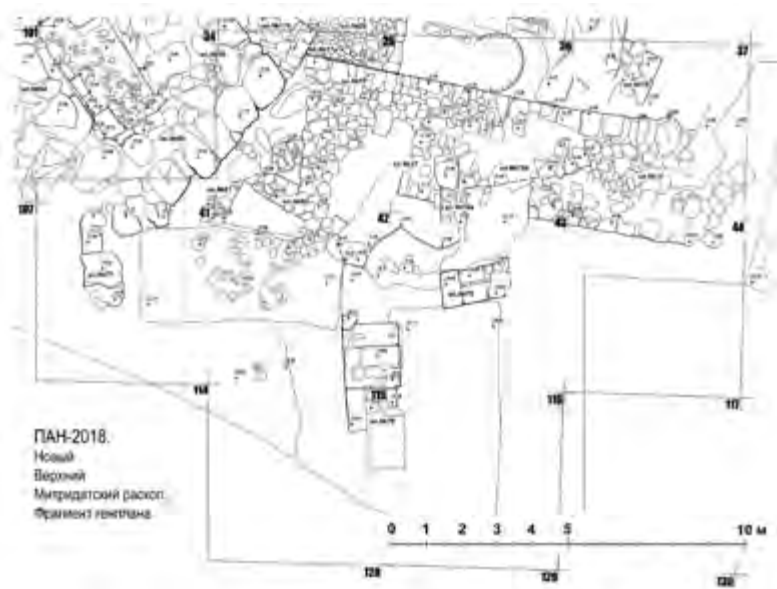

Рис. 1. ПАН-2018 Новый Верхний Митридатский раскоп. Фрагмент генплана

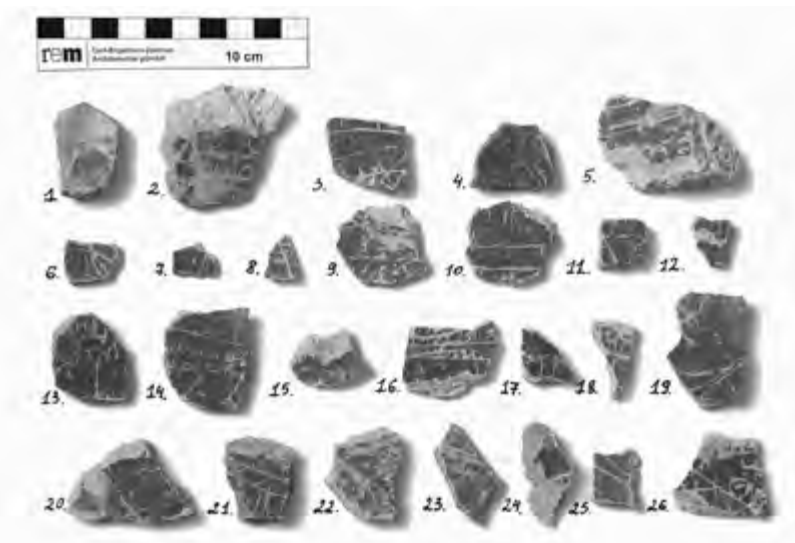

Рис. 2. ПАН-2018. Кв. 44. шт. 5 Оп. №63. Фрагменты штукатурки

ЭР 1946 пл. VI шт. 16
Фрагменты четырёх
судов

ЭР 1946 пл. VI шт. 16
Снасти

НЭ 1958 Пл. 72 шт. 6
Сцена сражения: вёсла одного и
таран другого корабля

НЭ 1959 пл. 11 шт. 6.
Суда с палубными
надстройками

НЭ 1962 пл. 93 шт. 3
Судно с треугольным
парусом

НЭ 1962 пл. 93 шт. 3.
Корабль с двойным парусом

НЭ 1965. Бородатая
мужская протома в фас

Ц 1975 пл. VI-X, внутри
бастиона «А». Пе-
редняя часть корпуса
лошади, вид сбоку

Ц 1979 Кладка №19А
Магия: перечёркнутое лицо в фас

Ц 1981 кв. 86, шт.
7. Гениталии

Ц 1981 кв. 86, шт. 2, пол под кладкой
№78. Мужская голова в профиль

Рис. 3. Штукатурка с рисунками из раскопок Пантикалея 1946-1981 гг.

ПАН-2018 оп. 63 № 2

ПАН-2018 оп. 63 № 5

ПАН-2018 оп. 63 № 13

ПАН-2018 оп. 63 № 14

ПАН-2018 оп. 63 № 26

Рис. 4. Рисунки с надписями из раскопок Пантикапея 2018 года

АЙБАБИН А.И.
(НИЦ ИАК КВУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

К ДИСКУССИИ О ЛОКАЛИЗАЦИИ КРЫМСКИХ КЛИМАТОВ¹

Топоним та κλίματα - климаты (множественное число от τό κλίμα – район, область, административный округ) (The Oxford Dictionary of Byzantium 1991, p. 1133) упоминается в византийских письменных источниках, сообщающих о событиях, происходивших во владениях Византии в Крыму. Историки высказывали противоречивые суждения о местонахождении и границах климатов на полуострове. Многие в качестве важного источника по крымским климатам и их взаимоотношениях с Византией и Русью рассматривали опубликованное в 1819 г. К.Б. Газе объяснительное примечание к «Истории» Льва Диякона (Leonis Diaconi 1819, p. 254С-259В), названное академиком А.А. Куником «Запиской готского топарха» (Куник, 1874, с. 61). А.А. Васильев вслед за А.А. Куником считал правителя Климатов топархом Готии и автором «Записки». По мнению А. А. Васильева, в ее тексте идет речь о нападении хазар в 962 г. на десять городов Готии (Климатов) и опустошении ее главного центра Дороса. Для защиты Готии от нападений хазар топарх в том же году прибыл в Киев и заключил с князем Святославом соглашение об установлении протектората Руси над Готскими Климатами или Крымской Готией. По словам А.А. Васильева, в этот период русские продолжали нападать на византийский Херсон (Vasiliev 1936, p.117,126-131). Н.И. Репников высказал мнение о местонахождении в 962 г. резиденции готского топарха находилась на плато Эски-Кермен. По его словам, после разрушения хазарами укреплений топарх переселился на гору Мангуп (Репников 1932а, с. 116-117,

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России №33.5156.2017/БЧ «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

130, 136, 137,144, 149-150; Репников 1932б, с. 181-211). С ним согласился и А.А. Васильев (Vasiliev 1936, 52)

И.И. Шевченко (Ševčenko 1971, Р. 117-188) и И.П. Медведев (Медведев 2003, С. 160-172) убедительно доказали, что «Записка готского топарха» изготовлена его первым издателем К. Б. Газе и тем самым превратили сочиненный А.А. Васильевым рассказ о протекторате Святослава над Климатами и набегах хазар на города Готии в 962 г. в исторический анекдот. Поэтому я не рассматриваю основанную на фальшивке обширную историографию, в том числе и недавние публикации. Например, статьи Н.А. Алексеенко, который, игнорируя аргументацию И.И. Шевченко и И.П. Медведева, некритично повторил рассказ А.А. Васильева о деяниях «топарха независимой» Готии (Алексеенко 1998, с. 232,233; 2006, с. 564–570).

В моей написанной в 1994-6 годах монографии отмечено, что византийские авторы безусловно именовали климатами или архонтствами административные районы соседней с Херсоном Готии, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта. Таковыми являлись крепости на плато Мангуп (Дорас), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла (Айбабин 1999, с. 211). С моим выводом согласился и К. Цукерман (Zuckerman, 1997, р. 219, note 32).

Некоторые современные крымские историки, опираясь на своеобразное толкование византийских письменных источников, предположили, что под крымскими климатами византийцы понимали принадлежавшие империи «области Таврики, ограниченные с запада Херсоном, а с востока Боспором», то есть весь Крым (Науменко 1998, с. 694-698; Никифоров 2011, с. 580; Храпунов 2014, с. 118).

Для обоснования местонахождения топонима Климаты в Крыму необходимо вновь обратиться к византийским письменным источникам и печатям.

Согласно Феофану Исповеднику, топоним Климаты Херсона появился во второй половине VII в.. В составленной в 813–814 гг. «Хронографии» Феофан сообщал о высылке императором Константином II (641–668 гг.) римского папы Мартина «в Херсон и климаты - ejn Cersw'ni kai toi'ō klivmasin» или «климаты Херсона - ejn Cersw'ni toi'ō klivmasin или th`ō Cersw'noō klīmata» (Чичуров 1980, с. 36,59,60,106; The Chronicle of Theophanes 1997, р. 462-463, 491). Из Херсона папа Мартин в 655 году отправил два письма своим друзьям с описанием своего бедственного положения в городе (Бородин 1991, с. 173-176).

По словам Феофана, «в Херсон и климаты - εις Χερσῶνα καὶ τὰ κλίματα» в 776 г. сослани и мятежника Никифора (Чичуров 1980, с. 46,68; The Chronicle of Theophanes 1997, р. 621).

Феофан также писал о бегстве в 704 г. ссыльного Юстиниана II из Херсона в Дарас (Δαρᾶς), расположенный между городом и Фанагорией, а в отображении событий 711 гг. фигурируют жители Херсона, Боспора «и других климатов - καὶ τῶν λοιπῶ-ν κλιματῶν», а также «жители Херсона и других крепостей - τότε Cersw'noō kai; τῶν λοιπῶ-ν kavstrwv» (Чичуров 1980, с. 40,41,63,64; The Chronicle of Theophanes, 1997, р. 520,527,528; (Zuckerman 1997, р. 218-220).

В одновременной Краткой Истории патриарха Никифора в повествовании о тех же событиях отсутствует топоним климаты, а соседний с Херсоном регион назван архонствами или областями. Согласно Никифору, Юстиниан II «...скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов - εις τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν» [Чичуров 1980, с. 155,163; Nikephoros, 1990, 42,6-8, р. 100, 101]. Никифор также упомянул «народ в Херсоне и Боспоре и других архонтствах - τοὺς ejn Cersw'ni kai; Bosphōrw kai; τοὺς tw'n a[[lwn ajrcontiw'n λαοὺς» и «архонты тех областей - οἱ δὲ τῶν χωρῶν τούτων ἀρχοντες» (Чичуров 1980, с. 156,164,165; Nikephoros 1990, р. 100-101, 106-109).

В церковных источниках второй половины VIII–IX в. соседние с Херсоном климаты или архонства начали именовать Готией (Γοτθία). Протоколы VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. подписаны монахом Кириллом по поручению епископа Готии (ἐπίσκοπου Γοτθίας) [Lamberg, 2004, S. 31.46f; Ajbabin, 2011, S. 196]. В Notitia (Нотиции) 3 свода Жана Даррузеса содержится роспись епархий Константинопольского патриархата, в которой под номером 37 названа епархия Готии (ἐπαρχία Γοτθίας) с резиденцией в Доросе [Dargouzès, 1981, р. 31,241, 245]. В «Житии Святого Иоанна Готского» говорится об участии в иконоборческом соборе 754 гг. неназванного епископа Готии (Γοτθίας ἐπίσκοπος), упомянуты страна Готов (χώρας τῶν Γόθων), господин Готии (κύριος τῆς Γοτθίας) и архонты крепостей, горные ущелья (клизурсы - τῆς κλεισοῦρας) и крепость, называемая Дорос (τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος) [Auzéry, 2006, р. 78-81; Айбабин, 2006, с. 617-618]. В написанном в 808 г письме Феодор Студит возмущался распутным поведением нарушившего церковные правила архонта Готии и ее климатов «Γοτθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς» [Migne 1860, р. 1013; Theodori Studitae, MCMXCII. I-II, S. 88; Vasiliev, 1936, р. 106]. В Ватиканской версии составленного после 868 г. «Жития Святого Федо-

ра Студита» наряду с королем Лангобардии упомянут гех или правитель Готии «... ὁ τῆς Ῥῆξι Λογγιβαρδίας, ὁ τῆς Γότθίας...» (Migne 1860, p. 137, not. 3; Ajbabin 2011, S. 198-199). Игнатий (умер вскоре после 845 г.) в житии патриарха Никифора (808-815 гг.) возмущался поведением правителя над тамошним народом (ὁ γὰρ τὴν τότε τοῦ ἔθνους ἡγεμονίαν ἐπανηρημένος) в Таврических климатах (ἐν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων) (Nicerphori 1880, p. 160; Vasiliev 1936, p. 106; Ajbabin 2011, S. 198-199).

Судя по цитированным текстам, в VIII в. Готией византийцы именовали область Дори. Созданные на ее территории еще в конце VI в. крепости и архонтства (Айбабин 2017, с. 41-42) во второй половине VII - VIII в. и позднее стали называть климатами (Айбабин, Хайрединова 2017, с. 307). Захватившие в начале VIII в. Горный Крым хазары, видимо, объединили климаты (архонтства) в новое административное образование Готию (Айбабин 2018, с. 74).

В 841 г. (Zuckerman 1997, p. 214-215) Византия возвратила Готию. Как писал Константин Багрянородный, император Феофил создал на полуострове новый военно-административной округ фему (θέμα), стратегию которой подчинялись армия и гражданская администрация (Constantine Porphyrogenitus 1967, p. 182-183; The Oxford Dictionary of Byzantium 1991, p. 2034). В официальном документе «Тактиконе Успенского» (843 гг.) ее называли фемой Климатов. В списке статигов упомянут «патрикий и стратег Климатов ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» (Oikonomidès 1972, p. 45, 48-49). Чиновнику этой фемы принадлежала печать, хранящуюся в коллекции Дамбартон Окс, с надписью «...пяти Климатов – τῶν πέντε Κλιμάτων» (Nesbitt, Oikonomides 1991, p. 182). Константин Багрянородный помещал Климаты либо по соседству с Херсоном (Константин Багрянородный 1989, с. 37, 53), либо писал о крепостях климатов между Херсоном и Боспором (Константин Багрянородный 1989, с. 175) или о крепости близ Херсона (Константин Багрянородный 1989, с. 275). Вероятно, пятью климатами были Херсон и архонства с центрами в Доросе, на плато Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла. На другой печати К. Цукерман предложил читать иное название «Климатов и Херсона - τῶν Κλιμάτων καὶ Χερσῶνος» (Zuckerman 1997, p. 220). Однако в Херсоне, в районе горы Демерджи и в Сугдее найдены печати, стратега Климатов Херсона (... στρατηγῶ τῶν Κλιμάτων τοῦ Χερσῶνος) (Alekséenko 2012, p. 118-119). Очевидно, через некоторое время из названия фемы исключили топоним Климаты.

В рассмотренных письменных источниках только примыкавшие к Херсону архонства и их крепости именовали Климатами Херсона или Готии. Также эту область называли и в первой половине XIV в. В тексте XIV в. «Чудеса святого Евгения Трапезунтского» говорится о Херсоне и тамошних климатах Готии «...τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκείσε κλιμάτων Γόθίας, καὶ δημοσιακοῦ ἀρχοντος Ἀλεξίου...» (The hagiographic dossier 1996, p. 311; Степаненко 2019, с. 111).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 350 с.

Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 615-626.

Айбабин, А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38-45.

Айбабин А.И. О дате образования Крымской Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 71-78.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.) / Крым в истории, культуре и экономике России. Симферополь, 2017. – 366 с.

Алексеев Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Херсонесский Сборник. 1998. Вып. IX. С. 230-235.

Алексеев Н. А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 564-570.

Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173-190.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Москва. 2000. 447 с.

Константин Багрянородный. Об управлении государством. / Текст, перевод, комментарий Литаврин Г.Г., Новосельцев А.П. М. 1989.

Куник А.А. О записке готского топарха // Записки императорской Академии наук. СПб., 1874. Т. XXIV. С. 61-160.

Медведев И.П. К вопросу о не подлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160-172.

Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы. в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 689-700.

Никифоров М.А. Таврические климаты византийских источников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII. С. 570-586.

Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932а. Вып. XII. С. 107-152.

Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932б. Вып. XII. С. 181-212.

Степаненко В.П. К структуре византийского пограничья в Крыму // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина. Симферополь, 2019. С. 111-112.

Хайрединова Э.А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 208–221.

Храпунов Н. И. К вопросу о роли городской общины в управлении ви-зантийским Херсоном в VIII—XI вв. // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 111-131.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М.: Наука, 1980. – 216 с.

Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. VII. Симферополь. 2000. С. 311.

Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Band 98. Mainz, 2011. 276 S.

Alekséenko N. L'administration byzantine de Cherson. Cataloge des sceaux. Paris, 2012. P. 118-119.

Auzéry M.-F. La vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 69-86.

Darrouzès J. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris. 1981. 521 P.

Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Greek text edited by Moravcsik Gy. English translation by Jenkins R. J. H. Washington. 1967.

Lamertz E. Die Bischoflisten des VII. Ökumenischehen Konzils (Nicaenum II). München, 2004. 89 S.

Migne J. P. Patrologie Cursus Completus. Series Graeca. XCIX. Paris.1860. Vol. 99.

Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1. P. 182.

Nicephori archiepiscopi Constantinopolitam opuscula historica, ed. C. de Boor. Accedit Ignatii diaconi vita Nicephori. Bibl. script. Gr. et Rom. Teubn. 1880
Nikephoros patriarch of Constantinopole short history / Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990. - p. 247.

Leonis Diaconi. Historia. Edidit, versione latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase. Parisiis, 1819. P. 254C-259B.

Oikonomidès N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. P. 45, 48-49

Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. Pp. 115-188.

Theodori Studitae. Epistulae. T. I-II / H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell (Eds.). – Berolini, 1992. – 1007 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae).

The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scot. Oxford, 1997. 744 p.

The hagiographic dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. A Critical edition with Introduction, Translation, Commentary and Index by J.O. Rosenquist. Uppsala. 1996. – 650 p.

The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazdan. New York, Oxford, 1991. Vol. I-III.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. 292 p.

Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1997. Vol. 21. – P. 217-219.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А.
(ИАК РАН, г. Симферополь)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ В КРЫМУ (НА ПРИМЕРЕ НАХОДОК ИЗ ХЕРСОНА И ЕГО ОКРУГИ)

Уже не раз отмечалось, что среди археологических источников, определяющих основную составляющую для исследования проблем истории развития византийского Херсона, неизменный интерес представляют памятники сфрагистики.

В последнее время новые находки моливдовулов, несущих беспристрастную информацию об их собственниках, всё чаще и чаще существенно дополняют скудные сведения средневековых хронистов и немногочисленных памятников эпиграфики, позволяя в новом свете представить место и роль средневековой Таврики в интересах византийского государства и общества в различные периоды его истории. Сегодня печати находят в самых разных регионах Крыма, что в известной степени даёт возможность представить территорию византийского влияния на полуострове (Алексеевко 2011, с. 121–135; 2013а, с. 405–414; 2016а, с. 6–18). Но лидирующими по находкам печатей по-прежнему остаются византийский Херсон и его окрестности.

Ценность херсонской коллекции византийских печатей состоит в том, что на её основе представляется возможным не только проследить эволюцию органов местного управления и определить основные этапы формирования византийской администрации в Крыму, но и, благодаря данным сфрагистики, проникнуть в специфику взаимоотношений империи с периферией во всём их многообразии и особенностях. Что в свою очередь позволяет рассматривать моливдовулы как исключительно перспективный пласт источников, обладающих ценнейшей информацией как по истории собственно Херсона или региона в целом, так и по отдельным отраслям их развития.

Обнаружение в акватории Херсона целого комплекса византийских печатей VI–XIII вв. и до сих пор продолжающиеся находки новых булл, как на городище так и вне его, к настоящему времени позволили не только выстроить определенную модель административного устройства этой военно-административной области империи, но и показать её характерные особенности сначала связанные с организацией архонтии Херсона в VIII в., затем феми-стратегии в середине IX в. и, наконец, созданием во второй половине XI столетия катепаната Херсона и Хазарии (Алексеевко, 2017).

Официальные власти Херсона в целом предстают в образе традиционных должностных лиц имперской провинциальной администрации (стратиги, *ἐκ τρωσώπου*, коммерциарии, нотариусы), что безусловно свидетельствует о государственном характере их службы. В то же время появление своеобразных внетабельных чиновников местной администрации, не входивших в официальные списки обширного бюрократического аппарата империи (киры, экдик, патер полиса, протевонты) демонстрирует очевидную специфику в управлении провинцией, надо полагать, сохранявшей определённые привилегии для представителей местного нобилитета, поступивших на государственную службу.

Однако данные херсонских печатей представляют не только местных должностных лиц, входивших в аппарат управления провинцией, но и многочисленных представителей обширного имперского бюрократического аппарата, занимавших самые разные ступени в структуре чиновничьей иерархии, что собственно и даёт ценнейшую информацию о взаимоотношениях Херсона с окружающим миром, его контактах и связях с самыми разными корреспондентами.

Печати адресантов Херсона во многих случаях позволяют подтвердить или дополнить свидетельства письменных и других источников о самых различных сферах его жизнедеятельности, его сношениях с высшей властью – византийскими императорами и константинопольскими патриархами; придворной аристократией и центральной администрацией; различными гражданскими и военными ведомствами и службами, провинциальными епархиями и торгово-экономическими партнерами.

Блестящей иллюстрацией особой заинтересованности в Херсоне как проводнике и защитнике имперских интересов, неразрывно связанных с продвижением идей христианства, безусловно, являются находки печатей императоров (Алексеевко, 1999, с. 145–160; 2009, с. 249–253), константинопольских патриархов и периферийных церковных сановни-

ков (Юргевич, 1886, с. 20–21; Соколова, 1991, с. 209, 210, №№ 33, 40; 1992, с. 195, 196; Смычков, 1999, с. 124–129; Алексеенко, 1990, с. 25–29; 1999/2000, с. 95–103; 2004а, с. 260–264; 2007, с. 11–16; Алексеенко, Самойленко, 2008, с. 91–99; Alekseenko, Romancuk, Sokolova, 1995, p. 150–151. nr. 14).

Важное стратегическое положение Херсона, как форпоста империи обуславливало постоянное внимание к городу и со стороны различных чинов византийской армии и флота, о чем свидетельствуют находки печатей – комитов различных рангов, турмархов, турмархов, друнгариюв и стратигюв фем Сицилии, Эллады, Фесалоники, Кефалонии, Армениака (Алексеенко, 2008, с. 8–15; 2014, с. 69–83).

Анализ корреспондентских булл показывает, что Херсон не только не был обделен вниманием различных имперских и провинциальных ведомств, но, очевидно, играл весьма заметную роль в защите финансово-экономических интересов империи и в развитии международной торговли в причерноморском регионе (Алексеенко, 2013b, с. 275–285; 2015, с. 415–424). Находки печатей представителей фиска и таможен очерчивают вполне определенный ареал контактов местных чиновников со своими коллегами не только из столицы, но и центров Южного Причерноморья, Геллеспонта и малоазийского побережья Средиземноморья (Алексеенко, 1997, с. 122–133; 2004b, с. 265–275), существовавших по крайней мере с середины VII вплоть до второй половины XI столетия.

Таким образом, совокупность сфрагистических данных на современном этапе показывает достаточно широкий, но надо полагать далеко не исчерпывающий, спектр связей византийского Херсона – города-порта и города-стража с его спецификой и особенностями и даёт возможность во многом по-новому рассматривать его место и роль в кругу интересов Византийской империи в Северном Причерноморье (Алексеенко, 2016b, с. 133–149). В последнее время растёт не только количество самих печатей, но и ширится ареал их распространения по территории полуострова. Совсем недавно введены в научный оборот новые, ранее не встречавшиеся моливдовулы одного из фигурантов столичного элитного корпуса Великой этерии, императорского спафария Евстафия (вторая половина X в.), коммеркиария южно-понтийского города-порта Амиса Кирилла (конец VIII – начало IX вв.) и печати трёх известных византийских монастырей (X – рубеж XI/XII вв.) с Южно-понтийского и Малоазийского побережий (Алексеенко 2018а, с. 248–257; 2018b, с. 102–119; 2018с, с. 22–28). Но ещё ждут своих публикаций императорская печать Андроника III Пале-

олога (1328–1341) из Белогорского района, булла коммеркиария Понта Косьмы (первая половина IX в.) из окрестностей Феодосии, и целый ряд других интересных памятников.

Таким образом сегодня есть все предпосылки, что в дальнейшем нас ожидают большие перспективы новых находок и удивительные открытия не только в области византийской сфрагистики, но и в истории развития взаимоотношений византийской Таврики и Херсона как с окружающим их миром греческой ойкумены, так и центральными и периферийными регионами империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеенко Н.А. Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29.
- Алексеенко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона // Древности–1996. Харьков, 1997. С. 122–133.
- Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 145–160.
- Алексеенко Н.А. Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. Krakow, 1999/2000. NR 28/29. S. 95–103.
- Алексеенко Н. Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // Acta Musei Varnensis. Варна, 2004b, Т. 2. С. 265–275.
- Алексеенко Н.А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности 1999–2000. Харьков, 2004а. С. 260–264.
- Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // Sacrum et Profanum. Севастополь, 2007. Т. III. Небесные патроны и земные служители культа. С. 11–16.
- Алексеенко Н.А. Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // Судейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 8–15.
- Алексеенко Н.А. Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // Древности–2009. Харьков, 2009. С. 249–253.
- Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 121–135.

Алексеенко Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. Симферополь, 2013а. Вып. XVIII. С. 405–414.

Алексеенко Н.А. Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов коммерциариев как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века») // БИ. Керчь, 2013в. Вып. XXVIII. С. 275–285.

Алексеенко Н.А. Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой Мировой войны. Волгоград, 2014. С. 69–83.

Алексеенко Н.А. Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // ТГЭ. СПб., 2015. Т. LXIV. С. 415–424.

Алексеенко Н.А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. Волгоград, 2016а. Т. 21. № 5. С. 6–18.

Алексеенко Н.А. «И страж, и пастырь, и купец...»: византийский Херсон в зеркале данных сфрагистики // ВВ. М., 2016б. Т. 75 (100). С. 133–149.

Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017.

Алексеенко Н.А. Моливдовул коммерциария Амиса из византийского Херсона // БИ. Керчь, 2018а. Вып. XXXVI. С. 248–257.

Алексеенко Н.А. Новые данные о связях юго-восточной Таврики с имперским военным ведомством на рубеже X/XI вв. // АДСВ. Екатеринбург, 2018в. Вып. 46. С. 102–119.

Алексеенко Н.А. Традиции и новации в сфере межцерковных связей византийской Таврики (по данным памятников сфрагистики из Херсона и его округи) // XIX Боспорские чтения. «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новации и инновации» (Керчь, 21–25 мая 2018 г.). Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2018с. С. 22–28.

Алексеенко Н.А., Самойленко Ю.Н. Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // Acta Musei Varnensis. Varna, 2008. Т. VII (2). С. 91–99.

Смычков К.Д. Печати церковных иерархов из Херсона. // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 124–129.

Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 201–225.

Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 1992. Вып. 26. С. 191–203.

Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсонесе // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14. С. 1–21.

Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Washington, 1995. Vol. 4. 139–151.

АНТИПЕНКО А.В.

(НИЦИАК, КФУ им. В.И. Вернадского г. Симферополь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАТУНЕЙ У ВАРВАРОВ И ГРЕКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

Начало широкого использования сплава меди и цинка приходится на рубеж эр, что связано, прежде всего, с технологической сложностью процесса производства латуни. Со второго десятилетия I в. до н.э. некоторые города Понта, Мизии и Фригии начинают выпуск латунных монет, причем это явление в монетном деле необходимо, видимо, связать с экспансионистской политикой Митридата VI (Смекалова, Дюков, 2001, с. 85; Смекалова, 2017, с. 143). С I в. до н.э. латунь широко применяется в римской империи, сначала для производства монет и нужд армии, а затем и в декоративной металлообработке (Трейстер, 2008, с.185-186). Ко второй половине I в. до н.э. относится появление латуней в монетном деле Боспора. По данным, полученным Т.Н. Смекаловой для элементного состава боспорских анонимных оболочек из клада Полянка 1985 г., более половины из них выполнены из латуни, с вариацией содержания цинка от 1% до 17%. На основании отсутствия иных рецептурных примесей в составе сплава, сделан вывод о понтийском происхождении материала для изготовления монет (Смекалова, 2019). Таким образом, достоверно установлено, что использование латуни на территории Крыма начинается фактически одновременно с регионами, которым принадлежит первенство в этом вопросе.

Материалы Цемдолинского могильника (п-в Абрау) на юго-восточной периферии Боспора демонстрируют, что начиная с I в. н. э. латуни широко применяются для изготовления украшений и других предметов туалета (Равич, 2008, С. 274). Интересно, что латунь уже в это время

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00064.

применялась для изготовления фибул северопричерноморских типов – лучковых подвязных с верхней тетивой (Равич, 2008, табл. 54 №1, №5, №6). В могилах раннеримского времени, которые исследователи некрополя связывают с известными в исторических источниках аспургинями, найдены латунные фибулы с содержанием цинка до 22%.

К сожалению, не столь информативны данные, касающиеся металлообработки Херсонеса, однако известно, что с территории городища происходят вещи позднеантичного времени, в числе которых имеются латунные фибулы, браслеты и даже рыболовные крючки (Кадеев, Солнцев, Фомин, 1963, с.44-46). Отдельный интерес представляет находка на территории городища бронзового слитка первых веков нашей эры, со свинцом и цинком в качестве легирующих компонентов (Кадеев, Солнцев, Фомин, 1963, С. 44).

Процесс появления цинкосодержащих сплавов на памятниках европейской части России относится к рубежу I-II в. н.э. Именно к этому времени относится украшение из дьяковского слоя городища Настасьино, в металле этих изделий содержится 4-5% цинка в составе многокомпонентного сплава (Сапрыкина, 2018, с. 279). Вероятно, ко II веку латуни и многокомпонентные сплавы с цинком прочно входят в обиход на широких территориях.

При исследовании элементного состава цветного металла могильника Черная речка методом рентгенофлуоресцентного анализа был изучен 131 образец из погребений III-IV в. н. э. Для получения данных измерения проводились в 2-5 точках на поверхности изделия или его составных частях. При обработке результатов учитывались осредненные показатели. Статистический анализ элементного состава материала изделий проводился на основании содержания основных компонентов – меди (Cu), олова (Sn), свинца (Pb) и цинка (Zn). Поскольку для римского времени показательным моментом является наличие в составе сплава цинка, то были выделены группы в зависимости от его наличия и концентрации.

В первую группу (22,1% от общего количества исследованных вещей) выделены изделия, в составе которых цинк не обнаружен. Установлено, что основным легирующим компонентом выступает в данном случае олово, в среднем его содержание составляет около 5%, в исключительных случаях доходя до 22%, что возможно обусловлено требованием к материалу в зависимости от типа изделия (колокольчик). Приблизительно такой же является концентрация свинца - 4,7% (гистограмма 1).

Ко второй группе (24,4%) относятся изделия, в которых содержание цинка не превышает 1%. Вторым компонентом в сплаве также выступает олово, его фиксированные значения в среднем несколько выше, чем в предыдущей группе - 5, 6 %, среднее содержание свинца - 4,4% (гистограмма 2).

Третья группа (15,3%) включает в себя изделия, с концентрацией цинка от 1 до 5%, средние процентные значения олова и свинца несколько падают, соответственно до 4,1 % и 2%.

В четвертую группу входит наименьшее количество вещей (6%), процентные значения цинка варьируются в пределах от 5 до 10 %. Сплав вещей этой группы имеет незначительные концентрации олова, в среднем до 1,7% и десятые доли свинца.

Пятая группа (цинк от 10 до 15%) составляет 7,6 % . Содержание олова опускается еще до 1,2 %, наличие свинца - в пределах 1%.

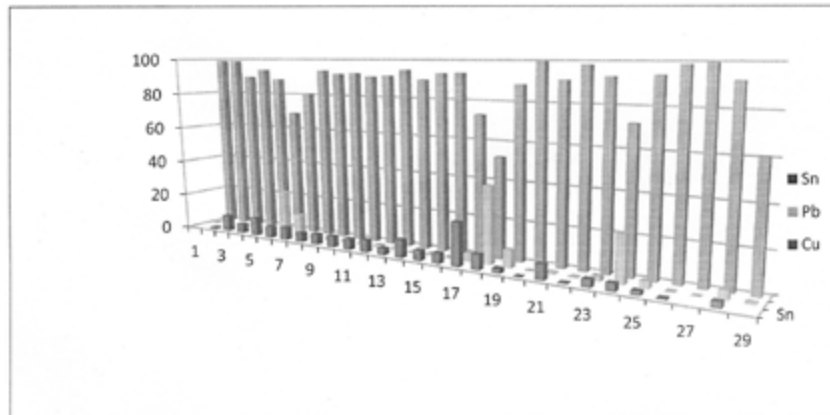
В последней, шестой группе содержание цинка превышает 15%, в отдельных случаях доходя до 22-24% (практически предельной концентрации для латуней, полученных способом цементации (Смекалова, 2017, с. 143)). В группу входит приблизительно четверть от исследованных вещей (24,4%), олово и свинец фиксируются в отдельных случаях, в количестве не более 1% (гистограмма 3).

Следовательно, из трехкомпонентных бронз (Cu+Sn+ Pb) изготовлено около половины всех изученных вещей (46,5%), еще 24,4 % из латуни с высоким содержанием цинка. Около 14 % изделий (группа четыре и пять) изготовлены также из латуни с небольшими примесями. И только в составе третьей группы практически в равных долях представлены компоненты, как бронзы, так и латуни. Интересно, что зависимость употребления сплава определенной рецептуры от типа изделий удалось зафиксировать только в одном случае - комплект конского снаряжения из склепа 4 (77) Чернореченского могильника был изготовлен из чистой латуни (Антипенко, 2018, с.77-78), что, возможно, служит продолжением традиции, бытовавшей на территории Римской империи, когда этот сплав, в первую очередь, шел на нужды армии. Из него готовили не только экипировку воинов, но и конскую амуницию (Трейстера, 2008, с. 186). Для изделий, изготовленных методом литья, предположительно местного производства, чаще применяли бронзу, в отдельных случаях имеющую следовые концентрации цинка. Ряд простейших по форме проволочных браслетов изготовлены из чистой меди.

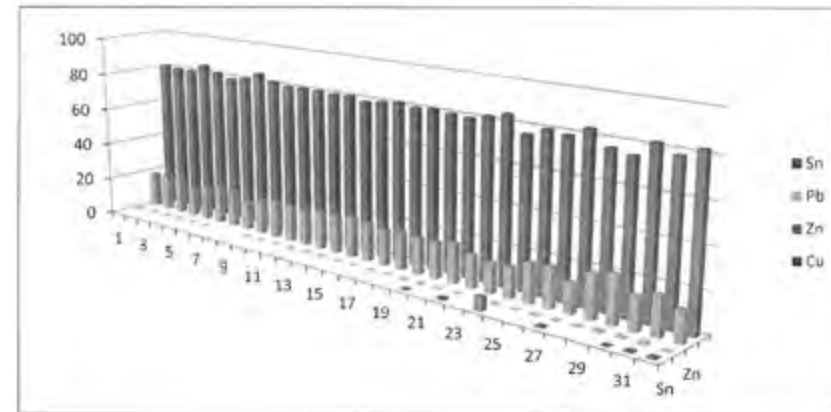
Ко II в. н. э. использование латуней, высоколегированных цинком, на территории Римской империи сокращается и на смену им приходят многокомпонентные сплавы (Сапрыкина, 2018, с. 278). Возможно, что отражением этой тенденции служат результаты исследования металла из могильника Черная речка. Не исключено, что процесс смены рецептуры сплава, который для Крыма, лишенного своих рудных запасов, напрямую зависел от внешних поставок сырья, по-разному происходил для античных центров и варварских племен. В связи с этим, полученные данные скорее служат для определения перспективных направлений в исследованиях и очерчивают круг задач, которые возможно решить с применением знаний об элементном составе находок.

ЛИТЕРАТУРА

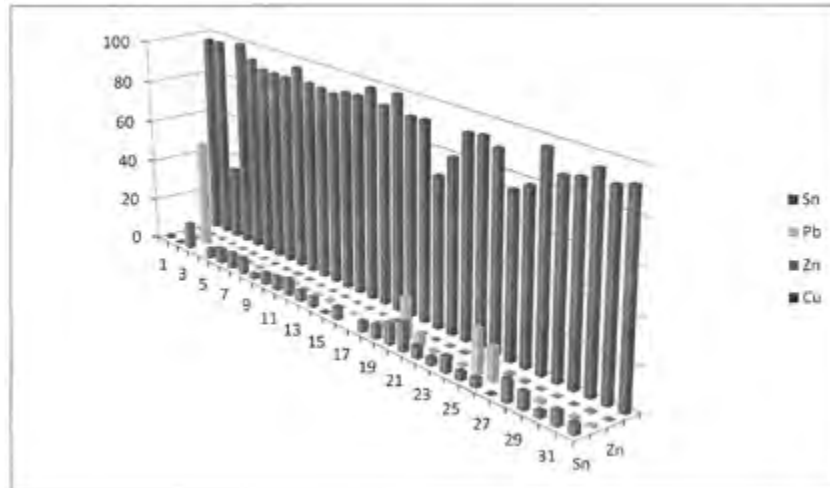
- Антипенко А.В. Снаряжение верхового коня из склепа 4 (77) Чернореченского могильника // МАИЭТ. – 2018. - Вып. XXIII. – С.70-85
- Кадеев В.И., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. О технологии изготовления некоторых металлов в позднеантичном Херсонесе// СА. - №1. – 1963. – С. 43-48
- Равич И.Г. Химико-технологическая характеристика изделий из цветного металла из погребений некрополей в Цеммеской долине и Широкой Балке (I-III) //Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя.- М.: Гриф и К, 2008. – С.272-278
- Сапрыкина И.А. Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зон конца I тысячелетия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э.: «индекс романизации»// Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. – М.: Ин-т археологии РАН, 2018. – С. 277-287
- Смекалова Т.Н. Дюков Ю. Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. – СПб.: Из-во Санкт-Петербургского университета, 2001
- Смекалова Т. Н. Изобретение чеканки монет разных номиналов из разных сплавов на медной основе // Stratum Plus. - 2017. - № 6. - С. 139-148.
- Смекалова Т.Н. Новые данные о чеканке Боспора времени Митридата VI // ВДИ. – 2019 (в печати)
8. Трейстер М.Ю. Импортная металлическая посуда из Цемдолинского некрополя //Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя.- М.: Гриф и К, 2008. – С.181-187

Гистограмма 1. Содержание основных легирующих компонентов в группе 1

Гистограмма 3. Содержание основных легирующих компонентов в группе 6

Гистограмма 2. Содержание основных легирующих компонентов в группе 2

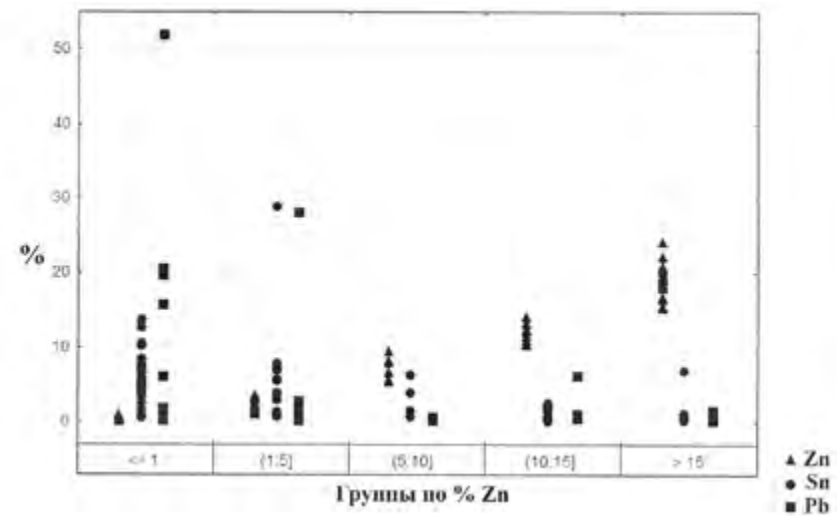

График распределения групп по основным компонентам сплава

АХМАДЕЕВА М.М.

(Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

ПОЛТОРА ВЕКА ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКРОПОЛЯ АНТИЧНОЙ ФЕОДОСИИ

Широко известно, что исследования античной Феодосии, как и подавляющего большинства памятников Северного Причерноморья, были начаты с изучения городского некрополя. Начавшись в 1851 – 1852 гг с раскопок хранителя Феодосийского музея древностей Е.Ф. де Вильнева и князя А.А. Сибирского, работы были продолжены масштабным проектом гениального художника-мариниста, уроженца и большого патриота Феодосии И.К. Айвазовского. В ходе этих раскопок был обнаружен, в том числе, и ряд шедевров античного ювелирного искусства, до сих пор составляющих гордость коллекции Государственного Эрмитажа, что, безусловно, в то время привлекло к феодосийским древностям широкое внимание. Однако, на этом достижения проекта, к сожалению, исчерпываются, поскольку, все просьбы министра уделов графа Л.А. Перовского к Айвазовскому о соблюдении минимальных методических требований, как то: составление описи вещей из каждого кургана, указание расположения курганов на плане местности и т.д., так и остались не услышанными. На сегодняшний день невозможно даже установить общее число погребальных памятников, раскопанных в 1853 году, как и их топографию - в описаниях присутствует лишь очень широкий ориентир «на гребне горы к югу от Карантина». Уже через три года, в 1856 году, курганный некрополь Феодосии исследовался А.Е. Люценко, отчеты которого содержат подробные сведения об открытых памятниках, но, к великому сожалению, не сохранили иллюстративную часть. Не останавливаясь на деталях исследований середины XIX века, которые достаточно подробно освещены в ряде публикаций (Петрова 2000, 2002; Катюшин, 2007; Тункина 2011), можно суммировать этот этап следующим образом. Всего было раско-

пано чуть менее 40 курганных насыпей (если принимать минимальное из возможных число курганов, открытых И.К. Айвазовским), локализовать которые можно очень приблизительно – на вершине Тепе-Оба, и лишь в отчете А.Е. Люценко местоположение указано чуть подробнее, с привязкой к «дороге, ведущей к часовне Св. Пророка Ильи», т.е. в восточной части хребта. Этот же документ дает возможность составить общее представление о феодосийских курганах, исследованных в этот период: чаще всего это довольно крупные, 30 – 50 м в диаметре, насыпи, сложенные целиком либо в большей мере из дикарного камня. Под насыпью чаще всего располагалась «жженная гробница» - небольшая яма, устроенная в материке, иногда обложенная камнями и заполненная пеплом, углем и кальцинированными костями; 2 кургана содержали черепичные гробницы; в одном случае был открыт каменный склеп с резным деревянным саркофагом внутри. Погребальный обряд везде представлен трупосожжением, кроме единственного случая захоронения в деревянном саркофаге. Датировка открытых курганов лежит в пределах IV в до н.э. После работ 1850-х гг к некрополю Феодосии исследователи обращались лишь в 1894 году, когда А.Л. Бертъе-Делагардом были проведены пробные раскопки десятка насыпей, по его признанию «с малым успехом» (фон Штерн 1906, 88). Сведений об этих работах также крайне мало.

Первые систематические исследования нескольких феодосийских курганов были проведены экспедицией по изучению водоснабжения древнего Крыма, организованной ГАИМК совместно с ВНИТО водоснабжения и санитарной техники, проектно-изыскательской конторой «Коммунстроя» и ГИМ. (НА ИИМК РАН, Ф.2, Оп.1-1934, д. 209). Целью экспедиции было проверить гипотезу феодосийского лесничего Ф.И. Зибольда, согласно которой щебневые кучи, разбросанные по склону и на вершине Тепе-Оба, представляют собой древние гидротехнические сооружения, «конденсаторы влаги», предназначенные для снабжения города питьевой водой (Катюшин 1994, с. 1-2). Отчеты, хранящиеся в фондах НА ИИМК РАН, содержат сведения о том, что экспедиция осмотрела более десятка указанных Ф.И. Зибольдом насыпей, из них на трех были проведены детальные обмеры: «щебневая куча в лесничестве №1»¹, «щебневая куча в лесничестве №2, у дороги Вещицкого» и «щебневая куча у Еврейского кладбища». Несмотря на то, что общего плана с расположением исследованных курганов нет, локализовать эти памятники все же можно, опираясь на План Феодосийского горнокультурного лесничества,

¹ Названия насыпей даны по отчетной документации

составленный в начале XX века (НА ФМД, Д-3424). Судя по всему, на этапе планирования работ, руководство экспедиции опиралось именно на этот документ. Небольшие раскопы были заложены на двух памятниках: на «щебневой куче №1 в лесничестве» и у Еврейского кладбища. Поскольку целью работ был поиск возможных подходящих к «конденсатору» водоотводящих коммуникаций, то и методика раскопок была избрана соответствующая, а именно – траншеи, зачастую сложной конфигурации, опоясывающие основание насыпей. В результате проведенных изысканий, экспедиция пришла к выводу о том, что щебневые кучи на Тепе-Оба определенно не являются гидротехническими сооружениями, а возможно, представляют собой грунтово-каменистые насыпи курганов (НА ИИМК РАН, Ф2, Оп.1-1935, д.84).

В 1973 году А.И. Айбабиным был доследован курган, поврежденный при строительных работах (Айбабин, 1978, 80-84). Памятник входил в группу из пяти насыпей и располагался рядом с маяком на мысе Ильи. Под щебнисто-грунтовой насыпью диаметром порядка 12 м и высотой до 1,25 м была открыта каменная гробница размерами 1,2 X 1,3 X 0,95 м, сложенная из шести крупных хорошо подогнанных блоков и перекрытая двумя массивными плитами. Конструкция содержала расписную амфору, использованную в качестве погребальной урны, на основании которой автор раскопок и датирует открытый комплекс в пределах конца IV – середины III в до н.э.

Наиболее полное на сегодняшний день представление о деталях обряда, конструкции и погребальном инвентаре некрополя Феодосии дают результаты изысканий, проводимых Е.А. Катюшиным в 1977 – 1979, 1982 и 1994 гг. Работы проводились на участке северного склона Тепе-Оба, в 300 м южнее окраины современной застройки, в непосредственной близости к югу от старого Караимского кладбища² (за исключением сезона 1994 года, когда изучался памятник на вершине хребта Тепе-Оба). Всего в течение указанных 5 полевых сезонов было исследовано 6 погребальных комплексов. Датировка всех открытых памятников лежит в пределах IV в до н.э. Суммируя результаты своих наблюдений, сделанных в ходе работ на некрополе, Е.А. Катюшин выделил 4 основных типа погребального обряда (Катюшин, 1979, 27):

1. Кремация с последующим захоронением праха в стороне от кострища

² Называемого в текстах отчетов экспедиции ГАИМК 1934-35 гг «Еврейским кладбищем»

Этот тип представлен 4 погребениями, самым ярким из которых является комплекс кургана, исследованного в 1994 году (Катюшин, 1994; Бейсанс и др., 1997, 54-56). Небольшая насыпь, диаметром около 10 м и высотой 0,7 м, сформированная прослойками серого суглинки, светлой глины и гуммированного суглинки, в южной части была частично перекрыта мощной наброской из щебня. В основании насыпи, под слоем древесных углей и золы мощностью до 0,3 м, было обнаружено место кремации общей площадью порядка 10 м². Сожжение было совершено в слегка заглубленной в материк гробнице размерами 2,3 X 0,85 м, на дне которой располагался настил из сосновых плах, скрепленный 6 довольно крупными железными гвоздями. Небольшое количество кальцинированных костей, обнаруженных в гробнице, указывает на то, что прах кремированного был собран, и, скорее всего, захоронен отдельно. О восточной ориентации свидетельствует бронзовая монета, найденная в этой части гробницы. Инвентарь погребения, кроме этого, состоял из краснофигурной аттической пелики, гончарной кастрюли, плохо сохранившегося железного предмета и кидской амфоры. В тризне, сопровождавшей сожжение, и расположенной в 0,5 м южнее гробницы, была обнаружена крупная урна, использовавшаяся, по мнению автора раскопок в качестве курильницы, расписная амфора-гидрия и несколько, как минимум, два сетчатых лекифа. Последние, как и кидская амфора, принадлежащая елизаветовскому варианту I типа (Монахов, 2003, стр. 102, таб.71), определяют дату сожжения первой четвертью IV в до н.э. Этому, в целом, не противоречат и находки краснофигурных сосудов, сделанные в каменной наброске, и, судя по всему, представляющие собой остатки чуть более поздней тризны: это фрагменты, как минимум, двух кратеров и высококачественной пелики с изображением управляющей четверкой лошадей Ники. Отсутствие каких-либо украшений в составе инвентаря, по мнению Е.А. Катюшина, указывает на принадлежность погребения мужчине.

2. Кремация с последующим возведением насыпи

Отличается от предыдущего типа лишь тем, что прах кремированного оставался на месте сожжения. К этому типу относится центральное мужское погребение, открытое в кургане на раскопе I в 1978 – 1979 гг. Под грунтовой насыпью диаметром порядка 15 м и высотой до 0,35 м открыто кострище в виде круглого углубления площадью до 10 м², в центре которого расположена слегка заглубленная гробница размерами 2,25 X 1,5 м. В заполнении ее обнаружены кальцинированные кости и остатки деревянного настила в виде большого количества сосновых

углей. Ориентировка погребенного – головой на юго-восток. В состав сопроводительного инвентаря входила найденная среди костей черепа бронзовая монета плохой сохранности, пастовая бусина, железный стригиль и краснофигурная пелика. У головы погребенного зафиксированы остатки заупокойной пищи в виде клешней крабов и косточки маслины. Е.А. Катюшин датировал погребение второй половиной – концом IV в до н.э. на основании особенностей росписи краснофигурной пелики.

3. Детские захоронения в амфорах

Пока известно три таких случая: это погребения №2, 3 и 4, впущенные в насыпь кургана на раскопе I и исследованные в 1978 году. Все три были сделаны в боспорских, по мнению исследователя, амфорах IV – III вв до н.э.

4. Кремация во впускной земляной гробнице

Подобное погребение встречено однажды – это сожжение №1, открытое в раскопе III в 1979 году. Стратиграфия данного участка некрополя ясно указывает на то, что рассматриваемое погребение было впущено в уже существующую насыпь, причем, спустя относительно короткое время после ее формирования. Место кремации было устроено в яме размерами 3,2 X 1,5 м, в центре которой находилась могильная яма размерами 1,8 X 0,8м. В верхней части заполнения могилы сохранились остатки перекрытия из сосновых жердей, скрепленных крупными железными гвоздями. На дне могилы находился прах кремированной женщины, ориентированной головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь был представлен двумя бронзовыми монетами плохой сохранности, обнаруженными среди костей черепа, бронзовой височной подвеской, бронзовым зеркалом, сетчатым лекифом и двумя краснофигурными лекифами с пальметками. Среди костей левой руки найден золотой перстень. Автор раскопок отнес погребение к середине – второй половине IV в до н.э на основании керамических находок.³

Последние два из отмеченных типов погребений – впускные, причем, в хронологическом отношении они недалеко отстоят от центральных погребений, или, по крайней мере, от времени формирования насыпей, с ними связанных. Стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе раскопок феодосийских курганов, свидетельствуют о том, что насыпи формировались в несколько этапов, каждая подсыпка была связана с очередным погребением, при этом в двух случаях центральное погребение оказывалось смещено относительно геометрического цен-

³ Как кажется, эту дату можно несколько опустить до первой половины IV в до н.э., опираясь на современные представления о хронологии аттической керамики.

тра насыпи. Это обстоятельство позволило Е.А. Катюшину справедливо предположить, что такие погребальные памятники, скорее всего, служили семейными усыпальницами. Характерные черты, зафиксированные при исследовании данного участка феодосийского некрополя, как то: обряд трупосожжения, «обол Харона», отсутствие предметов вооружения в инвентаре, находки железных стригилей и некоторые другие, дают основание вслед за М.И. Ростовцевым (Ростовцев, 1925, 253) видеть в населении, оставившем эти погребальные памятники, прежде всего, греков.

В 2017 году начала свою работу Феодосийская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. Основной задачей экспедиции является комплексное исследование южного предместья античной Феодосии, расположенного на северном склоне и вершине Тепе-Оба, в первую очередь, это локализация и оценка современного состояния отдельных участков феодосийского некрополя, анализ его пространственной структуры. За прошедшие два сезона удалось определить местоположение ряда крупных насыпей, указанных на Планах феодосийского ландшафта начала XX века и в отчетах экспедиции ГАИМК 1930-х годов. Самым интересным оказался курган, значащийся под наименованием «щелбевая куча №2» в отчетах экспедиции ГАИМК. Помимо обычных для феодосийских курганов повреждений, полученных в ходе исследований середины XIX века, этот памятник также подвергся грабительским раскопкам и совсем недавно, в результате чего была открыта погребальная камера и примыкающая к ней часть дромоса. Камера сложена из грубо обработанных камней, часто поставленных на ребро, система кладки в целом напоминает полигональную. Размеры камеры составили 3,5 X 2,5 м, максимальная высота кладки достигает 2 м. С юго-востока в камеру вел дромос шириной около 0,6 м. В 0,6 м западнее дромоса на уровне пола камеры расположена небольшая ниша, сложенная из двух орфостатно поставленных плиток, камня основания и двух камней, образующих подобие навеса над ней. Эти два последних камня ясно указывают на то, что ниша была сооружена одновременно с камерой. Этот пример, как и работы Е.А. Катюшина, ясно указывают на то, что, несмотря на внешние порой удручающие повреждения насыпей, перспективы исследования таких курганов несомненны. Принимая во внимание крайне низкую степень изученности некрополя античной Феодосии, а также зафиксированные в ходе разведок многочисленные следы недавнего тотального ограбления, необходимость систематического изучения этих памятников становится более чем очевидной.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Античное погребение в Феодосии // КСИА №156, 1978, с. 80-84

Бейсанс Д., Жиода А., Морель Жан-Поль, Катюшин Е.А., Евсеев А.А. Раскопки на окраине Феодосии // Археологические исследования в Крыму. Симферополь. 1997.с. 54-57

Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. Феодосия. 2007

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва-Саратов. 2003

Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь 2000

Петрова Э.Б. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский // Проблемы истории, филологии, культуры. XII. Москва – Магнитогорск. 2002. С. 598 – 607

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград. 1925

Тункина И.В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771 – 1871 гг. Киев. 2011

фон Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика. Одесса. 1906

АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ

О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1934 году: Научный архив ИИМК РАН. Рукописный фонд: Ф2. Оп. 1-1934. Д. 205-209, 210а; Р-1, Арх.1000, инв. 7959-7966, л. 1-8; Фотоотдел: О.1082, О.1083

План Феодосийского опытного горнокультурного лесничества Феодосийского уезда Таврической губернии. Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 56/10, Д-3424

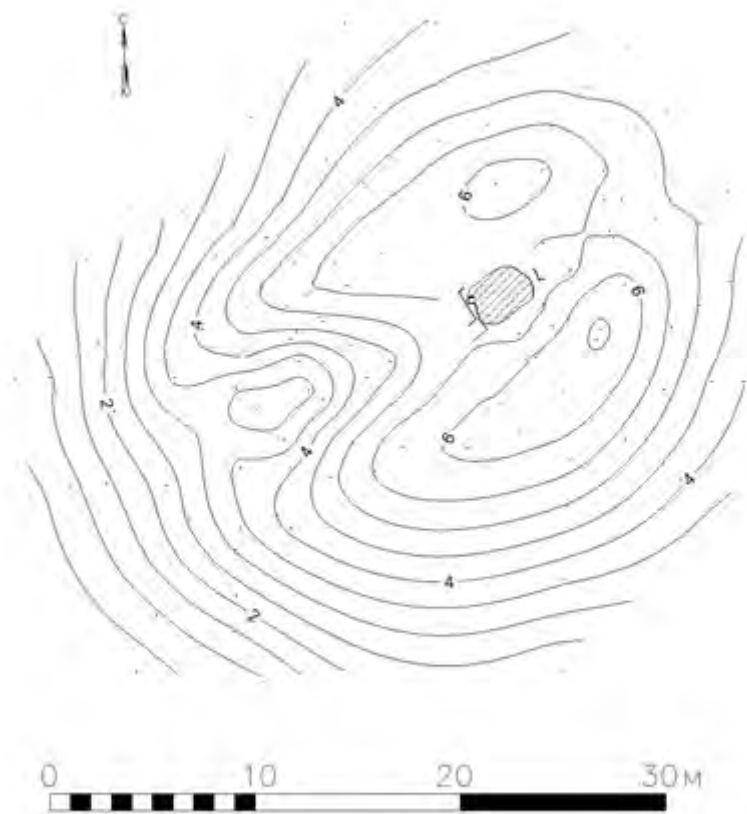
Катюшин Е.А. Отчет о раскопках Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1977 году. Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 26671, НА-369.

Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отряда Феодосийского краеведческого музея в 1978 году. Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 28051, НА-426.

Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отряда Феодосийского краеведческого музея в 1979 году. Научный архив Феодосийского музея древностей. КП 53957, НА-514.

Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии археологического отряда Феодосийского краеведческого музея в 1982 году. Научный архив Феодосийского музея древностей.

Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии в 1994 году. Научный архив Феодосийского музея древностей. №641/674

Илл.1. Курган 2, план

Илл.2. Курган 2, камера

БЕЛИК Ю.Л.
(ГБУ РК «ВКИКМЗ», Керчь)

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КРЕПОСТЕЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Изучение крепостей XVIII-XIX вв., располагавшихся на Керченском полуострове, начато относительно недавно. Еще в XVIII-XIX вв. путешественники обращали внимание на укрепления, которые им довелось увидеть. Путевые заметки отражали состояние оборонительных сооружений на момент вхождения Восточного Крыма в состав Российской империи.

В связи с ограниченным количеством исследований, посвященных крепостям Керченского полуострова, эти свидетельства важны для накопления научных знаний. Они отличаются пространной описательностью, однако в них не рассматриваются структурные особенности крепостей, нет сведений о планировке. Не всегда точны данные, касающиеся происхождения названий, времени строительства объектов. Особый интерес представляют труды Луиджи Фернандо Марсильи, русского военного инженера Томилова, П.С. Палласа, Жильбера Ромма, Фредерика Дюбуа де Монпере, И.Э. Тунманна и др.

В XIX в. в связи с возросшим интересом к античной истории особо пристальное внимание было уделено изучению городов Боспорского царства, располагавшихся на Керченском полуострове. Так как некоторые из объектов археологии были обнаружены в границах уже существовавших укреплений, то при изучении сохранившихся археологических памятников детально описывали и расположенные вблизи крепостного сооружения. В работах многих выдающихся археологов, в частности П. Дюбрюкса, А.Е. Люценко, И.П. Блаرامберга, В.В. Шкорпила, С.А. Шестакова, Н.Ф. Федосеева, В.Н. Зинько, Т.Н. Смекаловой, Ю.А. Виноградова, А.А. Масленикова и др., есть ценные сведения об оборонительных сооружениях, располагавшихся на этой территории.

В XX веке крепости Керченского полуострова рассматривались в обобщающих работах по истории Крыма (Е.И. Дружинина, С.Ф. Орешкова, М.Б. Михайлова, Г.А. Санин, Н.В. Быковская, Е.Д. Артеменко).

В работах В.И. Тимофеенко, С.Г. Бочарова, А.Г. Герцена, С.Г. Колтухова, В.В. Яковлева, В.А. Андреева, В.М. Стародубцева, А.Н. Носкова, П.В. Панухина, Ю.Л. Белика памятники оборонительного зодчества детально рассматриваются уже как уникальные объекты фортификации.

На сегодняшний день исследователям удалось:

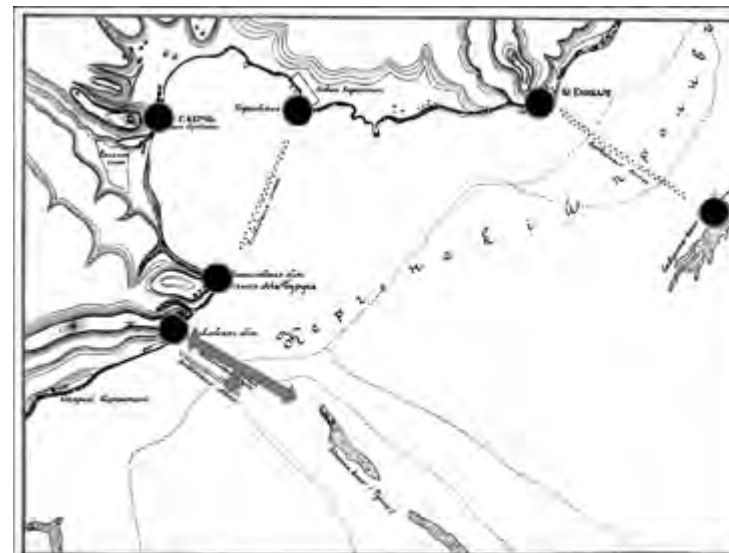
1. Собрать достаточно большую базу разнообразных источников по истории оборонительных сооружений Керченского полуострова.
2. Провести анализ доступных источников.
3. Охарактеризовать фортификационные особенности ряда сооружений.
4. Реконструировать отдельные постройки крепостей Керчь и Ени-Кале.
5. Исследовать обеспечение крепостей артиллерией.

В тоже время изучение крепостей еще далеко от завершения. Во-первых, в настоящее время не существует обобщающей работы об оборонительных сооружениях XVIII- XIX вв., расположенных на территории Керченского полуострова. Во-вторых, как показали последние архивные изыскания, мы еще не обладаем полной информацией об истории строительства крепостей. Ряд источников просто утрачен. В-третьих, характеристика фортификационных сооружений не полная и требует уточнения в связи с введением в научный оборот новых источников. В-четвертых, археологические изыскания на объектах фортификации не проведены в полном объеме. В-пятых, полевые фортификационные сооружения слабо изучены. Что не позволяет воссоздать всю историю оборонительных построек на Керченском полуострове.

Исследование объектов фортификации несомненно имеет большое значение. Детальный анализ объектов оборонительного зодчества позволит уточнить историю самих сооружений, а также понять развитие, эволюцию в целом крепостей на территории Керченского полуострова.

Илл. 1.. Крепости XVIII в. расположенные на Крымском полуострове

Илл. 3. Укрепления середины XIX в. периода Крымской войны

Илл.2. Схема расположения укреплений конца XVIII – второй половины XIX вв. на Керченском полуострове

Илл. 4. Крепость Керчь (XVIII – начало XIX вв.)

Илл. 5. Крепость Ени-Кале

Илл. 6. Керченская крепость (вторая половина XIX в.)

БУКИНА А.Г.
(Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

ВСАДНИК СРЕДИ ВАКХАНТОВ: РЕДКАЯ АТТИЧЕСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

В Эрмитаже хранится аттический краснофигурный чашевидный кратер (salix-krater), приобретенный в 1886 году у Стефана Верковича (1821–1894). Прежний владелец оставил неординарный след в политической истории и культуре балканских народов в период их национального возрождения. Веркович посвятил себя делу объединения южных славян и освобождения их от турок и австрийцев. Служа этой цели, он вел тайную пропаганду в пользу сербского правительства на территории, включающей современную греческую провинцию Македония и республики бывшей Югославии. Веркович собирал для сербского правительства сведения о местных делах, подписывая свои отчеты оперативным псевдонимом, и так стал статистиком, фольклористом и этнографом. Кроме того, он был «скупителем древностей»: Веркович покупал на территории всех европейских провинций Турции произведения искусства и разные памятники культуры, чтобы они остались достоянием единого славянского народа Балкан, а не погибли в небрежении. Предметы, которые он поставлял как в Белград, так и своим частным клиентам, хранятся в собраниях Сербии, Хорватии, Болгарии, Германии, Дании, Италии, Франции, Великобритании и России.

Ваза, которая хранится в Эрмитаже, по сведениям продавца, была найдена на «древнем кладбище возле развалин города Аполлонии недалеко от реки Струми» в районе города Серре. Речь идет об одной из Аполлоний, существовавших в античном мире – Аполлонии Македонской; вопрос о ее локализации все еще обсуждается. Аттическая краснофигурная ваза, в самом деле, могла быть найдена в районе Серре (античный Сирус Пеонский). В пятнадцати-двадцати километрах от него на западном берегу реки Струма (греч. Стримон) исследовано несколько

некрополей, где есть греческие изделия конца VI – IV вв. до н. э., в том числе – целые краснофигурные вазы. Впечатляющие развалины находятся в местечке Калокастро (вероятно, там в V в. до н. э. была основана античная Эвпория).

Ваза была куплена разбитой, а склеили ее в Эрмитаже, очевидно, в конце XIX века.

Результаты стилистического анализа декора свидетельствуют о том, что роспись лицевой стороны кратера исполнена Мастером Геракла, одним из лучших аттических вазописцев второй четверти IV в. до н. э.

Исследование комплекса иконографии изображений на лицевой стороне и под ручками вазы показывает его необычность. Возможно, речь должна идти о единственной в своем роде росписи, созданной по особому случаю или в соответствии с особым заказом.

Центральную часть росписи занимает фигура безоружного юного всадника в плаще на белом коне. Юноша подносит к лицу (утраченный сейчас) цветок или бутон. Эта фигура помещена под деревом (судя по очертаниям ветвей, это может быть лавр). На некоторых краснофигурных аттических вазах этого периода лавровая ветвь осеняет, например, изображение возницы (определенно, в знак прославления победителя). Иными словами, изображен герой, осененный лавром и овеянный сладким ароматом, который он вдыхает.

Четыре остальные фигуры (сатир, юноша и две вакханки) составляют обычный вакхический фиас. Для изображений фиаса в иконографии аттической краснофигурной вазописи IV в. до н. э. не характерны фигуры всадников на конях, если они не конкретизированы дополнительными атрибутами в качестве тех или иных персонажей дионисийского круга. Единственным сопоставимым иконографическим комплексом может послужить комплекс с амазонками и вакханками. В этом случае те и другие мыслятся как выходящие за пределы греческого социокультурного норматива, а, значит, как варвары.

Рассматривая необычное изображение на кратере в Эрмитаже, мы должны отметить специфический интерес жителей периферии античного мира (в частности, Пиренейского полуострова, Боспора) к аттическим кратерам в качестве элементов инвентаря могил и тризн. Нужно принять во внимание предполагаемые обстоятельства находки вазы (в некрополе, в разбитом виде). В свете этого мы можем интерпретировать роспись на ней как отражающую, с одной стороны, заведомо погребальное назначение сосуда, а с другой – негреческое (варварское) происхождение заказчика и изображенного всадника.

БУТЯГИН А.М.
(Гос. Эрмитаж, С-Петербург)

20 ЛЕТ РАБОТ МИРМЕКИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В 2018 году Мирмекийская археологическая экспедиция отработала свой двадцатый сезон на городище Мирмекий. Это хороший повод рассмотреть основные результаты работ, а также их возможные перспективы. Некоторые планы были выполнены, другие удалось исполнить только частично, зато некоторые успешные исследования заранее не планировались и стали результатом изучения незапланированных объектов.

В 1999 году, в первый сезон работ раскопки сосредоточились в западной части городища, где было решено доследовать средневековые и античные объекты, частично затронутые раскопками 1994 года, после которого исследования памятника были прерваны. Как только было закончено доследование комплексов, экспедиции были поставлены более масштабные задачи. Общей целью работ экспедиции является уточнение хронологии развития и топографии городища на разных этапах его развития. Для этого были поставлены следующие задачи – изучение окружи акрополя городища, а также самого акрополя, если это окажется возможным, а также изучение развития городища в позднеархаический период, с особым вниманием к району зольника 2, под которым в 1960-х гг. были открыты на значительной площади постройки этого времени.

Для исполнения первой из этих целей в 2000 году начались раскопки на участке «Т» с восточной и на участке «С-91» с западной стороны акрополя. Целью было полное изучение полы скалы карантинного мыса. В результате этих работ через несколько лет раскопы «С» и «Т» сомкнулись, образовав единый участок «ТС». Шурфовки непосредственно на скале показали, что культурный слой здесь сохранился отдельными

небольшими пятнами, перекрытыми слоем портового карантина, что, к сожалению, делает работы здесь относительно малоперспективными.

В целях изучения центральной части городища в 2001 году было принято решение продолжить раскопки непосредственно на территории участка «И», исследованного Боспорской экспедицией ГАИМК-ИИМК-ЛО-ИА РАН в 1939-1966 гг. Предварительное изучение полевой документации показало, что, во-первых, на части территории раскоп не был доведён до материка, в связи с прекращением работ экспедиции, во-вторых, предполагалось, что материк не везде был правильно определён, и есть вероятность обнаружить здесь неисследованный культурный слой. Первоначально раскоп должен был иметь весьма небольшую площадь и затронуть только одну многокамерную постройку, но результаты, продемонстрировавшие значительную плотность недоследованного культурного слоя, вынудили обратить на этот участок самое пристальное внимание. В результате, для увеличения исследования площади позднеархаической застройки, было принято решение доследовать часть зольника 2, частично разрушенную укрытием военного времени. В течение 2009-2010 гг. Все силы экспедиции были сосредоточены именно на этом участке.

Успехи, достигнутые на участке «И» привели к мысли доследовать до материка южную часть участка «М», расположенного на восточной границе городища. Раскопки 2017-18 гг. выяснили, что сой был исследован до материка, но в нём были обнаружены весьма интересные объекты. В результате раскопки продолжились в южном направлении, с целью изучения открытых объектов.

Помимо этого, незначительные работы производились на небольшом участке «У» в восточной части памятника и на территории пансионата «Киев» (ноне «Москва-Крым»), а также производились разведки с целью изучения округа Мирмекия. Эти работы не привели к каким-либо значимым результатам.

В результате этих масштабных работ (в последние годы количество одновременно задействованных в раскопках работников превышает 100 человек) некоторые из поставленных задач были выполнены, а также были достигнуты некоторые неожиданные успехи. Так как главной целью исследования является уточнение этапов развития памятника и их хронологических границ, расположим эти сведения в хронологическом порядке.

Неожиданным было обнаружение двух погребений эпохи поздней бронзы (предположительно 11-9 вв. до н.э.) у подножия скалы акрополя. Та-

ким образом, можно уверенно утверждать, что на территории городища находился некрополь и, вероятно, поселение эпохи бронзы (об этом свидетельствуют разрозненные находки из более ранних раскопок). Никаких доказательств существования поселения непосредственно предшествовавшего греческой колонизации не обнаружено.

Не смотря на активные работы экспедиции на тех участках, где были обнаружены фрагменты самой ранней керамики на памятнике, обнаружить новые участки раннего поселения не удалось, хотя фрагменты 2-ой четв. 6 в. до н.э. встречаются повсеместно на участке «ТС». В то же время удалось обнаружить две полуземлянки, относящиеся к 3-ей четв. 6 в. до н.э. в центральной части памятника на участке «И», где начало позднеархаической застройки предполагалось не ранее рубежа 6-5 вв. до н.э. Таким образом, установлено, что размер поселения в 6 в. до н.э. был существенно больше.

Не менее важным открытием было обнаружение в границах участка «М» некрополя второй половины 6 в. до н.э., в котором были обнаружены захоронения младенцев в амфорах, скорченные погребения и труположения на спине в грунтовых ямах. Эти погребения не были замечены исследователями Мирмекия в ходе раскопок участка. На данный момент это самые ранние погребения греческого Мирмекия, особенно интересно разнообразие обряда, а также наличие детских погребений греческой традиции, что однозначно указывает на оседлый характер поселения и греческий состав населения уже после середины 6 в. до н.э.

Усилия экспедиции по изучению развития позднеархаического города увенчались очевидным успехом. Отдельные элементы застройки этого времени удалось открыть на участке «С» и «Т», возле скалы акрополя была найдена часть оборонительной стены, продолжавшая фортификацию 6 в. до н.э., но наиболее интересные наблюдения были сделаны на участке «И». Здесь, частично на участке, исследованном в 1960-х гг., частично под раскопанной экспедицией Эрмитажа насыпь зольника 2 удалось открыть остатки частично вымощенной улицы и прямоугольный квартал, в который входили, как минимум, три домохозяйства. Квартал был построен на рубеже 6-5 вв. до н.э. и, после некоторых перестроек погиб во 2-ой четверти 5 в. до н.э. Это открытие позволило уверенно восстановить облик центральной части позднеархаического Мирмекия.

Не смотря на большие площади работ, за эти два десятка лет удалось открыть сравнительно небольшое количество объектов, относящихся к периоду классики. Это, отдельные ямы, слой и небольшое, хотя

и хорошо сохранившееся помещение на участке «И», а также часть дома на участке «С», где удалось обнаружить фрагмент рыбного блюда и часть высококачественной терракоты Ники. Также были доследованы остатки раскрытого В.Ф. Гайдукевичем т.н. «святилища Демтры» на участке «И».

Значительно больших успехов экспедиция достигла в изучении эллинистического Мирмекия. Такая задача первоначально не ставилась, так как считалось, что эллинистические слои городища широкой площадью исследованы в ходе работ экспедиции В.Ф. Гайдукевича. Однако при исследованиях на участке «С-91» возле западного склона акрополя удалось обнаружить почти квадратную конструкцию размерами примерно 5x5 м, частично заглубленную в землю. Подтёски скалы для её сооружения доходили до высоты 7 м. Для строительства использовались тщательно подогнанные крупные блоки, практически не применявшиеся в Мирмекии. Сооружение не было закончено, и его назначение остаётся неясным, но без сомнения оно строилось на рубеже 4-3 вв. до н.э. Предполагалось, что оно могло быть башней для охраны порта или гробница. Любопытно, что недалеко от него были обнаружены более поздние хозяйственные землянки, также эллинистического периода.

В ходе работ на участке «И», возникла необходимость исследования часть зольника 2, так как под ним находился участок сохранившегося квартала. Огромное количество находок (в сезон их число здесь могло доходить до 120000 фрагментов керамики) и значительная площадь раскопа вынудила сосредоточить здесь все силы экспедиции. В результате был собран большой, до сих пор обрабатываемый археологический материал, найдена каменная и сырцовая обкладки зольника, что дало возможность уточнить его границы, а также высказаны гипотезы о его назначении. Почти абсолютное отсутствие посвященных надписей не позволяет считать его святилищем, как таковым, но вероятно, здесь аккумулировался культово-значимый мусор, в том числе остатки культовых трапез, пепел из очага и т.д. Время активного сооружения зольника приходится на 300-270 гг. до н.э., о он продолжал использоваться и впоследствии.

Кроме того, был обнаружен и полностью исследован «западный» зольник, засыпавший четырёхугольную конструкцию вблизи скалы акрополя, и «восточный» (оба названы по отношению к своему положению относительно скалы), исследованный В.Ф. Гайдукевичем. Здесь также был обнаружен значительный и любопытный материал. Следует, например, отметить находки резных костяных пластин.

Строительные остатки и слои римского времени исследовались практически на всех участках, но сплошную застройку удалось открыть только вокруг скалы акрополя. Здесь были обнаружены две последовательно сменявшие друг друга усадьбы, одна из которых относилась к 1-2 вв. до н.э., а вторая - к последней четверти 2-3 в. н.э. Более ранняя из усадеб располагалась к северу, от террасы у подножья скалы и состояла из множества помещений с небольшими дворами между ними. В хозяйственных помещениях нередко находки крупных вкопанных пифосов. Усадьба в ходе разрушения оказалась под сплошным завалом небольших камней от развалившихся стен. От поздней усадьбы к востоку от скалы было обнаружено ядро в виде прямоугольной постройки с прилежащим подвалом. В подвале *in situ* найдены сгоревшие амфоры и набор ткацких грузил. Часть помещений ранней усадьбы была расчищена и вторично использована с некоторыми перестройками. Удалось установить, что в момент после разрушения ранней усадьбы на скале сооружается царская гробница открытая в 1834 году. При этом в перетолженном слое удалось найти золотые бляшки, скорее всего из грабительского выброса. Также выяснено, что последние жители покидают Мирмекий на рубеже 3-4 вв. н.э., после чего жизнь на городище надолго прекращается.

В ходе работ экспедиции значительное место занимало изучение объектов средневекового времени. Подавляющее их число было обнаружено на участке «ТС» возле скалы и относилось ко времени существования здесь итальянского поселения Пондико. Удалось исследовать полуземлянку, прямоугольное наземное сооружение с фундаментом из крупных камней, а также множество хозяйственных ям. Наиболее важным является обнаружение к востоку от скалы участка некрополя 13-15 вв. с более чем 70 погребений. Умершие были похоронены в грунтовых ямах, часто обложенных и перекрытых каменными блоками, с крестами, вырезанными на изголовных плитах. Состав погребённых говорит о том, что это были выходцы с Кавказа, видимо, служившие в гарнизоне Пондико.

В заключение хотелось бы суммировать самые интересные находки экспедиции за эти десятилетия. В первую очередь, это найденный в 2003 г. клад кизикинов в бронзовой ольпе, заложенный во второй четверти 4 в. до н.э. под кладку «святилища Деметры». Клад включал 99 монет 5 – начала 4 вв. до н.э. и до сих пор является самым крупным из найденных в Северном Причерноморье кладов этих монет. За год до этого в «западном» зольнике был найден клад бронзовых монет Пантикапея 2-ой четверти 3

в. до н.э. размером в 723 монеты. Редчайшей находкой является фрагмент крупной каменья из переотложенного слоя у основания скалы. Скорее всего, он относится к 1 в.н.э. и изображает римского императора.

Работы в районе акрополя дали несколько новых лапидарных памятников – фрагментированные надгробия с надписями, а также два фрагмента посвящений, в том числе относящееся к 4 в. до н.э. с упоминанием Деметры Фесмофоры. Наиболее крупный фрагмент был обнаружен в 2016 году в кладке стены – это камень со списком имён римского времени. В результате лапидарный корпус Мирмекии увеличился в несколько раз. Кроме того, на участке «И» был найден остракон с многострочной надписью, а на участке «ТС» первое в Мирмекии свинцовое письмо 4 в. до н.э.

Наконец в 2018 году на участке «ТС» был найден торс статуи Асклепия, а также небольшой торс от статуи сидящего божества, возможно, Юпитера. Они относятся к 1-2 вв. н.э. Одновременно в яме на участке «М» обнаружен фрагмент плиты с рельефом в виде головы юноши (?) от крупного мраморного надгробия. Находки такого количества скульптурных фрагментов в Мирмекии стали совершенно неожиданными.

В дальнейшем экспедиция планирует продолжение изучения усадеб у акрополя поселения, расширяя исследование в сторону участка «Р» до полного смыкания с участком «ТС», с целью открытия полного плана усадеб 1-3 вв. до н.э., на участке «И» планируется расширение на север с целью уточнения границ позднеархаического города, а на участке «М» расширению на юг с целью уточнения направления городской стены и продолжения изучения позднеархаического некрополя.

БУТЯГИН А.М., КОЛОСОВ В.П.
(Гос. Эрмитаж, С-Петербург)

ПИРАМИДАЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТКАЦКИЕ ГРУЗИЛА: ОПЫТ МАССОВОГО АНАЛИЗА

При исследовании подвала усадьбы 2-3 вв. н.э. в 2003 году было обнаружено скопление керамических пирамидальных грузил, предположительно, набор для использования в вертикальном ткацком станке. Находка этого комплекса заставило обратить самое пристальное внимание на эту категорию археологического материала, как правило, недооценённую археологами, занимающимися раскопками античных поселений. Заметим, что до сих пор многие специалисты не включают пирамидальные грузила без каких-то отличительных элементов (оттисков, граффити, знаков сделанных по сырой глине) в число предметов коллекционной описи, считая, что вполне достаточно рисунка или просто фиксации размеров.

В ходе работы с материалом была выработана методика фиксации керамических грузил, позволяющая высчитывать объём по формуле расчёта объёма усечённой пирамиды (для этого следует замерять не только три стандартных размера, а и размер верхней площадки, хотя бы примерно), а также выделены категории сохранности материала, с целью использования в расчётах только грузил хорошей сохранности. В результате была создана база, позволяющая анализировать большие массивы исследуемого материала. В связи с этим, была сделана попытка провести различные корреляции между внесёнными в базу грузилами.

Здесь присутствовали грузила найденный в ходе работ Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции под руководством В.Ф. Гайдукевича, находящиеся в коллекции Эрмитажа, найденные Мирмекийской экспедицией Гос. Эрмитажа и хранящиеся в коллекции ВКИКМЗ, неясного

происхождения из коллекции Отдела Античного мира Гос. Эрмитажа и найденные в Пантикапее и хранящиеся в коллекции ГМИИ¹.

Для исследования были привлечены 315 грузил наиболее полной сохранности. Из всего числа объектов относительно надежно датируются 97 (хронологические рамки - III в. до н.э.-III в. н.э.), происходящие из раскопок Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа. В качестве признаков для анализа было использовано шесть: три линейных размера: высота (h), ширина (A), глубина (B); и три их пропорциональных соотношения: ширины к глубине (A/B), ширины к высоте (A/h) и глубины к высоте (B/h).

Для анализа изменчивости формы грузил были использованы статистические методы, реализованные в пакете программ Statistica 8.0. Степень соответствия распределений нормальному оценивалась критерием Шапиро-Уилка.

Частотные распределения значений всех шести характеристик имеют отличия от нормального распределения. Для ширины (A), глубины (B) и отношения ширины к высоте (A/h) – в гистограммах наблюдается отрицательная асимметрия. Для отношения глубины к высоте (B/h) гистограмма симметрична, но имеет отрицательный эксцесс. Значения высоты (h) и ширины к высоте (A/h) имеют бимодальные гистограммы (рис. 1, а).

Анализ методом главных компонент позволяет определить степень изменчивости объектов на основе ряда скоррелированных признаков (табл. 1), и более эффективно выявить дифференциацию материала. Результаты представлены в виде графика в декартовых координатах (Рис.1.с). Оси абсциссы и ординаты графика несут значения первой и третьей главных компонент, в которых отражаются наиболее вариативные направления различий в форме грузил. Первая (ГК1) и третья (ГК3) отразили в совокупности 68 % всей изменчивости. Наиболее вариабельна высота грузил и отношение ширины и глубины к высоте, представленная в оси абсцисс (ГК1; 45,72 %). В заметно меньшей степени варьируют размеры ширины и глубины, отраженные в оси ординат (ГК3; 17,1%).

Анализ показывает разделение всех объектов выборки на две группы, критерием для дифференциации явился абсолютный размер грузил. В левой части графика – группа грузил небольших размеров (табл. 2, группа 1.). В правой – более крупные (табл. 2, группа 2). Пропорции не

¹ Выражаю благодарность хранителю Т.А. Ильиной за предоставление доступа к материалу.

дают такого четкого разделения, тем не менее, нужно отметить, что в группе более крупных грузил, выделяются грузила из комплекса поздне-неримской усадьбы, у которых меньше соотношения глубины и ширины к высоте, они имеют более «вытянутые» пропорции (табл. 2, группа 2.а). Кроме того нужно отметить что в распределении датированных грузил наблюдается определенная закономерность. Наиболее ранние объекты большей частью сконцентрированы в группе грузил небольших размеров, поздние – в группе крупных.

Таким образом, произведённые расчеты показывают верность высказанного разными авторами предположения об увеличении средних размеров грузил и их высоты в римское время. Как видно, возрастание происходит относительно плавно, что свидетельствует о принадлежности даже крупных пирамидальных грузил именно к области ткацких. Предположение о том, что крупные керамические грузила служили для рыболовства, можно считать несостоятельным.

Увеличение базы имеющихся грузил предполагает их большую дифференциацию с использованием применённых математических методов.

	Гк 1	Гк 2	Гк 3
h	0,985375	0,078231	-0,066401
B	0,540755	-0,553577	-0,626134
A	0,480727	0,512468	-0,704900
A/B	0,140823	-0,982369	0,045282
A/h	-0,754971	-0,469490	-0,446877
B/h	-0,811735	0,295917	-0,491692

Табл. 1. Коэффициенты корреляции между первыми главными компонентами и признаками.

БЫКОВСКАЯ Н.В., СМЕКАЛОВА Т.Н.
 (ВКИК музей-заповедник, Керчь;
 КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ «АНТИЧНОМ» РАЗМЕЖЕВАНИИ НА БОСПОРЕ И В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

На равнинных пространствах Керченского полуострова, особенно в местах, не затронутых современной распашкой, сохранились следы обширного ортогонального межевания, просматривающегося на архивных и современных аэрофото- и космических снимках в виде взаимно параллельных и перпендикулярных темных линий, тянущихся на многие километры (рис. 1, в). Эти линии, пересекая природные и антропогенные препятствия, делят землю на равные прямоугольные участки величинами 350-355 м x 380-400 м. Подобное межевание просматривается на аэрофотографиях также и в Северо-Западном Крыму, в районе Евпатории, на черноморском побережье между озерами Донузлав и Сасык-Сиваш и на Тарханкутском п-ве. Здесь участки имеют размеры 250-255 м x 420 м и 350 x 350 м (рис. 1, а, б).

В силу ортогональности данных следов межевания, они издавна привлекали внимание исследователей-археологов, которые стремились увидеть в них античные межевые системы. Первыми на них обратили внимание А.Н. Щеглов и К.В. Шишкин при изучении аэрофотографий 1950-70-х гг. на территорию Северо-Западного Крыма из собрания архива аэрофото- и картографических документов ИА РАН [Щеглов, 1978, с. 98-100]. Позднее, А.Н. Щеглов опубликовал более подробные схемы расположения систем межевания на Тарханкуте и на побережье от Донузлава до Евпатории, а также и некоторые аэрофотографии 1956 г., на

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ-КОМФИ, проект № 18-00-00486 «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

	Признаки	Среднее	Мин.	Максим	Размах	Ст. откл.
1. группа мелк. грузил	h	5,9	3,4	8,0	4,6	0,959
	A	4,2	2,7	6,2	3,5	0,712
	B	3,6	2,4	5,3	2,9	0,637
	A/B	1,2	0,9	2,2	1,3	0,204
	A/h	0,7	0,5	1,0	0,6	0,112
	B/h	0,6	0,3	0,9	0,5	0,115
2. группа крупн. грузил	h	10,5	8,2	14,5	6,3	1,213
	A	5,3	3,0	8,6	5,6	1,140
	B	4,5	2,3	8,0	5,7	0,870
	A/B	1,2	0,4	3,1	2,7	0,450
	A/h	0,5	0,3	0,9	0,6	0,132
	B/h	0,4	0,2	0,8	0,5	0,096
2.а комплекс позднеримск ой усадьбы	h	10,73	7,50	14,50	7,00	1,048
	A	4,71	3,00	7,00	4,00	0,777
	B	4,51	3,00	8,00	5,00	0,766
	A/B	1,07	0,44	2,00	1,56	0,261
	A/h	0,44	0,26	0,71	0,45	0,086
	B/h	0,42	0,24	0,73	0,49	0,085

Табл. 2. Коэффициенты корреляции между первыми главными компонентами и признаками.

которых четко видны прямоугольные участки размерами 420x250-255 м (площадью 10,5-10,71 га). А.Н. Щеглов трактовал эти следы как остатки античного межевания и поэтому заключил, что в Северо-Западном Крыму Херсонесом Таврическим были размежеваны огромные территории площадью более 40000 га [Сhtcheglov, 1992, s. 251-254]. Г.М. Николаенко безоговорочно приняла гипотезу А.Н. Щеглова и включила его выводы в свой анализ херсонесской хоры [Николаенко, 1999, с. 105-106]. Следы «античного» размежевания были выявлены также и на западном черноморском побережье Крыма в районе Качи по взаимно перпендикулярным линиям, нанесенным на верстовую карту конца XIX в. [Колтухов, Зубарь, Мыц, 1991].

В 1978 г. Б.Г. Петерс опубликовал подобную схему ортогонального размежевания участков размерами 350-380x380-400 м в Восточном Крыму, к северу от Михайловского городища, которую ему удалось выявить по аэрофотоснимку 1972 г., а также непосредственно наблюдать на распаханном поле с вершины холма. Исследователь высказал предположение об античном происхождении этой межевой системы [Петерс, 1978, с. 119, 122, рис. 3].

Не миновал соблазн связать с античностью следы прямоугольного межевания, видимые на аэрофотоснимках и детальных топографических картах Керченского п-ва, также и одного из авторов данного сообщения. Так, Т.Н. Смекалова в 2005-2006 гг. опубликовала (в соавторстве) несколько статей [Смекалова, Масленников, Смекалов, 2005; Смекалова, 2006; Смекалова, Смекалов, 2006; Smekalova, Smekalov, 2006], посвященных следам якобы античного размежевания на Керченском и Тарханкутском п-вах². Однако, после систематических археолого-геофизических разведок в Восточном и Северо-Западном Крыму, проводившихся Т.Н. Смекаловой в 2006-2013 гг., зародилось сомнение, переросшее затем в уверенность, что данный вид размежевания относится к XIX в. [Смекалова, Кутайсов, 2013, 160-161].

О позднем времени межевания свидетельствуют следующие факты. 1). Система ортогональных участков, выявленная в Северо-Западном Крыму А.Н. Щегловым, «укладывается» в сетку дорог, которая является на топографических картах только к концу XIX в. (т.н. верстовка). 2). Прямолинейные границы владений Поповых на п-ве Тарханкут и система дорог, в которую вписывается система межевания, взаимосвязаны

² По этим результатам С.Л. Смекаловым даже была оперативно защищена диссертация кандидата исторических наук [Смекалов, 2005].

территориально и планировочно. Вероятно, ортогональное межевание на Тарханкуте было проведено в XIX в. на землях помещиков Поповых, Воронцовых и других для сдачи участков в аренду. 3). Об этом же красноречиво говорят и размеры участков на размежеванной территории, которые, в среднем, равны 394,5 м x 277 м, а средняя площадь, таким образом, составляет 109276,5 кв. м, то есть почти точно равна 10 десятинам³. 4). Античная усадьба Кипчак херсонесского типа, открытая А. Н. Щегловым и К. К. Шишкиным в 1981 г. в самом центре системы прямоугольных полей, и детально исследованная нами в 2011 г. с помощью магнитной съемки, имеет направление стен, отличное от направления межевой сети. Эта усадьба планировочно не была связана с системой полей, что не типично для античного межевания [Смекалова, Кутайсов, 2013, 160-161 рис. 3.29-30]. И, наконец, серия недавних исследований основных принципов и модулей Херсонесского межевания, убеждает нас, что описанные выше видимые следы обширного ортогонального межевания на Тарханкутском п-вах и в окрестностях Евпатории не относятся к античности [Смекалова, 2018; Смекалова 2019; Смекалова, Кутайсов, 2018; Смекалова, Терёхин, Пасуманский, 2018; Смекалова, Терёхин, 2018].

Новое неопровержимое доказательство того, что ортогональные системы межевания, простирающиеся на огромных территориях Восточного Крыма, не являются античными, было найдено Н.В. Быковской в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Речь идет о хозяйственном плане, составленном не ранее 1887 г. земель Керчь-Еникальского градоначальства, построенном на основе верстовой карты 1857 г по съемке полковника Бетева 1837 г. (Фонды ВКИКМЗ, КМТИ – 2474) (рис. 2). На этой карте красным суриком нанесены границы, полученные в результате размежевания 838 участков по 12-десятинам (13,11 га). Из них 99 участков, площади которых отличались от 12 десятин, вынесены в отдельную таблицу. Все участки пронумерованы, причем нумерация велась отдельно для северной и южной частей (гранницей является холмистая гряда Юз-Оба). Таким образом, данная карта является, по сути, кадастровым планом земель Керчь-Еникальского градоначальства⁴.

³ Десятина — единица площади в России до 1918 года, равная 1,0925 га.

⁴ Представленный хозяйственный план земель Керчь-Еникальского градоначальства удивительным образом походит на план античной системы размежевания ближней хоры Херсонеса, а также на херсонесскую надпись IOSPE. I². 403 с дополнениями, которая, как мы недавно установили, является переписью земель херсонесской хоры в приморской части Гераклеяского п-ва [Смекалова, Терёхин, 2018]. В херсонесской надписи, также, как и

В 1887 г. все удобные для земледелия городские земли, были разделены на хозяйственные единицы – кварталы, площади кварталов – на 12-десятинные участки, а те, в свою очередь, на три поля, из которых одно предназначалось под распашку, другое – под сенокосение, третье – под выгон [Обзор деятельности..., 1888, с. 33]. Для размежевания земли из Симферополя прибыл Таврический землемер Р.А. Вериго. Участки сдавались в аренду по очереди, так что часть их всегда находилась под паром. Для ведения земельного хозяйства при городской управе был создан земельный отдел, куда входили агроном, смотритель земель, стражники. На каждого из арендаторов в земельном отделе была заведена карточка с полной информацией о том, где находится арендуемый участок, какова его площадь, когда истекает срок аренды, как велик размер арендной платы.

Своими земельными владениями Керчь была обязана греческим переселенцам, которые в 1775 году прибыли на Керченский полуостров. Согласно специальному указу Екатерины II, подкрепленному впоследствии другими актами, вся земля, прилегавшая к Керчи и Еникале, была закреплена за греческой общиной с тем условием, что не позволялось «... никому из иностранных покупать земли в отведенной для сего (т.е. греческого – авт.) общества части» [ЗООИД, т. 1, с. 212]. Площадь отведенных земель составила 11340 десятин (12389 га). В силу целого ряда причин центра греческой колонии из Керчи и Еникале не получилось. Поскольку после 1798 года в последующие три десятилетия на постоянное жительство в Керчь прибыло всего лишь 30 греческих семей, 28 октября 1830 года вся земля, дарованная некогда греческой общине, поступила в пользование всех горожан. К тому времени земля находилась в откупе, так что реально указ вступил в силу только в октябре 1833 года, и «вся оставшаяся от выгонов земля» была отдана в постоянное пользование «всех вообще городских обывателей» [«Полицейский листок....», 1885, с. 3].

Чуть раньше, а именно в 1821 году эти земли вошли в состав учрежденного по указу Александра I Керчь-Еникальского градоначаль-

на хозяйственном плане окрестностей Керчи, вначале перечисляются лица, владеющие единичными гражданскими наделами-гектарюгами (квадратными сто-оргиевыми участками, 209,4x209,4 м или 4,3848 га), а затем – участками неправильной формы с точно подсчитанной площадью каждого. Сопоставление размежевания земель Керченского градоначальства и херсонесской хоры на Гераклеюском п-ве вполне правомочно, так как площади их земель почти точно совпадают (примерно по 12000 га), и принципы распределения земли и в том и другом случае были вполне демократическими.

ства. Кроме Керчи и Еникале на землях градоначальства располагались многочисленные предместья и слободки: Старый Карантин, Солдатская слободка, Джарджавка, Катерлес, Булганак, Аджимушкой, Осовины, Капканы и другие. Общая площадь градоначальства составляла в конце XIX – начале XX веков около 15,5 тысяч десятин земли, из которых около 12 тысяч находились во владении города.

В конце 50-х – начале 60-х годов XIX века городская дума сдавала всю городскую землю в аренду с торгов на строго оговоренный срок одному откупщику, который, в свою очередь, за определенную плату переуступал право пользования отдельными участками менее состоятельным жителям градоначальства. Вот как, например, происходила эта процедура в 1857 году.

Согласно кондициям, вся городская хлебопахотная и сенокосная земля площадью свыше 8 тысяч десятин поступала в распоряжение откупщика на срок с 1 января 1858 года по 1 января 1861 года за цену «какая состоится на торгах и будет утверждена начальством». Все жители градоначальства с согласия откупщика имели право косить на этой земле сено, сеять хлеб, овощи, баштаны. Откупщик получал одну копну с каждых 6 собранных копен сена и одну копну – с 10 копен хлеба. Если за хлебопахотные земли взималась натуральная плата, то за баштаны и земли, отведенные под овощные культуры, – денежная. Она составляла 10 рублей в год с десятины. Причем, натуральная плата вносилась после сбора урожая, а денежная – при отводе участка. Кроме того, откупщик, в случае, если арендатор пользовался городскими пастбищами, получал по 15 копеек с голов крупного рогатого скота, 25 копеек с лошади и 5 копеек с овцы.

Против системы отдачи всей городской земли одному лицу на откуп выступали не только простые горожане – арендаторы и жители поселков, вступавшие в арендные отношения с откупщиком и во многом зависевшие от него. Круг потенциальных откупщиков, которые могли принять участие в торгах и снять в откупное содержание всю землю, был невелик ввиду значительности платы, которая должна была быть внесена сразу. Участники торгов вполне могли договориться между собой о демпинговых ценах, что, по-видимому, иногда и случалось. 13 октября 1861 года Керчь-Еникальская городская дума приняла решение о разделении городской земли на участки площадью от 6 до 15 десятин. Однако градоначальник посчитал нецелесообразным дробить землю на столь мелкие части и определил минимальный размер участка в 50 десятин, о чем и сделал соответствующее распоряжение во Временную межевую комиссию.

Эта мера, хотя и увеличила доходы города, но удовлетворить всех желающих взять землю в аренду непосредственно от городского общественного управления не могла. Посредническая роль состоятельных людей, которые наживались на аренде земли, сохранилась и в новых условиях. Подобное посредничество влекло за собой для рядовых арендаторов надбавку в 50-100 % к цене, уплаченной самим откупщиком за городскую землю. Не изменило положения дел и последовавшее вскоре дробление земли на 25-десятинные участки [ГАРК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 1706, л. 6].

Более всего, однако, городское общественное управление беспокоило то, что земля подвергалась непрерывным, бесконтрольным запашкам, которые вели к ее истощению. В 70-е годы XIX века городская дума предприняла попытку ограничить хищническую эксплуатацию земли. По новым правилам участок сдавался в аренду не на три года, а на шесть лет с тем условием, чтобы в течение первых трех лет арендатор запахивал только одну половину поля, а затем другую. За невыполнение этого условия кондиции предусматривали штраф в размере 1 руб. за каждую запаханную сверх положенного десятину и даже прекращение аренды участка, причем в последнем случае арендная плата не возвращалась [ГАРК, ф. 455, оп. 1, ед.хр. 377, лл. 9-9об.].

Исходя из этого, в 1887 году городское управление было вынуждено вновь изменить схему пользования землей, что мы и видим на хозяйственном плане этого года (рис. 2). Введенный в 1887 году порядок эксплуатации городских земель позволил в последующие несколько лет говорить об «эпохе полного благополучия» в земельном хозяйстве [ГАРК, ф. 455, оп. 1, ед.хр. 4467, лл. 10-14]. Однако рост городского населения увеличившееся, в связи с этим, число жителей градоначальства, желающих взять в аренду землю, привели к дальнейшему дроблению участков, которые между тем, оставались в рамках межевой сетки, изображенной на хозяйственном плане 1887 г. (рис. 2).

Следы именно этого межевания мы видим и сейчас на аэрофото- и космических снимках на бывших землях Керченского градоначальства. В других частях Керченского полуострова и Северо-Западного Крыма во второй половине XIX в., очевидно, были проведены подобные межевания, остатки которых заметны еще и сейчас на аэро- и космических снимках. Этот вид межевания необходимо отличать от античного, характеризующегося особыми признаками [Смекалова, 2018; 2019; Смекалова, 2013].

ЛИТЕРАТУРА

Колтухов С.Г., Зубарь В.М., Мыц В.Л. Разведки в Юго-Западном Крыму // Археологічні дослідження на Україні. Київ, 1991. С. 23-24.

Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1. С. 97-120.

Обзор деятельности Керчь-Еникальской городской управы и подведомственных ей частей городского общественного управления за время с 1885г. по 1888 г. Керчь, 1888.

Петерс Б.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. Ред. В.В. Кропоткин и др. М. 1978 г. С. 117-127.

«Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства», №21 от 23 мая 1865. Смекалова Т.Н. К херсонесской надписи (IOSPE. I². 403). Материалы конференции «Боспорский феномен», ноябрь 2018 г., СПб. 2018. Т. 2, 90-98.

Смекалова Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2019. №1 (в печати).

Смекалова Т.Н. К херсонесской надписи (IOSPE. I². 403). Материалы конференции «Боспорский феномен», ноябрь 2018 г., СПб. 2018. Т. 2, 90-98.

Смекалова Т.Н. Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат с северо-западном Крыму // ВДИ, 2013, № 2, с. 127-147.

Смекалова Т. Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский полуостров) // Древности Боспора. 2006. № 10. С. 389–415.

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования. ВДИ. 2018. № 2, 306-332.

Смекалова Т. Н., Э. А. Терехин. Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра. Stratum Plus. 2018. № 6, 89-105

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А., Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. Материалы к археологической карте Крыма, вып. 18. Санкт-Петербург, «Алетейя». 2017. 448 с.

Смекалова Т.Н. Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат с северо-западном Крыму // ВДИ, 2013, № 2, с. 127-147.

Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Роль херсонесского полиса в освоении Северо-Западной Таврики в эллинистическое время // *Stratum Plus*. 2018. № 3, 353-370.

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 2019. №1 (в печати).

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования. *ВДИ*. 2018. № 2, 306-332.

Смекалова Т.Н., Масленников А.А., Смекалов С.Л. Ортогональные системы размежевания земель европейского Боспора и природно-демографические факторы // *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников*. Материалы Международной научной конференции. Отв. ред. В.Ю. Зуев. Санкт-Петербург, 2005. С. 79-97.

Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л. Системы дорог и клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // *Археологические вести*. 2006. № 13. С. 204–226.

Smekalova T. N., Smekalov S. L. Ancient Roads and Land division in the chora of the European Bosporos and Chersonesos on the evidence of air photographs, mapping and surface surveys // *Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective*. Eds. P. Guldager Bilde, V. F. Stolba. Aarhus, 2006. P. 207–248.

Смекалов С. Л. Древние антропогенные структуры Восточного Крыма: Геоинформационный и историко-картографический аспекты. Автореф. дисс. на соиск. ... к.и.н. Тула. 2005 г.

Chicheglov A. *Polis et chora*. Paris, 1992. P. 250.

Рис 1. Ортогональное межевание, видимое на аэрофотосъемке
а - в центральной части Тарханкутского п-ва; б - на северо-восточной окраине Евпатории; в - у Темир-Горы на Керченском п-ве; г - тот же участок у Темир-горы («в»), но показанный на карте межевания Керченского градоначальства (см. рис. 2).

ВАХОНЕЕВ В.В., СОЛОВЬЕВ С.Л.
(ЧЦПИ, г. Феодосия, ИИМК РАН, г. С-Петербург)

ОТ НАХОДКИ ДО ЭКСПОНАТА: КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОСПОРСКОГО ГОРОДА АКРА

Боспорский город Акра – уникальный памятник подводной археологии Причерноморья. Обнаруженное более 35 лет назад, городище сегодня исследуется совместной экспедицией Черноморского центра подводных исследований, Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН. С 2002 по 2011 гг. исследования хоры Акры проводились экспедицией Государственного Эрмитажа и Донецкого университета, к которым позднее присоединился Краковский университет.

За это время памятник стал полигоном для апробации различных методик, применяемых в подводных исследованиях, а также ярким примером в области изучения, сохранения и популяризации подводного культурного наследия.

За прошедшие полевые сезоны совместной подводной экспедицией был составлен актуальный план затопленной и прибрежной части городища со всеми вновь выявленными объектами. В это время непрерывно проводились подводные раскопки. По их результатам была изучена оборонительная система и жилая застройка позднеклассического - раннеэллинистического времени. Раскопками было установлено, что город Акра, несмотря на свои небольшие размеры, обладал хорошо развитой системой фортификации, включавшей разные по конструкции оборонительные стены и башни, что ставит его в один ряд с такими широко известными в этом отношении памятниками Боспора, как Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий. Работы на Акре дали редкую возможность для изучения особенностей боспорской фортификации и городского строительства античной эпохи. Получены новые данные о

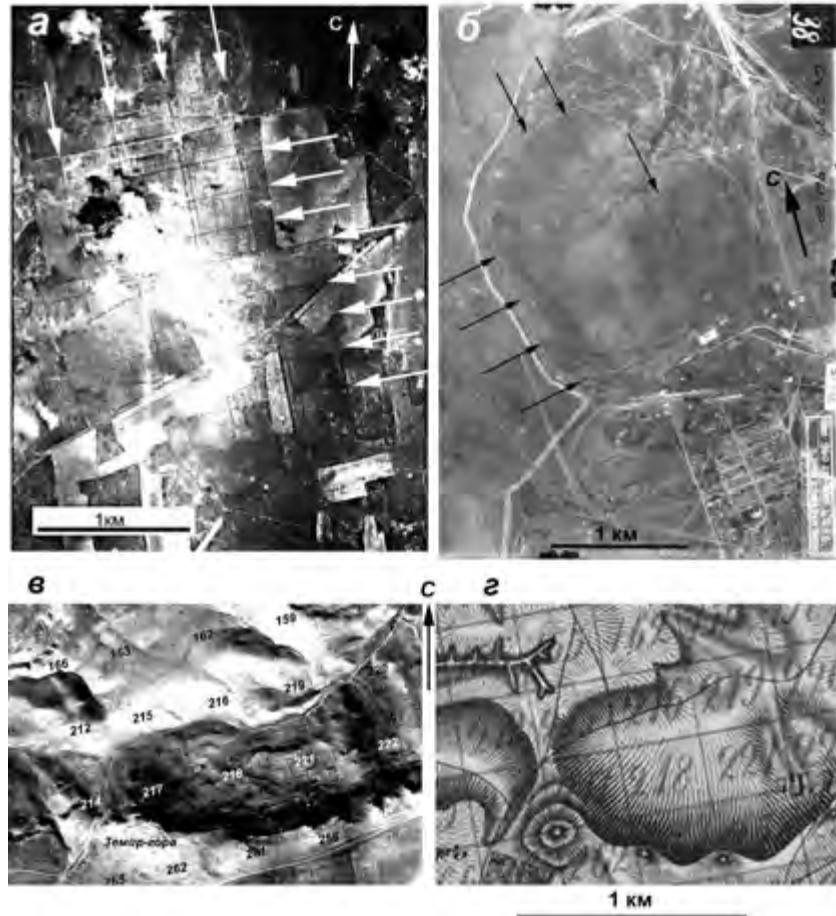

Рис. 2. Хозяйственный план земель Керченского градоначальства 1887 г., построенный на основе верстовой карты 1857 г по съемке полковника Бетева 1837 г. (Фонды ВКИКЗ, КМТИ – 2474)

ранней истории античного города Акра, исторической топографии и характере торговых связей в структуре Боспорского государства.

В системе полис-хора территории, подконтрольные древней Акре, расположенные на плато и на склонах балок между озером Тобечик, мысами Малый и Такиль, в античности и средневековье активно использовались в сельскохозяйственных целях, о чем свидетельствуют проведенные нами археологические разведки и раскопки, в ходе которых были открыты жилые, хозяйственные и производственные зоны, а также святилище Деметры типа extra-urban.

С 2016 г. после 20-летнего перерыва были возобновлены работы на песчаной пересыпи, отделяющей озеро Яныш от Керченского пролива. В ходе двух сезонов на площади 100 м кв. были открыты разновременные археологические объекты: остатки наземной постройки с двором, двумя хозяйственными ямами и очагами II–III вв., часть наземного строения с вымосткой I – II вв., участок городской оборонительной стены эллинистического времени. Полученные в ходе раскопок данные в первом приближении позволяют определить дату прекращения использования оборонительной стены города по прямому назначению, и относить это событие ко времени, вероятно, не позднее II – начала III вв. до н.э. Постройки римского времени были сооружены поверх оборонительных конструкций, тем самым указывая на изменение поселенческого статуса Акры в это время.

В 2018 г. на площади 35 кв. м на берегу была выполнена расчистка участка работ 1997 г., где в результате зимних и весенних штормов обнажились кладки стен. Данные работы позволили нанести на современный план строительные остатки, изученные экспедицией 1996–1997 гг. Сравнительный анализ планиграфии участка современного песчаного пляжа, а также визуальные наблюдения подводной экспедиции 2011–2018 гг. показали, что за последние 20 лет было уничтожено около 5–7 м берега. Причиной данных разрушений стала ненадежная консервация участка в 1997 г. Она была проведена отработанным грунтом, в результате чего уже первые штормы смыли значительные участки берега. Для защиты участка в будущем, после его фиксации в 2018 г., он был проложен слоем мешков с песком, после чего был рекультивирован. Такая защита в предыдущие полевые сезоны в месте проведения береговых работ показала свою эффективность.

В ходе изучения затопленной части Акры активно привлекаются современные методики фиксации. На протяжении последних полевых се-

зон для фиксации и картирования подводных объектов используется метод фотограмметрической обработки фотоснимков. Данная методика положительно себя зарекомендовала в работе в условиях ограниченной видимости воды. При установке дополнительных маркеров тахеометра объекты успешно фиксируются на плане. Обработка фотоснимков выполняется в программе «Agisoft Photoscan», а результатом служит получение трехмерных моделей любых объектов – от поверхности дна и строительных комплексов до отдельных находок.

В сезоне 2017 г. было проведено геологическое обследование прилегающей к Акре территории. В ходе обследования установлено, что высокий холм, прилегающий к Акре с юга, имел в древности продолжение в юго-восточном направлении, прикрывая Акру от южных и юго-восточных ветров. На склоне этого холма до сих пор находятся источники пресной воды. В древности таких источников было больше, что также содействовало выбору места для организации поселения греками.

Использование квадрокоптера позволило на современном этапе изучения городища выполнить аэрофотосъемку ряда подводных объектов, изученных ранее: оборонительной стены с башней, раннеэллинистических строительных комплексов, кладки № 24 («северной стены»). Эти объекты после дополнительной расчистки от водорослей были зафиксированы методом фотограмметрии, на основе чего были составлены их трёхмерные модели. Кроме того, в 2016 г. затопленная часть городища была изучена с помощью многолучевого эхолота.

С появлением профильного музея подводной археологии в г. Феодосия (филиал Черноморского центра подводных исследований) был поставлен вопрос о создании современной постояннодействующей экспозиции, иллюстрирующей успехи подводных археологических исследований на современном этапе. Площадь нового музея составила около 1,5 тыс. кв. м, что позволило обеспечить полный цикл работ по изучению и сохранению музейных предметов, поступающих из подводных экспедиций.

В первую очередь в новом музее была обеспечена надлежащая реставрация поступающих археологических предметов. Администрацией ЧЦПИ был заключен договор о сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным институтом культуры, который позволил организовать на базе музея практику и стажировку реставраторов кафедры реставрации и экспертизы объектов культурного наследия. Как результат, только

в 2018-2019 гг. было отреставрировано более 20 предметов, размещенных в экспозиции музея.

Отдельное внимание уделяется вопросам популяризации подводных исследований. Так, если в 2017 г. музей посетило 12 тысяч посетителей, то в 2018 г. их число приблизилось к 19 тысячам. Помимо общей регистрации поступающих предметов в Госкаталоге, в музее налажена работа по дополнительной их атрибуции и публикации

В 2017 г. телеканалом «Наука» был выпущен научно-популярный фильм «Акра – Крымская Атлантида», повествующий об истории открытия городища и о современных его исследованиях. После его презентации в музее подводной археологии, была согласована его демонстрация в рамках экспозиции.

К началу 2019 г. в экспозиции музея подводной археологии представлено более 200 археологических предметов из Акры. Эта коллекция позволила включить музей в новый туристический проект «Золотое кольцо Боспора».

Результаты исследований Акры могут быть использованы в исторических реконструкциях Боспорского государства, Северного Причерноморья в целом, в развитии культурного и подводного туризма, в проектах музеефикации объектов культурного наследия, в совершенствовании методики подводной археологии. Исследования древнего города Акры имеют большое научное значение в силу уникальности этого памятника подводной археологии. Устойчивый интерес к его результатам проявляют средства массовой информации, что способствует популяризации археологических исследований. Кроме того, проект имеет большой образовательный эффект, судя по интересу, проявляемому к нему волонтерами и туристами. Эффективность такого проекта может быть значительно повышена при условии увеличения продолжительности полевых работ на памятнике с последующей разработкой проекта волнозащитных сооружений и, в значительной мере, в случае создания стационарного научно-реставрационного центра, в задачи которого входило бы изучение, мониторинг и реставрация археологических объектов на античном городище Акра, а также популяризация результатов исследований путем музеефикации археологических объектов.

ВАХТИНА М.Ю.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

КЛАСС ЭНМАН. О НАТАЛИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЭНМАН.¹

Некогда британский исследователь Р. М. Кук предложил первую классификацию керамики чернофигурного стиля, изготовленной в Клазоменах или же в других центрах, производивших сосуды «в русле» клазоменской традиции (Cook, 1952). В известном в то время массиве материала он выделил на пять основных групп или «классов»; к шестой, «смешанной» группе, им были отнесены экземпляры, которые по своим особенностям не могли быть включены в первые пять. Группа Урла получила своё наименование от современного турецкого города, где в древности находились Клазомены, группа Тюбинген носит название немецкого университетского города, в музеях которого хранится коллекция керамики. Остальные названы в честь исследователей, внесших свой вклад в изучение керамической продукции Клазомен и их круга. Это «классы» Петри, Энман и Книпович. Два последних названы в честь русских исследовательниц – Н.А. Энман и Т.Н. Книпович.

Классификация Р. М. Кука не утратила своего значения и в наше время. Отмечено, что к классам Энман и Книпович принадлежит большинство находок расписной керамической продукции Клазомен, найденных в Северном Причерноморье, возможно, керамика этих групп демонстрирует, скорее, имитацию клазоменского стиля, чем его непосредственное развитие (Cook, 1952, p. 146; Копейкина, 1979, с. 9; Ильина, 2010, с. 142).

Если о жизненном и творческом пути Т.Н. Книпович современные учёные осведомлены достаточно хорошо, то о Н.А. Энман мы знаем до

¹ Работа над темой ведётся при поддержке РФФИ, конкурс «Древности», грант № 18-09-40116.

удивления немного. Т.Н. Книпович известна своими работами в области античной археологии, в частности, исследованиями художественной керамики. Ей принадлежат первая публикация образцов клазоменской посуды Березани (1927), а также обобщающая статья о находках греческой расписной керамики на территории Северного Причерноморья (1955). В отличие от неё Н.А. Энман, опубликовавшая в предреволюционное время две яркие, высокопрофессиональные статьи, вскоре революции 1917 г. оставила изучение классических древностей, избрав другую стезю.

Наталья Александровна Энман родилась 20 ноября 1889 г. в Петербурге, в семье историка-антиковеда, преподавателя Катериншуле А.Ф. Энмана и его жены, А.Н. Энман (урожд. Юдиной). В 1897 г. она поступила в подготовительный класс известной петербургской женской гимназии Петришуле. В 1907 г., окончив полный курс и дополнительный педагогический класс гимназии, получила диплом домашней учительницы. В том же году Н.А. Энман была принята на историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов. Её учителями были Б.В. Фармаковский и Ф.Ф. Зелинский.

Ещё в гимназические годы проявились её способности к музыке и рисованию. Эти занятия она не оставляла на протяжении всей своей жизни. Некоторое время она училась живописи в студии Д.Н. Кардовского. Позже, по просьбе Ф.Ф. Зелинского, Н.А. Энман проиллюстрировала его популярную книгу «Греческие сказки» для издательства Сабашниковых (www.allpetrischule-spb.org/index.php.title=Энман).

Дружба Н.А. Энман с тремя выпускницами Петришуле того же года Е.В. Цинзерлинг и сёстрами К.В. и И.В. Тревер сложилась ещё в школьные годы. Учась на Бестужевских курсах, она познакомилась с С.Д. Рудневой, Ю.Ф. Тихомировой и Н.В. Педьковой. Дружеские, тёплые отношения связывали этих семерых женщин на протяжении всей жизни. Судьбы их сложились по-разному, все они были деятельны, одарены и добились многого в выбранных ими профессиях и занятиях. Им также было суждено оставить след в развитии музыкального искусства. Вдохновлённые танцами по методу Айседоры Дункан, с большим успехом выступавшей в России в предреволюционные годы, они ещё в 1910-гг. организовали танцевальный кружок, получивший название «Гептахор» (или «Танец семи») – по количеству участниц. Девушки, восхищаясь канонами греческой культуры, стремились к тому, чтобы выразить и передать в движении и танце целый строй мыслей, ощущений и образов. Считается, что название «Гептахор» предложил для группы Ф.Ф. Зелинский,

чаявший наступление «античного ренессанса» в России Серебряного века (Зелинский, 1899, с. 140). Отметим, что в культуре и философском осмыслении мира в эту эпоху пляска, танец играли не последнюю роль (Сироткина, 2012, с. 13 сл.). Н.А. Энман не только занималась в студии танца, но также делала эскизы к постановкам, зарисовки, поясняющие танцевальные движения.

Это увлечение сопутствовало успешному обучению на Высших женских курсах. Главной областью интересов молодой исследовательницы стало изучение греческой керамики. В 1911 г. выходит её первая публикация, посвященная хиосскому или, как тогда полагали, «навкратийскому» кубку из раскопок Г.Л. Скадовского на некрополе о. Березань в 1900-1901 гг. (Энман, 1911, с. 142-158). Нужно отметить, что работа эта с интересом читается и в наше время. Она содержит подробное и полное описание кубка (Там же, с. 143-148). В отличие от современной интерпретации, трактующей изображение на лицевой стороне сосуда как мужское (Ильина, 2005, с. 91, кат. 77), Н.А. Энман полагала, что здесь изображена женщина (Энман, 1911, рис. 1). Кубок помещён автором в широкий круг аналогий (по форме и стилю декора), представленных как находками на Березани, так и в других античных центрах на юге России и за её пределами – в Навкратисе, Родосе, Милеете, Делосе и Афинах (Там же, с. 151-154). Рассуждая о датировке березанского кубка, Н.А. Энман высказала предположение, что «... он должен относиться к древнейшему периоду, до половины VI в. до Р.Х. С другой стороны, едва ли наш килик может быть поставлен далеко в первую половину VI в. Скорее он явился около середины VI в.» (Там же, с. 155). Заметим, что современная датировка березанского кубка – 580-550 гг. до н.э. (Ильина, 2005, с. 91), вполне соответствует той, которая была предложена при его первой публикации.

В следующем году выходит статья Н.А. Энман «Ионийская амфора с Таманского полуострова» (Энман, 1912, с. 92-103), посвященная сосуду, купленному Комиссией у частного коллекционера. Эта публикация одной находки, как и предыдущая работа, содержит детальное описание клазоменской амфоры, украшенной изображением пасущегося оленя, фигуры этого животного расположены в метопах на обеих сторонах сосуда (Там же, табл. VII-IX). Автор помещает сосуд в круг близких по стилю росписи аналогий (с. 95-102). В качестве ближайшей среди находок на территории Северного Причерноморья указана амфора из Керчи (Там же, с. 96-97, табл. X-XI), рассмотрены находки из Ольвии, а также

центров, расположенных за пределами региона. В числе этих находок – фрагменты сосудов и саркофаг клазоменского производства, роспись которых близка декору таманской амфоры (Там же, с. 98-101, рис. 3-5). Н.А. Энман предлагала датировать сосуд временем «не позже приблизительно 560 г. до н.э.» (с. 103). Таманская амфора станет «эталонным» сосудом для класса/группы Энман, включавшим амфоры и ойнохои с изображением одной фигуры животного в центре метопы на каждой из сторон сосуда.

Т.Н. Книпович продолжила изучение керамики «клазоменского стиля», найденной в Северном Причерноморье, включив в свою публикацию и амфору, изданную Н.А. Энман (Книпович, 1927, с. 80-90). Позже в подробном очерке, посвященном художественной керамике античных городов Северного Причерноморья, Т.Н. Книпович отнесла этот сосуд примерно к середине VI в. до н.э. (Книпович, 1955, с. 358-359, рис. 3). Л.В. Копейкина, рассматривая клазоменскую керамику, обнаруженную на Березани, описала серию фрагментов ваз группы Энман, среди которых выявила несколько экземпляров, глина и роспись которых близка амфоре с Тамани (Копейкина, 1979, с. 14-15, рис. 9, 10). Исследовательница предположила, что все эти сосуды были изготовлены в одной мастерской и датировала их временем не позже третьей четверти VI в. до н.э.

Статья Н.А. Энман, получившая высокую оценку Р.М. Кука, который назвал её именем одну из групп своей классификации, написана на высоком профессиональном уровне, а предложенная датировка амфоры с Тамани достаточно близка современной, хотя, конечно, позже была скорректирована в русле менявшихся представлений о хронологии греческой архаической посуды.

Окончив Университет в 1913 г., Н.А. Энман была оставлена при кафедре Б.В. Фармаковского. Некоторое время она проработала ассистентом в Императорской Археологической Комиссии. В сентябре 1919 г. Н.А. Энман поступает на работу в недавно учреждённую Академию истории материальной культуры. В Научном архиве ИИМК РАН хранится краткая автобиография, написанная её рукой, датированная 9 сентября 1919 г. Вот как описан в ней круг интересов и занятий во время обучения на курсах и после их окончания: «Во время пребывания моего на В.Ж.К. (то есть на Высших Женских Курсах – М.В.), я работала у Ф.Ф. Зелинского и в семинариях Б.В. Фармаковского. В это время я занималась специальным вопросом о доисторических стадиях каменного века в Юго-Западной Европе, о чем мною был сделан доклад в семинарии Б.В. Фармаковского.

Этим же вопросом я занималась в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук, где мною была разобрана и классифицирована коллекция Трипольских черепков из Кудринцев... Во время работы в семинарии Б.В. Фармаковского мною было начато издание одной вазы, находившейся в Эрмитаже. Работа эта была напечатана в ИАК 1911 г. вып. 40 под названием «Навкратийский кубок с о. Березани». Второй печатный труд вышел в том же издании в 1912 г. вып. 45 под заглавием «Ионийская амфора с Таманского полуострова». Эта последняя ваза находится в Археологической Комиссии, и работая над нею я начала попутно заниматься в Комиссии, где мне в то время было поручено описание части Перещепинского золотого клада. С 1913 года занятия мои в АК по регистрации и описанию ионийской керамики из Ольвии продолжались с небольшими перерывами до настоящего времени.

С июля 1918 г. я состояла ассистентом по секции античных городов при III Отделе Археологической Комиссии. За последнее время мною ведется подготовка к изданию ряда ионийских черепков и архаического бронзового браслета с о. Березани, также ведется работа по подготовке таблиц к изданию Атласа древностей Юга России и разные текущие археологические работы. Кроме Петрограда Н. Энман работала в музеях Херсона, Одессы, Киева, Афин и Кандии» (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 773, л. 5). В краткой анкете, приложенной к автобиографии, в пункте о знании иностранных языков Н.А. Энман указала, что владеет французским, немецким, английским, древне- и новогреческим (Там же, л. 1).

Характеристика Н.А. Энман была подписана Б.В. Фармаковским, который ходатайствовал о её зачислении в штат «... на должность ассистента по I разряду I отделения III Отдела Р.А.И.М.К.» (Там же, л. 3-4).

О работе Н.А. Энман в этом учреждении можно судить по её отчётам, также хранящимся в научном архиве ИИМК. В отчёте за первый год своей работы она писала: «Iа. Участвовала в разработке типа регистрационной карточки Ольвийских древностей.

б/ и в/ Главной задачей моей за 1919 год было постепенное собирание материала по древне-ионийской керамике в связи с находками в Ольвии, Березани и вообще в России. Начато исследование ионийских керамических стилей, главным образом милетского, в котором начинает выясняться ряд отдельных стадий развития. Мною привлекается материал, находящийся в Херсонском и Одесском музеях, доступный сейчас только по изданиям и рисункам, частью собранный и зарисованный

мною во время работы в этих музеях, также весь заграничный материал. Участвовала в устройстве выставки Ольвийских древностей.

г/ Мною готовятся таблицы ионийской керамики для предложенного к изданию Атласа Южно-русских древностей. В связи с этим мною был исполнен ряд акварелей с ионийских черепков для упомянутых таблиц. В качестве члена экспертной комиссии по оценке рисунков, изготавливаемых для Академии, мною велось наблюдение за точностью воспроизведения разрезов Ольвийской серой посуды, исполнявшихся регистратором А.А. Пресняковым.

д/ Предложенная командировка моя в Москву для изучения ионийской керамики в местных музеях не состоялась по обстоятельствам времени (отсутствие помещения для остановки).

ж/ Составляла часть карточного каталога раскопок в России по Отчетам АК за 1886-73 и 1908-1915 гг.

2 а, б/. Мною собирается материал для издания бронзового браслета с о.Березани. Пока еще не удалось установить стиля этой вещи, быть может, он греко-финикийского происхождения и представляет большую редкость, судя по заграничному материалу.

в/ Подготавливается к изданию популярная брошюра об о.Березани и о раскопках на нем; собираются данные по изданиям и архивному материалу; в связи с этим мною был переведен с немецкого языка неизданный отчет Э. Ф. Штерна о последних раскопках на о. Березани за 1913 для помещения его в Известиях Академии.

3/ Готовятся к печати: упомянутое исследование об архаическом браслете и брошюра о Березани» (Там же, л. 6).

Отчет за 1920 г., также отражает весьма интенсивную и разностороннюю деятельность исследовательницы; в числе прочего, там упомянуты и командировка в Москву, в этот раз состоявшаяся (Там же, л. 8-9). По-видимому, Н.А. Энман успешно продолжала изучение греческой художественной керамики. В научном архиве ИИМК хранятся снимки трёх асков из раскопок Ольвии, сделанные по её просьбе для готовящейся публикации². Однако в конце декабря следующего, 1921 г., исследовательница направляет учёному секретарю РАИМК заявление об уходе. В нём говорилось: «Прошу освободить меня от занимаемой мною должности в Академии т.к. в настоящее время для меня выяснилась полная невозможность исполнять в должной мере возложенную на меня и доверенную мне работу ассистента Академии Истории Материальной Культуры.

² ФО НА ИИМК РАН, инв. № О 96. 48-55. Снимки выполнены И.Ф.Чистяковым.

Считаю своим долгом оставить работу, которую не могу исполнить». (Там же, л. 10). В январе 1922 г. ходатайство это было удовлетворено. Сейчас можно только гадать, что подтолкнуло Н.А. Энман к такому решению.

Вероятнее всего, главную причину, по которой Н.А. Энман навсегда оставила не только РАИМК, но и занятия классическими древностями, следует искать в её увлечённости искусством танца. В том же году РАИМК покинула и С.Д. Руднева, также выпускница Высших (Бестужевских) женских курсов, автор статьи о «милетской» амфоре, обнаруженной на Тамани (Руднева, 1912), одна из подруг Н.А. Энман по «Гептахору».

Вскоре «Гептахор» был зарегистрирован как «частная студия музыкального движения на самоснабжении при отделе профобразования» (Труль, 2011, с. 2; Сироткина, 2012, с. 37). Начиналась эпоха НЭП-а, дававшая определённую свободу частным инициативам. Участники студии выступали, ездили на гастроли, занимались преподаванием. Постановки пользовались большим успехом у публики. При студии открылись двухгодичные курсы, где помимо танца преподавали рисование, историю искусств, античную историю. В 1927 году «Гептахор» стал Государственной Студией музыкального движения. Несмотря на успех коллектива, студия была закрыта в 1934 г.³ без объяснения причин, как и другие студии «свободного» пластического танца (Труль, 2011, с. 2). В наступающую эпоху многие «ростки» частного предпринимательства решительно искоренялись. Однако традиции, заложенные «семерыми пляшущими» продолжали развиваться в области обучения танцевальному искусству. Творческие искания и достижения студии, как и жизнь её участниц, описаны в воспоминаниях С.Д. Рудневой (Руднева, 2007), где приведены и рисунки Н.А. Энман. Её рисунки украшают и обложку книги.

К изучению же греческой керамики Н.А. Энман более не обращалась. С начала 30-х гг., она, продолжая занятия в танцевальной студии, работала преподавателем в Коммунистическом Университете в Ленинграде. После создания в 1935 г. музея-квартиры С.М. Кирова она поступила в этот музей и трудилась там в должности заведующей фондами, пережив войну и блокаду города. В последние годы жизни, оставив службу, она на договорных началах занималась разработкой рисунков для вышивки. Скончалась Наталия Александровна Энман в 1961 г.

³ Есть сведения о том, что студия была закрыта гораздо раньше, в 1928 г.: www.allpetrischule-spb.org.

ЛИТЕРАТУРА

Зелинский Ф.Ф. Античный мир в поэзии А.Н. Майкова // Русский вестник. 1899, № 7.

Ильина Ю.И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Березань-Борисфен. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб, 2005.

Ильина Ю.И. Клазоменская керамика из раскопок на Березани // ТГЭ, 2010, т. 54.

Книпович Т.Н. Ионийская амфора с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений Чёрного моря // ИГАИМК, 1927, вып. 5.

Книпович Т.Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // АСГЭ, М-Л., 1955.

Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Руднева С.Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // ИАК, 1912, вып. 45.

Руднева С.Д. Воспоминания счастливого человека. М., 2007.

Сироткина И.Е. Свободное движение и пластический танец в России. М., 2012.

Труль О.В. Музыкальное движение в истории Петришуле (к 300-летию школы № 222) // История Петербурга, 2011, № 1 (59).

Энман Н.А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани // ИАК, 1911, вып. 40.

Энман Н.А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК, 1912, вып. 45.

Cook R.M. A List of Klazomenian Pottery // BSA, 1952, vol. 47.

Рис. 1. Н.А. Энман во время обучения на Высших женских (Бестужевских) курсах. Санкт-Петербург, 1910 г. (www.allpetrischule-spb.org).

ВИНОГРАДОВ Ю.А.
(ИИМК РАН, г. С-Петербург)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЩЕННОГО УЧАСТКА ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО–1 (ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)¹

Крупное античное поселение Артющенко–1 изучается Бугазским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН с 1989 г. (см.: Виноградов 2001, 17-20; 2013, 233-241; 2018, 271-277; Vinogradov, Lebedeva 2005, 316-319; Vinogradov 2015, 157-160). Как было выяснено, в его западной части сосредоточены археологические объекты, относящиеся, в основном, к I–III вв. н.э. и в меньшей степени к IV в. н.э. Есть основания считать, что в I–III вв. это сельскохозяйственное поселение не являлось стационарным. Оно было связано с сезонными земледельческими работами. Судя по большому количеству лепной керамики, изготовленной в традициях местных племён, значительная часть приходивших сюда земледельцев была связана с варварским миром.

В 2012 г. на западной окраине Артющенко–1 был открыт очень необычный объект – глинобитная площадка (толщина слоя глины – 5 см), расположенная над материком. На ней было обнаружено очень большое количество обгоревших зерновок злаковых. По этой причине поначалу площадку стали интерпретировать как полевой ток (Виноградов 2015; 2016; Vinogradov 2015, 159). Специальное изучение зёрен показало, что они на 95 – 98% состоят из плёнчатой пшеницы однозернянки (*Triticum monosocum* L.). Эта культура, как известно, на Боспоре, да и в других греческих центрах Северного Причерноморья, никогда не высевалась, и в пищевом рационе боспорян не имела никакого значения. Главными злаковыми культурами здесь были голозёрная пшеница и плёнчатый яч-

¹ Исследование произведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

мень. Данное обстоятельство заставляло искать для глинобитной площадки другое объяснения.

По понятным причинам площадка стала предметом целенаправленного изучения отряда в 2015–2016 гг. и окончательно доследована в 2017 г. Она вытянута по линии С–Ю (длина – 16 м, ширина – 4,5–9,5 м), площадь составляет приблизительно 130 кв. м. Обгоревшие зёрна при этом сосредоточены в южной её части, а в северной отмечаются лишь их единичные находки. В хронологическом отношении эту конструкцию можно атрибутировать в пределах II–III вв. Под ней, правда, выявлена ещё одна, более ранняя площадка. На ней тоже найдены обгоревшие зерновки злаковых, но здесь доминирует не плёнчатая пшеница, а ячмень, что тоже весьма любопытно.

При исследовании площадки были обнаружены находки, заслуживающие специального внимания. Прежде всего, здесь было обнаружено несколько керамических «хлебцев», некоторые из которых имитируют пирожки или лепёшки. Очень интересны также находки обломков лепных сосудов, украшенных налепами. Помимо обычных для памятника «шашечек» и «подковок», здесь представлены такие мотивы, как крест, волна и даже рельеф, напоминающий человеческую фигуру. Такого богатства орнаментальных мотивов на керамике в других частях памятника не отмечается. Эти особенности позволили предположить, что площадка была связана с отправлением земледельческого культа.

Такому пониманию соответствуют крупные ямы, расположенные поблизости от площадки или пробивающие её, которые следует именовать жертвенными. В данном случае не имеются в виду небольшие ямы, достаточно равномерно рассеянные в западной части памятника, в которых найдены единичные захоронения животных (собак или свиней), хотя и они, скорее всего, связаны с культом. Жертвенными ямами необходимо считать глубокие сооружения, в которых сосредоточено большое количество скелетов животных (собак, свиней, коз, коров), порой расположенных горизонтами, а также немалое количество целых керамических сосудов, в основном, лепных. Таких ям обнаружено четыре – №№ 9, 68, 80 и 89 (Виноградов 2017; Виноградов, Каспаров 2017, 55-59). В других частях памятника подобные сооружения отсутствуют.

Жертвенной, помимо перечисленных выше крупных комплексов, является небольшая яма № 94, открытая в 3-х метрах к северу от глинобитной площадки. Она не содержала скелетов животных, и находки, происходящие из нее, совсем немногочисленны, но в высшей степени

показательны. В яме был установлен лепной горшок, накрытый лепной миской. Внутри горшка находился череп маленького поросенка, и вряд ли могут быть сомнения в том, что яма № 94 использовалась для совершения жертвоприношения.

Ещё одной важной деталью, связанной с глинобитной площадкой, являются человеческие захоронения, сделанные в неглубоких ямах. Первая из них (№ 55) содержала четыре человеческие черепа, уложенные по странам света, а также некоторые другие человеческие кости (Виноградов 2017, 329-331). Во второй яме (№ 87) находился костяк человека, который можно было бы принять за погребение с большой степенью скорченности, но некоторые кости не находились в анатомическом порядке, а нижняя челюсть лежала в 15 см от черепа. По определению известной специалистки в области антропологии М.В. Добровольской, костяк принадлежал мужчине в возрасте 30-39 лет. Она же заключила, что это захоронение являлось вторичным, как и яма с черепами. Это означает, что останки умерших были привезены откуда-то на Артющенко-1 и здесь погребены в неглубоких ямах. Любопытно при этом, что погребения были совершены в непосредственной близости от глинобитной площадки. Здесь же в культурном слое были обнаружены два черепа, принадлежавшие очень молодым людям.

Все эти детали (глинобитная площадка с сожжённой пшеницей одозернянкой, жертвенные ямы и человеческие захоронения) позволяет предположить, что на западной окраине поселения в первые века н.э. существовал некий священный участок, на котором производились весьма своеобразные сакральные действия, которые вряд ли можно связывать с греческой культурной традицией. У варваров Северного Причерноморья таких комплексов пока не зафиксировано, хотя отдельные схожие черты давно и хорошо известны. Прежде всего это относится к почитанию человеческих голов и черепов (см.: Кнауэр 2001; Шауб 2007, 94-99, 114-115); на некоторых памятниках, к примеру, на Илурате известны и жертвенные ямы (Гайдукевич 1958, 65), хотя они не были выделены из других, связанных с хозяйственной деятельностью населения.

Аналогии священному участку поселения Артющенко-1 пока нам не известны. Для лучшего его понимания, однако, стоит указать на памятники, распространённые на территориях весьма далёких от Боспора Киммерийского. Современные археологические исследования демонстрируют, что во Фракии существовали три вида святилищ: 1) расположенные на горных вершинах, 2) состоящие из ям, 3) эллиптические (Tonkova

2003, 479). Для нас сейчас наибольший интерес представляют вторые. По всей видимости, эти ямные святилища существовали здесь с бронзового века, наибольшее распространение получили в VI-III вв. до н.э., но сохранились и в римское время (см.: Tonkova 2003, 482; Theodossiev 2011, 19; Vozkova 2016, 475-476).

Святилища такого типа по существу представляют собой ямные поля, состоящие из серии ям (от дюжины до сотен), которые болгарские исследователи именуют культовыми (Тонкова 2007, 55; Tonkova 2005), и для такого заключения имеются все основания. Ямы этих святилищ содержали как сакральные предметы, так и бытовой материал; в некоторых из них находились костяки животных и даже людей. Последние, разумеется, привлекают наибольший интерес исследователей (Tonkova 2003, 496-498, 502; 2010). В этом отношении они, как представляется, во многом схожи с некоторыми культовым комплексом, открытым на западной окраине поселения Артющенко-1. Конечно, наш священный участок не следует считать «ямным святилищем» хотя бы по той причине, что, как неоднократно говорилось выше, главным его элементом была глинобитная площадка, на которой сжигалась пленчатая пшеница. Во Фракии такой элемент, как будто, не был выявлен ни разу. В остальном же определенное сходство ямных святилищ Фракии со священным участком Артющенко-1, а, надо думать, и другими культовыми памятниками Боспора представляется очень вероятным.

Связан ли открытый на Артющенко-1 культовый комплекс с проникновением на Боспор Киммерийский фракийских культурных элементов или даже фракийских этнических групп? В последнее время этот вопрос приобретает известную актуальность (см.: Сударев, Иванов 2018, 48-55). В этом отношении следует указать, что в Северном Причерноморье импульсы, исходившие из фракийского мира, имели место неоднократно и обычно достигали западного берега Днепра, не распространяясь далее к востоку. В очередной раз это произошло во II-I вв. до н.э. Естественно, и на сей раз фракийские элементы фиксируются в Нижнем Поднепровье, где новые явления прослеживаются на материалах лепной керамики, украшенной всевозможными налечами, шишечками и т.д. находки такой керамики происходят с городищ обозначенного района, что в большинстве случаев связывается с присутствием здесь выходцев с запада (см.: Мелюков 1984, 231-232).

На Боспоре Киммерийском фракийские элементы в материалах лепной керамики, как считается, получили распространение лишь в рим-

ское время. Е.Г. Кастанаян связывала их распространение с реальным присутствием фракийских этнических групп в этом регионе (Кастанаян 1981, 124 сл., 127). Кстати, некоторые декоративные элементы, восходящие к этой традиции, представлены на лепной посуде, обнаруженной при раскопках Артющенко–1. Так что очень может быть, что известное сходство священного участка поселения Артющенко–1 с ямными святилищами Фракии стало результатом усиления фракийского культурного влияния на Боспоре в римское время или даже проникновением сюда фракийских этнических групп.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.А. 2001. Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, Анапа.

Виноградов Ю.А. 2013. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // ПИФК. № 2.

Виноградов Ю.А. 2015. Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко–1 (Таманский полуостров) // Таврические студии. № 7. Международная научно-практическая конференция «Археология и история Боспора». К 70-летию Боспорской экспедиции (Пантикапей). 13-14 августа 2015 г., Керчь–Симферополь.

Виноградов Ю.А. 2016. Изучение молотильного тока на поселении Артющенко–1 // Таврические студии. Серия: Искусствоведение. № 10 (24).

Виноградов Ю.А. 2017. Молотильный ток или сельское святилище? К интерпретации объекта, открытого на поселении Артющенко–1 (Таманский полуостров) // *Ex Ungue Leonem*. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб.

Виноградов Ю.А. 2018. Поселение Артющенко–1 (Бугазское) на Таманском полуострове. Итоги археологических исследований 1998–2017 гг. // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. СПб.

Виноградов Ю.А., Каспаров А.К. 2017. Необычные ямы античного поселения Артющенко–1 на Таманском полуострове // Таврические студии. Серия: Исторические науки. № 12.

Гайдукевич В.Ф. 1958. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. № 58.

Кастанаян Е.Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л.

Кнауэр Э.Р. 2001. О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня // Таманский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.: СПб.

Мелюкова А.И. 1984. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н.э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.

Сударев Н.И., Иванов А.В. 2018. Арифарн – царь фракийцев // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб.

Тонкова М. 2007. Депа за дарове и дарове от късножелязната епоха от светилището при Бабяк, Западни Родопи // Годишник на Националния археологически музей. 11.

Шауб И.Ю. 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.

Bozkova A. 2016. Pits of the first millennium B.C. in Thrace, sine ira et studio // Southern Europe and Anatolia in prehistory. Essays in honor Vassil Nikolov on his 65th anniversary. Bonn (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 23).

Theodossiev N. 2011. Ancient Thrace during the First Millennium BC // The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC. Peeters.

Tonkova M. 2003. Late Iron Age pit-sanctuaries in Thrace: the contribution of the studies at Glebacevo // Thracia. 15.

Tonkova M. 2005. Les depots d'offrandes du deuxième âge du fer dans le sanctuaire thrace de Babjak, le Rhodope occidental // The Culture of Thracians and their Neighbours. Oxford (BAR International Series 1350).

Tonkova M. 2010. On human sacrifice in Thrace (an archaeological evidence) // The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in honorem Valerii Sirbu. Brăila, 2010.

Vinogradov Yu.A. 2015. Excavations at the Settlement of Artyuschenko I (Bugazskoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. Vol. 21. Fasc. 1.

Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.Yu. 2005. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko–1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. Vol. 11. Fasc. 2.

ВИНОКУРОВ Н.И.
(МПГУ, Москва)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН. ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В ходе разведок ААЭ 2918 г. на территории юго-западного некрополя городища Артезиан¹ (Открытый Лист № 439 от 16.05.2018 г.) были обнаружены четыре средневековых погребения, предварительно датированные VIII–X вв. н.э. – XVII–XIX вв. н.э.

Погребение 1/2018. Погребение 1 найдено в шурфе 2 на глубине около 0,70–0,80 м от современной поверхности (рис. 1). Координаты объекта: WGS-84: 45°23'28,77 36°09'45,99. Погребальное сооружение – грунтовая могила, овальная в плане и корытообразная в сечении, вытянута

¹ Некрополь расположен в Ленинском районе РК, в 1,681 км к северу от северо-западной окраины пос. Чистополье, в 2,22 км к северу-северо-западу от железнодорожной станции «Чистополье» (азимут 16 0,65°), в северной низменной части южного склона урочища Артезиан, в 373 м юго-западнее ОКН «Городище Артезиан». Является вновь выявленным. Суммарно датируется от античной эпохи до IV в. до н. э.–VIII–X в. н.э. – XVII–XIX вв. н.э. Территория некрополя впервые исследовалась в 1992 г. в ходе разведок Артезианского отряда ВКАЭ ИА СССР, когда на южном склоне урочища Артезиан под фундаментами жилой и хозяйственной застройки поселения Маяк-Салын в шурфе 5,00x5,00 м были выявлены следы тризн античного времени. В ходе разведок ААЭ в 2017 году Н.И. Винокуровым и Д. В. Бейлиным (ОЛ № 133 от 03.04.2017 г.) при визуальном обследовании предполагаемого землеотвода карьера по добыче песка на месторождении Центрально-Салынского открыты одиночные курганы и курганные группы эпохи энеолита и бронзового века «Паша-Салын юг 1–3» (всего 7 курганов), скопления бутовых камней, античный и средневековый подъёмный материал, остатки фундаментов домов позднесредневекового поселения Маяк-Салын. Из них после разведок А.В. Зинько 2017 г. на учёт были поставлены «Курган Чистополье-Северное» (курган 1 из КГ «Паша-Салын юг 1») и «курганная группа «Чистополье-Северное (курган 1 и 2» (курганная группа «Паша-Салын юг 2»). Они были раскопаны весной 2018 г. С. Г. Колтуховым (ОЛ № 2585). В процессе работ в прикурганном пространстве кургана «Чистополье-Северное» выявлен и изучен участок грунтового юго-западного некрополя городища Артезиан эллинистического и римского времени с 28 могилами. В этом же году А. М. Михайловым (ОЛ №2026 от 21.09.2017 г.) при определении границ ОКН «Городище и некрополь Артезиан» открыта плитовая гробница.

по линии юго-запад-северо-восток. Её размер: 1,92/2,01x0,68/0,86 м, глубина – 0,34–0,40 м. В древности, глубина могилы была явно больше, но реконструировать её не представлялось возможным. Несмотря на поздние повреждения от распашки, удалось установить первоначальный размер ямного пятна: 1,98/2,05x0,90 м.

Внутри могилу заполнял средней плотности коричнево-желтый грунт с тёмно-коричневыми и черными гумусными микропрослойками, без находок. В могиле расчищен лежавший вытянуто на спине мужской скелет хорошей сохранности старше 50 лет (*senilis*)², ориентированный головой на юго-запад, лицом на северо-восток. Руки костяка располагались вдоль корпуса, левая нога прямо, правая нога согнута в колене и развернута коленным суставом на юго-восток. Левая рука находилась вплотную к корпусу, примыкая к левому крылу таза, правая рука – заметно сдвинута от костяка к восточному борту могилы. Мужчина – европеоид, рост – 172–174 см. Дно погребения 1 ровное, с некоторым уклоном к северо-востоку, находилось на глубине –1,02–1,11 м, отмечено чёрно-коричневой прослойкой в 1–3 см вязкого тёмного грунта, образовавшегося при разложении органики. Особенностью погребального обряда являлось наличие в верхней части ямы над головой нескольких бутовых известняковых камней средних размеров (0,26x0,22x0,14 м; 0,12x0,10x0,08 м). Они залежали в верхней части заполнения гробницы на глубине 0,75–0,78 м. Неправильное положение правой руки и правой ноги скелета, развёрнутой вправо от туловища, предполагает, что умерший в момент захоронения не был обвит погребальными пеленами или циновками. Скорее всего, его тело просто положили в могильную яму без гроба или ложа. По крайней мере, следов древесного тлена в заполнении могилы проследить не удалось.

Могильная яма впущена в тёмно-коричневый, местами чёрный, интенсивно гумусированный слой золото-затёчного происхождения с большой примесью золы, с включениями мелкого бутового камня, известковой крошки, мелких фрагментов гончарной керамики, отдельных мелких обломков стенок неопределимых трубчатых костей. В этом слое на глубине 0,38–0,42 м залегал сброс керамических стенок с характерной для понтийских амфор рельефной волной на поверхности. Сброс выявлен на 0,80 м юго-восточнее погребения. Таким образом, погребение 1 не может быть ранее VIII–X вв. Безинвентарный характер захоро-

² Определения палеоантропологических останков выполнены д.б.н., д.и.н. М.В. Добровольской (Группа физической антропологии ИА РАН).

нения предполагает возможность датирования объекта мусульманским периодом. Дата погребения 1 находится в широком хронологическом диапазоне от VIII–X вв. н. э. до позднесредневекового времени.

Погребение 2/2018. Погребение 2 обнаружено северо-северо-западнее на 9,60 м погребения 1 на глубине около 0,80–1,00 м от современной поверхности в шурфе 3 (рис. 2). Координаты по WGS-84: 45°23'29,12»/36°09'45,94». Верх заполнения отмечен мелкими бутовыми известняковыми камнями, размером 0,15x0,12x0,10 м, 0,12x0,08x0,07 м. Контуры могильной ямы в плане выявлены на глубине 0,60–0,67 м. Размер ямного пятна: 1,90/1,92x0,70/0,75 м. В плане оно имело неправильную овальную форму. В западной части, верх ямного пятна отмечен скоплением мелкого известкового бута и крошки. Возможно, камни остались на месте установки надгробного памятника или креста. Но это только предположение, так как ямки для его основания выявить не удалось. Впрочем, она могла быть срезана позднейшей плантажной распашкой. В 0,20 см северо-восточнее от камней внутри ямного пятна выявлен на глубине 0,60 м обломанный, сильно коррозированный кованый гвоздь. Судя по стратиграфии, он оказался в могиле во время её засыпки.

Погребальное сооружение – грунтовая могила, овальная в плане и корытообразная в сечении. Она вытянута по линии юго-запад-северо-восток. Её размер: 1,86/1,93x0,58/0,73 м, глубина 0,49–0,55 м. Борта гробницы сужались книзу. По этой причине придонная часть могилы, заглубленная в материковый грунт на 0,32 м, была уже верхней. Её длина 1,78 м, ширина 0,57/0,61 м. Дно могилы выровнено, располагалось на глубине 1,13–1,17 м от современной поверхности. Внутри могилу заполнял средней плотности мешаный коричнево-бурый грунт с включениями глинистых жёлто-коричневых и гумусных тёмно-коричневых и чёрных прослоек средней плотности, который у дна, переходил в более тёмный, коричнево-чёрный, плотный и вязкий грунт, без находок. В ходе изучения засыпи могилы 2, раскрыт скелет женщины 30–39 лет (adultus II), лежавшей вытянуто, на спине, головой на юго-запад, лицом на северо-восток. Правая рука, немного согнута в локтевом суставе, вытянута вдоль корпуса, левая, также согнута в локтевом суставе, кистью на левом крыле таза. Ноги располагались прямо, параллельно друг другу. Реконструированная длина тела составляет 155–158 см. Положение правой руки и ног показывает, что погребённая была положена без пеленания. Следов дерева от гроба не найдено. Под черепом остался небольшой уступ несрезанного материкового грунта, высотой около 0,14 м. Лобная кость и

лицевые кости черепа продавлены и растрескались. Инвентаря не выявлено.

Ориентация погребения, глубина залегания и положение скелета, отсутствие гроба или следов погребальных пелен, наличие скопления камней в верхней части могут свидетельствовать о хронологической близости с расположенным юго-западнее мужским захоронением 1. Дата погребения 2, вероятно, также находится в широком хронологическом диапазоне от VIII–X вв. н. э. до позднего средневековья.

Погребение 3/2018. Погребение 3 обнаружено северо-восточнее погребений 1–2 на расстоянии 22, 25 м и 32, 90 м во время расчистки промоины на скате грунтовой дороги. Координаты WGS-84: 45°23'28,37/36°09'47,02. Южнее и севернее от него располагались другие погребения, над которыми также образовались глубокие промоины³. Датировка находок из заполнения промоины находится в широком хронологическом диапазоне: от эпохи мезолита до античного времени и средневекового периода, в целом соответствует антропогенному освоению южного склона урочища Артезиан⁴.

Для исследования погребения севернее промоины размечен шурф 11, который ориентирован по линии юго-запад-северо-восток, по направлению могильной ямы. После выборки пласта 2: глинистого жёлто-коричневого суглинка с небольшим количеством включений бутовых известняковых камней и мелких обломков стенок античных амфор и простой гончарной керамики средневекового времени на глубине 0,40–0,48

³ Все промоины в плане аморфные, глубиной до 0,30–0,80 м. Они фиксировались в естественном жёлобе водостока, промытом водными дождевыми потоками вдоль восточного борта грунтовой дороги Чистополье-Лагерь ААЭ, ориентированной юг-север. По восточному скату дороги отмечено не менее трёх ярусов погребений, расположенных по линии северо-восток-юго-запад. Они отстояли друг от друга с юга на север на расстояниях от 1,50 до 2,00 м, что позволяет судить о плотности захоронений, структуре и планиметрии некрополя. Кости руки взрослого человека выявлены на дне промоины во время зачистки бортов и выборки заполнения. Они находились на глубине около 0,60–0,65 м от поверхности дороги, на 0,80–1,00 м ниже верха её восточного борта. Контур северной части могильной ямы открыт в нижней части промоины в предматериковом суглинистом буро-коричневом грунте на глубине 0,40–0,43 м.

⁴ Археологические находки в промоине: фрагменты стенок гончарных сосудов – 81 (простой гончарной средневековой керамики – 64 (включая с зелёной поливой – 9); античных амфор – 17) красной, коричневой, бежевой глины (п. о. 159/2018); угловой скол прямоугольной плиты белого мраморовидного известняка с неглубоким округлым глухим отверстием 25 мм, глубиной 45 мм с торца для крепежа (обломок надгробной плиты или стелы?), размер 220x160x140 мм (к. о. 26/2018); фрагмент ножевидной пластины бежевого цвета; тёмно-серый кремнёвый отщеп; чёрный кремнёвый отщеп (к. о. 2–4/2018); фрагмент полотна железного меча(?) (к. о. 1/2018); часть сильно коррозированного полотна железной пилы с округлым отверстием для крепления (п. о. 160/2018).

м было выявлено в материковом грунте ямное пятно могилы 3 с разнородным мешаным глинисто-гумусным заполнением, выделявшееся и тёмно-коричневым цветом. Пятно в плане было вытянутой овальной формы, длиной 1,98 м, шириной в западной части до 0,84 м, в восточной – до 0,64 м.

Погребальное сооружение – грунтовая овальная могила, трапециевидная в сечении. Она вытянута по линии юго-запад-северо-восток. Её размер: длина 1,96/1,98 м, ширина 0,84 м (западная часть)/0,64 м (восточная часть), глубина 0,40 м. Борты гробницы прямые, едва заметно сужались с торцов книзу.

Заполнение могильной ямы погребения 3 – мешаный коричневый грунт с большим количеством жёлто-коричневых и гумусных тёмно-коричневых, почти чёрных прослоек средней плотности, у дна, на уровне костяка – более тёмный, коричнево-черный, плотный и вязкий. В нём найдены в пласте 3 на глубине 0,40–0,60 м несколько мелких неокатанных стенок античных красноглиняных амфор и простых гончарных сосудов средневекового времени, попавшие сюда при засыпке могилы, мало отличных от фрагментов стенок из пласта 2 шурфа 11. Могильная яма погребения 3 заглублена преимущественно в плотный материковый суглинок жёлто-коричневого цвета, с пятнами ожелезнённой глины бурого-коричневого цвета. Дно могилы выровнено, располагалось на глубине 0,80 м от современной поверхности.

В погребении 3 находился костяк мужчины старше 50 лет (*senilis*), захороненного вытянуто, на спине, вплотную к южному борту могилы, с завалом на правый бок; ориентирован головой на юго-запад, лицом на юго-восток. Правая рука вытянута вдоль корпуса, левая, согнутая в локтевом суставе, сдвинута от тела к северному борту могилы; кисти рук разжаты, ладонями вниз; таз развёрнут вправо, левым крылом вверх. Левая нога находилась прямо, правая была заметно согнута в коленном суставе, развёрнута вправо, ступни повернуты вправо. Индивид характеризуется монголоидным обликом. Реконструированная длина тела составляет 167–168 см.

После разборки скелета под черепом на глубине 0,80 м, на уровне дна могильной ямы, обнаружена небольшая окатанная морская серая галька овально-уплощённой формы (к. о.5/2018), размером 17x10x2/3 мм. Она не имела следов дополнительной обработки, но которую можно при желании принять за амулет или игрушку. Подобные гальки встречались только на черноморском побережье. Но, скорее всего, её попадание в

гробницу было не намеренным, галька могла оказаться в засыпи могилы случайно при её сооружении или в момент совершения захоронения. Тем не менее, на всякий случай, в коллекцию данную находку взяли. Другого сопровождающего инвентаря не выявлено. Датировка захоронения 3 по стратиграфическим данным близка погребениям 1–2 и не выходит за период от VIII–X вв. н. э. до позднего средневековья.

Погребение 4/2018. Погребение 4 открыто в шурфе 8⁵ на глубине 0,60 м северо-восточнее погребения 3 на 20,15 м и восточнее погребения 2 на 29,45 м. Координаты WGS-84: 45°23'29,00/36°09'47,22. Ямное пятно погребения имело неправильную в плане овальную форму. Его длина составляла 1,18 м, ширина 0,32/0,42 м. Пятно выделяло более тёмное коричнево-жёлтое слоистое заполнение, отличное от окружающего предматерикового жёлто-коричневого суглинка. Типом погребального сооружения является овальная в плане и корытообразная в разрезе могильная яма, без следов перекрытия. Продольной осью она ориентирована, как и ямное пятно, по линии юго-запад-северо-восток. Её размер: длина 1,32/1,35 м, ширина 0,40/0,47 м, глубина 0,33/0,40 м. Её борты неровные, сужались книзу. Нижняя часть могильной ямы выкопана до 0,15–0,20 м в материковом жёлтом плотном суглинке с включениями белых вторичных карбонатов. Заполнение могильной ямы – мешаный коричневый грунт с большим количеством жёлто-коричневых и гумусных тёмно-коричневых, почти чёрных прослоек средней плотности, у дна, на уровне костяка – более тёмный, коричнево-черный, плотный и вязкий.

В погребении 4 находился скелет ребёнка 8–9 лет, предположительно, мальчика, захороненного на правом боку, ориентированного головой на юго-запад, лицом на северо-восток. Правая сторона его костяка разрушена плантажной распашкой и кротовинами, поэтому положение правой руки не установлено, левая рука, немного согнута в локтевом суставе, кистью на левом крыле таза. Ноги вытянуты, скрещены в области голени, левая нога на правой. Кости ступней не сохранились. Сравнительно неровное дно могилы располагалось на глубине 0,73–0,80 м и маркировано тонким в 10–30 мм тёмно-коричневым тленом от разложения органики. Перепад высот в 0,07 м к юго-западу от северо-востока был довольно заметен. Инвентаря в погребении не выявлено.

Датировка погребения, по-видимому, аналогичная погребениям 1–3. Этому не противоречат ориентация и форма могильной ямы, положение костяка. Обращает внимание сходство в положении костяка, ли-

⁵ Шурф 8 размеров 1,00x2,00 м, ориентирован по оси север-юг.

цевой части черепа с могилой 3 с захоронением пожилого мужчины, открытом в шурфе 11. Они отличаются от захороненных на спине мужчины и женщины в гробницах 1 и 2. Возможно, на одном участке хоронились люди с различной погребальной традицией, тем более что в захоронении 3 находился индивид с явными монголоидными признаками. Следует отметить, что данные захоронения отличаются от средневековых мусульманских погребений, которые были раскопаны в 1989 г. Артезианским отрядом ВКАЭ ИА СССР под руководством А. В. Токарева при исследовании кургана 1 юго-западнее пруда, на окраине пос. Маяк-Салын, в 1,5 км восточнее юго-западного некрополя Артезиан. Правда, там встречались захоронения в неглубоких широких овальных ямах, погребённые хоронились на правом боку с такой же ориентацией, как и в нашем случае, но отличались набросками бутового камня слева и справа от могилы, а также – наличием остатков гробов.

Следует отметить, что погребения 1–4 и переотложенный культурный слой обнаружены в местах с очень мощной георадарной аномалией, что подтверждает необходимость раскопок этого участка вручную на широкой площади, без применения землеройной техники. Характер и залегание выявленных в 2018 г. погребальных объектов, которые не были ограблены ни в древности, ни в современный период, требуют на этой территории тщательных и продуманных научных раскопок.

Рис. 1.2. Погребение 1 мужчины старше 50 лет в шурфе 2 с юга
3. Верхняя часть скелета погребения 1 с востока
ОАН «Юго-западный некрополь городища Артезиан»
Ленинский район. Республика Крым

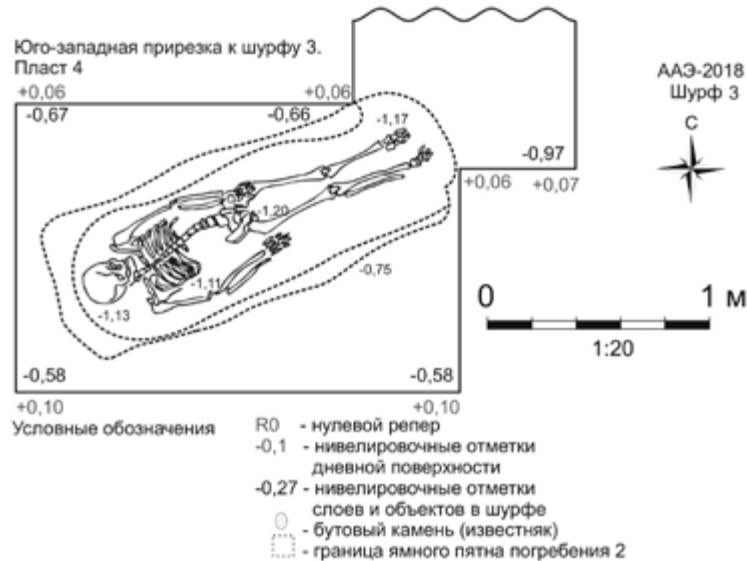

Рис. 2.1. План погребения 2 в шурфе 3 и прирезках к нему. ОАН «Юго-западный некрополь городища Артезиан», Ленинский район, Республика Крым

Рис. 2.1. Погребение 2 женщины около 35 лет в шурфе 3 с северо-востока и востока. Ближний и дальний планы. ОАН «Юго-западный некрополь городища Артезиан» Ленинский район. Республика Крым

ВЛАСОВ В.П.
(ИАК РАН, Симферополь)

О «ГРЕЧЕСКОЙ» ЛЕПНОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ АНТИЧНЫХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Археологическая лепная керамика (далее – ЛК) при соответствующем методическом подходе к её изучению является ценным вещественным источником, позволяющим получить сведения о разных аспектах человеческой жизнедеятельности. Как элемент традиционно-бытовой культуры людей, которые занимались её изготовлением, ЛК содержит информацию об их этнокультурной принадлежности. И если в отношении ЛК из памятников варварского населения Северного Причерноморья данное положение споров не вызывает, то вопрос этнокультурной атрибуции ЛК, обнаруженной при раскопках античных центров данного региона получил неоднозначную трактовку.

Так, по мнению Т.Н. Книпович [Книпович 1934], И.Т. Кругликовой [Кругликова 1951; 1954], Е.Г. Кастанаян [Кастанаян 1952; 1981] и Н.В. Пяташевой [Лапин 1966, с. 162, сноска 40], ЛК из городов Азиатского и Европейского Боспора, а также Ольвии связана с местным негреческим населением, поскольку греки, знакомые с гончарным кругом, даже для кухни не использовали и, тем более, не делали лепную посуду.

Иного взгляда придерживались С.В. Киселев, Д.П. Каллистов и В.В. Лапин. Если два первых исследователя полагали, что лепная посуда, из-за своей дешевизны и простоты назначения, вполне «могла употребляться... для кухонных нужд в любом греческом доме...» [Каллистов 1949, с. 52; Лапин 1966, с. 162, сноска 40], то В.В. Лапин, оперируя находками из раскопок античных поселений Нижнего Побужья, высказался, что ЛК, в основном, кухонную, греки-колонисты не только использовали, но и сами производили [Лапин 1966, с. 162-168].

Позицию В.В. Лапина обстоятельно и аргументировано подверг критике К.К. Марченко [Марченко 1988], после чего вопрос о греческом происхождении изготовителей ЛК эллинских центров Северного Причерноморья был закрыт. С конца XX в. и до относительно недавнего времени в научной литературе утвердилась точка зрения, что находки лепных керамических изделий в слоях и комплексах античных поселений Северного Причерноморья обусловлены присутствием в составе их жителей выходцев из местных варварских племён. Именно они выделяли и использовали в повседневном быту ЛК, а этнокультурные особенности этого разнородного варварского населения проявлялись в специфических формах и декоре изготавливаемой ими продукции, в основном, посуды.

Однако, в 2003 г. вышла статья С.Н. Сенаторова, в которой были вновь озвучены уже, казалось бы, забытые идеи. Изучив фрагменты стенок, примерно, от 12-ти горшков, найденных при раскопках «помещения с колодезцем» в VI квартале Северо-Восточного района Херсонеса, в остатках позднеархаического слоя конца VI – первой половины V вв. до н.э., автор обратил внимание, что все они имели грубо обработанную внешнюю поверхность такого же качества, как и у лепных сосудов, однако на их внутренней стороне прослеживались следы правки на гончарном круге. На этом основании С.Н. Сенаторов признал вероятность изготовления этой посуды греками, поскольку данные о применении гончарного круга таврами отсутствуют [Сенаторов 2003].

Помимо С.Н. Сенаторова, возможность изготовления лепной посуды крымскими греками допускал и Г.М. Буров. Не подкрепляя, правда, своё предположение конкретными материалами, исследователь отмечал, что ЛК, встречающаяся в греческих городах Таврики, близка к скифской. Отчасти, она оказалась там в результате греко-варварских контактов, как и античная посуда у скифов, но значительная часть ЛК изготавливалась самими греками, особенно на ранних и сельских поселениях [Буров 2006, с. 56].

Реанимированная спустя почти 40 лет точка зрения В.В. Лапина нашла отклик и получила дальнейшее развитие в целом ряде самостоятельных и совместных публикаций Н.А. Гаврилюк. Отдельно рассмотрев находки ЛК из Ольвии [Гаврилюк 2006], Березани [Гаврилюк 2007], Тиры [Гаврилюк 2010], Нимфея [Гаврилюк, Соколова 2007], Китея [Гаврилюк, Молев 2013], Кульчука [Гаврилюк 2013] и Артезиана [Гаврилюк 2016], Н.А. Гаврилюк распределила изученный материал конкретных памятников по нескольким хронологическим периодам, выделив в каждом из

них разные по происхождению культурные группы ЛК. В основном, это группы варварской ЛК, но помимо них, впервые была выделена группа греческой ЛК. Итоговые результаты проделанной работы изложены исследовательницей в двух обобщающих статьях [Гаврилюк 2014; Гаврилюк, Тимченко 2014].

Основная мысль Н.А. Гаврилюк сводится к тому, что ЛК появилась у первых греческих колонистов на самом раннем этапе их истории в Северном Причерноморье (архаический период) поскольку доставка гончарной посуды из метрополии была затруднена, а её собственное местное производство еще не было налажено. ЛК, таким образом, выделяло не автохтонное население, а сами эллины, восполняя «... естественную убыль гончарной кухонной посуды». Так сформировалась группа греческой ЛК, которую изготавливали переселенцы и которая имела греческие корни. Феномен ЛК в античных государствах Северного Причерноморья, соответственно, изначально обусловлен не присутствием варваров, а экономическими потребностями греков-колонистов. «Авторизованная греческая лепная керамика, т.е. ЛК, произведенная в греческой среде по греческим гончарным образцам» продолжала существовать в северопонтийских античных поселениях и в последующие периоды наряду с ЛК, которая отражала «варварское влияние на бытовую культуру греческого населения» [Гаврилюк, Тимченко 2014, с. 29].

На первый взгляд, сделанный Н.А. Гаврилюк вывод выглядит убедительным, а, главное, «новаторским» с научной точки зрения, поскольку, наконец-то, хоть и частично, но всё же удалось опровергнуть доминировавшую в антиковедении в течение нескольких десятилетий гипотезу о варварской принадлежности ЛК из античных центров Северного Причерноморья [Гаврилюк, Тимченко 2014, с. 30]. Можно было бы только поздравить коллегу с очередной творческой победой, но не всё так просто. Если не реагировать на высказывания Н.А. Гаврилюк, то придётся смириться с подкреплённой именами авторитетных украинских и российских археологов иллюзией обогащения научных знаний в области изучения северопричерноморской ЛК и этнической истории региона «новыми открытиями», а у исследователей могут сложиться искаженные, если не сказать ошибочные представления относительно этнокультурной атрибуции ЛК не только из античных, но и из варварских центров Северного Причерноморья.

Не вдаваясь сейчас в детальное рассмотрение всех аспектов той исследовательской работы, которую проделала Н.А. Гаврилюк по анали-

зу и систематизации ЛК из античных памятников Северного Причерноморья – это тема отдельного разговора, укажем лишь наиболее уязвимые, на наш взгляд, положения её вывода.

Начать надо с того, что в решении проблемы, к которой вновь обратилась Н.А. Гаврилюк, имеются два взаимоисключающих варианта, ни один из которых нельзя подтвердить фактами. С одной стороны, мы не можем исключить возможности изготовления лепной посуды отдельными представителями малообеспеченных слоёв греческого общества в античных центрах Северного Причерноморья. С другой стороны, имеющиеся данные и здравый смысл свидетельствуют против этого.

Появление собственноручно изготовленной ЛК у греков-первопоселенцев в период архаики Н.А. Гаврилюк объясняет отсутствием у них гончарной посуды. Повторим, факт изготовления ЛК именно греками ничем не доказан. Само по себе присутствие среди находок античных центров Северного Причерноморья ЛК не даёт никаких оснований связывать её исключительно с греками, поскольку наличие в составе населения греческих полисов Северного Причерноморья какого-то количества варваров, особенно на ранних этапах их существования, особых возражений никогда не вызывало.

Далее, в пользу негреческого происхождения ранней ЛК из античных поселений Северного Причерноморья свидетельствуют любопытные данные, приведенные, кстати, самой Н.А. Гаврилюк, но оставленные ею без внимания. Потребность в ЛК возникла исключительно у эллинов Нижнего Побужья (Ольвия, Березань, Большая Черноморка 2) [Гаврилюк, Тимченко 2014, табл. 1]¹, тогда как все остальные северо-понтийские греки, которые тоже должны были ощущать нехватку гончарной посуды, лепную, тем не менее, делать не стали [Гаврилюк, Тимченко 2014, табл. 1]. Так, например, в культурном слое конца VI – начала V вв. до н.э. Китея ЛК отсутствует². Появление ЛК в Китее относится к IV-III вв. до н.э., причём абсолютное её большинство (73%) непонятно на каких основаниях безоговорочно отнесено соавторами к греческой группе ЛК, которая сформировалась в среде этнических греков [Гаврилюк, Молев

¹ Это при том, что среди материалов архаического времени данных поселений присутствует варварская ЛК предскифской, скифской, лесостепной, фракийской и даже кизил-кобинской культурных групп, удельный вес которых равен или значительно превышает долю ЛК т.н. «греческой» группы.

² Обнаруженные в этом слое 4 фрагмента лепных кизил-кобинских сосудов Н.А. Гаврилюк и Е.А. Молев не связывают с греческим периодом жизни поселения [Гаврилюк, Молев 2013, с. 67-68].

2013, с. 103, табл. 2]. Следовательно, реконструкция развития событий должна выглядеть следующим образом: основавшие Китей эллины в условиях не совсем обустроенного быта на новом месте жительства, тем не менее, как-то обходились без ЛК, но в классический период, лет 100-150 спустя, их потомки, которые уже вполне наладили свою жизнь, успешно развивали торговлю и ремёсла, стали вдруг испытывать острую нужду в ЛК, начав своё собственное её производство. И такое положение дел (т.е. необходимость обеспечивать себя ЛК) у китейцев сохранялось вплоть до начала н.э. [Гаврилюк, Молев 2013, с. 104, табл. 2]. Надо признать, вряд ли это имело место в действительности.

Даже в том случае, если бы греческие переселенцы, оказавшись в Северном Причерноморье, были вынуждены лепить для себя посуду «от руки», то они, скорее всего, воспроизводили бы такие сосуды, формы которых соответствовали канонам покинутой ими исторической родины. По причине отсутствия специальных работ мы ничего не знаем о том, в какой мере ЛК из северопричерноморских милетских колоний совпадает или отличается от ЛК собственно греческих памятников метрополии – Милета, и как вообще соотносится между собой ЛК греков Милета и других малоазийских полисов [Крыжицкий 2006, с. 233]. Вместе с тем, комплексы ранней ЛК практически каждой из колоний в разных районах Северного Причерноморья демонстрируют локальное своеобразие, свидетельствуя об отсутствии преемственности с лепной керамической традицией метрополии. При этом самые ранние ольвийско-березанские образцы ЛК обнаруживают прямые прототипы и аналогии в местной лесостепной, степной и фракийской ЛК, а боспорские, соответственно, в кизил-кобинской (таврской).

Исходя из всего сказанного, представляется, что изготовителями лепной посуды в античных северопричерноморских поселениях всё же были не греки, а варвары. Другое дело, что ею могли пользоваться не очень зажиточные греческие семьи, поскольку стоимость ЛК была значительно ниже гончарной, особенно, привозной. Обустроиваясь на чужбине, грекам проще было покупать (выменивать) уже готовые изделия у варваров, проживавших либо вместе с эллинами непосредственно в античном полисе, либо за его пределами в соседних посёлках. Местным горшечникам, обладавшим соответствующими знаниями, умениями и опытом, у которых данный вид домашнего промысла был хорошо развит, не составляло труда лепить сосудов больше обычного, обеспечивая не только свои собственные потребности, но и нужды греков [Крыжицкий

2006, с. 233]. Из их числа, кстати, вполне могли выделяться мастера, специализировавшиеся на выполнении заказов по изготовлению лепных изделий тех категорий и типов, которые требовались эллинам. Ещё как вариант, эту ЛК могли делать (или приносить из дому в готовом виде) и туземные жёны греческих колонистов.

Таким образом, нынешнее состояние источников, а также применяемых при изучении ЛК методик не даёт оснований говорить, что жившие в Северном Причерноморье греки изготавливали какую-то особую свою собственную «авторизованную» ЛК ни на раннем, ни тем более на последующих этапах своей истории.

ЛИТЕРАТУРА

Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. // ИГАИМК.- 1934.- Вып.104.- С. 111-201.

Кругликова И.Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА.- 1951.- № 19.- С. 87-106.

Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА.- 1954.- № 33.- С. 78-113.

Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА.- 1952. № 25.

Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов.- Л.: Наука, 1981.

Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи.- Л., 1949.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации).- Киев: Наукова думка, 1966.

Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики).- Л.: Наука, 1988.

Сенаторов С.Н. Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV вв. до н.э. из раскопок в Херсонесе // Херсонесский сборник.- 2003.- Вып. XII.- С. 14-28.

Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма.- Киев, 2006.

Гаврилюк Н.А. Лепная керамика и общие статистические данные керамических материалов // Древнейший теменос Ольвии Понтийской.- Симферополь, 2006.- С. 191-197.

Гаврилюк Н.О. Проблема співвідношення «грецького» та «варварського» компонентів матеріальної культури (за матеріалами ліпної кераміки поселення на о. Березань) // Записки НТШ.- 2007.- ССLIII.- С. 335-352.

Гаврилюк Н.А. Лепная керамика Тиры // Тира. Белгород. Аккерман (материалы исследований).- Одесса, 2010.- С. 11-47.

Гаврилюк Н.А. Лепная керамика из башни на поселении Кульчук в Северо-Западном Крыму // Причерноморье в античное и средневековое время.- Ростов-на-Дону, 2013.- С. 341-361.

Гаврилюк Н.О. // Ліпна кераміка Північного Причорномор'я як джерело для вивчення етнічної та економічної історії // Археологія.- 2014.- № 4.- С. 30-50.

Гаврилюк Н.А., Соколова О.Ю. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор.- Москва – Киев – Запорожье, 2007.- С. 258-342.

Гаврилюк Н.А., Молев Е.А. Лепная керамика Китея // Древности Боспора.- Т. 17.- М., 2013.- С. 65-109.

Гаврилюк Н.А., Тимченко Н.П. Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья // Таврические студии.- Исторические науки.- 2014.- № 6.- С. 24-31.

Гаврилюк Н.А., Винокуров Н.И. Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспоро-римской войны 44/45-49 гг. городища Артезиан // Древности Боспора.- Т. 20.- М., 2016.- С. 143-176.

Крыжицкий С.Д. О критериях присутствия варваров в составе населения ранней Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья.- Труды ГИМ.- М., 2006.- Вып. 159.- С. 231-235.

ГАНЦЕВ В.К.

(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Основным занятием населения Юго-Западного Крыма в эпоху средневековья являлось сельское хозяйство, среди отраслей которого важное место занимало виноградарство и виноделие. Обилие скальных стационарных давлений для винограда зафиксировано в округе или непосредственно на территории хорошо известных «пещерных городов» Юго-Западного Крыма – Баклы, Чуфут-Кале, Кыз-Кермена, Качи-Кальона, Суйреньской крепости, Мангуп-Кале, Эски-Кермена. По данным специальной научной литературы и архивных материалов, всего в регионе известно более 200 винодельческих комплексов периода средневековья.

О развитии виноградарства и виноделия в античный период Таврики нам известно достаточно много, благодаря исследованиям Н.И. Винокурова [Винокуров, 1999; 2007]. Однако, для средневековой истории крымского виноделия такие обобщающие исследования до сих пор отсутствуют. В историографии, как правило, винодельческие комплексы этого времени лишь упоминаются, порой в труднодоступных изданиях. Практически не затронутыми остаются такие важные исследовательские проблемы, как время и обстоятельства возникновения и развития средневекового виноградарства в регионе, масштабы и технология производства вина, конструкция и типология стационарных и переносных виноградодавлений и др.

В этой связи актуальной задачей современного этапа изучения виноделия в средневековом Юго-Западном Крыму является полная ревизия имеющихся в археологической литературе сведений об этой отрасли занятий местного населения. Источниковедческие штудии необходимо дополнить обязательными разведками местности с целью повторного

обнаружения и выполнения необходимой графической фиксации археологических объектов. Только по завершении этих работ, которые, очевидно, позволят создать необходимую базу данных для будущих научных исследований, можно будет приступить к анализу и решению более общих исторических проблем.

Наиболее раннее упоминание о скальных виноградодавильнях Юго-Западного Крыма в эпоху средневековья (Качи-Кальон) принадлежит Ф. Дюбуа де Монпере, посетившему Крым в 1831-1834 гг. [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 102, 253, 263-264]. В 1870 г. в округе Суйреньской крепости Г.Э. Карауловым было открыто пять винодельческих комплексов (под северо-восточным обрывом мыса Кулле-Бурун), сооруженных, по мнению исследователя, проживавшими здесь «греками-византийцами» [Караулов, 1870, с. 9-12]. К вопросу о средневековом виноградарстве и виноделии в Крыму позднее обращался М.К. Баллас, автор историко-статистического очерка по виноделию в России. Он пришел к выводу о том, что изначально виноделие в Юго-Западном Крыму получило распространение не только на территории античного Херсонеса, но и среди населения, проживавшего в долинах рек Бельбек и Кача, где эта отрасль сельского хозяйства известна еще до I в. н.э. Позднее новый подъем виноградарства в регионе связан с расцветом генуэзских факторий [Баллас, 1895, с. 1-8].

В целом в дореволюционной литературе данные о средневековом виноградарстве и виноделии Юго-Западного Крыма немногочисленны, скальные виноградодавильни, если и упоминаются, то бегло, без детального описания; куда более живой интерес исследователей и путешественников вызывали монументальные сооружения, эпиграфические находки, скальные пещеры.

Качественно новый этап в изучении средневекового виноградарства и виноделия начинается в 30-е гг. XX в, когда скальные виноградодавильни, расположенные на Эски-Кермене, Качи-Кальоне и в округе Суйреньского укрепления, привлекли внимание сотрудников Эски-Керменской археологической экспедиции – Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна [Репников, 1932, с. 2, 9; 1935, с. 104-107; Веймарн, 1935, с. 123-124].

Н.И. Репников в своей неопубликованной работе «Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма» впервые привел список мест, где им были зафиксированы скальные виноградодавильни, с указанием их количества [Репников, 1939-1940а, л. 50, 63, 84, 123, 127, 241, 247, 252]. Подобные археологические памятники были известны ав-

тору в окрестностях Инкермана (1¹), пещерного монастыря Чильтер-Коба (1), на территории окружающих Эски-Кермен балок (3), на самом плато Эски-Кермен (3), в округе Сюйренского укрепления (18) и на Качи-Кальоне (?).

Безусловно, этот список стал основой для дальнейших исследований Н.И. Репникова. В еще одной не опубликованной своей работе он принял попытку систематизировать известные ему сведения о средневековых винодельческих памятниках, опираясь на письменные источники, информацию путешественников, личные наблюдения и археологические данные [Репников, 1939-1940б, л. 1-31]. Исследователь составил перечень мест, где ему были известны заросли одичавшей виноградной лозы – мыс Айя, вся местность к югу от Варнутской долины, Байдарская долина, на левом берегу р. Черная, в лесном урочище Хараджа-пул, в окрестностях деревни Шули, на склонах балки Кафка-Богаз, к югу от Эски-Кермена в балке Бильдеран, на склоне Эски-Кермена в долине Джан-Казы, к востоку от Черкес-Кермена в долине Тайолга, в округе г. Бойка.

Е.В. Веймарн в статье, посвященной средневековому виноградарству и виноделию в Юго-Западном Крыму, отметил 13 местностей региона, где были известны к этому времени скальные виноградодавательные – в устье р. Черная (1), пещерный монастырь Чильтер-Коба (1), окрестности и плато Эски-Кермен (6), Мангуп-Кале (4), окрестности Сюйренского укрепления (18), Качи-Кальон (не менее 60), к востоку от Качи-Кальона (11), Кыз-Кермен (4), Бахчисарайское ущелье (1) и Бакла (1). Он полагал, что расцвет виноградарства в регионе приходится на IX-XIII вв. [Веймарн, 1960, с. 113-117].

Памятники средневекового виноделия в Юго-Западном Крыму, которые датируются периодом VIII-IX вв., были известны и А.Л. Якобсону – в округе Сюйренского укрепления (18), на юго-западном склоне Загайтанской скалы (1) и на Кыз-Кермене (5) [Якобсон, 1970, с. 2, 22, 28, 152, 154].

В 60-е гг. XX вв. Крымский сельскохозяйственный институт вел комплексное исследование дикорастущего винограда в округе Мангупа, Баклы, Эски-Кермена, Качи-Кальона и других «пещерных городов» Юго-Западного Крыма с целью получения данных о начальном этапе культивирования винограда в средневековом Крыму. В.М. Маликов в неопубликованной работе по итогам этого исследования пришел к заключению о том, что эта отрасль сельского хозяйства зародилась в Таврике еще в эпоху поздней античности, но пришла в упадок в III-IV вв. в результате

¹ В скобках указывается количество виноделен.

вторжения в регион готов и гуннов. Новый подъем виноделия начинается не ранее IX-X вв., при этом местным населением сохраняются многие античные традиции выращивания винограда. В горных долинах Юго-Западного Крыма, на южном и юго-восточном побережье полуострова, от Алустана до Каффы, В.М. Маликовым всего было учтено около 170 средневековых винодельческих комплексов, из них не менее 122 расположено на территории и в округе городища Качи-Кальон [Маликов, л. 1-21].

Винодельческим комплексам округа Сюйренского укрепления посвящена статья В.Н. Даниленко «Монастырское хозяйство в Крыму». В ней впервые была сделана попытка рассмотреть более широкий круг вопросов, касающихся технологии производства вина, количества получаемой продукции, особенностей выращивания винограда в эпоху средневековья. В работе приводится уточненная цифра расположенных здесь стационарных виноградодавателей – не менее 35 [Даниленко, 1994, с. 130-141].

С целью уточнения сведений источников о количестве средневековых стационарных (скальных) виноградодавателей на памятниках Юго-Западного Крыма автором настоящего исследования в последние годы предпринята ревизия данных опубликованных письменных источников и архивных материалов. Одновременно начаты систематические обследования археологических объектов региона, на которых в разные годы они были обнаружены. Общий перечень археологических памятников, на территории или в округе которых сохранились следы средневековых монолитных стационарных виноделен выглядит следующим образом²:

1. Бакла (3) [Талис, 1969, с. 57-58; Петроковский, 1995, с. 136, 140-141];
2. Бахчисарайское ущелье (1) [Веймарн, 1960, с. 113];
3. Чуфут-Кале (1) [Чореф, 1975];
4. Кыз-Кермен (7) [Белый, 2018, с. 11-24];
5. Балка Кая-Арасы, к западу от Кыз-Кермена (9) [Белый, 2016, с. 185-187];
6. Качи-Кальон (более 120) [Веймарн, Чореф, 1978, с. 34-37];
7. Долина в 0,5 км к востоку от Качи-Кальона (11) [Веймарн, 1960, с. 115];
- 8-9. Округа Сюйренского укрепления (33) [собственные разведки автора данной публикации];
10. Горный массив Баллы-Коба, западнее с. Залесное (2) [М.Я. Чореф, А.Г. Герцен, разведки 1971 г.; разведки автора публикации 2018 г.];
11. Мангуп-Кале (10) [Герцен, Науменко, 2018, с. 619];
12. Пещерный монастырь Чильтер (1) [Беляев, 1986, с. 183-186, разведки автора публикации 2017 г.];

² Номер списка соответствует номеру, отмеченному на Рис. 1.

13. Эски-Кермен (4) [Айбабин, 2010, с. 215-217];
14-15. Округа Эски-Кермена (4) [Репников, 1939-1940, с. 84; Веймарн, 1960, с. 114; упоминаемый исследователями тарапан в балке Пхей-Июлга разведками 2018 г. не выявлен];
16. Загайтанская скала, правый берег р. Черная, близ Инкермана (1) [Веймарн, 1960, с. 113; Якобсон, 1970, с. 21];
17. Подножье массива Тарпан-Тепе, восточнее с. Красный Мак (1) [В.Л. Мыц, разведки 1979 г.; разведки автора публикации 2018 г.];
18. округа Сиваг-Кермен-Бурун, юго-западнее с. Верхнесадовое (3) [Науменко, 2018, с. 57-58, рис. 1];
19. Мыс Виноградный, западная часть Гераклеийского полуострова (1) [Яшаева, 2011, с. 388].

Таким образом, на сегодняшний день, нам известно около 19 мест расположения винодельческих комплексов в Юго-Западном Крыму. Можно выделить две зоны концентрации виноделен: первая ограничена долиной реки Кача и тяготеет к городищам Качи-Кальон и Кыз-Кермен, вторая – включает округу Мангуп-Кале, Эски-Кермена и Сюреньской крепости. Продолжение археологических разведок, безусловно, позволит увеличить список интересующих нас археологических памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. 2010. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. Вып. XVI.
Баллас М.К. 1895. Крым, степная часть Таврической губернии, Дона и Астрахани. Часть 1 // Виноделие в России (историко-статистический очерк). СПб., 1895.
Белый А.В. 2016. Винодельческий комплекс хазарского времени в районе Кыз-Кермена // Сугдейский сборник. Вып. VI.
Белый А.В. 2018. Виноградные давяльни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник. Вып. 2.
Беляев С.А. 1986. Исследование пещерного комплекса Чилтеры в 1973-1981 гг. // ВВ. Т.46.
Веймарн Е.В., Репников Н.И. 1935. Сюреньское укрепление // ИГАИМК. Вып. 117.
Веймарн Е.В. 1960. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА. Вып. 10.

- Веймарн Е.В., Чореф М.Я., 1978. «Корабль» на Каче. Симферополь, 1978.
Винокуров Н.И. 1999. Виноделие античного Боспора. М, 1999.
Винокуров Н.И. 2007. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья // БИ. Supplementum 3.
Герцен А.Г, Науменко В.Е., 2018. К изучению истории Мангупа VIII-IX вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. Вып. XXIII.
Даниленко В.Н. 1994. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории Крыма. Симферополь.
Дюбуа де Монпере Ф. 2009. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Т. 5, 6. Симферополь, 2009.
Караулов Г.А. 1870. Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке. Новороссийский календарь за 1871 г.
Маликов В.М. Виноградарство в средневековом Крыму // Научный архив Института археологии Крыма РАН, рукописный фонд, папка 214.
Науменко В.Е. 2018. Укрепление Сиваг-Кермен в Юго-Западном Крыму, новая византийская крепость «страны Дори Прокопия Кесарийского» (общие итоги археологического изучения памятника в 2015-2017) // АДСВ. Вып. 46.
Петровский В.А. 1995. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993-1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь., 1995.
Репников Н.И. 1932. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Т. XII, вып. 1-8.
Репников Н.И. 1935. Городище Качи-Кальон // ИГАИМК. Вып. 117.
Репников Н.И. 1939-1940. К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время // ИИМК РАН НА РО. Ф. 10, оп. 1, д. 41.
Репников Н.И. 1939-1940. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // ИИМК РАН НА РО. Ф. 10. оп. 1, д. 9/10.
Талис Д.Л. 1969. Раскопки Баклинского городища // КСИА. Вып. 120.
Чореф М.Я. 1975. Винодельческий комплекс средневекового городища Чуфут-Кале // Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Ф. 2, оп. 18, д. 11.
Якобсон А.Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970.
Яшаева Т.Ю. 2011. Винодельческий комплекс у пещерного храма 2 на мысе Виноградный // Археологічні дослідження в Україні 2010.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА¹

Рис. 1. Археологическая карта средневековых скальных виноградодавлен в Юго-Западном Крыму

Дворец правителей княжества Феодоро, расположенный в центральной части Мангупского городища, является единственным сохранившимся примером средневекового дворцового зодчества на территории Крыма. Его масштабность (предполагаемая площадь не менее 3 тыс. кв. м), узкая дата функционирования (в пределах 1425-1475 гг.), наличие нескольких строительных периодов, превращает памятник в эталонный архитектурно-археологический объект, прежде всего, при изучении истории полуострова в XIV-XV вв. Однако, для Мангупа исследования дворца имеют также исключительное значение в связи с использованием данного участка Мангупского плато на протяжении практически всей истории городища, от ранневизантийского до османского времени. Таким образом, памятник принадлежит к числу немногих археологических объектов, в стратиграфии которых представлены материальные свидетельства всех основных периодов истории Мангупского городища.

Для исследователей Мангупа дворец является традиционно основным объектом раскопок, начиная с 1912 г. В течение 2006-2018 гг. систематические раскопки памятника осуществлялись Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (руководитель – А.Г. Герцен). Эти работы в целом позволили завершить археологическое изучение дворцового комплекса, за исключением отдельных участков в его западной части. В пределах раскопа общей площадью более 2700 кв. метров исследованы все крупные ар-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №19-09-00124 «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника».

хитектурно-археологические объекты дворцового ансамбля 1425-1475 гг., получены материальные основания для установления его общей хронологии, внутренней периодизации, а также архитектурно-археологической реконструкции, выяснена общая стратиграфическая ситуация на территории памятника, включая культурные горизонты, связанные с застройкой додворцового и постдворцового времени (Рис. 1). В настоящей публикации подводятся основные итоги выполненной работы и формулируются главные задачи будущих исследований.

Основные этапы археологического изучения Мангупского княжеского дворца. В отличие от других архитектурно-топографических доминант Мангупского городища, дворец не упоминается авторами средневекового и Нового времени [об истории изучения памятника см.: Герцен, Науменко 2010]. Фактически его открытие произошло только в 1912 г., когда проводивший на тот момент раскопки на Мангупе Р.Х. Лепер обратил внимание на земляной холм в центральной части плато, примерно в 300 м к юго-востоку от трехнефной базилики. Он же провел первые исследования памятника. На сегодняшний день, можно выделить пять основных этапов археологического изучения дворца:

1. 1912-1914 гг.: раскопки Р.Х. Лепера. В ходе этих работ были открыты и, как сейчас становится ясным, частично (до уровня заполнения) изучены ряд крупных архитектурных объектов, составляющих ныне центральную часть дворцового комплекса – северная башня-донжон (помещение А), западная галерея (помещение В), нижний этаж большой постройки из тесаного камня (помещение С), к которой с севера примыкали два подлестничных помещения (Д и Е), с востока – еще одна галерея F, с юго-востока – помещение G («ретирад», по атрибуции Р.Х. Лепера). С юга дворец ограничивали помещения H и I, назначения которых для автора раскопок остались не ясными [Лепер 1913; Лепер, Моисеев 2018]. К сожалению, несмотря на масштабность работ 1912-1914 гг., их результаты практически не опубликованы, за исключением краткого отчета о ходе раскопок и общего плана открытых дворцовых зданий. Коллекция находок, сейчас уже сильно депаспортизованная, продолжает храниться в фондовых собраниях Государственного Эрмитажа, Херсонесского и Бахчисарайского заповедников. Изданными являются отдельные строительные надписи, в том числе с датой (1425 г.) возведения дворца [Латышев 1918], а также глазурованные сосуды из засыпи хозяйственной ямы, предшествующей помещению H [Науменко, Душенко 2017].

2. 1938 г.: раскопки А.Л. Якобсона. Также были сосредоточены в центральной части памятника, где полностью доследованы помещения С, D, E, F и южная часть галереи В [Якобсон 1953; он же, 1964, с. 126-127, рис. 45]. Главным результатом раскопок стала разработка объективной периодизации комплекса, опиравшаяся не столько на данные эпиграфики и общие архитектурные соображения, но, в большей степени, на анализ массового археологического материала. По мнению А.Л. Якобсона, в истории памятника выделяется два строительных периода – соответственно XIV в. и 1425-1475 гг. Каждый из них завершается «слоем пожаров»; после пожара 1475 г. дворец больше не восстанавливался. Еще один результат работы – оригинальная реконструкция композиционно-художественного облика дворца, быстро получившая признание в научной литературе. Для А.Л. Якобсона памятник на последнем этапе своего функционирования представлял собой асимметричный комплекс, северную и южную границы которого определяли трехэтажная башня-донжон и двухэтажное основное здание, соединенные открытой галереей с двойной колоннадой; вокруг них располагались пониженные служебные и хозяйственные постройки. Как и в случае с материалами раскопок 1912-1914 гг., результаты исследований 1938 г. до сих пор изданы выборочно.

3. 1968 г.: раскопки Е.Г. Сурова. Их основная задача – уточнение северной, восточной и южной границ дворцового комплекса, оказалась выполненной частично. Полностью удалось раскопать северную башню-донжон и открыть восточную ветвь северной крепостной стены, что значительно увеличило размеры памятника [Суворов 1972]. Однако, предложенная общая реконструкция планировки и облика дворца – симметричного ансамбля, окруженного со всех сторон оборонительными стенами, с обширным внутренним двором, разделенным на части колоннадами и ограниченным с севера донжоном, а с юга двумя парадными двухэтажными зданиями, не имеет археологических оснований. Материалы раскопок 1968 г., хранящиеся в фондах Бахчисарайского заповедника, остаются не изданными.

4. 1974 г.: раскопки Е.В. Веймарна. Наряду с работами Р.Х. Лепера, являются наиболее масштабными на территории Мангупского дворца в XX в. Площадь исследований составила 600 кв. м; раскопками затронуты многие сооружения дворца в его северной, центральной, южной и западной частях. Однако, итоговый отчет по завершении работ 1974 г. не был подготовлен. Из краткой публикации, посвященной им, наиболее ценными являются замечания Е.В. Веймарна об использовании террито-

рии дворца в раннесредневековое и османское время истории Мангупа [Веймарн, Иванов 1975].

5. 2006-2010, 2014-2018 гг.: раскопки А.Г. Герцена. Слабая опубликованность прежних результатов исследований дворца, депаспортизация находок в музейных собраниях полуострова, нерешенность многих вопросов в истории памятника, прежде всего, его композиционно-художественного облика, стали причинами возобновления археологических раскопок комплекса в начале XXI в. Особенностью новейшего этапа изучения Мангупского дворца стал систематический характер раскопок, исследования на широкой площади крупных архитектурно-археологических объектов вместе с прилегающей территорией. В результате, в течение десяти полевых сезонов были полностью доследованы все известные прежде архитектурные комплексы дворца (помещения А, В, С, Д, Е, F, G, H, I), открыты ряд новых объектов – помещения К, L, M, N, «южная дворцовая площадь», «южной дворцовая улица», 1-я и 2-я «западные улицы». На площади раскопа 2723 кв. м, помимо перечисленных крупных архитектурно-археологических комплексов резиденции правителей Феодоро, выявлены руины разновременных объектов – фрагменты 110 отдельных кладок построек, 63 хозяйственные ямы, ряд скальных сооружений, в том числе застройки додворцового и постдворцового времени. Сводная опись находок насчитывает около 18 тыс. полевых и 5 тыс. коллекционных номеров, переданных на хранение в фонды Бахчисарайского заповедника. Обращает внимание многочисленная (826 единиц, в том числе 693 с точной атрибуцией) для памятников Горного Крыма коллекция монет из раскопок дворца, характеризующая особенности монетного обращения в регионе от позднеимперского времени до конца XVIII в. Таким образом, сформирована необходимая источниковая база для решения многих первостепенных вопросов в истории памятника, которая, в настоящее время, находится в стадии обобщения и интерпретации. Отдельные находки либо археологические комплексы уже введены в научный оборот [Герцен 2010; Герцен, Науменко 2010; Душенко 2015; Науменко, Душенко 2017; и другие].

Общая стратиграфия участка исследований 2006-2018 гг. на месте Мангупского дворцового комплекса. Практически все первые исследователи дворцового ансамбля рассматривали его, главным образом, как резиденцию правителей княжества Феодоро, функционировавшую в относительно небольшой промежуток времени (1425-1475 гг.). Соответственно, этим же временем датировался накопившийся куль-

турный слой и сохранившиеся строительные остатки на месте дворца. Однако, принципиально важным результатом новейшего этапа изучения памятника является заключение об использовании данного участка Мангупского городища на протяжении всей его истории [Герцен, Науменко, Душенко 2018].

Наиболее ранние сооружения на месте Мангупского княжеского дворца относятся к ранневизантийскому периоду в истории городища, начало которого совпадает со строительством на Мангупском плато сильной крепости в правление императора Юстиниана I (527-565). Культурный слой этого времени лучше всего сохранился в южной части участка исследований, особенно за пределами дворцового комплекса. Его характеризует фрагменты ранневизантийских амфор и местной лепной керамики, а также происходящие из слоя монеты Юстиниана I и Юстина II (565-578). На остальной площади раскопа ранневизантийский горизонт был, очевидно, уничтожен более поздней застройкой. В стратиграфии памятника сохранились лишь отдельные хозяйственные комплексы (ямы), с вырубленными в скале основаниями.

Новый строительный ярус формируется в «фемный» период истории Мангупа, не ранее середины IX в. Представлен засыпью шести наземных и скальных сооружений в центральной части комплекса – на месте дворцового «двора» и помещений В, F, H, J и L. Все они оказались сильно разобранными при последующем строительстве. Из их заполнения происходит стандартный набор датирующего материала – «причерноморские» амфоры, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, флаги, кувшины «скалистинского» типа, лепные горшки с подработкой на гончарном круге. Хронологию яруса уточняют византийские монеты – от Василия I (867-886) до Романа IV Диогена (1067-1071).

Застройка следующего строительного горизонта соотносится с золотоордынским периодом в истории Мангупа. Пока она выявлена только в западной части раскопа, где зафиксированы несколько хозяйственных (ямы) и строительных (плитовая вымостка) комплексов. Культурный слой XIV в. сильно пострадал в процессе строительства дворца, но связанные с ним находки, как «переотложенные» артефакты, составляют достаточно цельную группу вещественных материалов в напластованиях 1425-1475 гг. Датирующий характер среди них имеют глазурованная керамика византийского (группа «Elaborate Incised Ware») и золотоордынского (группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware» и «Slip-Painted Ware») круга, зо-

лотоордынские кашинная посуда, бронзовые зеркала и монеты, начиная от времени Токты (1289-1313) и до правления Токтамыша (1376-1395).

В стратиграфии раскопа 2006-2018 гг. наиболее выразительными являются культурные напластования и строительные остатки собственно периода функционирования дворцового ансамбля правителей княжества Феодоро (1425-1475 гг.). Обилие закрытых археологических комплексов позволяют выделить среди них комплексы времени сооружения (около 1400-1425 гг.), а также первого (около 1425-1450 гг.) и второго (около 1450-1475 гг.) строительных периодов в истории памятника. Наиболее определена хронология комплексов последнего периода, сформировавшихся в процессе серьезной перестройки дворца в 1450-1460-е гг. и в результате его гибели в 1475 г. Раскопаны девять участков «слоя пожара» 1475 г. – на месте помещений В, F, H, J, K, L, N и террас «южной дворцовой улицы». Датирующий характер для них несут находки красноглиняной глазурованной керамики группы «Юго-Западный Крым» с монограммами «ТХ» и «ISAАK», импортных поливных сосудов групп «Miletus Ware», «Lustre Ware», «Slip-Painted Ware», «Monochrome (Blue) Ware», «селадон» и «псевдо-селадон», монеты Мехмеда II Фатиха (1451-1481), Хаджи Гирея (1441-1466) выпуска 1462-1463 гг. и генуэзско-татарские аспры периода 1442-1475 гг. Кроме того, «слои пожара» сопровождают характерные следы штурма – фрагменты гранитных ядер, наконечники стрел, свинцовые пули, находившиеся на вооружении османской армии.

Наиболее поздний строительный горизонт на участке исследований относится к османскому периоду в истории Мангупа. Отдельные жилые и хозяйственные комплексы этого времени открыты в западной части раскопа. Синхронный культурный слой характеризуют строительная и бытовая керамика, поливные изделия XVI-XVIII вв. (красноглиняных групп «Monochrome Glazed Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware», фаянс «Iznik Ware» и «Kütahya Ware»), курительные трубки, монеты Крымского ханства, от времени Менгли Гирея I (1478-1515) до Шагин Гирея (1777-1783).

Современные проблемы изучения композиции и планировочного решения дворцового комплекса 1425-1475 гг. После раскопок дворца в 1938 и 1968 гг. в историографии была открыта научная дискуссия в отношении композиционно-художественного облика резиденции правителей княжества Феодоро. В ходе нее сложились две гипотезы – об асимметричности плана памятника, северную и юго-западную границы которого определяли оборонительная башня (помещение А) и парадно-жилой комплекс (помещение С) [Якобсон 1964, с. 126, рис. 45],

либо о его симметричной планировке, которую дополняла с юго-востока еще одна гипотетическая жилая постройка [Суворов 1972]. Их авторов объединяло представление о дворце, как доминирующем на местности архитектурном комплексе, топографически обособленном оборонительными стенами и возвышающимися башней-донжоном и парадно-жилым зданием (или зданиями, по Е.Г. Суворову).

Как нам представляется, новейшие археологические исследования памятника заставляют практически полностью отказаться от этих реконструкций. Пожалуй, лишь две позиции необходимо сохранить в ходе дальнейшей работы – принадлежность всех известных к 1938 и 1968 гг. крупных архитектурных комплексов дворцовому ансамблю 1425-1475 гг. и доминирующая роль помещений А и С в его планировке. Среди причин такой критической оценки указанных гипотез выделим лишь две, наиболее важные, основанные исключительно на результатах раскопок 2006-2018 гг. Во-первых, резко выросшая (почти в три раза) площадь дворцового комплекса, в сравнении с ситуацией 1930-1960-х гг. Во-вторых, отсутствие с юга, востока и запада линий крепостных стен, которые, по мнению А.Л. Якобсона и Е.Г. Суворова, должны были отделять внутреннюю территорию дворца от окружающей застройки на Мангупском плато.

Что же представляла собой княжеская резиденция Мангупа в интересующий нас период времени с точки зрения архитектурного ансамбля? Ответить на этот вопрос на данном этапе изучения памятника все еще трудно. Полевую стадию исследований, даже на такой площади, необходимо сопроводить тщательной кабинетной работой по систематизации полученных результатов, уточнению хронологии всех выявленных архитектурно-археологических объектов, реконструкции архитектурных деталей и облика дворцовых сооружений, поиску аналогий (хотя бы на уровне отдельных архитектурных компонентов и планировочных решений) среди подобных общественных комплексов в Причерноморско-Средиземноморском регионе и пр. На сегодняшний день, можно отметить лишь ряд принципиальных наблюдений о композиции и планировке Мангупского дворца:

1. Его значительную площадь (не менее 3 тыс. кв. м), что свидетельствует о важнейшей роли памятника в градостроительной модели столицы княжества Феодоро. Особо отметим близость расположения дворца к традиционной топографической доминанте Мангупа – Большой трехнефной базилике, кафедральному собору Готской митрополии в эпоху средневековья.

2. Многофункциональный характер комплекса, в состав которого входили сооружения оборонительного, парадного, жилого и хозяйственного назначения. О важности дворца в системе фортификации Мангупского городища, как некоем командно-наблюдательном пункте после возведения Второй (Внутренней) линии обороны крепости, уже отмечено в литературе [Герцен, Науменко 2010, с. 395]. В связи с архитектурно-планировочными особенностями памятника здесь необходимо подчеркнуть, что данный многофункциональный комплекс формировался постепенно, приспособлявая к новому назначению существующие строения и дополняя их новыми сооружениями. Отсюда, вероятно, отсутствие в плане правильных внешних очертаний дворцового ансамбля и некоторая иррегулярность его внутренней планировки.

3. Сочетание различных архитектурных стилей и строительных традиций. Безусловно, влиянием западноевропейской градостроительной модели объясняется наличие на памятнике оборонительной башни-донжона, как одного из доминирующих архитектурных компонентов. Византийский стиль стабильно прослеживается в архитектурном декоре зданий. С точки зрения композиционно-планировочного решения дворец испытывает сильное «восточное» влияние – иррегулярность внутреннего плана; топографическое обособление от окружающей местности трассами улиц (с юга и запада) и открытым пространством (с востока), а не крепостными стенами, что не характерно для европейской и византийской архитектуры; близость к территории дворца рядовой жилой застройки и, таким образом, некоторая вовлеченность княжеской резиденции в существующий городской массив.

Перспективы археологического изучения памятника. Их можно разделить на два вида работ. Прежде всего, необходимо завершить раскопки в северо-западной части памятника. Они принципиально не изменят наши представления об общих размерах и границах дворцового комплекса, но могут существенно дополнить число объектов додворцового времени, в том числе непосредственно предшествующих возведению княжеской резиденции Мангупа в 1425 г. Также представляет определенный интерес раскопки на северной эспланаде дворцового ансамбля, с целью полного раскрытия крепостных сооружений и прилегающей территории в этом направлении.

Другим направлением дальнейших исследований, по нашему мнению, наиболее важным на данном этапе изучения дворца, является кропотливая работа по систематизации и точной атрибуции полученного в ходе многолет-

них раскопок памятника массива материальных источников. Именно здесь находится основной ресурс получения необходимой информации для решения практически всех оставшихся без ответов вопросов его истории.

ЛИТЕРАТУРА

Веймарн Е.В., Иванов Л.И. Раскопки на Мангупе // АО-1974. М., 1975. С. 263-264.

Герцен А.Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата. Керчь, 2010. С.96-105.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. Т. LI: Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010. С. 387-419.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006-2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2018. С. 53-58.

Душенко А.А. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 233-262.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России. II. Мангупские надписи // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 9-21.

Лепер Р.Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.

Лепер Р.Х., Моисеев Л.А. Раскопки на Мангупе // ОАК 1913-1915 гг. Пг., 1918. С. 72-84.

Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187-238.

Суров Е.Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангуп // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96-99.

Якобсон А.Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 390-418.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории материальной культуры. М.-Л., 1964. 232 с.

ГОНЧАРОВА С.М.

(Азовский историко-археологический музей-заповедник, Азов)

СЮЖЕТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ В КЕРАМИКЕ АЗАКСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Орнаментированная керамика в Азаке, изготовлялась огромными сериями. Однако, сюжетные композиции встречаются здесь очень редко. Очевидно, мастер-керамист делал их на заказ. Рассмотрим две наиболее интересные чаши. Чаша с изображением девушки стоящей у дерева (Фонды АКМ КП 4183 А104/3. Случайная находка)(Рис. 1) Диаметр -17 -17,5. Тулово имеет биконическую форму, венчик слабо отогнут наружу, гофрирован, дно на кольцевом поддоне. Часть тулова и венчика сосуда утрачена. Черепок светло-коричневый, покрыт белым ангобом. Орнамент выполнен в технике сграффито. Глазурь с внутренней стороны желтовато – зелёная, с внешней стороны большая часть тулова покрыта тёмно-зелёной глазурью.

В орнаментальном поле изображена девушка с венком на голове и крепящимся к нему покрывалом, стоящая рядом с деревом, на ней – не облегающее платье, доходящее до середины голени, немного расклешённое книзу. Платье - заштриховано начиная с линии груди. Шея украшена ожерельем, изображённым двумя линиями. Ноги изображены схематично, без обуви; правая ступня не прорисована. Черты лица, изображены в фас, брови сливаются с носом, губы изображены в виде двух параллельных чёрточек. Руки девушки обращены вправо: левая - на уровне груди, правая тянется к ветке, на которой растёт плод. Дерево изображено справа от девушки, очень стилизовано. Верхние побеги изображены в виде спиралей, на нем плод. Рисунок выполнен очень грубо.

Данная чаша не раз привлекала внимание учёных, она была опубликована Романчук А.И. и Перевозчиковым В.И. и проанализирована Булатовым Н.М. Булатов Н. М. связывает этот сюжет с мифом о древе

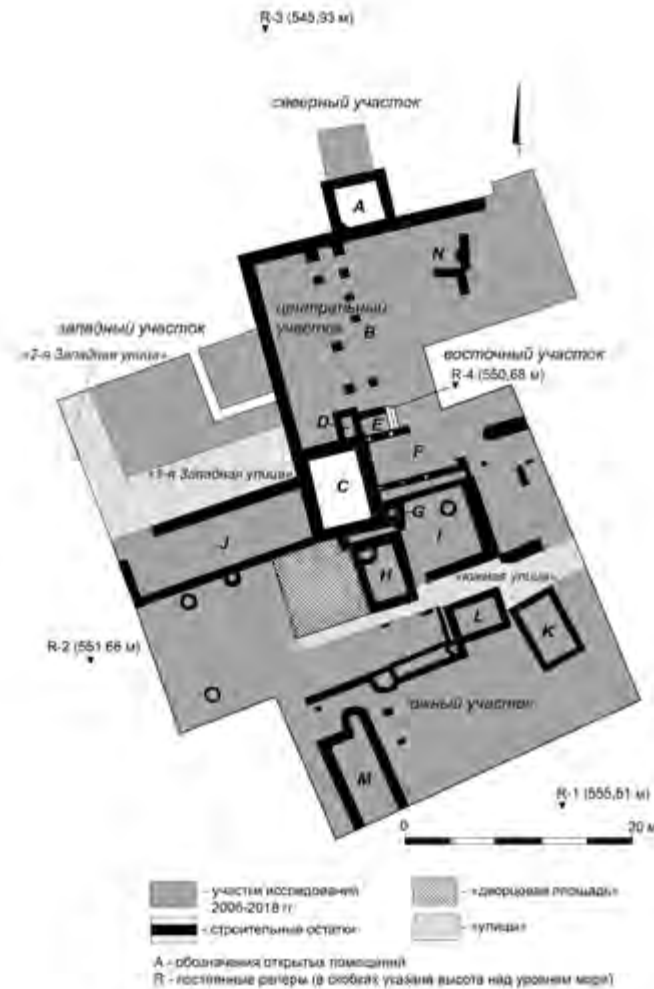

Рис. 1. Общий план Мангупского княжеского дворца 1425-1475 гг. по материалам исследований 2006-2018 гг.

жизни. Изображённую рядом с деревом женщину, отождествляют с зооастрийской богиней Анахит. На наш взгляд эту сцену можно интерпретировать иначе. Если предположить, что девушка в венке, с прикрепленным к нему покрывалом, - невеста, то перед нами изображение обряда связанного со свадебной церемонией. По наиболее распространённому мнению на чаше изображено гранатовое дерево. С древности в средиземноморских культурах гранат был символом брака и олицетворял плодovitость, плодородие, супружество и верность. Плод граната представлялся как символ Астарты (Асторет), Диметры и Персифоны (лат. Керес и Прозерпина), Афродиты (Венеры) и Афины. Поедание супругами зёрен граната делало брак нерасторжимым (см. миф о Персефоне). Мать Атти-са забеременела, прикоснувшись к гранатовому дереву. В Риме гранаты находились в руках Юноны, как символ брака. Таким образом, чаша могла быть изготовлена для особого свадебного ритуала, либо дарилась на свадьбу, для дальнейшей счастливой жизни в браке. Грубость выполнения работы говорит, скорее всего, о непривычности мастера выполнять данный рисунок.

Чаша с изображением птицы-девы - сирина (АКМ. КП29179 ОА665/36, Аз-1997, Чех -3, Р-2, я-4) (Рис. 2). Высота сохранившейся части сосуда 8,5 см., диаметр венчика - 25 см. Черепок темно-коричневый. Чаша коричневоглиняная с бесцветной желтоватой поливой. Венчик невыделен, со скругленной закраиной, очень слабо отогнут наружу. Тулово имеет сегментовидную форму. Декор выполнен в технике «сграффито». С внешней стороны на венчике расположен орнаментальный пояс, представляющий собой полосу, ограниченную двумя параллельными линиями, с вписанными между ними волнистыми линиями. На внешней поверхности - граффити, изображающее птичку. Вероятнее всего, данное граффити является детским творчеством, незамеченным мастером, либо его же пробой инструмента. Внутренняя поверхность декорирована и покрыта слоем полу-прозрачной жёлтой поливы; внешняя до середины тулова покрыта желтой поливой, нанесённой по белому ангобу. В средней части тулова имеются следы брака первого обжига: трещина замазана ангобом, который резко отличается от первоначального покрытия.

Изображение мифической птицы «сирина» занимает всю внутреннюю поверхность чаши. Центральная часть чаши утрачена, не смотря на это можно установить позу птицы – она стоит: когти на лапах вытянуты, крылья расправлены. Лицо птицы-девы изображено в фас: глаза чётко прорисованы, брови сливаются с линией носа. Волосы изображены в

виде густой чёлки, прикрывающей часть лба и трёх косичек. Головной убор трёхрогий, со сложным стилизованным растительным орнаментом.

Сирина – райская птица-дева, мифический образ солнечной птицы с человеческим лицом. Этот образ в XII- XIII в., в качестве оберега, приобрёл в искусстве христианского Востока (особенно в Персии) большую популярность и в керамике, и в металле и в монументальном рельефе, и в деревянной резьбе. На Востоке это – светлый солнечный образ. Однако, в Византии, как и в Античности, это существо демоническое смертоносное, губящее своим пением. В Азовском музее хранится крымская чаша с изображением райской птицы, изготовленная в Солхате. Здесь птица изображена на фоне райского сада, сидящей на ветке, голова её приподнята, зрачки глаз приподняты вправо вверх. На голове трёхлопастная корона, едва намечена.

Изображение чудесной птицы сирина встречается так же и на находках из Крыма, которые связывают с восточным влиянием. Изображения сирина здесь более схематичны, чем на чаше из Азака и несколько отличаются по стилистике. Широкий овал лица, зрачков глаз нет. Трёхлопастная корона не орнаментирована. Несомненно, что азакская чаша появилась в результате восточного влияния, намного наиболее важным и трудным вопросом является назначение этой чаши. Несомненно, это праздничная посуда, но для какого праздника она выпускалась? Возможно она так же носила ритуальный характер.

Рис.1. Девушка у гранатового дерева. Азак

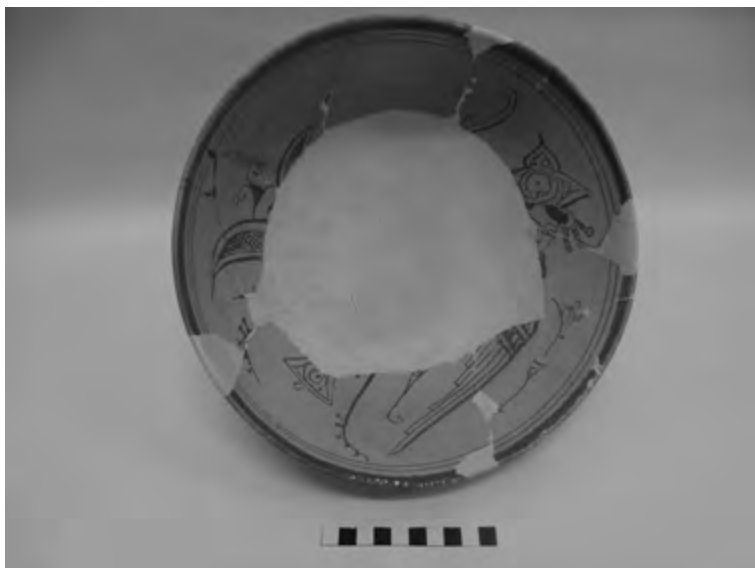

Рис.2. Фрагментированная чаша с сириним. Азак

ГУСАЧ И.Р.

(Азовский историко-археологический музей-заповедник, Азов)

КРЫМСКАЯ НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ТУРЕЦКИХ КРЕПОСТЕЙ АЗАК И СЕД-ИСЛАМ В СЕВЕРО- ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Как правило, при изучении керамических комплексов, происходящих из археологических исследований средневековых памятников, основное внимание уделяется поливной керамике, которая является наиболее массовым и «зрелищным» материалом. Неполивная керамика чаще всего остается мало охваченной вниманием исследователей. Тем не менее, она тоже может выступать в качестве своеобразного «индикатора» эпохи, отражающего степень развития производства того или иного керамического центра, широту торговых связей, уровень запросов средневековых потребителей, их религиозную принадлежность и т.д.

В ходе работ на археологических памятниках османского времени (кон. XV – нач. XVIII вв.) в Северо-Восточном Приазовье, к которым в первую очередь относятся территории двух бывших турецких крепостей – Азак (у русских Азов) и Сед-Ислам (Лютюк или Лютин), было выявлено довольно большое количество неполивных глиняных изделий. Среди них основную массу материала составили фрагменты столовой и бытовой посуды, а так же строительной керамики (черепицы, кирпичей, водопроводных труб) крымского производства. В отдельную группу были выделены крымские изделия мелкой глиняной пластики – «турецкие» курительные трубки. Все эти находки в настоящее время хранятся в фондовых коллекциях двух археологических музеев Ростовской области – ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» и ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Как выяснилось, османы весьма активно доставляли в свои донские крепости строительные материалы, изготавливаемые в керамических мастерских Юго-Восточного Крыма (ЮВК): обожженные глиняные кирпичи,

водопроводные трубы (кубуры) и черепицу-татарку, широко используемую для кровли крыш жилых домов и общественных зданий (религиозных школ, мечетей, бань и др.). В отличие от крымских кирпичей и труб для водопроводов, фрагменты «татарки» – частая находка на месте бывших жилых кварталов XVII-XVIII вв. в турецком Азаке, уже полвека (с 1960-х годов) исследуемом азовскими археологами. Довольно много этой черепицы было обнаружено и в ходе раскопок на территории бывшей османской крепости Сед-Ислам (Лютюк) на Мертвом Донце в 70-е гг. XX века.

Среди неполивных гончарных сосудов ЮБК, зачастую покрытых слоем красного ангоба и украшенных подангобным врезным геометрическим орнаментом, встречаются как фрагменты (целых форм нет) сосудов закрытых форм (кувшинов, водолеев), так и открытых форм (чаш, мисок, тазиков на трех ножках) с явным численным превосходством первых. Иногда поверх слоя красного ангоба на сосудах закрытой формы прослеживаются следы росписи белым ангобом в виде длинных узких диагональных мазков. Большая фрагментарность изучаемого нами керамического материала свидетельствует о сильной поврежденности «османского» культурного слоя на археологических памятниках Северо-Восточного Приазовья во времена русско-турецких войн XVII-XVIII вв., а также в периоды так называемого «русского военного присутствия», когда в крепостях производились широкомасштабные строительные и фортификационные работы.

Судя по составу, цвету и пластичности глиняной формовочной массы, в ремесленных мастерских Юго-Восточного Крыма с XVII века по турецким образцам изготавливались керамические курительные трубки, многие из которых со временем обрели собственные формы и черты. Фасоны и мотивы орнаментации этих изделий несколько отличаются от трубок, привозимых на продажу из Анатолии и других уголков огромной Османской империи. Некоторые экземпляры трубок имеют клейма мастера или мастерской. Однако качество исполнения крымских изделий обычно уступает качеству подлинных турецких трубок, многие из которых можно назвать истинными шедеврами османского керамического искусства.

Керамика Юго-Западного Крыма в исследованных нами музейных коллекциях археологических находок представлена весьма редкими фрагментами коричневоглиняных гончарных сосудов закрытой формы (кувшинов, водолеев), часто украшенных росписью белым ангобом. Рыхловатая формовочная масса этих сосудов кардинально отличается от плотной пластичной массы керамики ЮБК, отличительной особенностью которой является наличие значительной примеси крупнодробленого шамота и оалитовой извести.

ДОМЖАЛЬСКИЙ К., СМОКОТИНА А.В.
(ИАЭ ПАН, Варшава; НИЦИАК КФУ
им.В.И.Вернадского, Симферополь)

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ТИРИТАКИ ПОЗДНЕРИМСКОГО И РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Археологические исследования на участке XXVI в центральной части Тиритаки, проводившиеся в 2002-2010 гг. экспедицией В.Н. Зинько, позволили выявить значительное количество фрагментов краснолаковой керамики, которую местные жители использовали в позднеантичное время и в начале ранневизантийского периода. Всего было зафиксировано 408 профильных фрагментов сосудов, которые привозились на Боспор главным образом из северо-восточной части Малой Азии, бассейна Эгейского моря и даже, в редких случаях, из Северной Африки. С начала IV в. и до середины VI в. н.э., краснолаковая керамика накапливалась в слоях в результате строительства, жизнедеятельности и производственной активности населения. В этот период в Тиритаку доставлялась посуда четырех производственных центров: одного причерноморского (группа «Понтийской краснолаковой керамики» (PRS)) и трех средиземноморских (группы «Поздней Римской С/Фокейской краснолаковой» (LRC/PhRS), «Африканской краснолаковой» (ARS) и «Позднеримской светлоглиняной» (LRLC) керамики. В комплексах Тиритаки преобладают находки групп PRS (234 фр., 57,4%) и LRC/PhRS (169 фр., 41,4%), в то время как фрагменты сосудов групп ARS (4 фр., 1%) и LRLC (1 фр., 0,2%) встречаются крайне редко (диаграмма 1).

«Понтийские краснолаковые» (PRS) сосуды, скорее всего, производились в северо-восточной части Малой Азии и транспортировались морем вдоль черноморского побережья. В основном это были большие блюда и несколько форм небольших мисок, которые доставлялись в Тиритаку регулярно в течение почти двух столетий, с начала IV в. до начала/середины VI в. [Arsen'eva, Domžalski, 2002, p. 422–428, Fig. 5–13;

20–24]. В IV в. в Тиритаку поступали миски формы 0, блюда формы 1А и 2. В начале V в. их заменили блюда формы 1А/В и 3. После середины V в. эта «вторая генерация» форм PRS в свою очередь была вытеснена блюдами формы 1В и 7. Датировка редких маленьких мисок формы 4 может быть установлена менее точно, в данном случае, возможно, в рамках конца IV – конца V вв.

Керамика группы «Поздней Римской С/Фокейской краснолаковой» встречается в Тиритаке лишь немного реже PRS (диаграмма 1). С конца IV в. она производилась главным образом в Фокее, а также в гораздо меньших масштабах в некоторых других мастерских севернее по направлению к Пергаму [Hayes, 1972, p. 323–370; Hayes, 1980, p. 525–527]. Фокейские мастерские увеличили объемы производства примерно с середины V в. Это также было связано с оккупацией Северной Африки вандалами, что привело к нарушению регулярных поставок краснолаковой керамики на восток из этой основной области ее производства в Средиземноморье. Пик популярности и наиболее широкое распространение LRC/PhRS приходились на первую фазу правления Юстиниана I, примерно до середины VI в., позже такие сосуды доставлялись в основном потребителям лимесов на нижнем Дунае и в Херсонес. До середины VII в., когда их производство окончательно прекратилось, сосуды LRC/PhRS значительно менее регулярно и в меньшем масштабе продолжали поступать также на другие причерноморские памятники.

Находки наиболее ранних сосудов группы «Поздней Римской С/Фокейской краснолаковой» в Тиритаке очень редки и датируются первой половиной V в.: миски формы 1, 2 и 3А-В. Более поздние варианты сосудов второй половины V – начала VI вв. также встречаются не часто: форма 3С, 3D и 3Е, также как довольно редкие и на других памятниках миски формы 8.

В первой половине VI в. и особенно во второй четверти VI в., объемы поставок сосудов LRC/PhRS в Тиритаку резко выросли, о чем свидетельствуют многочисленные находки мисок формы 3F, 3F/G и 3G. Этот всплеск массового импорта продолжался, однако, очень недолго и полностью прекратился примерно в середине VI в. До настоящего времени в Тиритаке, как и в других небольших поселениях по обеим сторонам Боспора Киммерийского, за исключением столицы Пантикапея (г. Боспора), не было обнаружено никаких находок более поздних сосудов LRC/PhRS (мисок формы 10), датируемых концом VI в. и первой половиной VII в. [Fedoseev et al., 2012, p. 66–69, fig. 5–6; Смокотина, 2015, с. 320–321].

Последние две группы краснолаковой керамики, «Африканская краснолаковая» и «Позднеримская светлоглиняная», встречались в Тиритаке в гораздо меньшем количестве, что типично также и для других памятников в причерноморском регионе. Мастерские африканской краснолаковой посуды, безусловно, были основными поставщиками высококачественной краснолаковой керамики в Средиземноморье, определяя моду на соответствующие формы сосудов и стили их декора [Hayes, 1972, p. 13–299; Hayes, 1980, p. 484–523; Mackensen, 1993; Mackensen, Schneider, 2002; Bonifay, 2004, p. 155–209; Mackensen, 2009]. Эти сосуды изредка доставлялись в причерноморский регион уже со II в. н.э., но более регулярные поставки начинаются в IV в. и продолжаются до около середины VII в. [Крапивина, Домжалский, 2008, с. 79; Смокотина, 2011; Смокотина, 2015, с. 316, 321], с наиболее интенсивными фазами импорта в IV – начале V вв., и начиная с юстиниановского периода до начала VII в.

Объемы поставок ARS в Причерноморье всегда были очень ограниченными. В Тиритаке было выявлено всего четыре фрагмента профильных частей таких сосудов (диаграмма 1). Среди них выделяется редкая находка почти целой краснолаковой миски формы 99А со штампованным орнаментом в центре первой половины VI в. Два других небольших фрагмента венчиков также относятся к сосудам формы 99, в то время как обломок дна с остатками штампованного орнамента принадлежит намного более раннему блюду ARS конца IV – начала V в.

Кроме того, в Тиритаке был обнаружен единственный фрагмент сосуда группы «Позднеримская светлоглиняная» (диаграмма 1), производившейся с середины V в. до середины VII в. в северо-восточной части бассейна Эгейского моря, возможно, в районе Пергама [Hayes, 1972, p. 408–410; Domžalski, 2002]. Найденный в Тиритаке небольшой фрагмент сосуда LRLC представляет раннюю фазу производства и может быть датирован серединой/концом V – началом VI вв.

Таким образом, в IV – первой половине VI вв. в Тиритаку регулярно доставлялась импортная краснолаковая посуда. Первоначально абсолютно преобладали поставки «Понтийских краснолаковых» сосудов. Они доминировали в IV–V вв., но в начале VI в. были резко вытеснены эгейским импортом «Поздней Римской С/Фокейской краснолаковой» керамики. Другие эгейские и средиземноморские краснолаковые сосуды (LRLC и ARS) поступали в регион лишь эпизодически. Регулярный импорт краснолаковой посуды продолжался примерно до середины VI в.

ЛИТЕРАТУРА

Крапивина В.В., Домжальский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». – СПб.: Нестор – История, 2008. – С. 73–81.

Смокотина А.В. Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. – Симферополь-Керчь, 2011. – Вып. XVII. – С. 328–362.

Смокотина А.В. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // Древности Боспора. – М., 2015. – Т. 19. – С. 312–339.

Arsen'eva T.M., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. – 2002. – Band 8. – P. 415–491.

Domžalski K. Late Roman Light-Coloured ware: A rare group of fine pottery and its northern distribution (Bosporan region and the neighbouring Pontic littorals) / K. Domžalski // В.Н. Зинько (ред.). Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: III Боспорские чтения: материалы междунар. науч. конф. – Керчь, 2002. – С. 284–291.

Bonifay M. Études sur la céramique romaine tardive d'Afrique. – BAR IS 1301. – Oxford, 2004. – 525 p.

Fedoseev N.F., Domžalski K., Opař A., Kulikov A.V. 2012. Post-Justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006 // Archeologia (Warsaw), 2010. – 61. – P. 63–94.

Hayes J.W. Late Roman Pottery. – London: The British School at Rome, 1972. – 477 p.

Hayes J.W. A Supplement to Late Roman Pottery London: The British School at Rome, 1980. – P. 479–551.

Mackensen M. Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien). Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik des 4. bis 7. – München: G.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1993. – 680 S.

Mackensen M. Technology and organisation of ARS ware production-centres in Tunisia // J.H. Humphrey (ed.). Studies on Roman Pottery of the Provinces of Africa Proconsularis and Byzacena (Tunisia). Hommage à Michel Bonifay. – Portsmouth: JRA, Suppl. 76, 2009. P. 17–44.

Mackensen M., G. Schneider. Production centres of African red slip ware (3rd – 7th c.) in northern and central Tunisia: archaeological provenance and reference groups based on chemical analysis // JRA. – 2002. – Vol. 15. – P. 121–158.

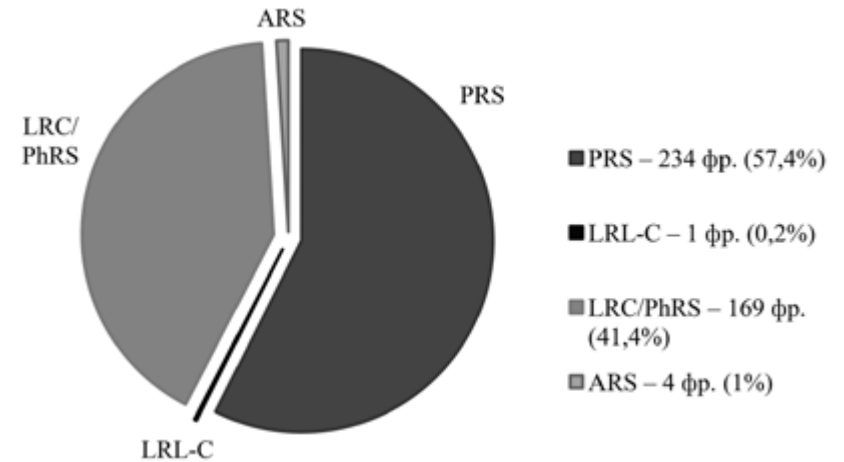

Диаграмма 1. Соотношение групп краснолаковой керамики второй половины IV – первой половины VI вв. из раскопа XXVI Тиритаки.

ДОРОШКО В.В., ДОРОШКО О.П.
(Херсонесский музей-заповедник, Севастополь)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВЫСОТЕ ВИНОГРАДНОЙ В 2017 Г.: НОВЫЙ ПАМЯТНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПЕРЕШЕЙКЕ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В науке хорошо известен римский военный лагерь в северной части современной Балаклавы, обнаруженный в 1992 г. (Сарновски, Савеля, 2000, с. 30 – 32) и храм Юпитера Долихена, открытый рядом четырьмя годами позднее (Сарновски, Савеля, 2000, с. 55, 56). После этих открытий можно было строить предположения о наличии портовых сооружений на берегу Балаклавской бухты и прикрывающих укреплений на подступах к римскому военному лагерю. Ответ на первый вопрос был получен в 2012 г., когда при прокладке коммуникаций у восточного берега бухты были обнаружены такие несомненные признаки порта как цистерна, пифосы для хранения рыбы и шкиперский склад (Савеля, 2014, с. 184, 185). Ответ на второй вопрос следовало искать на вершинах ближайших доминирующих высот.

К северу от римского лагеря в Балаклаве подходящей для исследований является центральная в группе Семякиных высот вершина с отметкой 156,3, получившая название Виноградной. До начала работ она попадала в поле зрения археологов лишь однажды – когда после террасировки в 1987 г. серьезно изменился облик её вершины и с обреза культурного слоя О.Я. Савеля собрал обильный керамический материал, датированный им эллинистическим – раннесредневековым временем. Тогда исследователь предполагал здесь наличие усадьбы (НА ГМЗХТ, ф. 1, д. 2766, л. 52; д. 2767, рис. 50, 51).

После 1987 г. для исследования осталось лишь небольшое пространство 20 x 30 м вокруг триангуляционного знака на пике вершины. Следует отметить, что и до этого момента вершина высоты Виноградная подвергалась сильному антропогенному воздействию. Во время Крым-

ской войны здесь располагался турецкий редут, а в начале XX в. на этом месте был возведен памятник гусарам Киевского полка – участникам Балаклавского сражения, его обломки сохранились на исследуемом участке. Также хорошо видны многочисленные следы воронок от взрывов и траншей периода Великой Отечественной войны. Здесь же и находится часть культурного слоя древнего памятника.

Разведочными работами 2017 года были исследованы четыре шурфа размером 2x2 м по периметру площади подъемного материала. В трех из них выявлен культурный слой с массовым материалом первой половины – середины II в., а в двух открыты архитектурные остатки из бутового камня. Керамические находки как из шурфов, так и в подъемном материале хронологически и типологически однородны. Можно отметить единичные находки фрагментов амфор эллинистического времени, а вместе с этим и несколько фрагментов столовой посуды и керамической кровли второй половины II – первой половины III вв.

Амфорный материал в значительной степени представлен фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор. Среди них определению поддаются две нижние части амфор. Первая вытянутая с зауженным, рудиментарным поддоном (рис. 1,2) принадлежит к подварианту С IV B2, который следует датировать началом – 40-ми гг. II в. (Внуков, 2016, с. 41, 44, рис. 3, 9 – 12). Вторая амфора имела слегка рифленое в средней части тулово и усечено-коническую ножку (рис. 1,1). А.Е. Пуздровский выделял этот вариант амфор в ранний С, т.н. «альминский», начало производства которого он относил к 20-30 гг. II в. (Пуздровский, 2007, с. 186). Согласно типологии С.Ю. Внукова, амфора представляет собой переходный вариант С IV J IVC1 (Внуков, 2016, с. 41, 43, рис. 4,2). находка идентична по форме и глине археологически целой амфоре, обнаруженной в херсонесском комплексе второй четверти II в. (Дорошко, 2018, с. 84, 85, рис. 2). Остальные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор представлены фрагментами ручек или венчиками (рис. 1,3-5).

В одном из шурфов найдены фрагменты верхних частей двух кувшинов с биконическим туловом на высоком поддоне (рис. 1,6,7). Тесто коричневатое с оранжевым оттенком и включениями мелких белых частиц. Горла обеих кувшинов украшены светлыми горизонтальными полосками, подобно кувшину, найденному в херсонесском комплексе второй четверти II в. Подобные кувшины были распространены в Нижнем Подунавье и Северо-Западном Причерноморье начиная с первой половины II в. (Дорошко, 2018, с. 85).

Фрагменты кухонной посуды в слое памятника часто сопутствуют с частями краснолаковой посуды. Среди них упомянем фрагмент верхней части горшка с отогнутым венчиком и округлым туловом (рис. 1,9). Сохранился прилеп ручки в месте перехода от тулова к венчику. Точные аналогии происходят из раскопок Харакса (Камелина, 2012, табл. 16,3).

Также отметим фрагмент верхней части горшка с утолщенным венчиком и слабовыраженным ребром для упора крышки; в месте перехода венчика в округлое тулово – горизонтальный выступ (рис. 1,8). Аналогии происходят из раскопок зольника 2 Пантикапея второй четверти II – середины III в. (Голофаст, 2013, рис. 13,20).

Следует упомянуть также находки фрагмента верхней части курильницы (рис. 1,10), аналогичные экземпляры которой происходят из причерноморских городов, территории Паннонии и Британии (Журавлев, Костромичев, 2017, с. 68).

Чаще всего встречались фрагменты группы понтийской сигиллаты краснолаковой посуды. В основном, это фрагменты тарелок с вертикальным бортиком (форма 4.2 по Д.В. Журавлеву, первая половина – третья четверть II в. (Журавлев, 2010, с. 136, 137, кат. № 110, 115, 118)) (рис. 2,1,2). Также отметим фрагмент глубокой чаши с вертикальным бортиком и двойным налепом (рис. 2,4). Аналогичные чаши находили в погребальных комплексах второй четверти – середины II в. Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007, с. 187, рис. 179,6,7).

Нередки находки фрагментов тонкостенных краснолаковых кружек. Среди них часть венчика и тулова разделенных двойным валиком (рис. 2,5). На наружной поверхности дна краснолаковой чаши прочерчено граффито, которое, по всей видимости, представляет из себя лигатуру из нескольких букв (рис. 2,6). Другое граффито было нанесено по сырой глине на наружную сторону кувшина и, вероятно, представляет собой подпись мастера (рис. 2,7).

Среди необычных находок отметим фрагмент верхней части тарелки с двумя широкими бороздками в верхней части и ещё одной по верхнему краю (рис. 2,3). Подобные чаши известны в Олтении (Porțian, 1976, p. 211, Pl. LXVI, 800). Также особый интерес представляет фрагмент нижней части плоскодонной сероглиняной тарелки, покрытой изнутри лаком черного цвета (рис. 2,8). Нижняя часть дна декорирована концентрическим желобком. Нашей находке соответствует тарелка с клеймом *planta pedis* из раскопок С.В. Дьячкова, по аналогиям автор датирует ее концом I – серединой II вв. (Дьячков, 1998, с. 89, рис. 6,9).

Металлические находки представлены бронзовым ригелем замка шкатулки (рис. 2,11), римским обувным гвоздем (рис. 2,9), подобно тем, которые найдены в Херсонесе и его округе (Дорошко, 2012) и бронзовой ремненной накладкой (рис. 2,10). Накладка также является римской по происхождению. Он литая, имеет овальную форму с заостренными концами, с тыльной стороны у неё два штифта для крепления кремню, а в центральном поле выбито рельефное изображение вульвы. Римские накладки с подобным изображением были распространены со второй половины II в., в основном, на территории Галлии и Германии (Трейстер, 2000, с. 160).

Монеты представлены четырьмя находками. Три из них найдены в натеках грунта по срезам культурного слоя и материковой поверхности (Херсонесская, времени правления императора Зенона (Анохин, 1977, № 309), истертая боспорская времени правления Фофорса (285/6 – 309/310) и согнутая «трубочкой» позднесредневековая). В культурном слое памятника найден херсонесский тетрахалк, относящихся к типу: «Херсонас (?) в венке - венок» (Анохин 1977, с. 149, кат. № 214).

Суммируя результаты, мы не можем с полной уверенностью утверждать был ли объект на высоте Виноградная римским по происхождению, имея среди находок ремennую накладку римского типа и железный обувной гвоздь, однако несомненным следует считать тот факт, что он функционировал одновременно с римским военным лагерем в Балаклаве.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.

Внуков С.Ю. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36 – 47.

Голофаст Л.А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. 2013. Вып. XVIII. С. 211 – 241.

Дорошко В. В. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи // Труды ГИМ. 2012. Т. 191. С. 54 – 62.

Дорошко В.В. Керамический комплекс II в. из раскопок IX квартала Херсонеса // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова. Севастополь, Калининград, 2018. С. 84 – 90.

Дьячков С.В. Клейма на краснолаковой керамике из раскопок херсонесской «казармы» // Труды ГИМ. 1998. Т. 102. С. 88 – 93.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины // МАИЭТ. Supplementum. 2010. Вып. 9. 320 с.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1. Материалы раскопок Р.Х. Лёпера в 1909 – 1910 гг. М., 2017.

Камелина Г.А. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В. Д. Блаватского в 1935 г.) // ПИФК. 2012. Вып. 2. С. 46 – 90.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007

Сарновски Т., Савеля О.Я. . Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warshau, 2000.

Савеля О.Я. Результаты археологических наблюдений на ул. Калича в Балаклаве в 2012 году // ХСб. 2014. Вып. XVIII. С. 181 – 193.

Трейстер М.Ю. К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье // РА. 2000. № 2. С. 156 – 164.

Popilian G. Ceramica romană din Oltenia. Craiova, 1976.

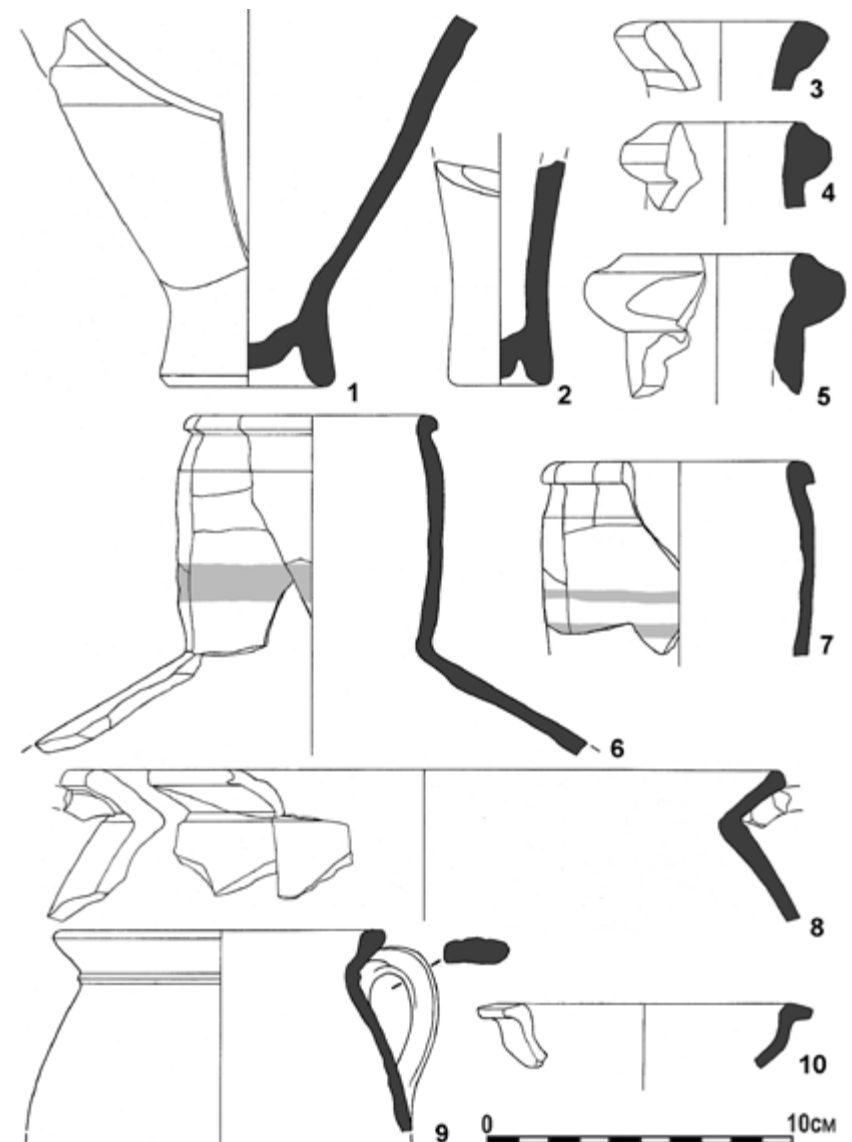

Рис. 1. Высота Виноградная. Находки из разведок 2017 г. 1 – 10 – глина

ЕРМОЛИН С.А., БУРАВЛЕВ С.А., БОНИН А.В.
(ИА РАН, Москва)

МАНИТРА. ЦАРСКАЯ УСАДЬБА ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Поселение Манитра находится в Ленинском районе Республики Крым, в окрестностях поселка Октябрьское. Памятник располагается на двух террасированных участках северного склона гряды, разделенных скальной промоиной, северо-западнее одноименной горы Манитра, она же Макитра Русская, в долине реки Мелек-Чесме.

Хронологически поселение относится к концу V – началу III вв. до н.э. – времени расцвета Боспорского царства.

В процессе охранно-спасательных раскопок на площади около 18 000 кв. м в центральной части поселения была исследована часть сплошной застройки площадью 4600 кв. м, к которой с запада и востока примыкали кольцевые загородки диаметром до 60 м, по всей видимости, являвшиеся загонами для скота. На восточной террасе памятника, отделенный скальной промоиной, найден некрополь, синхронный поселению (рис. 1).

Участок застройки представляет собой совокупность жилищно-хозяйственных комплексов, учитывая расположение дворов и прилегающих к ним помещений. Застройка усадебного типа максимально вписана в ландшафт местности с учетом преобладающей розы ветров и значительного перепада высот на северном склоне скальной гряды, а строительные решения и техника исполнения свидетельствуют о высоком уровне мастерства античных зодчих. Внешние стены помещений, по всей видимости, были глухими, что позволяло защитить внутренние дворы от господствующих в этих местах холодных северо-восточных ветров. Внутренние дворы, помещения и проходы между ними вымощены необработанными тщательно подогнанными друг к другу известняковыми плитами. На отдельных участках комплекса под плитовым мощением

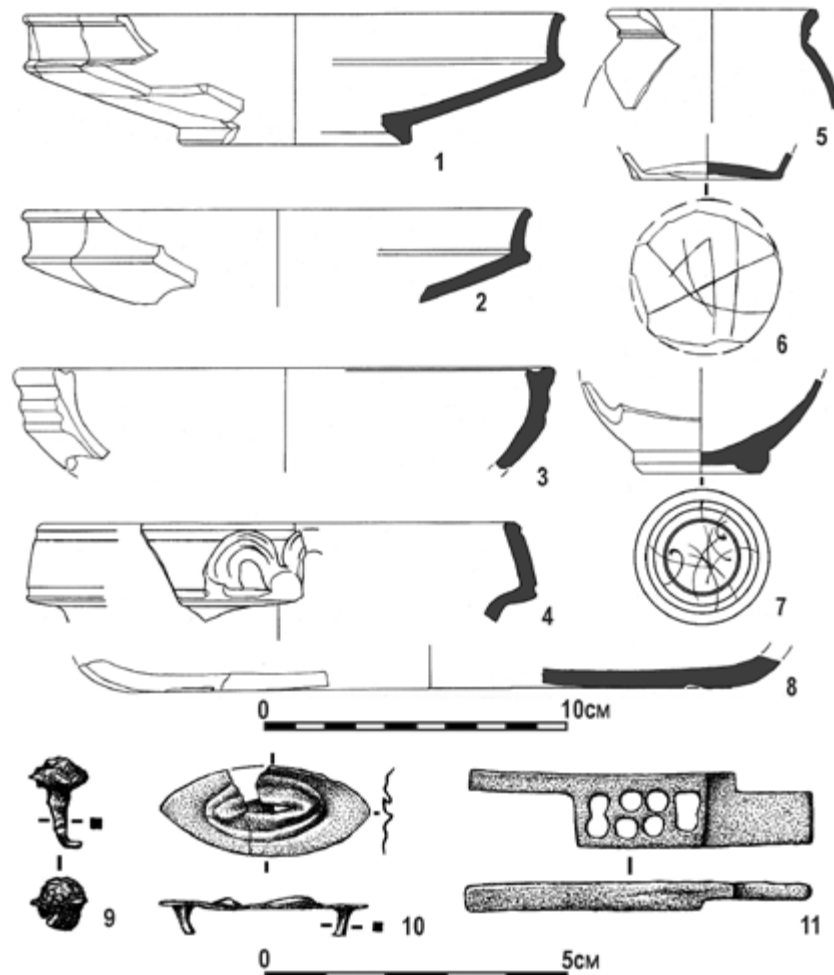

Рис. 2. Высота Виноградная. Находки из разведок 2017 г. 1 – 8 – глина; 9 – железо; 10, 11 – бронза

была проложена сеть водоотводных желобов, выводивших дождевые осадки за пределы застройки, во избежание подтопления помещений и дворов.

Следует отметить, что застройка подобного типа характерна для античных городов и крупных царских усадеб, и ранее не встречалась на сельских поселениях Северного Причерноморья в эпоху эллинизма.

Всего в ходе раскопок вскрыто и обследовано 45 помещений и 12 дворов. В помещениях обнаружены очаги, лари из каменных плит, монолитные тарапаны, каменные ступы, обломки сельскохозяйственного инвентаря, что свидетельствует об активной хозяйственной деятельности населения. Помещения были крыты черепицей боспорского производства. Часть черепицы была клейменная, почти все клейма относятся к одному типу, что свидетельствует о одновременном перекрытии строительного комплекса в период с 370 по 360 гг. до н. э.

На этапе предварительного анализа архитектурных особенностей комплекса: расположение глухих стен, разделяющих центральные дворы, проходов между дворами и помещениями, расположения очагов, ступ, тарапанов в рамках единой системы жилой застройки было выделено несколько отдельных усадебных хозяйств. Всего нам удалось выделить семь жилищно-хозяйственных комплексов: это Центральная усадьба и шесть более мелких жилищно-хозяйственных комплексов.

Также, с определенной долей уверенности, можно говорить как минимум о двух строительных периодах существования поселения. Об этом свидетельствует обнаружение хозяйственных ям во внутренних дворах комплекса, перекрытых плитами каменного мощения. Большая вероятность, что эти ямы принадлежат более ранней застройке и не использовались при функционировании более поздней застройки. Так, например, двор Центральной усадьбы, его восточная часть, был вымощен ломаными плитами, под плитами вымостки оказались и ямы №№ 1/1, 2-5, 8. Кроме того, в основном в восточной части комплекса зафиксированы кладки помещений, возведенные на слое более раннего зольника.

Находки представлены комплексом тарной керамики, включающей в себя амфоры основных эгейских и малоазийских греческих центров, экспортировавших свою продукцию на Боспор в эллинистическое время: Хиос, Фасос, Книд, Кос, Пепарет, Синопа, Гераклея Понтийская. Комплекс амфор предварительно датируется концом V – первой половиной III в. до н. э. Часть тары клейменная (взята в коллекцию порядка 350 клейм Синопы, Гераклеи, Фасоса и других центров. Весьма представителен набор

столовой и кухонной керамики, включающий в себя кувшины, миски, тарелки, рыбные блюда, кастрюли. Меньшим числом представлены находки импортной чернолаковой керамики. Отметим находки светильников и фрагментов лепных сосудов. Найдены и фрагменты терракот, среди которых можно выделить статуэтку Богини на троне. Также на памятнике обнаружены изделия из цветных и черных металлов (гвозди, фрагменты ножей, весовые свинцовые гири и проч.) (рис. 2).

Значительно число монетных находок (более трехсот экземпляров, в том числе три монетных клада, общим числом порядка 95 монет). Клады, датирующиеся концом первой четверти III в. до н.э., уточняют верхнюю границу существования поселения. На данный момент клады обрабатываются, и по ним готовятся публикации. Можем лишь кратко описать первый из них:

Клад № 1 является монетно-вещевым, выявлен в юго-восточной части застройки поселения, в пределах квадрата К-42. Клад был сокрыт в полу помещения № 7, располагавшегося в юго-западной части двора № 5 и имевшего выход в северной стене. Обработан Михаилом Григорьевичем Абрамзоном и, по-видимому, представляет собой кошелек, содержащий 24 монеты четырех типов: 1) голова бородатого сатира / протома грифона, осетр, ПАН, с надчеканками в виде горита и звезды; 2) голова сатира / голова льва, осетр, ПАН, контрамаркированные изображениями горита и звезды; 3) голова сатира влево / лук и стрела вправо, ПАН; 4) голова сатира / голова быка в $\frac{3}{4}$ влево, ПАН. Кроме монет клад содержал женские серьги, изготовленные из белого металла и железный перстень. Клад датируется концом первой четверти III в. до н.э.

Отметим, что время сокрытия клада недалеко от начала «темного» периода в истории Боспора (вторая половина III – I в. до н. э.), характеризующегося затуханием жизни на многих сельских поселениях Боспора (Масленников. 1998. С. 88-89; Кругликова. 1975. С. 99-203). По всей видимости, описываемая усадьба не стала исключением и была оставлена населением.

Следует отметить, что на исследованной территории сплошной застройки не зафиксировано следов пожаров, что наряду с достаточно малым количеством фрагментов кровельной черепицы среди находок (скорее всего кровля была демонтирована и вывезена) может свидетельствовать о мирном характере прекращения жизни на поселение.

Восточнее поселенческой части памятника, отделенный от него скальной промоиной, находился некрополь, который, судя по погребаль-

ному обряду и особенностям погребальных конструкций, относится ко времени существования поселения.

На некрополе было исследовано 21 погребальное сооружение. Среди них можно выделить три типа погребальных конструкций: одиночные вырублены в скале, семейные погребения в каменных ящиках и склепах. Могилы и склепы имели плитовые перекрытия из необработанного известняка. Семейные погребения были обнесены кольцевыми оградками из отдельно уложенных фрагментов известняка. Нижние части склепов вырубались в скале, а верх надстраивался несколькими (от 2-х до 4-х) рядами кладки. Склепы имели дромосы, стены которых укреплены вертикально установленными каменными плитами.

Все погребенные в могилах и склепах лежали вытянуто на спине в широтном или меридиональном направлении. При этом погребения взрослых ориентированы головой на восток, а детские – на север. На территории некрополя преобладают одиночные погребения за исключением каменных склепов, в которых количество погребенных костяков доходило до четырех.

Согласно предварительному антропологическому анализу костные останки принадлежат местному оседлому населению, а очень низкие показатели качества питания и здоровья в целом могут свидетельствовать о том, что на некрополе хоронили представителей низших слоев общества, проживавших на поселении.

Погребальный инвентарь представлен красно-сероглиняной столовой керамикой, чернолаковыми сосудами, предметами вооружения (наконечники стрел, дротика и копья), украшениями (серьги, браслеты, бусы). Монеты, обнаруженные в погребениях, по большей части, находились в районе черепа погребенных, что может дополнительно свидетельствовать в пользу эллинизированной населенности поселения людей.

Принимая во внимание все вышесказанное, описываемый памятник можно интерпретировать как богатую усадьбу, принадлежавшую члену правящей династии Боспорского царства, возможно самому царю. Предположительно, основной хозяйственной функцией поселения является скотоводство – об этом говорит обнаружение двух больших загонов для скота (площадь каждого составляла порядка 2800 кв. м), а значительное количество монетных находок и весовых свинцовых гирь может свидетельствовать и о торговой направленности усадьбы.

Уникальность поселения Манитра, прежде всего, заключается в комплексе сплошной застройки, согласно предварительным подсчетам на основании разведочных и раскопочных работ занимающей площадь около 7500 кв. м. Отметим, что подобная застройка, больше характерная для античных городов и крупных царских усадеб, выделяет памятник из ряда сельских поселений Боспорского царства. Ближайшей, и единственной аналогией поселения на Боспоре является усадебный комплекс Генеральское-Западное, расположенный в Крымском Приазовье и исследованный А. А. Масленниковым.

Привлекает внимание и степень сохранности памятника. В силу непригодности для земледелия территории поселения строительные остатки не подвергались распашке, что обусловило хорошую сохранность объектов каменной архитектуры (как хозяйственно-жилых, так и погребальных сооружений) и находок. И, разумеется, вскрытая одновременно значительная площадь поселения с жилыми и хозяйственными постройками, а также загонами для скота не имеет примеров в истории археологического изучения сельской территории европейского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Рис. 1. Поселение Мантра. Общий вид с юго-запада

Рис. 2. Находки из раскопок поселения: 1- кувшин красноглиняный миниатюрный. 2- чернолаковое блюдо с графитти. 3- кувшин красноглиняный миниатюрный. 4- фрагмент терракотовой статуэтки. 5- красноглиняный однорожковый светильник. 6- красноглиняный однорожковый светильник. 7- терракотовая маска Силена. 8- сероглиняная пеллика. 9- фрагмент терракотовой статуэтки. 10- красноглиняный миниатюрный сосуд. 11- сероглиняный кувшин

ЕФРЕМОВ Н.В., ТЮРИН М.И.
(Эрнст-Моритц-Ардт-Университет, Грайфсвальд;
Херсонесский музей-заповедник, Севастополь)

НОВЫЕ КЛЕЙМА СИНОПЫ, КОСА И КНИДА ИЗ РАСКОПОК НА УКРЕПЛЕНИИ МАСЛЯНАЯ ГОРА

Античный форт Масляная гора расположен в районе нижнего течения р. Бельбек, в 11 км к северо-востоку от Херсонесского городища. По всей видимости, объект возникает как греческая укрепленная усадьба в конце IV в. до н.э. В эпоху расцвета херсонесского полиса этот пункт мог контролировать плодородную Бельбекскую долину с проживавшим в ней зависимым варварским населением. На памятнике широко представлены слои первой половины – середины III в. до н.э., отражающие херсонесский этап его существования. Еще более мощный горизонт культурного слоя относится к эпохе Митридата VI. Не исключено, что объект мог быть одним из пунктов дислокации понтийских отрядов в Юго-Западной Таврике. Практически повсеместно на территории памятника фиксируются следы пожара, местами сопровождающиеся сплошными керамическими завалами. Гибель укрепления должна быть отнесена ко времени около рубежа II и I вв. до н.э. После этого форт не восстанавливается. Единичные фрагменты керамики в верхних слоях памятника указывают на то, что он посещался в первые вв. н.э. и в эпоху раннего средневековья. В XII-XIII вв. на остатках античного укрепления функционировало половецкое святилище (зафиксированы остатки четырех известняковых изваяний in situ).

Раскопки античного комплекса на Масляной горе начаты в 2013 г. экспедицией музея-заповедника «Херсонес Таврический», возглавляемой А.А. Филиппенко. В полевом сезоне 2017–2018 гг. под руководством одного из авторов исследована северо-восточная часть объекта и участок центрального двора. Среди массива находок из раскопок этого участка обращают на себя внимание два амфорных клейма.

1. Синопское клеймо (рис. 1, 1) нанесено на ручку амфоры варианта Син Ib по классификации С.Ю. Внукова [Внуков, 2003, с. 132] или III-D по классификации С.Ю. Монахова [Монахов, 2003, с. 154]. Венец валикообразный, с выраженным подрезом снизу. Его диаметр составляет 10,5 см. Амфоры этого варианта являются одними из самых многочисленных в слоях разрушения укрепления. Клеймо представляет собой ретроградно написанное личное имя, причём последняя буква не пропечаталась: Εἴτη[ς]. В данном случае это форма развитого койнэ [Thumb, 1909, 56, 148; Jefremow, 1995, 31] в личном имени Ἴτης, которое известно, например, в Мизии (LPGN VA, р. 233). Ранее это имя в ономастиконе Синопы не фиксировалось.

Фрагмент обнаружен в юго-восточной части углового помещения V в горизонте пожара и керамического завала, связанного с гибелью памятника. В настоящий момент ведется реставрация сосудов. Для датировки комплекса большое значение имеют родосские амфоры и содержащиеся на них клейма. Отметим эпонимов Ἀρχίβιος, около 115 г. до н.э. (Vc хронологическая подгруппа) [Finkielsztein, 2001, р. 195] и Τιμαγόρας I, около 124-122 гг. до н.э. (Vb хронологическая подгруппа) [Finkielsztein, 2001, р. 195]. В соседнем помещении IV исследован близкий по составу синхронный развал, в котором обнаружены амфоры с клеймами эпонимов Σωκράτης (RE-ΣΩΚΡΑΤΗΣ-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ-001) (рис. 1, 2) и Φαίνιλας (RE-ΦΑΙΝΙΛΑΣ-ΣΜΙΝΩΙΟΣ-002) (рис. 1, 3), деятельность которых относят к VI хронологической группе (107-88/86 гг. до н.э.) [Finkielsztein, 2001, р. 161; Кац, 2007, с. 421]. Это обстоятельство заставляет отодвинуть гибель укрепления Масляная гора ко времени после Диофантовых войн. Очевидно, некоторый хронологический разброс клейм в слоях разрушения объекта и сроки повторного использования амфор [Внуков, 2005, с. 68] позволяют отнести основную массу находок из помещения к последней четверти II – рубежу II и I вв. до н.э.¹ По всей вероятности, этим же временем следует датировать публикуемое клеймо, которое необходимо отнести к поздне-фабрикантской группе ПФГ [Кац, 2007, 273, 278 сл.].

В центральной части укрепления исследован колодец, с изучением которого связано обнаружение еще двух клейм. Комплекс состоит из собственно шахты глубиной более 3 м и лестницы из 12 ступеней, пристроенной с юго-востока. Сооружение вырублено в материковом галечнике, со всех сторон имеет обкладку, выполненную в иррегулярной

¹ Впрочем, для некоторых артефактов нельзя исключать несколько более раннюю дату [Тюрин, 2018, с. 512].

технике преимущественно из бутового камня. Конструкция вытянута с северо-запада на юго-восток, максимальные размеры вместе с лестницей составляют 4,6 x 2 м. В верхней части сооружение было заполнено серым грунтом, в котором (над верхними ступенями лестницы) находилось безинвентарное погребение в скорченном положении головой на восток. Материал из заполнения колодца представлен находками широкого хронологического диапазона. Вплоть до дна превалировала керамика эллинистического периода, причем встречены находки как первого, так и второго этапа существования объекта. Особняком стоят фрагменты краснолакового сосуда первых вв. н.э. и ручка позднеантичной – раннесредневековой амфоры (рис. 2, 2), найденные в нижней части заполнения. Амфора может относиться к вариантам A2 или B1 сосудов LRA4 и датироваться в пределах V-VI вв. н.э.² [Piergi, 2005, p. 105-106]. Таким образом, засыпь следует отнести как минимум, к раннесредневековому времени. Нельзя полностью исключать связь колодца с половецким святилищем, хотя такое сочетание не является характерным. Так или иначе, в эпоху средневековья сооружение было намеренно засыпано, а в верхней части засыпи было совершено погребение. При этом в качестве заполнения использовался грунт из центральной части объекта, слой которого содержали преимущественно материалы позднеэллинистического времени.

2. Среди позднеэллинистического материала выделяется фрагмент верхней части косской амфоры с двустольной ручкой (рис. 2, 1), обнаруженный на глубине двух метров от сохранившейся обкладки колодца. Венец валикообразный, диаметром 10 см, черепок на сколе светло-коричневый (7/2 5YR), с многочисленными включениями частиц слюды, поверхность бежевая (9/3 5Y). Размеры фрагмента не дают возможности уверенно определить вариант амфоры, но, скорее всего, он принадлежит сосуду варианта V A по классификации С.Ю. Монахова [2014, с. 214, рис. 11]. Клеймо: $\Lambda[\nu\tau]\alpha\nu\delta\rho\varsigma$ эмблема (?). В ономастике Коса нам известны 9 личных имён оканчивающихся на $-\alpha\nu\delta\rho\varsigma$ [Sherwin-White, 1978, 387-551]. Учитывая размер лакуны, более всего подходит именно $\Lambda\nu\tau\alpha\nu\delta\rho\varsigma$.

3. Книдское клеймо (рис. 2, 3) нанесено на ручку амфоры, верхняя часть которой состоит из трех фрагментов. Один из них обнаружен в слое распашки под дерном непосредственно над отмеченной конструкцией. Два других зафиксированы в колодце на глубине около 2,8 м от верхнего

² *Выражаем благодарность Л. А. Голофаст за консультацию.*

сохранившегося края его обкладки. Венец амфоры клювовидный, горло несколько сужается книзу. Диаметр венца составляет 12,5 см, диаметр устья – 10 см. Черепок светло-оранжевый (6/6 – 7/6 5YR), с мелкими белыми и красными включениями, частицами слюды. По составу тесто напоминает типичное тесто книдских амфор. Монограммное клеймо помещено в подпрямоугольную рамку с округленными краями, представляет из себя две литеры эпсилон, зеркально повернутые по отношению друг к другу. Единственная известная нам аналогия (рис. 2, 4) происходит из раскопок в Фанагории³. Оттиск может быть отнесён к хронологической группе II [Jefremow, 1995, 63 f.; Ефремов, 2013, 407; Cancardeş Şenol, 2015, 171, no. 14] и датирован ок. 280-240 гг. до н.э. Данная датировка подтверждается и типом амфоры [Монахов, 2003, 110, Табл. 74, 1, 6; 75, 1, 5; Cancardeş Şenol, 2015, 174, Fig. 7c].

Таким образом, первый из публикуемых оттисков пополняет список позднее-фабрикантской группы синопских клейм. Редкие клейма Коса и Книда в свою очередь дополняют наши знания о торговых связях малоизученного района херсонесской хоры в нижнем течении р. Бельбек.

ЛИТЕРАТУРА

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. -II в. н.э. (морфология).- М.: Институт археологии РАН, 2003. 235 с.

Внуков С.Ю. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. 2015. С. 161-168.

Ефремов Н.В. Керамические клейма позднеклассического-раннеэллинистического Книда. «Протокнидские» клейма и клейма с «носом корабля» // ВЭ. № 7. 1. 2013. С. 405-451.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII. -480 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; Издательство Саратовского университета, 2003. 352 с.

Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus, 2014, №3. С. 195-222.

³ *Выражаем благодарность В.Д. Кузнецову за разрешение использовать материал.*

Тюрин М.И. Две рельефные чаши из закрытого комплекса на укреплении Масляная гора// БЧ. 2018. Вып. XIX. С. 508-514

Cancardeş Şenol G. Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt // Lafli E., Pataci S. (eds.). Recent Studies on the Archaeology of Anatolia (BAR International Series 2750). London: Basingstoke Pr. 2015, P. 169-192

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des eponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C- environ: premier bilan (BAR International Series 990). Oxford: Basingstoke Pr. 2001. 260 p.

Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. Bd. 19). München: tuduv. 1995. 251 s.

Pieri D. Le commerce du vin oriental à l' époque Byzantine (Ve – VIIe si è cles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. 327 p.

Sherwin-White S. M. Ancient Cos. An historical study from the Dorian Settlement to the Imperial period. (Hypomnemata, 51), Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1978. 582 p.

Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte (Indogermanische Bibliothek. I. Abteilung. Sammlung indogermanischer Lehr-und Handbücher. I. Reihe: Grammatiken. Bd. 8), Heidelberg, 1909, XVIII, 409 s.

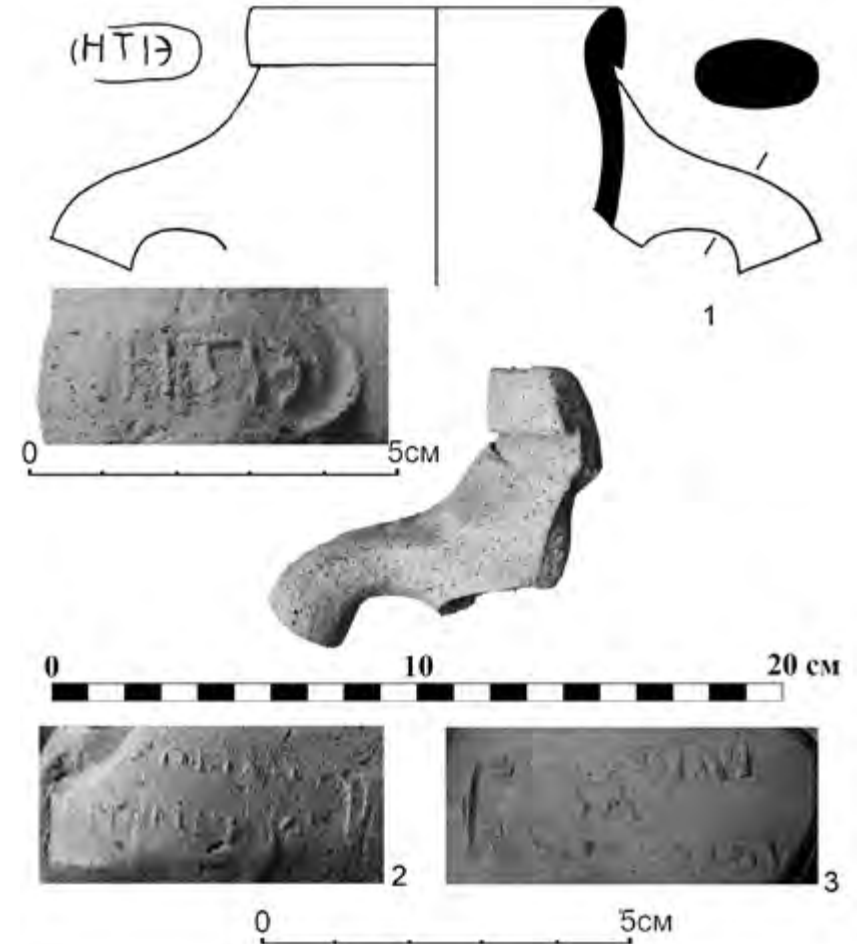

Рис. 1. Античное укрепление Масляная гора: 1 – фрагмент синопской амфоры с клеймом фабриканта Εἰτη(ς) (помещение V); 2 – родосское клеймо эпонима Σωκράτης (помещение IV); 3 – родосское клеймо эпонима Φαίνας (помещение IV)

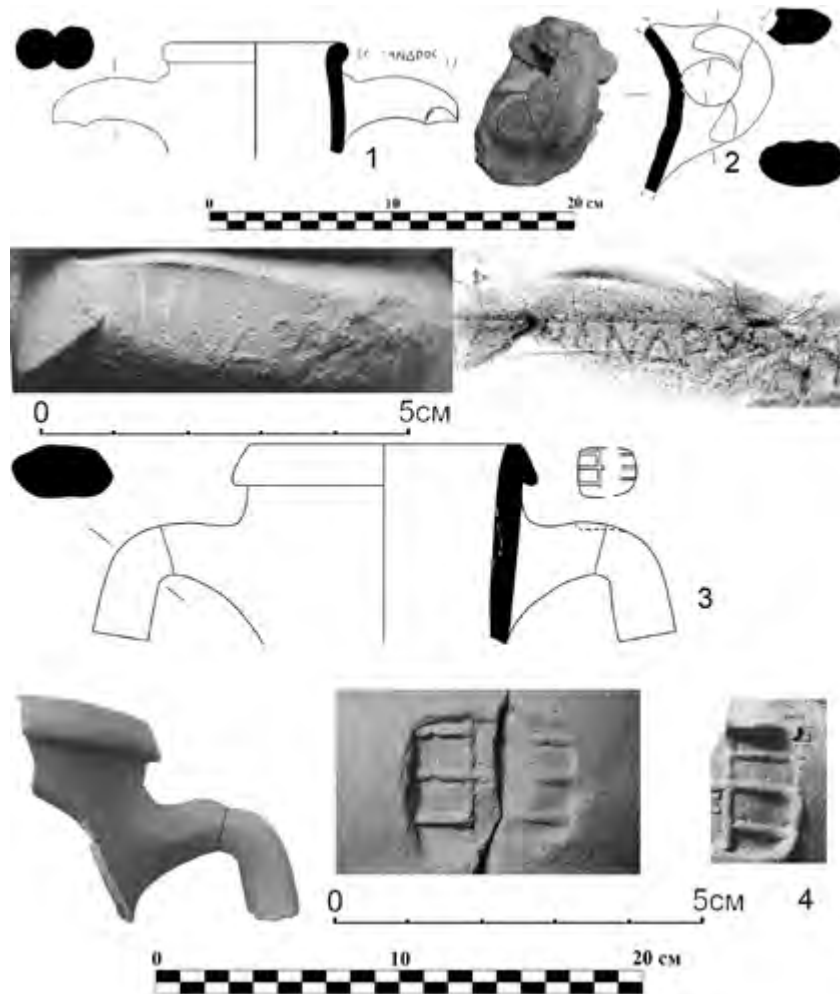

Рис. 2. Античное укрепление Масляная гора, средневековая засыпь колодца: 1 – фрагмент косской амфоры с клеймом; 2 – фрагмент раннесредневековой амфоры; 3 – фрагмент квидской (?) амфоры с клеймом. Фрагментированное квидское клеймо из раскопок Фанагории (4)

ЖУАН ПИНАР ЖИЛ (JOAN PINAR GIL)
(Университет Градец Кралове
Univerzita Hradec Králové)

ТРЕТЬЯ ФИБУЛА ИЗ ПОЛЛЕНЦО (ПЬЕМОНТ, ИТАЛИЯ). К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ ПРИЧЕРНОМОРСКО-ПОДУНАЙСКОГО КРУГА НА ЗАПАДЕ (400-500 ГГ. Н.Э.)

Замечательный состав погребальных вещей найден в с. Полленцо (Кунео, Пьемонт, северо-западная Италия) в 2002 г. (Micheletto 2004). Погребение содержало скелет жены, а также набор украшений: пара серебряных двухпластинчатых фибул, две золотые серьги, золотые и стеклянные бусы. В археологической литературе уже ранее было отмечено, что присутствие больших фибул указывает на восточноевропейское происхождение женщины, а золотые изделия свидетельствовали о ей высоком социальном положении (Micheletto 2004; Bierbrauer 2007).

Важный элемент для интерпретации состава комплекса прежними исследователями был к сожалению упущен из виду. Это маленькая, сохранившееся в обломках серебрянная одночленная фибула с подвязной ножкой. Несмотря на то, что фибулы этого типа на Западе не многочисленные, на этой же территории они являются на комплексах «восточного круга» относительно часто. Таким образом, «третья фибула» из Полленцо становится важным доказательством для реконструкции некоторых тенденций в эволюции «причерноморско-подунайской моды» в Западной Европе (Kazanski 1990; Bierbrauer 1991; Kazanski, Périn 1997).

Подробное сопоставление погребения в с. Полленцо с похожими по составу на Западе, позволяет задавать новые вопросы о формировании «западного восточногерманского круга» в течение 5. в. н.э.: какие были их внутренние связи, какое было влияние от восточноевропейских параллельных комплексов, какие были способы накопления и употребления специфических типов вещей.

ЛИТЕРАТУРА

V. Bierbrauer, Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien), Jahrbuch RGZM 38, 1991, 541-592.

V. Bierbrauer, Neue ostgermanische Grabfunde des 5. und 6. Jahrhunderts in Italien, Acta Praehistorica et Archaeologica 39, 2007, 93-124.

M. Kazanski, La diffusion de la mode danubienne en Gaule (fin du IVe siècle-début du VIe siècle): essai d'interprétation historique, Antiquités Nationales 21, 1989, pp. 59-73.

M. Kazanski, P. Périn, Les barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule, Antiquités Nationales 29, 1997, 201-217.

E. Micheletto, Il contributo delle recenti indagini archeologiche per la storia di Pollenzo dall'età paleocristiana al XIV secolo. In: G. Carità (ed.), Pollenzo, una città romana per una "reale villeggiatura" romantica. Savignano 2004.

ЖУРАВЛЕВ Д.В., БАТАСОВА А.В., ШЛОТЦАУЕР У.
(ГИМ, Москва, Санкт-Петербург, Берлин)

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РОВ ПОСЕЛЕНИЯ ГОЛУБИЦКАЯ 2¹

Несмотря на многолетние плодотворные исследования земляных оборонительных сооружений Боспора (Масленников, 2003), их история хранит еще немало тайн. Одним из наиболее ранних сооружений такого рода на территории Таманского полуострова является фортификационная система поселения Голубицкая 2². При магнитной разведке был выявлен четкий контур рва, окружавшего поселение с восточной, единственной незащищенной водой, стороны (рис. 1, 1). Ров охватывал площадь поселения, составляющую 6,7 га. Для исследования этого оборонительного сооружения в 2007 г. был заложен Раскоп 1, а в 2010 г. – Раскоп 4.

Оборонительный ров, согласно стратиграфическим наблюдениям и датировкам керамического материала, был сооружен вскоре после основания поселения, не позднее третьей четверти VI в. до н.э., а возможно и ранее. Возникновение поселения можно отнести к началу второй четверти VI в. до н.э., хотя в слоях присутствуют и фрагменты, которые можно отнести к первой четверти этого столетия (Шлотцауер, 2016, с. 40-41).

Конструкция рва. Ширина рва составляла в разных местах 9,5/10,65 (Раскоп 1) – 10,5/11 м (Раскоп 4), глубина равнялась 2,3 – 2,8 м.

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта «Разработка методов автоматической обработки и документирования полевых исследований археологических памятников», финансируемого РФФИ, № 17-29-04410,

² Впрочем, согласно голословному утверждению А.Л. Ермолина, ров Голубицкой 2 «не является оборонительным сооружением», а служил «преградой для табунов лошадей и отар овец, перегоняемых кочевниками» (Ермолин, 2013, с. 20). Мы уже не раз отмечали, что аргументы израильского исследователя не выдерживают никакой критики и основаны на слабом знании научной литературы.

Эскарп рва был сооружен под углом около 40°, более крутой контрэскарп – под углом около 30°.

При сооружении рва на его дне в материке была вырезана сложная конструкция, несколько различающаяся на двух раскопах. В Раскопе 1 она представляет собой трапециевидный в разрезе земляной материковый выступ, шириной по верху 2,1–2,3 м, по низу 3,50–3,80 м, расположенный на расстоянии 0,4–0,52 м к западу от основания контрэскарпа, образуя с ним углубление клиновидной формы, шириной в верхней части 1,3–1,4 м, глубиной 0,7–0,9 м.

В восточной части сверху конструкция завершается выступом, шириной 0,42–0,46 м, имеющим подтреугольное завершение. С западной стороны конструкция также обрамлена выступом, ширина которого в различных местах составляет 0,56–0,83 м. Если в северной части квадрата эта приступка имеет горизонтальную поверхность, то в центральной и южной части она представляет собой два валикообразных выступа с горизонтальной площадкой между ними, шириной около 1,1 м.

На Раскопе 4, где прослежен крутой поворот линии рва, эта конструкция выполнена немного проще и представляет собой две параллельные неглубокие канавы, разделенные материковым останцом. Канавы у западного края рва (№1) неглубокая, ее дно находится на глубине 2,2–2,3 м от верхнего края рва. Дно существенно сужается в направлении от ЮВ (2,12 м) к СЗ (1,13 м). Материковый останец вытянут примерно посередине рва по его направлению. У ЮВ борта он представляет собой возвышение, на глубине 1,94 м от верха рва, с крутым склоном, образующим стенку восточной канавы и более пологим – западной канавы. Ширина останца по верху 0,5 м. У СЗ борта останец имеет неправильную конфигурацию, находится на глубине 1,76 м от верха рва и соответствует верхней точке канавы 2. Далее останец полого спускается ко дну канавы №1, у края которой находится второй «пик» останца, на глубине 1,9 м от верха рва. Ширина останца на уровне дна канавы 1 составляет 2,8 м. В целом, несмотря на различия в деталях, суть конструкций на обоих раскопах одинакова.

Назначение подобной земляной конструкции достоверно не известно. Наиболее логичной на сегодня выглядит точка зрения, что она предназначалась для стока воды. Аналогии этой конструкции немногочисленны. Укажем на ров, правда, раннеримского времени, у Узунларского вала в районе въезда³. Некоторые параллели с конструкцией рва

³ По словам А.А. Супренкова, «разрез позволил выделить как минимум два строительных

имеет и ров четвертой линии обороны на Старокорсунском городище № 2 (Лимберис, Марченко, 2009, с. 218–220, рис. 4, 2) второй половины IV в. до н.э.

Отметим, что канавки для воды были открыты на дне рва IV в. до н.э. Елизаветовского городища (Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 82, табл. 7, рис. 15). При исследовании позднеэллинистического рва Та-наиса на его дне также были открыты канавки, но они имели совсем иное назначение, являясь фундаментом для протейхизмы (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2016, с. 180–181, 184–185, рис. 12; 18).

Стратиграфия заполнения рва. Нижний слой заполнения рва (Фаза I) представляет собой коричневатый суглинок с включениями прокаленного сырца и заполняет пространство между контрэскарпом рва и восточной стенкой материковой конструкции на дне рва. Его мощность составляет около 0,6–0,95 м (Раскоп 4). Находки здесь немногочисленны и не выходят за пределы VI в. до н.э. Наиболее примечательна обнаруженная в Раскопе 1 практически целая лесбосская амфора последней четверти VI в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 48, табл. 30-31; тип I-B).

Когда ранний ров заилился (ср.: Винокуров, 2009, с. 85), или перестал удовлетворять защитников укрепления по другой причине, он был частично засыпан с восточной, внешней стороны. Тогда же был сооружен второй ров (последняя четверть VI – рубеж VI–V вв. до н.э.), значительно уже первого (Фаза II). Контрэскарпом этого рва является мощная глиняная тромбовка, перекрывающая засыпанный ров первого строительного периода. Важно отметить, что эта тромбовка своим нижним краем примыкает к верхнему выступу материковой конструкции на дне рва.

Заполнение рва образовано коричнево-желтым плотным гумусированным суглинком. На Раскопе 1 хорошо фиксируется дно рва Фазы III (вторая-третья четверти V в. до н.э.), засыпанное слоем фрагментов битой амфорной тары (Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 170, рис. 21). Вероятно, ров чистился, пусть и не очень активно: в центре его в Раскопе 4 прослеживается канавка, шириной в верхней части 2–3,4 м; на дне ка-

периода его сооружения. Они «читались» внизу рва, дно которого было как бы разделено на две неравные части выступавшим вверх материковым «гребнем». Более позднее, западное углубление дна было более широким и глубоким, чем восточное: его ширина на уровне верха «гребня» составляла 2,4 м, в то время как ширина восточного углубления на том же уровне была 13 м и дно здесь на 4 м было выше чем к западу от «гребня». Сам «гребень» в высоту достигал 1 м, имея острую вершину и расширяясь от нее к основанию до 14 м (Супренков, 2018, с. 243).

навки 0,5–2 м и глубиной 0,74–0,8 м, заполненная, в свою очередь, слоем темно-коричневого гумусированного суглинка (Фаза IV).

Фундамент стены по внутреннему краю рва. В 2015–2016 гг. на участке к западу от края рва (Раскоп 4) было открыто основание сырцово-кирпичной стены как минимум двух строительных этапов. Сохранившаяся длина участка стены составляет около 7,25 м. Первый этап ее функционирования представлен сырцовым основанием с включением необработанных сильно обожженных камней и развалами глиняной обмазки по обеим сторонам. Вторым этапом обозначены необработанными камнями средних и крупных размеров, уложенными по трассе первой стены. Однако, возможно, эта конструкция не была закончена, так как, помимо одного ряда камней, никаких иных строительных остатков не обнаружено. Сооружение и функционирование этой стены относится к позднему этапу жизни поселения. В то же время обращает на себя внимание расположение этой стены по краю рва, то есть, видимо, к моменту сооружения ее первой фазы, ров еще не был заполнен доверху. Сырцовое основание стены уложено на слой желто-коричневого суглинка, который выклинивается у западного края рва и может быть остатком основания вала. В таком случае, стена была построена после того, как верх вала был снесен, но еще сохранялся ров, хоть и частично засыпанный. На последнее обстоятельство также указывает то, что местами стена перекрывает настоящую границу рва и уложена на слой коричнево-желтого плотного суглинка, заполняющего ров, в том числе вдоль эскарпа. По всей видимости, она представляла собой конструкцию на сырцовом основании со стенами из турлука. Ее предназначение остается под вопросом.

Руины этой стены были перекрыты черным золистым суглинком, идентичным горелому слою в верхней части рва. Здесь было обнаружено значительное количество находок, включая несколько десятков медных монет второй-третьей четверти III в. до н.э., а наиболее поздние относятся к последней четверти III в. до н.э. (ср.: Шелов, 1956, с. 217, табл. VI, 72–73; определение Е.В. Захарова). Среди сравнительно многочисленных амфорных клейм преобладает материал III в. до н.э., а одно родосское клеймо относится к 224–206 гг. до н.э. (Finkielsztein 2001. Groupe IIc; определение А.В. Ковальчук). То мы можем надежно датировать время гибели поселения и его оборонительных сооружений третьей – началом четвертой четверти III в. до н.э.

Столбовые ямки. В 2018 г. на участке длиной 4,2 м между краем рва и южным отрезком стены, вдоль линии рва (с незначительными от-

клонениями), был обнаружен ряд ямок диаметром около 0,05 м, глубиной 0,1–0,6 м. Расстояние между ними составляет 0,1–0,4 м. Ямки заполнены темно-коричневым суглинком. Мы предполагаем, что эти ямки свидетельствуют о наличии кольев для крепления плетня, сооруженного до постройки стены, который служил крепидой вала и предупреждал его сползание в ров. Неудивительно, что эти столбовые ямки были обнаружены лишь на участке, где стена максимально отстоит от границы рва. Ямки, которые могли располагаться к северу от этого участка, перекрыты более поздней стеной. Остатки еще одной похожей ямки, глубиной около 0,5 м, диаметром около 0,05 м, заполненной темно-коричневым комковатым суглинком, были обнаружены с внешней стороны рва, в юго-восточном профиле траншеи 1. На данный момент это единичный случай находок столбовой ямки с внешней стороны рва на Голубицкой, поэтому существование какой-либо конструкции из кольев перед рвом пока дискуссионно.

Описание подобного оборонительного сооружения приводится, например, Фукидидом: «Разбив лагерь, Гиппократ приказал следующим образом укрепить Делий. Воины выкопали ров вокруг святилища и храмового участка. Вырытая земля образовывала насыпь. Вдоль насыпи они вбивали колья и переплетали их лозами из виноградника святилища, на верх насыпи наваливали камни и кирпичи из развалин близлежащих домов, всячески стараясь поднять насыпь как можно выше. В необходимых местах [...] они поставили деревянные башни» (Thuc. II. 90. 2; перевод Г.А. Стратановского).

Отметим, что ямки для более солидной тынообразной конструкции были зафиксированы, например, на Елизаветовском городище (Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 76, рис. 12, 3–4).

Вал. Сразу отметим, что собственно вал на Голубицкой 2 до нашего времени не дошел. Нет никаких сомнений в том, что он существовал изначально и был создан, вероятно, из выброшенной из рва земли⁴. В пользу его существования говорят стратиграфические наблюдения: отсутствие хозяйственных ям непосредственно за рвом, кроме единичных поздних сооружений, появившихся во II в. до н.э. после его разрушения,

⁴ Интересны, впрочем, наблюдения Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко о стратиграфии вала и засыпи рва Старокорсунского городища № 2. Изучая засыпь рва четвертой линии, засыпанного слоями скрытого вала, они установили, что, он состоял из различных прослоек глины, суглинка и чернозема. Это привело исследователей к выводу, что глину, добытую при сооружении рва, могли использовать для иных целей (строительство жилищ, гончарное производство) (Лимберис, Марченко, 2009, с. 221).

а главное – зафиксированный в Раскопе 1 слой основания вала, практически лишенный находок (вероятно, выброс материковой глины из рва) (рис. 2, 1). Кроме того, в СЗ углу Раскопа 1 был прослежен, расположенный на расстоянии около 6 м от внутренней границы рва, слой серо-черного горелого суглинка, идентичного заполнению верхней части рва. Логично предположить, что слой пожара III в. до н.э. перекрывал и ров, и остатки вала, и пространство между ними, но сохранился лишь во рву и за границей скрытого вала. Таким образом, по нашим данным, ширина вала составляла не менее 6 м.

Возможно, что вал потерял свое оборонительное значение и был скрыт до пожара второй половины III в. до н.э., а граница поселения уже тогда фиксировалась описанной выше стеной, перед которой сохранилась лишь неглубокая канавка рва. Также нельзя исключить, что он был ликвидирован в результате восстановительных работ в последней четверти III в. до н.э. Следы срытия вала и засыпки рва на функционирующем поселении фиксируются, например, на Старокорсунском городище № 2 (Лимберис, Марченко, 2009, с. 220–221) и на Елизаветовском городище (Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 78). Следы вала на Голубицкой 2 были полностью сnivelированы в более позднее время в результате распашки.

Земляные оборонительные сооружения в античном мире. Рвы и валы были важнейшей частью боспорской фортификации (см. подробнее: Масленников, 2003). Как уже было показано выше, они активно использовались и греческими колонистами, и местным населением. Но их активное использование на ранних этапах существования зафиксировано и в других греческих городах, например, в Мегарах Гиблейских (Gras et al, 2004, p. 230) или Галии в Южной Арголиде (McAlister, 2005, p. 76–77). О. Хюльден, рассматривая фортификацию Голубицкой 2, справедливо ставил ее в один ряд с памятниками на территории материковой и Великой Греции времени их основания (Hüllden, 2018, p. 106–107, fig. 8.8). Другое дело, что там рвы и валы достаточно быстро сменились каменными укреплениями, а на поселении Голубицкая 2 этого не произошло.

Заключение. Описанное выше тотальное разрушение и пожар последней четверти III в. до н.э. не стали фатальными для жителей поселения Голубицкая 2. Оставшиеся в живых после разгрома жители убрали мусор и остатки сгоревших конструкций, ссыпав их в ямы и в потерявший оборонительное значение ров (Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 167–168) Уже после прекращения функционирования рва, над его контрэскарпом

была сооружена глинобитная печь (рис. 1, 3), которую мы предварительно датировем концом III или даже II в. до н.э. Но поселение уже доживало свой век, и, видимо, в связи с обмелением пролива Боспор Кубанский, полностью потеряло свое былое значение, превратившись в небольшую неукрепленную деревушку.

ЛИТЕРАТУРА

Винокуров Н.И. 2009. Исследование оборонительного рва ранней цитадели городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения. Керчь.

Ермолин А.Л. 2013. Оборона Европейского Боспора во второй половине III в. до н.э. – начале I в. до н.э. и таманские аналогии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 8 (151). Вып. 26.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006-2013 гг.) // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ. Вып. 201. М.

Ильяшенко С.М., Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2016. Оборонительные рвы Танаиса во II-I вв. до н.э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2009. Результаты исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.

Масленников А.А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог - определитель. Москва-Саратов.

Супренков А.А. 2018. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // ДБ. 23. М.

Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Шлотцауер У. 2016. К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М.

Finkielszstejn G. 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. BAR. Intern. Series. 990. Oxford.

Gras M., Tréziny H., Broise H. 2004. Mégara Hyblaea. 5, La ville archaïque. Mélanges d'archéologie et d'histoire. Suppléments. 1.5. Rome.

Hülten O. 2018. Greek Fortifications Before the Persian Wars. An Overview // Understanding Ancient Fortifications. Between Regionality and Connectivity. Oxford & Philadelphia.

McAllister M. 2005. The Fortifications and adjacent Structures. The Excavations at ancient Halieis, conducted by the University of Pennsylvania and Indiana University Porto Kheli, Greece. Vol.1. Bloomington, Indianapolis.

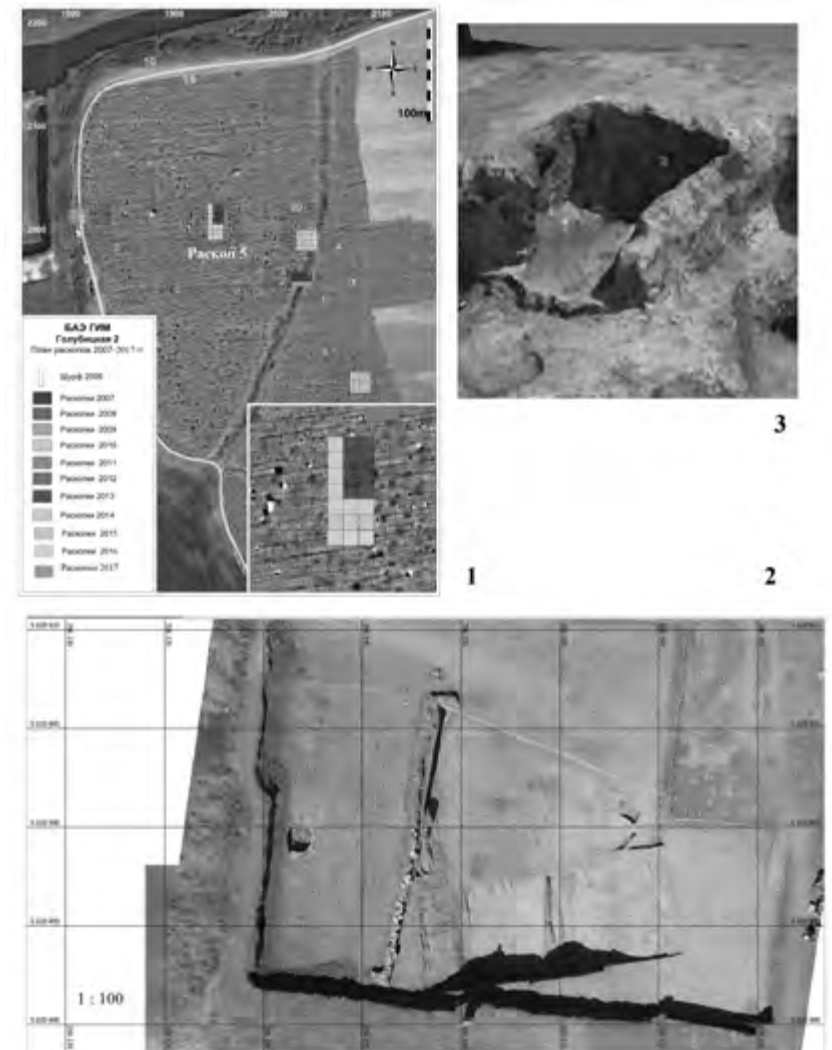

Рис. 1. Поселение Голубицкая 2. 1 – результаты магнитной разведки; 2 – ортофотоплан Раскопа 4 с контурами рва и фундаментом стены; 3 – печь, вырезанная в контрэскарпе рва

ЖУРАВЛЕВ Д.В., БАТАСОВА А.В., ШЛОТЦАУЕР У.,
КУРКОВ В.М., СКРЫПИЦЫНА Т.Н., КНЯЗЬ В.А.,
КУДРЯШОВА А.И., КОБЗЕВ А.А., МИШКА К.
(Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Эрланген-Нюрнберг)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТРУКТУРЕ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЗИАТСКОГО БОСПОРА (ПО ДАННЫМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ)¹

Боспорская археологическая экспедиция Государственного исторического музея совместно с Евразийским отделением Германского археологического института, Московским институтом геодезии и картографии и научно-исследовательским институтом авиационных систем проводила разведки в Темрюкском и Анапском районах Краснодарского края.

В работах активно использовались методы дистанционного зондирования, в частности, проведение аэрофотосъемки с использованием беспилотных воздушных судов Геоскан-101 и DJI Phantom 4 PRO² с ее последующей дешифровкой и обработкой (подробнее о методике исследования: Chibunichev et al., 2018; Курков и др., 2018), а также использовалась магнитометрия при помощи 4-датчикового индукционного градиометра SENSYS. Фотограмметрическая обработка выполнена в программе Agisoft PhotoScan.

Кратко опишем наиболее интересные памятники, исследованные в ходе разведочных работ.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Разработка методов автоматической обработки и документирования полевых исследований археологических памятников», финансируемого РФФИ, № 17-29-04410,

² Беспилотные воздушные суда (БВС) двух типов: коптерного типа компании DJI Phantom 4 PRO с камерой FC6310 (фокусное расстояние - 8.8 мм, размер матрицы - 5472X3648, пиксель - 2,4 мкм) и самолетного типа Геоскан - 101 с камерой Sony DCS RX1R (фокусное расстояние - 35 мм, размер матрицы - 6000X4000, пиксель - 6мкм) и бортовым геодезическим приемником Topcon B110 для определения высокоточных центров проекции. Квадрокоптер был использован для АФС локальных участков с пространственным разрешением на местности 2-3 см, а Геоскан-101 для съемки сравнительно больших территорий с размером пикселя на земле 9-10 см.

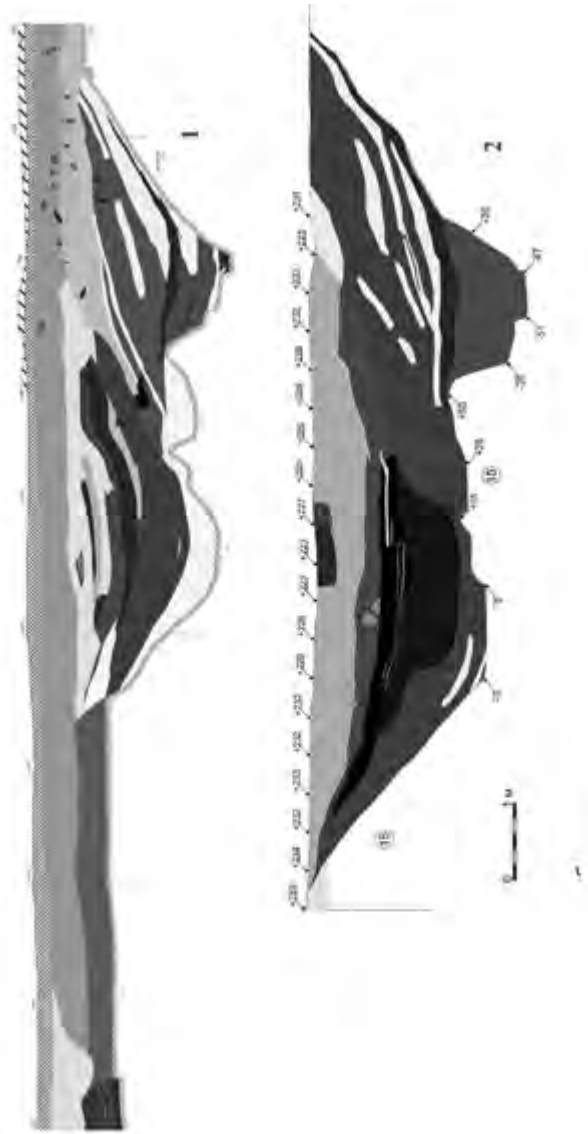

Рис. 2. Поселение Голубицкая 2. Разрез рва: 1 – Раскол 1; 2 – Раскол 4

Городище Красный Октябрь. Этот памятник давно известен: городище было обозначено на карте С.Ф.Войцеховского под № 38 как «следы античной культуры», на карте А.А.Миллера зафиксировано как поселение «римского периода», на карте Я.М. Паромова получило № 235 (Паромов, 1992, с. 697-702). Несмотря на сохранившиеся грандиозные фортификационные сооружения, до настоящего времени городище, и даже его укрепленная часть, не привлекало внимания археологов (о последних работах на периферии памятника: Крутоголовенко, 2017). На полученном фотограмметрическом плане отчетливо прослеживаются границы городища с «цитаделью» и древние дороги. Трехмерная текстурированная модель (фрагмент – рис. 1, 1) позволила изучить объект под разными ракурсами в различных масштабах. Особенно это ценно для обследования труднодоступных участков памятника, а также участков с современной застройкой. Отчетливо видны валы, рвы, главный въезд на городище и предполагаемые «башни» по периметру оборонительных стен.

К сожалению, магнитометрия не смогла выявить никаких значимых объектов – слишком велики были помехи от металлических предметов, предположительно относящихся к следам Великой Отечественной войны. Зато интересные материалы были получены при георадарной съемке в районе въезда на городище и предполагаемой башней, его фланкирующей. Съемка проводилась про помощи георадара Лоза-1В (ВНИИСМИ). В западной части площадки регистрируются зоны плотного грунта линейной геометрической формы, ориентированные по трассе север-юг, а восточнее такие же зоны плотного грунта имеют круглую форму. Внешне выявленные аномалии действительно напоминают башни, хотя говорить об интерпретации, а тем более о хронологии выявленных объектов пока сложно. В равной степени это может быть оборонительная конструкция античного или турецкого времени, или остатки суворовской фортификации. Лишь раскопки, запланированные на 2019 г., способны пролить свет на эту загадку.

Летом на памятнике был проведен сбор подъемного материала и шурфовка, позволившая уточнить хронологию этого поселения. В одном из шурфов были выявлены остатки строительных конструкций, которые предварительно могут быть интерпретированы как обжигательная печь эллинистического времени (печь была разрушена хозяйственной ямой I в. до н.э. – I в. н.э. с фрагментами светлоглиняных амфор с двустольными ручками).

Семибратнее городище. Вероятная столица Синдского царства, город Лабрис, несмотря на раскопки Н.В. Анфимова, результаты которых практически не опубликованы (редкие исключения: Анфимов, 1953), и на непродолжительные работы В.А. Горончаровского (Горончаровский, 2009; Goroncharovskiy, 2015; с предшествующей литературой) до сих пор остается terra incognita. Интересно, что это один из немногих памятников Северного Причерноморья, дешифровке аэрофотоснимков которого было посвящено специальное исследование (Горлов, Лопанов, 1999).

Анализ предшествующих исследований на этом важнейшем для истории Боспора памятнике не является сейчас нашей задачей, поэтому мы лишь кратко упомянем проведенные нами весной и летом 2018 г. работы. На ортофотоплане, полученном по материалам съемки 2018 г. с БАС и цифровой модели поверхности в гипсометрической окраске отчетливо прослеживаются границы поселения, валы укрепленной части городища и дороги, ведущие в укрепленную часть. На укрепленной части городища была проведена геомагнитная разведка (к настоящему времени работы не завершены, поэтому представленный план является предварительным). Совмещение результатов исследований позволило выявить части фундаментов строения внутри стен и усадеб за линией укреплений, структуру оборонительной системы городища (вал, конструкцию городских стен и башен) и подходящие к нему дороги. Стоит отметить и различия с результатами магнитной разведки Т.Н. Смекаловой (Горончаровский, 2009, с. 180, рис. 6; Goroncharovskiy, 2015, fig. 1-2), но они связаны в первую очередь с тем, что в 2006 и 2018 гг. исследовались разные участки городища. Нами планируется проведение дальнейших работ в 2019 г. и завершение геомагнитной съемки на всем памятнике, а также на месте предполагаемого грунтового некрополя.

Поселение Солёный 3 находится на окраине пос. Солёный на Таманском полуострове. Памятник был выявлен в 1983 г. Я.М. Паромовым и, по результатам обследования, был обозначен как большое «сельское поселение античного и средневекового времени», площадь которого оценивалась порядка 60 га. На памятнике был собран представительный подъемный материал, включавший в себя большое количество керамики, относящейся ко времени от архаики до поздней античности (VI в. до н.э. – IV в. н.э.), а также фрагменты пифосов, черепицы, каменных зернотерок (Паромов, 1992, с. 339-342). В качестве характерной черты ландшафта этого памятника отмечалось наличие «широкой ложины, пересекающей все поселение с юго-запада на северо-восток», вдоль которой проходила

древняя дорога (Паромов, 1992, с. 339). Подъемный материал концентрировался на отдельных участках – возвышениях, равномерно распределенных на всей площади памятника (Паромов, 1992, с. 341; рис. 1).

В 2000-х гг. обследование округа Фанагории производил Г.П. Гарбузов. В зоне памятника Солёный 3 им было выявлено несколько участков с повышенной концентрацией подъемного материала – «сайтов» (Гарбузов, 2013).

Работы Боспорской археологической экспедиции на памятнике Солёный 3 начались в 2012 г. В 2012 – 2013 гг. был собран подъемный материал, а в 2018 г. была произведена съемка территории памятника с помощью беспилотника. Совмещение результатов обоих этапов исследования позволяют скорректировать данные об этом памятнике.

Аэрофотосъемка территории поселения с последующей обработкой подтвердила наличие ложины, отмеченной Я.М. Паромовым, вдоль которой, возможно, проходила древняя дорога. Кроме того, в северной части памятника было обнаружено небольшое возвышение, ограниченное с юга ложинной и ее ответвлением (рис. 3, 2). В ходе сбора подъемного материала и анализа плотности его распределения на исследованной территории было выявлено два участка повышенной концентрации материала, между которыми пролегает вышеупомянутая ложина (рис. 3, 3). Первый участок расположен в северной части памятника и приурочен к возвышению, второй, в южной части памятника, занимает пологий склон, спускающийся к берегу. Суммарная площадь обоих участков составила около 3–3,5 га, что существенно ниже предшествующих оценок. Также предварительно можно говорить о том, что здесь существовало не одно гигантское поселение, а как минимум две структуры, жестко привязанные к ландшафту. Об одновременном или последовательном существовании этих структур можно сделать вывод на основании хронологии собранного материала, что является задачей будущих публикаций.

Заключение. Вне всякого сомнения, первые полученные в результате работ по проекту данные внушают оптимизм. Благодаря применению технологий, основанных на методах геодезии, аэрофотосъемки и фотограмметрии, в сочетании с традиционными археологическими методами, были получены новые данные о структуре нескольких разноплановых памятников от эпохи поздней архаики до римского времени. Работы будут продолжены и на других памятниках, и мы надеемся в обозримом будущем предложить коллегам ГИС Таманского полуострова и прилегающих районов.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н.В. 1953. Исследования Семибратнего городища // КСИ-ИМК. Вып. 51.

Гарбузов Г.П. 2013. Комплексные археологические исследования в округе Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 1. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1. М.

Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. 1999. Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища // ПИФК. VIII.

Горончаровский В.А. 2009. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001-2008 гг.) // БИ. XXII.

Крутоголовенко К.А. 2017. Археологический комплекс «Красный Октябрь 1» // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар.

Паромов Я.М. 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. Депонировано в ИНИОН РАН. №47103 от 01.10.1992 г. Москва.

Chibunichiev A.G., Knyaz V. A., Zhuravlev D.V, Kurkov V.M. 2018. Photogrammetry for archaeology: collecting pieces together // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences, Volume XLII-2, 2018. ISPRS TC II Mid-term Symposium "Towards Photogrammetry 2020", 4–7 June 2018, Riva del Garda, Italy.

Goroncharovskiy V. 2015. The Townsite of Semibratneye (Labrys). Results of Excavations in 2006- 2009 // Hyperboreus. Studia Classica. vol. 21.1

1

а

б

2

Рис.1. Городище Красный Октябрь. 1 – трехмерная текстурированная модель; 2 – цифровая модель местности в различных вариантах визуализации.

а

б

1

2

Рис.2. Семибратнее городище. 1 – цифровая модель поверхности: а - в теневой отмывке; б - гипсометрической окраске

ЗАВАДСКАЯ И.А.
(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КРОВЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛОГО КВАРТАЛА НА ЭСКИ-КЕРМЕНЕ¹

Городище на плато Эски-Кермен представляет собой остатки типичного средневекового города Юго-Западного Крыма. Поэтому его исследование представляет особую значимость для изучения истории и материальной культуры населения всего региона в этот период.

Современные раскопки на эски-керменском городище планомерно проводятся с 2003 г. под руководством А.И. Айбабина и с 2015 г. под совместным руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой². В течение 11 полевых сезонов (2003–2008, 2013, 2015–2018 гг.) впервые на городище практически полностью открыт жилой квартал 1, ограниченный главной и двумя поперечными улицами. На территории квартала зафиксированы остатки часовни и 19 помещений, которые принадлежали, вероятно, 5 усадьбам (план квартала: [Айбабин, 2018, рис. 2]). По хронологии А.И. Айбабина, квартал погиб в пожаре в конце XIII в., вероятно, в результате набега войск Ногая в 1298/99 г. [Айбабин, 2014, с. 249-250; 2018, с. 283].

Крыши всех открытых помещений были перекрыты керамической черепицей, фрагменты которой составляют самую массовую категорию археологических находок. На территории квартала, включая прилегающие к нему участки улиц, зафиксировано более 125 тысяч фрагментов плоских керамид с бортиками (около 96 %) и полуцилиндрических калиптеров (около 4 %). В ходе раскопок обнаружены 2 целые керамиды, из

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».

² Благодарю руководителей раскопок за возможность изучать и публиковать строительную керамику Эски-Кермена.

Рис. 3. Поселение Солёный 3. 1 – план Я.М. Паромова; 2) - цифровая модель рельефа в теневой отмывке; 3) – совмещение цифровой модели рельефа и результатов сбора подъемного материала.

фрагментов сложены 90 археологически целых керамид, а также более 110 форм с сохранением полной длины или ширины.

Полученная на Эски-Кермене строительная керамика отличается значительным разнообразием по технологическим и морфологическим признакам. Поскольку до сих пор не существует общепризнанной универсальной классификации средневековой строительной керамики Крыма, в ходе камеральной обработки была разработана самостоятельная (эски-керменская) классификация черепицы, обнаруженной на Эски-Кермене. Она основана, прежде всего, на технологических характеристиках, таких, как качество черепка и состав глиняного теста [описание: Завадская, 2008; 2010; 2012]. При идентификации строительной керамики используется также классификация, разработанная для черепицы Херсонеса [Паршина, 1974, с. 79-80; Романчук, 2004, с. 42-43]. Подавляющая масса (около 87 %) находок принадлежит четырем основным группам эски-керменской классификации (I, II, III, IV) и более 9 % – 1-й группе по херсонесской классификации (далее ХК). Кроме того, в сравнительно небольшом количестве (менее 3 %) обнаружены фрагменты других по составу теста и качеству черепиц. Часть находок сильно пережжена и не поддается идентификации.

Такое разнообразие кровельного материала, обнаруженного на Эски-Кермене, свидетельствует о разных технологических традициях. Скорее всего, черепица разных групп была произведена в разных керамических мастерских или центрах, а часть ее – в разные периоды. Не исключено, что в рамках одной группы может находиться черепица нескольких мастерских с близкими традициями. В настоящее время можно говорить с определенной долей вероятности о месте производства только двух групп черепицы. Так, черепица группы Ia по эски-керменской классификации производилась в керамическом центре Илька-2, открытом и частично исследованном в округе Мангупского городища под руководством В. Е. Науменко в 2010–2013 гг. [Науменко и др., 2012, с. 52–54; Завадская, 2017, с. 184]. Черепицу 1-й группы по ХК поставляли на эски-керменское плато, скорее всего, из мастерских Херсона или его округи [Завадская, 2017а, с. 148].

В ходе раскопок эски-керменского квартала получена многочисленная коллекция рельефных меток на керамидах и калиптерах всех выделенных групп. Они имеют разные размеры и расположение на поле черепицы и представляют собой буквы, лигатуры, изображения животных (лошадь, птица, собака) и человека, а также разнообразные услов-

ные знаки. Выделены серии маркированных керамид, отформованных в одной матрице. Количество черепиц из одной матрицы – от нескольких штук до нескольких десятков экземпляров [Завадская, 2008; 2015]. Отдельные метки, например, в виде буквы Е на керамидах группы III, представлены более, чем на ста одноматричных формах. Черепица с рельефными изображениями была характерна для всего средневекового Крыма и встречается повсеместно [Якобсон, 1979; Романчук, 2004 и др.]. Однако, несмотря на многолетние дискуссии и множество версий, вопрос об их назначении остается открытым. Коллекция меток на керамидах группы Ia, происходящих из одного производственного центра (Илька-2), позволяет в значительной степени по-новому рассмотреть проблему их интерпретации [Завадская, 2015; 2018, с. 143-144]. Скорее всего, метки не были обусловлены производственной необходимостью и не имели узкоспециального назначения. Они наносились на матрицу по желанию мастера и могли быть как значимыми для него символами, так и простым декором.

Фиксация и статистический анализ строительной керамики дают возможность изучить состав черепицы для каждого помещения и усадьбы, и в определенной степени реконструировать их кровли. Соотношение черепиц разных групп в отдельных помещениях и усадьбах порой существенно отличается. Так, например, керамиды самой многочисленной в данном квартале группы Ia доминировали в помещениях усадьбы I (до 63,1%) и усадьбы IV (до 42,8%). Значительно меньше их было в помещениях усадьбы II, где они суммарно составили 16,4 %, уступив по количеству группам IV (31,6%), 1-й группе по ХК (27,5 %) и II (18,0 %). Керамиды 1-й группы по ХК в наибольшем количестве присутствовали на крышах помещений усадьбы III (37,7 %). В то же время в усадьбах I, IV и V фрагменты керамид 1-й группы по ХК составили от 0,3 до 3,6 %. Скорее всего, в кровлях помещений этих усадеб черепица 1-й группы по ХК отсутствовала и их обломки попали на эти участки уже после разрушения квартала.

Открытие на территории эски-керменского квартала нескольких вырубок, засыпанных до его полного разрушения, позволило сделать важные выводы по вопросу датировки черепицы разных групп. Керамические комплексы из этих вырубок свидетельствуют о том, что черепица групп Ib, II, III и IV (по эски-керменской классификации) уже использовалась жителями квартала во второй половине X–XI в., а черепица группы Ia и 1-й группы по ХК фиксируется в квартале не ранее конца XII в., а

возможно и в XIII в. [Завадская, Голофаст, 2018]. Их появление, скорее всего, связано с последней реконструкцией крыш помещений всех его усадеб, в ходе которой «старую» черепицу (группы Ib, II, III и IV) перебрали и дополнили вновь привезенной (группа Ia и 1-я группа по ХК). В большинстве усадеб «старая» черепица составляла более половины всего кровельного материала, что свидетельствует о бережном отношении к строительной керамике и о длительном ее использовании.

Изучение кровельного материала средневекового квартала Эски-Кермена будет продолжаться. Одним из наиболее перспективных направлений является применение естественнонаучных методов, которые позволят получить детальный анализ состава и качества глины и керамического теста, из которого изготовлены черепицы. Это поможет проверить и откорректировать существующую классификацию, разработанную, главным образом, на визуальной оценке черепичных сколов. Необходимо также проведение сравнительного анализа черепицы из разных крымских центров, что будет важным шагом на пути разработки общей классификации и хронологии строительной керамики средневекового Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
- Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277-304.
- Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291–315.
- Завадская И.А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // ТГЭ. 2010. Вып. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. С. 254–268.
- Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 213–232.
- Завадская И.А. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 158–184.

Завадская И.А. О торговых связях города на плато Эски-Кермен с Херсоном (по материалам строительной керамики) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2017а. Вып. 9. С. 145–164.

Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII.

Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 52–54.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56-94.

Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург: Изв-во УрГУ, 2004. 238 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 163 с.

ЗАХАРОВ Е.В., СМИРНОВ С.В.
(ГИМ, Москва)

СЕЛЕВКИДСКИЕ МОНЕТЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Древнейшей селевкидской монетой, происходящей из Северного Причерноморья, является бронзовый номинал Антиоха I (281–261), обнаруженный при раскопках в Ольвии в 1949 г. (Карышковский, 1962, с. 112, № 4, табл. I, 5). В 1892 г. при изучении некрополя Херсонеса была найдена бронзовая монета Александра I Балы (150–145) со следами вторичного использования в качестве подвески о чём свидетельствует сделанное в монетном кружке отверстие (Гилевич, 1968, с. 51, № 32, 1). Также к II в. до н.э. относится бронзовая монета государства Селевкидов из Пантикапея (Абрамзон, 2010, с. 493). Этим же временем датируется бронзовый номинал Селевка IV (187–175), найденный в составе огромного клада боспорских и иноземных монет конца II в. до н.э., который был обнаружен в 2003 г. на территории античного поселения Солёный 3 (Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 80, 81). Крайне немногочисленный перечень находок бронзовых монет государства Селевкидов в регионе красноречиво свидетельствует о том, что они вряд ли принимали здесь активное участие в денежном обращении. Локальный рынок был достаточно обеспечен собственной бронзовой разменной монетой. Лишь крупные международные торговые операции нередко осуществлялись с помощью иноземных монет – в основном золота и серебра Александра Великого, Лисимаха и имитирующих эти монеты выпусков причерноморских городов. Бронзовые селевкидские монеты могли попасть сюда случайно, либо вместе с значительной группой иноземных монет, привезённой купцами из Восточного Средиземноморья (Абрамзон, 2018а; 2018б). Золотые, серебряные и медные монеты Селевкидов конца IV–II в. до н.э. были обнаружены в святилище Ахилла на о. Левка, где они оказались, по всей видимости,

в качестве votивных приношений божеству (Абрамзон, Тункина, 2018, с. 58, 65). Монеты, найденные на Левке и в кладе из Солёного 3, показывают, что купцы, торговавшие с полисами Северного Причерноморья, могли иметь среди своих сбережений не только бронзовые селевкидские монеты, но и золото и серебро. Отсутствие последних среди нумизматических находок в регионе может объясняться их незначительным присутствием в составе местного денежного обращения, которое не предполагало их использования в качестве средства накопления, как это было принято на территории Фракии и Закавказья.

Многочисленные клады, содержащие монеты Селевкидов, которые были обнаружены во Фракии, свидетельствуют об их интенсивном обращении в данном регионе (IGCH 853, 854, 859, 860, 861, 866, 870, 871, 872, 874, 887). Одной из важных особенностей находок селевкидских монет на территории исторической Фракии является их принадлежность к ранним Селевкидам – от Селевка I до Селевка III (конец IV – середина III в. до н.э.). Монеты поздних Селевкидов в составе фракийских кладов не встречаются. Такое распределение имеет простое объяснение – присутствие Селевкидов в соседних с Фракией регионах Малой Азии относится к III в. до н.э. В середине этого столетия селевкидский царь Антиох II даже совершил военную экспедицию во Фракию (Dumitru, 2015, p. 294–297). Последним правителем, который сохранял власть над регионом Геллеспонта, был Антиох III. После его поражения в войне с Римом и усиления влияния Пергама в западной Малой Азии Селевкиды лишись прямых контактов с Фракией.

Важно заметить, что все известные монеты из фракийских находок представляют собой крупные номиналы – статеры и тетрадрахмы, что, вероятно, говорит о развитой торговле селевкидских полисов с местным населением, с помощью которого монеты могли оказаться и у их соседей в Восточной и Центральной Европе (Mielczarek, 1989, p. 83–91).

Закавказье является другим регионом активного обращения селевкидских монет, соседствующим с Северным Причерноморьем. Хорошо известны клады из Кабалы (Бабаев, Казиев, 1971, с. 16–32) и Хинислы (Пахомов, 1966, № 2080) (территория современного Азербайджана), в составе которых были обнаружены селевкидские монеты. В Кабалинском кладе находился 131 экземпляр, комплекс из Хинислы включал 84 монеты государства Селевкидов и 64 подражания им. Кроме этих кладов известны селевкидские монеты из клада в Барде (Азербайджан) (Пахомов, 1938, № 314) и из клада у с. Сарнакунк (Армения) (Мушегян, 1973).

Существуют упоминания о находках селевкидских монет у с. Еленовка в Армении (Пахомов, 1926, № 22). Все селевкидские монеты из кладов Закавказья, подобно фракийским находкам, представлены крупными номиналами, что также демонстрирует интенсивные торговые отношения местного населения с государством Селевкидов (см. Дадашева, 1976). Единственной известной нам находкой селевкидских монет на территории Северного Кавказа является так называемый Шаракунский клад 1964 г., обнаруженный в Касумкендском районе Дагестана (Дзагурова, 1975; Гаджиев, 1997, с. 55–57). Клад включал несколько десятков монет, однако, сохранились лишь три экземпляра. В отличие от остальных находок селевкидских монет в регионе, данный клад содержал только бронзовые монеты.

Важно заметить, что в Кавказском регионе найдены монеты исключительно поздних селевкидских царей, что отражает конкретную политическую ситуацию. Усиление влияния Селевкидов в Закавказье относится к концу III в. до н.э., когда Антиох III в ходе своего восточного похода установил контроль над Арменией. Эта политика была продолжена и его преемником, Антиохом IV.

Принимая во внимание, что все перечисленные клады датируются I в. до н.э. можно предположить, что обнаруженные на территории Кавказа селевкидские монеты могли попасть в данный регион не только в процессе торговых отношений, но и после кратковременного захвата селевкидской столицы Антиохии армянским правителем Тиграном II.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что большинство селевкидских монет, обнаруженных на Кавказе, имеют надруб на краю кружка. Вероятно, что он был нанесён для определения качества металла монет. Это может быть свидетельством плохого знакомства местного населения с селевкидской монетой, в то время как монеты Александра и Лисимаха пользовались в данном регионе большим доверием и авторитетом, что вызвало активную подражательную чеканку.

Рассмотренные находки фракийских и кавказских кладов показывают, что селевкидские монеты там принимали активное участие в денежном обращении. Причём во Фракии монеты активно обращались на протяжении правления первых царей династии в течение конца IV – III в. до н.э. Кавказские находки отражают следующий этап обращения селевкидских монет во II–I вв. до н.э., который завершается активной тезаврацией монетного серебра в течение I в. до н.э.

Данные выводы могут свидетельствовать о возможном проникновении селевкидских монет в Северо-Западное Причерноморье из Фракии и на территорию Боспора из Закавказья. Однако практически полное отсутствие в фракийских и закавказских находках бронзовых номиналов и более позднее время формирования закавказских комплексов заставляют предполагать, что эти ареалы денежного обращения не были источниками причерноморских находок. Скорее всего, они имеют случайный характер и не связаны с прямыми торговыми контактами между государствами Северного Причерноморья и Селевкидским царством.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. – III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск. № 1 (27). С. 477–521.

Абрамзон М.Г. 2018а. Два перипла из Фанагории в Восточное Средиземноморье (по данным позднеэллинистических кладов) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7. М. С. 6–30.

Абрамзон М.Г. 2018б. Торговые связи Боспора с Восточным Средиземноморьем в IV в. до н.э. – III в. н.э. по данным нумизматики // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь. С. 5–8.

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 3). М.

Бабаев И.А., Казиев С.М. 1971. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. М. С. 16–32.

Гаджиев М.С. 1997. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.

Гилевич А.М. 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 3. Киев. С. 3–198.

Дадашева С.А. 1976. Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ. № 4. С. 79–88.

Дзагурова В.П. 1975. Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане // Пятые крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала. С. 63–65.

Карышковский П.О. 1962. Из истории отношений Селевкидского государства с Северо-Западным Причерноморьем // Палестинский сборник. Вып. 9 (72). С. 105–114.

Мушегян Х.А. 1973. Монетные клады Армении. Т. 1. Ереван.

Пахомов Е.А. 1926. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1.

Пахомов Е.А. 1938. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 2.

Пахомов Е.А. 1966. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 9.

Dumitru A. 2015. Some Thoughts about Seleucid Thrace in the 3rd Century BC // *Dunabian Lands Between Black, Aegean and Adriatic Seas* / ed. by G. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave. Oxford. P. 294–297.

Mielczarek M. 1989. Ancient Greek coins, found in Central, Eastern and Northern Europe. Wrocław.

ЗАХАРОВ Е.В.
(ГИМ, Москва)

«КИЗИКСКИЕ СТАТЕРЫ НА БОСПОРЕ»: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ

В 1949 г. увидела свет статья Д.Б. Шелова (1919–1933), в которой был опубликован электровый статер Кизика третьей четверти VI в. до н.э., найденный накануне в Пантикапее, и сделан обзор основных вопросов, связанных с обращением этих монет на Боспоре (Шелов, 1949, с. 93–98). Сформулированные в ней идеи на долгие годы утвердились в античной нумизматике Северного Причерноморья и стали основой для многих исследований денежного обращения региона в VI–IV вв. до н.э. Между тем, новые археологические, нумизматические и эпиграфические открытия, сделанные за последние 70 лет, позволяют существенно дополнить и скорректировать картину обращения электровых монет Кизика на Боспоре, созданную Д.Б. Шеловым. Анализ письменных источников и новых находок монет, некоторые из которых были сделаны в археологическом контексте, позволяет выделить три этапа обращения кизикинов на Боспоре и яснее представить причины, в связи с которыми была завершена их чеканка, и связана потеря былой популярности в международной торговле.

В 2003 г. при раскопках Пантикапея в составе закрытого комплекса, датирующегося последней четвертью VI в. до н.э., было найдено графитто, повествующее о том, что некий Ипикрат получил 50 статеров (Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2004, с. 348, 349, рис. 11, 1). Вероятно, это древнейшее упоминание электровых монет Кизика, обращавшихся на территории Боспора. Его датировка близкая ко времени чеканки статера Кизика, опубликованного Д.Б. Шеловым, определяет время начала обращения этих монет на Боспоре. Другой важной находкой, связанной с первым этапом обращения кизикинов в регионе, является «Пятый па-

трейский клад» 1998 г., включавший 3 гекты Кизика второй половины VI – первой четверти V в. до н.э. и гемидрахму Пантикапея конца VI – первой четверти V в. до н.э. (Абрамов, Болдырев, 2001, с. 144; Zakharov E.V. 2011, p. 500–504, pl. I). Этот комплекс датируется второй четвертью V в. до н.э. и устанавливает верхнюю хронологическую границу процесса проникновения кизикинов в денежное обращение Боспора. Он свидетельствует о совместном обращении фракций электровых монет Кизика и серебряных монет Пантикапея в рамках единой денежной системы, объединявшей полисы Европейского и Азиатского Боспора накануне образования единого государства. Позднее сферы обращения кизикинов и местных серебряных (а позднее и бронзовых) монет здесь разделяются.

Со второй четверти V в. до н.э. в Кизике сокращаются объемы выпуска фракций электровых монет и возрастает количество статеров. Это было вызвано превращением кизикинов в авторитетную интерлокальную монету, которая, по наблюдению Д.Б. Шелова, применялась и на Боспоре для расчётов с иноземными купцами, гармонично дополняя в V в. до н.э. местное серебро, которое использовалось для обеспечения локального денежного обращения (Шелов, 1949, с. 94, 95).

Нижняя хронологическая граница второго этапа обращения электровых монет Кизика на Боспоре, как было отмечено, определяется датировкой «Пятого патрейского клада» второй четвертью V в. до н.э. Верхняя – датировкой ранней группы боспорских кладов электровых монет IV в. до н.э. (Мирмекийский клад 2003 г.) второй четвертью этого столетия. По-видимому, кизикины в это время активно использовались в крупных торговых операциях при осуществлении торговых сделок с купцами метрополии. Отсутствие на Боспоре кладовых комплексов этого периода, содержащих кизикины, указывает на то, что данные монеты в регионе использовались преимущественно как средство денежного обращения и, с меньшей вероятностью, средство накопления. В связи с этим не удивительно, что известен лишь один статер Кизика 475–410 г. до н.э., найденный на территории западной хоры Фанагории в п. Приморском (Голенко, 1977, с. 37, 38, рис. 1). Косвенным подтверждением присутствия кизикинов в денежном обращении Боспора в рассматриваемый период является типологическое и стилистическое влияние, которое они оказали на один тип синдских монет (Шелов, 1949, с. 95).

Третий, завершающий этап обращения электровых монет Кизика на Боспоре датируется второй четвертью – концом V в. до н.э. Он характеризуется находками крупных кладов кизикинов, некоторые из которых

находились в комплексах вместе с золотыми пантикапейскими статерами IV в. до н.э.

На сегодняшний день известно 6 кладов кизикинов этого периода. Наиболее ранним является клад 2003 г. из Мирмекия (Абрамзон, Фролова, 2007–2008, № 7; СН X, 19). Он является единственным полным комплексом электровых монет Кизика доступным для исследования (99 статеров VI–IV вв. до н.э.), обнаруженным в археологическом контексте. По хорошо датированным фрагментам керамики, определяющим историю строительного комплекса, в котором был обнаружен клад, ясно, что он был сокрыт в период не ранее второй четверти IV в. до н.э. (Butyagin, Chistov, 2006). Время тезаврации клада по младшим монетам из его состава, кизикинам III группы по классификации Г. фон Фритце (475–410 гг. до н.э.) и уникального статера переходного типа (400–380 гг. до н.э.), определяется в пределах конца V – начала IV в. до н.э. Противоречие между нумизматической и археологической датировками не ускользнуло от внимания исследователей, и они справедливо заключили, что открытый ими комплекс является ключевым для определения хронологии последних двух групп электровых монет Кизика, позволяя расширить датировку выпусков III группы до первой четверти или даже трети IV в. до н.э. (ibid., p. 121). Развивая эту идею необходимо отметить, что сам клад кизикинов из Мирмекия теперь можно считать надежно датированной реперной точкой в хронологической схеме развития этих монет и рассматривать его в качестве *terminus post quem* для кизикинов IV группы, которая может датироваться второй четвертью – концом IV в. до н.э. (Захаров, 2015).

Наряду с кладами из Пирея (IGCH 47), Элиды (IGCH 43), Клазомен (IGCH 1194), Малой Азии (СН I 20) и Живково (IGCH 714) Мирмекийский клад образует раннюю группу комплексов IV в. до н.э. Композиция кладов электровых монет этого времени характеризуется отсутствием кизикинов последней хронологической группы, которая появляется в комплексах следующего периода, найденных преимущественно на территории Боспора (Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 28, табл. 3, с. 79, табл. 1). Традиционно эти кладовые комплексы датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. За исключением композиционных аналогий между комплексом из Принкипо (IGCH 1239) и «Пуленцовским» кладом (IGCH 1013) мы пока не располагаем возможностью для уточнения датировки других кладов.

Одним из важных свидетельств активного обращения электровых монет Кизика на Боспоре в 20-е гг. IV в. до н.э. является знаменитая речь

Демосфена «Против Формиона», произнесённая в Афинах в 327/326 г. до н.э. (XXXIV, 23) (Шелов, 1949, с. 96). На мой взгляд, она даёт ясное представление о стабильном положении электровых монет в денежном обращении региона в это время (а также об их высокой репутации в Афинах), которая вряд ли могла измениться под влиянием поступления золотых статеров Филиппа и Александра Великого (с которыми согласно составу клада из Принкипо совместно обращались золотые статоры Пантикапея и кизикины уже в середине IV в. до н.э.).

Д.Б. Шелов отметил, что кизикины, в отличие от статеров Александра Великого, не встречаются в погребениях. Он объяснял это тем, что обычай помещать монеты в могилу появляется на Боспоре только в последней четверти IV в. до н.э. Поэтому полное отсутствие электровых монет среди погребального инвентаря является косвенным свидетельством их исчезновения из обращения к этому времени (Там же). Находки последних лет показали, что индивидуальные находки и комплексы различных фракций пантикапейских серебряных монет встречаются на Боспоре в погребениях уже во второй четверти V в. до н.э. (Абрамзон, Мимоход, Сударев, Успенский, 2018). Поэтому сейчас приведённое наблюдение Д.Б. Шелова не позволяет уточнить датировку финальной стадии обращения кизикинов.

Я полагаю, что одной из причин прекращения чеканки электровых монет Кизика и их исчезновения из денежного обращения является не их слабая позиция в соперничестве с золотыми монетами македонских царей, а увеличение темпов и объёмов торговых отношений, требовавших использование монет более высокой металлической стоимости. Именно этим было вызвано начало собственной золотой чеканки в некоторых государствах античного мира, в частности в полисах Северного Причерноморья, где электровые монеты теперь превратились из средства денежного обращения в средство накопления и отложились в многочисленных кладах. Этому способствовали и изменения в геополитической системе античного мира, которые превратили бассейн Эгейского и Черного морей не в главную торговую артерию ойкумены, а лишь в одну из её магистралей, что отразилось и на изменении в III–II вв. до н.э. направлений торговых контактов Боспора. В результате этого положение монетного двора Кизика потеряло свою прежнюю выгодную позицию и отошло на второй план, что привело к потере его электровыми монетами былой популярности среди купцов и исчезновению их из рынка Восточного Средиземноморья и Причерноморья (Захаров, 2011, с. 157, 158).

Судя по времени выпуска и тезаврации золотых статеров Пантикапея, период активной внешней торговой деятельности Боспора продолжался, вероятно, вплоть до начала «денежного кризиса» в конце IV в. до н.э.. Возможно, именно тогда электровые монеты Кизика окончательно исчезли из денежного обращения региона.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2018. Комплекс пантикапейских серебряных монет из некрополя поселения Волна 1 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 252. М. С. 15–24.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь–Керчь.

Абрамов А.П., Болдырев С.И. 2001. «Клады» 1998 г. из Патрея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Вып. 1. СПб. С. 143–146.

ЗИНЬКО А.В.¹, ШАМРАЙ А.Н.
(НИЦИАК КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь;
ЦАИ БФ «Деметра», Керчь)

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В АКВАТОРИИ МЫСА ТУЗЛА (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПО МАТЕРИАЛАМ 2016 – 2018 ГГ.)

Подводные археологические разведки в акватории мыса Тузла, находящегося в пределах юго-восточной части Керченского пролива, эпизодически проводятся с конца 70-х гг. прошлого века. В последние годы этот район пролива рассматривается в качестве потенциального места строительства современного грузового порта, что делает актуальным более детальное изучение всех ранее открытых здесь древних памятников. С 2016 г. поверхность дна вокруг мыса методично изучает Боспорская подводно-археологическая экспедиция (БПАЭ), организованная НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского и ЦАИ БФ «Деметра» (рис.1.). Конечной целью работ экспедиции является накопление комплексной научной информации об объектах археологического наследия, находящихся под водой. По мнению специалистов экспедиции, такая информация позволит создать широкую научную основу, для изучения многообразных типов связей между открытыми объектами и обнаруженными артефактами. Предполагается, что сведение этих связей в единую теоретическую картину, прояснит природу возникновения и функционирования крупнейшего узлового навигационного пункта античного мореплавания на Боспоре Киммерийском у селения Корокондама. Исходя из такой целевой установки, на каждом исследуемом участке дна решаются круг конкретных археолого-географических задач, обусловленных видом открытого на нём памятника, его пространственным положением и окружающим придонным рельефом.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»

Подготовка к проведению подводных археологических исследований БПАЭ ведётся по общепринятым правилам (Миллер, 1936, С.7; Блаватский, 1968, С. 64; Авдусин, 1980, С. 59 и сл.; Мартынов, Шер, 1989, С. 21 и сл.). Первичные сведения о ходе изучения древних памятников в море у мыса были собраны в местных и центральных периодических изданиях, популярных и научных публикациях, архивах ИА РАН и местных музеев. С морскими картографическими материалами и современной космической съёмкой данного мыса, работники экспедиции ознакомились по открытым ресурсам компьютерных программ. Вместе с тем проводились встречи с краеведами и участниками прошлых экспедиций в этом районе, а также опросы местных жителей, непосредственно работавших у мыса рыбаками, водолазами и ныряльщиками за моллюсками. Полученные таким образом сведения, были систематизированы и использованы в создании первичных представлений об уровне изученности и научной проблематике, находящихся здесь памятников. В первую очередь было обращено внимание на сообщения, которые впервые и предметно отражали наличие в акватории мыса ещё неизвестных следов разнообразной деятельности людей в древности.

Так, по сведениям одного из местных ныряльщиков, в 2,5 км к северу от вершины мыса у вновь построенной дамбы Тузла неподалёку от её южного берега имелось скопление камней. Среди них он случайно нашёл несколько профилированных фрагментов античных и средневековых амфор, а также глиняный сосудик (лекиф) со следами чёрного лака на его поверхности. Кроме этого, рядом с завалами камней он видел обработанные плиты и блоки. Здесь же им была найдена бронзовая гарда турецкой сабли. Этот подводный объект был локализован и предварительно изучен БПАЭ в 2016 г. (Зинько, 2016, С.31). Он представлял собой рукотворную каменную насыпь, растянутую на дне в широтном направлении. Её длина около 70 м, ширина западной части 17 м, восточной – 5 м. Дневная поверхность современных наносов песка в основании насыпи находится на глубине 2,5 м. Гребень насыпи возвышается над наносами на 0,8 м. Насыпь состоит в основном из рваных глыб и камней мшанкового известняка, но в ней присутствуют также и валуны из сланцевых пород кавказского происхождения. Среди камней отмечены фрагменты античной и средневековой керамики, а также прямоугольные блоки из керченского известняка со следами обработки, на некоторых из них имелись остатки цементного раствора. Данный археологический объект назван «Грядой Меньшикова» в честь его первооткрывателя. На-

значение объекта не определено, но, имея в виду его пространственное положение, можно предполагать, что оно возводилось и длительно поддерживалось как волнозащитное сооружение, предотвращавшее размыв косы Тузла (Южной косы) на определённом её участке.

Другой объект в акватории мыса Тузла был первоначально известен гидрографам как подводное препятствие с глубиной 1,2 м. На морских навигационных картах он отмечен в 1,4 км к северо-востоку от вершины мыса и в 0,4 км от берега одноимённой мысу косы. Поиск и локализация этого препятствия БПАЭ привёл к открытию остатков парусного судна, типа яхты или канонерской лодки. Корпус судна заглублён в песчаные наносы, его контуры прослеживались на глубине 2,5 – 3 м, по выступающим из песка деревянным конструкциям, остаткам трюмного груза, якорным и камбузным устройствам в носовой части. Судно залегает на дне носовой частью к юго-западу, его длина около 25 м, ширина по мидель - шпангоуту около 7 м. Толщина борта судна вместе с набором и внутренней обшивкой 0,3 м, внешняя обшивка покрыта бронзовыми листами. Самая высокая часть судна это стальной вал пера руля, который возвышался над дном на высоту 1,8 м при общей глубине 3 м. Кораблекрушение датируется второй половиной XIX в. За хронологические признаки жизни корабля приняты: конструкции адмиралтейского якоря, пера руля, ротора динамо-машины, кирпичей и деталей рангоута. Данный памятник судостроения по степени сохранности деревянных конструкций, судовых устройств и их деталей весьма наглядно отражает историю мореплавания в Новое время (Петровский, Толстыкин, Шамрай, Зинько, 2017, С. 430 - 433). Дальнейшее изучение памятника приостановлено из-за отсутствия финансирования.

По результатам опросов водолазов, обслуживавших в конце прошлого века у м. Тузла мидийное хозяйство «Керчьрыбпрома», стало известно, что к югу от навигационной вехи, обозначавшей западную оконечность рифового пояса мыса Тузла, часто находили целые амфоры или их крупные обломки. В те же годы на этом участке акватории пролива площадью в 40 га экспедицией Краснодарского музея под руководством А. В. Кондрашова осуществлялись приборные археологические разведки. Эти работы значимых результатов не дали, обнаружено несколько куч, затонувшего оборудования для выращивания мидий, среди которого были и державшие его на дне грузы. При осмотрах этих объектов найден один железный якорь виллообразного типа (Кондрашов, 1997, С. 9, Илл. 10, 47 - 49). В полевой сезон 2016 г. БПАЭ провела проверку

опросных свидетельств и оценку результатов работ предыдущих экспедиций. Ознакомительные осмотры дна показали наличие нескольких куч современных якорных грузов из бетона, которые, очевидно, ранее отмечались экспедицией Краснодарского музея. Вокруг одной из таких куч, в радиусе 30 – 50 м, обнаружено множество якорных камней различных форм и размеров, применявшихся в античное время на небольших лодках. Якорные камни залегали на дне в песчаных отложениях, среди них находились и крупные профилированные фрагменты амфор из производственных центров Лесбоса, Фасоса, Синопы первой половины V - III вв. до н. э. (Зинько, 2017, С. 34-36; 2018, С. 21). Начальный этап изучения этого скопления якорных камней прояснил специфику формирования таких комплексов на ровном песчаном грунте в условиях открытого моря. На памятнике отмечены признаки культурного слоя, который, судя по количеству, плотности и хронологии находок, образовался в результате интенсивного использования этого места в течение 250 лет. Каменный инвентарь памятника по видовому составу, формам, размерами, очевидно, весу, аналогичен материалам, ранее открытым вдоль рифового пояса мыса Тузла. Эти признаки сходства позволяют отнести его к предметам лодочного снаряжения местного производства. Дальнейшее изучение этого уникального навигационного пункта позволит выяснить его предназначение и коммуникационную связь с экономической жизнью селения Кородондама.

Для организации новейших подводных разведок в прибрежной части рифового пояса мыса оказались весьма значимыми сведения местных рыбаков о частых находках древних вещей на осыпях береговых обрывов, размываемых морем. Эти вещи выпадают из могил Тузлинского некрополя, который постепенно разрушается от воздействия внешних факторов. Вместе с тем, рыбаками показано местоположение шахты древнего колодца, обнажившейся в результате обрушения берегового обрыва к югу от современной вершины мыса. Колодец как археологический объект, относящейся к эпохе античности, впервые показал наличие остатков материальной культуры хозяйственного назначения на верхнем плато мыса. В контексте этих случайных событий было принято решение провести подводные археологические разведки в прибрежной акватории рифового пояса мыса вблизи колодца. Исследовался небольшой участок дна у берега между двумя геологическими складками, остатки которых залегают на дне в широтном направлении на расстоянии 1,5 км от берега. Предполагалось, что попавший на берег археоло-

гический материал из некрополя, а, возможно, и поселения, должен был накопиться под водой между вышеупомянутыми каменистыми складками. Складчатые формы придонного рельефа препятствовали переносу археологического материала южными штормами вдоль берега мыса. В процессе изучения участка решались три задачи.

В первую очередь, требовалось выявить признаки поглощения морем строительных остатков возвышенной части поселения и его некрополя. Эта задача выполнялась методом сплошного визуального осмотра дна в строгой последовательности от берега в море и фиксации на обследованной площади любых проявлений антропогенного характера, независимо от времени их происхождения. Выяснено, что в пределах обследованной площади дна до 300 м от уреза воды, сколько-нибудь значимые археологические остатки поселения или его могильника отсутствуют. В прибрежной части участка шириной в 100 м, где глубины плавно возрастают от 0 до 1,5 м, найдены современные предметы прибрежного крючкового и сетевого рыболовства, технический мусор пограничной заставы, бетонные конструкции землянок времён последней войны и блоки керченского известняка, стандарт которых относился ко второй половине 19 в. Эти материалы попали на дно в результате наступления моря на сушу в течение последних 100 лет.

Во вторую очередь определялось наличие погружённых террас, выработанных морем в материковых породах на дне пролива при изменении его уровня. Для этого был выполнен гео-батиметрический разрез от берега в море на расстояние до полукилометра. При этом выяснено, что современная подводная терраса, на которой лежит мусор Новейшего времени, ещё до конца не сформировалась, в её профиле имеется только абразионная площадка (платформа) шириной около 100 м, но отсутствует уступ, который можно условно связать с линией берега в настоящее время. За платформой первой от берега террасы следует уступ и платформа второй погружённой террасы и т.д. Всего выявлено четыре террасы общей протяжённостью в 0,4 км с уступами на глубинах 0 м (?), 1,5 – 2,5 м, 3 – 4 м, 4,5 – 5 м. Каких-либо археологических материалов на них не обнаружено. Наличие в прибрежной полосе дна погружённых террас свидетельствует о возвратно-поступательном наступлении моря на сушу. Обоснование временных рамок возникновения этих форм подводного рельефа по данным археологии требует более детального их изучения в дальнейшем.

В последнюю очередь проводился поиск местоположения береговой линии в античное время и признаков навигации, соответствующих условиям прибрежного мореплавания рыболовных судов, которые предположительно должны были располагаться за древней линией берега. Таким признаком могло быть место с высокой плотностью инвентаря, свидетельствующего о морской деятельности определённого характера. Такие признаки, в небольших масштабах, обнаружены на удалении 0,5 км от современного уреза воды, в основании платформы последней террасы, на глубинах 5,3 – 5,5 м. Они выражены находками крупных обломков массивного каменного корыта и ступы, а также швартового и якорного камня. Два первых предмета были выполнены из местной породы мшанкового известняка, третий – из плотной породы керченского известняка, а четвёртый из местной породы мергеля. Находкам производственного, швартового и лодочного назначения сопутствовали единичные фрагменты античных амфор. Артефакты наземной группы, с высокой степенью вероятности, указывают на то, что они применялись на берегу моря. По-видимому, их местоположение маркирует береговую линию пролива в ранний период античности на Боспоре. Несколько далее в море на глубине 5,6 м были выявлены первые прямые археологические свидетельства о рыбопромысловой деятельности людей вблизи древнего берега – якорный камень, каменное сетевое грузило и крупный фрагмент дна пифоса. Эти две небольшие группы артефактов наземного и морского предназначения являются прямыми свидетельствами высказанного выше предположения. В дальнейшем эта гипотеза может быть подтверждена или опровергнута в результате накопления достоверного и массового археологического материала, который должен быть получен в результате продолжения исследований этого участка акватории мыса.

Толчком для возобновления исследований всего рифового пояса мыса, где ранее были локализованы гавань и рейдовая стоянка античных судов (Шамрай, 2003, С. 277 – 290; 2009, С. 44 – 153, Шамрай, Сударев, 2013, С. 506 - 513), послужили встречи с водолазами подводных археологических экспедиций Краснодарского музея, в результате которых они передали сотрудникам БПАЭ копии материалов кинохроники работ в море за 1995 – 1996 гг. Знакомство с её отдельными сюжетами и сопоставление их с описательными и картографическими материалами официальных отчётов, показало противоречивость этих источников друг другу. К примеру, в 1996 г. местоположение находок фиксировалось прибором GPS 2000 “Magellan”. Прямая визуальная информация об

использовании такого прибора была позаимствована авторами данной статьи из сюжетов той же кинохроники (Зинко, 2018, Рис.5). В текстовых и картографических материалах письменного отчета А.В. Кондрашова, местоположение одной из групп якорных находок не соответствовало точке фиксации прибором. Оно ошибочно передвинуто исследователем вдоль рифа на 0,75 км к ЗСЗ. Такое несоответствие в местоположении находок истинным и отчётным показателям свидетельствовало о полной искажённости в определении района подводных разведок в 1996 году. Это противоречие усугублялось и тем, что отмеченное прибором место (истинное место) некоторого числа находок 1996 г., являлось центральным на обширной площади участка, который покрывал уже ранее исследованную экспедицией музея акваторию моря в предыдущие годы².

Выявленная проблематика о недостоверности выполненных ранее подводных археологических разведок привела к необходимости организации повторных исследований рифового пояса мыса, за пределами его прибрежной полосы шириной в 0,5 км. В течение двух последних лет БПАЭ исследованы несколько небольших участков дна общей площадью 3,62 га. Эти участки находились на различном расстоянии от вершины мыса и были приурочены к скалам-останцам центральной цепи его рифа. Вершины этих скал имеют незначительные глубины – они видны с поверхности воды и надёжно фиксируются на акватории современными приборами дистанционного позиционирования. По этим батиметрическим качествам скалы выбраны за опорные долговременные ориентиры. К ним привязывались исследуемые участки, а в некоторых случаях и отдельные предметы. Методика подводных разведок, применявшаяся экспедицией, позволяла осуществлять не только сплошные визуальные обследования дна и с достаточной точностью фиксировать, лежавшие на нём древние вещи, но одновременно проследить и изменение его рельефа (Шамрай, 2018, С. 554 - 557).

В процессе исследований накоплена системная и комплексная археологическая информация о количестве и видах корабельного, рыболовного и хозяйственного инвентаря, характеризующего древнее мореплавание и рыболовство у мыса Тузла. Вновь открытый вещевой ма-

² Эти материалы невозможно использовать для моделирования палеогеографических изменений прибрежного ландшафта, а также пространственной и функциональной структуры древних морских коммуникаций у мыса Тузла, так как достоверность их привязки к местности сомнительна. Определённый научный интерес представляет общая хронология и статистика открытого материала, его видовое разнообразие, размерные и весовые характеристики, а также конструктивные элементы деталей древних якорей.

териал представлен 96-ю находками, среди которых 29,1% приходилось на фрагменты античной керамики; 6,2% - на фрагменты керамики средних веков; 1% - на железные якоря средних веков; 47,9 % - на якорные устройства и их детали из камня, свинца и железа, относящиеся к различным периодам античного времени; 15,5% - на предметы различных видов хозяйственной деятельности у моря – швартовых камней, каменных ступ и зернотёрок, каменных ядер и сетевых грузил. Вместе с тем, на основе батиметрических измерений впервые получены ясные представления о подводном ландшафте рифового пояса мыса, а также прослежены закономерности распределения на нём хозяйственного и корабельного инвентаря по глубинам и рельефу дна. В 90-е годы прошлого века на изучение южной стороны рифа экспедицией Краснодарского музея затрачено 4-е полевых сезона, «обследовано» 30 га его площади и найдено 126 ед. вещевого материала. Сравнивая эти и новейшие показатели общей результативности экспедиций различных научных школ, можно уверенно говорить о том, что крупнейший памятник античной навигации у мыса Тузла требует детального и комплексного изучения, так как большая часть весьма ценного для науки археологического материала до настоящего времени находится на дне пролива.

В течение многолетних наземных и подводных исследований акватории пролива у мыса Тузла открыто значительное количество объектов и предметов античного времени, которые по характеру использования относятся к поселенческой хозяйственно-строительной и сакральной деятельности, мореплаванию и рыболовству. Археологический инвентарь того или иного вида количественно доминирует на различных территориях, которые пространственно близки друг другу. Помимо пространственной близости их объединяет и общий хронологический контекст - эпоха античности. В настоящее время уже нет сомнения в том, что данное многообразие археологического материала и его территориальное положение относится к единому памятнику, который назывался Корокондама. Дальнейшее изучение памятника под водой должно быть направлено на выявление его структурных элементов во взаимосвязи с древним ландшафтом, а также на понимание специфики формирования культурных остатков селения и их сохранности в условиях возвратно-поступательных изменений уровня моря.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М., 1980.

Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967.

Зинько А.В. Отчёт Боспорской подводной археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского о подводных археологических разведках в Керченском проливе в 2016 г. // Керчь–2017, Архив ИА РАН.

Зинько А.В. Отчёт Боспорской подводной археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского о подводных археологических разведках в Керченском проливе в 2017 г. // Керчь–2018, Архив ИА РАН.

Зинько А.В. Отчёт Боспорской подводной археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского о подводных археологических разведках в Керченском проливе в 2018 г. // Керчь–2019, Архив ИА РАН.

Кондрашов А. В. Отчёт о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1996 году. Краснодар, 1997 г. – Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 20276.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования // М., 1989.

Миллер А.Л. Археологические разведки. ИГАИМК. Вып. 83. Л. – 1934.

Петровский В.А., Толстыкин П.В., Шамрай А. Н., Зинько А. В. Кораблекрушение XIX в. у мыса Тузла // Международная научная конференция XVIII Боспорские чтения – Симферополь; Керчь, 2017. – С. 554 – 557.

Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы // Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь. 2003. – С. 277 – 290.

Шамрай А. Н. Локализация узлового навигационного пункта Азиатского Боспора – Корокондамы // Би. Вып. XXI. Симферополь - Керчь. 2009. – С. 144 – 153.

Шамрай А. Н., Сударев Н. И. Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам подводных разведок 2011 – 2012 гг.) // Боспорские чтения. Вып. XIV. – Керчь, 2013. – С. 506 – 513.

Шамрай А.Н. Опыт изучения памятников гидроархеологии комплексными методами в юго-восточной акватории Керченского пролива // Международная научная конференция XIX Боспорские чтения. – Симферополь; Керчь. 2018. – С. 554 – 557.

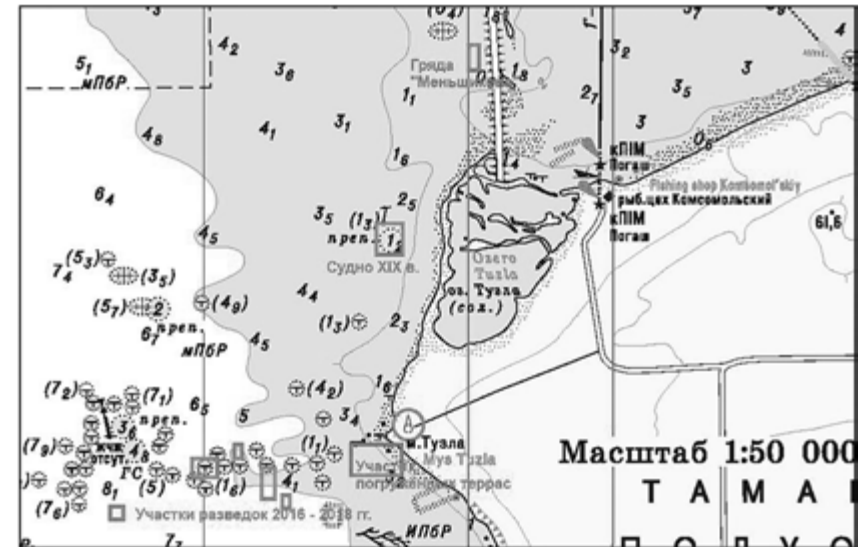

Рис.1. Карта северной акватории мыса Тузла с обозначением участков подводных археологических разведок БПАЗ в 2016 – 2018 гг. (Фрагмент морской карты Керченского пролива 2009 г.)

ЗИНЬКО В.Н.

(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ВАЖНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЕКТА «БОСПОРСКИЙ ГОРОД ТИРИТАКА» (2002-2019 ГГ.)¹

В 2002 г. в Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра», в соответствии с основными задачами организации, начинает многолетний проект «Боспорский город Тиритака». Это древнее городище было выбрано не случайно. Тиритака располагается на южной окраине современного Керчи и имея довольно компактную и сравнительно небольшую территорию (около 10 га), городище практически выведено из современного хозяйственного использования. Этот хрестоматийно известный, в связи с раскопками В.Ф. Гайдукевича, памятник, в последствии лишь sporadически исследовался в 1974 г. (Д.С. Кирилин) и в 1983-1984 гг. (О.Д. Чевелев), поэтому более полувека системно не исследовался. Он идеально подходил для отработки планируемых задач. Проектом закладывались большие комплексные научно-исследовательские задачи, а также предусматривались вопросы консервации и музеефикации всего древнего города.

Первоначально были начаты археологические раскопки в центральной части верхнего плато Тиритаки (рис.1). Здесь на площади в 1025 кв. м (участок XXVI) в 2002-2010 гг. исследованы все периоды жизни древнего города, а также перекрывшее его салтово-маяцкое селище [Зинько, Пономарев, 2009]. Материалы этих исследований, а также начатые в 2008 г. раскопки возле западной крепостной стены (участок XXVII) не только внесли коррективы в прежние датировки и представления о ранней истории Тиритаки, но позволили совершенно по-новому представить процесс основания и урбанизации этого боспорского города [Зинько, 2014].

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»

На основании наших археологических исследований Тиритака предстает как значительный ранний городской центр европейского Боспора, основанный не позднее 565-560 гг. до н.э. На I-м этапе застройки, который датируется второй третью VI в. до н.э., возводились небольшие углубленные неприязательные однокамерные постройки, вероятно временного характера. Постройки и археологические слои этого времени нам удалось впервые выявить за всю историю раскопок этого городища. Для II-го этапа (последняя треть VI – первая четверть (треть) V вв. до н.э.) характерны уже сырцово-каменные дома площадью 160-170 кв. м. Закладываются основные градостроительные оси города. После какого-то военного столкновения и пожара в конце VI в. до н.э. город был укреплен крепостными стенами, охватившими кварталы с сырцово-каменными домами (рис.2) на площади не менее 5 га. Исследование западной крепостной стены на участке XXVII позволило не только установить ее новую точную дату (ранее все исследователи датировали в пределах первой половины V в. до н.э.), но и открыть архаические постройки, перекрытые этой стеной [Зинько, 2015]. Новому нападению город подвергся в конце первой четверти V вв. до н.э. Судя по открытым комплексам, кочевники были отбиты, но для реконструкции дальнейшей жизни Тиритаки во второй половине V в. до н.э. пока не имеется ни одного археологического комплекса.

Постройки эллинистического периода были исследованы в северной части города на участках XXVIII и XXIX, которые впоследствии включили и раскоп XXI В.Ф. Гайдукевича. Здесь на значительно протяжении открыты северные городские крепостные сооружения (куртины с боевой калиткой, башни). Начало строительства северной крепостной стены Тиритаки на основании раскопок последних лет можно датировать временем не ранее начала III в. до н.э. [Зинько, 2014]. Это так называемая «стена II» по В.Ф. Гайдукевичу. Эллинистическая стена сохранилась местами здесь на высоту до 13-14 рядов кладки (2,50-2,65 м) при ширине 2,55-2,65 м. В I в. н.э. эта стена укрепляется с внешней стороны сооружением дополнительной конструкции из рустованных блоков («стена I» по В.Ф. Гайдукевичу). Ранее В.Ф. Гайдукевич предлагал иную этапность постройки: в эллинистическое время строилась рустованная стена I, которая в римское время изнутри была усилена стеной II. К востоку от промежуточной башни I, исследованной В.Ф. Гайдукевичем, северная стена открыта на протяжении 18 м, до современного восточного края городища. На этом участке она сохранилась со значительными лакунами, связанными с активным использованием этого участка в ранневизантий-

ское время, когда здесь была сооружена большая усадьба. На восточном крае городища была выявлена лишь подпорная стена, возведенная помещиком Оливой в конце XIX в. Все это подтверждает мое предположение о том, что в результате абразии восточного края приморской террасы утрачен восточный край городища (около 10-15 м), на котором также располагалась крепостная стена.

Кроме крепостных стен, других построек эллинистического времени длительное время не удавалось выявить. Это связано в первую очередь с тем, что в I в. н.э. Тиритака подвергается тотальной перестройке, при которой были сnivelированы все предшествующие строения, вплоть до слоев первой половины V в. до н.э. Лишь на отдельных участках удалось выявить небольшие фрагменты эллинистических стен, а в 2018 г. на западном раскопе XXVII исследовать небольшую постройку I в. до н.э. - святилище Диониса-Гарпократа. В тоже время о наличии ордерных зданий в эллинистической Тиритаке свидетельствуют архитектурные детали этого периода, обнаруженные при раскопках в Тиритаке [Буйских, 2009, с.14-15].

Постройки и слои I – VI вв. н.э. были исследованы нами в центральной части верхнего города, а также у северной и западной городских стен. Они дают сведения о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал в свое время В.Ф. Гайдукевич. Так на раскопе XXVI были раскопаны довольно протяженные участки нескольких улиц и постройки различного назначения, в основе своей повторяющие городскую планировку, заложенную еще в архаическую эпоху. Здания располагались на двух разно-уровневых террасах. Верхнюю террасу с юго-запада ограничивала стена, а с северо-востока к ней примыкает улица шириной до 2 м, вымощенный обломками амфорной тары. Улица функционировал довольно долго. На это указывает два уровня керамической мостовой, а также материалы из развала, перекрывшего улицу, датированные не ранее третьей четверти VI в. н.э. К западу от улицы находилась большая жилищно-хозяйственная постройка площадью около 300 кв. м, состоящая из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора. В восточной части двора усадьбы находился рыбозасолочный комплекс (КРЦ-9) из трех цистерн. С западной стороны от ворот этой усадьбы в начале VI в. н.э. возводился комплекс для обработки кожи, состоящий из четырех небольших ванн [Зинько А., 2010].

В восточной части раскопа XXVI находилось ещё несколько городских усадеб, от которых сохранились фрагменты стен одно- и двухкамерных построек, а также остатки винодельни и хозяйственные дворы

с зерновыми ямами. Часть комплексов была сооружена еще в первые века, а остальные - в середине - второй половине V в. В результате археологических исследований установлено, что в основе планировки Тиритаки в IV-VI вв. н.э., как и в предшествующие эпохи, была городская усадьба, состоящая из жилого дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики от 160 кв.м до 300 кв.м. Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, и ограниченную крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. н.э.

Своеобразной градостроительной доминантой в центральной части верхнего города, вероятно, являлось большое культовое здание. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать каких языческих божеств в нем почитали [Зинько А., 2008]. К востоку от святилища прослежена широкая городская улица, вымощенная крупными необработанными известняковыми плитами. Сооружение каменной вымостки улицы на основании находок керамики можно отнести к началу IV в. Святилище функционировало несколько столетий и было заброшено лишь во второй половине V в. Это следует связывать в первую очередь с тем, что в последней трети V в. христианство становится государственной религией Боспорского царства. Именно с этого времени появляются бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака, вероятно организованных в самостоятельную христианскую общину во главе с епископом. Заканчивается этот период тюрским погромом 576 г., в ходе которого Тиритака сильно пострадала, однако, жизнь в ней продолжалась еще несколько десятилетий.

Наряду с археологическими раскопками ведутся программы по изучению древней фауны (А.К.Каспаров) и палеоботанические исследования (Г.А.Пашкевич). Палеоэтноботанические материалы из ранних слоев Тиритаки подтверждают имеющиеся данные о том, что греки-колонисты выращивали привычный им ассортимент зерновых культур, в котором основными растениями были голозерные пшеницы и ячмень пленчатый. Появление значительного количества в слое пожара конца первой четверти V в. до н.э. в помещении 1 (раскоп XXVI) зерновок пленчатых пшениц, в данном случае пшеницы однозернянки, и проса, можно объяснить

налаживанием активных контактов с местными племенами, в первую очередь кизил-кобинскими, в конце VI – начале V вв. до. н.э. [Зинько, Пашкевич, 2010]

Изучением геоморфологии в ближайших окрестностях Тиритаки и прибрежной части ее хоры занимается исследовательская группа под руководством А.В. Поротова. В ходе проведения комплекса научных геофизических исследований городища Тиритака и его окрестностей при помощи многопроцессорного кластера и рабочих станций были сделаны профильные разрезы. С учетом ранее полученных данных геологических бурений, построена модель реконструкция древней дневной поверхности припортовой территории древнего города.

Подводные археологические исследования, проводимые в Камыш-бурунской бухте специальным отрядом под руководством А.В. Зинько, позволили установить расположение и примерные очертания гавани Тиритаки, которая в настоящее время в большей степени скрыта речными наносами [Зинько А. 2016]. Также была обследована акватория прибрежной части хоры Тиритаки и места якорных стоянок.

Начиная в 2002 г. многолетний проект «Боспорский город Тиритака» нами наряду с научными задачами (археологические и комплексные естественно-научные исследования, с обязательно публикацией результатов), как одну из главных составляющих проекта ставились проблемы сохранения и музеефикации древнего города. В рамках этого проекта были предложены основы концепции сохранения древнего города, которые сводились к трем главным моментам: 1 - консервация открытых в различных частях городища архитектурно-археологических комплексов и создание музеефицированного археологического парка; 2 – ограждение и охрана территории памятника; 3 - удаление с территории городища всех видимых техногенных нарушений, включая и большое количество старых археологических отвалов. Все эти положения были положены в основу генерального плана музеефикации Тиритаки, разработка которого была начата в 2006 г. и закончилась его утверждением в государственных органах в 2009 г.

Ранее рельеф городища в значительной степени был обезображен возвышающимися в разных частях археологическими отвалами вокруг оплывших бортов старых раскопов. Ведется вывоз этих старых отвалов, как и ежегодно удаляются с территории городища археологические отвалы с трех новых исследуемых участков общей площадью более 3000 кв. м. Нами изначально было принято решение о частичном воссоздании древней крепостной стены города на наиболее доступной со стороны

современной городской застройки границы территории городища. Для этого есть все предпосылки, связанные с одной стороны с изученностью крепостных стен Тиритаки, а с другой с рельефом местности. Опыт нескольких лет работ на участке XXII-XXIII продемонстрировал, что это вполне выполнимая задача. Здесь были законсервированы на протяжении 30 м западная стена, воссоздана до 2,5 м северо-западная башня, а также внутренний панцирь северной стены на протяжении более 20 м и остатки виноделен (рис.3).

Для обеспечения постоянной охраны всего городища в 2006 г. была спроектировано и построено, за счет благотворительных средств Фонда «Деметра» здание музейной сторожки. В этом здании есть и небольшое помещение для первичной камеральной обработки археологического материала во время проведения раскопочных работ.

В рамках разработанного генерального плана музеефикации предусмотрена разработка проекта реконструкции в первую очередь западной и северной крепостной стены на всем их протяжении, с обязательным археологическим исследованием спорных участков. В соответствии с этим в 2008 г. были заложены два новых раскопа: на северном участке – раскоп XXVIII, а несколько позже раскоп XXIX; на западном участке – раскоп XXVII. На последнем в рамках договора с Национальным музеем г.Варшавы в 2008-2013 гг. участвовала в исследованиях и музеефикации Тиритаки большая группа польских специалистов под руководством А. Твардецкого. Помимо раскопок [Twardecki, 2014], ими была проведена консервация западной крепостной стены и некоторых кладок раскопов.

Консервация и музеефикация открытых в различных частях Тиритаки архитектурно-археологических комплексов должна в первую очередь обеспечить надежную сохранность исследованных участков, а с другой стороны - наиболее полно охарактеризовать различные хронологические этапы в жизни древнего города, начиная с архаических построек вплоть до ранневизантийского периода. В тоже время нельзя забывать и зрелищную сторону музеефикации, т.к. музей-заповедник начал экскурсионное использование этого памятника археологии. Поэтому археологам, музейным сотрудникам и проектировщикам постоянно приходится определять: какие из раскопанных объектов следует просто законсервировать а какие реконструировать и музеефицировать.

Как первоочередные объекты музеефикации рассматриваются постройки в северо-западной части города (участок XXII-XXIII), которые в большей степени уже нами частично законсервированы, большой ры-

бо-перерабатывающий комплекс первых веков н.э. с частью улицы, мощеной керамикой, исследованный нами на раскопе XXVI, кварталы первых веков на участке XV и византийская базилика конца V в. н.э. на участке XIII, а также конечно крепостные сооружения города, о которых упоминалось выше. Для тиритакской базилики в 2010 г. выполнен проект музеефикации, по которому проведено закрепление остатков каменного цоколя и частично реконструировано внутреннее пространство нефов храма.

Дальнейшее насыщение теми или иными элементами экскурсионной инфраструктуры археологического парка «Боспорский город Тиритака» напрямую связано с общими целями, которые ставить перед собой государство в отношении древних боспорских городищ. Все работы (археологические раскопки, консервация, проектные и др.) на городище Тиритака на протяжении всех лет проводятся по грантам Фонда «Деметра». Были проведены работы по консервации крепостных стен и жилищно-хозяйственных комплексов северной части города на площади более 1 га. Полностью завершена в 2010 г. консервация кладок на раскопе XXVI (центральная часть города). Разработаны и частично выполнены проекты музеефикации виноделен и ранневизантийской базилики и начато проектирование входной группы с выставочным павильоном.

Учитывая тот факт, что интерпретация и презентация является частью целостного процесса охраны культурного наследия, при создании археологического парка «Боспорский город Тиритака» мы придерживались 7-ми главных принципов, заложенных в Энамской хартии ИКОМОС. Наш опыт по сохранению археологического наследия дает положительный пример большей эффективности, как в решении поставленных задач, так и в использовании финансовых средств, частными организациями, нежели громоздкими и мало заинтересованными в конечных результатах бюджетными учреждениями.

ЛИТЕРАТУРА

Буйских А.В. Античная архитектура // Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. – Т.4. – Киев, 2009.

Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002-2005 гг. В: ТГЭ. – Вып.XLII. Византия в контексте мировой культуры. – СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2008.

Зинько А.В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака. В: Боспорские чтения. Вып. XI., Керчь, 2010.

Зинько А.В. Новые подводные археологические исследования в Керченском проливе // МАИЭТ. – Вып.XXI. - 2016.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том II. – Комплексы VI-V вв. до н.э. – К.: АДЕФ, 2014. - 596 с.

Зинько В.Н. Хронология строительства крепостных стен боспорского города Тиритака //Материалы XV Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии» - Керчь, 2014.

Зинько В.Н. Городские стены позднеархаической Тиритаки //С Ми- тридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. – Отв.ред. Д.В. Журавлев. - М., 2015.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том 1. – Комплексы VIII-X вв. – К.: АДЕФ, 2009. - 328 с.

Зинько В.Н., Пашкевич Г.А. Палеоботанические материалы ранних комплексов Тиритаки //БИ. – Вып.XXIV. – Симферополь-Керчь, 2010.

Twardecki A. The ancient site of Tyritake in the Cimmerian Bosphorus, Polish excavations 2008-2013 //Tyritake. Antique site at Cimmerian Bosphorus. – Warsaw, 2014.

Рис.1. План-карта городища Тиритака. 2018 г.

Рис.2. Реконструкция домов центрального квартала на раскопе XXVI

Рис.3. Северо-западный угол Тиритаки (участок XXII-XXIII). 2018 г.

ЗИНЬКО Е.А.

(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь)

РАННЕХРИСТИАНСКИЙ БОСПОР: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ¹

Процесс проникновения и распространения христианства на Боспоре является одним из важнейших аспектов его позднеантичной и раннесредневековой истории. Исследование этапов христианизации Боспорского государства имеет большое значение для понимания политических и социально-идеологических процессов в эти периоды как для самого Боспора, так и для соседних территорий понтийского региона. Кроме этого, данная проблематика важна и потому, что Боспор на протяжении многих столетий являлся одной из первых территорий Северного Причерноморья, где формировалась и распространялась христианская религия. Это тем более актуально, так как сейчас, в связи с отходом современного общества от советской атеистической идеологии, изменяются взгляды на роль религии в историческом процессе, возвращается интерес к истории религии нашего народа. В связи с этим, возникает необходимость в объективном освещении истории христианства на северо-понтийской территории, особенно ее раннего, наименее изученного периода.

В Российском государстве до 1917 г. существовало самостоятельное направление в исторических дисциплинах - церковная (христианская) археология. Изучение христианских памятников было одной из приоритетных задач различных научных учреждений: Императорской археологической комиссии, Русского археологического общества и др. Одним из главных разделов здесь была история раннехристианского искусства. Крупнейшим исследованием, в теоретическом плане, раннехристианской символики

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0010 по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»

стала посмертная публикация труда А.С. Уварова «Христианская символика», рассматривающая большинство христианских символов. Историк христианского искусства Н.П. Кондаков среди прочих исследовал и боспорские христианские древности.

В 90-х гг. XX в. христианская археология возродилась на постсоветском пространстве как более широкое направление научных исследований. Идеи Н.П. Кондакова о методе археологической науки и сейчас сохраняют всю свою актуальность: «Научное основание предмета христианской археологии было положено новыми исследованиями на той же почве христианского Рима... Широкий научный метод, соединяющий в себе филологическую критику и художественно-исторический анализ памятника, или совмещение археологии и истории искусства, могут быть выставлены ныне руководящим принципом в общей науке древностей». Современная христианская археология тоже неизменно говорит о своей приверженности междисциплинарному подходу, хотя не всегда ему следует.

Вопросов христианства на Боспоре так или иначе касались исследователи изучавшие позднеантичную историю этого государства. Однако, в большинстве этих работ вопросам христианства отводилась незначительное внимание, или же анализировались лишь отдельные небольшие группы источников. Кроме этого, особо следует отметить ограниченный круг письменных византийских источников, которые очень кратко упоминают боспорских христиан.

Значительно разнообразнее и количественно больше эпиграфических источников, впервые в историческую науку введенные еще Ю.А. Кулаковским и В.В. Латышевым. Главные положения их работ до сих пор остаются актуальными. Дальнейшее изучение эпиграфических памятников III-VI вв. значительно расширяют сведения о христианизации Боспора. Однако, дискуссии о датировке и содержании тех или иных надписей продолжают, как и продолжается процесс обнаружения новых надписей. Так совсем недавно надгробие чтеца Феодора было найдено при раскопках Тиритаки.

Наиболее значительную и динамично растущую, особенно в последние десятилетия, группу источников составляют археологические памятники. В ходе исследования некрополей и поселений Боспора были открыты погребальные, культовые и жилые постройки, в которых были найдены разнообразные предметы с христианской символикой. В то же время, подробный анализ отдельных групп памятников и категорий находок производился выборочно, без связи с процессом христианизации Боспора.

В настоящее время на Боспоре исследовано значительное количество погребальных памятников с христианской символикой, однако их хронологические рамки, за небольшим исключением, долгое время оставались дискуссионными. Практически после работ М.И. Ростовцева в начале XX в., который, как мне представляется, не совсем правильно трактовал символизм «геометрических» росписей целой группы склепов, вопросы изучения боспорских грунтовых склепов в науке не рассматривался. Исследования боспорских склепов в последние годы и открытые нескольких новых расписных склепов, сделали возможным не только провести их хронологическую дифференциацию, но и по-новому осмыслить символизм рисунков и связать эти погребальные памятники с процессом распространения христианства на Боспоре.

На некрополе Пантикапея-Боспора III-VI в. картографировано более 300 грунтовых склепов на северном склоне горы Митридат [Зинько, 2003; 2017]. Основным критерием для выделения раннехристианских погребений является наличие в склепах росписей и вещей с христианской символикой. Используемые в росписях боспорских склепов конца III – IV вв. живописные мотивы и символы относятся к древнейшим временам христианства. Этот период христиане не только не довольствовались условными выражениями и словами, но даже и им не доверяли, в следствии чего вместо слов, стали употреблять геометрические знаки [Уваров, 2001]. Среди таких христианских символов: треугольник – знак Святой Троицы, виноград – Таинство Причащения, дерево – символ рая, корабль – знак Воскресения, птицы – знак бессмертия души верующего, орел – символ неопита и т.д. Кроме этого уже в этих ранних склепах встречаются изображения крестов (рис.1), подчас даже с монограммами. Особо следует отметить, также изображение человеческих фигур с нимбами.

При исследовании некрополя Пантикапея-Боспора в конце XIX - начале XX вв. было открыто 6 склепов с христианскими символами и найдено более двух десятков надгробий [Кулаковский, 1891; 1896; Ростовцев, 1914]. На рубеже нового тысячелетия в результате современных раскопок было открыто еще 5, ранее неизвестных склепов с христианской символикой (склепы №№ 2, 11, 16 «Система 2000 г.», № 46 «Система 2003 г.», № 5 «Система 2004 г.»). В трех из открытых склепов стены и свод камеры украшены изображением крестов [Зинько, 2017]. Стиль декоративного оформления погребальных камер керченских склепов в III - V в. упрощается, а с V в. крест становится главным (рис.2), а часто и единственным христианским символом, используемым в их декоре [Зинько, 2014].

Значительные успехи связаны с изучением отдельных христианских культовых сооружений. Раскопки В.Ф. Гайдукевичем боспорского города Тиритака, позволили выявить единственную наиболее полно сохранившуюся христианскую базилику конца V в. С именем этого исследователя связано и изучение наиболее ранних христианских культовых мест, в частности Царского кургана, а также дальнейшее развитие гипотезы Ю.А. Кулаковского и А.А. Васильева о малоазийском пути проникновения христианства на Боспор.

Однако, несмотря на довольно значительный объем накопленного материала по истории христианства на Боспоре, какие-либо специальные монографические работы по этой тематике до сих пор отсутствуют. Стоит отметить лишь соответствующие разделы в опубликованных в последние десятилетия работах П.Д. Диатроптова, В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного, Н.Н. Болгова по истории проникновения и утверждения христианства в Северном Причерноморье и Крыму. В этих работах рассматриваются отдельные группы источников по христианизации Боспора и определяются временные рамки этого процесса. Поэтому только комплексный анализ всех имеющихся материалов по истории Боспора, передатировка и пересмотр отдельных положений и групп памятников, которые существуют в научной литературе, представят объективную картину христианизации Боспора.

Рис.1. Некрополь Пантикалея-Боспора. Изображение крестов и птицы в склепе 1890 (1) г.

Рис.2. Некрополь Пантикалея-Боспора. Изображение крестов в склепе № 16 (Система 2000 г.).

ЗУБАРЕВ В.Г., ЯРЦЕВ С.В.
(ТГПУ им Л.Н. Толстого, Тула)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»¹

Восточный участок городища «Белинское» представляет собой выступающий в сторону Аджиэльской балки мыс, резко обрывающийся по склону с восточной, юго-восточной и южной сторон. Он выше по уровню, чем северная и северо-западная части плато, но ниже, чем южная и юго-западная. Участок серьезно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Дневная поверхность нарушена воронками от разрывов снарядов и следами оборонительных земляных сооружений. Возможно, часть плато по южной границе раскопа и к западу от него полностью разрушена (рис.1).

Общая площадь исследованного участка в восточной части городища составила 620 кв.м. Максимальная мощность культурного слоя здесь 1,95м. Особенностью стратиграфии является наличие пласта, связанного с салтовским временем (вторая половина IX – X в.) и нивелировочного слоя жёлтого суглинка, насыщенного изделиями из кремня..

К 2018 году на восточном участке городища были выявлены и исследованы многочисленные объекты, связанные с античными слоями. К их числу относятся: остатки 8 помещений (2 связаны с первым строительным периодом, 4 – со вторым, 2 – с третьим), остатки фундаментов 19 стен, участки двух улиц (первый строительный период), несколько вымоستок, 3 каменных и 33 хозяйственные ямы (10 связаны с первым строительным периодом, 13 – со вторым, 10 – с третьим).

¹Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 33.6496.2017/8.9 «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена».

Слой салтовского периода – тёмно-серая супесь мощностью до 0,4м. Прослеживается только в восточной части городища. С ним связаны остатки фундаментов 2 помещений; остатки фундаментов 4 стен, 2 каменных круга и 10 хозяйственных ям. Кроме того, как минимум фундаменты 2 стен античного времени были частично восстановлены и использовались в этот период.

В целом стратиграфия раскопа «Восточный» аналогична системе культурных напластований на других участках городища. Как уже отмечалось выше, главным отличием здесь является наличие культурных отложений салтовского времени, на других раскопах не прослеживающихся, а также наличие нивелировочного слоя жёлтого суглинка с большим количеством кремнёвых изделий. К числу общих особенностей стратиграфии раскопа «Восточный» следует также отнести наличие в центральной части раскопа большого количества ям салтовского времени, которые прорезают практически все предшествующие слои и зачастую впущены в горловины античных ям.

Основу материковой скальной поверхности составляет жёлтый ракушечник. Низменные участки, расщелины и впадины заполнены предматериковым суглинком и глиной. Древняя дневная поверхность здесь была относительно плоской и имела небольшой уклон к северу и северо-западу, что совпадает с общим понижением плато, на котором расположено городище. Минимальная мощность культурного слоя (0,3м) прослеживается в южной и восточной частях раскопа по склону плато.

Самое раннее появление человека на этом участке плато, по-видимому, следует отнести к эпохе камня. Изделия из кремня (более 80 единиц) сконцентрированы в слое жёлто-коричневого суглинка, по структуре аналогичному предматериковому суглинку. На большей части раскопа (так же как и в других частях городища) этот слой стерилен. Лишь на площади чуть больше 150 кв.м в нём найдены изделия из кремня. Большинство их обнаружено на глубине от 1,9 до 1,95м от уровня дневной поверхности. Самую многочисленную группу изделий из кремня составляют отщепы и пластины. Прочие предметы представлены нуклеусами, скребками, обломками кремневых ножей, наконечников и просто обломками кремня, в том числе со следами термической обработки. Датируется материал временем как минимум от эпохи мустье до ранней бронзы². Встречается и небольшое количество керамики периода бронзы.

² *Определение изделий из кремня и их датировка проведены Гавриловым К. Н. и Жилиным М. Г. (ИА РАН) в 2016-2017 гг.*

Слой жёлтого суглинка по большей части нарушен в период античности. В первую очередь это связано с использованием грунта при нивелировочных работах в этой части городища. Анализ керамического материала античного времени из слоя жёлтого суглинка позволяет отнести время формирования нивелировочного слоя в восточной части городища ко II – середине–третьей четверти III в. н. э. К этому же времени относится и часть хозяйственных ям, прорезающих слой суглинка. Тем не менее, часть грунта осталась нетронутой, что свидетельствует в пользу локализации многослойной стоянки эпохи каменного века и ранней бронзы именно в этой части городища.

Начальный период истории античного городища в восточной части плато представлен крайне фрагментарно. Здесь не выявлены остатки каких-либо фортификационных сооружений (возможно, они были разрушены в период ВОВ), однако, остатки фундамента прямоугольного в плане здания казарменного типа, вытянутого в сторону обрыва по южной части плато, и остатки покрытия двух улиц указывают на общность планировки с северным участком городища, где фортификационные сооружения сохранились гораздо лучше.

После варварских походов середины – третьей четверти III в. н.э. ситуация в восточной части городища меняется значительно в большей степени, чем на других исследованных участках городища. Прежде всего, отметим, что практически ни одна постройка предыдущего периода здесь не была восстановлена в полном объёме. Часть из них вообще была разобрана. Центральное место заняла конструкция, состоящая из двух помещений (помещение № 55 и 56), одно из которых (круглое в плане) построено над естественной расщелиной в материковой скале, а другое имело в центральной части алтарь или жертвенник (рис. 2).

Помещение № 55. Остатки фундамента образующей помещение стены № 151 были выявлены в северной части квадрата № 16 и на большей части квадрата № 21 под слоем золы (золяника). Помещение имеет круглую в плане форму. Его площадь внутри ограничивающей стены № 151 составляет 23,75 кв. м.

Помещение № 56. Надстроенная в салтовский период часть фундаментов стен № 158 и 161, ограничивающих помещение № 56 (квадраты № 22 и 24), была выявлена под дёрновым покрытием в слое тёмно-серой супеси в 2015 году. В 2018 году надстройки были разобраны, а сохранившиеся остатки кладок античного времени зачищены. Две других стены (стены № 151 и 162), образующих помещение № 56, были обнаружены в

2018 году в слое жёлто-коричневого суглинка. Помещение имеет подпрямоугольную в плане форму и вплотную пристроено с северо-западной стороны к стене 151, ограничивавшей помещение № 55. Ориентировано по оси северо-запад – юго-восток. Площадь помещения внутри ограничивающих его стен составляет 15,9 кв. м.

Предварительно (помещение № 55 исследовано не полностью) полученный в результате раскопок материал позволяет отнести время функционирования комплекса помещений к первой четверти IV в. н.э. на основании явного доминирования среди амфорного материала амфор типа Делакеу. Как мы уже неоднократно отмечали даже самого незначительного фрагмента амфор типа «Делакеу» в культурном горизонте, предшествующем разрушениям периода варварских походов, до сих пор не обнаружено. Нет их и в хорошо фиксируемых слоях разрушений на городище периода этих походов. Более того, как мы уже отмечали ранее количество фрагментов амфор этого типа в слое, связанном с восстановительными работами на городище, т. е. в слое последней четверти III в. н. э., крайне незначительно. В то же время в слое разрушения рубежа первой-второй четверти IV в. н. э. они доминируют (до 60 % от общего числа амфорного материала). С другой стороны, в слое, перекрывающем разрушения первой-второй четверти IV в. н. э., количество фрагментов амфор с аналогичными морфологическими признаками в первую очередь венчика (в сечении он приближается к четырёхугольнику) резко сокращается [Зубарев, 2005, с. 82]. Развалы именно таких амфор были обнаружены зафиксированными *in situ* на момент гибели постройки в другом помещении этого времени в непосредственной близости от рассматриваемого комплекса [Зубарев, Шапцев,].

Функциональное назначение исследованных помещений однозначно пока определить нельзя. Возможны две версии: хозяйственная или культовая. В пользу первой версии говорит доминирование среди найденных археологических находок обломков тарной посуды, большое количество изделий из стенок амфор, одна из интерпретаций которых определяет их в качестве пробок, наличие вблизи хозяйственных ям того же времени, наконец, отсутствие в обоих помещениях отопления. В пользу второй версии говорит наличие в помещении № 56 алтаря, находки по соседству с комплексом культовых предметов (переносного алтаря, жертвенника) и характер зольника, сформированного над помещением № 55. Кроме того следует отметить нахождение в непосредственной близости от этих помещений (в восточной части раскопа «Восточный»)

так называемых каменных кругов, интерпретируемых как культовые сооружения (ближайшие аналоги на некрополе Илурата [Ханутина, Хршановский, 2003, 317-318]).

Общим моментом с другими исследованными участками городища является существенное увеличение в этот период количества хозяйственных ям. Конструкция этих ям однотипна. Устье, впущенное в слой, перекрывающее материковую скалу, как правило, имело каменную обкладку. Горловина ямы также чаще всего в обкладке. Основная часть ямы грушевидной формы вырублена в скале. Крошка жёлтого ракушечника из вырубки ям использовалась здесь же для выравнивания поверхности и укрепления с внешней стороны устьев ям. Наибольшей мощности слой крошки жёлтого ракушечника достигает именно вблизи хозяйственных ям.

Следующим объектом, который привлекает внимание на восточном участке городища, является зольник. Исследование зольника (слоя золы) началась в 2013 году. В 2015 – 2018 годах работы были продолжены в западной части раскопа «Восточный». Здесь наиболее мощные слои фиксируются над помещением № 55. тот участок являлся, судя по всему, центром зольника. Общая площадь распространения слоя золы – более 275 кв. м. Верхняя граница слоя золы отстоит от дневной поверхности на 0,15–0,3 м. На отдельных участках он начинается сразу под дёрновым покрытием. Нижняя колеблется в пределах 0,5-1,3 м.

Структура зольника типична: это преимущественно рыхлый грунт с большим содержанием золы, раковин мидий, виноградной улитки и мелких обломков камней. Встречается небольшое количество фрагментов древесного угля и печины. Материал из зольника представлен преимущественно фрагментами керамических изделий (тарная, гончарная столовая, краснолаковая и лепная посуда).

Анализ археологических предметов, выявленных в ходе исследования зольника, позволяет уточнить время его образования и функционирования. Подавляющее большинство артефактов происходит из центральной части зольника. Здесь слой золы перекрывает остатки комплекса помещений № 55-56 и не затронут перекопами салтовского периода. Начало его функционирования не может быть отнесено ранее, чем ко второй четверти IV в. н.э., прекращение связано с концом жизнедеятельности на городище к середине V в. н.э. Это подтверждается как стратиграфическим горизонтом, занимаемым зольником, так и выявленным в нём материалом (амфоры типа E по Д.Б. Шелову и стеклянные

сосуды с синими каплевидными включениями). Единичная более ранняя примесь общей картины не нарушает. Расположение зольника над предположительно культовыми объектами, возможно, свидетельствует также в пользу его сакрального характера. Косвенным подтверждением тому может служить и заполнение ямы № 158.

Яма была выявлена в 2018 году на глубине 0,6м от дневной поверхности в зольнике. Форма ямы грушевидная в разрезе. Верхняя часть ямы впущена в слой золы, нижняя прорезает слой жёлтого суглинка. Дно ямы вырублено в скале. Горловина и стенки ямы не укреплены, что свидетельствует о разовом её использовании. Диаметр горловины — 0,5м. Диаметр дна — 0,77м. Глубина — 0,8м. Дно плоское. Соединение со стенками слегка закруглено.

Грунт заполнения ямы однороден — рыхлая зола, частично напоминающая серый пепел, с фрагментами печины и мелкими кусками горелого ракушечника. На глубине 0,4-0,55м от горловины ямы выявлены 18, компактно сложенных фрагментов печины. Материал из грунта заполнения располагался в нём неравномерно. Все отдельные фрагменты керамики, попавшие в яму при её засыпке, выявлены выше закладки из печины. Это ножка светлоглиняной амфоры с воронкообразным горлом второй половины IV – начала V вв. н.э. и ручка лепного сосуда. Ниже печины, на глубине 0,7м от горловины, обнаружен развал амфоры типа 99 по И.Б. Зеест со сбитыми профилированными частями. Под ним по центру на глубине 0,8м от горловины найден фрагмент топора эпохи бронзы из чёрного гранита (в античное время топор использовался в качестве лощила или тёрочника).

Структура заполнения ямы № 158 и археологические предметы, обнаруженные в ней, позволяют предположить её культовое назначение. Яма была вырыта в зольнике специально для отправления какого-то обряда, скорее всего, связанного с хтоническим культом, на последнем этапе существования античного городища в первой половине V в. н.э.

Исследование слоя и построек салтовского времени в восточной части городища дало богатый материал, позволивший уточнить время активного освоения этой территории носителями салтовской АК. В частности можно вполне уверенно говорить об их присутствии здесь не только в IX веке, но и в первой половине X века [Зубарев, Майко, Ярцев, 2018, с. 289-290]. Разбор фундаментов стен построек салтовского времени, с одной стороны, подтвердил их сооружение и функционирование в IX – первой половине X веков, с другой, позволил выявить то обстоятельство,

что при возведении части из них были использованы остатки фундаментов античных стен, что в целом характерно для Восточного Крыма. В то же время фундаменты большинства стен были полностью возведены в салтовский период. Наконец, находка в слое салтовского времени фрагмента христианского керамического просфорного штампа является свидетельством уникального религиозного синкретизма Крымской Хазарии [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с.264].

Перспективность дальнейшего археологического исследования в восточной части городища определяется, в первую очередь, тем обстоятельством, что здесь представлены практически все периоды в истории освоения человеком данной территории: от позднего палеолита до раннего средневековья. Во-вторых, обилие объектов и археологических предметов в той или иной степени связанных с сакральной сферой (причём в течение длительного хронологического периода) даёт основание предполагать, что восточный участок городища, по крайней мере, с конца III в. н. э. использовался в полном объёме или частично для культовых целей. Это открывает возможность расширить наши представления о духовной жизни местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Зубарев В.Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // БИ. Вып.Х. 2005. С. 80-89.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Керамический комплекс средневекового времени городища Белинское // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира/ материалы Международной научной конференции. СПб. 2018. Ч. 2. С. 285-290.

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплекс с амфорами типа С SNP («Делакеу») из раскопок городища «Белинское»// БЧ. Вып. XV. 2014. С. 190-196.

Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Христианизация салтовского населения Восточного Крыма. Исследователи и исследования // БЧ. Вып. XVII. С. 261-264.

Ханутина З.В., Хршановский Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. Вып. III, 2003. С. 315-328.

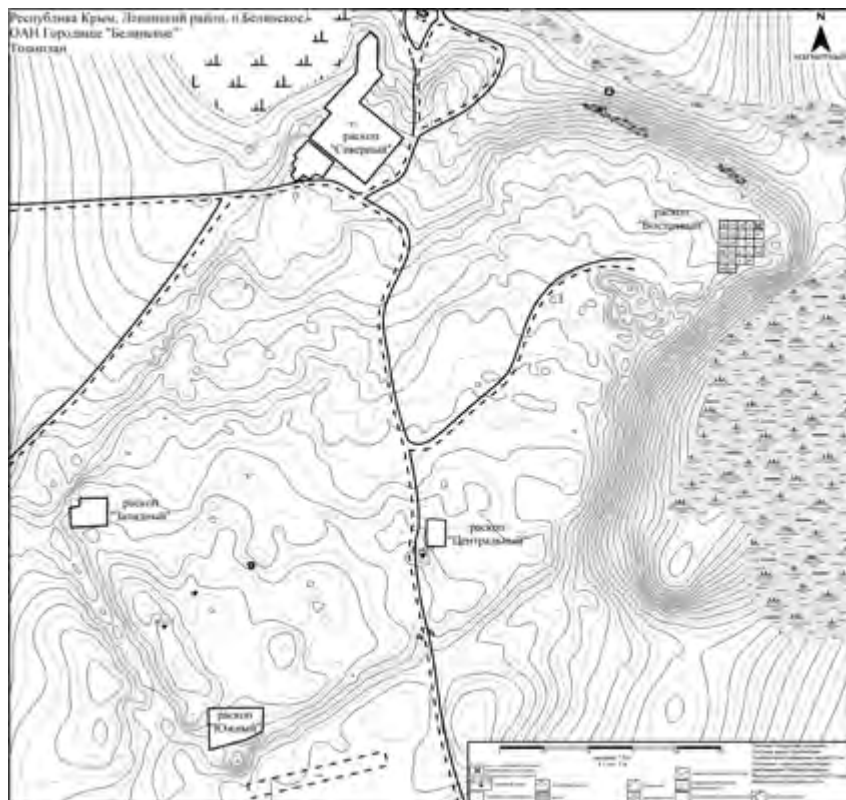

Рис. 1. Топографический план городища «Белинское»

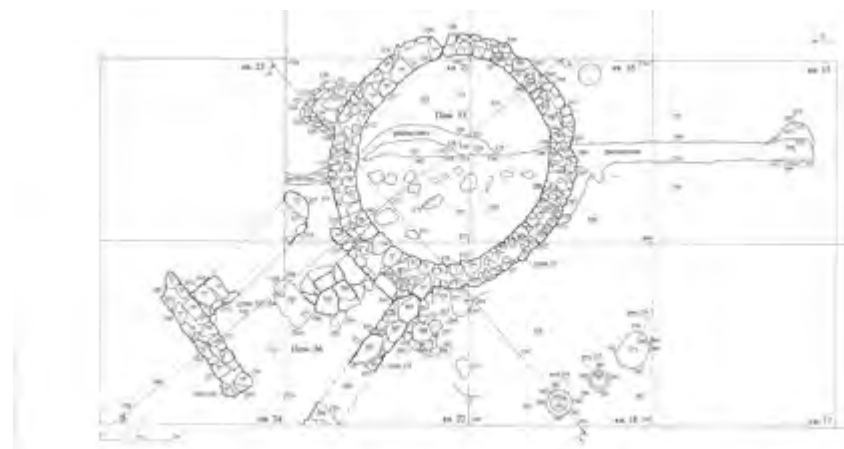

Рис. 2. Городище «Белинское». Раскоп «Восточный». Помещения № 55-56

ИВАНОВ А.В., СУДАРЕВ Н.И.
(ИА РАН, Москва)

О ДВУХ НЕОБЫЧНЫХ ОБЪЕКТАХ ИССЛЕДОВАННЫХ В СИНДИКЕ¹

В современном представлении синды – одно из оседлых варварских племен Кубани, обитавшее на территории современного Анапского, Новороссийского и Крымского района Краснодарского края и на южном побережье Таманского полуострова. Ряд исследователей считают это население в основном местным, с примесью кавказских корней (Круш-кол, 1967, с. 158; 1970, с. 39-41; Алексеева, 1991, с. 39-41). Но есть и другое мнение, согласно которому синды являются потомками носителей сабатиновско-белозерской культуры, и являются пра-фракийцами (Иванов, Сударев, 2018).

Помимо прочего, синды отличаются от соседних варваров погребальным обрядом. В основном это отличие базируется на широком применении каменных погребальных конструкций и их разнообразии. Помимо грунтовых могильников, где погребения совершались в простых ямах либо на древнем горизонте в каменном ящике из песчаниковых плит, так же захоронение производилось под небольшими каменными курганами, под которыми фиксируются и простые ямы, и каменные ящики. Иногда курганы имеют каменные кольца-кромлехи, в других случаях погребения окружали башнеобразные конструкции. С IV в. до н.э., в основном в юго-восточной и южной части ареала расселения синдов, встречаются крупные ящики из массивных плит, не редко под курганной насыпью (Иванов, Сударев, 2015, с. 174), чуть позднее появляется практика совершения захоронений в узкой торцевой части ящика. Это явление, видимо,

¹ Работа выполнена в ИВИ РАН по проекту РФФИ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

можно рассматривать как эволюцию местных обычаев под влиянием античной погребальной традиции (Дмитриев, Малышев, 2009, с. 56). Известны небольшие ящики, сделанные из дикарного камня и нередко выступающие над дневной поверхностью, часто не имевшие перекрытий, выкладки из камней, реже – небольшие ямки. Часто эти ящички и ямки являлись не остатками ингумаций, а своеобразными «оссуариями». Так же, наряду с ингумацией синды использовали такую форму обряда как выставление (помещение покойных под открытым небом на специально отведенных для этих целей площадках и затем, по мере возможности, собиране костей). Наверно, одним из ярчайших памятников, где удалось полноценно проследить обряд выставления, является некрополь «Вестник». Ко всему перечисленному следует отнести и еще один по нашему мнению любопытнейший комплекс, который дополняет и расширяет знание о погребальной практике синдов.

В 2018 г. с нашим непосредственным участием был исследован крупный курган высотой 2,5 м, входящий в состав курганной группы «Чекупс-3». Он располагался в Крымском районе, к западу ст. Варенниковская, на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Кубань. Положение кургана всего в 3,5 км к востоку от Семибратнего городища, в прямой видимости, уже предполагал наш особый интерес к этому памятнику. Однако, выдающихся открытий, которые вполне могли бы состояться на кургане, расположенном совсем рядом со знаменитым городищем, не получилось. Под двумя последовательно сооруженными насыпями располагались типичные для данного региона комплексы эпохи ранней, средней и поздней бронзы. Впрочем, курган содержал еще два объекта, выделяющиеся своей нестандартностью.

В западном секторе кургана в древности были сооружены две глубокие врезки, на дне которых, затем, сложены два каменных кольца (Рис. 1). Кольца конструктивно разные, отличаются и их размеры. Первое имело правильную округлую форму, диаметром 5,8 м. Кольцо сложено из дикарного песчаника, до пяти рядов, на высоту 0,6 м. Второе кольцо в плане округлое, размеры его чуть больше первого – 8х7 м. В отличие от предыдущего кольцо составлено из установленных вертикально по кругу дикарных камней разных форм и размеров. Крупные камни представляли собой ракушечник, более мелкие – песчаник. Внутри колец, как и ниже них, ничего обнаружено не было. Следов грабительских вторжений в пределы объектов так же не зафиксированы.

Единственные находки, выбивающиеся из контекста эпохи бронзы и, видимо, увязанные с перечисленными объектами, происходят из тела насыпи кургана и представляют собой преимущественно фрагменты красноглиняных гончарных сосудов, включая ножку амфоры, Фасоса варианта топраисара ½ IV в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 76). Эти находки, судя по всему, связаны с тризнами или иными поминально-ритуальными действиями, совершенными на кургане, и попавшие в насыпь при засыпке врезок под кольца.

Подобные каменные кольца, впущенные в степные курганы эпохи бронзы, ранее известны не были. Впрочем, положение кургана в границах исторической Синдики (Иванов, Сударев, 2015) и очевидное своеобразие объектов, явились теми факторами, которые позволили наметить кратчайший путь в поисках аналогий.

Конструкция колец, находит целый ряд параллелей, но, пожалуй, ближайшая из них – синдский курганный некрополь «Вышка-1» V в. до н.э., расположенный в горах к югу от г. Крымска у ст. Неберджаевской (Иванов, 2018). Часть курганов, исследованных на некрополе, окружались довольно правильными в плане каменными кольцами-кромлехами, тщательно сложенными на сухую без закрепления из крупных дикарных камней разного размера и формы. Как правило, кладка была как одинарная, но встречались кольца до нескольких рядов в высоту. В одном случае кольцо состояло из поставленных вертикально камней. Диаметр колец не большой, он не превышал 5-6 м. Так же, в одном из раскопанных курганов под единой насыпью находилось сразу три подобных кольца, причем именно в нем наряду с обычной кладкой было зафиксировано кольцо из вертикально стоящих камней.

Применение в конструкции камня, архитектура, размерные характеристики и форма, а так же территориальная близость двух памятников позволяют считать, что каменные кольца, исследованные на кургане «Чекупс-3» были оставлены тем же населением, что и некрополь «Вышка-1» т.е. синдами. После определения культурной атрибуции объектов, остается еще один, не менее важный вопрос – как трактовать каменные кольца, какую функцию они выполняли?

Расположение каменных колец внутри кургана, в месте сакральном по определению, причем в кургане крупном, занимающем доминирующее положение над прилегающей территорией, не предполагает бытовое их назначение. Результаты работ так же не дают повода считать иначе. С другой стороны, отсутствие внутри колец, как и рядом с ними

всяких находок и костных останков делают проблематичным отнесение их к погребальным сооружениям. И все же, по нашему мнению, именно к последним они и относятся, но не в качестве конечного пристанища, а как «транзитная» зона. Мы считаем, что площадки, окруженные каменными кольцами, использовались для выставления, куда помещался покойный в «ожидании» окончательного погребения. Возможно, именно по этой причине, площадки были пусты, без каких-либо следов обряда. Так же, не исключена вероятность того, что площадки могли быть сооружены для разовой акции, а после выставления и сбора останков засыпаны.

Если взять за основу версию, согласно которой площадки, окруженные каменными кольцами, являются местом выставления усопших, а нам представляется эта позиция наиболее вероятной, тогда становится вполне понятным расположение объектов именно в западном секторе кургана – стороне обращенной на закат. Не менее примечательны еще две детали, на которых стоит остановиться отдельно. Во-первых, кольца составляют пару. Во вторых – эта пара имеет очевидные конструктивные особенности, выраженные в применении двух различных приемов возведения сооружений. В одном случае это кладка, в другом – вертикальная установка камней. Приведенные моменты наводят на мысль о том, что в рамках одного комплекса, а именно так мы рассматриваем пару каменных колец, была реализована идея подчеркнутого деления на две зоны. Но вот для чего существовало это деление – вопрос. Без археологического материала ответ на него не будет достоверным. Остается лишь предполагать, что две расположенные рядом, но обособленные зоны, в обряде выставления синдов отражают пока неведомую нам половозрастную, социальную или иную дифференциацию, принятую в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.

Дмитриев А.В., Малышев А.А. 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII-IV вв. до н.э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.

Иванов А.В. 2018. Курганный некрополь «Вышка-1»: погребальный обряд, хронология и место памятника среди древностей Северо-Западного Кавказа V в. до н.э. // XXX Крупновские чтения. Карачаевск.

Иванов А.В., Сударев Н.И. 2015. О восточной границе Синдики // Боспорские чтения. Вып. XVI. Керчь.

Иванов А.В., Сударев Н.И. 2018. Арифарн – царь фракийцев? // Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб.

Крушкол Ю.С. 1967. К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество: Тр. конф. по изучению проблем античности. М.

Крушкол Ю.С. 1970. Древняя Синдика: Автореф. канд. дисс. М.

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. Саратов.

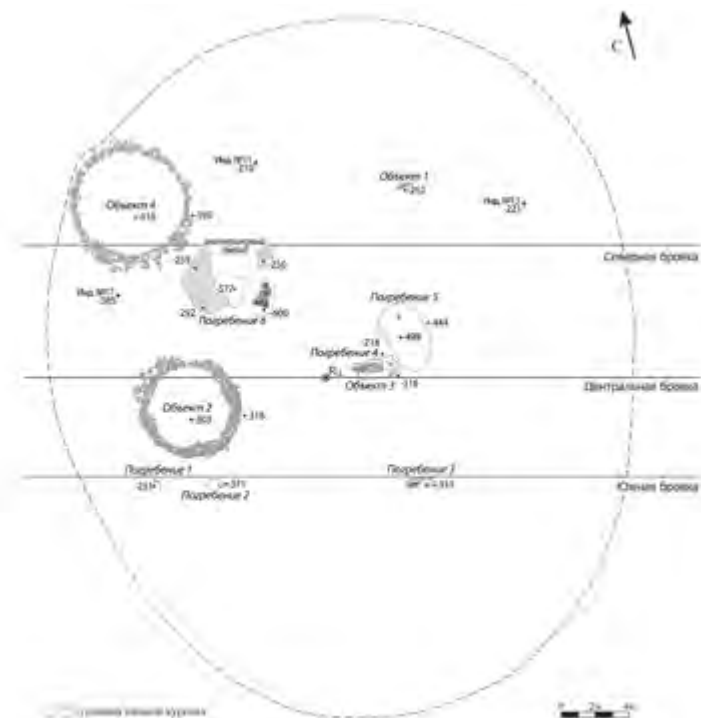

Рис.1. Курганная группа «Чекупс-3», курган 1. Общий план

КАЗАНСКИЙ М.М.

(Национальный Центр Научных Исследований, Париж)

НАЧАЛО ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Эпоха Великого переселения народов в Европе начинается с появления гуннов в Северном Причерноморье около 375 г., что ознаменовалось легендарным переходом этого народа через Керченский пролив. Рассказ о переходе гуннами Боспора Киммерийского впервые появляется у Созомена в первой половине V в., при этом гунны после перехода Боспора нападают на готов, затем он фигурирует у Зосима и более поздних авторов. Восходит этот топос к Евнапию, автору рубежа IV-V вв. (до 404 г.). А.А. Васильев считал, что рассказ отражает некую реальность, видимо какая то часть гуннов прошла через Боспор в эпоху Валента (Васильев, 1921. С. 315 - 317, 320, 321).

Здесь будут рассмотрены некоторые элементы материальной культуры из погребений знати, свидетельствующие об изменении ситуации на Боспоре Киммерийском в последней трети IV в., что соответствует периоду D1 «варварской» хронологии (360/370-400/410 гг.). Перечислим хронологические индикаторы этого периода в контексте привилегированных боспорских могил:

1. Малые (менее 8 см) двупластинчатые фибулы (рис. 1,1-3) группы Амброз 21/1 (Амброз, 1966. С. 77-86), принадлежащие черняховской традиции и датированные периодами C3 и D1 (т.е. 300/320 - 350/360 и 360/370-400/410 гг.). Одна фибула типа Амброз I AB найдена в тайнике склепа 145.1904, две фибулы типа Амброз I AA, одна из них - с полихромным декором найдены в склепах 24.6.1904 г., из Новиковского склепа 1890 г. происходит полихромная фибула типа Амброз I AB, наконец обломок полихромной фибулы, скорее всего группы Амброз I, найден в

погр. 7 склепа 154.1904 г. (подробнее Казанский, 1999. С. 278-280, там же библиография).

2. Дуговидные фибулы (рис. 1,4,5) из склепа на Тарханской дороге 1914 г. (Засецкая 1993. Табл 62, № 371), а также из могилы 1918 г. на склоне горы Митридат (Казанский, 2016. Рис.1,4), принадлежат местной «греко-сарматской» традиции позднеримского времени, хотя и встречены в погребениях начала эпохи переселения народов.

3. Пряжки с удлинённым щитком, простым геометрическим декором стиля клуазонне и язычком, слабо выступающим за утолщённое кольцо (рис. 1,6-9), Они явно типологически более ранние, чем типичные для периодов D1 и D2 (последний соответствует 380/400-440/450 гг.) пряжки с длинными хоботковидными язычками. Такие ранние пряжки обнаружены в тайнике склепа 145.1904 г. (Засецкая 1993. Табл. 13, № 26) и в склепах, разграбленных 24.06.1904 г. (Засецкая 1993. Табл. 26, № 103).

4. Пряжки с овальным щитком, несущим геометрический декор стиля клуазонне и м язычком, слабо выступающим за утолщённое кольцо (рис. 1,10,11), из склепа на Тарханской дороге 1914 г. (Засецкая 1993. Табл 61, № 355). Они также типологически предшествуют «классическим» пряжкам периода D2.

5. Мечи «персидского» типа (рис. 1,12-15), по терминологии И. Боны (Bóna, 2002. P. 199, fig. 104), с перехватом и дисковидным окончанием на навершии. Они найдены в тайнике склепа 145.1904 г. (Засецкая, 1993. Табл. 17, № 47) и в склепе на Тарханской дороге 1914 г. (Засецкая, 1993. Табл. 62, № 364). Такие мечи известны и в других регионах Восточной Европы, в частности в степном Крпому, Приуралье и на Кавказе. Их появление, по находке в уральском погребении Муслимово, устанавливается в пределах второй половины IV в. (подробнее Казанский, 1994. С. 243).

6. Умбоны типа Малаешты (рис. 1,19,20), характерные для финала черняховской культуры, встречены в керченских склепах 24.6.1904 г., и в склепе 1954 г. на ул. Овощная, 1954 г. Подобные умбоны широко распространены в Европе от Скандинавии до Абхазии в периоды C3 - D1 (подробнее Kazanski, 1994. P. 443-445)

7. Умбоны с широкими полями, типа Цилинг - K1 (рис.1,16) встречены в разграбленном склепе 181.1902 г., и в склепе 154.1904 г. (на полу у входа). В последнем есть погребения периодов D1 (погр. 7) и более поздние захоронения периода D2. Умбоны этого типа довольно широко распространены в центально- и североевропейском Барабрикуме в периоды

С3 - D1, имеются они и в черняховской культуре (подробнее Kazanski, 1994. P. 440, 441).

8. Умбоны с фасетчатой калоттой (рис. 1,17,18), найденные в тайнике керченского склепа 145.1904 г., имеют аналоги лишь в абхазском погребении Шапка-Абгыздраху 12 (фаза III/5-8 местной хронологии, т.е. 380/400 - 440/450 гг.). Видимо представляют собой местную понтийскую форму (подробнее Kazanski, 1994. P.они 448). Ввиду малочисленности находок отнесение этих умбонов к индикаторам периода D1 пока условно.

9. Ременные наконечники, видимо от конского снаряжения, принадлежащие группе IIIб по типологии ременных гарнитур В.Ю. Малашева (рис. 1, 21,22), датируемые 320/330 - 360/370 гг. (Малашев, 2000. С. 202 - 206). Такие наконечники были найдены в «гробнице Мессаксудии» 1918 г. (Казанский, 2016. Рис. 1,22), в склепе 1914 г. на Тарханской дороге (Засецкая, 1993. Табл. 61, № 357).

Перейдем к вопросу о новых чертах культуры боспорской знати, появившихся в начале гуннской эпохи. Прежде всего надо отметить слабое присутствие каких-либо гуннских вещей или других признаков степного влияния. Это уже упоминавшиеся «персидские» парадные мечи, явно занесенные с востока, трехлопастные стрелы (рис. 2,4) (склеп 154.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 47, № 217; склеп 176.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 57, №330), помещение в гробницы боспорский зати седел (склеп 165.1904 г., погр. 5: Засецкая, 1993. С. 97) и луков с костяными накладками (рис. 2,3) (склеп 154.1904 г., погр. 3: Засецкая, 1993. Табл. 49, № 229). К числу гуннских престижных вещей относится женская диадема из коллекции Диергардта (рис. 2), вроде бы происходящая из склепа на горе Митридат, но происхождение диадемы не до конца ясно (Damm, 1988. S. 85-93; Eger, 2017). Отметим также, что эти находки датируются в довольно широких рамках периодов D1 и D2, т.е. охватывают по сути всю гуннскую эпоху, а не только её начальную фазу.

Показательно, что на Боспоре Киммерийском до сих пор не нашли следов разрушений, однозначно связываемых с нашествием гуннов (о памятниках этого времени см. Айбабин, 1999. С. 79, 80; Айбабин, 2003. С. 14, 15; Засецкая, 2003; Kazanski, 2009. P. 181-216). К сожалению, значительная часть археологического материала Боспора гуннского времени до сих пор не введена в научный оборот, поэтому пока трудно говорить о реальности гуннских разрушений. Кстати, захват гуннами Боспора мог произойти и без разрушения городов, например, если исход дела был решён в полевом сражении или путем переговоров.

Подчинялся ли Боспор гуннам, неизвестно, прямых свидетельств нет. В этом смысле известный рассказ Приска Панийского об экспедиции «царских» гуннов Васиха и Курсиха в 420е-430е гг. против Ирана заслуживает особого внимания. «Царские» гунны Васиха и Курсиха вышли в поход из степей Скифии, подчинявшихся в это время уарям Руе и Аттиле, вероятнее всего в Северном Причерноморье. Они пересекли пустынные земли, затем какое-то озеро (Меотиду, по мнению информаторов Приска, но это могут быть и Сиваш, заболоченная дельта Дона или Керченский пролив) и через 15 дней, перейдя горы, видимо Кавказский хребет, вторглись в Иран. Приск прямо говорит, что благодаря этой экспедиции гунны узнали о возможном пути в Мидию из Скифии. Если бы гунны Руи-Аттилы владели степями Крыма и Северного Кавказа, они отлично знали бы дорогу в Иран (Казанский, Мастыкова, 2009. С. 123, 124). Из данного рассказа можно заключить, что если Боспор Киммерийский и входил в орбиту военно-политического доминирования гуннов, то речь может идти только местных стрепных племенах.

Зато на Боспоре Киммерийском, уже в период D1 хорошо представлены, как мы могли убедиться, восточногерманские (черняховские) вещи. Помимо вышеназванных фибул и умбонов отсюда происходит большая двупластинчатая фибула типа Амброз I с полихромным декором, относящаяся к периоду D1, а также большая арбалетная фибула того же времени. В погребальном контексте периодов D1 - D2 в Керчи также найдены пирамидальные костяные подвески с циркульным орнаментом (рис.2,1), типичные для черняховской культуры (Керчь, в погребения 1867 и 177-178.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 58, № 349), подвязные черняховские фибулы типа Амброз 16/2-1-3 (погр. 2 склепа 179.1904 г.), черняховские гребни типа Томас III (напр. погр. 24.06.1904 г.: Засецкая, 1993. Табл. 44, № 196) (рис. 2,2) (подробнее Казанский, 1999. С. 278, 279, там же библиография).

Как видим, археологический материал ясно свидетельствует о присутствии на Боспоре готов в гуннское время. Особенно важным представляется наличие женских украшений и деталей костюма. Общеизвестно, что женский костюм в архаических обществах является этнографической особенностью конкретного «этноса» (насколько вообще это понятие применимо к древним социумам, где ориентация на престижного вождя или сакрализованную династию часто заменяла этническое самосознание), он крайне редко копируется и распространяется за пределами данного коллектива лишь с его носительницами. Исключение может составлять

престижный аристократический костюм (подробнее Мастыкова, 2009. С. 7,8, там же библиография).

Надо особо отметить, что в периоды С3 и D1, германские вещи начинают попадать в погребения высшей боспорской знати (напр. Новиковский склеп, гробница 145.1904; две гробницы, ограбленные 24.6.1904 г.). Это явление не случайно – двупластинчатые фибулы из Новиковского склепа, из могил 24.6.1904, из коллекции Эрмитажа и, наконец, упомянутая большая фибула типа Амброз I обтянуты золотой фольгой и украшены гранатами, их явно изготовили для представителей (точнее представительниц) германской или германизированной аристократии. При этом германские престижные вещи происходят из склепов, вне всякого сомнения принадлежащих местной, «греко-сарматской» погребальной традиции. Поэтому можно утверждать, что с одной стороны германцы были интегрированы в местную аристократическую среду, а с другой – что эта местная аристократия в эпоху переселения народов сохранила свои социальные позиции.

Известно, что на Боспоре сохраняется династия Тибериев-Юлиев, как минимум до 342-343 гг., когда известны самые поздние на сегодняшний день монеты Рескупорида VI (Фанагория)¹. Сохраняется и проримская ориентация Боспора. В 343 г. представители боспорской знати, впоследствии захороненные в склепах 145.1904 г. и 24.06.1904 г. получают от Констанция II дарственные блюда, что явно свидетельствует о римских симпатиях правящей элиты Боспора (подробнее Казанский. 1999. С. 28, 283, там же библиография). Однако с 342-343 г. надолго обрываются сведения о боспорской династии, и вообще о существовании Боспорского царства как государственной системы. Не исключено, что получение даров от Констанция было последним археологически документированным актом боспорской державы.

Разумеется, позднеантичный Боспор с грекоязычным населением, античной цивилизацией и сложившейся социальной структурой продолжал существовать, по крайней мере, до конца VI в., об этом свидетельствует изучение как городских слоев так и некрополей. Речь может идти лишь об исчезновении царской власти, да и то, видимо, не навсегда (вспомним царя Диптуна, правившего в V в.). Никуда не делась и местная боспорская аристократия, – как мы убедились, богатые погребения в родовых гробницах знати продолжают совершаться. Для периода D1 это, например, уже

¹ <http://phanagoria.info/press-center/news/naydannaya-v-fanagorii-redkaya-moneta-pozvolila-utochnit-istoriyu-bospora/>. Дата обращения : 2.010.2019 г.

упоминавшиеся Новиковский склеп, склепы 24.06.1904 г., склеп 145.1904 г., склеп 154.1904 г., гробница 1918 г. («гробница Мессаксудии»). Только вот ведет себя эта боспорская аристократия странным образом.

Действительно, в 362 г. «ab aquilone et regionibus solis, per quas in mare Fasis accupitor, Bosporianis aliisque antehac ignotis, legationes vehentibus supplices, ut annua complentes sollemnia, intra terrarum gentilium terminos otiose vivere senerentur» («с севера из пустынных областей, по которым в море впадает Фасис, ехали посольства Боспорян и других неведомых раньше народов с мольбою, чтобы, за внесение ежегодной дани, им было дозволено мирно жить в пределах родной земли») (Ammien Marcellin, XXII.7). Почему вдруг дети и внуки боспорских аристократов, делавших карьеру при императорском дворе, и даже лично знакомых с цезарями, как известный Валерий Сог, стали «неведомым» народом? И почему старые союзники Рима, которые, если бы им угрожала какая-то внешняя опасность, вправе бы требовать от империи военной и финансовой поддержки, просят лишь «мирно жить в пределах родной земли», то есть, если понимать текст буквально, уговаривают римлян не предпринимать против Боспора Киммерийского военных действий и даже готовы за это заплатить?

Мне кажется, что наиболее логичным ответом на эти вопросы является гипотеза А.А. Васильева, согласно которой около 362 г. (а может быть раньше, около 343 г.?) Боспорское царство перешло под власть готов (Васильев, 1921. С. 312, 313). Вот они-то и есть «неведомый» народ, который хотел легитимизировать свою власть на Боспоре Киммерийском, обратившись за признанием к Империи. Видимо с той же целью боспорские готы обращаются в христианство. В 404 г. король готов, к которому, по свидетельству Иоанна Златоуста, надо плыть на Боспор, печётся о назначении своим подданным нового епископа (Васильев, 1921. С. 325, 326). Вряд ли это готы страны Дори, то есть юго-западного Крыма, известные по более поздним источникам (о них см. Айбабин, Хйрединова, 2017), с теми проще было бы связываться через Херсонес.

Какие конкретные формы приняла готская власть на Боспоре, можно лишь догадываться. Мы не знаем, сохранялась ли при готах, хотя бы номинально, династия Тибериев Юлиев (а такая ситуация вполне возможна, вспомним отношения германских и аланских военачальников с некоторыми равеннскими и константинопольскими императорами в V в.) и каким был аппарат управления страной. Ясно лишь, что готская верхушка быстро находит общий язык с боспорской аристократией и входит в её состав, о чем свидетельствует, как уже говорилось, материал

боспорских склепов. Добавим, что в этом готы не оригинальны, именно так формировался на Западе правящий класс Бургундского, или, скажем, Франкского королевств.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 1990. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар.

Айбабин А.И., 2003. Крым //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. С. 9-145.

Айбабин А.И., Хйрединова Э.А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III - VII вв.). Симферополь: Антиква.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР (Свод Археологических источников, вып. Д1-30). Москва: Главная Редакция Восточной Литературы.

Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму. Часть 1 // Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры. Т. 1. С. 247-326

Засецкая И.П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV- первой половины V вв // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. 3. С. 23-105.

Засецкая И.П., 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV - начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. С. 31-40.

Казанский М.М., 1994. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Т. IV. С. 238-256.

Казанский М.М. 1999. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології. С. 277-297.

Казанский М.М., 2016. находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксудии) // XVII Боспорские чтения / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: НИЦ ИАК КФУ им В.И. Вернадского, ЦАИ БФ «Деметра». С. 206-215

Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем /Отв. ред. А.Г. Фурасев. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 114-126.

Малашев В.Ю.. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194 - 232.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV - середине VI вв. Москва: Институт Археологии РАН.

Bóna I., 2002. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris : Errance.

Damm I.G. 1988. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus demNördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd; 21. S. 65-210.

Eger C., 2017. Die Hunnen kommen : die « Krone » aus Kerč // Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit / Hrsg! F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH. S. 98, 99.

Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim, Lubin-Marburg : Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. P. 429-485.

Kazanski M., 2009. Archéologie des peuples barbares. București – Brăila: Editura Academiei române.

Рис. 1. Хронологические индикаторы периода D1 в привилегированных погребениях Боспора Киммерийского. 1, 2, 6-8, 19, 20: Да склепа 24.06.1904 г.; 3, 9, 12-14, 17, 18: тайник склепа 145.1904 г.; 4, 5, 10, 11, 15, 21, 22: склеп 1914 г. у Тарханской дороги; 16: склеп 154.1904 г. По Засецкая, 1993

Рис. 2. Восточногерманские и гуннские вещи из Керчи. 1: склепы 177-178.1904 г.; 2: склепы 24.06.1904 г.; 3, 4: склеп 154.1904 г.; 5: Коллекция Дьергардта. 1-4: по Засецкая, 1993; 5: По Eger, 2017

КАМЕЛИНА Г.А., МАМОНОВА А.А., СТРОКОВ А.А.
(ГИМ, Москва; ИА РАН, Москва)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА СУУК-СУ)

Могильник Суук-Су – один из опорных памятников для изучения культур Юго-Западного Крыма эпохи Великого переселения народов. Он располагался между пос. Гурзуф и Медведь-горой в урочище «Хазары» на южном склоне скалистого холма «Лысый бугор». В 1903 г. в связи с систематическим разграблением могильника Императорская археологическая комиссия поручила Н.И. Репникову произвести на памятнике археологические работы. В течение 1903-1905 гг. им было исследовано 93 погребения в северной части памятника (Репников, 1906). В 1907 г. археологические работы велись уже в южной части могильника, однако памятник так и не был до конца изучен (Репников, 1907; 1909). В 1906 г. предметы, полученные при раскопках в первые три года, частично переданы в Императорский Российский исторический музей в Москве (ныне Государственный исторический музей). Интересными для исследования костюма представляются материалы из погребения 71, где сохранилось несколько текстильных фрагментов.

Само погребение было открыто на глубине 1,42 м от современной поверхности и совершено по обряду трупоположения в грунтовой яме, границы которой не читались в слое. Всего было раскрыто три скелета (мужской, женский и детский), расположенные в могиле на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ориентированные головами на северо-запад. Сверху захоронение было накрыто досками (Репников, 1906. С. 21, 30). Погребальный инвентарь у ребенка состоял из четырех бусин, двух янтарных и двух стеклянных, и бронзового браслета со слегка заходящими друг за друга концами, сделанного из овального в сечении дрота (4,2х3,7х0,4 см). В районе тазовых костей располагалась неболь-

шая бронзовая пряжка с D-образной рамкой и массивным хоботковым язычком с двумя валиками у основания (2,6х1,9 см) (рис. 1, 2).

У мужского скелета в районе тазовых костей находились две железные пряжки, по всей видимости, они не сохранились, так как в музей переданы не были. У левого бока располагался железный нож острием вниз.

Наиболее интересные находки связаны с женским захоронением. Среди женского погребального инвентаря следует отметить низку из янтарных, сердоликовых и стеклянных бусин, два серебряных браслета с утолщениями и поперечными параллельными углубленными линиями (7,5х5,8 см), а также серебряную пряжку с большим прямоугольным щитком, украшенным рельефным изображением льва (12х6 см) (рис. 1, 1).

Данное погребение можно отнести к так называемому нижнему, раннему слою могильника Суук-Су, учитывая находки двух пряжек. Небольшая бронзовая пряжка, найденная у ребенка, имеет широкое распространение на территории Византийской империи, Нижнего Подунавья и Крыма и относится к типу А9 по М. Шульце-Дёррламму, который она датирует поздним V – первой половиной VI в. (Schulze-Dörflamm, 2002. S. 18-20). Такую же датировку предлагает и Л. Трайкова по материалам раннесредневековых пряжек Нижнего Дуная (Трайкова, 2017. Кат. № 1123, 1134), а также И.П. Засецкая при анализе инвентаря керченских склепов, в частности, склепа 152 1904 г. (Засецкая, 1990. Рис. 1, 41-42).

Серебряные пряжки со львом на щитке встречаются также в могильниках Скалистое и Лучистое и относятся к варианту 6 типа пряжек с прямоугольным щитком (Айбабин, 1990. С. 29). По поводу датировки этих находок существуют давние разногласия. А.К. Амброз, А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова относят их к 1-й половине VII в. (Амброз, 1971. С. 116; Айбабин, 1990. С. 32; Хайрединова, 1999. С. 335). И.П. Засецкая и А.Г. Фурасьев предлагают другую датировку – 2-я половина VI в., относя пряжки с изображением льва на щитке к первому этапу нижнего слоя могильника (Засецкая, Фурасьев, 2007. Рис. 1). Судя по находкам в детском погребении могилы 71, следует согласиться с последним мнением. Как уже было сказано, небольшая бронзовая пряжка датируется второй половиной V – серединой VI вв. Верхнюю дату бытования данного типа пряжек М. Шульце-Дёррламму как раз мотивирует находками аналогичной пряжки в погр. 118 могильника Суук-Су вместе с раннегеральдическими бляшками (Schulze-Dörflamm, 2009. S. 20; Репников, 1907. С. 109. Табл. XV, 9). Таким образом, пряжку с прямоугольным щитком из женского погребения воз-

можно датировать серединой – второй половиной VI в. Датировки этих пряжек позволяют предполагать, что все три погребения могли быть совершены одновременно. На возможность синхронности погребений в коллективных захоронениях нижнего слоя могильника Суук-Су указывала еще В.Е. Родникова (Родникова, 1995. С. 77).

По наличию крупной поясной пряжки с изображением льва Э.А. Хайрединова относит такой костюм к выделяемому ей типу 4. В него входят также большие двупластинчатые и пальчатые фибулы, серьги с полиэдрическим окончанием, бусы, зеркала. Женское захоронение в погребении 71 могильника Суук-Су имело только пряжку, бусы и браслеты. Однако и такие варианты одежды известны в могильниках Крыма – к примеру, погребение в склепе 1 некрополя Алония (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 263-264. Рис. 174).

Интересующие нас текстильные образцы были найдены на женском скелете под серебряной пряжкой с прямоугольным щитком. Всего сохранилось три образца небольшого размера (6,9x4 см, 4,2x3,8 см, 7,1x3,9 см). Целью исследования было изучение природы волокон и технологии изготовления фрагментов ткани. Фрагменты не минерализованы, сохранили свою структуру, но у всех у них отсутствуют края кромки, что позволяет лишь условно выделить нити основы и утка. На одном из фрагментов (рис. 1, 4) сохранился отпечаток металлического предмета. Судя по размерам и расположению окрашенных участков – это следы бронзовых пластин с оборотной стороны щитка пряжки.

Микропробы ткани, их подготовка и измерение волокон производилось при помощи стереомикроскопа Hund Wiloskor в отраженном свете при увеличении от X 6,7 до X 45. Природа волокон определялась по морфологическим признакам. Исследования проводились методом микроскопии в проходящем неполяризованном и поляризованном свете при увеличении от X40 до X600 на поляризационном микроскопе Olympus BX51. Для работы были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом балъзаме.

В результате исследования было выявлено, что все фрагменты плотняного переплетения, изготовлены из очень светлых, почти бесцветных лубяных волокон. Все три образца были частью одной ткани, на что указывают метрические характеристики волокон, сходство характера загрязнений и ряд других характеристик.

Плотность переплетения неоднородна: в различных участках нити располагаются очень плотно друг к другу, почти без зазора, в других рас-

стояние между ними составляет до 0,35 мм. Возможно, это свидетельствует о невысоком качестве ткани. На всех фрагментах сохранились проколы, которые с большой вероятностью являются следами распавшихся швов. Видимо, два из рассматриваемых фрагментов были некогда перегнуты примерно пополам, так как если их сложить, то проколы совпадут, образовав «швы» (рис. 1, 3, 5). На одном из фрагментов видны введенные в полотно в процессе ткачества дополнительные нити (рис. 1, 3). Возможно, таким образом вводилась новая нить с челнока. Однако, для подобного утверждения информации недостаточно.

В настоящее время при изучении костюма на различных территориях все большее внимание привлекают остатки древнего текстиля. Для этого подходят даже небольшие сохранившиеся фрагменты ткани. Яркий пример таких исследований – статья О.В. Гопкало, посвященная текстилю черняховской культуры (Гопкало, 2017). Однако таких работ по материалам могильников Крыма до сих пор не проводилось. В основном исследователи при реконструкции древней одежды обращаются к металлическим деталям костюма. Изучение даже минерализованных фрагментов ткани, и в особенности тех фрагментов, которые сохранили свои свойства, позволяют существенно обогатить наши знания о костюме. А обращение к старым музейным коллекциям позволяет выявить новые детали в изучении данной категории археологических источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеаримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь. С. 3-86.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: ООО «Антиква». 366 с.
- Гопкало О.В., 2017. Остатки одежды из погребений культуры Черняхов – Сынтана-де-Муреш // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (22). Київ. С. 22-39.
- Засецкая И.П., 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. Вып. 30. Л. С. 97-106.
- Засецкая И.П., Фурасьев А.Г., 2007. Периодизация материалов раннего этапа могильника Суук-Су // VIII Боспорские чтения. Боспор Кимме-

рийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь.

Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники области крымских готтов // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 19. СПб. С. 1-80.

Репников Н.И., 1907. Некоторые могильники области крымских готтов // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXVII. Одесса. С. 101-148.

Репников Н.И., 1909. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 30. СПб. С. 99-126.

Родинкова В.Е., 1995. К вопросу о хронологии нижнего горизонта могильника Суук-Су // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: АО «Бизнес Информ». 1995. С. 73-80.

Трайкова Л., 2017. Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей – БАН. 556 с.

Хайрединова Э.А., 1999. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из юго-западного Крыма // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь. С. 334-348.

Schulze-Dörrlamm M., 2009. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit Laschenbeschlag und mit festem Beschlag des 5. bis. 7 Jahrhunderts. 2. verbesserte Auflage. Mainz: Verlag des RGZM. 258 S.

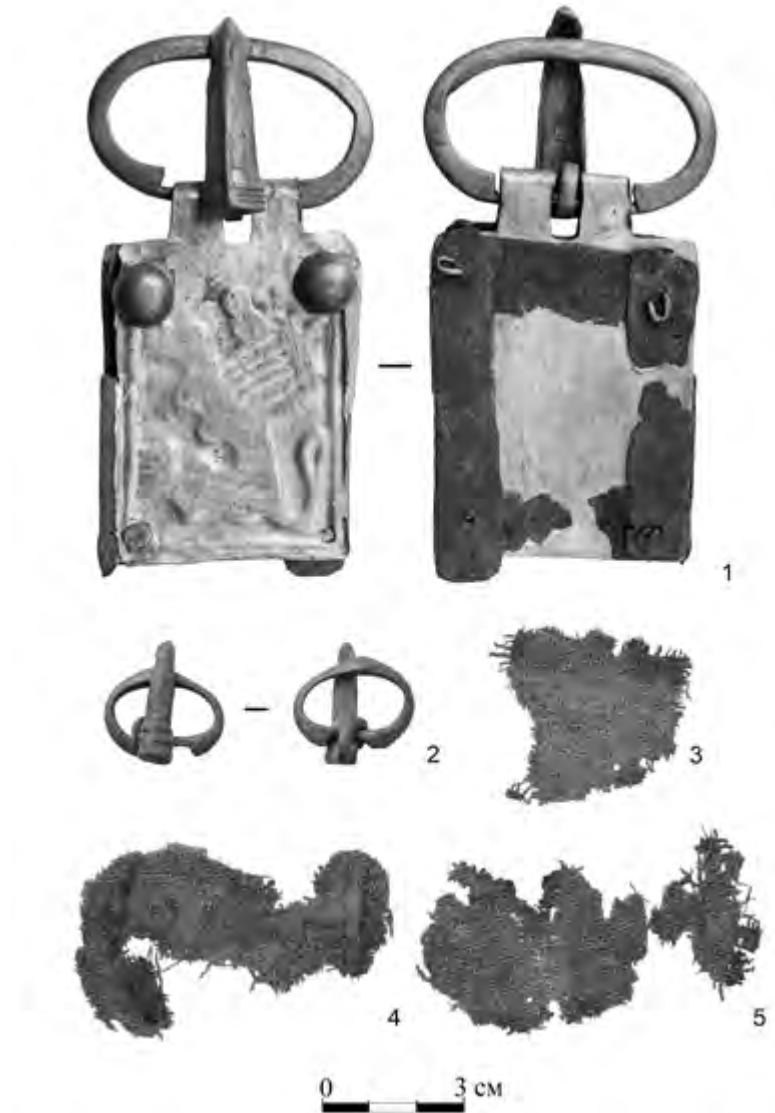

Рис. 1. Инвентарь погребения 71 могильника Суук-Су. 1 – серебро; 2 – бронза; 3-5 – текстиль

КАСПАРОВ А.К., ХРШАНОВСКИЙ В.А.
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург; ИА РАН, Москва)

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО УЧАСТКА КИТЕЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ПО ИТОГАМ РАСКОПОК 2010 – 2018 ГГ.)

В последнее десятилетие археологическая экспедиция ИИМК РАН-ИА НАНУ (2009-2013) – ИА РАН (2014-2018) исследовала юго-западный участок китейского некрополя в зоне интенсивной береговой абразии. Топографической и аэрофотосъемкой здесь – на расстоянии 60-650 м к западу от западной крепостной стены – были выявлены 24 насыпи-«вала», вытянутые в меридиональном направлении. На южных оконечностях «валов» №№ 4 и 1, над 30-метровым обрывом, были заложены два раскопа, получившие порядковые номера XLVI и XLVII. Первый, после 9 полевых сезонов (2010-2018) приобрел форму правильного прямоугольника (20 × 13 м, средняя глубина 1,2-1,3 м), разрезающего «вал» № 4 в широтном направлении. Второй исследовался на протяжении трех последних сезонов (2016-2018). Заложенный над ним раскоп также приобрел форму прямоугольника (8 × 12 м, средняя глубина около 0,8 м), вытянутого с востока на запад.

В обоих раскопах под слоем гумуса (мощностью до 0,9-1 м в XLVI и до 0,3 м в XLVII) был выявлен слой серо-желтого суглинка (мощностью, соответственно, 0,4-0,5 м в первом и не менее 0,9-1 м – во втором) насыщенный фрагментами керамики (амфорной, кружальной, лепной) в количестве, значительно превышающем среднестатистическое значение для городских и поселенческих слоев (более 8 тыс. в раскопе XLVI и более 10 тыс в раскопе XLVII), обломками терракотовых статуэток, глиняных светильников (Хршановский, 2017. С. 163-164), пряслицами и грузилами (Симонова, 2018. С. 259-285), медными боспорскими монетами и другими артефактами с необычайно широкой хронологической вилкой – IV в. до н. э. – вторая половина IV – начало V вв. н. э., не считая неолитических

орудий труда и отходов их производства (кремневых отщепов). Помимо вещевых находок в насыпях «валов» часто встречались створки морских ракушек, гальки-окатыши и многочисленные костные остатки домашних и диких животных, птиц, дельфинов, рыб, клешни крабов.

Раскоп XLVI почти по всей площади (более 250 кв. м) выведен на уровень древнего горизонта. Как оказалось, с него в материковый суглинок были впущены три могилы (№№ 382, 384, 386), около десятка жертвенных (?) ям (№№ 377-379, 381, 385, 387-391, 393), глубиной от 0,2 до 1,8 м. Кроме этого, возле некоторых ям на древней дневной поверхности лежали каменные алтарики, а в северной части раскопа была выявлена ритуальная площадка с несколькими зольниками. Самым монументальным сооружением, обнаруженным под насыпью в раскопе XLVI, оказался ритуальный (?) комплекс № 380. Он представлял собой подпрямоугольное в плане сооружение (5,2-5,7×2,8 м), вытянутое с юга на север (с небольшим отклонением к востоку). Стены его сложены иррегулярной постелистой кладкой в 2-3 слоя из уплощенных разнокалиберных камней. Высота стен – 0,8-1 м. Внутри огражденного пространства, в середине комплекса, находилась круглая в плане яма, диаметром около 1,8 м, глубиной 1,7 м. На дне лежал дисковидный алтарь-жертвенник, вырезанный из известняка, что дает основание интерпретировать этот комплекс как ритуальный. Заполнение его – многочисленные фрагменты керамики и костей животных, стоящие на полу лепные сосуды и целые скелеты рыб – подтверждает это предположение (Хршановский, 2017. С. 163-164). Все обнаруженные на уровне древнего горизонта объекты находились под насыпью серо-желтого суглинка. Внутри самой насыпи также имелись щебенчатые вымостки, зольные пятна и каменные конструкции, которые могли выполнять алтарные функции

Раскоп XLVII не доведен до уровня древнего горизонта. Но уже на данном этапе можно констатировать, что под тонким (в отличие от «вала» № 4) слоем современного гумуса также находится насыпь серо-желтого суглинка, образующая «вал» № 1. Стратиграфия его несколько отличается от стратиграфии «вала» № 1, видны следы многочисленных досыпок. Но внутри него также выявлены следы совершавшихся при его сооружении ритуальных действий: глинобитная (?) площадка, со значительным скоплением фрагментов керамики и костей животных, вымостка из обломков штукатурки (!), скопления раковин мидий и зольные пятна. Репертуар вещевых находок в насыпи «вала» № 1 и их хронологическая вилка

в целом совпадал с артефактами из насыпи «вала» № 4. Многочисленны были и найденные здесь костные остатки животных и птиц.

В статье предпринимается попытка использовать данные сравнительного анализа фаунистических остатков, найденных в ходе исследования «валов» №№ 4 и 1, для понимания способа их сооружения и функционального назначения.

Полный фаунистический состав всех костных коллекций представлен в Таблице 1.

Слои городища, материалы которых отражены в таблице, датируются римским временем, то есть примерно той же хроно-исторической эпохой, что и валы.

ВИДЫ	ВАЛ № 4		ВАЛ № 1		ЯМЫ ПОД ВАЛОМ № 4		СЛОИ ГОРОДИЩА	
		%		%		%		%
Заяц-русак	22	0,58	15	0,55	0	0	2	0,2
Кошка	0	0	0	0	0	0	12	1,1
Барсук	1	0,03	1	0,04	0	0	0	0,0
Лиса	3	0,08	2	0,07	0	0	1	0,1
Сайга		0	0	0,00	0	0	2	0,2
Кабан	2	0,05	2	0,07	0	0	0	0,0
Благ. олень	0	0	6	0,22	0	0	1	0,1
Осел	0	0	0	0,00	0	0	1	0,1
Лошадь	256	6,73	118	4,34	3	0,7	110	9,9
Корова	1114	29,34	802	29,51	29	6,3	433	38,9
Овца	162	4,32	129	4,75	14	3,1	43	3,9
Коза	104	2,74	87	3,20	5	1,1	14	1,3
Овца или Коза	877	23,11	552	20,31	49	10,7	193	17,3
Свинья	291	7,65	216	7,95	7	1,5	76	6,8
Собака	293	7,70	216	7,95	2	0,4	111	10,0
Дельфин	34	0,89	31	1,14	12	2,6	12	1,1
Птицы	146	3,84	137	5,04	9	2,0	36	3,2
Рыбы	480	12,62	397	14,61	320	69,7	58	5,2
Краб	12	0,32	7	0,26	9	2,0	8	0,7
ИТОГО	3803	100,00	2718	100,00	459	100,0	1113	100,0

Таблица 1. Фаунистический состав остеологического материала с некрополя Китея и из слоев поселения

При взгляде на таблицу видно, что фаунистический состав костных остатков из обоих валов совпадает практически полностью. В обоих случаях доля костей лошади менее 10 %, коровы около 30%, мелкий рогатый скот дает в совокупности еще 30%, свинья и собака по 8%, дельфин – около процента, птицы – 4-5%, рыбы – 12-14, краб, который представлен остатками клешней, часто побывавших в огне – около трети процента.

В насыпях обоих «валов» наряду с домашними животными находились дикие – заяц-русак, барсук, лиса, кабан. На данном этапе только в насыпи «вала» № 1 были обнаружены кости благородного оленя. Многочисленны были и кости птиц. Но при этом костные остатки домашней курицы составляли не более четверти от всего орнитологического материала, а подавляющее большинство принадлежало диким птицам, самого разного вида и размера: чернозобой гагаре - *Gavia arctica*, серощекой поганке - *Podiceps griseigena*, малому буревестнику - *Puffinus puffinu*, краснозобой гагаре - *Gavia stellata*, серебристой чайке - *Larus argentatus* и даже болотной сове - *Asio flammeus*. Есть остатки и вполне обычных охотничьих видов: лебеди, гуси, дрофа, однако их меньше.

Анатомический состав костных остатков крупного и мелкого рогатого скота из заполнения «валов» и из слоев поселения римского времени не отличается – и там и там присутствуют практически все части туш животных, в том числе и весьма ценные в пищевом отношении. Однако пропорции между богатыми мясом частями коровы и овцы/козы из заполнения «валов» оказались не равными. Принципиальная схема изменения количества остатков разных частей туши на месте ее разделки и в месте потребления мяса, представлена на Рисунке 1.

В Таблице 2 приведены данные по процентной доле разных категорий остатков и их пищевой ценности для заполнения «вала» № 1, «вала» № 4 и городских слоев римского времени. Эти подсчеты проделывались нами для коровы и мелкого рогатого скота как основных источников мясного питания. И, кроме того, наиболее представительных в количественном отношении.

ФРАГМЕНТЫ ТУШИ	ВАЛ №1			ВАЛ № 4			РИМСКИЕ СЛОИ ГОРОДИЩА		
	ОВЦА			ОВЦА			ОВЦА		
	Утилизационный индекс фрагмента в материале	Утилизационный индекс фрагмента в материале	% фрагмента в материале	Утилизационный индекс фрагмента в материале	Утилизационный индекс фрагмента в материале	% фрагмента в материале	Утилизационный индекс фрагмента в материале	Утилизационный индекс фрагмента в материале	% фрагмента в материале
Череп	12,87	6,3	17,5	12,87	7,4	17,5	12,87	8,9	17,5
Н. челюсть	43,6	17,9	30,3	43,6	28,3	30,3	43,6	19,5	30,3
Атлант	18,68	0,8	9,8	18,68	0,0	9,8	18,68	0,6	9,8
Шейные п.	55,33	1,7	35,7	55,33	3,0	35,7	55,33	5,9	35,7
Грудные п.	46,49	1,3	45,5	46,49	0,4	45,5	46,49	1,2	45,5
Поясн. п.	38,9	4,0	32,1	38,9	2,2	32,1	38,9	2,4	32,1
Ребра	100	10,5	49,8	100	5,2	49,8	100	8,9	49,8
Лопатка	45,06	9,3	43,5	45,06	4,5	43,5	45,06	10,7	43,5
Прокс. плечо	37,28	0,5	43,5	37,28	0,7	43,5	37,28	1,2	43,5
Дист. плечо	32,79	8,5	36,5	32,79	7,4	36,5	32,79	8,3	36,5
Прокс. предплечье	24,3	4,3	26,6	24,3	7,1	26,6	24,3	1,8	26,6
Дист. Предплечье	20,06	1,3	22,2	20,06	1,5	22,2	20,06	0,6	22,2
Запястные	13,43	0,2	15,5	13,43	0,4	15,5	13,43	0,0	15,5
Прокс. метакарп	10,11	2,7	12,2	10,11	3,3	12,2	10,11	3,6	12,2
Дист. метакарп	8,45	1,5	10,5	8,45	1,1	10,5	8,45	1,8	10,5
Таз	47	7,3	47,9	47	2,6	47,9	47	5,9	47,9
Прокс. бедро	80,58	0,3	100	80,58	2,6	100	80,58	3,0	100
Дист. бедро	80,58	0,3	100	80,58	0,4	100	80,58	1,8	100
Прокс. биверцовая	51,99	1,5	64,7	51,99	1,9	64,7	51,99	0,6	64,7
Дист. биверцовая	37,7	3,8	47,1	37,7	4,5	47,1	37,7	2,4	47,1
Таранная	23,08	2,5	31,7	23,08	0,0	31,7	23,08	3,6	31,7
Плечевая	23,08	3,0	31,7	23,08	0,7	31,7	23,08	1,8	31,7
Прокс. метатарс	15,77	3,7	29,9	15,77	5,2	29,9	15,77	3,6	29,9
Дист. метатарс	12,11	2,5	23,9	12,11	1,5	23,9	12,11	1,2	23,9
1я фаланга	8,22	3,3	13,7	8,22	2,6	13,7	8,22	0,0	13,7
2я фаланга	8,22	0,5	13,7	8,22	1,1	13,7	8,22	0,0	13,7
3я копытная фал.	8,22	0,3	13,7	8,22	0,0	13,7	8,22	0,0	13,7

Таблица 2.

Процентное соотношение между частями туш с различной пищевой ценностью на некрополе Китая

* Утилизационные индексы взяты из работ: для коровы - Metcalf, Jones, 1988; для мелкого рогатого скота – Vinford, 1978.

В графической форме результаты выглядят так (Рис. 2). Из полученных графиков видно, что и в заполнении «валов» и в городских римских слоях ситуация с коровой в целом близка к ситуации, которая образуется на месте разделки, а ситуация с остатками мелкого рогатого скота скорее похожа на таковую на месте именно поедания мяса. Хотя в разных местах это сходство проявляется в разной степени.

Ещё один небезыңтересный факт был выявлен при сравнении состава костных остатков животных в насыпи «вала» № 4 и заполнении ям, обнаруженных под ним, впущенных в материк с уровня древнего горизонта.

Материал из ям, обнаруженных под «валом» № 4 имеет совершенно другой фаунистический состав (Таблица 1). Первое, что бросается в глаза – это очень большое количество костей рыб. Особенно много их было обнаружено в яме № 385, которая дала основную массу костного материала и в которой кости рыб составляют без малого 2/3. В других ямах «вала» № 4 костных остатков гораздо меньше, но и там эта пропорция в целом сохраняется. Практически отсутствуют в ямах кости собаки. Остатки млекопитающих в ямах вообще немногочисленны, и никаких других видов, кроме обычных домашних животных в них нет.

Второе отличие состоит в том, что соотношение между коровой и мелким рогатым скотом среди остатков из ям совершенно иное, чем в заполнении валов. В них доля остатков крупного и мелкого рогатого скота почти одинакова, а в ямах корова составляет лишь половину от остатков домашних каприн. Примечательно, что в городских слоях Китая римского времени пропорция обратная: там именно корове принадлежит в два раза больше фрагментов, чем овцам и козам. Судя по анатомическому составу костей млекопитающих в ямах, они почти целиком представляют собой остатки малосъедобных частей туш. Это обломки черепа и зубы, дистальные концы конечностей, изредка ребра и единичные обломки трубчатых костей, на которых могло быть пригодное в пищу мясо.

Необходимо отметить, что костные остатки, обнаруженные в ямах, могли быть не только остатками поминальных трапез, но и приношениями (жертвоприношениями) хтоническим богам. В этом случае значимым для тех, кто совершал ритуал, могла быть и семантическая нагрузка приносимого в жертву, принадлежность животного к хищникам или травоядным, диким или домашним, среда его обитания (небо, земля, вода), наконец те части его тела, которые использовались при совершении ритуала. При анализе фаунистических остатков с некрополей Илурата и Китая уже было замечено, что туши животных разделялись где-то в

другом месте. К месту совершения поминального обряда приносились уже подготовленные части, главным образом – голова и конечности, не очень богатые в мясном отношении или вовсе несъедобные части (Каспаров, 1996. С. 39). Но, то, что использовались именно они – не случайно. Возможно, именно эти части тела животных, в соответствии с мировоззрением позднеантичных обитателей Китея, обладали необходимыми по анатомическому коду свойствами.

Этим же можно объяснить присутствие в насыпях обоих «валов» костей собаки, Тем более, что на некоторых из них встречаются следы от ножа. В зольниках античных поселений остатков собаки всегда гораздо больше, чем в обычных городских слоях. Поскольку зольник исполнял функции и некоторого культового объекта (Молева, 2002, С. 74 - 95) – это несомненно не случайно.

Стабильное присутствие в заполнении валов остатков зайца говорит о том, что на него, скорее всего, охотились, и не часто, но регулярно эта дичь являлась поминальной пищей на тризнах. Заяц в античности являлся символом земной ипостаси человеческой жизни (Молева, 2017. С. 88), и, возможно, исполнял какую-то функцию в поминальной ритуальной практике.

Присутствие в них костей барсуков и лис может быть случайным, поскольку эти животные способны рыть норы в откосах погребальных сооружений или приходить на некрополь чтобы питаться остатками тризн.

Странным выглядит и присутствие в насыпях остатков дельфина. Дельфин – побочный продукт рыболовства, который, вероятнее всего, в пищу не использовался, а изредка скармливался собакам и служил источником жира для светильников. Можно предположить, что он попал в этот археологический контекст как обычный бытовой мусор, никак не связанный с погребально-поминальной деятельностью. Но в равной степени присутствие дельфина могло быть не случайным, связанным с его знаковой ролью в данном мифоритуальном контексте. То же самое можно сказать и про диких, не пригодных в пищу птиц.

Та или иная интерпретация фаунистических остатков из «валов» №№ 4 и 1 во многом зависит от принятой версии формирования насыпи: образовалась ли она просто в результате перемещения грунта с городской свалки, насыщенного разновременными материалами и костными «кухонными» остатками, или же их археологический контекст сложился на месте, в результате совершенных здесь ритуальных действий. Скорее всего, имела место некая средняя ситуация. Полностью исключить, что

какая-то часть артефактов и фаунистических остатков уже содержалась в серо-желтом суглинке, использованном для сооружения насыпи нельзя.

Однако состав и, самое главное, процентное соотношение животных, найденных в раскопе XLVI («вал» № 4) и XLVII («вал» № 1) оказался практически идентичен. При случайном перемещении грунта это было бы маловероятно.

Ещё немаловажный факт – различия в составе костных остатков домашних животных в насыпи «вала» № 4 и обнаруженных под ним ямах: двукратное превышение в последних доли мелкого рогатого скота по сравнению с крупным (Табл. 1) и преобладание малосъедобных частей туш (обломки черепа и зубы, дистальные концы конечностей).

Наконец, кроме костных остатков домашних животных и птиц (которые теоретически вполне могли оказаться «кухонными» остатками с городской свалки»), в том же слое оказались кости диких животных, дельфина и диких птиц, которые в пищу не употреблялись и, соответственно, вероятность того, что они также являются «бытовыми отходами», практически исключена. Скорее всего, это следы какой-то обрядовой деятельности на этих погребальных сооружениях.

Всё вышесказанное подводит к мысли о том, что насыпи, «валы» явно искусственные сооружения содержащие в себе артефакты (от IV в. до н. э. до начала V в. н. э.!), и представляют собой сложные конструкции со следами совершавшихся здесь ритуалов – богатых тризн, включающих поминальные трапезы, жертвоприношения животных и вещевые приношения. Грунт для насыпания валов доставлялся из предградья или просто собирался из окружающего почвенного слоя, который изначально мог содержать обычные бытовые отходы. Однако в процессе ритуальной деятельности на некрополе в эти отложения несомненно попадали и остеологические остатки после тризн, жертвоприношений и поминальных обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

Каспаров А.К. Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурат и Китей//Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб, 1996.

Молева Н.В. Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея // Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.

Молева Н.В. Тандем «заяц-собака» в религиозном мировоззрении древних греков. /Махлаюк А.В. //Артефакты и сакральное в истории Боспора. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2017.

Симонова М.А. Пряслица и грузила в погребально-поминальных комплексах IV в. н. э. юго-западного участка некрополя Китея// Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Спб, 2018.

Хршановский В.А. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины)// Таврические студии № 12 (2017), Симферополь, 2017.

Binford L.R. Bones. Ancient men and modern myths.-New York : AC Press, 1981.

Binford L.R. Nunamiut Ethnoarchaeology.-New York : AC Press, 1978.

Metcalfe D., Jones K.T. A reconsideration of animal body-part utility indices //American Antiquity. Vol. 53, № 3, 1988. P.486 – 504.

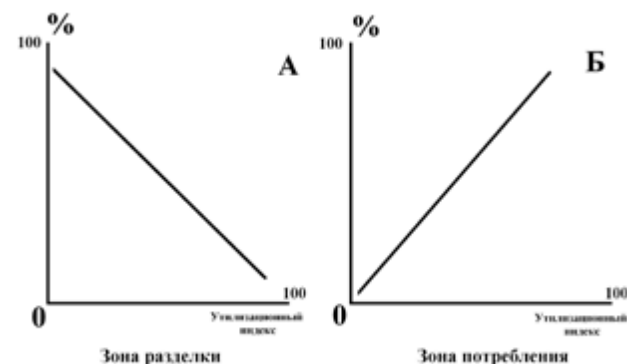

Рисунок 1. Величина доли фрагментов с различной пищевой ценностью в зоне разделки и в зоне непосредственного потребления мясных порций (принципиальная схема)

А – в зоне разделки туши остаются в основном фрагменты мало-съедобных частей. Концевые части конечностей, мелкие кости запястья и заплюсны, хвостовые позвонки, обломки рогов и т.д. Таким образом, чем в принципе выше пищевая ценность фрагмента, тем меньше процент его остатков в костном материале. А чем менее съедобно – тем больше количество

Б – в зоне непосредственного потребления мяса присутствуют главным образом различные области туши, ценные в пищевом отношении: остатки таза, бедра и голени, лопаточная область и др. (Binford 1981). Т.е. чем менее съедобно – тем меньше количество

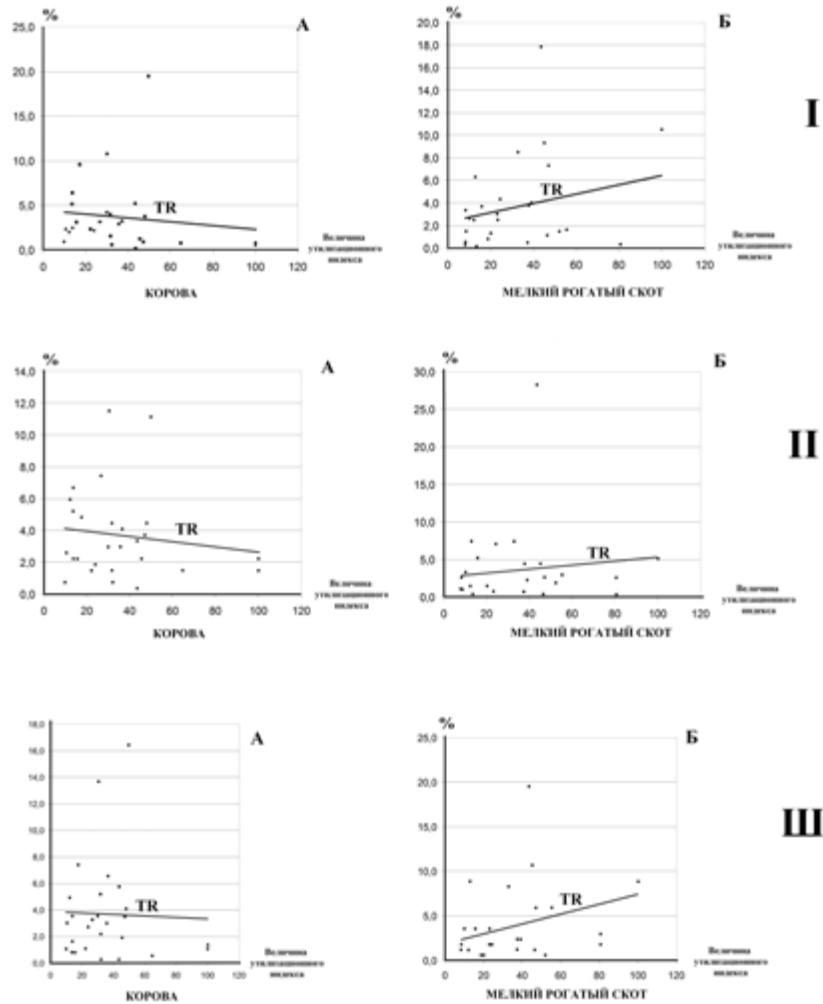

Рисунок 2. Процентное соотношение остатков домашних животных с различной пищевой ценностью в отложениях валов №1 и №4, а также городских слоев Китея римского времени

I – ситуация в отложениях вала №1

II – ситуация в отложениях вала №4

III – ситуация в римских слоях городища Китея.

Видно, что точки на графиках расположены довольно хаотично, но линии тренда, которые отражают принципиальное направление процесса, выглядят по-разному.

Рис. 2, I - А Для остатков коров вала №1 обобщающая линия тренда (TR) показывает в целом уменьшение доли частей с возрастанием их пищевой ценности, т.е. как бы ситуация больше похожа на ту, когда часть мяса потребляется где-то в другом месте.

Рис. 2 I - Б Для овец и коз – наоборот общий тренд показывает увеличение количества фрагментов с возрастанием их пищевой ценности.

Рис. 2 II - А В отложениях вала №4, для коровы тренд отсутствия ценных мясных кусков выражен немного сильнее: наклон линии тренда (TR) несколько больше.

Рис. 2 II – Б Для мелкого рогатого скота присутствие ценных пищевых фрагментов проявляется слабее. Подъем линии тренда (TR) идет под меньшим углом.

Рис. 2 III - А В обычных городских слоях Китея римского времени ситуация с коровой практически нейтральна т.е. линия тренда (TR) идет почти параллельно.

Рис. 2 III - Б Ситуация с мелким рогатым скотом в городских слоях Китея аналогична таковой в заполнении валов и даже более выражена.

КАШАЕВ С.В.
(ИИМК РАН, С-Петербург)¹

НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2. РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ 2003-2018 ГГ.²

Поселение Артющенко-2 и его грунтовый некрополь расположены в южной части Таманского полуострова - на обрывистом берегу Черного моря, между мысом Железный Рог и Бугазским озером в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4-х км к юго-востоку от поселка Артющенко.

Поселение Артющенко-2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок Е.Я. Рогова [Рогов, 2000. с 210]. В 1998-2014 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки [Рогов, 2001. с. 164]. Некрополь расположен к востоку от поселения, он был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд приступил к спасательным раскопкам этого активно разрушающегося некрополя [Кашаев, 2004. с.184].

Местность, где расположен памятник, довольно ровная, она возвышается над уровнем Черного моря на 20-25 м. В рельефе заметны плавные понижения и возвышенности. Остатки поселения расположены на немного возвышающейся гряде, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток. Низина расположенная к северо-востоку от поселения является руслом древнего ручья или небольшой речки, который в древности мог быть источником пресной воды. Границы памятника определены по распространению подъемного материала. В плане контур поселения

¹ Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² Кашаев С.В. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

напоминает прямоугольный треугольник, вытянутый длинным катетом вдоль берега моря по линии запад-восток. Размеры катетов соответственно 1000 и 400 м, площадь поселения – около 20 га.

Вся территория памятника: поселения и некрополя, - ранее подвергалась многолетней распашке. В последние годы распашка не проводится.

Узкая полоса (шириной 20-50 м) вдоль берегового обрыва покрыта степной растительностью (разнотравьем). Она отделена от пахотной части накатанной грунтовой дорогой, которая с периодичностью в несколько лет сдвигается к северу по мере наступления обрыва. В некоторых местах можно проследить две, три колеи старых дорог перерезанных обрывом.

Южная часть памятника повреждена береговым обрывом. Высокий берег, на котором расположен памятник, постоянно разрушается в результате мощной абразии. Характер и интенсивность абразии обусловлены геологическими особенностями данной местности. Основным катализатором этого процесса являются слои серо-зеленой глины, залегающие на глубине 5-10 м и расположенные наклонно в сторону моря. Под воздействием грунтовых вод и собственной тяжести, значительные участки грунта, откалываются от коренного берега и медленно сползают по пластам глины в сторону моря. В процессе сползания они постепенно разрушаются и затем размываются морем. Наибольшие разрушения наблюдаются после очень дождливых зим – весь абзац, мне кажется, затянут. Ввиду столь интенсивного разрушения поселения и некрополя раскопки носили спасательный характер.

С 2009 г. на некрополе впервые стали зафиксироваться следы грабительских работ, за 2009-2013 гг. было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности большинства из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разоренных захоронений. Все грабительские шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

В ходе регулярных раскопок 2003-2018 гг. на некрополе была исследована площадь около 5250 кв. м., обнаружено 205 погребений, из которых 17 доследовано за современными грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Проведенные работы и находки, позволили определить хронологию некрополя. Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируют-

ся концом VI в. до н.э. или рубежом VI-V вв. до н.э. Значительная часть погребений относятся к V-IV вв. до н.э., еще часть комплексов к III-II вв. до н.э. Считаем, что некрополь укладывается хронологической рамки V-II вв. до н.э.

В 2015-2018 гг. обнаружено несколько самых поздних погребений относящихся к IV-V вв. н.э. (Погребение 155, 156, 172, 178). Пока не совсем понятно являются ли могилы этого времени единичными или открыт новый хронологический участок.

Безинвентарные захоронения сложно датировать точно. По косвенным признакам – ориентации и сохранности костяков, можно утверждать, что они, скорее всего, относятся к разным периодам функционирования могильника, но не выходят за обозначенные хронологические рамки. Предположительно, могилы с восточной ориентацией относятся к более раннему времени, а с южной и северной – к более позднему.

Исходя из имеющейся на данный момент информации, можно сделать предположение о границах, размерах и топографии развития некрополя. На площади памятника разбита сетка с размерами квадратов 4 x 4 м. С юга на север идут линии квадратов обозначенные буквами от А до Ш. С запада на восток - линии обозначенные цифрами 14-1 и 1'-40'.

Южная граница памятника образована береговым обрывом. В зависимости от его конфигурации она проходит по квадратам линий А и Б.

Северная граница пока условно зафиксирована на линии квадратов Ш, она проходит более чем в 100 м от берегового обрыва. Там расположен самый северный грабительский шурф с останками захоронения (ГШ 35). Как далеко на самом деле памятник распространяется на север пока судить сложно.

Западная граница проходит по линии квадратов 10. Она образована серией погребений расположенных по линии север-юг (Погребения 24, 25, 27, 28, 32, 82, 83, 88). К западу от этой линии раскопан участок площадью около 350 м кв., на котором захоронений не встречено.

Восточная граница, как представляется, проходит по линии квадратов 25'. К востоку от нее раскопан участок площадью около 500 м кв., на котором нет захоронений.

На обозначенной таким образом площади находятся погребения V-II вв. до н.э. и несколько комплексов IV-V вв. н.э. При этом могилы V-IV вв. до н.э. располагаются на всей площади участка, но концентрируются в западной части. Могилы III-II вв. до н.э. преимущественно сосредоточены в восточной части. Таким образом, можно предположить, что некро-

поль V-II вв. до н.э. развивался преимущественно с запада на восток и северо-восток. В более поздний период в восточной части исследованного участка были совершены захоронения IV-V вв. н.э.

Как уже отмечалось, между линиями квадратов 25' и 31' расположен пустой участок. Восточнее линии 31' идут погребения первых веков н.э. Одно такое погребение было нами раскопано на краю обрыва, и еще шесть разрушенные абразией, были исследованы на береговом склоне в поврежденном состоянии.

Предположительно, на этом месте расположен некрополь (участок II-III вв. н.э. Пока не понятно, сохранилось от него что-нибудь (полноценные раскопки тут пока не проводились) или он уже полностью уничтожен абразией. Непонятной остается и его связь с захоронениями IV-V вв. н.э. обнаруженными западнее, составляют ли они единый некрополь или являются двумя разными? Надеемся, в ходе дальнейших работ ситуация прояснится.

В любом случае, пока наблюдается следующая тенденция – на западном участке располагаются наиболее древние погребения V-IV вв. до н.э., восточнее погребения III-II вв. до н.э., еще восточнее - II-III вв. н.э. Скорее всего, еще восточнее (ближе к поселению Артющенко-1) будут располагаться захоронения IX-X вв. н.э.

Косвенным подтверждением этого предположения являются находки нескольких погребений разрушенных абразией и грабителями, на участке обрыва между некрополем Артющенко-2 и поселением Артющенко-1.

Проводя анализ участков некрополя, с точки зрения хронологии, интересно понять какое население их оставило. На поселении Артющенко-2 есть находки и хозяйственные ямы, как V-IV так и III-II вв. до н.э. Скорее всего, именно это население оставило большую часть захоронений данного времени.

На расположенном восточнее поселении Артющенко-1 (Бугазское) так же имеются комплексы V-II вв. до н.э. По мнению Ю.А. Виноградова жизнь на этом поселении имела сезонный характер [Виноградов 2018. с.272]. Не исключено, что при сезонном проживании люди могли там умирать, и часть погребений на некрополе могла принадлежать жителям Артющенко-1.

Что касается погребений II-III и IV-V вв. н.э., то можно отметить, что находки и объекты этого времени на поселении Артющенко-2 пока не обнаружены, но имеются они на поселении Артющенко-1. Можно предпо-

ложить, что в поздний период именно жители Артющенко-1 проводили захоронения на данном некрополе.

Все исследованные могилы заглублены в грунт, курганных насыпей или надмогильных холмиков не зафиксировано. Поверхность памятника ранее распаивалась, если когда-то и были надмогильные сооружения, то они уничтожены. Удалось зафиксировать погребальные сооружения нескольких основных конструкций:

- Сырцовые гробницы (склепы, ящики) заглубленные в землю (Погребение 7, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47, 64, 65, 66, 67, 69, Г3, Г10, Г12, Г13). Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Конструкции стен, полов и перекрытия склепов, как представляется, имеют несколько вариантов исполнения.

- Грунтовые ямы с перекрытием (Погребение 17, 101, 137, 176, Г8 и др.). Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Перекрытие, чаще всего, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Изредка нам удавалось обнаружить следы древесного тлена или фрагменты обугленных досок, оставшихся от перекрытия. Встречено так же каменное перекрытие. В этом случае могильные ямы были перекрыты плоскими каменными плитами.

После захоронения в могилах с перекрытием имелось небольшое свободное пространство над телом. Это приводило к тому, что после разложения мягких тканей кости скелета могли быть смещены. Например, в Погребении 176 череп находился на груди.

- Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием (Погребение 43, 102). Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей.

- Простые грунтовые ямы без перекрытия. В таких могилах при захоронении тело сразу засыпалось грунтом. Следовательно, отсутствовало свободное пространство над телом усопшего. У таких погребений наблюдаются две особенности: это несдвинутые со своих мест кости и слегка «подогнутое» - прижатое к телу, - положение черепа. Такие факты свидетельствуют о том, что некоторые могильные ямы были относительно небольшого размера, и тело покойного по длине в них не помещалось.

- Подбойные могилы (Погребение 76, 141, 153, 171, 173, 186, 187). Чаще подбой закладывался сырцовыми кирпичами, иногда для этого использовали плоские камни или стенки амфор.

- Детские захоронения в амфорах (Погребение 53, 72, 97, 99, 105, 111, 118, 120, 181). Такие погребения, как правило, совершались в туловах амфор. Для помещения тела внутрь, у амфор отбивали нижнюю часть с ножкой или горло с ручками. Иногда вместо амфор использовали тулова крупных гончарных или лепных сосудов (Погребение 181).

Практически во всех исследованных погребениях захоронение совершено по обряду труположения, встречен лишь один случай кремации, предположительно на стороне (Погребение 47).

Глубина от современной поверхности до дна могил колеблется от 1,0 до 2,0 м, как правило, около 1,5 м. Сохранность скелетов в большинстве случаев можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Наиболее часто положение погребенных встречается вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямо. В редких случаях наблюдаются вариации на их положение – ноги распавшиеся ромбом, кисть руки на тазовых костях, рука согнута в локте. Подробное положение костяка бывает сложно зафиксировать в силу плохой сохранности костей.

Костяки в ранних могилах (V-IV вв. до н.э.) чаще ориентированы головой на восток или северо-восток, редко на запад. Такое сочетание погребений с восточной ориентацией и редкими случаями западной является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н.э. В поздних захоронениях (III-II вв. до н.э.) костяки чаще ориентированы головой в южный и восточный сектора [Кашаев, 2009, с.188–267; Кашаев, 2010, с.88–96].

По половозрастному признаку можно выделить следующие виды захоронений:

- Индивидуальные погребения мужчин (Погребение 13, 34, 40, 64, 65).

- Индивидуальные погребения женщин (Погребение 3, 6, 16, 17, 45, 47, 66, 67, 69).

- Парные погребения мужчины и женщины (Погребение 10, 21, 24, 25, 27, 28, 83, 124, 136).

Все эти захоронения совершались, как в грунтовых могилах, так и в сырцовых склепах.

- Погребения женщины и ребенка. Пока они встречены только в грунтовых погребениях. Возраст детей при этом колеблется от рождения и примерно до 3-5 лет. Младенцев в этом случае могли помещать в амфоры (Погребение 114, 166) или просто укладывали рядом с телом матери (Погребение 103).

- Погребения детей. Младенцев хоронили в амфорах, подросших детей в грунтовых могилах (Погребение 12, 20, 101, 142, 180), в одном случае в сырцовом склепе были похоронены два ребенка (Погребение 44).

- Кенотафы. Символические захоронения, в которых присутствует инвентарь, но не было тела погребенного. Зафиксированы только в грунтовых могилах (Погребение 30, 35, 89, 90).

На основании материалов полученных при раскопках можно выделить основной набор погребального инвентаря, который согласно обряду клали умершему, и мужчинам и женщинам. В него входило по одному какому-либо сосуду от каждой группы:

- Сосуд для вина - амфора, ойнохоя, кувшин.

- Сосуд для пищи - миска, чернолаковая чаша на ножке, миска одноручник.

- Сосуд для питья - чернолаковый килик, скифос, канфар.

- Сосуд для благовоний - лекиф, аск, амфориск, алабастр.

Помимо основного набора мужчинам клали оружие – мечи, копья и стрелы; предметы конской упряжи – ворворки, пряжки; орудия труда – ножи, шилья, иглы. В качестве примера можно привести набор находок из мужского Погребения 34 (Рис.1). Женщинам дополнительно клали украшения - подвески, бусы; орудия труда – ножи, иглы, веретена; зеркала; косметические принадлежности. В качестве примера можно привести набор находок из женского Погребения 45 (Рис.2).

Хотя за 16 лет уже проделан не малый объем работы, наши исследования на некрополе далеки от завершения. По сути, пока раскопана небольшая полоса, расположенная вдоль берегового обрыва. Остаются не исследованными северная и восточная часть памятника. Изучением этих участков мы и планируем заняться в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.А. Поселение Артющенко-1 (Бугазское) на Таманском полуострове. Итоги археологических исследований 1998–2017 гг. // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб. 2018. Ч.1 С. 271–277.

Кашаев С.В. Некрополь около поселения Артющенко-2 // Боспор

Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь. 2004. С.184-190.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования Т. XXII Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267.

Кашаев С. В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М., Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.

Рогов Е.Я. Разведки на юге Таманского полуострова //Археологические открытия 1998 г. М. 2000. С. 210-211.

Рогов Е.Я. Работы на юге Таманского полуострова //Археологические открытия 1999 г. М. 2001. С. 163-164.

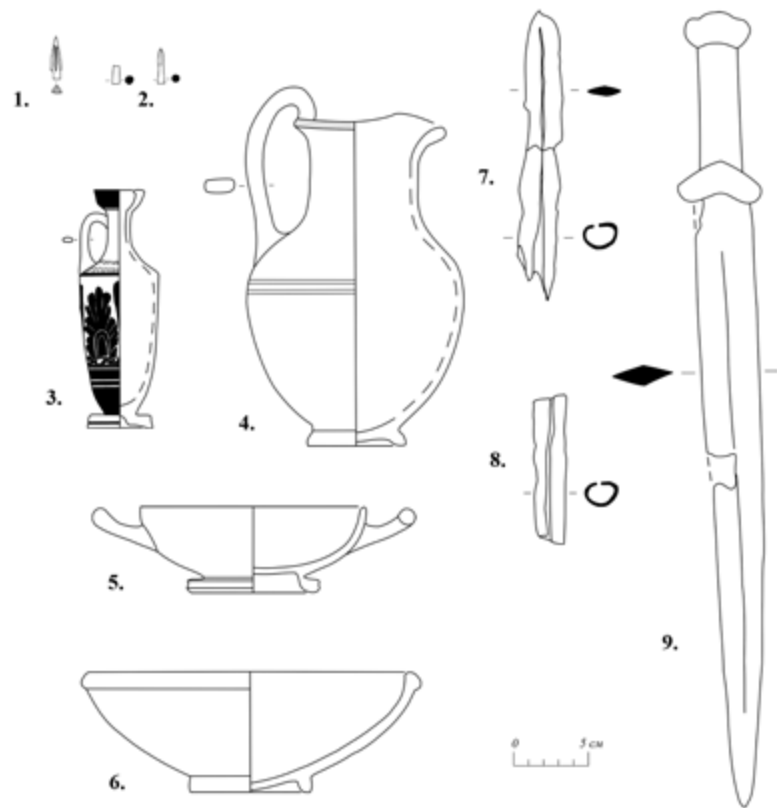

Рис.1. Некрополь Артющенко-2. Находки из мужского Погребения 34. 1- наконечник стрелы бронзовый; 2 - наконечники стрел железные, фрагментированы; 3 - лекиф чернолаковый; 4 - ойнохоя красноглиняная; 5 - килик чернолаковый; 6 - миска красноглиняная; 7 - наконечник копья железный, фрагмент; 8 - вток копья железный; 9 - меч железный

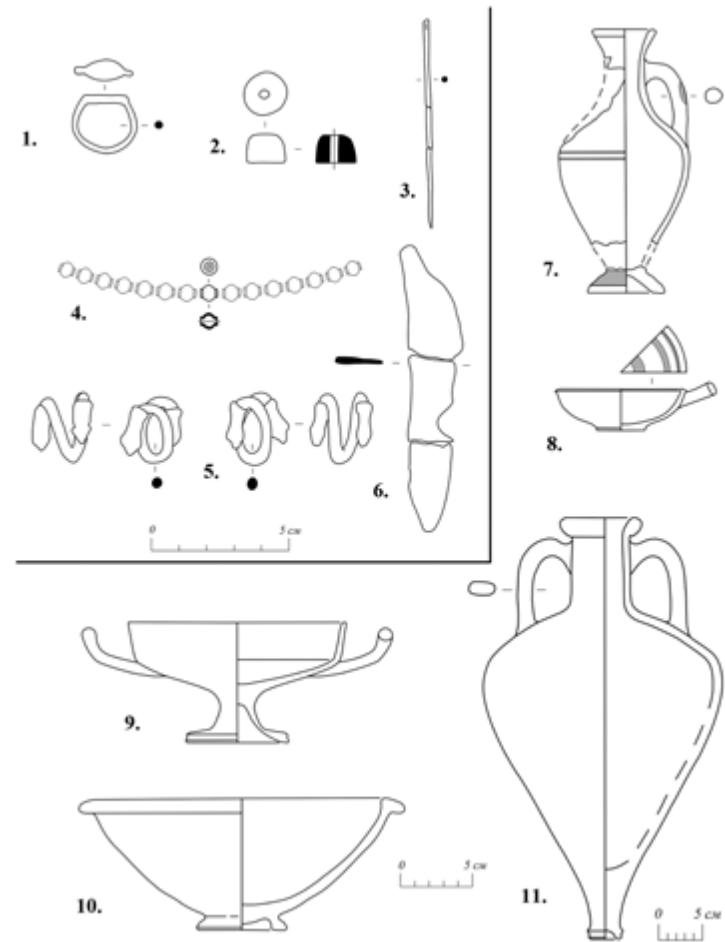

Рис.2. Некрополь Артющенко-2. Находки из женского Погребения 45. 1- перстень бронзовый; 2 - пряслице свинцовое; 3 - игла бронзовая; 4 - бусины серебряные; 5 - подвески спиральные бронзовые; 6 - нож железный; 7 лекиф красноглиняный; 8 - мисочка красноглиняная; 9 килик чернолаковый; 10 - миска красноглиняная; 11 - амфора протофасосская

КЛЕМЕТШОВА М.Е.
(ИА РАН, Москва)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ С ТЕРРИТОРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Лепная посуда античного времени относится к одной из наименее, до последних трех десятилетий, изучаемых категорий археологических материалов. До 50-х гг. XX столетия лепная керамика, происходящая с территории Азиатского Боспора, никогда не становилась предметом специального изучения исследователей. Для дореволюционного периода характерны отдельные упоминания в научной литературе об обнаружении при раскопках «черепков простой грубой посуды». Внимание антиковедов того времени прежде всего к драгоценным или ярким с эстетической точки зрения образцам греческой и варварской культур, эпиграфическим и нумизматическим находкам, полнейшее пренебрежение в силу этого к находкам простой грубой керамики практически не создавало возможности перехода к рассмотрению ее как исторического источника. В большинстве случаев лепные сосуды и, тем более, их фрагменты, не отбирались после раскопок для музейного хранения и не становились частью музейных коллекций.

В советское время ситуация изменилась мало. Эта часть археологических находок крайне редко попадала в отчеты исследователей. Исключение составляли, как правило, обнаруженные целые или почти целые сосуды, которые в отдельных случаях фотографировались или зарисовывались и оставлялись для музейного хранения. В текстах научных работ иногда присутствуют фотографии или рисунки отдельных образцов лепной керамики и их краткое описание. Но изменившееся при советской власти отношение к массовому материалу в археологии как к источнику о жизни и истории рядового и местного древнего населения привело к началу изучения этой его категории, в том числе, и на памят-

никах античного времени. В 20-40-е гг. XX в. появляются первые формализованные описания и специальные исследования лепной керамики по материалам близких к Боспору территорий (Т.Н. Книпович, О.Ю. Круг), публикации, в которых отражены результаты ее изучения при реконструкции исторических процессов (А.А. Миллер, Т.Н. Книпович).

Первыми работами, посвященными рассмотрению собственно лепной посуды античных памятников Азиатского Боспора, являются статьи И.Т. Кругликовой 1950 и 1951 г. о керамике местного производства из Фанагории (Кругликова, 1950, 1951).

В 1960-80-е гг. идет процесс накопления базовой информации о керамике этого региона, прежде всего - ее количестве на различных памятниках, постепенное формирование представлений о необходимости ее систематизации и использовании как источника для получения исторической информации. Во многом это было обусловлено начавшимися многолетними работами на поселениях, где она встречается массово (Горгипия и ее хора, Ильичевское городище, «батареики» в северо-восточной части Таманского полуострова). В этот период отмечается увеличение числа фиксаций находок лепной керамики в научных работах и отчетах, но, в основном, также при обработке и издании материалов памятников, где она встречается в значительном количестве. В 50-80-е гг. создаются первые методики по изучению этой категории находок (1954 г. – работа Б.Н. Гракова о Каменского городище на Днепре с изложением методического подхода к классификации скифских лепных сосудов) (Граков, 1954). Появляются первые отечественные специальные исследования, посвященные лепной посуде памятников античного времени Северного Причерноморья: диссертационная работа Е.Г. Кастанаян – о лепной керамике греческих городов Европейского Боспора (1966), Т.М. Арсеньевой о лепной керамике Танаиса (1970), И.С. Каменецкого – с разделом о лепной посуде меотских городищ Нижнего Дона (1965). В 1974 г. была защищена диссертация К.К. Марченко по материалам лепной керамики Березани и Ольвии, в 1981 г. – диссертация Н.А. Гаврилюк «Лепная керамика степной Скифии». Все последующее время для атрибуции лепной посуды, обнаруженной на памятниках античного времени Таманского полуострова, исследователи, прежде всего, обращались к публикациям первых двух упомянутых авторов (Кастанаян, 1981; Арсеньева, 1965, 1969), указанной выше статье И.Т. Кругликовой, монографии К.К. Марченко (Марченко, 1988), работам о Елизаветовском городище на Дону и меотских поселениях и могильниках Прикубанья, поскольку специальные труды, посвященные лепной

посуде памятников Азиатской стороны Боспора, за исключением статей 1950-1951 гг., до 90-х гг. отсутствовали (даже в виде разделов в обзорной литературе), не говоря уже об обобщающих работах. Вышеназванные издания далеко не всегда при этом оказывались полезными ввиду отсутствия в них значительного числа типов лепной посуды античного времени Таманского полуострова, что в ряде случаев связано с ее иной культурной принадлежностью. Большинство материалов этого периода вообще не введено в научный оборот, многое полностью утрачено, поскольку не фиксировалось ни в графическом, ни в фотографическом виде в отчетах и не сдавалось в музеи.

До настоящего времени ни разу не было попыток создания общей типологии лепной керамики Азиатского Боспора. В период 90-х - 2010-х гг. дважды утверждались темы диссертационных работ по лепной керамике Горгиппии и Фанагории (по различным причинам не были завершены). В 1995 г. защищена диссертация Е.А. Бегловой, в которой изложена типология лепной и круговой меотской посуды поселений и могильников, главным образом, левобережья Кубани (Беглова, 1995). В 2003 г. – диссертация А.М. Новичихина (Новичихин, 2006), содержащая раздел с описанием лепной керамики из некрополей, в том числе расположенных в юго-восточной части Азиатского Боспора. В 2005 г. защищена докторская диссертация В.Р. Эрлиха (Эрлих, 2007), в которой подробно рассмотрены типы протомеотской посуды. В 2015 г. была издана монография Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2012), с описанием типологии и хронологии меотской лепной посуды VI-V вв. до н.э. из могильников правобережья Кубани. Именно эти работы позволяют сейчас осуществлять поиск аналогий и места значительной части лепной посуды, обнаруживаемой на Азиатском Боспоре, в типологическом и хронологическом ряду древностей Прикубанья.

В 1990-х гг. выходят две монографии Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1991, 1997) по материалам многолетних раскопок Горгиппии и ее хоры, где опубликован ряд лепных сосудов в составе различных датированных комплексов и дана их краткая характеристика.

С начала 2000-х гг. появляется ряд статей, посвященных непосредственно лепной керамике из последних раскопок различных памятников Азиатского Боспора (Виноградов, 2006; Кашаев, 2007; Камелина, 2009; Стоянов, 2009), и публикаций, включающих ее в том числе (Виноградов, 2002; Стоянов, 2010; Рогов, Кашаев, Форназир, 2005). Это, видимо, нужно в большей степени связывать с желанием исследователей более полно

опубликовать и осмыслить материалы изучаемых памятников, чем с увеличением объемов археологических работ в целом в этот период.

С 2010-х гг. проводятся первые археометрические исследования лепной керамики Азиатского Боспора (список работ указан: Клемешова, 2018, с. 220), появляется первая (после 1951 г.) подробная классификация лепной посуды одного из греко-варварских памятников юго-восточной его части (Клемешова, 2017). Впервые начаты исследования технологии ее изготовления с помощью бинокулярной микроскопии по методике, разработанной А.А. Бобринским (Камелина, 2018; Клемешова, 2017, 2017а, 2018а, Клемешова, Ломтадзе, 2018). По итогам изучения исходного пластичного сырья и составления формовочных масс керамики поселения Вестник-1 выделена местная традиция ее производства (Клемешова, 2017, с. 270). Проводится исследование технологических особенностей изготовления керамики позднего бронзового века Таманского полуострова с целью установления наличия или отсутствия преемственности между гончарными традициями его населения догреческого времени и периода греческой колонизации (Клемешова, 2018б; Вальчак, Клемешова, 2018). Публикуются новые материалы из раскопок последних лет в Фанагории (Кузьмина, Камелина, 2015, 2016).

Итак, итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора к настоящему времени можно охарактеризовать следующим образом:

- очень слабая изученность в целом этой группы материала;
- отсутствие полной классификации с типологией и хронологией встречаемых на Таманском полуострове образцов лепной посуды;
- отсутствие публикаций коллекций лепной керамики большинства памятников Таманского полуострова из старых и новых раскопок;
- отсутствие четкого представления о том, каким этническим и культурным группам принадлежит обнаруживаемая в этом регионе лепная керамика и о ее хронологии;
- невыделенность форм лепной посуды синдов, хотя большинство исследователей весь Азиатский Боспор или, по крайней мере, его центральную и юго-восточную часть относят к территории Синдики;
- начало апробации различных методик исследования этой керамики;
- публикации ряда материалов из раскопок последних лет;
- получение первых результатов исследований в виде начального представления о формах сосудов, бытовавших на Азиатском Боспоре, аналогиях им в других регионах, их хронологии, технологии изготовления и выделение местной гончарной традиции изготовления керамики;

В перспективе видятся важными, прежде всего, полные публикации лепной посуды из старых и новых коллекций с целью создания в дальнейшем сводной классификации форм и хронологии сосудов; дальнейшее изучение керамики опробованными методиками и определение комплекса тех, которые подходят для решения различных задач при изучении именно этой группы материала; определение направлений исследований при ее изучении; в качестве одного из них – выделение форм керамики синдов и других групп древнего населения. Учитывая большое количество нового материала, полученного в результате новостроечных работ последних двух десятилетий, это представляется вполне возможным.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М. 1991.
- Алексеева Е.М.. Античный город Горгиппия // М. 1997.
- Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды // Древности Нижнего Дона. МИА. 1965. № 127.
- Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // Античные древности Подонья –Приазовья. М. 1969.
- Беглова Е.А. Керамика Закубанья VI-IV вв. до н.э. как исторический источник. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1995. //Архив Института археологии РАН, Ф. 1, Р. 2, № 2587.
- Вальчак С.Б., Клемешова М.Е. Результаты анализа формовочных масс керамики из курганного могильника Уташ в Краснодарском крае // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Карачаевск. 2018. С. 50-52.
- Виноградов Ю.А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1. С. 69-77.
- Виноградов Ю.А. Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. Спб. 2002. № 4. С. 63-68.
- Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. М. С. 70-72.

Камелина Г.А. Лепная керамика из раскопок поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2009. С. 155-160.

Камелина Г.А. Лепная керамика поселения Голубицкая 2 // XIX Боспорские чтения. Симферополь-Керчь. 2018. С. 192-198.

Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л. 1981.

Кашаев С.В. Лепная керамика из некрополя Артющенко 2 // Записки ИИМК РАН. № 2. 2007.

Клемешова М.Е. Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010-12 гг. (по данным технико-технологического анализа) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 249-264.

Клемешова М.Е. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. 21. М. 2017а. С. 228-240.

Клемешова М.Е. Традиции и инновации в изучении лепной керамики античного Боспора // XIX Боспорские чтения. Симферополь-Керчь. 2018. С.219-223.

Клемешова М.Е. К вопросу о возможных греческих традициях изготовления лепной керамики (по материалам раскопок поселения Ильич-1 в 2015-2016 гг.) // Культурный слой. Ред. Е.А. Молев. Вып. 5. Н. Новгород, 2018а. С. 74-90.

Клемешова М.Е. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Ильич-1 // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Карачаевск. 2018б. С. 207-210.

Клемешова М.Е., Ломтадзе Г.А. Некоторые особенности керамического комплекса конца II – I вв. до н.э. поселения Ахтанизовская-4 // Боспорский феномен. Материалы научной конференции. Ч.2. Спб.. 2018. С. 310-317.

Кругликова И.Т. К вопросу о негреческом населении Фанагории (по материалам местной керамики) // ВДИ. 1950. № 1. С. 101-112.

Кругликова И.Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 1951. № 19. С. 87-106.

Кузьмина Ю.Н., Камелина Г.А. Лепная керамика из объекта 464 в Фанагории // ПИФК. 2015. № 1. С. 295-301.

Кузьмина Ю.Н., Камелина Г.А. Лепная керамика Фанагории из комплексов конца VI — начала V в. до н.э. // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М. 2016. С. 6-63.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар. 2012.

Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики) // Л. 1988.

Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников) // Анапа. 2006.

Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. 2005. Симферополь, Керчь. № 8. С. 177-217.

Стоянов Р.В. Лепная керамика второй половины III – первой половины II вв до н.э. из раскопок поселения Артющенко I (1999-2006 гг.) // БИ, 2009, вып.22. С. 268-282.

Стоянов Р.В. Материалы конца VI-начала III вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова // Античный мир и археология. 2010. вып.14. Саратов. С. 218-237.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М. 2007.

КОЛЕСНИКОВ А.Б.
(Москва)

НОВЫЕ ГЕРАКЛЕЙСКИЕ МАГИСТРАТЫ

В текущем столетии появилось много работ в области гераклейской керамической эпиграфики. Наиболее масштабным трудом по этой теме стал каталог клейм из коллекции Керченского музея, изданный Н.Ф. Федосеевым. По-прежнему актуальной остается проблема уточнения списка имен гераклейских магистратов, продолжается работа и по выявлению новых имен.

Гераклейские клейма трудны для чтения, нередко они неполно пропечатаны, сдвоенны и смазаны. Недоучет этого фактора часто является причиной ошибок при восстановлении их легенд.

1. Характерный пример – новый магистрат Клеон (Рис. 1, 1-3)

В 1980 году И.Б. Брашинский (Брашинский, 1980, № 430, Табл. XXIX) опубликовал найденное на Елизаветовском городище ретроградное клеймо, уверенно прочитав во второй строке имя нового, по его мнению, магистрата Κλις. (Κλεις.). Имя вошло в опубликованный В.И. Кацем список гераклейских магистратов (Кас, 2003, 2007).

В 2005 г аналогичный оттиск с Белозерского городища с чтением В.И.Каца опубликовала В.П.Былкова (Былкова, 2005, № 415). Сопоставление этих двух экземпляров позволяет установить причину первоначального ошибочного чтения. Елизаветовское клеймо, отпечаталось не совсем четко, оно еще частично сдвоено. Сдвоенный эпсилон в конце второй строки был принят И.Б.Брашинским за две буквы - йоту и сигму-отсюда и имя магистрата ΚΛΙΣ.

Это же белозерское клеймо было рассмотрено в 2016 в статье С.Ю. Монахова (с. 359), где он дает правильное чтение второй строки ΕΠΙΚΛΕ.

Еще один аналогичный оттиск с верным определением имени магистрата опубликовал в 2016 году Н.Ф. Федосеев (№ 529). Однако, ошибочно считая свой штамп новым, он упустил две прямые аналогии, опубликованные ранее. Причина та же - автор не увидел sdвоенности в надписи. Отсюда и ошибка в чтении имени фабриканта, но оно не было восстановлено и другими исследователями.

Итак, опубликовано три клейма с именем магистрата в сокращении КЛЕ, оттиснутых одним штемпелем. Назовем его условно 1. Устанавливается и фабрикант - это Амфистрат в сокращении ΑΜΦΙΣΤΡΑΤ (Рис. 1, 1).

В 2017 г. В.И.Кац в статье «Уточнение списка магистратов Гераклеи Понтийской», игнорируя новые данные, продолжает отстаивать свое ошибочное определение имени магистрата как ΚΛΙΣ-ΚΛΕΙΣ. По-прежнему в штампе 1 В.И. Кац вместо трех видит пять букв. Эти же буквы, но уже вместо семи, он усматривает и в другом, опубликованном Н.Ф.Федосеевым новом клейме (Кац, 2017, с. 201; Федосеев 2016, № 528) на амфоре из Мирмекия.

Рассмотрим этот штамп (назовем его 2) (Рис. 1, 2). Оттиск sdвоенный, вторая строка пропечаталась неполно, особенно правая ее часть, где три предпоследние буквы почти не видны. Эти факторы послужили причиной ошибочного чтения, в четырех публикациях (Федосеев, 2016, № 528; Монахов, 2016, с. 360; Монахов, Кузнецова, Федосеев, Чурекова, 2016, с. 166; Кац, 2017, с. 201. Легенда была восстановлена авторами как ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ/ΕΠΙΚΛΕ (---). Однако, на мирмекийском клейме видно, что после КЛЕ буквы были, поэтому и скобки после эпсилона должны стоять квадратные, а не круглые. Во-вторых, в конце первой строки виден эпсилон, следовательно, здесь присутствует перенос предлога. Об этом свидетельствует и другой, опубликованный в своде Н.Ф.Федосеева оттиск (№ 5923), который однако не был верно прочитан.

Лучше сохранившееся клеймо происходит из Фанагории, и сопоставление трех экземпляров позволяет достаточно уверенно восстановить во второй строке имя магистрата Клеона в генитиве (ΚΛΕΩΝΟΣ).

Таким образом, регистрируется имя нового гераклейского магистрата Клеона, а что касается вариантов, где имя сокращено (КЛЕ), то они выполнены другим резчиком.

В 2016 г. Н.Ф.Федосеев опубликовал два клейма нового, по его мнению, магистрата Какеона, но приведена фотография лишь одного оттиска (№ 396) (Рис. 1, 3). Вторая буква определена автором как альфа, но осмотр второго экземпляра (№ 397) показал, что это не альфа, а лямбда.

Таким образом, во второй строке восстанавливается не Какеон, а Клеон, у которого ошибочно вырезана третья лишняя буква – каппа.

В итоге, новому магистрату Клеону принадлежат три штампа, каждому из которых соответствует свой фабрикант.

2. Другой новый магистрат, представлен тремя опубликованными оттисками с ретроградной надписью (Кац, 2015, № 984; Федосеев, 2016, № 357, 2652) (Рис. 1, 4). Первое и третье клеймо не прочитаны, во втором Н.Ф. Федосеев восстанавливает новый штамп магистрата Евтюра, с чем согласились В.И.Кац и Н.А.Павличенко (Кац, 2017, с. 203, Павличенко, Хршановский, 2017, с. 387). В. И. Кац, вдобавок, ссылаясь на Н.Ф.Федосеева, счел возможным попросту убрать из имени магистрата находящуюся после ипсилона йоту. Однако именно эта буква в первую очередь не позволяет принять предложенное чтение. К тому же все известные клейма Евтюра построены по другому принципу (см. Кац, 2017, рис.3, 4). Но, пожалуй, самое главное, что в данном оттиске после йоты следует на тета, а омикрон. Показательно, что это было правильно понято Н.Ф.Федосеевым в непрочитанном им клейме № 2652. В итоге, проведенные наблюдения позволяют уверенно восстановить во второй строке ΕΠΙΕΥΙΟ и зарегистрировать нового гераклейского магистрата, имя которого дано в сокращении. В LGPN на ΕΥΙΟ имеется два варианта ΕΥΙΟΣ и ΕΥΙΟΝ, из них первый значительно более популярен, чем второй.

3. Третьему магистрату принадлежат два неполно пропечатавшиеся рельефные круглые клейма с ретроградной надписью (Рис. 1, 5). Они оттиснуты разными штемпелями. Читаются три имени, два расположены по периметру круга, внутри них еще одно, также по кругу. Первое клеймо приведено в диссертации Б.А.Василенко¹ (1971, с.320, 477), второе - находится в частной коллекции. Сопоставления двух надписей позволяет надежно восстановить легенду. Во внутреннем круге читается имя Героматрия (ΗΡΟΜΑΤΡΙΣ:), сигма и эта разделены двоеточием. По большому кругу помещены два имени, отделенные друг от друга двумя двоеточиями (ΕΓΓΥΑΤΡΟΣ : ΑΙΑΚΗΤΟΣ:).

Айакэс известен по одиночным клеймам как фабрикант конца V-начала IV в. На этом основании Б.А.Василенко предположил, что в рассматриваемом оттиске фигурирует имя нового фабриканта Энгуатра сына Айакэса при магистрате Геромасии. Однако более реальной представляется другая трактовка легенды. Во-первых, правильное чтение первого имени Героматрис, а его именительный падеж свидетельствует в пользу

¹Б.А. Василенко прочитал *Ἐγγυάτρος Αἰακῆτος*: / *Ἡρομάσις* (с. 43, 320).

фабрикантской принадлежности. Что касается Энгуатра, то, вероятно, в его имени пропущен омикрон (Ἐγγυάτ<ο>ρος). А, поскольку оба номена в родительном падеже, то не совсем ясно, которое из них принадлежит магистрату. С определенной долей вероятности имя нового магистрата – Энгуа́тор (Ἐγγυάτωρ) сын Айка́са.

4. Следующий сюжет (Рис. 2, 1-2) посвящен опубликованному Н.Ф. Федосеевым двустрочному ретроградному клейму из Порфмия, по поводу которого он пишет: «Не оставляет сомнений и восстановление имени Μῆτρ[ις] (№673), также отсутствующее в списке магистратов В.И.Каца. Аналогичный оттиск был найден при раскопках Никония и Николаевки» (Федосеев, 2016, с.12)

В таком случае, заключенные в квадратные скобки две последние буквы магистрата и ссылка на Б.А.Василенко означают, что на клеймах из Никония и/или Николаевки читается полное магистратское имя. С этим я не могу согласиться, поскольку фотографии как Б.А.Василенко, так и А.И.Мелюковой (Василенко, 1971, № 352; Мелюкова, 1975, рис. 9, 3) определённо свидетельствуют о том, что имя сокращенно до четырех букв. Еще один оттиск, на котором хорошо видно, что имя магистрата дано в сокращении происходит из Фанагории.

Чтение Н.Ф. Федосеева было принято В.И.Кацем (Кац, 2017, с. 209), но лишь с тем возражением, что ΜΗΤΡΙΣ это не новый магистрат, а только вариант написания имени магистрата ΜΑΤΡΙΣ, доказательством чего по его мнению служат имеющиеся в Гераклее случаи разных вариантов написания одного и того же имени. Эта аргументация несостоятельна, на мой взгляд, с логической точки зрения, поскольку теоретической возможности В.И. Кац придал силу доказательности. Не подтверждается такая возможность и сравнением списка имен фабрикантов и магистратов. Второе имя в клейме магистрата ΜΗΤΡ(---) принадлежит фабриканту ΙΣΤΙΑΙΟΣ, который в остальных случаях известен только с магистратами группы 5А и 5Б (320е -310е гг. до н.э.). Что же касается магистрата ΜΑΤΡΙΣ, то сам В.И.Кац датирует его 360-ми гг. до н. э., т. е. хронологический разрыв столь существенен, что не дает возможности для отождествления этих двух лиц.

Б.А. Василенко в своей диссертации приводит еще одно уникальное клеймо, которого читается ΙΑΚΧΟΥΕ[---]/ ΜΗΤΡΟΔ[---]². Поскольку первое имя принадлежит хорошо известному фабриканту, то второе является магистратским. Синхронистическая таблица, показывающая,

² Василенко первую строку восстановил ошибочно ΙΟΧΟΥΕ. Эпсилон в конце строки на фотографии не виден.

что фабриканты ΙΣΤΙΑΙΟΣ и ΙΑΚΧΟΣ работали исключительно при магистратах группы V позволяет прийти к выводу, что ΜΗΤΡ(...) - это сокращенный вариант от ΜΗΤΡΟΔ[---].

Таким образом, регистрируется новый гераклеийский магистрат наиболее вероятное имя которого (по LGPN) – ΜΗΤΡΟΔΩΡΟΣ.

5 и 6. Груп[---] и Пτο[---] (Рис. 2, 3-4)

В 1980 г И.Б.Брашинский опубликовал (с.117, № 98), но не проиллюстрировал, клеймо, в котором прочитал имя нового, по его мнению, магистрата Крутт(-). Имя было включено В.И.Кацем в список магистратов. Получив от И.Гарлана фотографию этого клейма, В.И.Кац предложил в 2017 г. (с. 201) новое чтение Πυθ(-), оно, на мой взгляд, ещё более ошибочно, чем прежнее.

Обратимся к самому клейму, добавив для полноты картины оттиск того же штемпеля из Фанагории. После предлога В.И.Кац видит пи, у которой левая и правая гаста одинаковой длины. Начнем с того, в гераклеийских клеймах правая гаста всегда короче левой. Плюс ко всему в рассматриваемом клейме к правой вертикальной линии примыкает четко различающееся полукружие. Таким образом, здесь не одна буква пи, а две - гамма и ро. Далее без разночтений следует – ипсилон, на четвертом месте, конечно, скорее пи, чем тета. Нужно отметить, что пи по оригиналу определил и И.Б.Брашинский, что впрочем, видно и на опубликованной фотографии. В итоге в клейме читаются четыре буквы нового магистрата ΓΡΥΠ[---], что по LGPN имеет два возможных варианта дополнения Γρύπων и Γρυπίων.

Однако, В.И.Кац, будучи уверен в правильности своего восстановления Πυθ(-), считает, что этому магистрату принадлежат ещё два клейма, оттиснутые другим штампом и опубликованные Н. Ф. Федосеевым (Федосеев, 2016, № 744, 745; Кац, 2017, с. 201, рис. 2: 4). Н.Ф. Федосеев прочитал имя Πυθ[---], которое и было принято В.И.Кацем. Осмотр оригиналов привел меня к убеждению, что здесь скрывается другое имя. Во-первых, на втором месте не ипсилон, а тау - ее горизонтальная гаста четко видна на фото. Соответственно и четвертая буква - омикрон, а не тета. Дополнительным аргументом в пользу этого является ее меньший размер по сравнению с другими, что в гераклеийских клеймах типично как раз для омикрона, но не для теты.

Приходим к выводу что, в клейме четыре буквы ΠΤΟΙ. По LGPN возможно одно дополнение Πτοιδωρος.

Таким образом, вместо ошибочного ΠΥΘ[---] считаю возможным зарегистрировать имена еще двух новых магистратов Груп[---] и Пто[---].

ЛИТЕРАТУРА

Василенко Б.А. 1971. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V-III вв. до н.э.) дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук – Одесса. // Архив ИА РАН, Р-2, № 2111

Былкова В.П. 2005. Новая находка комплекса амфор на Белозерском поселении // Древности. Том 6. Харьков.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. XVIII. Симферополь-Керчь.

Кац В.И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора. Семибратнее городище: каталог. Саратов.

Кац В.И. 2017. Уточнение списка магистратов, контролировавших керамическое производство в Гераклее Понтийской // Stratum plus. № 3.

Монахов С.Ю. 2016. Еще раз о гераклейских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима // Stratum plus. №6.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. Амфоры VI-II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь, Саратов.

Павличенко Н.А., Хршановский В.А. 2017. Керамические клейма из тризн на юго-западном участке некрополя Китея // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути - товары - отношения. Симферополь-Керчь.

Федосеев Н.Ф. 2016. Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Том 2. Гераклея Понтийская. Керчь.

Кас В.И. 2003. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Black Sea Studies 1. Aarhus.

LGPN - Lexicon of Greek Personal Names // <http://www.lgpn.ox.ac.uk/database/lgpn.php>

Рис.1.

Рис.2.

КОЛТУХОВ С.Г.
(ИАК РАН, Симферополь)

О ВРЕМЕНИ ТРИЗНЫ У КУРГАНА БЕШ-ОБА IV И О ПОЛОВЕЦКОМ СВАТИЛИЩЕ В КУРГАНЕ БЕШ-ОБА IV/1

Курган IV/1, был исследован в 1996 г. в границах курганного некрополя Беш-Оба на территории Белогорского района Республики Крым [Колтухов С.Г., Колотухин В.А., Мыц В.Л. 1997, с. 32 – 33]. Первоначально, его определили как курган – спутник, находившийся в 24 м к востоку-юго-востоку от «царского» кургана Беш-Оба IV [Колтухов, Мыц, 1998, с. 103]. Оба кургана входили в аристократический скифский некрополь, в IV в. до н.э. расположенный у западных границ Европейского Боспора.

Распаханная насыпь кургана IV/1 была округлой диаметром около 20 м и высотой 1,1 м, в юго-западном направлении от нее отходил низкий «язык» протяженностью около 20 м (рис. 1). Грунт насыпи состоял из серого мелкоструктурного чернозема и содержал единичные фрагменты гераклеийских, хиосских, фасосских, мендийских и синопских амфор и обломок лепного лощеного сосуда с гребенчатым декором, характерным для позднего этапа кизил-кобинской культуры. На поверхности погребенной почвы под центром насыпи найдена разбитая синопская амфора (рис.2, 3). Никаких признаков или следов погребений в насыпи и под ней не обнаружено.

Вопрос о времени, не ранее которого был сооружен курган, решается на основе синопской амфоры, конического типа, варианта I-D-1 по С.Ю. Монахову, аналогичный сосуд исследователь датировал 40 гг. IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 147, табл. 101, 1]. Судя по отсутствию погребений, курганом это сооружение не являлась, скорее всего, оно было насыпано в связи с погребально-поминальными действиями у скифского кургана IV или намного позже, в качестве платформы для святилища средневековых кочевников. находка же синопской амфоры, указывает

на время совершения тризны у большого кургана IV, косвенно указывая и на его дату.

В центральной части «кургана» IV/1 под тонким слоем дерна в ходе раскопок четко проявились контуры подпрямоугольной площадки размером 10 x 9 м, сложенной из бутового известняка, ориентированной с северо-запада-запада на юго-восток-восток (рис.1, 2). По периметру она была обрамлена крупными обломками камня. Северо-восточный край имел вид дуги обращенной внутрь. В центре площадки обнаружены обломки половецкого изваяния, разбитого вдребезги, некогда изготовленного из очень мягкого известняка, по плотности лишь немногим превосходящего мергель (рис.2, 2).

В пределах этой же площадки обнаружен датирующий материал - обломки двух средневековых амфор¹. Одна из них относилась к типу византийских амфор с грушевидным корпусом и высокими дуговидными ручками [Günseñin 1989, p. 274–276, fig. 12–14; Волков, 1989, с. 87–91; Волков, 2005, с. 129–130, рис. 9; Масловский, 2006, с. 381–383]. На стенке нанесено крупное граффито (рис.2, 5). Вторая амфора (рис.2, 4) принадлежала к типу херсонесских ангобированных амфор с внутренней бугристой поверхностью [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 83–84]. Как правило, подобные сосуды датируются XIII или XIII – XIV вв. соответственно, так и должно датироваться святилище по археологическому материалу. Учитывая же историческую ситуацию, наиболее вероятным временем его функционирования будет первая половина XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Волков И. В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989. С. 85–100.

Волков И. В. Поливная керамика комплекса Кабарди // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. I. / Под ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: ИД «Стилос», 2005. С. 122–159.

Колтухов С. Г., Мыц В. Л. О топографии и хронологии Аккайского курганного некрополя // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. Вып. 5. С. 99 – 119.

Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2006. Вып. 21. С. 308–472.

Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV - II вв. до н. э. Саратов, Изд. Саратовского университета, 1989. 159 с.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Типолаборатория УрГУ, 1995. 169 с.

Günseñin N. «Recherches sur les Amphores Byzantines dans les Musées Turcs», V. DEROCHÉ et J.-M. SPIESER éd. Recherches sur la Céramiques Byzantine Suppl. BCH XVIII. Paris, 1989. P. 267–276.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Колтухов С.Г., Колотухин В.А., Мыц В.Л. Отчет об охранных раскопках на Аккайском курганном некрополе в 1996 - 1997 гг.// Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. 796, п. № 1222-1223.

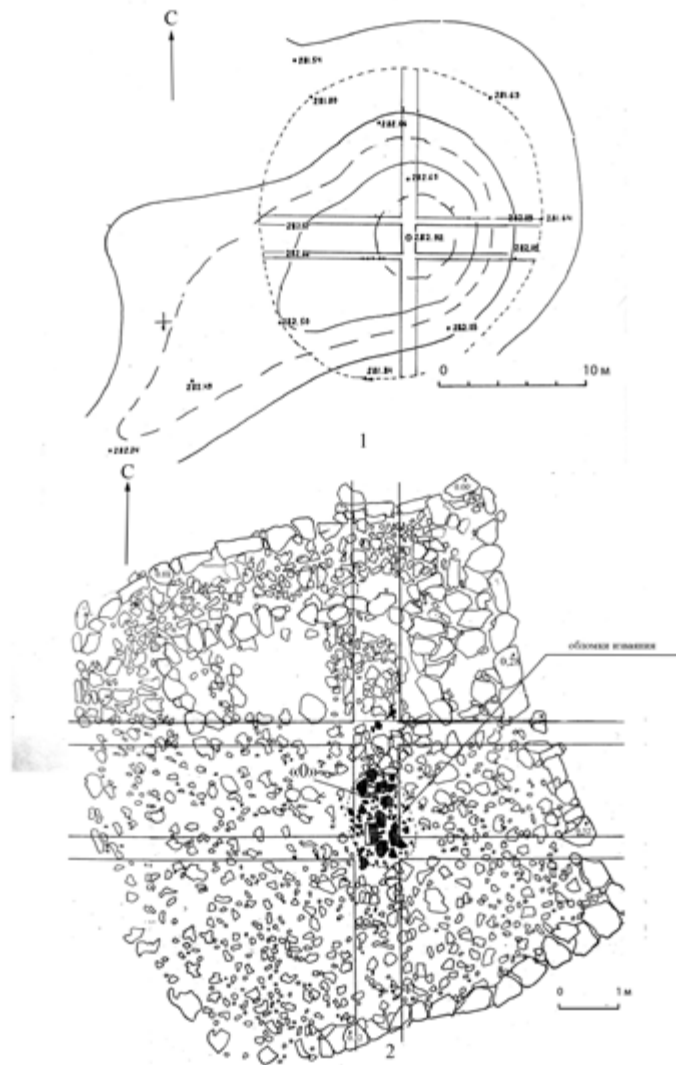

Рис. 1. 1 – план кургана Беш-Оба IV/1. 2 – план половецкого святилища на вершине кургана

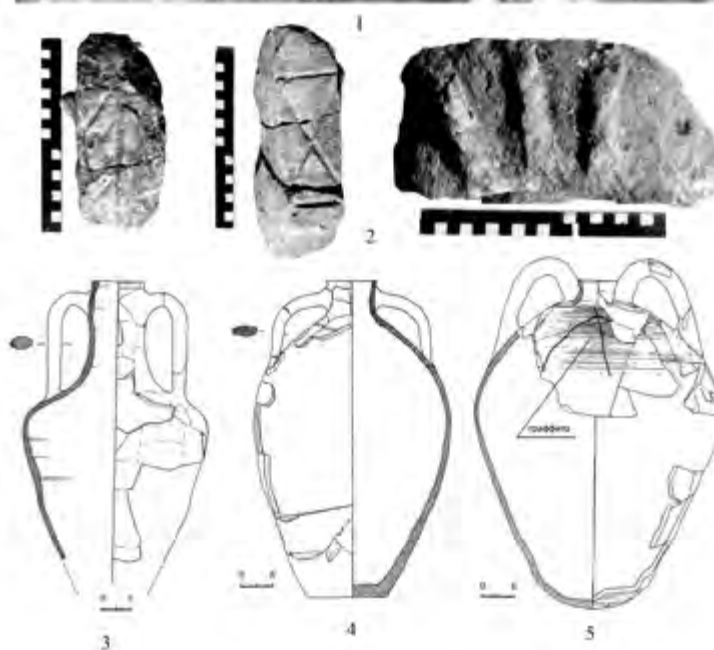

Рис. 2. 1 - каменная площадка святилища, вид с юго-востока. 2 – обломки половецкого изваяния. 3 – синопская амфора. 4 – херсонесская амфора. 5 – византийская амфора

КОРЖЕНКОВ А.М., ЛАРЬКОВ А.С.,
ОВСЮЧЕНКО А.Н., ЗИНЬКО В.Н.
(Институт физики Земли РАНБ, Москва;
НИЦИАК КФУ им.В.И.Вернадского, Симферополь)

СЕЙСМИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ НА ДРЕВНЕМ ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА

Изучение последствий современных сильных землетрясений показало, что стены построек, расположенные перпендикулярно к распространению максимальных сейсмических колебаний обычно наклоняются, выдвигаются или обрушаются в сторону эпицентральной области землетрясения. Стены же расположенные параллельно сейсмическим толчкам тоже деформируются, но в меньшей степени и другим образом.

Систематические деформации удалось наблюдать авторам и на исследованных участках боспорского города Тиритака. Так, например, северная крепостная стена (раскоп № XXVIII) в своем западном окончании наклонилась к югу под углом 75-78° (рис. 1). Азимут простираения стены 110-115°, ее наклон по азимуту 200-205°, строительная конструкция сохранилась на высот до 1.7 м. Это новая (недавняя) часть раскопа. Сама крепостная стена возведена в начале III вв. до н.э.

Нижняя – каменная часть городской стены венчалась верхней, построенной из глиняного кирпича. Эта глиняная часть обрушилась к югу. В стенке раскопа в 2016 г. были видны два эпизода обрушения разделенные зольниками.

Кроме значительного наклона стены в раскопе XXVIII (близ боевой калитки) в ней образовалась «рогатая» сквозная трещина через три каменных блока («рогаткой» вверх, как это видно на рис.2). Подобные трещины формируются лишь при значительном динамическом воздействии: воздействие тарана, взрыв, сейсмические колебания. Вряд ли кем-то использовался таран с внутренней (городской) части стены. Возможные взрывы снарядом и авиационных бомб также не могли произвести описываемую деформацию: стена со всех сторон была защищена

накопившимся грунтом, так что бои Великой Отечественной войны не могли оставить своих следов.

Рядом имеются и другие сквозные трещины через два блока. Кроме трещин здесь также наблюдаются выдвигания каменных блоков наружу (к югу) на 1.5 см, приведшие к образованию открытых зияний в стене. В полу калитки имеется канализационный лоток, на него выдвинулся и слегка развернулся вертикальный ряд каменной кладки.

Выдвижение нижнего ряда каменных блоков южного фаса городской стены к югу имеется и в центральной части раскопа XXVIII. Ее простираение - 110°. Высота выдвинувшегося блока – 1-2 каменных блока (максимум – 40 см). Строительная конструкция выдвинулась на юг на 25 см. В связи с выдвиганием между каменными блоками появилось открытое пространство – зияние. Выдвинутые блоки также наклонились к югу под углом 75°.

Городская стена Тиритаки и поддерживающая ее крепида деформированы на всем своем протяжении. Так в самой восточной части раскопа XXVIII часть крепиды городской стены в верхней своей части повернулась по часовой стрелке, такие же систематические развороты имеют и 4 отдельных камня. Общее простираение непо потревоженной части стены-контрфорса 110°, повернутой - 120°. Отдельные камни развернулись на 20°, 16°, 12°, 24°. Возможно, что и сама городская стена слегка развернулась в том же направлении. В параллельной к городской (к югу) стене имеется поворот всей стены по часовой стрелке на 5°. Азимут простираения непо потревоженной стены 115°, повернутой 120°.

Значительные наклоны вкопанных (изначально вертикальных) плит хозяйственной загородки были отмечены нами в восточной части раскопа XXIX. Их общий азимут простираения 25°, плиты наклонились на восток под углами 75°, 55°, 55°, 55°, 50°, 80°, 75°, 77°.

Необычными повреждениями современных и древних зданий являются систематические повороты строительных конструкций в стенах одинаковых простираений. Подобные деформации были изучены нами в районе СЗ башни города. От нее на ЮВ простираются две параллельные друг другу стены, разделенные двумя цистернами для виноградного сусла. Обе эти стены имеют одинаковые развороты своих частей в средней части конструкций. Эти деформации находятся друг напротив друга (рис. 3), что, конечно же, не случайно.

В средней части северной стены имеется выдвигание ее значительного фрагмента на юг до 30 см. Ширина стены в точке наблюдения

1.1 м. Высота выдвинутой части 50 см. Видно, что над выдвинутым фрагментом каменная кладка имеет более поздний возраст. Вверх по стене величина выдвигания уменьшается. Похоже, что верхняя часть выдвинутого фрагмента стены была разобрана или она обрушилась во время сейсмического события. Общий азимут простираения северной стены 110° , в то время как азимут простираения повернутого фрагмента 105° .

Аналогичное выдвигание к югу видно и на южной стене в средней части каменной кладки и поворот против часовой стрелки верхней части стены. Длина фрагмента до 3 м. Внизу осталась непотревоженная часть стены на высоту в 1-2 ряда каменной кладки. Простираение непотревоженной части стены 110° , повернутого фрагмента - 105° . Высота повернутого фрагмента 2.5 м. Весь повернутый фрагмент немного наклонился на север под углом $80-85^\circ$. Наибольший наклон отмечен нами в нижней части повернутого фрагмента. Таким образом, к описанным деформациям привело колебания верхних частей стен, закрепленных между анкерами: засолочными ваннами, лестницей и перпендикулярной стеной. Направление этих колебаний было под углом к субмеридиональным стенам – по оси ЮЗ-СВ. Стены в нижней части 4-3 вв. до н.э., верхние ряды – 1-2 вв. н.э.

К юго-западу от восточного рыбозасолочного комплекса, упомянутого выше, находится площадь, покрытая квадратными плитами и с колодецем в её юго-восточном углу. Все плиты сильно деформированы: подняты, опущены, наклонены. Края этих плит занимают в настоящее время различное высотное положение друг относительно друга. В центре площади имеется «горб» - общее вертикальное впучивание участка, покрытого несколькими плитами. Колодец, о котором мы упоминали ранее, вероятно был построен для сбора дождевой воды с этой площади и окружающих строений. Однако из-за деформации плит дождевая вода со всей площади не потечет в колодец, как это первоначально планировалось. В настоящее время имеется общий современный наклон всей площади к юго-востоку.

Засолочные ванны имеются и в южном раскопе Тиритаки. Хотя на первый взгляд они имеют хорошую сохранность, странным является наличие дополнительных стен-крепид у юго-восточной общей стены засолочных ванн. Перпендикулярные же стены этих ванн имеют протяженные межблочные трещины на всю оставшуюся высоту стенок (рис. 10). Эти трещины субвертикальные в своей верхней части и наклоняются к СЗ внизу.

Информативным для определения направления распространения максимальных сейсмических колебаний является сплющивание устьев

колодцев или вкопанных пифосов. Так устье одного из вкопанных пифосов в восточной части раскопа № 21 было сплющено по ЮЮВ-ССЗ оси по азимуту 150° .

Структурное положение очагов землетрясений

Для локации очагов землетрясений по археосейсмологическим данным необходима надежная сеймотектоническая основа. Наиболее надежны инструментальные сейсмологические данные о землетрясениях. Период инструментальных наблюдений современного уровня, опирающихся на достаточно чувствительную сеть сейсмических станций, начался в конце 1960-х – начале 1970-х годов. За истекшее время во всем Керченско-Таманском регионе было зарегистрировано лишь несколько слабых сейсмических толчков [Пустовитенко и др., 1989]. Сведения о сильных землетрясениях здесь отсутствуют и для предыдущих 150 лет. Сейсмическое затишье, продолжающееся до сих пор, дало основание для начала строительства АЭС. Позже, в конце 1980-х годов, в районе Крымской АЭС были выявлены общепризнанные геологические и археологические свидетельства катастрофических землетрясений относительно недалекого прошлого, не учтенные при первоначальном проектировании станции. Этот пример наглядно показывал, что использование лишь одних инструментальных сейсмологических данных может привести к серьезным ошибкам. Для регионов с ограниченной сейсмостатистикой главным источником информации о положении очаговых зон сильных землетрясений остаются палеосейсмогеологические данные. Палеосейсмогеологический подход основан на том, что сильнейшие землетрясения далекого, часто доисторического прошлого оставляют на поверхности геологические следы – палеосейсмодислокации [Флоренсов, 1960; Солоненко 1962].

По мере детализации полевых палеосейсмогеологических, геофизических и неотектонических исследований, начатых при участии авторов в 2014 г. [Овсученко и др., 2015; 2017; Рогожин и др., 2015], все более явственно проступает основная особенность Керченско-Таманского региона, которая заключается в обусловленности морфологии современных побережий зонами крупных активных разломов или складчато-разрывных зон, которые и представляют собой наиболее надежную сеймотектоническую основу (рис. 11). Выяснено, что с зонами этих разломов связаны очаги сильных землетрясений, происходивших на протяжении последних 3-х тыс. лет – нами и другими исследователями были собраны многочисленные свидетельства сейсмических разрушений

древности на археологических памятниках самых разных эпох [Блаватский, 1977; Никонов, 2000; Борисенко и др., 1999; Белик и др., 2016; Корженков и др., 2016; 2018; Масленников и др., 2017; Соколова и др., 2017; Толстик, 1999; Molev et al, 2018 и др.].

Выводы

Нам удалось выявить ряд систематических сейсмических деформаций в стенах древней Тиритаки: наклоны, обрушения и выдвигания стен, а также их развороты. В стенах были выявлены протяженные межблоковые и сквозные трещины, деформации плит вымостки, сплюснутые устья вкопанных пифосов, а также следы последующих ремонтов – стены-крепиды (стены-контрфорсы).

По всей видимости, в строительных конструкциях Тиритаки имеются следы сильных древних землетрясений. Возраст первого сейсмического события – середина или конец 3 в. до н.э. Свидетельством чему является наклон городской стены, построенной в начале 3 в. до н.э., а также разрушения стен близ СЗ башни, построенных в 4-3 вв до н.э. Сейсмические колебания распространялись с юга. Судя по степени повреждений и разрушений в древнем городе, сила сейсмических воздействий была не менее $I > 9$ баллов.

Второе сейсмическое событие оставило свои следы в частности в субширотных надстроженных фрагментах стенах близ СЗ городской башни. Они были отремонтированы во 2-1 вв. до н.э. Верхние фрагменты стен систематически развернулись против часовой стрелки. Таким образом, сейсмические колебания распространялись под углом к простиранию этих стен (110°), скорее всего с востока или ЮВ. Судя по степени повреждений и разрушений в Тиритаке, сила сейсмических воздействий также была не менее $I > 9$ баллов. Скорее всего, это было знаменитое землетрясение 63 г. до н.э.

Таким образом, в изучении истории и материальной культуры Припонтийского региона в период античности и средневековья важнейшее значение имеют происходившие сейсмические катастрофы, на следы которых следует обращать внимание при археологических исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове. // *Природа*. – 1977. № 8. – С. 56-57.

Борисенко Л.С., Пустовойтенко Б.Г., Дублянский В.Н., Вахрушев Б.А., Ключин А.А., Ена А.В., Китин М.А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма. // *Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год*. – Симферополь, 1999. – С. 101-132.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // *МИА*. – № 85. – М., 1958.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том II. – Комплексы VI-V вв. до н.э. – Симферополь-Керчь, 2014. – 596 с.

Зинько В.Н. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака // *БИ*, - Вып. XXXI. – Керчь, 2015. – С. 100–109.

Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате. // *Природа*. – 2016. – № 10. – С. 30-38.

Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Сударев Н.И. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым). // *Древности Боспора*. – 2018. – № 22. – С. 115-132.

Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // *МИА*. – 1941. – Вып. № 4.

Масленников А.А., Овсяченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом. // *Древности Боспора*. – Т. 21. – 2017. – С. 265-294.

Моисеев Д.А., Корженков А.М., Овсяченко А.Н. Следы сейсмогенных разрушений черепичной печи средневекового гончарного центра в балке руч. Суаткан (Бахчисарайский район, Крым). // *Геофизические процессы и биосфера*. – 2018. – Т. 17. № 2. – С. 23-47.

Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: Сравнение региональных карт и параметров выявленных событий. // *Физика Земли*. 2000. – № 7. – С. 53-62.

Овсяченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным. // *Вопросы инженерной сейсмологии*. – 2015. – Т.42, № 3. – С. 33-54.

Овсяченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова. // Доклады АН. – 2017. – Т. 472, № 1. – С. 89-92.

Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона. – Киев: Наукова думка, 1989. – 190 с.

Рогожин Е.А., Горбатиков А.В., Овсяченко А.Н. Активные разломы и глубинное строение зоны Керченского пролива // Геология и геофизика Юга России. – 2015. – №1. – С. 63–66.

Соколова О.Ю., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Переплетение торгово-экономического и природного факторов в судьбе античного города Нимфей. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения. XVII Боспорские чтения. Керчь, 2017. – С. 506-516.

Толстикова В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. – СПб.: 1999. – С. 72–75.

Хапаев В.В., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Археосейсмологические исследования в древнем городе Херсонесе (Севастополь, Крым). // Геология и геофизика юга России. – 2016. – № 3. – С. 119-128.

Molev E.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaiia, Kerch Peninsula, Crimea. // Geodesy and Geodynamics. – 2018. – № 9. – <https://doi.org/10.1016/j.geog.2018.03.006>

Рис. 1. Значительный наклон субширотной городской стены на юг. Раскоп XXVIII. Фото 2018 г. Вид с востока

Рис. 2. Сквозная трещина (joint), пробивающая 3 каменных блока насквозь в городской стене (раскоп XXVIII)

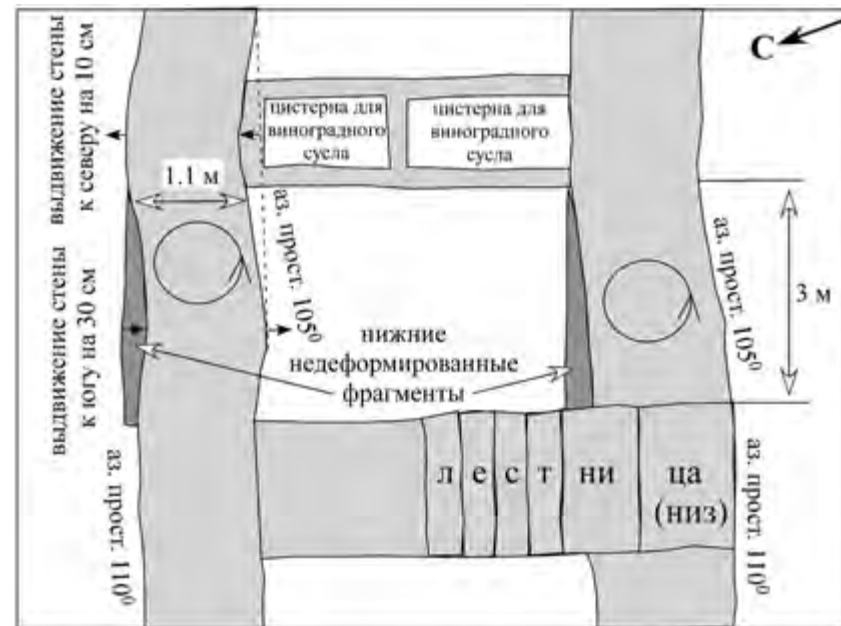

Рис. 3. Схематический план фрагмента северо-западного раскопа XXII (2 цистерны для виноградного сула). Видны развороты субмеридиональных стен против часовой стрелки в своей средней и верхней частях

КРАМАРОВСКИЙ М.Г. , СЕЙДАЛИЕВ Э.И.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург; КИПУ, Симферополь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОКРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА В 2001-2018 ГГ.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа была создана в 1978 г. С момента создания основными задачами экспедиции были изучения исторической топографии городища Солхат (совр. Старый Крым) и культуры населения города и округа (Крамаровский, 2014, с. 138). В период 2001-2007 годов исследования проводились на территории ремесленного поселения Бокаташ и некрополе рядом с поселением. По итогам исследований было установлено, что на поселении проживали христианское тюркское население, о чем свидетельствуют находки христианского культа, например, в одном из погребений была выявлена створка энколпиона сирийского типа. Отметим, что ремесленный пригород специализировался на высокоразвитом гончарном производстве, о чем свидетельствуют находки значительного количества готовой продукции, брака, заготовок и печи для обжига керамических сосудов (Крамаровский, Гукин, 2006; Крамаровский, Гукин, 2007).

Археологические исследования оборонительных сооружений Солхата начались в 2009 г. (работы на этом участке так же проводились в 1993 г., но в основном были сосредоточены на мавзолее, располагавшемся на отроге горы Малый Агармыш). В ходе раскопок были выявлены значительные архитектурно-археологические материалы. Про предварительным предположениям, основанным на данных картографии, аэрофотосъемки, геомагнитной разведки и, что наиболее важно, археологических работах удалось установить конструктивные особенности оборонительной системы Солхата, приблизительную длину стен, количество оборонительных башен и время постройки сооружения (Крамаровский, 2014, с. 139-141). Оборонительный комплекс золотоордынской

столицы Крыма формируется в два этапа: в начале город обносится валом и рвом (1363 г.), а впоследствии строится каменная крепостная стена с башнями (1380-е гг.).

В 2012-2018 гг. работы экспедиции вновь сосредоточились на территории комплекса мечети-медресе Солхата/Крыма и прилегающей к нему территории. Так были доследованы участки за южной и западной стеной. Открыт и исследован отрезок водопровода перед восточной стеной, к югу от портала. В ходе работ 2017 года были исследованы северный и южный айваны, что позволило в значительной степени дополнить данные о конструктивных особенностях старокрымского медресе. К востоку от основного объема Мечети Узбека было локализовано мусульманское кладбище со своеобразными элементами погребального обряда.

В 2015-2016 гг. основные работы были сосредоточены на территории иудейского культового сооружения в южной части городища. Были проведены архитектурно-археологические обмеры, выявлены материалы по планировке и конструктивным особенностям синагоги/кенассы. К сожалению работы не были завершены в связи с расположением памятника на территории частного домовладения (Крамаровский, Сейдалиев, 2016).

В 2016-2018 гг. работы так же проводились на северной окраине городища, связано это было в активизацией интереса к топографии и планировке средневекового города и поиском сооружений, сопровождающих обнаруженную в 2009 г. баню в Георгиевской балке. В настоящее время были выявлены ряд хозяйственных построек (ямы, остатки хозяйственного сооружения, колодец, участки керамического водопровода), относящиеся либо к бане, либо к расположенной неподалеку, еще не локализованной, усадьбе.

Итогом 40-летних работ экспедиции можно так же считать формирование нескольких фундаментальных музейных коллекций. Это массовый керамический и нумизматический материал, архитектурные детали, данные эпиграфики, предметы быта, оружие и орудия труда, украшения, детали одежды и многое другое.

В ходе анализа итогов почти двадцатилетнего цикла работ экспедиции на Солхатском городище, можно определить следующие перспективы работы на территории средневекового города и его округа и следующие первостепенные задачи:

1. Опубликовать итоговые результаты исследований последнего десятилетия, а так же объединить для публикации материалы археоло-

гических исследований 1978-80-х гг. и 2012-2015 гг. на ключевых архитектурных и археологических объектах города.

2. Детализировать и расширить стратиграфию городища, и периодизацию, разработанную на основе анализа строительства средневековых архитектурных сооружений Солхата еще в конце 1980-х гг. (Крамаровский, 1989), с привлечением и публикацией вновь выявленных археологических материалов.

3. Необходимо так же продолжить работы по уточнению и конкретизации этноконфессионального деления города на кварталы, что подразумевает, изучение ряда мусульманских, христианских и иудейских культовых сооружений, что часто сопряжено с определенными трудностями в доступе к ним. Решить эту задачу, в некоторой мере, поможет созданный на территории города на базе Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия «Отдел археологии».

4. Разработать концепцию исследования и продолжить изучение не только города и его ближайшей ремесленной округи, но и дальней сельскохозяйственной округи.

ЛИТЕРАТУРА

Крамаровский М.Г. Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). СПб., 2006.

Крамаровский М.Г. Гукин В.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году. СПб., 2007.

Крамаровский М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: «Славия», 2014.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.

Крамаровский М.Г. Сейдалиев Э.И. Иудаика Солхата-Крыма (археология и история) // Империя и Полис: Материалы научной конференции. VIII Международный Византийский семинар (Севастополь-Херсонес 30.05.-04.06.2016). Севастополь: ООО НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2016. С. 59-60

КРОПОТОВ В.В., КОЛТУХОВ С.Г.
(ИАК РАН, Симферополь)

НОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

В 2018 г. экспедиция Таврического Археологического Общества при участии сотрудников Института археологии Крыма РАН под общим руководством С.Г. Колтухова проводила исследование курганной группы «Чистополье-Северное», находившейся в 2 км к север-северо-западу от ж/д ст. Чистополье Ленинского района Республики Крым. Группа состояла из трех насыпей: двух, расположенных рядом – в 30 м друг от друга, и третьей, отстоявшей от них в 200 м к северу. В ходе работ было установлено, что все три объекта сооружены в эпоху бронзы над основными захоронениями ямной культуры и содержали впускные погребения, относящиеся к эпохе бронзы, раннему железному веку и новому времени. Кроме того, при обследовании кургана 3 был открыт участок грунтового некрополя античного времени, о котором пойдет речь в данном сообщении.

Могильник примыкал к кургану с юга и юго-востока и частично перекрывал его южную полу. Работами 2018 г. вскрыта лишь та его часть, которая попадала в охранную зону памятника и подлежала исследованию. Всего изучено 30 захоронений, получивших общую нумерацию с погребениями кургана 3. Из них 15 были совершены в подбойных могилах (погребения 7, 10 – 12, 15, 16, 20, 24, 27, 28, 31, 33, 34, 36, 42), восемь – в простых грунтовых (погребения 2, 6, 18, 19, 22, 26, 30, 39), шесть – в могилах с «запличиками» (погребения 4, 14, 21, 19, 38, 41) и одна – в плитовой могиле (погребение 5). В тех случаях, когда могилы не разграблены, покойные были уложены в них вытянуто на спине головой на запад (6 случаев) или восток с незначительным отклонением к северу или югу (17 случаев). Погребальный инвентарь отмечен в 19 комплексах. В основном это керамические сосуды, мелкие бытовые предметы и личные

украшения. Их хронологический анализ позволяет разделить открытые захоронения на две разновременные группы.

Комплексы первой группы не многочисленны – к ним, несомненно, относятся лишь погребения 24, 27, 34, 39 и 42. В последних встречены гончарные сероглиняные кувшины с рифленным горлом, чернолаковая мисочка, лепной горшок с биконическим туловом, бронзовые спиралевидные подвески с фигурными окончаниями, трехлопастной втульчатый наконечник стрелы, глазчатые бусы и т.д. Все эти вещи наиболее характерны для конца V – IV вв. до н.э. Два погребальных комплекса (погребения 24 и 42) были окружены разомкнутыми кольцевыми ровиками диаметром до 10 м, в которых обнаружены обломки гераклейских, мендийских, фасосских и синопских амфор, позволяющие сузить датировку этих объектов до второй – третьей четвертей IV в. до н.э.

Захоронения второй группы более многочисленны – в их числе не менее 14 комплексов: погребения 2, 5, 7, 11, 12, 14, 18, 20, 21, 30 – 32, 38, 41. Из них происходят серо- и красноглиняные миски на низком кольцевом поддоне (в том числе сосуды с прижатыми к корпусу ручками), двуручные канфары с выделенным бортиком, кувшины с грушевидным туловом, а также несколько бальзамариев «ногайчинского» типа; некоторые сосуды имеют следы лакового покрытия. Среди других находок следует упомянуть нижнюю часть флакона из «финикийского» стекла, бронзовую монету, лучковую подвязную фибулу I серии варианта 1, железные перстни (на одном из которых сохранилась жуковина из сердолика с резным изображением головы Силена), серебряные и бронзовые серьги, ножи, бусы, бисер и пр. В двух подбойных могилах зафиксированы заклады камер, сложенные из керамических и каменных черепиц (погребения 11 и 12) (рис.1,2). Все упомянутые находки в совокупности датируют вторую группу захоронений в пределах I в. до н.э. – I в. н.э., в ряде случаев эта дата может быть ограничена временем, близким к рубежу н.э.

Интересно отметить, что почти все погребения первой группы совершены в подбойных могилах и ориентированы головами на запад (рис.1,1). Лишь погребение 39 находилось в узкой подпрямоугольной могиле; ориентация погребенного та же. Напротив, захоронения второй группы ориентированы исключительно в восточный сектор. Для их погребения использовались как подбойные могилы, так и погребальные сооружения других типов – могилы с «запличиками», простые грунтовые и плитовая могила. При этом данные могилы, как правило, имели более узкие и тесные погребальные камеры (рис.1,3). Это наблюдение позво-

ляет соотнести с одной из выделенных групп большинство безынварных захоронений раскопанного участка, а также некоторых разграбленные комплексы. В результате спорными в хронологическом плане остаются лишь несколько сооружений.

Характеризуя этнокультурную принадлежность открытого участка захоронений, следует указать на его близость другим аналогичным погребальным памятникам региона, в том числе грунтовым могильникам, расположенным близ Казантипского залива и на Караларском побережье (Золотое, Ново-Отрадное, Белинское и проч.). Данные памятники близки не только по хронологическому положению, но и по типам могильных сооружений. Принимая этот факт во внимание, а также учитывая существующие представления об этнической принадлежности этих некрополей, комплексы первой хронологической группы предварительно можно соотнести со скифским или скифоидным населением хоры Европейского Боспора. Погребения же второй группы, вероятно, следует связать с греками-боспорянами, широко расселившимися в этой части Керченского полуострова в конце I в. до н.э.

Таким образом, исследование курганный группы «Чистополье-Северное» не только пополнило источниковую базу новыми материалами из Восточного Крыма, относящимися к эпохе бронзы и раннему железному веку, но и позволило собрать дополнительные данные об этническом составе населения западной части Боспорского царства в классический и римский периоды.

КУЗИНА Н.В.
(ННГУ, Нижний Новгород)

О САКРАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ БОСПОРСКОЙ ХОРЫ (НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ)

Интерес к религиозным воззрениям сельского населения появился сравнительно недавно, по причине практически полного отсутствия источниковедческой базы. Проводимые с 50-х гг. XX века на территории Крымского Приазовья археологические исследования (И.Т. Кругликова, А.А. Масленников) позволили выявить новые, связанные с сакральной сферой объекты. Значительная их часть расположена на территории Карларского побережья. Здесь раскопано около десятка разновременных сакральных комплексов, располагавшихся как обособленно, изолированно, так и внутри поселений [Масленников, 2007]. При всей интерпретационной сложности, материалы святилищ весьма информативны и позволяют выявить не только особенности ритуальной практики, но и отдельные аспекты мировосприятия сельского населения Крымского Приазовья античной эпохи.

Выбор мест в географическом пространстве для возведения сакральных объектов не был случайным; он обуславливался и эстетикой места, его экспрессивностью, и религиозными переживаниями. Как правило, при возведении сакральных сооружений особое внимание уделялось примечательным объектам природы вблизи поселенческих структур: вершинам сопок, гротам, мысам, источникам воды. В данном контексте учитывались культовые и мифологические традиции. Известно, что горы, вершины посвящали Зевсу, Артемиде, Афине, Аполлону, Деметре, Коре. Мысы и полуострова оказывались связанными с Ахиллом, Посейдоном, Гераклом, Аполлоном, Афиной. Острова — с Ахиллом, Посейдоном, Аполлоном, Зевсом, Афродитой. Ущелья, пещеры, гроты почитались в контексте культов Аполлона, Деметры, Коры, Посейдона

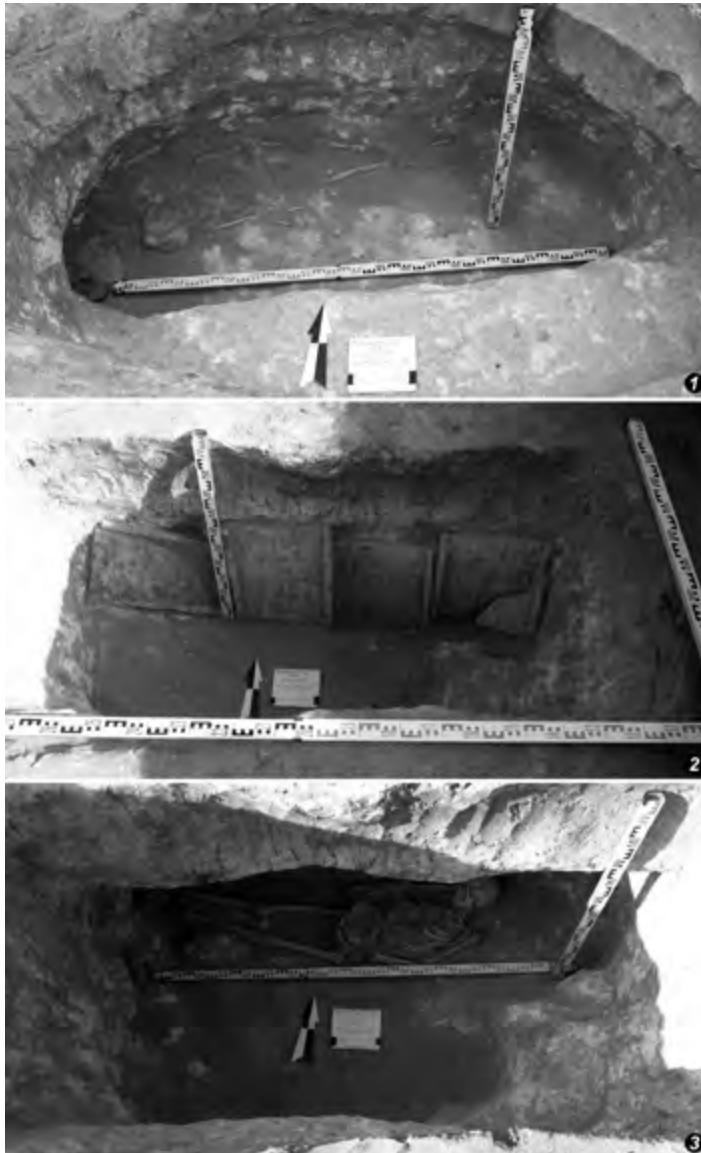

Рис.1. Курганная группа «Чистополье-Северное», курган 3. 1 – погребение 27; 2,3 – погребение 11

[Масленников, 2007, с. 526]. С культовой практикой связываются источники пресной воды, роши, скалы (Paus, I, 1, 1, 3; 5, 4; 12, 5–6; 32, 2, 7; 41, 7; 44, 8–10; II, 2, 8; 35, 4; 4, 6–7; III, 24, 8; VI, 20, 2; VIII, 38, 2–11; X, 4, 3–4. Apul. Flor. I. Xenoph. Memor. III, 8.10). В основе сакрализации природно-географических объектов лежали древнейшие представления, восходящие к первобытным анимистическим религиозным воззрениям, которые являются элементом любой религии. В контексте боспорских реалий консервации архаических черт в религиозных воззрениях населения Северного Причерноморья древнейшие пласты в сакральной практике сохраняли своё длительное бытование. В сознании человека, наделённого архаическим (мифологическим) сознанием географическое пространство и конституирующие, заполняющие его объекты, были частью модели мира. В числе таких «организующих» и «сакрализующих» пространство объектов, помимо прочего [Топоров, 1983, 234], выступали святилища. С гомеровских времён деление пространства осуществлялось в горизонтальной плоскости на пространство обыденное, освоенное, заселённое людьми, упорядоченное, осознанное, подчинённое собственным жизненным ритмам и пограничное, неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания. В вертикальном членении пространство делилось на три уровня: верхнее, мифологическое, земное и нижнее мифологическое. Как отмечал М. Элиаде, всякий микрокосм включал в себя и то, что можно назвать Центром, где священное проявлялось всеобъемлющим образом, при этом количество таких центров могло быть неограниченным. В мифической географии священное пространство — пространство реальное, где сакральное материализовалось в виде культовых сооружений, атрибутов и проявлялось посредством иерокосмических символов (ось мира и её воплощения) [Элиаде, 1994, с. 31–32; он же, 2000, с. 148–149]. В контексте трёхчленного деления Космоса на Небо, Землю и Преисподнюю, такой Центр находился в точке пересечения этих областей. Здесь происходил разрыв уровней и, в то же время, становление связи между этими областями [Тульпе, 2006, с. 105–107]. Предположим, что и сакральные комплексы боспорской хоры, могли выступать в качестве «символических проекций Центра микрокосма», связующих звеньев, конституирующих связи внутри горизонтального и вертикального членения пространства.

Обратимся к анализу семантики сопок, возвышенностей, скалистых мысов и гротов в контексте сакральной практики Крымского Приазовья. На возвышенных плато расположена большая часть исследо-

ванных комплексов, среди них наиболее примечательные: теменос близ городища Генеральское Восточное, святилища в окрестностях поселений Золотое Восточное (вторая треть III в. до н.э. – рубеж эр) и Золотое Восточное в бухте (рубеж эр–первая треть III в. н.э.) и на границах поселения Полянка (II–I вв. до н.э.). Адресаты обрядов, совершавшихся в этих и других сакральных комплексах, в основном женские божества, воплощающие плодоносные силы природы — Афродита, Деметра, Кора, Кибела, в первые века нашей эры синкретическое верховное женское божество и их паредры, среди которых символизирующие цикличность природы Аттис, Дионис, Геракл, конное божество (Аттис, фракийский всадник) [Масленников, 2007, с. 67–408]. Некоторые комплексы не обладают ярко выраженной культовой персонификацией (например, одно из святилищ на плато вблизи поселения Полянка). Однако и в этом случае тема плодородия являлась ведущей [Масленников, 2007, с. 207; Кузина, Масленников, 2015, с. 213–226]. В культурах упомянутых выше божеств преобладали хтонические черты, которые в сакральной практике не только сельского, но и городского населения, сохраняли длительное бытование, что было обусловлено как общей тенденцией к архаизации, присущей боспорской религии, так причинами политического, социально-экономического характера, а также природным фактором. В периоды дестабилизаций и природных катастроф происходило усиление сотерических функций богов, распространение мистических культов, обещавших бессмертие и возрождение [Русяева, 2005а, с. 236–241; Сапрыкин, 1997, с. 85–93]. Отметим также, что в представлениях древних Северное Причерноморье, как и все дальние земли, ассоциировалось с местом обитания хтонических сил. С гомеровских времён запад, где проживали киммерийцы (Hom. Od. XI, 13; 14), мыслился как пограничная территория, отделявшая мифический мир от профанного, место откуда приходила ночь (Hom. Il. XIII, 240–241), где находился вход Аид и Тартар [Фадеева, 2017, 172–177 и сл.]. Освоение такого рода пространства, в сочетании с нестабильностью существования усиливали потребность в божествах с апотропеическими функциями, стоящих на грани миров, способных проникать в мир живых, так и мир мёртвых [Русяева, 2005б, с. 293–309]. Отметим также и присутствие среди почитавшихся в сельских святилищах божеств, обладавших универсальной, космической сущностью. Как показывают материалы боспорских сакральных комплексов и некрополей, культ Афродиты, олицетворявшей стихии неба, земли и воды и пользовался большой популярностью среди боспорян

в период правления династии Спартокидов и достиг своего расцвета в первые века нашей эры. Вотивные терракоты с изображением этой богини часто встречаются среди подношений в сельских святилищах. Отметим также и приношения, несущие солярную символику (например, фрагмент чашки с граффито в виде свастики на дне); вотивы (или фрагменты терракотовых статуэток) в форме рук, держащих шарообразные и круглые предметы; четырёхлучевые и восьмилучевые терракотовые розетки [Масленников, 2007, с. 30–31, 85, 99, 120, 127]. Масленников А.А. допускает, что в святилищах в определенной ситуации могли почитаться боги в их небесной ипостаси [Масленников, 2007, с. 124]. В этой связи можно предположить, что отправлявшиеся в святилищах ритуалы были направлены не только на обеспечение плодородия и связаны с цикличностью природы, но и имели космический характер, направленный упорядочивание связи между мирами в контексте трёхчленной картины мира. С этой идеей согласуется и выбор мест для отправления ритуалов — сопки, возвышенные плато, соотносимые с символикой «горы». Гора в различных мифологических системах выступала в качестве наиболее распространённого варианта трансформации мирового древа, варианта мировой оси. Гора воспринималась как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства и выполняет функции моделирования вселенной. Вершина посвящена богам, низ — хтоническим силам. С этими особенностями соотносятся мотив горы как входа в нижний мир, а параллельный ему мотив входа в верхний мир [Топоров, 1994, с. 311–314]. В сакральных реалиях Крымского Приазовья этот мотив перехода усиливают присутствие пещер, близкое расположение грязевых вулканов и источников с водой, насыщенной серными соединениями, как например, в урочище Сюурташ, а также близость глубоких ущелий, как в урочище Куль-Тепе.

В различных религиозных практиках нередко создавались сооружения ритуального назначения, имитирующие форму горы и перенимающие особенности её структуры и символику её частей [Топоров, 1994, с. 314]. Не исключено, что в данном контексте близкую горе семантику имели зольные холмы разных размеров, интерпретируемые как сакральные объекты [подробно о «зольниках»: Масленников, 2007, с. 408–458]. Привлекает внимание и выбор мест для сооружения некоторых таких насыпей — над расщелинами, естественными скальными провалами (зольник на мысе Зюк рубежа VI–V – конца первой трети III в. до н.э.; зольная насыпь вблизи основной застройки городища Бакланья

скала конца IV–первой половины III вв. до н.э.), по соседству с ущельями, глубокими оврагами (зольные холмы в урочище Куль-Тепе), которые олицетворяли связь с подземным миром и хтоническими силами и могли рассматриваться как граница и переход между мирами. С темой перехода соотносится и ряд находок в виде пряслиц, ткацких грузил, часто встречающихся в зольниках (как в форме холмообразных насыпей, так и распространенных в Крымском Приазовье форме зольных сбросов). Наиболее представительна коллекция такого рода артефактов происходит из зольника (II–VI вв. н.э.) на поселении Сиреневая бухта. Адресаты таких приношений в сельских святилищах далеко не всегда поддаются точной персонификации. В сочетании с вотивами, ассоциируемыми с темой плодородия (моделями фаллосов, вотивными хлебцами), орудия прядения и ткачества несли идею взаимосвязи жизни-смерти, судьбы, рождения, а также нерасторжимой связи нижнего и верхнего миров и могут рассматриваться как «приношения-медиаторы». Как атрибуты, воплощавшие взаимосвязь земного и подземного (хтонического) миров, они усиливали идею перевоплощения жертвы при переходе её в иное качество и состояние в процессе жертвоприношения [Молева, 2017а, с. 61–66; она же, 2017б, с. 51–60; Ковальчук, Кузина, 2015, с. 54–63]. С темой перехода между мирами можно рассматривать и имевшие апотропеическое значение ритуальные захоронения собак («Генеральское–Западное») [Масленников, 2007, с. 419, 442], которые в античном религиозном мировоззрении принадлежали одновременно двум мирам — упорядоченному, символизирующему жизнь и нижнему, хтоническому и считались проводниками в подземный мир [Молева, 2002а, с. 113–116]. Отправление такого рода обрядов было связано с идеей обеспечения неизбежности космического порядка.

Примечательным кажется и расположение сакральных комплексов (святилищ, а также зольников в форме холмов и в форме сбросов) на побережье, на плато (или склонах) приморских мысов. В этом прослеживается не только следование религиозно-мифологическим традициям, но и мотив маркировки границ, в том числе и в символическом значении. В воззрениях древних море (водная стихия), с одной стороны, олицетворяло порождение, было связано с плодородием и изобилием, рождающим лоном, воплощением женского начала и эквивалентно земле. С другой стороны, море, знаменовало и финал, выступая эквивалентом подземного, хтонического мира, а также хаоса [Аверенцев, 1994, с. 240]. В ритуальной практике сельских святилищ Крымского Приазовья с символикой

моря связаны артефакты и экофакты, которые фиксируются практически в каждом из открытых сельских святилищ: это подсыпки из раковин кордиум, тапес на уровне полов помещений, в заполнении жертвенников — «ларей», вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий или морского гребешка; орудия рыболовного промысла — рыболовные крючки, рыбные ножи и иглы для плетения сетей. Раковины моллюсков во многих культурах ассоциируются с женской символикой, в силу их уподобления женскому детородному органу, оказываются сопряженными магическим свойствам женской матки и выражают творческое рождающее женское начало. Благодаря своей животворной силе этот атрибут выступал в качестве воплощения идеи вселенского лона и был связан с темой рождения [Элиаде, 2000, с. 209–216]. В городских сакральных комплексах (например, в Китее) [Молева, 2002б, 95–107; она же, 2018, с. 56–70] и некоторых сельских святилищах (например, в заполнении ларей (жертвенников) восточного комплекса теменоса вблизи поселения Генеральское Восточное) раковины входили в набор приношений, уверенно ассоциируемых с Афродитой [Масленников, 2007, с. 113–118]. Круг морских экофактов, обнаруженных в сельских сакральных комплексах, дополняют находки клешней крабов, которые по смыслу синонимичны раковинам, и как символы изобилия, плодородия сопутствуют не только Афродите Анадиомене, но и Деметре (пример — находки из святилища около поселения Генеральское Западное) [Масленников, 2007, с. 493]. Отметим также и то, что в погребальной обрядности клешни крабов, как и раковины, символизировали водную стихию и наделялись значением медиаторов, связующих земной и хтонической миры [Тульпе, Хршановский, 2002, с. 166]. Вероятно, в этом смысле морские раковины сопутствовали и строительным жертвам (например, на территории теменоса на северном плато урочища Сююрташ) и ритуальным захоронениям собак (например, жертвоприношение собаки яме-ботросе в прибрежной части зольника у поселения Генеральское-Западное), а также присутствовали в составе жертвоприношений в святилищах, где адресат обрядов не был четко персонифицирован (упомянутое ранее святилище на восточном плато на границе поселения Полянка). Раковины двустворчатых моллюсков, будучи связанными с морем, как эквивалентом нижнего мира, хаоса, в то же время ассоциировались с изобилием, плодородием, рождением, были атрибутами культов плодородия, а так же символизировали переход между уровнями мироздания.

Присутствие среди находок в культурных напластованиях сельских сакральных комплексов орудий труда рыболовного промысла (рыболовных крючков, грузил, игл для плетения и ремонта сетей), а также фрагментов рыбных блюд, в целом также соотносится с идеей изобилия, богатства. Н.В. Молева интерпретирует рыболовецкие орудия труда как подношения Афродите в морских ипостасях: в китейском городском святилище такие артефакты обнаружены на территории, примыкавшей к ритуальному комплексу, служившему местом отправления культа Афродиты и Фависсам с приношениями Деметре, Коре и Афродите [Молева, 2002б, 95–107; она же, 2018, с. 56–70]. Обстоятельства находок этих предметов в сельских святилищах не всегда однозначно свидетельствует об этой связи, хотя её и не исключают. Учитывая культуруобразующий аспект любой хозяйственной деятельности, направленной на освоение чужого, природного, стихийного, орудия рыболовного промысла могли восприниматься не только как вотивы, адресованные Афродите, но и заключать в себе идею преобразования, освоения, в данном случае, опасной, неупорядоченной морской стихии. Идею преобразования (превращения вещества природы в продукт) несла также и кухонная и столовая посуда (включая рыбные блюда) — неперенный атрибут ритуальных трапез, сопутствовавших жертвоприношениям.

Таким образом, можно допустить, что сакральные объекты, маркировавшие возвышенные плато морских мысов и сопки, а также гроты, расселины, ущелья, глубокие овраги наделялись функциями медиаторов, соединяющих мир неба, земли и хтоническую сферу. В эту знаковую систему были включены и приведённые выше экофакты и артефакты, происходящие из сельских святилищ.

Выбор места для святилищ также определялся границами поселенческих структур, условным пограничьем той или иной общины, либо античного государства (Боспора) в целом. Сакральные комплексы маркировали границы поселений и посвящались богам с сотерическими функциями, отвечающим за охрану границ и угодий. Удалённые от поселений ландшафтные святилища, своего рода «сакральные метки», являлись одновременно и пограничными знаками [Русяева, 2002, с. 271–276]. Святилища могли располагаться рядом с линиями обороны, пограничные сооружения — рвы и валы в известной степени считались сакральными, освященными, что в целом соответствовало древним традициям фиксации этно-культурного пограничья [Масленников, 2007, с. 526–534]. В данном контексте святилища, расположенные на границах поселений,

могли выступать как пограничные маркеры в системе деления пространства в горизонтальной плоскости на обыденное, освоенное и неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания.

Таким образом, можно предположить, что локализация общественных сакральных комплексов, их соотнесение с примечательными природными объектами, определялись распространёнными среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира и необходимостью её воспроизведения в данном пространственно-временном континууме. В сакральных реалиях Крымского Приазовья природные объекты, отмеченные ритуальными действиями и сопутствующие им сооружения, выступали в качестве пограничных маркеров и связующих звеньев, конституирующих связи внутри пространства в его горизонтальном и вертикальном делении.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверенцев С.С. Вода // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994.
- Ковальчук А.В., Кузина Н.В. Орудия прядения и ткачества из зольника I у поселения «Сиреневая бухта» в Крымском Приазовье // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5–6. 2015. С. 54–63.
- Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // Древности Боспора. Вып. 19. М., 2015. С. 213–226.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007.
- Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // Древности Боспора. Вып. 15. М., 2011. С. 228–247.
- Молева Н.В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002а. С. 113–116.
- Молева Н.В. О культе Афродиты в Китейском святилище // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002б. С. 95–107.
- Молева Н.В. Орудия труда как вотивные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород, 2017а. С. 55–56.
- Молева Н.В. Орудия ткачества, прядения и шитья как вотивные приношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород, 2017б. С. 61–66.
- Молева Н.В. Водная стихия и мореплавание в культе Афродиты в Древней Греции и на Боспоре // Боспорские исследования. Вып. XXXVII. 2018. С. 56–70.
- Русяева А.С. Древнегреческие ландшафтные святилища в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. СПб, 2002. Ч. II. С. 271–276.
- Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Сборник материалов конференции «Боспорские чтения». Вып. IV. Керчь, 2005а. С. 236–241.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005б.
- Сапрыкин С.Ю. Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 85–93.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 234–285.
- Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 311–315.
- Тульпе И.А. Археология сознания боспорян: религиоведческий дискурс // Проблемы антиковедения и медиевистики. Вып. 2. К 30-летию кафедры истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород, 2006. С. 105–107.
- Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I. С. 161–167;
- Фадеева Т.М. Сакральные древности Крыма. Мифы, легенды, символы, имена и их отражение в искусстве. М.: Прогресс–Традиция, 2017. 384 с.
- Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М., 1994. С. 27–28;
- Элиаде М. Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М., 2000. С. 148–149.

ЛОБОДА А.Ю., АНТИПЕНКО А.В.
(НИЦ «Курчатовский институт», Москва;
КФУ им В.И.Вернадского, Симферополь)

ИЗУЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА УКРАШЕНИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Целью представленного исследования являлось изучение элементного состава металла, используемого для изготовления украшений из могильника Чернореченский¹, а также выявление закономерности применения легирующих компонентов для производства различных изделий из медных сплавов. Металлические детали традиционного костюма, скорее всего, производились мастерами не «для рынка», а «на заказ», для конкретных людей и согласно определенной моде (Мастыкова, 2009, с. 7). Именно поэтому аксессуары костюма, предположительно, связанные с местными традициями (бусы, подвески, различные типы браслетов и колец), являются интереснейшим материалом для реконструкции производственной истории региона. Е.М. Алексеева на основании разнообразия изделий, выполненных в единой технике и найденных в варварских могильниках округа Херсонеса, предположила, что в Западном Крыму существовало собственное производство украшений, среди которых можно упомянуть подвески-гермы, человечки, шишки, амфорки и массивные литые ребристые бусы, которое возникло в I в. н. э. и развивалось вплоть до второй половины IV в. н.э. (Алексеева, 1982, с. 23). За последние годы в ходе полевых исследований количество обнаруженных украшений значительно возросло, их находки неоднократно фиксировались в некрополях предгорного и юго-западного Крыма (Стоянова, 2016, с. 132-134).

В данной работе анализируется элементный состав 46 предметов из могильника Чернореченский (Бабенчиков, 1963). Все исследуемые

¹ Благодарю за помощь в работе над статьей Главного хранителя Бахчисарайского историко-археологического заповедника О.Н. Алпашкину и хранителя музейных предметов И. И. Неневолю.

объекты были разделены на четыре основные группы: подвески (1-14), бусины (15-19), кольца (20-32) и браслеты (33-46).

1–3. Подвески – птички (КО 69, 196, 51) относятся к типу 21б по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с.25). И Е.М. Алексеева, и А.А. Труфанов датируют эти изделия второй половиной II - III в. н.э. (Труфанов, 2011, с.240).

4,5. Подвески – амфоры (КО 53 и 185) соответствуют типу 23к по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с. 25). По данным А.А. Труфанова, все подвески этого типа относятся ко II – первой половине III в. н.э. (Труфанов, 2011, с.245).

6. Подвеска шаровидной формы (КО 55) А.А. Труфановым отнесена к типу гладких подвесок - «шишек» с валиком (Труфанов, 2011, рис.10).

7–10. Подвески – «шишки» (КО 56, 186, 250, 280). Соответствуют типу 22 по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с.25) датируемому с I по III вв. н.э. По мнению А.А. Труфанова датировка таких подвесок укладывается в рамки II – 1-й пол. III в. н.э. (Труфанов, 2011, с.242-244).

11. Подвеска в виде меча (КО 279).

12. Подвеска – герма (КО 338). Подвески в виде герм с задней петлей для подвешивания выделены в тип 18 Е.М. Алексеевой. Гермы на профилированных подставках, изображающие фаллические фигурки в шлемах, выделены в вариант б с датировкой I в. н. э. (Алексеева, 1982, с.24), перекликаются с подобными и одновременными подвесками из египетского фаянса (Алексеева, 1982, с.22). Могила 32 (71)² на основании находки фибулы-броши с эмалью отнесена А.И. Айбабиным к комплексам первой хронологической группы (ок. 240-300 гг) (Айбабин, 1999, Табл. III. 6)

13. Бляшка в виде «амфоры» с перехватом с коническими выступами на двух концах (КО 251). По форме напоминает подвески – «амфоры» с тем отличием, что вместо отверстия для подвешивания в верхней части, снабжена петлей на оборотной стороне.

14. Подвеска с шишечками (КО 313)

15 – Бусина бочковидная поперечно сжатая, украшенная насечками (КО 263). Тип 11 по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с. 24, табл. 40: 38-39). Комплексы, содержащие бусы типа 11, датируются II-III в. н. э. (Алексеева, 1982, с.24)

16. Бусина бочковидная продольно вытянутая (КО 276), тип. 2 по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с. 24, табл. 40:18)

² Номер по публикации (номер по полевой описи)

17. Бусина усеченно-биконической формы с насечками (КО 277) - Тип 14 по по Е.М. Алексеевой, встречены в комплексах 2-й пол. II – 1-й пол. IV в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 24 табл. 40: 42-43)

18, 19. Бусины бочковидно-ребристые продольно вытянутые (КО 278). Тип 12 по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с. 24, табл. 40: 37), датируются в пределах 2-й пол. II – III в.н.э.

20, 21. Кольца литые с зигзагообразным орнаментом (КО 183-184)

22. Кольцо литое граненное с выделенным ребром по центру (КО 215)

23. Кольцо литое с овальным расширением в передней части, на которое нанесено изображение листка (КО 229)

24. Кольцо проволочное незамкнутое в два оборота, один конец расклепан (КО 556)

25. Кольцо проволочное, концы перевиты в спираль (КО 273)

26. Перстень с двумя коническими выступами в передней части (КО 238)

27, 28. Фрагменты пластинчатых перстней (КО 1056, 834)

29-32. Кольца с шишечками (КО 265, 266, 332, 557)

33–35. Браслеты с утолщенными незамкнутыми концами, изготовлены из овального в сечении прутка (КО 163, 164, 192). Бронзовые проволочные браслеты с расширенными концами имеют широкий круг аналогий в крымских погребениях римского и раннесредневекового времени, а также в памятниках за пределами полуострова.

36, 37. Браслеты с проволочной обмоткой на концах, оформленных в виде петельки и крючка (КО 189, 190)

38. Браслет проволочный, фрагментирован, края украшены проволочной обмоткой (КО 257). Аналогичный браслет с проволочной обмоткой на концах найден в могильнике Дружное вместе с монетой Галлиена (253-268) (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 182)

39. Браслет проволочный, концы расклепаны и завязаны «крест-накрест» (КО 235)

40. Браслет проволочный из круглого в сечении прутка с заведенными друг за друга слегка утолщенными краями (КО 264)

41. Браслет из круглой в сечении проволоки, с незамкнутыми утоненными краями (КО 296)

42, 43. Фрагменты проволочных браслетов (КО 275, 382)

44. Браслет проволочный, разомкнутый, окончания оформлены в виде треугольных «змеиных голов» (КО 234)

45. Браслет пластинчатый, с незамкнутыми утолщенными краями, фрагментирован (КО 378)

46. Браслет пластинчатый с врезным «сетчатым» орнаментом на концах (КО 191)

Элементный анализ изделий проводился на рентгеновском спектрометре приборе Brucker M1 Mistral (анод W, 50 кВ). В таблице 1 представлены результаты измерений. Было установлено, что все исследованные предметы изготовлены из медных сплавов с различным содержанием олова (Sn), свинца (Pb) и цинка (Zn), в качестве следовых примесей присутствовали никель (Ni), серебро (Ag) и железо (Fe). В одном из браслетов (КО 163) было обнаружено небольшое количество мышьяка (As).

Таблица 1. Элементный состав предметов из могильника Черная речка.

№	КО	Номер могилы	Элементный состав							
			Cu	Sn	Pb	Zn	Ni	Ag	Fe	As
1.	69		90,21	5,66	1,02	1,68	-	-	1,44	-
2.	196	9 (35)	91,53	5,27	1,74	0,61	-	0,69	0,16	-
3.	51	1 (6)	93,27	5,48	1,00	-	-	-	0,26	-
4.	53	1 (6)	92,65	5,49	0,67	-	-	0,08	-	-
5.	185	9 (35)	90,09	7,12	1,35	1,21	0,12	-	0,11	-
6.	55	20 (54)	93,75	5,49	0,67	-	-	0,08	-	-
7.	56	20 (54)	93,11	5,08	1,25	0,35	-	-	0,22	-
8.	186	9 (35)	93,33	3,90	1,20	1,41	-	-	0,15	-
9.	250		93,51	3,82	1,58	0,93	-	0,16	-	-
10.	280	20 (54)	94,87	3,69	1,27	-	-	-	0,16	-
11.	279	20 (54)	91,76	6,83	1,33	-	0,08	-	-	-
12.	338	32 (71)	94,07	2,12	3,6	-	-	0,2	-	-
13.	251		92,51	5,87	1,09	0,53	-	-	-	-
14.	313	18(48)	98,25	0,61	0,46	-	-	-	0,67	-
15.	263		92,72	6,19	1,09	-	-	-	-	-
16.	276	20 (54)	92,13	5,83	1,86	-	-	-	0,17	-
17.	277	20 (54)	90,73	7,37	1,32	0,45	-	-	0,13	-
18.	278	20 (54)	91	6,02	0,98	-	-	-	2	-
19.	299	22(56)	93,93	4,65	0,71	0,24	-	0,11	0,35	-
20.	183	9(35)	99,33	-	-	0,15	-	-	0,52	-
21.	184	9(35)	84,29	-	-	15,47	0,1	-	0,13	-
22.	215		76,43	-	0,37	22,22	-	-	0,97	-
23.	229		82,52	0,81	0,19	15,50	-	-	0,90	-
24.	556		87,09	0,08	-	12,38	-	0,05	0,4	-
25.	273		96,93	2,48	0,17	0,42	-	-	-	-
26.	238	15(45)	79,82	13,6	5,97	0,47	-	-	0,15	-
27.	1056		78,28	0,75	1,42	19,55	-	-	-	-
28.	834		85,13	2,2	0,53	11,78	0,14	-	0,21	-
29.	265	23(57)	90,64	7,82	1,18	0,36	-	-	-	-
30.	266	23(57)	91,39	7,34	1	0,27	-	-	-	-
31.	332	29(68)	72,32	2	23,74	-	-	-	-	-

32.	557		52,3	7,95	39,75	-	-	-	-	-
33.	163		98,68	0,76	-	-	-	0,05	0,15	0,35
34.	164		97,18	1,49	0,92	0,17	-	0,23	-	-
35.	192	9 (35)	99,55	-	0,09	-	-	0,07	0,29	-
36.	189	9(35)	98,74	0,7	0,57	-	-	-	-	-
37.	190	9 (35)	94,77	1,27	0,42	3,54	-	-	-	-
38.	257		95,82	0,65	0,32	3,22	-	-	-	-
39.	235		99,75	0,14	0,1	-	-	-	-	-
40.	264		99,69	-	0,2	0,11	-	-	-	-
41.	296		96,68	-	0,83	2,49	-	-	-	-
42.	275		96,3	-	0,37	3,33	-	-	-	-
43.	382		88,77	0,44	0,39	10,4	-	-	-	-
44.	234		74,77	-	1,1	24,14	-	-	-	-
45.	191	9 (35)	82,07	0,28	0,88	16,58	-	-	0,19	-
46.	378		90,48	1,49	-	7,96	-	-	0,07	-

На рисунке 1 представлены графики содержания основных легирующих компонентов медного сплава в изделиях различных групп. Наименьшую вариативность в составах демонстрирует группа бусин. Основным компонентом медного сплава здесь является олово, содержание которого колеблется от 4,65 до 7,37%. Свинец определен в количестве от 0,98 до 1,86%. Цинк зафиксирован лишь в двух случаях и в своей максимальной концентрации достигает 0,45%. Результаты, очень близкие уже описанным, показала группа подвесок, имеющая, однако, несколько исключений (КО 338, 313), на которых мы остановимся отдельно. Двенадцать из четырнадцати измеренных подвесок имеет схожий элементный состав. Олово, основной легирующий компонент сплава содержится в количестве от 3,69 до 7,12%, свинец от 0,67 до 1,74%. Цинк от 0 до 1,68%. Подвеска КО 338 имеет более низкое содержание олова (2,12%) и повышенный свинец (3,6%), причем цинк в ней не обнаружен. Изделие КО 313 характеризуется низкими концентрациями всех легирующих компонентов – олово 0,61%, свинец 0,46%, цинк не обнаружен. Группа браслетов также имеет ряд очень схожих составов, характеризующихся общим низким содержанием всех примесей. В шести изделиях (КО 163, 164, 189, 192, 235, 264) олово колеблется от 0 до 1,49%, свинец от 0 до 0,92%, цинк от 0 до 0,17%. Еще в четырех браслетах (КО 190, 257, 275, 296) на фоне схожего низкого содержания легирующих компонентов выделяется повышающиеся концентрации цинка – олово от 0 до 1,27%, свинец от 0,32 до 0,83%, цинк от 2,49 до 3,54%. В оставшихся четырех браслетах (КО 191, 234, 378, 382) содержание цинка значительно возрастает – олово от 0 до 1,49%, свинец от 0 до 1,1%, цинк от 7,96 до 24,14%. Группа колец характеризуется наиболее

высокой вариативностью составов. Количество олова в изделиях колеблется от 0 до 13,6%. Свинец в основной массе предметов содержится в количестве от 0 до 5,97%, в единичных случаях достигает 23,74 и 39,75%. Цинк, отсутствующий или следовой в ряде предметов – от 0 до 0,47%, в других определен в количестве от 11,78 до 22,22%.

Помимо общего выявления вариативности металла в группах по типу изделий нами было проведено разделение предметов по месту находки внутри подгрупп. График, иллюстрирующий результаты, представлен на рисунке 2. Хорошо прослеживается, что низко вариативные, по результатам первичного анализа, группы бусин и подвесок при соотношении с местом находки также раскладываются на однородные подгруппы. Три бусины (КО 276, 277, 278) найденные в могиле 20 (54), а также одна (КО 299) из могилы 22 (56) имеют близкий элементный состав (рис.2, б). Подвески из могил 9 (35), 20 (54) и 1 (6) также очень схожи по составу как внутри подгрупп, так и между собой и характеризуются высоким содержанием олова. Подвеска КО 338, выделяющаяся повышенным содержанием свинца, относится к могиле 32 (71), а подвеска КО 313, выполненная практически из чистой меди, найдена в могиле 18 (48) (рис.2, а). Четыре браслета (КО 189, 190, 191, 192), относящиеся к находкам из захоронения 9 (35), крайне разнородны, в первую очередь по содержанию цинка (0 – 16,58%) (рис. 2, г). Кольца, в основном, относятся к разным захоронениям, однако элементный состав изделий КО 265 и 266, найденных в могиле 23 (57), практически идентичен. Если же сопоставить изделия из разных захоронений (рис.2, в), то видно, что в каждом случае состав сплава колец индивидуален.

По итогам сравнительного анализа элементного состава металла украшений из могильника Чернореченский можно сделать следующие выводы:

- Большая часть подвесок и бусин имеют сходный элементный состав как внутри групп, так и между собой. Основной чертой, объединяющей все изделия этих двух групп, является метод их изготовления литьем. Массивные бусины с рельефной поверхностью, не имеющие швов, относятся к продуктам литейного производства, а проведенное нами ранее (Лобода, 2019, с. 74) изучение технологических особенностей подвесок из данного могильника установило факт их изготовления методом литья. Содержание олова около 4-7% и цинк в следовых концентрациях или отсутствующий – все это может указывать на использование мастерами-литейщиками определенного типа сплава, вероятно, изготовленного с использованием вторичного сырья, при переплавке которого в

различной степени из сплава испарялся цинк, в зависимости от времени и величины нагрева переплавляемого металла. Нужно отметить, что вариант этого сплава с высоким содержанием олова (7,34%, 7,82%) был использован при изготовлении двух литых колец из захоронения 23 (57).

- Высокая вариативность элементного состава среди браслетов и колец, в случае с браслетами даже среди находок из одной могилы 9 (35), вероятнее всего объясняется массовостью этих изделий, а также разницей в методе их изготовления. Наряду с литьем и проковкой из специально для этой цели отлитой заготовки, предметы этих типов также возможно изготавливать ковкой из других изделий и их обломков.

Поскольку в ходе работ была выявлена тенденция к использованию определенного типа сплава для литья украшений, изготовление которых, предположительно, связано с местными производственными традициями, в продолжение данного исследования представляется перспективным расширить область анализируемого материала и привлечь к исследованию металлические изделия варварской округи Боспора для выявления и сопоставления составов характерных литевых сплавов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–39–00064.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Ч.3. – М.: Наука, 1982. – 104 с.

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. 13. С. 90–122.

Лобода А.Ю. Изучение технологии изготовления металлических подвесок из могильника Черная Речка // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / ред. – сост. Э.А. Хайрединова. – Симферополь: Антиква, 2019. – С. 72-75

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в.н.э. – М., 2009. – 502 с.

Труфанов А.А. Металлические амулеты—подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // Stratum plus. 2011. №4, С. 225–271

Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э.-IV в. н.э.). Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И.Н. Храпунов. – Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. – С.122-165

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Могила №9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму//КСИА. Вып.244. 2016. С.166-194

МАЙКО В.В.
(ИАК РАН, Симферополь)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ

Первые масштабные археологические исследования средневековой Сугдеи начались в 1927 г. совместной экспедицией ГАИМК и ГИМ и продолжались до 1930 г. В 1930-31 гг. раскопки велись экспедицией ГИМ. В 1953 г. разведки городских некрополей проводились экспедицией Отдела истории и археологии Крыма под руководством В.П. Бабенчикова. Стационарное археологическое изучение средневековой Сугдеи началось в 1963 г. экспедицией под руководством М.А. Фронджуло, продолжавшееся до 1975 г. В 1977-1999 гг. работы производила экспедиция под руководством И.А. Баранова. Раскопки 2000-2001 гг. вели Е.А. Айбабина и С.Г. Бочаров. С 2002 по 2010 гг. работы осуществлялись Судакской экспедицией Национального заповедника «София Киевская» под руководством автора этих строк. Параллельно с ними раскопки в 2004-2005 гг. проводил В.Г. Тур. С 2010 г. работы ведет экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В.Д. Гукина. Последние три года эпизодические исследования осуществляет экспедиция ГБУ РК «Музей-заповедник Судакская крепость» под руководством В.А. Захарова.

За все эти годы накоплен огромный археологический материал, обобщение которого в полном объеме – дело будущего. На сегодняшний день, с кратким описанием опубликован перечень всех исследованных объектов Сугдеи-Солдайи и ее ближайшей округи и некоторые итоги раскопок 1926-2931 гг. [Майко, Джанов, 2015, с. 181-411; Майко, 2017, с. 232-271].

Очень коротко проанализируем основные периоды в истории этого уникального архитектурно-археологического памятника, обратив главное внимание на основную их проблематику.

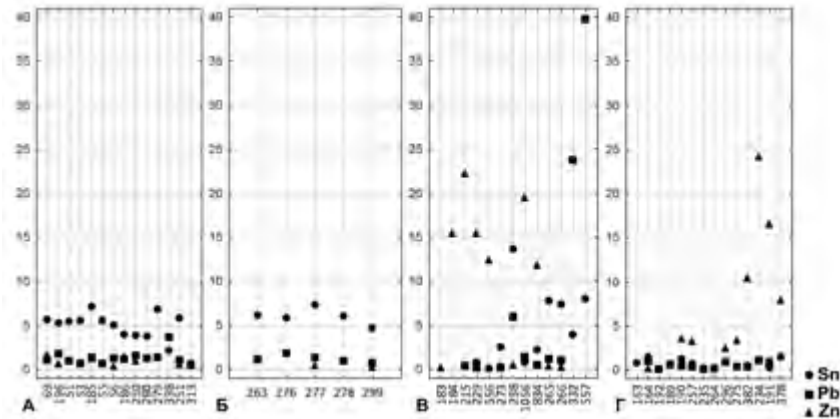

Рис.1. Содержание основных легирующих компонентов медного сплава в изделиях различных групп. А – подвески, Б – бусины, В – кольца, Г – браслеты

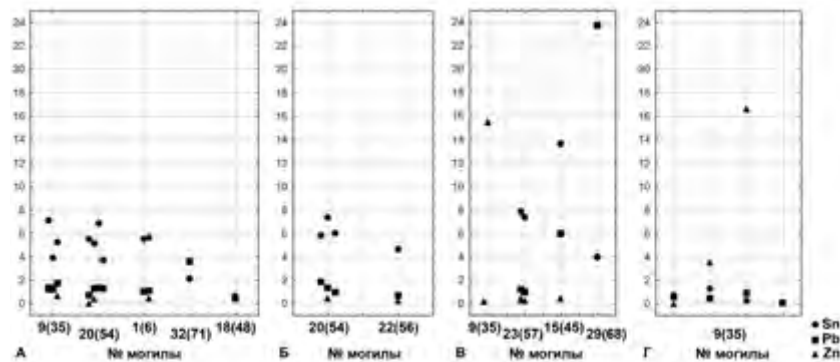

Рис.2. Содержание основных легирующих компонентов медного сплава в группах изделий, соотнесенных с местом находки. А – подвески, Б – бусины, В – кольца, Г – браслеты

Согласно сведениям Сугдейского Синаксаря город возникает в 212 г. н.э. Тем не менее, до сего дня археологического слоя начала III в. и каких-либо выразительных артефактов не обнаружено. Дискуссионной является попытка связать с этим временем крепостные сооружения, расположенные в портовой части и на северном склоне Крепостной горы. Для более аргументированного рассмотрения вопроса необходимы дальнейшие масштабные раскопки, особенно в портовой части городища.

Известный на сегодня первоначальный культурный слой и связанные с ним объекты, отмеченные только при раскопках портовой части городища, относится к рубежу VII – первой половине VIII вв. Самым концом VII в. датируется и наиболее ранний сфрагистический материал. Комплексов, не выходящих за рамки второй половины VII в., зафиксировано пока всего два и оба в портовой части. На остальной части городища находки этого периода встречены в переотложенном виде в слое второй половины IX – первой половины X вв.

Благодаря стратиграфическим разрезам в портовой части города четко выделяются горизонты второй половины VIII – первой половины IX вв. и второй половины IX – первой половины X вв. Тем не менее, все они зафиксированы либо в заполнении одной и той же постройки, либо за их пределами. Закрытые комплексы этого т.н. «хазарского» этапа, за единичными исключениями, датируются только первой половиной X в. т.е. завершающим этапом этого периода. Это наглядно свидетельствует об эволюционном развитии материальной культуры города на протяжении конца VII – первой половины X вв. Слои этого периода, как и последующие, зафиксированы на всей территории городища. Одной из важнейших проблем остается получение дополнительных материалов для периодизации и выяснения особенностей каждого из этих связанных между собой этапов салтово-маяцкой культуры Сугдеи. В этом плане перспективно изучение материалов городских некрополей, опубликованных достаточно полно [Майко, 2007, с. 12-252] и заполнения объектов городского посада, существовавших до середины IX в. Практически все полученные материалы, связанные с этим периодом, опубликованы в отдельных работах, но в целом не обобщены.

С середины X в. начинается византийский период в истории Сугдеи. Нижняя его хронологическая граница четко датируется нумизматическим материалом. В отличие от предшествующего периода происходит кардинальная смена всех составляющих материальной культуры, существенные перемены претерпевает и сама застройка города. Тем не менее, свя-

зывать эти перемены с полной сменой населения нет оснований. Этот период продолжался до второй четверти XIII в. Как и в предшествующее время, процесс развития материальной культуры шел эволюционно. В стратиграфических горизонтах, особенно общегородского зольника и некоторых долговременных объектов в портовой части Сугдеи выделяются горизонты второй половины X – первой половины XII вв., второй половины XII – начала XIII вв., но закрытых комплексов очень мало и все они датируются второй-третьей четвертью XII в. В этом случае датировка хронологических границ очень зыбкая и должна в процессе дальнейших исследований уточняться. На современном этапе благодаря увеличению узких хронологических индикаторов средне византийского периода мы уже можем достаточно четко выделять материалы второй половины X – XI вв., на стадии осмысления и ближайших публикаций проблемы выделения материалов XII в. Важнейшей проблемой остается и анализ материальной культуры Сугдеи первой четверти XIII в. Источниковая база для этого многочисленна и разнообразна. Это не только представительные закрытые комплексы, но и жилые, хозяйственные, культовые и фортификационные объекты. Материалы этого периода так же практически полностью опубликованы [Майко, 2014, с. 53-188].

Новый этап в истории материальной культуры Сугдеи наступает со второй четверти XIII в., что совпадает с окончательным вхождением города в состав Золотоордынского государства. Сейчас, благодаря раскопкам в портовой части Сугдеи и подводным исследованиям в Новосветской бухте четко можно выделять раннеордынские горизонты и объекты второй половины XIII в. Облегчает это присутствие закрытых комплексов и разработок, посвященных хронологическим рамкам существования импортной поливной керамики. Такой подход применен пока только к материалам раскопок последних десяти лет, в основном в портовой части Сугдеи. В целом в этот период времени, несмотря на политическую подчиненность, материальная культура продолжает оставаться одним из вариантов провинциально-византийской. Степень опубликованности материалов, во всяком случае, керамических комплексов довольно высокая. Однако, в основном, это касается уже упоминавшейся поливной столовой посуды [Майко, 2016, с. 101-116].

Сложнее выглядит ситуация с материалами первой половины XIV в. Слои этого времени, прослеженные в стратиграфии большинства раскопов, накапливались до генуэзского захвата города в 1365 г. Это, пока наиболее слабо опубликованный период в истории Сугдеи. Наибольший ин-

терес представляют, безусловно, закрытые комплексы 1365 г. Однако, за небольшим исключением, они остаются, пока, не проанализированными. Это касается, прежде всего, многочисленных и разнообразных керамических комплексов и других категорий предметов материальной культуры. Совершенно не исключено, что появится возможность предложить и более дробную периодизацию материалов в рамках этого периода. Еще важнее представить сам облик материальной культуры и понять насколько он соответствует понятию провинциально-византийская культура, насколько сильны были влияния материальной культуры Золотой Орды, как и в чем это проявлялось.

Археологические комплексы следующего гёнуэзского периода 1365-1475 гг. многочисленны и разнообразны. Тем не менее, проанализированы они до сего дня так же очень слабо. В настоящий момент особенности развития керамики Таврики этого времени изучены достаточно полно, выделены все составляющие керамических комплексов, в том числе посуда местного производства, поздневизантийский и западноевропейский импорт [Тесленко, 2018, с. 7-83]. Все это необходимо применить при анализе керамических комплексов Солдайи и ввести их в научный оборот. Несмотря на эти объективные трудности можно сделать предварительный вывод о том, что материальная культура города этого времени принципиально не отличалась от других регионов полуострова, находившихся под контролем гёнуэзцев.

Благодаря раскопкам последних лет, получены важные материалы для анализа материальной культуры Судака турецкого времени [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 482-511]. Этот этап наступил после 1475 г. и продолжался до середины XVII в., когда последние жители города окончательно его покинули. Исследования в портовой части городища позволили проследить особенности керамических комплексов, выделить посуду местного производства и импортную, проанализировать другие предметы материальной культуры. Предварительно можно сделать вывод о том, что, по крайней мере, в XVI – первой половине XVII в. заселенной оставалась практически вся территория города. Прослежены многочисленные следы перестроек зданий предшествующего времени и возведение новых. Проблемой остается датировка материалов внутри этого длительного турецкого периода и их комплексный анализ.

Археологические свидетельства последнего периода в истории Судакской крепости, связанного с присутствием на ее территории подразделений русской армии в период конца XVIII-1816 гг., достаточно много-

численны и разнообразны. Однако до сего дня в комплексе они не были проанализированы и еще ждут своих исследователей.

Очень хочется надеяться, что все обозначенные выше проблемы, связанные, по крайней мере, с осмыслением и публикацией уже имеющихся археологических материалов, будут в обозримом будущем решены.

ЛИТЕРАТУРА

Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. Археологический альманах, № 33. Киев, 2015. С. 482-511.

Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины К., Академперіодика, 2007. 273 с.

Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. Киев: ВИДАВЕЦЬ Олег Філюк, 2014. 467 с.

Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.

Майко В.В. Керамика Восточного Крыма второй половины X-XIII вв. Saarbürcken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2016. 212 p.

Майко В.В. Глава. 9. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гёнуэзцев. СПб., «Нестор-История». 2017. С. 232-271.

Тесленко И.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу /Археологія і давня історія України 29(4), 2018. 83 с.

МАСЛЕННИКОВ А.А
(ИА РАН, Москва)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БОСПОРА (ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА)¹

В боспорской истории и археологии данная тема, пожалуй, – одна из самых «ёмких» и «вечных». Что касается первого – то сюда действительно можно включить всё: от урожайности зерновых и использовании тех или иных орудий, до форм землевладения и землепользования. Почти что каждый исследователь, особенно занятый «сельской» археологией, всегда найдёт: что тут сказать. А вот насчёт второго эпитета, я, видимо, несколько поспешил. Конечно, родоначальником данного направления в отечественной античной археологии можно считать всё того же Поля Дюбрюкса. Затем – весьма долгий перерыв до, несомненно, достойного и ещё более скромного его продолжателя – В.В. Веселова. Но, в сущности, первой научной и, подчеркнём, совершенно не потерявшей своей актуальности работой является хорошо известная специалистам монография В.Д. Блаватского 1953 г. Следующее подитоживание, но, главным образом, уже на археологическом материале, причем, по большей части лично добытым, имело место спустя всего пару десятилетий (Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора). С 1975 г. минуло почти полвека, а другого, столь же широкого обобщения на научном горизонте не наблюдается. И дело вовсе не в отсутствии новых сведений и находок. (Их, особенно по части поселенческих структур, получено трудами многих археологов предостаточно.) А в явном отставании «отраслевой» части, очевидном «запаздывании» изысканий по ряду «смежных» дисциплин: палеботанике, палеозоологии, палеогеографии, палеоклиматологии, палеопочвоведению и н. др. И снова, дело ни в том, что таких исследований не проводится. Напротив, в последние полтора десятилетия

¹ Тезисы подготовлены в рамках работ по проекту РФФИ «КОМФИ» №18-00-00486

появился целый ряд очень качественных работ в данных областях. Назовём, прежде всего, глубокие статьи Г.П. Гарбузова, отчаянные попытки всё узнать, ничего не копая, Т.Н. Смекаловой, интересные публикации А. К. Каспарова, А.Г. Пашкевич, а также целой «плеяды» палеогеографов и палеосейсмологов как отечественных, так и зарубежных. Весьма ожидаемы и соответствующие изыскания на недавних масштабных новостройных работах в Крыму. Но всё это, как бы «частности», которые ещё не стали неким «общим». Ниже мы ещё коснёмся данной проблемы. А в начале: о неизбежных замечаниях общеисторического плана и их современном «звучании».

Итак, совершенно бесспорным остаётся основной «тезис» означенной темы: «сельское хозяйство во всех доиндустриальных обществах являлось основой экономики. Не исключение и античный Боспор». Столь же очевидны и несчётное число раз продекларированы и следующие положения: «греческие переселенцы принесли с собой соответствующие знания и опыт в различных областях сельскохозяйственного производства, которые постоянно пополнялись разного рода новациями, поскольку связи между основанными на северных берегах Понта Эвксинского и Меотиды «колониями» и их «метрополиями», да и вообще всем античным миром никогда не прерывались» и «переселенцы и их потомки в своей хозяйственной деятельности не могли не адаптироваться к специфике местных природных условий (климат, характер почв, водные ресурсы, уровни морей и т.п.), которые к тому же не оставались неизменными на протяжении целого тысячелетия». Со всем этим никто не спорил и не спорит. Можно и должно только определить характер и хронологию этих природных перемен и даже катаклизмов, добавив сюда и неоднозначные последствия антропогенного характера. Но, если кратко, то все они на сегодняшний день «грешат», помимо упомянутого отсутствия сколь-либо полных обобщений противоречивостью, субъективностью и практически абсолютным отсутствием равной античной археологии «системы» хронологических ориентиров. В немалой степени это же относится и дистанционно-ненарушаемым (геофизическим и т.п.) методам исследований. Что же касается роли антропогенного фактора (напомним: первым о нём применительно к античному Северному Причерноморью высказался В.Д. Блаватский), то здесь, что называется, и «конь не валялся». Кроме как о следах преднамеренных разрушений и ограблений поселений и могильников речи, как будто бы никто и не вёл. Но вернёмся к нашим тезисам.

Как же быть с ролью соответствующих местных, «варварских» навыков и традиций? Ещё некоторое время назад, считалось, что о таких, на территории будущего Боспорского государства говорить не приходится, поскольку никакого «осёдлого» негреческого населения здесь в тот момент не было. (Впрочем, ещё раньше его наличие, напротив, казалось «само собой разумеющимся».) Современное состояние данной проблемы представляется более запутанным и сложным. Относительно Восточного Крыма (кроме, видимо, части округа Феодосии) это, как будто бы, так и есть. Более того, местные поселенческие памятники эпохи поздней бронзы (сабатиновская и белозёрская культуры) масштабно раскопанные совсем недавно, в целом демонстрируют крайне невысокий уровень строительного дела и весьма примитивный характер земледелия. Скорее – даже их регресс, по сравнению с более ранним периодом. А самое главное: временная лакуна в два-три столетия между этими поселениями и самыми ранними объектами эпохи начальной колонизации по-прежнему остаётся. Для Таманского п-ова и особенно юго-восточной части будущего Боспора ситуация менее определённая. Как будто бы некоторые совсем недавние наблюдения и находки свидетельствуют, что первопоселенцы всё же застали здесь некое автохтонное, некое население (Сударев). Однако это требует очень тщательной проверки и уточнения. Впрочем, масштабно раскопанные памятники поздней бронзы здесь столь же мало впечатляющи в плане домостроения и земледельческих традиций.

Наконец, ещё одно замечание «общего» характера. Сама специфика античного общества, тем более на окраине античной Ойкумены и тем более в начальный период местной истории не предполагала столь же резкого различия «города и деревни», как это имело место позже. Ведь помимо всего прочего, основой социальной организации в античном мире, как известно, являлась т.н. гражданская община (полис), полноправный статус каждого члена которой предполагал владение долей общинных земельных угодий. То есть, занятие (прямое или опосредованное) сельским хозяйством. Иными словами, всякий гражданин полиса, даже проживая в поселении «городского типа», являлся одновременно организатором и участником сельскохозяйственного производства. А само наличие на Боспоре традиционной полисной системы государственной организации, полисного права и морально - этических ценностей никем не подвергается сомнению. Впрочем, и для «неполноправных» слоёв городского населения занятие сельским хозяйством или промыслами, так

или иначе, не было совершенно чуждым, хотя собственно «поселяне» (хориты), скорее всего, составляли лишь часть демографического потенциала античных государств, в том числе и Боспора.

Соответствующая античная письменная традиция (сообщения греческих и римских историков, географов, «натуралистов») остаётся (и, по - видимому, останется) крайне скудной и хронологически ограниченной. По большей части это свидетельства о размерах и направлениях торговли хлебом и иными продуктами, отчасти урожайности и составе зерновых и других культур. Ещё менее информативны, а нередко и неоднозначны в плане интерпретации памятники лапидарной и керамической эпиграфики. Хотя они, к счастью, время от времени пополняются новыми документами. Поэтому материалы археологических раскопок имеют решающее значение. Прежде всего, это в той или иной степени полная информация о разновременных и разнотипных поселениях, святилищах и некрополях. В какой-то степени - о системе землевладения и землеустройства, структуре хозяйства, доминанты и «составляющих» возделываемых культур, составе стад, инструментарии и уровне технического прогресса, а также этно-социальной и культурно-бытовой характеристике сельского населения. Естественно, все эти «показатели» не остаются неизменными. Но в целом, характеризуя современное состояние наших источников, следует отметить, что в археологическом плане мы наблюдаем небывалый рост. Масштабы раскопок на пространствах боспорской хоры и объём полученной уже информации столь велики, что впору «остановиться и оглядеться».

Но, обратимся к конкретике. Уместно начать с круга вопросов, точнее достижений и задач, касающихся размеров и границ всей сельской территории Боспора (собственно -государства) и границ отдельных наиболее значимых административно-хозяйственных «зон/областей», различавшихся не столько в природно-географическом плане (это довольно просто), сколько характером поземельных (собственнических) отношений (земли полисные, государственно-царские, варварские или полу-варварские, сакральные). С внешними границами если и не всё ясно (пограничье далеко не всегда четко «материализовывалось», что, скорее, имело место для периодов опасности неопределённости, неустойчивости), то хотя бы для каждой конкретной эпохи «можно на чём-то остановиться». Относительно вторых – мы пока обречены судить лишь с той или иной степенью умозрительности (границы полисной и «царской» хоры) или вовсе не имеем представлений (храмовые земли).

Итак, более или менее археологически обоснованные боспорские земельные владения (а не зоны экономического и военно-политического влияния) «по - максимуму» и не всегда на востоке включали в себя Таманский п-ов (до среднего течения Кубани?) и районы от современной Анапы до Новороссийска. На западе – Керченский п-ов и округу Феодосии. На северо-востоке - Нижнее Подонье (округу Танаиса). Эти пространства при всей их локальной природно-климатической несхожести и с учетом в той или иной степени правдоподобных палеоклиматических реконструкций в целом были вполне благоприятными для возделывания зерновых и целого ряда содово-огородных культур, прежде всего тех, без которых немыслимо античное сельское хозяйство и повседневный рацион питания: пшеница/хлеб и виноград/вино. Лишь оливки окультивировать здесь так и не удалось. При этом главной проблемой земледелия на Боспоре было не отсутствие хороших почв, а малое количество осадков (Гарбузов). В случае весенних засух на любых почвах был неурожай, но при благоприятных условиях урожаи могли достигать большой величины даже на не самых лучших землях. Говоря всё это, естественно, надо учитывать, что за указанный период (примерно с рубежа VII-VI в. до н.э. по VI в. н.э.) в данном регионе имели место подчас весьма существенные климатические и иные природные перемены и даже катаклизмы, не говоря уже о роли человеческого фактора (войны, истощение почв и водных источников, и т.п.). Всё это не могло не сказываться на отраслевой структуре, объёме производства и иных показателях сельскохозяйственной деятельности. Однако всякая конкретика здесь, за исключением уже давно высказанных (Блаватский, Кругликова) мнений о том, что пашенное земледелие с высокой степенью товарности в эпоху первого расцвета Боспора сменилось позднее на более разноотраслевое хозяйство, пока отсутствует.

Следующий, не менее важный круг проблем, о котором уже упоминалось выше, связан с системой организации сельской территории и прежде всего: формами землевладения и землепользования. Как уже отмечалось, классическая античная (полисная) традиция подразумевала двуединство общинного и частного землевладения. (Часть угодий передавалась в пользование полноправных членов общины, часть –, а также разного рода негодья, оставалась в её коллективной собственности и могла перераспределяться, в том числе и среди новых членов гражданского коллектива. Десятая часть – традиционно отводилась для нужд храмов и святилищ, имея как бы сакральный статус.) Аналогичную

картину (полисная хора, поделённая на участки/клеры, переданные во владение/собственность членов/граждан каждого конкретного полиса) мы вправе ожидать и в рассматриваемом регионе. А наличие храмового землевладения на Боспоре письменно засвидетельствовано, по крайней мере, в первых веках н.э.

Важнейшим археологическим признаком полисного землевладения повсеместно и всегда считалось и считается регулярное (кадастрово-линейное) размежевания земли на наделы. Помимо всего прочего, такая строгая регламентация хоры (высокий уровень стандартизации структуры и размеров, как сельских усадеб, так и земельных наделов, с использованием наиболее удобных и распространённых величин измерения) определяла устойчивость всей системы государственного устройства полисного типа. То есть, хотя бы на первых порах - экономическую основу политического равенства всех членов гражданской общины. Никакие иные принципы размежевания в этом плане не могут считаться подлинно полисными, да и античными вообще. Как же тут обстоит дело на пространствах ближней (городской) и дальней хоры Боспора? А, в сущности, почти никак. В Восточном Крыму (заметим, весьма природно-схожим с Западным), несмотря на самые отчаянные усилия (Петерс, Кругликова, Смекалов, Смекалова, Масленников и н. др.), до сих пор не удалось уверенно определить сколь-либо значительные по площади, соответствующим образом размежёванные пространства. Два-три более или менее подходящих примера (район Михайловки и мыса Чауда) всё же требуют дополнительной археологической проверки, которую никак не удаётся должным образом провести и проанализировать. Кстати, нет следов такого правильного землеустройства и в районе усадебных комплексов Приазовья, что по - своему показательно.

Весьма неоднозначная картина «имеет место быть» по другую сторону пролива. То, что здесь пока удалось выявить, как будто бы не соответствует или, осторожнее сказать, не вполне отвечает вышеизложенным условиям. (Так называемая многослойная система, предусматривавшая наличие линейно-ортогональной, регулярной системы межевания трёх вариантов и нелинейно-стихийной, обе разной «протяжённости» (Гарбузов). Одно из двух: или мы имеем здесь дело с неполисными античными структурами; тогда где же искомые? Или же это вовсе не античная размежёвка. Впрочем, эта неоднородность может отражать и разный способ использования «наделов» (длинные поля – пашня, прочие – виноградники и огороды). Но все соответствующие реконструкции

и предположения пока весьма слабо опираются на археологическую «базу», прежде всего, в отношении хронологии.

Зато в Восточном Крыму (Приазовье) и, вероятно, на части Таманского п-ова, скорее всего, существовала ещё одна, может быть, даже самая значительная по площади форма землевладения, которую условно можно именовать внеполисной (царской = государственной). Сложившаяся вряд ли ранее второй четверти IV в. до н. э., она, видоизменяясь в плане территории, типа поселений, статуса, этнического состава населения и хозяйственной специализации, просуществовала до конца античной эпохи. Именно эти земли являлись экономической и в какой-то степени военно-политической основой устойчивого монархического образа правления на Боспоре на протяжении почти всей его долгой истории. Впрочем, это мнение разделяют не всеми исследователями. Напомним, в осторожно-определённой форме о «царском» землевладении на Боспоре впервые высказалась И.Т. Кругликова. Затем, опираясь больше на результаты многолетних раскопок в Приазовье и анализ некоторых письменных свидетельств, неоднократно писал автор этих строк. Противоположную точку зрения отстаивает С.Ю. Сапрыкин, согласно которому раскопанные здесь строительные комплексы являлись коллективными усадьбами граждан Пантикапея, то есть, центрами дальней полисной хоры. Этот, казалось бы, праздный спор двух старинных друзей имеет, однако, немалое значение в плане широких исторических реконструкций, в частности – типологической специфики самого Боспорского государства эпохи ранних Спартокидов. (Спор о периоде протоэллинизма и эллинизма на Боспоре, его хронологических рамках и содержании).

Наконец, на Боспоре, хотя бы периодически, могли существовать сельские территории, поземельные отношения на которых основывались на местных варварских традициях и нормах. Соответственно и земельный кадастр (принципы и размеры размежевания) мог быть там совсем иным или отсутствовать вовсе.

Нашим главным и наиболее информативным источником в отношении только что изложенного и почти обо всех остальных аспектах сельского хозяйства, а равно и характеристики сельского населения, как уже отмечалось, являются раскопки поселений, а также святилищ и некрополей, численность, топография, типология, размеры, планировка и хронология которых не оставались, как правило, неизменными. И здесь достижения последних десятилетий можно считать самыми впечатляющими. На пространствах т.н. дальней хоры почти не осталось в этом пла-

не хронологических лагун. Зато ближняя (городская=полисная) – за редкими исключениями археологически представлена крайне «невнятно».

Действительно, самые ранние, собственно сельские поселения в окрестностях городов будущего Боспорского государства нам, по-прежнему, практически неизвестны. Можно полагать, что если они и были (сами упомянутые города в это время ещё невелики и немногочисленны), то представляли собой находившиеся относительно недалеко сезонные жилища-убежища на земельных участках/наделах первых поселенцев. Может быть, даже это были немногочисленные, но также сезонные коллективные, как-то укрепленные «выселки» на более отдалённых (общинных?) угодьях (Азиатский Боспор). Картина меняется к концу V и особенно в IV вв. до н.э. Это повсеместно – расцвет сельской территории и сельского хозяйства и Боспора. Прежде всего - увеличение числа поселений. И если к рубежу этих веков на Боспоре наблюдается их «заметный рост» и то, главным образом, за счёт территории Таманского п-ова, то со второй четверти следующего века – повсеместный статистический пик! (Кругликова, Паромов, Гарбузов, Завойкин, Масленников, Смекалов). По обоим берегам пролива их (поселений) на сегодняшний день известно несколько сотен. При этом большая часть новых памятников находилась не только на побережье, как это имело место прежде.

На Европейском Боспоре эти поселения представлены как бы двумя основными группами: условно греческие и варварские. Первые - (их немного) это расположенные в Приазовье или относительно недалеко от пролива большие (площадью до нескольких тыс. кв. м), сложные и неодинаковые по планировке усадебные комплексы. Их отличает прямолинейная разбивка на местности, четкая ориентация качественных по характеру кладки стен, достаточно просторные помещения, наличие черепичной кровли, домашних и общественных алтарей, виноделен разной производительности, обилие разнообразных находок, в основном свойственных быту античных греков. Вблизи некоторых усадеб находились столь же «качественные» сезонно-производственные постройки и некрополи рядовых обитателей (обслуги) этих загородных «центров» (Генеральское-западное, Бакланья скала, Чокракский мыс, Пустынный берег I-III и н. др.) (Масленников). Принадлежность их боспорской элите, может быть, даже собственно правителям - кажется весьма вероятной. Усадьбы поменьше (Андреевка-южная, Фонтан) также имели «античный облик», хотя и более скромный и могли быть в собственности прочей боспорской знати или наиболее состоятельных членов гражданских общин крупнейших го-

родов-полисов. Об усадьбах же основной их массы, кроме того, что они должны были быть, нам пока почти ничего не известно.

Вторую и самую многочисленную группу составляли здесь т.н. варварские селища (деревни). Они представляли собой хаотичную застройку из нескольких десятков «домов-помещений», небрежно сложенные и непрямолинейные стены которых имели самую разную ориентацию, черепичная кровля отсутствовала, интерьер и находки были простыми и бедными. К ним примыкали небольшие загоны для скота, хозяйственные ямы и мусорно-зольные свалки. Площадь таких неукрепленных селищ достигала нескольких десятков га, а вблизи располагались курганные могильники со столь же скромными синхронными захоронениями по «скифскому» обряду.

Примечательно, что зона распространения таких поселений была много шире предполагаемых границ Боспора на западе. Скорее всего, алогичные селища, которые принято связывать с перешедшим к примитивному земледелию и осёдлости местным варварским населением, в это же время граничили и с античной сельскохозяйственной зоной на хоре Херсонеса. Обе эти группы поселений на Боспоре, да и в Крыму вообще исчезают практически одновременно почти без видимых следов военных действий около рубежа первой – второй четвертей III в. до н.э.

Относительно синхронных сельских поселений по другую сторону Керченского пролива можно сказать пока немного в силу их гораздо худшей сохранности и недостаточной изученности. Вероятнее всего, это были агломерации из небольших усадеб рядовых землевладельцев близлежащих городов и городков. Более отдаленные поселения могли иметь иной статус и состав населения.

Кардинальные перемены на хоре античных государств Северного Причерноморья в указанное выше время на Боспоре выразились в резком сокращении (статистический обвал) их численности и в перемене топографии и типологии. Лишь отдельные пункты на Таманском п-ове, вероятно, видоизменившись, продолжали существовать в III-II вв. до н.э. Для Восточного Крыма характерно практически полное исчезновение прежних и появление всего нескольких новых, хорошо укрепленных городищ в районе Приазовья. Судя по материалам их раскопок, сменились основные принципы планировочных решений, резко снизилось качество построек и общий уровень достатка их обитателей. Однако фортификация оставалась на должной высоте и свидетельствует о сохранении ряда античных традиций. Довольно крупные неукрепленные усадьбы античного типа с

размещением помещений по периметру большого двора в небольшом числе известны в это время на дальней хоре Горгииппии и, возможно, Фанагории (пос. Виноградник, х. Воскресенский, Белое, северо-западное и н. др.). Существенно меньшие по площади - выявлены в окрестностях первой (Алексеева). В пригороде боспорской столицы (близ Мирмекия) уже довольно давно была раскопана крупная, типично античная усадьба (или комплекс усадеб?), вероятно, принадлежавшая кому-то из её зажиточных граждан (Гайдукевич). Но остаётся не ясным: в какой степени этот объект вообще характерен для данного времени и места.

Достаточно короткий период расцвета жизнедеятельности на этих новых сельских поселениях приходится на вторую-третью четверти III в. до н.э. Затем повсеместно можно говорить о её постепенном затухании и, наконец, почти полном обезлюдении, по крайней мере, дальней хоре Боспора на рубеже II-I вв. до н.э.

Примерно с третьей четверти следующего века и до первой трети III в. уже нашей эры можно говорить о постепенном, хотя и неравномерном (некоторые новые поселения просуществовали относительно недолго или совсем короткое время, другие – появились в конце этого периода) возрождении сельских поселенческих структур Боспорского государства. Общее число известных памятников выросло до нескольких десятков, часть которых раскопана достаточно основательно. При этом общий археологический контекст (планировка, топография, характер домостроения, состав массовых и индивидуальных находок) и целый ряд территориально близких аналогий не позволяют в полной мере называть все их собственно античными (Семёновка). Вместе с тем, в ряде районов (Фанталовский п-ов, п-ов Абрау, восточная часть Керченского п-ова) наличествовали хорошо укрепленные, большие поселения-крепости и отдельные сторожевые посты – «усадьбы», вполне отвечавшие планировкой и уровнем строительного дела соответствующим античным традициям (Артезиан, Ново-Отрадное, Илурат, Раевское городище, т.н. «батарейки» и дома-башни). Не вполне ясна «государственная» принадлежность больших поселений-городищ, открытых недавно в предгорных районах Крыма к западу от Феодосии, а также в юго-восточной части Боспора (Кара-Тай, Карасан-Оба, Сары-Кая, Яман-Таш, Биюк-Янышар и др.). Но сельскохозяйственная направленность деятельности их обитателей очевидна.

Во второй-третьей четвертях III в. н.э. практически повсеместно большинство упомянутых сельских поселений Боспора было разруше-

но и оставлено жителями в результате т.н. готских походов или заметно пострадали от них, просуществовав ещё около полутора веков (Белинское). Отдельные (Крымское Приазовье) – доживают даже до последней трети VI в. н.э. О ближней (городской) хоры позднеантичного времени, по сути, нет никакой информации. По всей видимости, с учётом того, что и сами эти городские центры пришли в упадок, а то и вовсе исчезли, общая картина напоминала тут самый ранний период местной истории, когда их немногочисленное население по большей части было напрямую связано с сельскохозяйственной деятельностью, причем на непосредственно прилегающей территории.

Следующий круг вопросов - чисто хозяйственный. Главной отраслью сельского хозяйства на протяжении всего античного периода оставалось земледелие, то есть производство зерновых культур. Общий фонд потенциально возделываемых земель, считая только наилучшие почвы, достигал для всех областей Боспора 250-260 тыс. га (Гарбузов). Этих земельных ресурсов было вполне достаточно для производства тех объемов товарного зерна, о которых мы знаем из многократно цитированных и истолкованных с самых разных «позиций» сообщений ряда античных авторов. Соответствующие исследования свидетельствуют, что в целом основными зерновыми культурами здесь были: голозёрная (твёрдая) пшеница и пленчатый ячмень. Они более всего отвечали местному климату, хозяйственным возможностям и пищевому рациону населения античных центров Северного Причерноморья. Но у И.Т. Кругликовой, а также Е.Ю. Лебедевой несколько иные данные, да и то на очень ограниченной во всех отношениях источниковедческой базе, а материалы Г.А. Пашкевич были собраны в основном по некоторым городским центрам Европейского Боспора. Следовательно, о сколь-либо обобщающей и, тем более, хронологически дробной оценке речь всё ещё не идёт. Да и в плане различий по типологии поселений работа только предстоит, хотя к величайшему сожалению, очень многое здесь уже упущено безвозвратно.

Средняя урожайность зерновых на Боспоре лежала, по-видимому, в пределах 5-7 ц/га, достигая в благоприятные годы 12-14 ц/га (Гарбузов). У отдельных земледельцев в лучшие сезоны урожай мог быть очень высок. Возможно, именно такие периодически случавшиеся высокие урожаи создали у современников-греков представление о Боспоре, как о чрезвычайно хлебобродном крае. Первая из упомянутых культур до появления греков здесь не выращивалась. Меньшее значение име-

ли пшеница двузернянка (полба), ячмень голозёрный, просо посевное, рожь (особенно в позднее время), а также бобовые: горох посевной, вика эрвлия, чечевица, бобы. Однако реальное соотношение основных зерновых культур в разные периоды и в разных местах, скорее всего, было несколько иным и не вполне согласовывалось с находками зёрен злаков. Согласно письменным свидетельствам (Theophr., VIII, 4, 5) яровая пшеница отличалась твёрдостью, озимая мягкостью и легкоковесностью. Теоретически именно качественные, твёрдые сорта составляли основу экспорта, столь важного для Боспора в период климатически (и политически ?) максимального благоприятный для их возделывания (вторая четверть IV – начало III вв. до н.э.). Позднее (с I в. н.э.) мягкая пшеница стала преобладать и в экспорте, но он был уже не столь значительным.

Скорее всего, по крайней мере, на ближней, городской хоре практиковалась двупольная система с периодической сменой культур. Землю вспахивали, как считается, в основном деревянным ралом с железным наральником, который тянули воли или лошади (?). Использование плуга хотя бы в римский период - вероятно, но не повсеместно и в целом, этот вопрос требует изучения. Применялись также мотыги разной формы и размера. Урожай убирали железными серпами и косами, находки которых нередки на сельских поселениях. Молотьба осуществлялась на току с помощью всё тех же тягловых животных, а возможно и овец. Существовали площадки и печи для просушки зерна. Приготовленное зерно хранилось в крупных амфорах, пифосах, вероятно мешках, корзинах, каменных ларях, но в основном - специальных ямах разной формы и размера. Нередко последние – были высечены в скальном грунте, имели специально оформленное устье с крышкой и могли вмещать весьма значительное количество зерна (до 60-75 куб. м). В отдельных случаях (перед массовым вывозом?) зерно могли хранить в ещё более вместительных, обложенных каменной кладкой цилиндрических ямах с кровлей («элеваторах») диаметром 4-5 м и глубиной до 5-7 м (вместимость до 130-140 куб. м) (поселения Генеральское-западное; Генеральское – западное, юго-западный склон; 11-километр). Толкли зерно в каменных ступах, а затем растирали на каменных зернотёрках, от самых примитивных до относительно производительных, состоявших из двух прямоугольно или круглых очень твёрдых камней с соответствующими пазами, отверстиями или углублениями.

Свидетельств заботы о повышении плодородия почв в сколь-либо значительных масштабах у нас нет, хотя практика искусственного оро-

шения, террасирования, внесения удобрений (навоз, зола ?) была грекам известна. Возможно, эти приёмы имели место на участках-клерках вблизи городов. Но весьма масштабные следы террасирования и если не размежевания, то некоей системы водозадержки или антиэрозионных конструкций, как будто бы античного времени зафиксированы в Приазовье.

Очень вероятной, если не обязательной частью пригородных сельских угодий были огороды и сады. Античные авторы упоминают в районе столицы Боспора различные сорта яблонь, груш и даже смоковницы (инжир) и гранатовые деревья, а из овощей – лук, чеснок, огурцы. Археологически засвидетельствованы косточки алычи, персика, миндаля, сливы, черешни, дынь, арбузов, грецкого ореха (Кругликова, Пашкевич). Из технических культур упомянем лён. Некоторые из них, несомненно, были завезены греками, другие – происходили от местных сортов. Так или иначе, но садоводство требовало достаточно высокого уровня знаний и навыков.

Особо следует остановиться на виноградарстве и виноделии. По признанию античных авторов климат Северного Причерноморья был достаточно суров и неблагоприятен для виноградной лозы. Господствует мнение, что местные сорта винограда были выведены греками на основе дикой крымской лозы и привезённых из метрополии сортов (Пашкевич). Археологически эта культура на Боспоре зафиксирована уже с V в. до н.э. Косточки винограда неоднократно находили на раскопках практически всех боспорских городов и на некоторых сельских поселениях усадебного (античного) типа. Не редки и находки особой формы железных ножей, которые, несомненно, применялись в садоводстве и особенно виноградарстве. Но наиболее убедительно развитие этой отрасли хозяйства подтверждается различными по конструкции, производительности и датировке винодельнями. К настоящему времени на Боспоре и в Херсонесе, включая Северо-Западный Крым, их известно не менее 250 (Винокуров). Часть их (самые простые, переносные каменные давилки – тарапаны) предназначались для частного (домашнего) отжима винограда. Гораздо более сложными в устройстве и эксплуатации были винодельни для массового (товарного) производства сусла. Они представляли собой целый комплекс «строений» и механизмов. Как правило, состояли из одной или нескольких давилочных площадок, оборудованных дополнительными прессами разного устройства, сливов и накопительных цистерн (одной или нескольких) разного размера и вместимости. Сооружались и те и другие из специально подобранных камней, покрытых

слоями водоупорного раствора («цемянки»). Рядом могли располагаться подсобные помещения с пифосами и амфорами для временного хранения сусла. Производительность самых крупных товарных виноделен могла составлять 10–12 и более куб. м сусла за рабочий день (Винокуров). Для нас особенно важно, что вполне совершенные и даже весьма производительные винодельческие комплексы, судя по раскопкам последних десятилетий, появляются на сельской территории, по крайней мере, Европейского Боспора (памятники «царской» хоры) уже не позднее середины IV в. до н.э. С этого времени они фиксируются практически на всех сколь-либо крупных сельских поселениях ближней и дальней хоры Боспора вплоть до конца античной эпохи. В известной мере о развитии этой отрасли говорят некоторые наблюдения землеустроительного плана (ямы под лозу, «изгороди» от ветра, террасы и т.п.) и производство местной амфорной тары (возможно, Пантикапей, Фанагория и Горгиппия). Упомянем также широкое распространение, в том числе и среди значительной части сельского населения, эллинских культов (в первую очередь - Диониса) и обрядовых действий, связанных с почитанием виноделия и винопитием.

Второй по значению отраслью сельского хозяйства являлось скотоводство. Источником информацией о составе стада, степени развития и масштабах этой отрасли помимо очень ограниченных письменных свидетельств и чисто археологических наблюдений (вероятные стойла для скота, изделия из кости и кожи, конская упряжь, повозки) являются данные палеозоологии, т.е. костные останки животных. Разумеется, эти сведения не оставались неизменными, имея наверняка и локально-территориальные различия, не говоря уже о специфике города и деревни. Согласно первым соответствующим «выкладкам», сделанным уже довольно давно, (Кругликова; Цалкин) на сельских поселениях Европейского Боспора V-II вв. до н.э. на первом месте (36%) стоял мелкий рогатый скот; затем крупный (29%); лошадь (20%) и, наконец, свинья (14%). В первых веках н.э. первенство уже принадлежало крупному рогатому скоту. Новейшие, к сожалению, разрозненные изыскания говорят о том, что картина эта была гораздо более мозаичной и неоднозначной (Каспаров). Здесь ещё многое предстоит сделать, а главное – обобщить. Находки костей и скорлупы яиц птиц (кур, голубей, гусей) свидетельствуют и о наличии птицеводства.

Особая отрасль хозяйства, с которым в той или иной степени было связано сельское население Боспора и Херсонеса – рыболовство. В

сущности, это промысел – эксплуатация природных ресурсов. Причем, по большей части - сезонный. Впрочем, это не отменяет того, что среди боспорских поселян были и профессиональные рыбаки. О рыбных богатствах северочерноморского региона было хорошо известно древним грекам и римлянам. Некоторые рыбные продукты с Понта считались деликатесами и ценились баснословно дорого, а их промысел был весьма прибыльным делом. Помимо самого широкого употребления морепродуктов «на месте» они в свежем, солёном, вяленом и копчёном виде являлись важной статьёй внутренней и внешней торговли. Многочисленные и разнообразные рыболовные крючки, грузила, остатки сетей, гарпунов демонстрируют нам орудия лова. Но самое примечательное – это остатки рыбозасолочных цистерн довольно большой вместимости, раскопанных на некоторых сельских поселениях (ранее известных только в городах), а также строений, вероятно, служивших для хранения и копчения (вяления) рыбы. Видовой состав промысловых рыб по степени их значимости в целом был следующим: осетровые, карповые, окунёвые, сельдь, хамса, кефаль, камбала. Соответственно, имелись различия в приёмах лова и обработке рыбопродуктов. На протяжении рассматриваемого периода соотношение между этими видами в каждом из регионов по различным причинам не оставалось неизменным. Так в первых веках н. э. повсеместно выросла доля сельди и хамсы. Помимо рыбы в немалых количествах, начиная, почему то с III в. до н.э. добывались съедобные моллюски: прежде всего, мидии, морской гребешок (*cardius*), но, возможно, устрицы (?), а также крабы (?) и дельфины. Об организации (регламентации?) лова и распределении рыбы данных у нас почти нет, но в любом случае соответствующие греческие опыт и традиции вывели местное рыболовство и рыбопереработку на уровень товарности (Куманцов).

Об охоте в повседневной жизни «хоритов» сведений у нас ещё меньше. Скорее всего, она тоже велась периодически или сезонно, и вряд ли для сколь-либо значительной категории поселян являлась основным занятием. Соответствующие находки костей на сельских поселениях свидетельствуют, что объектами охоты были зайцы, дикие (одичалые) козы, кабаны, дрофы, гуси, реже лисы, волки, возможно, сайгак и благородный олень (Каспаров).

Не исключено, что какая-то часть сельского населения была вовлечена и в соляной промысел, благо озёра с самосадной солью в Крыму засвидетельствованы в античности (Strabo., VII, 4, 7). Соль в значительном количестве требовалась для рыбозаготовок, о чем писалось выше. В этой

связи обращают на себя внимание следы неких построек эллинистического и римского времени непосредственно на берегах Чокракского озера.

Такова в самых общих чертах картина хозяйственной жизни сельского населения Боспора. Относительно этно-культурной (боспорские греки, крымские скифы, отчасти тавры, меоты, синды, сарматы, аланы, готы и н. др.) характеристики можно сказать, что она не оставалась неизменной на протяжении тысячелетия. Греко-античное и местное варварское находилось тут в постоянной «борьбе и единстве своих противоположностей». О перипетиях, этапах и результатах этого процесса можно судить по раскопкам всё тех же поселений и соответствовавших им некрополей, могильников и святилищ. В целом же, античный этно-культурный компонент заметно преобладал на пространствах ближней (полисной) и царской хоры вплоть до первых веков н.э. Существенная варваризация проступает лишь в позднеантичный период.

В плане социальной дифференциации сельского населения можно предположить следующее: прежде всего, это граждане греческих полисов и городков (?) – собственники по праву гражданства или дарения (на царских землях) с их домохозяевами и т.п. Затем - некое местное варварское население, осевшее на землю или получившее её в условное пользование, степень зависимости которого от центральной власти прямо или опосредованно (через свою знать?) нам неведома. Далее - работники на храмовых землях, права и происхождение которых тоже не известны. Наконец, рабы, скорее варвары, чем греки, но их количество, по всей видимости, было крайне незначительным. Кроме того время от времени число поселян пополнялось военными контингентами, членами царской администрации, вынужденными переселенцами и т.п. Общая же численность собственно сельского населения античного Боспора в наиболее благоприятный период его истории вряд ли превышала 100 тыс. человек (Блаватский).

МАСТЫКОВА А.В.
(ИА РАН, Москва)

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ГОРЗУВИТЫ В 2018 ГОДУ

В 2018 году Гурзуфским отрядом Крымской новостроечной археологической экспедиции были продолжены работы на памятнике Горзувиты, расположенного на территории МДЦ «Артек», в связи со строительством на этом участке лагеря «Солнечный» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ). В 2018 году начались планомерные раскопки грунтового могильника, который был локализован в результате работ 2017 года [Мастыкова, 2018. С. 190].

Первым исследователем этого памятника был А.Л. Якобсон. В 1951 г. он обнаружил здесь остатки средневекового поселения, храмовую постройку («храм в храме») и к западу от храма – могильник [Якобсон, 1951; Якобсон, 1954]. На могильнике им было исследовано десять захоронений. По устройству могильных сооружений А.Л. Якобсон выделил две группы [Якобсон, 1954. С. 114, 115]. К первой группе отнесены четыре погребения (№ 1, 5, 6, 10), обложенные рваным камнем. Ко второй группе – три захоронения (№ 2, 3, 4), совершенные «в гробницах из штучных плит», т.е. стены могильных ям были выложены тщательно отесанными плитами, а сверху перекрыты большими плитами [Якобсон, 1954. С. 114]. В эту вторую группу также были включены и две детских могилы, обложенные черепицей (№ 7, 8). В погребениях обеих групп, как отмечал исследователь, костяки лежали в вытянутом положении на спине, руки сложены на тазу, головой на юго-запад. Могилы и первой, и второй групп были сильно разрушены и вещей не содержали. В то же время, как отмечает А.Л. Якобсон, в разных точках раскопа неоднократно были обнаружены остатки и других сильно разрушенных захоронений, от которых сохранились лишь

разрозненные части костяков [Якобсон, 1954. С. 114]. Безусловно отсутствие сопровождающего инвентаря значительно затрудняло датировку погребений, но тем не менее исследователь пришел к выводу, что все захоронения приблизительно одновременны, поскольку имели примерно одинаковую глубину залегания, одинаковую ориентацию и обряд погребения. Хронологически эти две группы погребений соответствуют, по мнению А.Л. Якобсона, каменным гробницам верхнего слоя могильника Суук-Су, т.е. относятся к VIII – IX вв. [Якобсон, 1954. С. 114, 116, 120; Репников, 1906. С. 69. Рис. 26, 28, 29, 31]. Детские, также безынвентарные, захоронения, обложенные черепицей (№ 7, 8), А.Л. Якобсон считал одновременными друг другу, т.к. в обкладке могильных ям использовались фрагменты одной и той же черепицы, большей частью IX – X вв., а перекрыты обе могилы были кусками одной и той же плиты [Якобсон, 1954. С. 114, 115].

Из десяти открытых в 1951 г. погребений только одна могила (№ 9) была отнесена к более раннему времени, поскольку близка по типу к погребениям нижнего слоя могильника Суук-Су, т.е. к VI – VII вв. Это захоронение было совершено вероятно в деревянном гробу в грунтовой могиле, в которой отсутствовала каменная конструкция, и располагалось оно под детским погребением (№ 7), перекрытым черепицей [Якобсон, 1954. С. 116].

По итогам разведочных раскопок на могильнике в 1951 г. А.Л. Якобсон делает следующие выводы: все погребения были разрушены еще в древности, возможно в результате землетрясения, «затем в X в., т.е. лет через 100–150 после того как на могильнике прекратились захоронения, на месте его... были возведены постройки» [Якобсон, 1954. С. 116].

В 2018 г., приступив к раскопкам могильника, мы попытались установить участок, исследованный А.Л. Якобсоном. Поскольку в отчете и в публикации А.Л. Якобсона отсутствуют топографический план некрополя, а также план расположения двух раскопов (раскоп 1, где был открыт «храм в храме»), то локализация раскопа 2 – могильника проводилась с помощью архивных словесных описаний места проведения работ [Якобсон, 1951. С. 14, 15; Якобсон, 1951а. Рис. 23]. На расстоянии 20 м к западу от первого раскопа 1951 г., нам удалось приблизительно локализовать участок могильника, раскопанного А.Л. Якобсоном. Раскоп 2018 г. был заложен западнее храма. В эту территорию попал и участок могильника, раскопанный в 1951 г.

В 2018 г. некрополь был исследован на площади – 2200 м². Он располагался на отвесном склоне, местами его крутизна достигала 45°. В ходе исследования было открыто более 20 грунтовых погребений. По погребальным конструкциям выявленные могилы в целом можно разделить на две группы – перекрытые массивными каменными обработанными плитами и перекрытые фрагментами черепицы или пифосов. Стены же могильных ям оформлялись по-разному, выделяется несколько вариантов: выложенные обработанными плитами и/или «рваными» необработанными камнями; длинные стены ям выложены обработанным ракушечником, торцовые – обработанными плитами; все стены выложены рваным камнем, в одной торцовой стене – вертикально поставленные целые керамиды; стены выложены фрагментами черепицы и необработанным камнем. И только одно погребение совершено в грунтовой могиле, которая не имела каменной конструкции (Мастыкова, 2019). Погребений с гробовищами, характерными для нижнего слоя могильника Суук-Су (VI – VII вв.), в отличие от 1951 г., зафиксировано не было.

В целом, погребения имеют подпрямоугольную в плане форму, но не всегда точную форму могильной ямы можно проследить. Точно также, как и на участке, раскопанном в 1951 г., у большинства могил погребальные конструкции нарушены, зачастую перекрывающие плиты треснуты, провалены в глубь могильного пространства, иногда фиксируются в вертикальном положении. По всей видимости, это результат эрозионных, гравитационных (оползни, обвалы) и сейсмических процессов, активно проявляющихся на данной территории. В связи с этими же явлениями во многих захоронениях положение костяков сдвинуто, костяки растянуты в длину или «разорваны» (рис. 1). Но тем не менее, там, где удалось проследить позицию костяков *in situ*, то можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на северо-запад/юго-запад или запад.

В некрополе открыты могилы с индивидуальными захоронениями, но некоторые гробницы (например, № 11А, 12, 13 и др.) содержали останки нескольких индивидов, лежавших послойно, но при этом они были сдвинуты и перемешаны, а анатомический порядок костяков был нарушен (рис. 2). В 1951 г. А.Л. Якобсоном было исследовано подобное погребение (№ 2), которое, по его мнению, было превращено в костницу, т.к. могила содержала пять костяков [Якобсон, 1954. С. 116]. Трудно сказать, стоит или нет относить могилы с большим количеством погребен-

ных к так называемым костницам, но следует отметить, что, например, в подобных захоронениях, исследованных в 2018 г., были обнаружены различные предметы, в том числе связанные с конкретными костяками, хотя, конечно, зачастую соотношение многих находок с каким-либо погребенным не представлялось возможным. Скорее всего, такие гробницы с большим количеством погребенных иллюстрируют распространившуюся в византийском мире практику создания внутригородских кладбищ, где недостаток места приводил к многократному использованию одних и тех же могил – в них помещали вновь умерших, и, чтобы освободить место, сдвигали в сторону останки более ранних захоронений [Голофаст, Мастыкова, 2018. С. 367, 368].

Как уже было сказано, в 2018 году, в отличие от 1951 г., были обнаружены могилы с сопровождающими вещами, но также зафиксированы и могилы безынвентарные. Предметы погребального инвентаря (пряжки, серьги, перстни, нательные крестики и пр.) относятся к типам характерным для ранневизантийской традиции и в целом хорошо изучены (Айбабин, 1990; Айбабин, Хайрединова, 2017). Судя по найденным вещам, могильник появился не позднее второй половины VII – начала VIII в. и функционировал вероятно долгое время, возможно вплоть до закладки нижнего храма, который существовал еще в XIII в. [Голофаст, Мастыкова, 2018. С. 366, 367, 373].

Вероятней всего, некрополь на всем протяжении его функционирования, принадлежал одной и той же группе населения, поскольку погребальный обряд остается практически неизменным – это в основном плитовые конструкции, характерные для погребений с инвентарем как VII–VIII вв., так и более позднего времени. При этом в плитовых могилах отмечены находки вещей, характерные уже для VII в., например, погребение № 8 (рис. 3) с пряжкой типа Митилена, относящаяся по классификации М. Шульце-Дёррламм к типу E-24¹. Этот тип формируется, по ее мнению, с конца VI – начала VII в. (погребение в Тал-и-Мальян в Иране, с монетой Хосрова II (591–628 гг.). Бытовали пряжки этого типа короткое время – к середине VII в. они выходят из моды (Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 77–79).

¹ Этот тип назван по находке пряжки из клада в Митилене на о. Лесбос, в составе которого были 30 монет, в том числе Фоки (602–610 гг.) и Ираклия (613–629/630 гг.)

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. С. 3–86.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: ООО «Антиква». 368 с.

Голофаст Л.А., Мастыкова А.В., 2018. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // МАИЭТ. Вып. XXIII. С. 359–395.

Мастыкова А.В., 2018. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялтинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.: ИА РАН. С. 186–191.

Мастыкова А.В., 2019. О погребальных конструкциях средневекового могильника Горзувиты // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина. Симферополь, 10–11 января 2019 г. / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь. С. 84, 85. Цв. вк. 11, 12.

Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. Вып. 19. С. 1–80.

Якобсон А.Л., 1951. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1951. № 654.

Якобсон А.Л., 1951а. Раскопки средневекового поселения Горзувиты в 1951 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р-1. 1951а. № 655.

Якобсон А.Л., 1954. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. Вып. 53. С. 109–120.

Schulze-Dörrlamm M., 2009. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römischen-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Schnallen mit Scharnierbeschlag und Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 404 S. Farbtafeln.

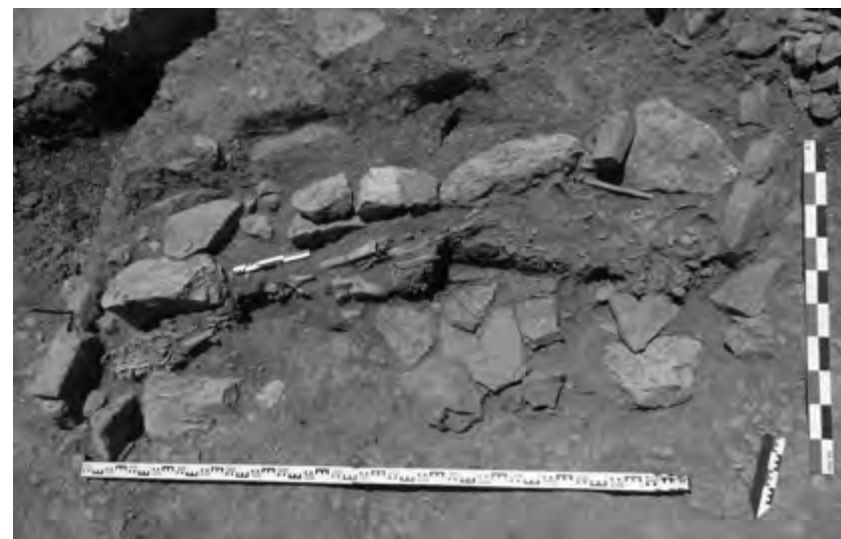

Рис. 1. Горзувиты-2018. Погребение 13

Рис. 2. Горзувиты-2018. Погребение 12

МИЛИХИНА Н.М.
(СПбГУ, С-Петербург)

ДВЕ АРХАИЧЕСКИЕ ЗЕМЛЯНКИ ИЗ МИРМЕКИЯ

Ранний этап существования греческих колоний Северного Причерноморья так или иначе привлекает внимание каждого исследователя этого региона. Зачастую понимание особенностей периода первичного формирования поселения затруднена в связи с разрушением ранних слоев в ходе последующей застройки. Сведения о ранней стадии домостроительства на Боспоре обрывочны, однако известно, что, как правило ей соответствуют постройки земляночного типа. Такие комплексы редки и дискуссионны, и потому каждый из них представляет немалый интерес.

Первый исследователь античного Мирмекия, В.Ф. Гайдукевич, относил появление городища ко второй четверти – середине 6 в. до н. э., основываясь на находках нескольких фрагментов ионийской керамики, тогда как постройки этого времени не были зафиксированы. Впервые ранние строительные комплексы были обнаружены на городище в ходе планомерных раскопок 1980-90х гг. под руководством Ю.А. Виноградова. Работы тех лет, сосредоточившиеся в западной части памятника, в непосредственной близости от скалы акрополя, открыли 8 землянок, а также часть оборонительной стены третьей четверти 6 в. до н. э. Эти находки позволили уточнить временные рамки существования городища и отнести его основание рубежу первой – второй четвертей 6 в. до н.э. (Butyagin. 2007). Также, исходя из отсутствия архаических строительных остатков в центральной и восточной частях памятника, был сделан закономерный вывод: на первом этапе существования Мирмекий представлял небольшое поселение, ограниченное скалой современного Карантинного мыса и территорией, непосредственно примыка-

Рис. 3. Горзувиты-2018. Погребение 8

ющей к нему. Тогда как территории к востоку были освоены и застроены только в начале следующего столетия.

Результаты новейших работ в центральной части городища позволили дополнить и уточнить данные о раннем строительном этапе памятника. В 2006-2007 гг. на участке «И» под большим позднеархаическим домом была обнаружена первая в этой части городища заглубленная постройка, интерпретированная как землянка. Важно отметить, что под термином «землянка» в данном случае подразумеваются заглубленные конструкции в целом, включая и полуземлянки. Так зафиксированный котлован глубиной до 1,38 м имел подпрямоугольную форму со скругленными углами, общая открытая площадь составила около 7 м². Борт котлована имел ступень шириной от 0,4 до 0,6 м и высотой до 0,4 м, причем, вероятно, она служила основанием для сырцовый выкладки стены. Пол землянки в отдельных местах сохранил следы глиняной обмазки. Большая доля керамического материала, обнаруженного в заполнении комплекса пришлось на фрагменты хиосских пухлогорлых, клазоменских, протофасосских и лесбосских красноглиняных амфор. Также здесь найдено значительное количество фрагментов ионийской столовой посуды и несколько обломков чернофигурных сосудов. Кроме того, показательное высокое содержание лепной керамики (29,4% от состава керамического комплекса без учета амфорной тары). Всё это позволяет отнести формирование комплекса к третьей четверти 6 в. до н. э.

В 2017 г., спустя десять полевых сезонов, был обнаружен аналогичный заглубленный комплекс – вторая землянка на участке. Северная часть её котлована оказалась скрыта под бортом раскопа и на данный момент её исследование не представляется возможным из-за установленного в 1960-е гг. бетонного навеса над винодельней. Однако и раскрытая, возможно, меньшая, часть комплекса дает немалое представление о постройке. Длина полностью расчищенного южного борта котлована составила 3,1 м, а общая открытая площадь – около 4,4 м². Так же, как и в первой землянке, по краю котлована зафиксирована ступень шириной около 0,4 м. В середине южной стены у борта сделано небольшое полукруглое отверстие (0,28x0,2 м), которое могло служить для установки столбовой конструкции.

Среди керамического материала преобладали хиосские пухлогорлые и фасосские амфоры, реже встречались фрагменты протофасосского типа, а также лесбосской красноглиняной, клазоменской амфорной тары. Так же, как и в ранее открытой землянке, в заполнении

содержалось значительное количество фрагментов лепной посуды (34,3 % без учета фрагментов амфор), присутствуют и фрагменты чернолаковой столовой посуды. Кроме того, здесь был найден фрагмент терракоты (две ступни на постаменте), возможно, являющейся ранним вариантом изображения богини на троне. Таким образом, можно предположить, что землянка, засыпанная на рубеже 6-5 вв. до н. э., была сооружена не позднее последней четверти 6 столетия до н. э.

Немаловажно, что на прилегающей к землянке территории обнаружен ряд синхронных ей хозяйственных ям. Все они были вырыты с уровня древней погребенной почвы, равно как и землянка. А их близкое расположение друг от друга (от 1 до 2 м), позволяют предположить существование здесь единого жилищно-хозяйственного комплекса.

Однако нельзя исключить, что исследованные в 2007 и 2017 гг. землянки не являлись жилыми, а были предназначены для хозяйственных целей, поскольку внутри комплексов или неподалеку не было обнаружено ни очагов, ни жаровен или следов прокала. В этом случае можно подозревать существование неподалеку еще одной землянки, превосходящей по площади две другие. На рубеже 6-5 вв. до н. э. котлованы землянок и ям засыпаются. Вероятно, это происходит в краткий временной промежуток, поскольку характер грунта заполнения обеих землянок и связанных с ними ям сходный. После чего здесь начинается следующий строительный этап, появляется регулярная застройка, на месте землянок возводятся наземные дома.

Таким образом, представленные комплексы заставляют по-новому взглянуть на ход развития структуры городища в 6 в. до н. э. Ранее имевшиеся данные свидетельствовали, что в течение этого столетия Мирмекий занимал скалу акрополя, постепенно развиваясь к северу, а граница поселения не проходила восточнее крупного скального выхода, тянувшегося с юга на север и отделяющего прилегающие к акрополю территории от центральной низинной части памятника. Существование одной землянки позволяло предполагать спорадическое использование территории, тогда как обнаружение здесь же второго аналогичного комплекса совместно с группой ям говорят об устойчивом освоении центральной части Мирмекия наравне с территорией акрополя в последней четверти 6 в. до н. э. Опираясь на схему раннеархаической застройки поселения, описанную С.Д. Крыжицким, можно предположить, что обнаруженные землянки, и близлежащие ямы составляли единые хозяйственные структуры, «кусты» (Крыжицкий, Буйских. 1988). При-

чем каждый такой «куст» мог находиться на значительной друг от друга дистанции, как в случае Мирмекия, где расстояние между группами землянок на западе и в центральной части составляет не менее 150 м.

Наконец, особый интерес вызывает обнаруженный на восточной окраине памятника участок архаического некрополя Мирмекия. Эта важная находка косвенно свидетельствует о том, что граница поселения должна была находиться восточнее, чем это предполагалось ранее. Учитывая расстояние между открытыми землянками в центральной части городища и некрополем, можно предполагать существование еще одной или нескольких жилищно-хозяйственных структур в этом районе, а также, возможно, северо-восточнее, в то время как некрополь располагался юго-восточнее поселения. Кроме того, отдельно следует отметить открытые на некрополе погребения младенцев в амфорах. Их присутствие среди раннеархаических захоронений Мирмекия подтверждает факт постоянного проживания здесь семей греческого происхождения, которые, наряду с местным населением, на первом этапе формирования поселения обосновывались в землянках.

ЛИТЕРАТУРА

Butyagin A.M. Archaic Myrmekion // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th-1st Centuries BC. Proceeding of the International Conference October 2000, Taman, Russia.* (ed. by S.L. Solovyov) BAR International Series 1729. Oxford, 2007. P. 22-25

Крижицкий С.Д., Буйських С.Б. Структура архаичного поселения Нижнего Побужья // *Археологія.* 1988. Вип. 63. С. 1-8

МИНАЕВ А.П.

(Азовский историко-археологический музей-заповедник, Азов)

ПОСЕЛЕНИЕ ЧУМБУР-КОСА-I В АЗОВСКОМ РАЙОНЕ – ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Поселение Чумбур-Коса-I расположено в 100м к юго-западу от х. Чумбур-Коса Азовского района, вытянуто вдоль побережья Таганрогского залива Азовского моря, длиной около 900 м и шириной около 350 м. Поселение активно разрушается в результате природных факторов и деятельности кладоискателей. Северо-западную часть поселения занимает роща, которая периодически выжигается (по слова местных жителей – кладоискателями для облегчения поиска подъемного материала).

Поселение было впервые выявлено И.В. Белинским, благодаря многочисленным находкам, собранным в 1999 г. В 2004 г. и 2008 г. памятник обследовался А.Н. Масловским, в 2011 г. – М.Ю. Гончаровым, в 2014 г. - Д.И. Зенюком, в 2015 г. – А.П. Минаевым, в 2016 г.- С.А. Кравченко, в 2017 г. – Б.А. Якиевым, в 2018 г. – А.Н. Масловским. Проведенные исследования позволили установить, что данное поселение является многослойным памятником, в котором можно выделить три периода: 1) период ранней и поздней античности (VI-IV до н.э.); 2) салтово-маяцкая культура (VIII-X вв.); 3) эпоха Золотой Орды (XIII-XIV вв.) (Зенюк, 2016, с. 181).

Всего за 1999-2014 гг. из сборов и шурфовок на поселении было найдено 168 фрагментов керамики VI-IV веков. Амфорная керамика представлена гончарными центрами Клазомен (38 ед.), Лесбосом (2 ед.), Фасосом (1 ед.), Гераклеей (4 ед.), Синопом (3 ед.), Самоса (1 ед.), а также из не выделенных на настоящее время прочих центров Причерноморья и Восточного Средиземноморья (109 ед.). Кроме амфорной керамики, на поселении были встречены фрагменты краснолаковой (3 ед.), круговой (5 ед.) и лепной (2 ед.) посуды. Высокий процент импортной амфорной тары показывает о вовлеченности памятника в торговлю с греческими поли-

сами и их колониями. А достаточно большое количество клазоменских амфор можно связать с заметкой Страбона «о станциях клазоменян» на берегах Меотиды (Брашинский, 1980, с.3).

В разные годы на поселении было собрано 52 бронзовых наконечника стрел раннескифского времени (VI-V вв. до н.э.). Большинство наконечников были или с не отрубленными литниками, или с обломанными острями. Наконечники представлены двумя формами в равном количестве – двухлопастными (26 ед.) и трехлопастными (26 ед.). Среди двухлопастных наконечников можно выделить 3 формы – с удлинено-ромбической головкой и выступающей втулкой (12 ед.), с вытянутой листовидной головкой и выступающей втулкой (13 ед.) и с остролистной головкой с опущенными вниз заостренными окончаниями лопастей с широкой удлиненной втулкой (1 ед.). Вторая форма представлена 5 типами – с вытянутой ромбической головкой и выступающей втулкой (12 ед.), с вытянутой остролистной головкой и выступающей головкой (3 ед.), с треугольной головкой с опущенными книзу заостренными окончаниями лопастей (7 ед.), с прямым основанием (1 ед.) и трехгранной головкой (3 ед.). (рис. 1). Прочие наконечники представляют собой тот или иной переходный вариант внутри каждой формы.

Литейные формы наконечников стрел на территории Скифии архаического периода не найдены, но найдены материалы с других памятников, удаленных от самой Скифии на многие сотни километров (Черненко, 1981, с. 95). Из Мосула происходит литейная форма, датируемая VI в. до н.э. В этой форме мастер мог изготовить три двухлопастных и два двухлопастных наконечника (Черненко, 1981, с. 95, рис. 71). Наконечники стрел литейной формы из Мосула близки к формам наконечников, найденных на Чумбур-Косе.

Среди индивидуальных предметов эпохи ранних скифов, найденных на поселении, стоит выделить две вещи. Первая вещь – бронзовая литая бляха округлой формы с полусферической выступающей центральной частью, ограниченной рельефным ободком и уплощенными краями, имеющими загнутый внутрь ободок (рис. 2, 1). На выступ нанесен углубленный орнамент в виде восьмилучевой звезды с округлым центром. На обороте бляшки сохранились следы пластинчатой дужки. В центре, возможно, отверстие со следами проволоочной вставки. Бляшка использовалась вторично - её ободок был пробит шестью округлыми отверстиями. Сходные бронзовые бляшки известны из урартских памятников. В помещении № 36 при расчистке бронзового ламмелярного доспеха

были найдены четыре бляшки, которые Б.Б. Пиотровский именовал пуговицами, с внутренней проволоочной петлей для крепления, закрепленной в центре. На одной из них имеется посвятельная клинописная надпись царя Аргишти I (Пиотровский, 1955. С.33, 35 Рис.25). Следует отметить, что их диаметр меньше, чем у нашей находки (Пиотровский, 2011. С.651. Кат.1140; 1141). Сходные бляшки-пуговицы известны и из других урартских памятников (Seidll, 2004. S.278. Abb.39).

Данный предмет, скорее всего, является трофеем, захваченным скифами в ходе переднеазиатских походов.

Вторая вещь - литой наконечник ножен (рис. 2, 2). Наконечник уплощенный, усечено-конической в плане формы, с небольшим скругленным выступом на окончании. В верхней части над устьем имеется рельефный ободок, а под ним бордюр из низкорельефных треугольников, направленных вершинами вниз. На одной из сторон отверстие – повреждение, или литейный брак. Точных аналогий автором работы не встречен. Однако в памятниках эпохи скифской архики достаточно широко представлены бронзовые гладкие наконечники ножен, с отверстиями для крепления к основе: Старшая Могила, курган 5 у с.Рыжановка, курган 77 у с.Куриловка в Поднепровье, курган в г.Константиновск-на-Дону, Нижнее-Чегемский могильник в горах Кабардино-Балкарии и др. (Ильинская, 1968. Табл.1, 1; 1975. Табл. XXII, 8; Ковпаненко и др., 1989. Рис.12, 2; Кияшко, Кореняко, 1976. Рис.2, 1; Виноградов, 1972. Рис.28, 3).

Подводя краткие итоги исследований, можно говорить о важной роли поселения Чумбур-Коса в Приазовье. Время появления памятника, судя по достаточно большому количеству стрел «жаботинского» типа и амфорной керамики Клазомен, Самоса и прочих гончарных центров, относится к последней четверти VII в. до н.э. Находки не только массовой керамики, но и таких элитных вещей, как бронзовая бляха и наконечник ножен показывает высокий статус поселения в северо-восточном Приазовье.

За последние годы резко усилилась грабительская деятельность так называемых «черных археологов», которые наносят ощутимый вред памятнику. Так же на поселении проводятся незаконные земляные работы по выработке карьера и устройства в нем свалки. Поэтому в дальнейшей перспективе следует усилить государственный надзор за сохранением памятника, а так же его более детальное изучение.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.

Зенюк Д.И. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013-2014 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013-2014 гг. Азов, 2016. С.163-228

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, Наукова думка, 1968. 268 с.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин (VII – VI вв. до н. э.). Киев, Наукова думка, 1975. 224 с.

Кияшко В.Я., Кореняко В.А. Погребение раннежелезного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. 1. С.170 – 177.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М. - Берлин – Бордо: Палеограф, 2006. 176 с. 125 табл.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур III. Ереван, издательство АН Армянской ССР, 1955. 74 с., табл.

Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. СПб., Искусство России, 2011. 656 с.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, Наукова думка, 1981. 168 с.

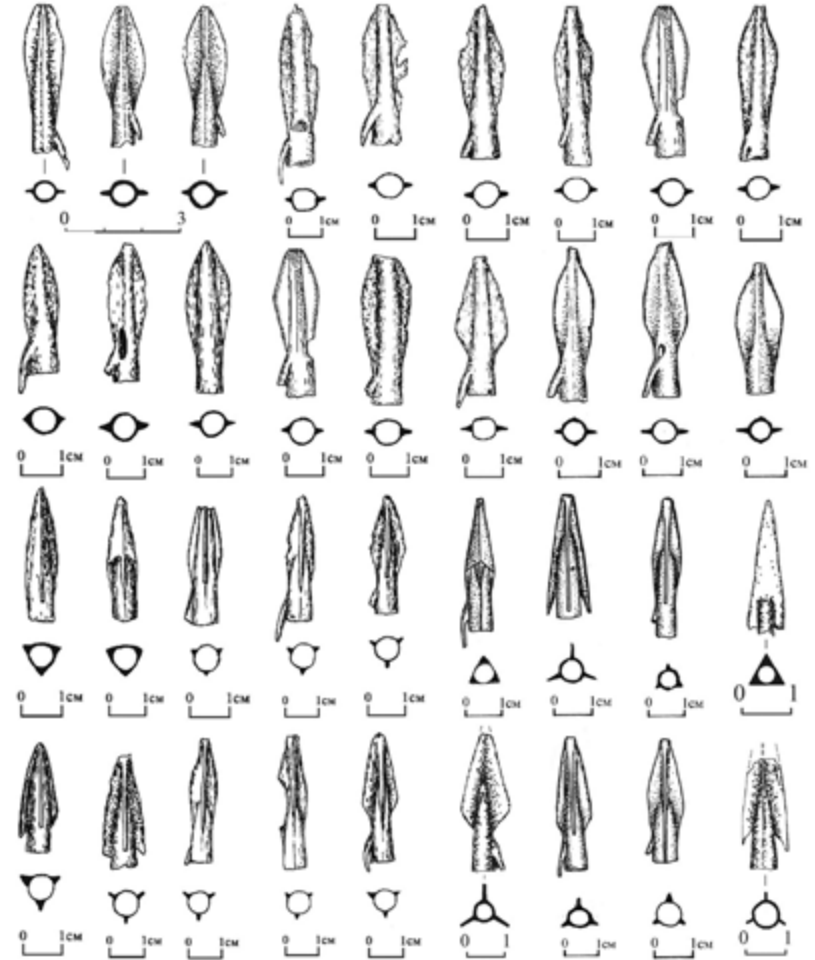

Рис. 1. Поселение Чумбур-Коса I. Бронзовые наконечники стрел из сборов

Рис. 2. Поселение Чумбур-Коса I. 1-Бронзовая бляха;
2-Бронзовый наконечник ножен.

МОЛЕВ Е.А.
(ННГУ, Н-Новгород)

ПРИЧИНЫ ДОЛГОЛЕТИЯ БОСПОРСКОЙ ТИРАНИИ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Тирания в Греции была достаточно распространенным, но не всеобщим явлением. Многие полисы, особенно аграрные, избежали тирании (Карпюк С.Г. 1997, с. 38)¹. Как политическая система греческих полисов она достаточно хорошо изучена. Ее особенности, этапы развития и хронологические рамки в целом не вызывают больших сомнений. Прежде чем перейти к рассмотрению тирании на Боспоре, отметим два важных фактора в ее появлении и развитии, характерных для собственно античной историографии: во-первых, само понятие тирания представляло для греков единое явление независимо от времени ее возникновения, в то время как у современных авторов тирания разделяется на раннюю (старшую), проперсидскую (в завоёванных персами греческих городах Малой Азии и на островах Эгейского моря) и позднюю; во-вторых, она всегда рассматривалась как кратковременное явление. Не случайно, говоря о долголетии тиранической власти Клавдий Элиан смог выделить только три таковых, которые просуществовали до внуков включительно (Ael. Var. hist. VI, 13). Среди них Элиан называет и правителей Боспора – Левконидов.

Главной особенностью боспорской тирании, весьма существенно отличающей ее от всех аналогичных античных образований, является ее долголетие, существенно превосходящее в этом отношении все известные тирании античного мира. Правда, основной наш нарративный источник по Боспору – Диодор Сицилийский так не считал. По его мнению,

¹ *Есть правда, и точка зрения, что раннегреческая тирания была «практически повсеместным явлением». См. Finley M.J. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. London. 1970. P. 91, 99 ff., 105 ff. Но для нашего исследования это не столь принципиально.*

самую великую и продолжительную тиранию создал Дионисий Старший: «ибо он (Дионисий), как кажется, создал себе тиранию из всех засвидетельствованных историей самую великую и продолжительную – Diod., XIII, 96,5. См. и другие его высказывания в главах: XVI, 5,4; 9, 1; XX, 78,3 – «величайшая династия Европы»).

Это несколько странно, поскольку время правления Дионисия и его преемников, что было ему хорошо известно, составляло около 59 лет (405-346), а время правления Спартокидов (точно известное Диодору по сохранившимся главам его работы – от Спартока I до конца правления Спартока III) около 150 лет (438-284 гг. до н.э.). Вероятнее всего, это его мнение связано с тем, что Диодор в данном случае имел в виду совокупность мощи и времени правления только одного тирана (Фролов, 1979, с. 7), хотя и это не совсем точно, если учесть, что время правления Дионисия составляло 37 лет (405-367 гг. до н.э.), а время правления наиболее выдающихся правителей Боспора – Левкона I и Перисада I составляло соответственно 40 и 37 лет. И значимость последних в античном мире оценивалась не менее высоко – один стал официально признанным основателем династии (Ael. Var. hist. VI, 13), другой, после его смерти, был даже признан богом (Strabo., VII, 4,4). Но вернемся к Боспору.

Нам уже приходилось говорить о причинах особенностей пути развития боспорской государственности в целом (Молев 2012. С. 77-79; Молев 2016, с. 7-13). Но в начале нашего нынешнего исследования мы отметим некоторые особенности греческой тирании, которые способствовали ее долголетию и которые уже были отмечены как таковые, рядом специалистов по истории тирании и Боспора.

Бесспорно крупнейший авторитет среди современных исследователей по проблемам греческой тирании Гельмут Берве (Фролов 2002, с. 16), подводя итог своему исследованию греческой тирании, отметил, что «у большинства тиранов или тираноподобных правителей речь идет о минутном величии, которое лишь на короткое время определяло судьбу города или области, не оставляя глубоких следов» (Берве 1997, с. 626).

К аналогичным выводам пришел Э.Д. Фролов. Характеризуя фактор долголетия древнегреческой тирании он отмечает: во-первых, что в классической Греции «Тирания могла быть лишь преходящей, не имеющей прочных корней в обществе властью» (Фролов 1972, с. 197) и, во-вторых, что «на почве одних лишь греческих полисов с их традиционным республиканизмом длительное и прочное существование режимов личной власти было невозможно» (Фролов 1990, с. 52). Оба вывода впол-

не согласуются с вышеприведенными точками зрения античных авторов. Следовательно, такое положение должно было бы быть характерным и для эллинских полисов Боспора, как минимум, до их объединения в единое государство.

Тем не менее, и некоторые элементы античной государственной системы могут также быть причиной долговечности боспорской тирании. Так, А.А. Завойкин совершенно справедливо отметил, что «Сатир I и Левкон I, завоевав соседние с Пантикапем полисы, по-видимому, инкорпорировали их в состав своего государства на правах, условно говоря, демов, полностью лишив их политической самостоятельности» и эта «принудительная симполития оказалась чрезвычайно устойчивой и исторически перспективной, как раз в силу того, что опиралась на традиционные полисные формы» (Завойкин 2012, с. 292-293).

Определение процесса объединения Боспора, как «принудительная симполития», на мой взгляд, вполне логично и соответствует подобным процессам в ряде эллинских полисов. В частности в Сиракузах современник первых Спартокидов Дионисий Старший действовал таким же образом (Фролов 1979, с. 136, 140-142). Кстати, такая «принудительная симполития», была характерна не только для полисов с тиранической формой правления. Так, ближайший сосед Боспора – дорический Херсонес, принудительно включил в состав своего полиса ионийскую Керкенидиду и, возможно, ряд иных более мелких поселений Тарханкутского полуострова, причем при сохранении демократического характера власти в своем полисе (Шелов-Коведяев 1985, с. 173-174; Кутайсов 1990, с. 153). А.Н. Щеглов считал, что Керкенидида вошла в состав Херсонесского государства на правах союзного полиса (Щеглов 1978, с. 120), а Ю.Г. Виноградов (Vinogradov 1987, s. 33) предположил, что этот ионийский полис был поглощен Херсонесом через симполитию (курсив мой – Е.М.). Последнее заключение мне кажется более вероятным, поскольку более соответствует процессам формирования полисов и в собственно Греции, где наиболее распространенным способом «перерастания протополиса в подлинный город-государство, в полис, был синойкизм» (Фролов 2004, с. 87; там же литература вопроса), а позднее с V в. до н.э. – симполития, включавшая в себя этнически близкие полисы и племенные объединения (Беотийская, Фессалийская, Фокидская, Аркадская и Халкидская симполитии).

То, что подчиненные Спартокидами города (прежде всего милетские колонии, среди которых Пантикапей был древнейшим и наиболее

значительным) были включены в состав полиса, скорее всего, аналогичным образом особенно ярко подтверждается общим названием полиса – Боспор. Связь этого названия с проливом Боспор Киммерийский, по берегам которого и располагалось большинство этих колоний, очевидна. Исключительное (возможно, союзное) положение в этой симполитии занимала только Феодосия, что, по моему мнению, связано с тем, что процесс ее присоединения к Боспору произошел по мирному соглашению, а не в результате прямого военного завоевания (Молев 2013, с. 167).

Другой фактор долголетия боспорской тирании отметил А.А. Масленников. Рассматривая возможные варианты развития Боспорского государства, он отмечает, что сложившаяся на Боспоре модель руководства, «оказавшись оптимальной в конкретных условиях и в определенное время, демонстрировала и впоследствии... свою преимущественность» и убежден, что «процесс создания Боспорского царства был связан с активной политической деятельностью пантикапейских тиранов, власть которых особенно укрепилась после включения в состав государства варварских племен» (Масленников 2012, с. 307-310). Здесь автор особенно подчеркивает роль личностного фактора.

Как известно, большинство представителей греческой тирании (особенно раннегреческой) были людьми, несомненно, выдающимися (Фролов 2004, с. 166). То, что в глазах современников таковыми были и первые Спартокиды, подтверждается предоставлением им афинского гражданства, увенчанием золотыми венками и установкой памятников им в Афинах (Demoth., adv. Lept. XX, 30=SC., с. 150; Dinarch, adv. Dem, 43=SC., с. 167; SIG3, I, 206), а также и тем, что одного из них – Перисада I, даже признали Богом (Strabo., VII, 4,4).

Таким образом, уже традиционная форма полиса вполне могла способствовать долголетию тирании при условии успешной внешней политики тирана и предоставлении подчиняемым полисам определенной доли внутренней автономии.

Несколько иному фактору отдает предпочтение Ю.А. Виноградов. По его мнению «адаптация Боспорского государства к изменениям военно-политической ситуации в степях... являлась важной составляющей, определившей своеобразие его многовекового исторического пути» (Виноградов 2012, с. 301). С этим нельзя не согласиться. Влияние многочисленных и воинственных варварских племен на политическую жизнь эллинских полисов прослеживается во всех уголках античной оокумены. Но нельзя и забывать, что процесс формирования той или иной формы

государственности в еще большей мере зависит от внутренних причин и традиций, свойственных национальным формам организации общества. Для Греции таковой формой является полис. И значит, формирование боспорской государственности – это, прежде всего, процесс эволюции античного полиса в конкретных условиях (Молев 2013, с. 169).

Сразу оговоримся, что центром боспорской государственности мы (вслед за античными авторами: Ps. Skymn. 835-840; Diod. XX, 24; Amm. Marc. XXII, 8, 26) считаем Пантикапей и потому процесс территориального и государственного формирования Боспора для нас – это, прежде всего, процесс пространственного и качественного развития пантикапейского полиса (Молев 2015, с. 206).

Наиболее полно и основательно процесс формирования боспорской государственности рассмотрен в серии работ С.Ю. Сапрыкина, который считает, что приход к власти Археанактидов был вызван внутренними причинами развития пантикапейского полиса (Сапрыкин 2003, с. 19; Сапрыкин 2012, с. 386). Переход же власти от Археанактидов к Спартокидам, по мнению автора, стал лишь сменой правящей группировки без изменения социальной и экономической сущности власти, остававшейся тиранической, что и обусловило ее долговечность. Правда, позднее Сергей Юрьевич склонился к точке зрения о том, что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию одного знатного рода (Сапрыкин 2013, с. 39), активно развиваемой И.Е. Суриковым (Суриков 2014, с. 84), что несколько сокращает долголетие тиранического правления на Боспоре в целом. Но не меняет ее сущности.

Таковы вкратце основные точки зрения на причины долголетия боспорской тирании. Уточнение их и собственные взгляды на проблему мы изложим в докладе.

ЛИТЕРАТУРА

Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, Феникс, 1997. 640 с. Пер. с немецкого О.Е. Рывкиной.

Виноградов Ю.А. Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2012. С. 301.

Завойкин А.А. Боспорская монархия: проблема периодизации // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспон-

дента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18-20 апреля 2012 г. : материалы конференции / [редкол.: д.ист.н. Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 292-293.

Карпюк С.Г. Лекции по истории древней Греции. — М.: Ладомир, 1997. 160 с.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев, Наукова Думка, 1990. 176 с.

Масленников А.А. Историческая вариантность для Боспора // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18-20 апреля 2012 г. : материалы конференции / [редкол.: д.ист.н. Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 302-308.

Молев Е.А. О причинах особенностей боспорской государственности // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова. Н.Новгород, 2012. С.

Е.А. Молев. Некоторые итоги дискуссии о проблеме образования Боспорского государства (по материалам круглого стола «Образование Боспорского государства: от полиса к царству». Москва, 18 апреля 2012). // Мнемон. 2013. Вып. 12. С. 166-172.

Е.А. Молев. Территориальное и государственное формирование Боспора в VI в. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы международной конференции М., 2015. С. 205-2012.

Молев Е.А. Особенности боспорской государственной системы // ИРЕСИОНА. Вып. 5. / Болгов Н.Н. (отв. ред.). Белгород, издательский дом «Белгород», 2016. С. 7-13.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003, № 1. С.

Сапрыкин С.Ю. Тирания на Боспоре и градостроительство // XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012. С. 386.

Сапрыкин С.Ю. Археанактиды и градостроительство // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. ...

Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V-IV вв. до н.э. (взгляд из Эллады) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Подосинов А.В., Габелко О.Л. М., 2014. С.

Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., изд-во Ленинградского университета, 1972.

Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., изд-во Ленинградского университета, 1979.

Фролов Э.Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. ...

Фролов Э.Д. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрогантском тиране VI в. до н.э. // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. / Э.Д. Фролов (ред.). СПб., 2002. С.5-20.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2004. 233 с.

Ф. В. Шелов-Коведяев. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.

Щеглов А.Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., Наука, 1978. 159 с.

Finley M.J. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. London. 1970.

Vinogradov Ju.G. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IXe Congrès International d'epigraphie grecque et latine. Sofia, 1987. V. 1. S. 9-77.

МОЛЕВА Н.В.
(ННГУ, Н-Новгород)

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ БОСПОРСКОГО ГОРОДА КИТЕЯ: САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Общеизвестно, что в мировоззренческих представлениях древних греков сам полис и его фортификационные сооружения, кроме своего основного, имели и сакральное значение. Крепостные стены защищали город не только от военных нападений, но и маркировали собой границу Космоса и Хаоса (Андреев 1995, с. 29). Под первым подразумевался мир цивилизации, созданный человеком, упорядоченный законами и традициями городской жизни; под вторым – мир природных стихий и варварства, часто враждебных людям (эллинам). Ограждение городского пространства мощными стенами и башнями, безусловно, было необходимым, но еще недостаточным действием для безопасности городов. В религиозных представлениях древних существовало множество сил, угрожавших прочности городских стен и башен: землетрясения, наводнения, оползни и пр. Поэтому и строителями оборонительных сооружений, и жителями городов предпринимался целый ряд мер, призванных обеспечить крепости божественную защиту. Для Боспорского государства и его центров, находившихся в опасном сейсмическом регионе и в окружении степных, часто враждебных варварских племен, такая защита было особенно актуальна. Следы сакральных действий, призванных «усилить» мощь фортификационных сооружений, хорошо заметны при их археологических исследованиях. Они обнаружены в Тиритаке, Мирмекии, Порфмии, Илурате, на городищах «Белинское» и «Ахтанизовская-4». Весьма вероятно, что такие следы есть и в других боспорских городах (не все эти факты опубликованы). Достаточно ярко сакральная составляющая оборонительных стен и башен прослежива-

ется и в боспорском городе Китее, где фортификационные сооружения исследовались в течение 30 лет.

Начнем с закладных жертвоприношений, которые совершались при строительстве крепостных стен и башен. Такие ритуальные действия имели место в самом начале фортификационных работ, поскольку все эти жертвы присутствовали в цоколях сооружений. В представлениях жителей прочность городских стен зависела не только от мастерства архитекторов и строителей, но и от воли хтонических божеств, колебателей земли и вод, а также – от богов-покровителей города. Поэтому закладные жертвы в стенах и башнях крепостей выглядят вполне логичными и объяснимыми. Они довольно разнообразны: это монеты, антропоморфные изваяния, алтари, терракоты помещенные в кладках, а также – ритуальные жертвоприношения собак.

Все известные случаи ритуалов, связанных с этими животными относятся ко времени сооружения укреплений в Китее: восточной крепостной стены и башни в IV в. до н.э.; западной крепостной стены и башни во II в. до н.э. (Молев 2017, р. 194, 197) Такой разброс дат свидетельствует об устойчивости подобной традиции. Эти жертвы (их известно шесть) совершались непосредственно на камнях кладки в небольших углублениях. Особенностью обряда является то обстоятельство, что всегда это были только черепа собак (Молева 2002, с. 121). Так, в основании стены и башни на восточной границе Китее (раскоп IV) были обнаружены два черепа собак в цоколе крепостной стены (кв. Б8, штык 11) и один в нижних слоях башни «А». В основании западной стены (раскоп I) также были найдены два черепа собак (кв. 21-22, кладки 78,79) и один череп – в цоколе башни «И» (кв. 23, кладка 82).

Заметим, что принесение в жертву животных в боспорских городах сопровождалось декапитацией (отделением голов). Такой случай известен в Пантикапее при заклании коня (Толстикова 2011, с. 366). То же мы видим и в Китее при принесении в жертву собаки на алтаре. Вероятно, головы также использовались для отдельных жертвоприношений, к примеру, – в стенах крепостей. Следует отметить, что жертвоприношения животных при строительстве общественных сооружений – давняя традиция, свойственная древнегреческой культовой практике. На Боспоре известен еще один случай ритуального захоронения собаки в основании северо-западной башни города Порфмия (Вахтина 2008, с. 55-56). Почему же для таких целей использовались собаки? В сакральном мировоззрении древних греков и боспорян, в частности, образ этого жи-

вотного имел двойственное значение. У собаки был ярко выраженный социальный статус в человеческом обществе: она слуга, охранник, друг и помощник человека дома, на охоте и в бою. Вместе с тем она была хищником и принадлежала к дикой природе. В религии и мифологии Древней Греции собака обладала хтоническими чертами, была связана с богами подземного мира и врачевания. Она сторожила вход в Аид (Кербер) – обитель мертвых и провожала человека в последний путь. Присутствие собаки в сюжетах греческой вазописи и скульптуры предвещало скорую смерть (Молева 2002, с. 122). Таким образом, пограничный статус этого животного совершенно очевиден. Что же касается крепостных стен, то они выполняли функции границы миров между цивилизацией и дикой, варварской природой. Верные стражи были необходимы фортификационным сооружениям. Кроме того, такие жертвы были призваны умиротворить хтонических богов, колебателей земли и вод, придав стенам дополнительную защиту. То, что в качестве закладной жертвы использовались только черепа, по крайней мере в Китее, объясняется традицией «pars pro toto» (часть вместо целого). Такой обычай был характерен и для Китейского святилища, где тоже имели место заклятия собачьих голов.

В сезоне 2017 г. в юго-западном углу башни «К» позднеантичного времени (IV в. н.э.) открыт небольшой каменный ящик закрытый крышкой – округлой каменной плитой диаметром 42 см. В заполнении ящика (размеры его 30 x 25 x 20 см) находились мелкие кости овцы и рыбы по определению А.К. Каспарова. Возможно – это также была закладная жертва при строительстве стены и башни (Молев 2018, с. 15).

Весьма показательными являются случаи употребления монет при закладке крепостных стен и башен. Монета – это денежная единица, которая нередко служила votivным подношением богам в святилищах Греции и Боспора. При этом деньгами особенно не разбрасывались. Такие приношения считались весьма ценными. В тех случаях, когда их находят положенными в основания кладок, это еще и указание на близкую к точной дату закладки сооружения. В Китее монеты обнаружены в цоколях крепостных стен в западной части города и в составе вымостки между восточной и западной башнями, маркирующими главный въезд в город (Раскоп III).

На I раскопе (западная крепостная стена) под кладкой 79 были найдены 4 пантикапейских тетрахапка, сложенных столбиком (Молев, Молева 2016, с. 79. № 11-14). Монеты датируются 314-310 гг. до н.э. (Молев 2018, с. 129) Учитывая, что время обращения выпущенных монет со-

ставляло около 30 лет, а иногда и больше, вполне закономерным будет предположение, что эта закладная жертва была совершена в начале II в. до н.э. Материалы, сопутствующие строительству западной крепостной стены, соответствуют этому времени.

На III раскопе (северная крепостная стена и две башни) среди забутовки вымостки между башнями, фланкирующими ворота Китея, тоже были обнаружены шесть монет. Это пантикапейские дихалки конца III – II вв. до н.э., тетрахапка Пантикапея 90-80 гг. до н.э. и обол Махара 80-70 гг. до н.э. (Молев, Молева 2016, с. 80-81) Эти монеты нельзя считать потерянными, так как они находились в составе забутовки вымостки между башнями, состоящей из мелких камней и фрагментов керамики, скрепленных глиной и известковым раствором. Даты этих монет дают возможность говорить о перестройке укреплений в этом районе в I в. до н.э. (Молев 2017, с. 196).

Еще один вариант закладных жертв в фортификационных постройках Китея представлен антропоморфными изваяниями, использованными в основаниях кладок первых веков н.э. повторно. Оба таких памятника датируются более ранним временем, чем дополнительные укрепления, созданные в конце I в. до н.э. – I-II вв. н.э. Отметим, что на Боспоре известно 16 случаев обнаружения антропоморфных изваяний и их голов в цоколях крепостных стен и башен. Наиболее показательны первые находки, сделанные в 30-х гг. XX века в Тиритаке. Это две антропоморфные стелы (женская и мужская), положенные целиком «лицом» вниз в основание крепостной стены V в. до н.э. (Книпович, Славин 1941, с. 38-39) Тот факт, что изваяния принадлежали к эпохе бронзы и являлись памятниками Кеми-обинской культуры, т.е. были памятниками варварского происхождения, для боспорских греков принципиального значения не имел (Gajdukevič 1971, s. 38; Молева 2012, с. 175. Рис. 2.; Зинько 2015, с. 138). В стелах была важна антропоморфная конфигурация.

Еще одно изваяние было обнаружено в перекрытии подземного хода, ведущего от крепостных стен Тиритаки к ручью за пределами города, построенного в IV-III вв. до н.э. (Марти 1941, с. 25) Впоследствии подобные памятники были найдены в кладке юго-восточной башни IV на Илурате (Кубланов 1971, с. 85) в составе крепиды западной башни на городище «Белинское» (Молева, Кучеревская 2016, с. 212. № 185); в цоколе подпорной крепостной стены в Мирмекии (Молева, Кучеревская 2016, с. 76. № 49); в забутовке цоколя крепости на Таманском полуострове неподалеку от Кеп (Сокольский 1963, с. 26-27).

Традиция использования антропоморфов при строительстве городских укреплений имела место и в Херсонесе. Там зафиксированы 20 таких примеров (Щеглов 1968, с. 214-218). Обряд применения антропоморфных изваяний в кладках стен повсеместно имеет свои особенности. Во всех, без исключения, случаях настойчиво сохранялась сложная и неудобная строителей конфигурация таких памятников. В тех случаях, когда изваяния размещались в наружной кладке, они подтесывались по вертикали с одной стороны. В целом же их форма сохранялась. Кроме того антропоморфы всегда укладывались «лицом» вниз, плашмя (Молева 2011, с. 114).

В Китее два антропоморфных памятника довольно грубых очертаний были обнаружены в процессе раскопок западной и восточной крепостных стен на I и IV раскопах. Один антропоморф с довольно большой, широкой головой, резко переходящей в маленькие плечи входил в состав развала крупных камней, примыкающих к западной крепостной стене, среди артефактов I-II вв. н.э. Второй – с квадратной головой, ассиметричными плечами и обозначенными на лицевой части глазами и носом также находился в развале камней у восточной крепостной стены. Оба изваяния были использованы в кладке крепостных стен повторно. Изначально они принадлежали к III-II вв. до н.э. (Молева 2012, с. 46. Тип 5,9) Вероятнее всего, эти памятники были принесены на стройку из пришедшего в негодность участка некрополя эллинистического времени.

Традиция помещения антропоморфных изваяний в состав оборонительных сооружений не может быть случайной. Совершенно очевидно, что их антропоморфная форма имела значение апотропея в религиозном сознании боспорян. Прежде всего, такие обереги были связаны с хтоническим миром некрополей (Молева 2012, с. 65-69). В фортификационных и культовых постройках их хтоническая составляющая играла большую роль. Антропоморфные изваяния, положенные в кладки городских стен в качестве закладных жертв, были призваны охранять крепость от военных нападений и колебаний земли. Может быть, этот обряд являлся далеким отзвуком древней традиции человеческих жертвоприношений при закладке городов – отсюда и антропоморфная форма.

Кроме антропоморфных памятников, которые помещались в кладки китейских крепостных стен преимущественно в первые века н.э., там присутствуют и алтари, использованные в то же время. Среди множества алтарей, которые могут быть связаны с долговременным существованием святилищ у крепостных стен, выделяются несколько, непосредствен-

но входивших в кладки. В каменных развалах, образованных разрушением западной крепостной стены их три. Все они круглые, причем два с круглыми углублениями, один – дисковидный. При таких же обстоятельствах были обнаружены два алтаря, входивших в кладку восточной крепостной стены – кубовидные с круглыми углублениями. В составе кладок воротных башен северной линии крепостной стены тоже были найдены три алтаря – в восточной башне 2, в западной – 1. Причем если в западной и восточной стенах были использованы сравнительно ранние алтари эллинистического времени (с чашевидными круглыми углублениями и дисковидный), то в кладках башен северной стены применялись алтари с прямоугольными углублениями, характерные для рубежа н.э. и I-II вв. н.э. Вероятно, они попали туда во время перестройки второй половины I в. до н.э. или, что более вероятно, во II в. н.э., когда происходило укрепление всей оборонительной системы Китея (Молев 2018, с. 194, 196).

В отличие от антропоморфных изваяний, форма алтарей в виде известняковых блоков была удобна для строительства: это был подходящий для кладки стен камень, взятый из близлежащих святилищ, о которых речь пойдет ниже. Хочется предположить, что алтари, присутствующие в кладках всех трех крепостных стен Китея, попали туда не случайно, а с определенными целями культового характера.

Показателен в этом отношении алтарь, расположенный с внешней, северной стороны, справа от восточной башни при выходе из города. Он представляет собой конструкцию из шести положенных плашмя плоских известняковых камней неправильной формы, расположенных вокруг центральной плиты. Это сооружение располагалось на золистой подстилке, содержащей две фрагментированные терракоты эллинистического времени. Вполне вероятно, что алтарь был создан еще до строительства башен, когда поблизости от него находилась выходная калитка. Отсутствие артефактов вокруг него свидетельствует о том, что здесь совершались только возлияния богам-покровителям города при въезде или выезде из ворот. Связь этого алтаря с крепостными сооружениями и хтоническими культурами, (об этом свидетельствует сама его конструкция), несомненна.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что известняковые алтари, также как антропоморфные изваяния представляют собой грубые и, казалось бы, небрежные изделия. Не случайно А.С. Русяева, отмечая большое количество подобных алтарей в Ольвии, называет их «примитивными». Вместе с тем, она приводит примеры таких находок в

Ионии, в частности, в Милете (Русяева 2006, с. 60-65). Думается, что такая нарочитая небрежность и суммарность обработки камня не случайна. Она имеет очень давние традиции, связанные с поклонением греков «грубым, необделанным камням» (Кагаров 1912, с. 3). Подобные примеры в большом количестве приводит Павсаний (VII, 22.4; IX, 24,3; IX, 27,1). Такие следы старинного культа природных камней имеются и в Риме (Кагаров 1912, с. 3). Вполне вероятно, что нарочитая небрежность в обработке боспорских, в том числе и китейских, алтарей имеет под собой сакральное стремление сохранить форму и структуру природного камня.

Заканчивая обзор закладных жертвоприношений, обнаруженных в кладках крепостных стен и башен Китея, отметим обычай размещения в этих кладках более ранних терракот. Они были положены в кладке западной стены и башни северной стены. В качестве аналогии приведем пример подобных находок в укреплениях крепости «Ахтанизовская-4» (Ломтадзе 2015, с. 158. Рис. 19-20).

Территориальная и сакральная маркировка городского пространства Китея оборонительными сооружениями особенно наглядно прослеживается в святилищах, примыкающих с внутренней стороны к городским стенам. Таких святилищ открыто два. Созданы они были в IV в. до н.э. и функционировали до первых веков н.э.

Святилище, примыкающее к западной крепостной стене, существовало еще задолго до ее постройки в первой половине IV в. до н.э. Оно представляло собой небольшой зольный холм-эсхару с находками конца IV-III вв. до н.э. Терракоты и граффити позволяют предположить в нем небольшое пограничное святилище, в котором отправлялись культы богов плодородия: Деметры, Кибелы, Диониса, Афродиты (Молев, Молева 2015, с. 55-50). В позднеэллинистическое время этот комплекс был перекрыт западной крепостной стеной и башней «И». Та его часть, которая оказалась в пределах города и примыкала к крепостной стене, продолжала функционировать еще около 500 лет. Чтобы предотвратить расползание рыхлых зольных слоев в сторону городских кварталов, на рубеже н.э. была сооружена довольно мощная, двухпанцирная полукруглая ограда. Сама же линия стены и постройки, примыкающие к ней были отмечены находками алтарей и небольшим, м.б. «домашним» святилищем с двумя вымощенными бутовым камнем ритуальными площадками, функционировавшими в I-II вв. н.э. (Молев, Молева 2016, с. 148).

Еще одно большое святилище располагалось вдоль восточной крепостной стены и примыкало к ней (раскоп IV). Оно возникло одновре-

менно с городской стеной и башней «А» в середине-второй половине IV в. до н.э. и использовалось на протяжении всего античного периода истории Китея вплоть до византийского времени. Конструкция святилища довольно сложная, что объясняется многочисленными перестройками в течение длительного времени. Оно состоит из четырех культовых площадок, большого общественного здания со двором, где были размещены алтари. Всего за время 35-летних раскопок этого комплекса было найдено 40 (!) алтарей, часть из которых входила в кладки крепостных стен. Формы их отличаются большим разнообразием: сложенные из плит известняка, положенных плашмя или в виде загоронок (плитки на «ребро»); каменные блоки прямоугольной формы, круглые, треугольные, трапецевидные с соответствующими заглаблениями; наконец – жертвенный стол. Десять из них относятся к I-III вв. н.э. К этой группе примыкают жернова и лутерии, имеющие отверстия и сливы, а также многочисленные ботросы. Культурные слои этого памятника насыщены самыми разнообразными вотивными артефактами: терракотами (12), граффити (41), светильниками, монетами, амулетами из раковин и клыков, бронзовыми изделиями, среди которых отметим наконечники стрел, пластины панцирей и фибулы. И конечно – тысячи фрагментов лаковой керамики, гончарной и лепной посуды (Молев, Молева 2015, с. 264-270).

Судя по находкам, это святилище изначально было связано с почитанием мужских божеств – охранителей города и стен: сначала Зевса и Аполлона, позднее, в эллинистический период там стали проходить церемонии в честь Артемиды и, может быть, Афродиты. Павсаний упоминает, что Зевс почитался в Греции в ипостасях Градодержца (πολιόικος) и Городского (πολιεύς) (Paus., I. 24,4). Очень показателен такой эпитет Зевса, как «Геркейос» (от ἔρκος – ограда). «Оградителем» называют этого бога Софокл (Antig., 487) и Эврипид (Troad., 17). Он почитался также в качестве покровителя и спасителя («Сотера») городов и их оборонительных сооружений.

Аполлон – стрелок из лука и врач, вероятно, также имел отношение к обороне города. Эти культы иллюстрируются такими находками как граффити, наконечники стрел, фибулы, пластины от панцирей.

В заключении нашего исследования отметим следующее. При анализе и интерпретации сакральных памятников и обрядов «элемент субъективности, равно как и относительность оценок, присутствуют всегда... все очень тонко, лично и условно ... археологический материал отражает в первую очередь не содержание того или иного ритуала, а его

следы» (Масленников 2007, с. 3). Это замечание А.А. Масленникова – ученого, посвятившего исследованию сакральных памятников Боспора многие годы, вполне справедливо, как и то, что у археологов все, что связано с религиозной жизнью древности всегда «вызывает восторженно-заинтересованное чувство» (Масленников 2007, с. 3). Однако, сам А.А. Масленников и многие другие исследователи сакральной жизни в античных городах Северного Причерноморья не отказываются от попыток интерпретации культовых объектов и артефактов. Безусловно, главную роль в реконструкции религиозных обрядов играют обстоятельства находок таких памятников.

Возвращаясь к идее сакральной маркировки фортификационных сооружений боспорского города Китея, да и пространства города в целом, надеемся, что отмеченные выше факты убеждают в следующем: все существующие границы Китея, обнесенные крепостными стенами и башнями с севера, востока и запада были маркированы прилегающими к ним святилищами и алтарями. Кроме того, при закладке, перестройке и ремонте этих сооружений совершались весьма разнообразные закладные жертвы, призванные усилить безопасность города и его населения.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Ю.В. Укрепления в архитектурно-пространственной структуре раннего полиса // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. Памяти Игоря Николаевича Хлопина. СПб., 1995. С. 29-31.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, Наукова Думка, 1986.

Вахтина М.Ю. Укрепленное поселение греков у переправы через Киммерийский Боспор // Боспорские чтения. Т. IX. Militaria. Керчь, 2008. С. 51-59.

Зинько В.Н. Городские стены поздненархаической Тиритаки // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 137-140.

Кагаров Е. О древнейшем периоде истории греческой религии. Харьков, 1912.

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 37-60.

Колесникова Л.Г. Антропоморфные надгробия // Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 79-84.

Кубланов М.М. Исследования некрополя Илурата // КСИА. 1971. № 128. С. 75-85.

Ломатдзе Г.А. К вопросу о датировке оборонительных сооружений населения Ахтанизовское-4 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 151-163.

Мартин Ю.Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. 1941. № 4. С. 11-25.

Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.

Молев Е.А. Боспорский город Китея. Ч. 1. Симферополь-Керчь, 2010.

Молев Е.А. Особенности оборонительной системы боспорского города Китея (по материалам раскопок 1971-2012 гг.) // Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956-2013, Światowit, Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1, M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski, eds, Warszawa 2017. P. 193-199.

Молев Е.А. Некоторые итоги раскопок боспорского города Китея в 2016 г. // Культурный слой. Вып. 5. 2018. С. 91-162.

Молев Е.А. Отчет о результатах археологических раскопок Китейской экспедиции ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2017 году. Н. Новгород, 2018. с. 15.

Молев Е.А. Монеты из раскопок Китея как источник информации о боспорском социуме в период античности // Stratum plus. 2018a. № 6. С. 125-134.

Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у западной крепостной стены в боспорском городе Китее // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 4. Сборник научных трудов к 50-летию профессора Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 53-60.

Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее // Археологія і давня історія України. Вип. 1 (14). ОЛВІО. In memorem V.V. Krapivina. / ред. Скорий С.А. Київ, 2015. С. 272-278.

Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китея. Ч. II. Симферополь-Керчь, 2016.

Молева Н.В. Жертвоприношения собак в фортификационных сооружениях античного Китея // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 121-123.

Молева Н.В. Антропоморфные изваяния в боспорских городах: случайность или традиция? // Боспорские исследования. Вып. XXV. Симферополь-Керчь, 2011. С. 114-122.

Молева Н.В. Антропоморфные изваяния Боспора: Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Н.Новгород, 2012.

Молева Н., Кучеревская Н. Антропоморфные изваяния. Лапидарная коллекция. Т. V. Керчь, 2016.

Русяева А.С. Строительные остатки алтарей // Древнейший темелос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. С. 53-74.

Сокольский Н.И. Отчет о раскопках городища и некрополя Кеп в 1963 г. // Архив ИА РАН № 1/2733. 1963.

Толстикова В.П. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспорские чтения. Т. XII. Взаимовлияния культур. Керчь, 2011. С. 365-368.

Щеглов А.Н. Херсонеські антропоморфні стели з візними зображеннями // Археологія. XXI. Київ, 1968. С. 214-221.

Gajdukevi V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin-Amsterdam, 1971.

НАМОЙЛИК А.С., НОВОСЁЛОВА Н.Ю.
(Херсонесский музей-заповедник, Севастополь;
Государственный Эрмитаж, С-Петербург)

МЕРНЫЕ СОСУДЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА: НОВЫЕ НАХОДКИ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2015 г. Херсонесская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа проводила раскопки в XX квартале городища. Исследовался эллинистический дом, который по обнаруженному владельческому граффито получил условное название «дом Архелая». В засыпи одного из подвалов этого дома был найден фрагмент кувшина херсонесского производства с астиномным клеймом [Рис. 1,1]. Наличие клейма городского магистрата позволяет отнести сосуд к категории мерных¹.

Находки херсонесских мерных сосудов немногочисленны. Отдельная публикация таких изделий, хранящихся в фондах Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», была выполнена Н.Ф. Федосеевым (Федосеев, 2005. С. 337–340). Однако, в этой работе учтено только три сосуда, один из которых, с монограммным клеймом, не может быть уверенно атрибутирован как эллинистический². Два других, с магистратскими клеймами, были обнаружены в VIII квартале городища в ходе раскопок под руководством С.Г. Рыжова в 1985 г. Ещё два кувшина с клеймами астиномов хранятся в фондах Отдела античного мира Государственного Эрмитажа [Рис. 1,2–3]³. Они происходят из раскопок «дома Аполлония» в XIX квартале, проводившихся в 1953 г. экспедицией Г.Д. Белова. Таким образом, на данный

¹ *Выражаем признательность научному сотруднику Института археологии РАН А.Б. Колесникову за определение клейма и ценные замечания, сделанные в ходе работы.*

² *А.Л. Якобсон отнёс его к группе средневековой керамики IX–X вв. (Якобсон, 1979. С. 80–81. Рис. 49,4).*

³ *Благодарим ведущего научного сотрудника Отдела античного мира Государственного Эрмитажа Ю.П. Калашника за возможность работы с данными материалами.*

момент нам доступна информация о пяти мерных сосудах с клеймами херсонесских магистратов⁴.

Здесь мы представим первичную публикацию находки 2015 г. и рассмотрим более подробно сосуды из хранения Эрмитажа, так как последние не были должным образом опубликованы, хотя и упоминались в литературе (Белов, 1962. С. 153; Николаенко, 1982. С. 126; Кац, Монахов, 1977. С. 105).

1. Фрагмент венчика и горла с петлевидной ручкой кувшина (ГМЗХТ, инв. № 61/37648) [Рис. 1,1]. Обнаружен в 2015 г. в XX квартале в засыпи подвала № 1/2015 «дома Архелая». Диаметр венчика 5,0 см. На верхней части ручки оттиснуто прямоугольное клеймо:

Ἀπολλωνίου το-
ῦ Ἀπολλωνίου τοῦ
Εὐμήλου ἀστυνο-
μοῦντος

Клеймо ранее засвидетельствовано не было. В нём указано не только имя отца, но и имя деда чиновника: «При астиноме Аполлонии, сыне Аполлония, сына Евмела». Возможно, Аполлоний имел родственные связи с херсонесскими астиномами Εὐμήλος Ἀπολλωνίου и/или Ἀπολλώνιος Εὐμήλου, выполнявшими свои обязанности в рамках 272–266 гг. до н. э. и 239–228 гг. до н. э. соответственно (Кац, 1994. №№ 22, 45; Кац, 2007. С. 442. Прил. X). Имя и отчество Ἀπολλώνιος Ἀπολλωνίου предположительно восстанавливаются в одном клейме, отнесённом к периоду 265–240 гг. до н. э. (Кац, 1994. № 21; Кац, 2007. С. 442. Прил. X). Вопрос о месте нового (?) астинома в хронологической схеме херсонесского клеймения требует отдельного исследования. Предварительно отметим, что по палеографическим характеристикам надпись тяготеет ко времени не позднее середины III в. до н. э.

2. Фрагментированный кувшин с прямым горлом, шаровидным туловом и петлевидной ручкой (ГЭ, инв. № X.1953-31) [Рис. 1,2]. Обнаружен в 1953 г. в XIX квартале при раскопках «дома Аполлония». Дно и часть стенок догипсованы. Высота около 15 см, диаметр венчика 5,0 см, максимальный диаметр тулова около 11 см. На верхней части ручки оттиснуто прямоугольное клеймо:

ἀστυνομοῦν-
τος Ἀπολλο-

⁴ Есть также указание на подобного рода находки, сделанные при раскопках гончарных печей у башни XVII в 1900 г. (Николаенко, 1982. С. 126).

φάνειος τοῦ
(Ἦ)ρωίδα

В последней строке клейма наблюдаем ошибку резчика: ΝΡΩΙΔΑ.

Деятельность астинома Аполлофана, сына Героида относится к периоду между 197 и 180 гг. до н. э. (Кац, 1994. № 13; Кац, 2007. С. 443. Прил. X).

По данным В.И. Каца и С.Ю. Монахова, объём кувшина составлял около 1000 см³, т. е. 4 аттические котилы (Кац, Монахов, 1977. С. 105). Г.М. Николаенко приводит следующие цифры: объём сосуда, измеренный зерном, равен 0,904 л и соответствует 20 аттическим киафам или 1 аттическому хойнику (Николаенко, 1982. С. 126).

Наши измерения, проведённые при помощи мелкого сыпучего материала (крупа ячневая, помол № 2), показали, что ёмкость кувшина составляет около 960 мл. Однако, всякая попытка измерить данный сосуд даст лишь приблизительный результат, поскольку его придонная часть в значительной мере восстановлена.

3. Фрагмент венчика и горла с петлевидной ручкой кувшина (ГЭ, инв. № X.1953-30) [Рис. 1,3]. Обнаружен в 1953 г. в XIX квартале при раскопках «дома Аполлония». Диаметр венчика около 5 см. На верхней части ручки оттиснуто прямоугольное клеймо:

ἀστυνομοῦν-
τος Ἀπολλο-
φάνειος τοῦ
(Ἦ)ρωίδα

Клеймо оттиснуто тем же штампом, что и представленное под предыдущим номером.

Принимая во внимание находки, опубликованные Н.Ф. Федосеевым, можно заключить, что херсонесские мерные сосуды имели форму небольшого кувшина с грушевидным или шарообразным туловом, петлевидной ручкой и венчиком небольшого диаметра (около 5–6 см). В Ольвии и на Боспоре эту функцию, как правило, выполняли ойнохои (Рубан, 1982. С. 30–40; Ковальчук, 2012. С. 220–238). В Афинах использовали ольпы и ойнохои, при этом там гораздо чаще встречаются сосуды для измерения сыпучих продуктов, имевшие форму цилиндра (Lang, Grosby, 1964. P. 39–68).

Считается, что анализ мерных сосудов может дать информацию о конкретных стандартах объёма (аттический, хиосский и т. п.), принятых в том или ином полисе: казалось бы, для этого достаточно подобрать к

объёму, выраженному в современных единицах измерения, подходящую древнюю единицу. Однако, даже при наличии значительного количества целых сосудов результаты подобных калькуляций могут оказаться отнюдь не однозначными, особенно когда речь идёт о малых единицах объёма. Так, изучение мерных сосудов из раскопок афинской агоры показало, что объём котилы варьировался от 0,267 до 0,300 л или даже до 0,327 л (Lang, Grosby, 1964. P. 47–48. Table IV) при «общепринятом» стандарте в 0,2736 л (Hultsch, 1882. S. 703. Tab. X). Выводы, сделанные на основании измерения фрагментарных форм, – а именно такими мы располагаем для Херсонеса – тем более не будут надёжными.

Вместе с тем, не вызывает сомнения, что базовой единицей ёмкости для мерных сосудов Херсонеса являлась котила – основная единица в системе измерения объёма как жидких, так и твёрдых тел (Hultsch, 1882. S. 104, 106, 703. Tab. X). Следует полагать, один из кувшинов, обнаруженных в VIII квартале (ГМЗХТ, инв. № 165/3702: Федосеев, 2005. С. 337), вмещал 1 котилу, а фрагментированный кувшин из «дома Аполлония» – 4 котилы.

Все упомянутые выше херсонесские мерные кувшины были обнаружены в жилых домах, причём парами: два – в VIII квартале и два – в XIX. Вероятно, они использовались в домашнем хозяйстве для измерения объёма жидких, а также сыпучих продуктов.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ. Том VII. 1962. С.143–183.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994.

Кац В.И., Монахов С.Ю. Амфоры эллинистического Херсонеса (с поселения Панское-I в Северо-Западном Крыму) // Античный мир и археология. Вып. 3. Саратов, 1977. С. 90–105.

Ковальчук А.В. Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н. э. // ДБ. Т. 16. 2012. С. 220–238.

Николаенко Г.М. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV–II вв. до н. э.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Киев, 1982.

Рубан В.В. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. № 39. 1982. С. 30–40.

Федосеев Н.Ф. Мерные сосуды Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 14. 2005. С. 337–340.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Hultsch F. Griechische und Römische Metrologie. Berlin, 1882.

Lang M., Grosby M. Weights, Measures and Tokens // Athenian Agora. Vol. X. Princeton, New Jersey, 1964.

ПАВЛИЧЕНКО Н.А.¹, ПАНКРАТОВА Е.Г.
(СПбФ АРАН, Санкт-Петербург)

БОСПОРСКИЕ НАДПИСИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВЕ РАН: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

Фонды Санкт-Петербургского филиала Архива РАН содержат большое количество до сих пор неопубликованных материалов. К их числу относится коллекция, сформированная в рамках Разряда IV – комплекса материалов, собранных Г.А. Князевым² в конце 1920-х гг. С середины 1920-х гг., Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) начинает достаточно открыто вмешиваться в деятельность архивов. Создаваемые повсеместно спецхраны резко сужали поле исторических исследований. Из набора возможных исследовательских тем были исключены темы по истории российского дворянства, истории самодержавия, белогвардейского движения и т.п. Все это в конечном итоге вело к подчинению исторической науки официальной идеологии. В октябре 1927 г., Главнаука при Наркомпросе разработала ряд циркуляров, в которых речь шла о скорейшем изъятии политически актуальных фондов и всех материалов политических деятелей из местных и ведомственных архивов и передаче их в Центрархив. В 1929 г. было выпущено новое Положение об архивном управлении РСФСР, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, согласно которому ужесточался контроль над получением документов, отменялась возможность получения архивных справок для научно-исследовательских целей [Цеменкова, 2009, с. 237]. Понимая, что политика, проводимая советской властью по отношению к архивам, вряд ли кардинально изменится, Г.А. Князев всячески способствовал тому, что-

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-40115 (Древности).

² Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) – историк, архивист, директор Санкт-Петербургского филиала Архива АН СССР (1929–1963).

Рис.1.

бы в Архив Академии наук поступали документы и из рукописного отдела Библиотеки Академии наук, и из остальных академических учреждений. Среди документов значатся самые разные виды источников, от соглашений московских купцов XVI в. до образцов тканей, сургучных печатей и конвертов. В числе прочих коллекций в архив Академии наук попало и четыре мраморных фрагмента (СПбФ АРАН, Разряд IV).

1. СПбФ АРАН, разряд IV, врем.ед. хр. 345. (рисунок 1)

Обломок фронтальной части круглой мраморной базы с нижней частью статуэтки и надписью под ней. Судя по сохранившейся части рельефа (складки одежды и носок правой ноги), статуэтка изображала некую женскую фигуру. К оборотной стороне приклеена бумажная этикетка «К.П.781». База и статуэтка высечены из одного куска мрамора. Размеры: в. 5, 2 см, диам. 10, 0 см, в. б. 1. 2–1. 4 см.

[ὁ δεῖνα] Σελεύκο[u]... сын Селевка,
[ταγμα]τάρχης [ἀνέθηκεν?] тагматарх (?), посвятил(?).
[ἐντῷ..]υ´ ἔτει κα[ῖ] μηνί--]. В 4.. году, в месяце ...

Палеография надписи не противоречит содержащейся в тексте дате – от 400 до 499 г. б.э., то есть 103–202 г. н.э.

Надпись была найдена в Анапе «в старом валу» в 1886 г. [IOSPE. IV. 431]. По всей видимости, она была в числе тех памятников, которые Н.И. Веселовский приобретал для Археологической комиссии у занимавшегося скупкой и продажей местных древностей анапского табачного торговца Сатира Хамалоглы [Латышев, 1910, с. 36]. По словам В.В. Латышева, он копировал надпись в Императорской Археологической комиссии (далее ИАК), где она на тот момент хранилась. Номер на этикетке, таким образом, это номер Книги поступлений ИАК. Эстампаж [ср. РА ИИМК РАН, Разряд II] и фотография надписи, по видимому, не сохранились.

Издателям КБН местонахождение надписи было уже неизвестно, и лемма КБН в целом повторяет IOSPE [КБН № 1213, лемма]. Аутопсия подтвердила чтение В.В. Латышева, который полагал, что наклонная гаста во второй строке перед тау принадлежит альфе и предложил дополнить здесь [ταγμα]τάρχης. Кроме того, возможно восстановление и других воинских должностей — [στρα]τάρχης, [συ(ν)στρεμμα]τάρχης, [δεκα]τάρχης. Все они, так или иначе, обозначают руководителя отряда или подразделения воинов. Впрочем, ни одна из этих должностей до сих пор, как кажется, не была засвидетельствована на Боспоре. Тагматарх упоминается в сочинениях эллинистического инженера и механика Филона Старшего (Ph. I. 368) и в трудах авторов I в. до н.э. – I в. н.э., например, в

Antiquitates Romanae Дионисия Галикарнасского (Dion.Hal. 20. 4) или сочинении по военному делу Оносандра Тактика(Onos. 42. 8).

Предложенный Э. Минзом вариант восстановления должности дедиканта как [πολει]τάρχης, хотя и имеет аналогии в Причерноморье (Пантикапей, 275–279 гг. н.э. [КБН № 36]; Филиппополь [IGBulg.III. 1. 913, ср. IGBulg. V. 5416; Minns, 1913, p. 614, note 7]) не может быть принят, так как сохранившаяся гаста, несомненно, является наклонной.

В.В. Латышев справедливо отнес постамент к посвячительным надписям. Следует отметить, что после имени дедиканта и названия его должности мог стоять не только глагол «посвящать», но и имя божества в *dativus singularis*.

2. СПбФ АРАН, разряд IV, врем. ед. хр.346. (рисунок 2)

Обломок плиты из белого мрамора. В. 6.2 см, ш. 5.0–7.3 см, т. 1.7–1.9 см. Надписи вырезаны на лицевой и оборотной стороне, ст. А в.б. 1.4 см, ст. Б в.б. 1.7 см. К оборотной стороне приклеена бумажная этикетка «К.П. 782».

А [--Δ]ασσ[ει--] Б [--]ΣΑΙΑΜ[--]
[--Αν]τιπατ[ρ--] [--]ος Αγα[--]
[--]ειων[--] [--]

Учитывая, что обе надписи были записаны в книгу поступлений под одним номером, можно предполагать, что и вторая надпись происходит из Горгииппии. Горгииппийское происхождение памятника подтверждается также и тем фактом, что надпись на ст. А высечена так называемым горгииппийским «парадным шрифтом», который использовался в этом полисе для официальных надписей во конце II – нач. III в. н.э. [Болтунова, Книпович, 1962, с. 11, табл.IV. 2, 25]. Шрифт надписи Б может датироваться концом I – нач.II в. н.э. [Болтунова, Книпович, 1962, с. 10, табл.III]. Судя по переписке делопроизводителя ИАК И.А. Сулова и Н.И. Веселовского, учет древностей, привозимых из Анапы в Петербург, был налажен крайне плохо, «журнал не сходился с описью, опись с вещами, а нумерация вещей ни с тем, ни с другим» [Императорская ..., 2009, 176]. В такой ситуации легко можно представить, что один или несколько фрагментов надписей могли остаться не учтенными В.В. Латышевым, когда он готовил 4-й том IOSPE.

Судя по тому, что этот опистограф не вошел ни во 2-й или 4-й тома IOSPE, ни в КБН, он до сих пор не публиковался. Вероятнее всего, надписи на ст. А и Б являются фрагментами списков имен.

3. Еще две надписи относятся к числу тех артефактов, которые присутствуют в фондах многих музеев Причерноморского региона. Это ква-

дратные или прямоугольные мраморные плитки примерно одного размера либо окатанные голыши с тематически и стилистически однотипными рельефными изображениями на лицевой или на лицевой и оборотной стороне: воин в шлеме, женщины в венцах, узник, прикованный цепью, пигмеи и т.п. Как правило, изображения поясняются надписями: Гера, Афродита, Прометей, Константин и Елена и т.п. Все надписи выполнены рельефными буквами и одинаковым шрифтом. Фотографии подобных предметов имеются в фонде акад. В.В. Латышева и в фондах Феодосийского музея древностей (рисунок 3), несколько таких «памятников» хранится в лапидарии ВКИКМЗ [Выставка «Каменные иконы или искусство имитации», 2018. с. 26].

Хранящиеся в СПбФ АРАН предметы несколько иного рода. Это высеченный из белого мрамора перстень (рисунок 5) с изображением мужской и женской головы в профиль и надписями ΒΑΣΙΛΕΙΣ / ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ / ΕΛΕΝΗ / ΠΡΩΤΟΣ / ΓΓΖ (диам. 4.9 см) [СПбФ АРАН. Р. IV. врем.ед. хр. 348а] и круглая двусторонняя плитка (рисунок 6) также из белого мрамора (диам. 7.3 см, т. 1.8 см) с изображением головы в шлеме в профиль с одной стороны и правителя с подданными с другой и надписями ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΩΝ ΑΝΤΙΩΧΘΑΡΙΩΝ, ΘΙΩΝΩΣΙΡΙΣ, ΔΩΣΤΑΤΩΝ ΘΙΑΣΩΣΙΡΣΙΔΙΑ [СПбФ АРАН. Р. IV. врем. ед. хр. 347].

По всей видимости, все эти «памятники» были выполнены в начале XX века в одной из мастерских на юге России, занимавшихся производством подделок греческих надписей [Застрожнова, 2018, с. 142–153; Иванчик, 2015, с. 147–157; Павличенко, Кучеревская, 2018, с. 108–109]. Таких мастерских насчитывалось немало, причем некоторые из них располагались прямо под открытым небом. Так в своем письме к И.Е. Гладкому В.В. Шкорпил писал: «главная фабрика подделок находилась на территории Фанагории, возле хутора покойного П.Д. Семеняки. Я сам лично вместе с бароном П.Ф. Мейендорфом посетил в 1907 г. шалаш «счастливец», которые занимались разрытием сплошной насыпи древней Фанагории, разыскивая мрамор или другой материал для своих подделок. Они показали нам только что сделанный рельеф. Главный «скульптор», известный по прозвищу «Барон» уехал до войны на свою родину в Киев» [ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 217. Л. 53].

Учитывая стилистическую однородность всех известных нам изображений такого рода и идентичный шрифт, можно с большой степенью уверенности предположить, что все подобные «памятники» являлись не подделками, предназначенными для продажи археологам и коллек-

ционерам, а поделками, своего рода «сувенирами» для обывателей. Перстень из Разряда IV СПбФ АРАН и плитки на фотографиях из архива Феодосийского музея древностей, заметно выделяющиеся своей вульгарностью даже на фоне остальных подобных предметов, являются, на наш взгляд, серьезным аргументом в пользу именно такой точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. С. 3–31.

Выставка «Каменные иконы или искусство имитации». 27.10.2016 г. // Вестник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. 2018. Вып. 1. С. 26.

Застрожнова Е.Г. Труды и дни: организация и быт археологической экспедиции в Фанагории (19 — первая половина 20 вв.) // Кузнецов В. Д. (ред.) Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3. М., 2018. С. 142–153.

Иванчик А.И. О некоторых поддельных надписях Северного Причерноморья // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1 (14). С. 147–157.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Под ред. А.Е. Мусина, Е.Н. Носова. СПб., 2009.

Латышев В.В. Неизданные надписи Горигиппии // ИАК. 1910. Т. 37. С. 36–63.

Павличенко Н.А., Кучеревская Н.Л. К изданию греческих надписей из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: об одной поддельной надписи // Таврические студии. 2018. Т. 16. С. 105–115.

Цеменкова С.И. Из истории спецхрана архивов СССР и РСФСР // Вопросы организации архивного дела. 2009. С. 234–239.

Minns E.N. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

Рис.1. Горгилийские надписи (СПбФ АРАН, разряд IV, врем. ед. хр. 345, 346)

Рис.2. Античные «сувениры» (СПбФ АРАН, разряд IV, врем. ед. хр. 347, 348а).

Рис.3. Фотографии мраморных плиток из архива Феодосийского музея древностей

ПАНКРАТОВА Е.Г.
(СПб Филиал Архива РАН, Санкт-Петербург)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1999-2018)

Актуализации истории изучения античного наследия Северного Причерноморья в последнее время способствует ряд факторов, которые обусловлены как внутренней необходимостью развития науки, так и внешними причинами. Прежде всего, необходимо оговориться, что понятие «история археологии» включает в себя не только тематическую историографию за последние двадцать лет, но и закономерности сложения и развития истории науки, как особой научной дисциплины [Тихонов, 2011. с. 42]. С конца 1980-х гг. история археологии превратилась в самостоятельную субдисциплину, главной источниковой базой которой стала не только предшествующая историография, но и архивные материалы [Тункина, 2011. с. 55]. С 1990-х гг. интерес к историографическим исследованиям в области археологии существенно увеличился, и к началу 2000-х гг. в археологии уже сложилась целая отрасль, специализирующаяся на изучении различных аспектов в истории археологии [Тихонов, 2011. с. 47]. Практически на всех конференциях, посвященных античной археологии особое место заняли целые секции, либо же отдельные доклады, которые посвящены общей истории, или отдельным этапам в развитии античной археологии, а так же истории изучения античных памятников, археологических комплексов и биографиям исследователей, производивших раскопки¹. Важнейший аспект в данной связи приобретает публикация архивных первоисточников, без привлечения которых невозможно порой интерпретировать результаты современных исследований.

¹ Так, в частности XVII Боспорские чтения были посвящены «Исследованиям и исследованиям», собрав в сборнике тезисов большое количество крайне важных и интересных статей по истории развития античной археологии на юге России.

В первую очередь необходимо остановиться на фундаментальных трудах, в которых комплексно анализируются теоретические вопросы развития науки совместно с историей изучения античных памятников на протяжении различных исторических периодов. В монографии И.В. Тункиной, благодаря анализу обширных комплексов архивных материалов и публикации неизвестных документов из архивов России и Европы, выстроена целостная картина зарождения и развития античной археологии и смежных дисциплин в Российской империи. [Тункина, 2002]. В первом разделе коллективной монографии «Античное наследие Кубани», этим же исследователем детальным образом восстановлена хроника археологических исследований на Таманском полуострове, а также эволюция целей и задач археологических раскопок на протяжении нескольких столетий [Тункина, 2010].

Тщательный анализ деятельности Императорской археологической комиссии (ИАК) по изучению античного наследия Боспора Киммерийского осуществлен в соответствующей главе монографии научных сотрудников ИИМК РАН [Виноградов, 2009]. Источником для написания исследования послужили ценнейшие архивные документы из Научного архива Института, многие из которых были введены в научный оборот впервые. Истории учреждения и работы этого важнейшего археологического учреждения в 19 столетии посвящена первая глава рассматриваемой монографии [Медведева, Всевиов, Мусин, 2009]. Правопреемникам ИАК в 20-21 вв. – РГАК-РАИМК-ГАИМК-ЛОИА АН СССР-ИИМК РАН, посвящена еще одна монография сотрудников Института [Археология на берегах Невы, 2015]. В ней в хронологическом порядке приведены биографии Председателей Академии и крайне детально проанализированы сведения о каждом из Отделов (Разрядов). Теоретические аспекты эволюции методологии отечественной археологии в первой трети 20 столетия анализируются в монографии Н.И. Платоновой [Платонова, 2010].

Важное значение имеют работы, посвященные Керченскому историко-археологическому музею – одному из основных центров по изучению античности на юге России. Истории Керченского музея древностей от основания до наших дней посвящена обширная статья Н.Ф. Федосеева [Федосеев, 2002]. В монографии этого же исследователя научно-исследовательская деятельность музея по изучению и сохранению античных памятников Боспора рассмотрена в тесной взаимосвязи с историей Крымского региона [Федосеев, 2018]. Множество важных статей, касающихся истории, формирования коллекций и отдельных экспонатов Кер-

ченского музея содержится в выпусках «Научный сборник Керченского заповедника» начиная с 2006 г.

Большое количество публикаций за последние годы были посвящены отдельным периодам в истории изучения античных памятников Европейского и Азиатского Боспора. Общий очерк истории изучения столицы Боспорского царства до и после революции, содержится в статьях к каталогу выставки ГМИИ им. А.С. Пушкина «Две столицы» [Александрова, 2017; Застрожнова, 2017]. Н.В. Быковской и Г.В. Кулаковой был опубликован отчет В.Д. Блаватского о раскопках Пантикапея в 1945г. [Блаватский, 2015], на основе которого была подготовлена статья Н.В. Быковской, посвященная деятельности по сохранению границ памятника после Великой Отечественной войны [Блаватский, 2015]. Проблема выделения памятникоохранной зоны Пантикапея в 1930-х гг. рассмотрена в статье Е.Г. Застрожновой [Застрожнова, 2018].

Основные периоды в истории археологического исследования Фанагории рассмотрены достаточно последовательно в серии статей. 1820-1840-е гг. в истории изучения памятника представлены в работе И.В. Тункиной [Тункина, 2008]. В год основания Императорской археологической комиссии, 1859 г., раскопки на территории городища и курганов Фанагории проводились К.К. Герцем. Ход раскопок фиксировался ученым в полевых журналах, которые послужили основным источником для написания статей о первых раскопках Комиссии на территории памятника [Zastrozhnova, 2013]. Информация о раскопках, проводимых в последнем десятилетии XIX в. и 20-х гг. XX вв. содержится в очерках Е.Г. Панкратовой (Застрожновой) и Н.В. Александровой [Панкратова, 2008; Она же, 2011; Александрова, 2017, 2018]. Публикация материалов современных раскопок планомерно осуществляется в ряде ведущих научных изданий и периодическом сборнике, посвященном материалам и результатам Фанагорийской экспедиции [Шавырина, 2000; Завойкин, 2004; Кузнецов, Латарцев., 2003; Кузнецов, 2007], а также в серии томов и статей, посвященных продолженным с 2002 г. исследованиям Тиритакки [Зинько и др. 2009; Зинько, 2014;].

Одной из самых актуальных задач в истории античной археологии продолжает оставаться изучение, атрибуция и публикация находок и археологических комплексов из раскопок позапрошлых столетий. Необходимо отметить инициированный Фондом «Деметра» многотомный труд коллектива авторов, посвященный вопросам исследования курганов боспорской знати некрополя Юз-Оба на мысе Ак-Бурун, археологи-

ческие раскопки которых приходится в основном на 19 в. [Виноградов и др., 2012; Бутягин, Виноградов. 2014]. Также крайне значимо исследование, посвященное публикации ювелирных изделий из кургана Куль-Оба, находящихся в собрании Государственного исторического музея [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014]. В работе рассматривается история открытия кургана, исследуется иконография изображений и технология изготовления золотых бляшек и других ювелирных изделий. В другом труде этого же коллектива авторов в научный оборот вводятся многие из неизвестных ранее ювелирных изделий Херсонеса Таврического, которые также входят в собрание Государственного исторического музея [Журавлев, Новикова, Коваленко, Шемаханская, 2017]. Крайне важна публикация погребальных комплексов с ювелирными изделиями из раскопок Херсонеса Р.Х. Лёпером в 1909-1910 гг. Авторам удалось восстановить многие разрозненные ранее комплексы, вещи из которых хранились в коллекциях разных музеев [Журавлев, Костромичев, 2017].

Сложно переоценить значение серии каталогов коллекций «Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника», подготовку и издание которых с различными коллективами исследователей ведет Благотворительный фонд «Деметра». В серии были опубликованы такие категории археологического материала как: античная скульптура и архитектура [Античная скульптура, 2004; Античная архитектура, 2009], античные монеты [Клады античных монет, 2006; Античные монеты, 2010], светильники [Светильники..., 2010], «мегарские» чаши и аттические краснофигурные вазы [Мегарские чаши, 2010; Аттические краснофигурные вазы, 2012], керамические клейма Боспора и Гераклеи Понтийской [Керамические клейма, 2012, 2016], а также коллективная монография, посвященная истории открытия и изучения Склепа Деметры [Склеп Деметры, 2009]. В настоящее время ведется Фондом «Деметра» работа над несколькими новыми томами.

Большое количество статей посвящено публикации отдельных предметов, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые, несмотря на то, что были открыты несколько веков назад. Так произошло с первой золотой находкой, найденной на территории Фанагории в конце 18 в. Золотой браслет с головами драконов был отправлен в Императорский Эрмитаж в начале 19 в., однако из-за ошибки при передаче в 1937 г. из одного отдела в другой, был неверно зашифрован, в результате чего не ассоциировался с Фанагорией. Атрибутировать, изменив всю хронологию погребального комплекса, в котором он был найден, и за-

ново ввести в научный оборот эту уникальную находку удалось в 2017 г. [Тункина, Застрожнова, Шаров. 2018]. Стойкий интерес исследователей привлекают также погребения с полихромными фигурными сосудами, открытыми на территории Фанагории. Публикации архивных документов, содержащих информацию о раскопках, описаниях этих предметов и их семантическому анализу посвящены работы ряда исследователей [Паромов, 2004; Виноградов, Шауб, 2007; Панкратова, 2009; Застрожнова, 2012]. Опубликованы также и отдельные погребальные археологические комплексы из раскопок Фанагории разных лет [Кузнецов, 2004; Панкратова, 2008; Ворошилова, 2015]. Нельзя не отметить вышедшую не так давно публикацию, посвященную Марфовскому кладу. Благодаря открытым в Научном архиве ИИМК РАН неопубликованным ранее планам, фотографиям и полевым записям Ю.Ю. Марти удалось более детально проанализировать это уникальное женское погребение с кладом, который был утерян в годы Великой Отечественной войны [Застрожнова, Шаров. 2018].

Основной тенденцией последних лет, как уже было отмечено выше, является всестороннее изучение творческого и научного наследия ученых, производивших раскопки на территории античных памятников Северного Причерноморья на протяжении 19 и 20 столетий. Важное значение имеет здесь применяемый историко-антропологический подход, в центре внимания которого находится повседневный мир ученого, живущего в рамках своей исторической эпохи [Тункина, 2011. с. 58]. Наиболее ценной группой архивных источников в данном контексте является эпистолярное наследие, мемуары и дневниковые записи. Весь этот комплекс материалов был опубликован в монументальном труде под редакцией И.В. Тункиной, посвященный возвращению в научный оборот наследия Поля Дюбрюкса [Дюбрюкс, 2010]. За 35 лет кропотливой работы были выявлены, аннотированы и опубликованы труды и письма П.Дюбрюкса, хранящиеся в архивах России, Украины и Франции. Текст источника представлен на языке оригинала, с переводом на русский язык. Издание снабжено обширными комментариями и серией научных статей отечественных ученых-антиковедов [Тункина, 2010; Виноградов, 2010; Чистов, 2010; Толстикова, 2010; Молев, 2010; Трейстер, 2010].

Имеет большое значение монография Ю.А. Виноградова, посвященная публикации архивных рисунков и материалов художников Керченского музея древностей – К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса [Виноградов, 2017]. Публикуемые иллюстрации приобретают особое значение в той

связи, что многие из запечатленных на них археологических памятников не сохранились до наших дней. Научно-исследовательской деятельности упомянутых выше керченских археологов и других сотрудников Керченского музея посвящена статья Н.Ф. Федосеева [Федосеев, 2001]. Немало публикаций затрагивают организационную и исследовательскую деятельность и внутренние научные коммуникации ученых — членов Императорской археологической комиссии [Мусин, 2007; Тихонов, 2003, 2007, 2009; Панкратова 2007, 2008; Zastrozhnova, 2012; Непомнящий, 2016]. Научному и жизненному пути античных археологов, которые осуществляли раскопки после революции уделено пристальное внимание в серии статей московских, петербургских и крымских исследователей [Непомнящий, 2000; Виноградов, 2009; Кашаев, 2009; Тункина, 2013; Застрожнова, 2011; Хршановский, 2016; Зинько, 2017; Александрова, 2018].

Безусловно, в данном очерке приведены не все работы по рассматриваемой тематике, а только намечены основные тенденции развития. Нельзя не отметить роста публикаций, посвященных различным аспектам истории археологического изучения античных памятников юга России. Основной чертой практически всех работ является их четкое основание на архивной источниковой базе. Это представляется единственно верным при написании работ по данной тематике. Поскольку вторично исследовать уже раскопанный памятник невозможно, то по-прежнему остается актуальным изучение всего доступного архивного материала для подробного изучения и анализа открытых памятников и комплексов с позиций развития современной науки. Еще раз хотелось бы обратить внимание и на то, что ошибочным является анализ и оценка раскопок и публикаций археологов 19 столетия с позиций современных критериев развития науки. Гораздо более обоснованным следует считать их соотношение с общим уровнем своего времени. С подобных, методически верных, позиций рассмотрена история археологических раскопок Боспора Киммерийского в трудах современных петербургских исследователей. В ходе изучения организации археологических учреждений, занимающихся организацией археологических раскопок в 1920-1930-е гг. наметилось несколько направлений. Истории организации, преобразований, развития и экспедиционной деятельности РАИМК-ГАИМКа посвящен ряд монографий и научных статей петербургских и московских ученых. Анализ научно-исследовательской и организационной деятельности южных музеев произведен в научных трудах крымских исследователей. Нельзя не отметить также и то, что внешние события последних лет в российской

геополитике определенным образом повлияли на рост публикаций, касающихся истории и археологии Крымского полуострова. Не оставляет сомнений, что подобная тщательность и высокий научный уровень публикаций по истории отечественной античной археологии сможет заполнить в ближайшем будущем существующие лакуны, касающиеся изучения многих древнегреческих центров Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Н.В. История археологического исследования Фанагории (вторая половина 1920-х гг. – наши дни) // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки. М., 2017. С. 33-42.

Александрова Н.В. Страсти по Фанагории. Археологические экспедиции 1920-1930-х годов // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под ред. В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. Материалы по археологии и истории Фанагории. Том 6, вып. 3. М., 2018 С. 35-57.

Александрова Н.В. Два письма из Фанагорийской экспедиции: 1937 и 1939 гг. // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под ред. В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. Материалы по археологии и истории Фанагории. Том 7, вып. 4. М., 2018 С. 31-38.

Античная архитектура. А.В.Буйских Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Лапидарная коллекция. Киев, 2009.

Античная скульптура. Том 1. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Киев, 2004.

Антропоморфные изваяния. Н.В. Молева. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Лапидарная коллекция. Том V. Керчь, 2016.

Асанова У.К. Новая музейная система в Крымской АССР (20-е годы XX века) // Культура народов Причерноморья. 2011. № 199. Т. 1. С. 16-21.

Аттические краснофигурные вазы IV в. до н.э. О.Ягги. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Киев, 2012.

Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1945 г. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 17-23.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том II. Курганы на мысе Ак-Бурун // Боспорские исследования – Supplementum 13. Симферополь-Керчь, 2014.

Виноградов Ю.А. Феномен Боспорского царства в русской антиковедческой литературе // Stratum + № 3. 2000. С. 98-128.

Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // БФ. 2007. С. 220-223.

Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия. СПб., 2009. С. 248-401.

Виноградов Ю.А. Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ГАИМК-ИИМК СССР-ЛОИА АН СССР) 75 лет // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Мат. Межд. конф. СПб., 2009. С. 24-29.

Виноградов Ю.А. Большой саркофаг из Мирмекия // Польша Дюбрюкс. Том I. Тексты. Составитель и отв. редактор д.и.н. И.В.Тункина. СПб., 2010. С. 458-462.

Виноградов Ю.А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Боспорские исследования. Supplementum 17. Симферополь-Керчь, 2017.

Виноградов Ю.А. Российский археолог Кирилл Родионович Бегичев // Боспорские исследования. Вып. XXXV. Керчь, 2017. С. 364-388.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том 1. История изучения и топография // БИ. – Supplementum 9. – Киев, 2012.

Ворошилова О.М. Фанагорийский склеп из римского бетона // ПИФК. 2015. Вып. 1. Магнитогорск-Новосибирск. С. 301-307

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Москва, 2014.

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М., 2017.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р.Х.Лёпера в 1909-1910 гг. М., 2017.

Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V- нач. IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города») // ДБ. 2004. Suppl.I.

Застрожнова Е.Г. Исследователь Фанагории - Л.П. Харко // Antiquitas Iuventae: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Саратов, 2011. – С. 228–237.

Застрожнова Е.Г. Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 года: к истории открытия // Российская археология. – М., 2012. № 1. – С.203–207.

Застрожнова Е.Г. Из истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920-1932 гг.: исследования и исследователи // Боспорские исследования. Вып. XXXV. Керчь, 2017. С. 428-443.

Застрожнова Е.Г. Труды и дни: организация и быт археологической экспедиции в Фанагории (19-первая половина 20 вв.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под ред. В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. Материалы по археологии и истории Фанагории. Том 6, вып. 3. М., 2018 С. 142-153.

Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. «Марфовский клад» 1925 г. (публикация архивных материалов) // Между Лимесом и Поднебесной: центры власти и производства. Stratum - № 4- СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 395-410.

Застрожнова Е.Г. К истории образования Пантикапейского археологического заповедника // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, 2018. С. 148-154.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том 1. – Комплексы VIII-X вв. – К.: АДЕФ-Украина, 2009.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том II. – Комплексы VI-V вв. до н.э. – К.: АДЕФ, 2014.

Зинько В.Н. Виктор Францевич Гайдукевич // Боспорские исследования. Вып. XXXV. Керчь, 2017. С. 428-443.

Кашаев С.В. Сотрудники Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК-ГАИМК-ЛО ИИМК – ЛОИА (1919-2009 гг.) // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 37-49.

Керамические клейма. Боспор. Федосеев Н.Ф. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Коллекция расписной керамики. Том I. Киев, 2012.

Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Федосеев Н.Ф. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Том II. Керчь, 2016.

Клады античных монет. Том 1. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Киев, 2006.

Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 94-124.

Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева, Амеликин Подводные исследования в Фанагории в 1999-2002 гг. //ДБ. 2003. Т. 6. С. 152-163

Кузнецов В.Д. История изучения и новые находки в Фанагории // РА. № 1. 2007.

Мегарские чаши. С. Гжегжулка. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Варшава, 2010.

Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859-1917 гг. // Императорская археологическая комиссия. СПб., 2009. С. 21-247.

Мусин А.Е. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859-1882) // Записки ИИМК РАН №2. СПб., 2007.

Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX- начало XX века). Биобиблиографическое исследование. Симферополь, 2000.

Непомнящий А.А. Директор Керченского музея древностей Карл Думберг: по новым архивным документам // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 330-337.

Панкратова Е.Г. И.Е. Забелин как исследователь Фанагории // История археологии Северо-Западного Причерноморья. Материалы международной научной конференции. Одесса, 4-6 сентября 2007 г. / ОНУ им. И.И.Мечникова. Одесса, 2007. С. 63-66.

Панкратова Е.Г. И.Е. Забелин и В.Г. Тизенгаузен — к истории взаимоотношений исследователей Фанагории // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора А.А. Спицына, 26-29 ноября 2008 г. // Отв. ред. Е.Н. Носов и И.Л. Тихонов. СПб.: изд. дом СПбГУ, 2008. С. 267-269.

Панкратова Е.Г. Карл Карлович Герц // Академический архив в прошлом и настоящем. Сб. науч. статей к 280-летию Архива РАН. СПб, 2008. С. 342-346.

Панкратова Е.Г. Археологическое изучение Фанагории в 80-х-90-х годах XIX века // Antiquitas Inventae: Сб. научн. трудов студентов и аспирантов / СГУ им. Н.Г. Чернышевского; Под ред. Е.В. Слепкова, А.В. Мосоликина. Саратов: Наука, 2008. Вып. 4. С. 196-202.

Панкратова Е.Г. Археологическое изучение Фанагории в 20-х гг. XX в. // Археологические вести № 17 (2010–2011). СПб., Изд. «Дмитрий Буланин», 2011. С. 347–352.

Панкратова Е.Г. Сармато-аланский погребальный комплекс из раскопок И.Е. Забелина 1870 г. - ж. Проблемы истории, филологии, культуры - №22; 2008 г. отв. редактор Абрамзон М.Г., Магнитогорск. С.64-68.

Панкратова Е.Г. Два погребения с наборами полихромных лекифов из Фанагории: к истории открытия // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира/ Материалы международной научной конференции. СПб. Изд. Нестор-История. 2009. С. 259-262.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БД. №1. 1999.

Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами //ДБ. 2004. Т. 4.

Светильники 6 – первой половины 3 вв. до н.э. Том 1. Из собрания Керченского государственного историко-археологического заповедника. Киев, 2007.

Склеп Деметры // Е.А. Зинько, А.С.Русяева, Е.А.Савостина [и др.] Памятники археологии Керченского историко-археологического заповедника. Киев, 2009.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. СПб., 2010. 314 с.

Тихонов И.Л. Последний председатель ИАК граф А.А. Бобринский // Невский археолого–исторический сборник к 75-летию к.и.н. А.А. Формозова. СПб., 2003. С. 95-117.

Тихонов И.Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог, В.Г. Тизенгаузен // **EUCARISTHRION** (антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского). СПб., 2007.

Тихонов И.Л. Императорская академия наук: структура и кадровый состав // РА №4. 2009.

Тихонов И.Л. «Историография» или «история науки»? (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. Киев, 5-8.10.2010. СПб., 2011. С. 41-54.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII- сер. XIX вв.). СПб., 2002. 675 с.

Тункина И.В. Несколько штрихов к портрету В.И. Равдоникаса 1920-х гг. (по архивным материалам) // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2003. С. 193-215.

Тункина И.В. «Археологические исследования А.Б. Ашика и Д.В. Карейши на Таманском полуострове в 1820-40- х гг.» // Лукоморье: архе-

ология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья; сборник статей по материалам конференции. Одесса, 2008.

Тункина И.В. Раскопки в окрестностях Керчи в 1820-1822 гг. (курганы Патиниоти) // Польша Дюбрюкс. Том I. Тексты. Составитель и отв. редактор д.и.н. И.В.Тункина. СПб., 2010. С. 413-419.

Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани. 1 т. М., 2010. С. 20-129.

Тункина И.В. Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. Киев, 5-8.10.2010. СПб., 2011. С. 55-64.

Тункина И.В., Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. Золотой браслет Г.Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под ред. В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. Материалы по археологии и истории Фанагории. Том 7, вып. 4. М., 2018 С. 142-155.

Федосеев Н.Ф. Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому музею Древностей. Мат. межд. конф. Керчь, 2001. С. 18-29.

Федосеев Н.Ф. Керченский музей // ВДИ. 2002. №1. С. 166-170.

Хршановский А.В. Раиса Викторовна Шмид. Страницы забытой жизни (1899-1941) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 535-542.

Чистов Д.Е. Оборонительные сооружения Мирмекия IV-III вв. до н.э.: планы XIX в. и результаты археологических исследований // Польша Дюбрюкс. Том I. Тексты. Составитель и отв. редактор д.и.н. И.В.Тункина. СПб., 2010. С. 454-457.

Шавырина Т.Г. Западный некрополь Фанагории (Раскопки 1991-1999 гг). Общий обзор // ДБ. № 3. М., 2000.

Zastrozhnova E.G. The first archaeological researches of the Imperial Archaeological Commission in the South of Russia: C.C. Goertz's excavations at Phanagoria (1859) // Archaeology and Linguistics in the modern world. Exchange of knowledge in the History of Mankind / Humboldt Colleague; Simferopol, Yalta, 2012. P. 42.

ПАНЧЕНКО В.В.

(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИФФЕРЕНТА «ТРЕЗУБЕЦ» В МОНЕТНОМ ДЕЛЕ БОСПОРА I – IV ВВ. Н.Э.

Вопрос о назначении различных дифферентов (в т.ч. «трезубца») в монетном деле Боспора неоднократно привлекал внимание исследователей, однако на сегодняшний день не существует общепринятого мнения на этот счет. Дискуссия продолжается – в течение последних лет были обнародованы несколько развернутых концепций по поводу характера использования дополнительных знаков (Чореф, 2012; Анохин, 2016; Сидоренко (в печати)). Среди многообразия дифферентов, получивших распространение в монетном деле Боспора, «трезубец» относится к числу наиболее часто встречающихся. В нашей статье предлагается краткий обзор использования этого знака на боспорских монетах различного номинала на протяжении I – IV вв.н.э. Отдельно рассмотрены основные концепции, посвященные дифферентам. В качестве обобщения предложено собственное толкование назначения дополнительного знака «трезубец».

Первоначально дополнительный знак «трезубец» чеканился преимущественно на монетах младших номиналов, что, вероятно, связано с тем, что боспорские власти обладали известной свободой маневра при формировании изображений на такого рода монетах. Примечательно, что «трезубец» на протяжении долгого времени выступал в сочетании с «палицей». Использование «трезубца» впервые засвидетельствовано на монетах Рескупорида I (68/69–92/93 гг.н.э.)¹, правление которого характеризуется укреплением внешнеполитического статуса Боспора, что нашло отражение в монетном деле царя (Фролова, 1997а, с.103-104).

¹ Нумерация царей Боспора с именем Рескупорид здесь и далее дана в соответствии со статьёй Н.В.Завойкиной (Завойкина, 2016, с.160-166)

На лицевой стороне сестерциев, относящихся к последним годам правления, справа от бюста царя помещен «трезубец», слева – «палица» (рис.1, 1) (<https://bosporan-kingdom.com/385-4258/2.html>) (Анохин, 1986, с. 154; Фролова, 1997а, с.106-107, 232-233). Преемник Рескупорида Савромат I (93/94–123/124 гг.) продолжил использование этих символов, и оно по-прежнему носило скорее эпизодический, нежели регулярный характер. Так «трезубец» изображен перед бюстом царя на аверсе статера 405 г.б.э. (108/109 г.н.э.) (рис.1, 2) (<https://bosporan-kingdom.com/399-4807/>) (Фролова, 1997а, с.236-237; Анохин, 2016, с.171, таб.V). При всем многообразии монетных типов Савромата I «трезубец» встречается лишь на нескольких типах сестерциев последних лет правления. По аналогии с монетами Рескупорида «трезубец» фигурирует в сочетании с «палицей», знаки размещены на аверсе по сторонам бюста царя (Анохин, 1986, с.105-106, 157; Фролова, 1997а, с.132-133, 262-263). При сыне Савромата Котисе II (123/124–132/133 гг.) чеканились сестерции с изображением бюста царя на аверсе нескольких типов: 1) без дополнительных знаков, 2) с «трезубцем» справа, 3) с «трезубцем» справа и «палицей» слева (рис.1, 3) (<https://bosporan-kingdom.com/501-4786/4.html>) (Фролова, 1997а, с.268-275). На статерах Котиса II «трезубец» отсутствует (Анохин, 1986, с.108-109, 158-159; Фролова, 1997а, с.265-268; Анохин, 2016, с.172, таб.VI).

В правление Реметалка (131/132–153/154 гг.) «трезубец» был изображен на аверсе статеров только в 143/144–145/146 гг. Наиболее массовым типом медных монет Реметалка являлись сестерции с бюстом царя и «трезубцем» справа (<https://bosporan-kingdom.com/522-4153/>). Известен тип монет с изображением «трезубца» справа и «палицы» слева (рис.1, 4) (<https://bosporan-kingdom.com/525-4580/1.html>) (Анохин, 1986, с.110-112, 159-160; Фролова, 1997а, с.141-145; Анохин, 2016, с.173, таб.VII). На статерах Евпатора (154/155–170/171 гг.) дифферент «трезубец» отсутствует полностью. Вместе с тем в начальный период правления (154/155–160/161 гг.) Евпатор чеканил медные монеты с «трезубцем» на аверсе (рис.1, 5) (<https://bosporan-kingdom.com/548-4377/>) (Анохин, 1986, с.112-113, 160-162; Фролова, 1997а, с.145-147; Анохин, 2016, с.174, таб.VIII).

Савромат II, сын Реметалка (174/175–210/211 гг.), чеканил статоры с изображением различных дифферентов. На аверсе чаще других знаков наблюдается «палица». В первой половине правления Савромата II «трезубец» не изображался, затем он вопреки традиции в течение нескольких выпусков был размещен на реверсе статеров, возле бюста императора/императоров. В 197/198 г. были выпущены статоры с «палицей»

на аверсе и «трезубцем» на реверсе (Анохин, 1986, с.114, 162-164; Фролова, 1997а, с.300-314; Анохин, 2016, с.175-176, таб.IX). На двойных денариях был изображен Савромат в полный рост с палицей и трезубцем в руках, венчаемый Никой (рис.1, 6) (<https://bosporan-kingdom.com/604-4025/>) (Анохин, 1986, с.115-117, 165; Фролова, 1997а, с.150-151, 319-321).

В первые годы правления Рескупорид II (211/212–226/227 гг.) продолжил практику Савромата II и чеканил статоры с изображением «трезубца» на реверсе рядом с бюстом императора (наряду с другими знаками) (рис.1, 7) (<https://bosporan-kingdom.com/629-4284/>). В дальнейшем изображение «трезубца» вернулось на свое «традиционное» место на аверсе статеров, где располагалось справа от бюста царя. Помимо этого на аверсе встречается дифферент «палица». На реверсе одного из типов денариев был изображен царь с палицей и трезубцем в рост (Анохин, 1986, с.118-120, 166-168; Фролова, 1997б, с.14-15).

Правление сына Рескупорида Котиса III (227/228–234/235 гг.)² было ознаменовано наличием нескольких соправителей. В первую половину своего недолгого царствования Котис III регулярно размещал «трезубец» на аверсе статеров (рис.1, 8) (<https://bosporan-kingdom.com/656-4304/12.html>), при этом «палица» на его монетах отсутствует (Анохин, 1986, с.120-121, 168; Фролова, 1997б, с.20, 215-219; Анохин, 2016, с.178, таб.XI). На статерах соправителей Котиса Савромата III (229/230–231/232 гг.) и Рескупорида III (233/234–234/235 гг.) ни «трезубца», ни «палицы» не зафиксировано (Анохин, 1986, с.120-121, 168-169; Фролова, 1997б, с.222-225; Анохин, 2016, с.179, таб.XII). Возможно, краткосрочность правления помешала им использовать эти присутствующие у всех царей на протяжении полутора веков атрибуты. Следующий царь Боспора имел нетипичное для династии Тибериев Юлиев имя Ининфимей (233/234–238/239 гг.). На его статерах «трезубец» отсутствует, однако присутствует «палица» (на реверсе) (Анохин, 1986, с.121-122, 169; Фролова, 1997б, с.32-35, 226-228; Анохин, 2016, с.180, таб.XIV).

Рескупорид IV (242/243–276/277 гг.) применял при эмиссии статеров несколько дифферентов в разных комбинациях. В первые годы широкое распространение на реверсе статеров получил знак «палица» (Анохин, 2016, с.181, таб.XV). С 250/251 по 257/258 гг. Рескупорид выпускает статоры с «трезубцем» на реверсе, где он помещен справа от бюста импе-

² Годы правления Котиса III, Савромата III, Рескупорида III и Ининфимея приведены по Анохину, 1986 и Фроловой, 1997б с учетом поправок, внесенных С.И.Безугловым (Безуглов, 2015, с.22-25).

ратора. С 263/264 г. «трезубец» «перемещается» на аверс и неизменно находится здесь до конца правления (рис.1, 9) (<https://bosporan-kingdom.com/714-4064/57.html>). Во второй половине правления Рескупорид IV впервые после столетнего перерыва чеканил медные монеты с «трезубцем» на лицевой стороне (Анохин, 1986, с.122-126, 170-171; Фролова, 1997б, с.41-51, 67; Анохин, 2016, с.181-182, таб.XV). Статеры Фарсанза (253/4–254/255 гг.), не имеют никаких дифферентов на аверсе, на реверсе изображены «точка», «две точки», «звезда» (Анохин, 1986, с.123,171; Фролова, 1997б, с.51-52, 279-280). Статеры Савромата IV (275/276 г.), соправителя Рескупорида, несмотря на краткосрочное правление распределяются на несколько типов. Среди них присутствуют статеры с «трезубцем» на аверсе (рис.1, 10) (<https://bosporan-kingdom.com/725-4738/1.html>) (Анохин, 1986, с.124, 171; Фролова, 1997б, с.71-72, 281-283). Статеры Тейрана, датированные как 266/267 г., так и 275/276–278/279 гг., лишены всяческих дополнительных знаков (Анохин, 1986, с.124, 171-172; Фролова, 1997б, с.73-74, 284-287). Относительно чеканки Рескупорида IV следует отметить, что «трезубец» преобладал на монетах в наиболее беспокойные периоды его царствования в 250е, 260е и 270е гг., насыщенные походами варваров через территорию Боспора и совместными правлениями³.

Монетное дело Фофорса (285/286–309/310(?) гг.) резко отличается от чеканки предыдущих правителей Боспора. При нем статеры становятся чисто медной монетой. В первые годы правления Фофорс подобно Тейрану выпускал статеры без каких-либо дифферентов. С 294/295 по 296/297 гг. на лицевой стороне монет эпизодически появляется «трезубец»: (рис.1, 11) (<https://bosporan-kingdom.com/739-4642/1.html>) (Анохин, 1986, с.126-128, 172-173; Фролова, 1997б, с.75-83; Анохин, 2016, с.183-184, таб.XVI). При Радамсаде (309/310–319/320(?) гг.) на реверсе статеров неизменно чеканится «палица». Вместе с тем «трезубец» отсутствует (Анохин, 1986, с.128, 173; Фролова, 1997б, с.112-117, 313-322; Анохин, 2016, с.160). Общая картина употребления дополнительных знаков царем Боспора Рескупоридом 5 (318/319(?)–336/337(?) гг.) представляется весьма сложной и запутанной. Многочисленные дифференты использовались в самых разнообразных комбинациях. При этом в случае наличия «трезубец» фигурировал исключительно на аверсе, «палица» периодически изображалась на реверсе. В 327/328 г. была совершена эмиссия

³ О событиях царствования Рескупорида IV смотрите, например, (Болгов, 1996, с.26-32; Шаров, 2009, с.251-281)

статеров с «трезубцем» на аверсе и «палицей» на реверсе (рис.1, 12) (<https://bosporan-kingdom.com/773-4809/1.html>) (Анохин, 1986, с.129-133,173-174; Фролова, 1997б, с.117-134; Анохин, 2016, с.185-186, таб.XVII).

Первую развернутую классификацию дифферентов разработал А.Л.Бертье-Делагард. Он выделил три группы дополнительных знаков. Исследователь отнес изображения оружия (трезубец, палица, копье) к первой группе и считал, что они символизировали могущество царей Боспора, считавших себя потомками Геракла и Посейдона (Бертье-Делагард, 1911, с.305-329). К.В.Голенко и Н.И.Сокольский отметили обильное присутствие дифферентов на позднебоспорских статерах, в том числе «трезубца» и «палицы». Они считали, что в появлении новых дифферентов и добавочных изображений на этих статерах сказалось влияние типологии римских монет (Голенко, Сокольский, 1968, с.76-126). К.В.Голенко исследовал значение различных дифферентов, однако на определенном этапе отказался решать этот вопрос (Голенко, 1978, с.19).

По мнению В.А.Анохина дополнительные знаки всех типов «представляют собой обычные дифференты, назначением которых было различать отдельные или особые эмиссии в пределах выпусков одного года, а необходимость различения эмиссий вызывалась различным финансированием чеканки» (Анохин, 1986, с.107). Присутствие «трезубца» на монетах Савромата I В.А.Анохин вначале связывал с храмом Посейдона в качестве источника финансирования эмиссии золота (Анохин, 1986, с.107-108). В работе «История Боспора Киммерийского» исследователь связывает появление «палицы» и «трезубца» на монетах Рескупорида I с представлением о божественном происхождении правящей династии от Посейдона и Геракла (Анохин, 1999, с.146). В своей недавней работе исследователь интерпретирует изображенный на статерах «трезубец» в качестве родового знака сына Савромата I Котиса II и его прямых потомков (Анохин, 2016, с.151, 162-164).

Р.А. и Е.Р.Исанчурины относят палицу и трезубец, наряду с жезлом, к числу атрибутов царской власти. Эти символы отражали представление о божественном происхождении царя и его власти. Исследователи возводят их к палице Геракла и трезубцу Евмолпа. Отмечается, что палица появляется на ободах боспорского царя на рубеже нашей эры, а палица вместе с трезубцем – на ассах Митридата III. Наиболее полно эта эмблематика выражена на двойных денариях Савромата II, где Ника венчает царя, изображенного в образе героя – покровителя земли и моря с палицей Геракла и трезубцем Евмолпа. Эта символика монет была

ориентирована на греческую часть населения или, во всяком случае, на людей, знакомых с греческой мифологией (Исанчурун, Исанчурун, 1989, с.71-73).

Н.А.Фролова в работе «Монетное дело Боспора» подробно рассмотрела разные типы дополнительных знаков, проследила историю их использования (Фролова, 1997б, с.37-39, 156-166). В различных дифферентах исследователь видела символы мифических предков и покровителей боспорских царей греческого и иранского круга, знаки царской власти, обозначения денежных номиналов. Согласно ее мнению изображения палицы и трезубца были призваны символизировать могущество царской власти и связаны с почитанием на Боспоре культа Геракла и Посейдона, потомками которых считали себя боспорские цари (Фролова, 1997б, с.157-158).

М.М.Чореф считает дифференцы метками различных эмиссионных центров Боспора (Чореф, 2012, с.174-177). Знаки «палица» и «трезубец» М.М.Чореф атрибутировал как эмиссионные символы монетных дворов эллинских поселений, богами-покровителями которых являлись Посейдон и Геракл. Поскольку в качестве эмблем этих поселений не были использованы буквенные монограммы, они не являлись полисами. Центры, использовавшие «палицу» и «трезубец» представляли собой царские крепости – центры стратегий, служившие опорными пунктами Митридатидов на землях царства, которые находились за пределами Таврики (Чореф, 2012, с.180-181).

В 2018 г. В.А.Сидоренко выступил с докладом, в котором обосновал принадлежность различных дифферентов мастерам, ответственным за конкретные эмиссии монет (работа находится на стадии публикации).

Исследователи сарматских знаков-тамг также обращались к теме изображения трезубца на монетах Боспора. Э.И.Соломоник отметила присутствие небольшого знака в виде трезубца около портрета на монетах ряда боспорских царей II – IV вв.н.э. (Соломоник, 1959, с.43). В.С.Драчук в работе, посвященной знакам Северного Причерноморья, прослеживает историю использования «трезубца» на Боспоре. Он отмечает, что триденс – символ бога Посейдона, известный на Боспоре еще со времен Спартокидов, – являлся символом боспорских правящих династий. На ранних образцах триденс встречается иногда с дельфином, иногда с палицей Геракла и шкурой льва. С тех пор всегда, когда цари Боспора желали указать на принадлежность чего-либо правящим боспорским династиям, на их приоритет, они ставили традиционную эм-

блему – триденс. Позднее, согласно мнению исследователя, триденсы Боспор использовал для противопоставления Риму (Драчук, 1975, с.62-64).

Таким образом, не касаясь сложного и запутанного вопроса о предназначении дифферентов в целом, представляется возможным констатировать, что дополнительные знаки «трезубец» и «палица» так или иначе связаны с культами Посейдона и Геракла. Действительно, на Боспоре издавна чтили обоих персонажей. К эллинистическому периоду относятся надписи, посвященные Гераклу (КБН, 16, 973, 1036). Со времен Спартокидов, видимо, существовала традиция, возводившая происхождение боспорских царей к Гераклу и сыну Посейдона Евмолпу. Об этом косвенно свидетельствует выпускавшаяся царскими эргастериями в III в. до н.э. кровельная черепица, которая иногда снабжалась клеймами, содержащими эмблемы в виде трезубца и дельфина (Гайдукевич, 1949, с.55-56). Савромат I, сын Рескупорида I, при котором трезубец впервые появился на монетах в качестве дифференца, являлся потомком Посейдона и Геракла (КБН, 1048). Другие представители династии Тибериев Юлиев также упоминали о своем происхождении от этих богов в ряде эпиграфических памятников (КБН, 53, 980).

В свою очередь традиция использования атрибутов Посейдона и Геракла на монетах правителей Боспора имеет глубокие корни. Трезубец фигурирует на золотом статере архонта Гигизонта (ок. 215–205 гг. до н.э.). Он размещен на оборотной стороне под изображением сидящей Афины в сопровождении двух дельфинов (Шелов, 1956, с.184; Анохин, 1999, с.89-90). Во II в. до н.э. аналогичные изображения зафиксированы на реверсах статов царей династии Спартокидов, носивших имя Перисад (Шелов, 1956, с.187-189; Анохин, 1999, с.94-99). Трезубец изображен горизонтально под вертикально стоящим горитом на реверсе серебряной дидрахмы Спартока V (ок. 205–185 гг. до н.э.) (Анохин, 1999, с.93). Трезубец присутствует на серебряной монете Перисада IV (ок. 155–125 гг. до н.э.) (Анохин, 1999, с.96-97) и на медном дихалке Перисада V (ок. 125–109 гг. до н.э.) (<https://bosporan-kingdom.com/184-3036/18.html>). На медных оболах Пантикапея и Фанагории времен Митридата Евпатора на аверсе изображена голова Посейдона вправо, слева трезубец (<https://bosporan-kingdom.com/191-3106/16.html>).

Трезубец и палица хорошо известны в типологии монет Боспора римского периода. Среди медных монет конца I в. до н.э. – начала I в.н.э. с монограммой ВAE существуют несколько типов, имеющих отно-

шение к культу обоих богов: 1) дельфин и трезубец на аверсе, 2) голова Геракла на аверсе и палица с наброшенной на нее львиной шкурой на реверсе, 3) бюст Посейдона и трезубец на аверсе (Фролова, 1997а, с.42-46). На реверсе ассариев Митридата III (ок. 39/40–44/45 гг.н.э.) изображены палица с наброшенной на нее львиной шкурой, лук с колчаном и трезубец (Анохин, 1986, с. 96-97, с. 151).

Подводя итоги, можно отметить, что, начиная с конца I в.н.э., «трезубец» зафиксирован на монетах практически всех царей Боспора, которые носили типичные для правящей династии имена. Вместе с тем он отсутствует у тех правителей, принадлежность которых к Тибериям Юлиам вызывает сомнения (Ининфимей, Фарсанз, Тейран, Радамсад). В качестве исключения знак эпизодически присутствует на статерах Фофорса, который известен в истории рядом нововведений в монетном деле. Этот факт позволяет склониться к суждению о том, что «трезубец» прежде всего являлся символом правящей династии Тибериев Юлиев. Подобное толкование назначения дифферента, впрочем, не исключает наличия у него иных функций на протяжении различных периодов истории Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 1986. 184 с.
- Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев: ООО «Одигитрия», 1999. 250 с.
- Анохин В.А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды: Сб. Киев: ИД «Стилос», 2016. 280 с.
- Безуглов С.И. К династической истории Боспора в III в.н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 22-25.
- Бертье-Делагард А.Л. Дифференты на боспорских царских монетах римского времени. НС МНО. Т. I. Москва: Моск. синод. тип., 1911.
- Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. 180 с.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 624 с.
- Голенко К. В., Сокольский Н. И. Клад 1962 г. из Кеп. – 1968. – 7. – С. 72–126.

Голенко К.В. Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в.н.э.// Нумизматика и эпиграфика. 1978. Т.12. С. 10-40.

Драчук В.С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975

Завойкина Н.В. Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 160-166.

Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Т.15. С. 53-96.

Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Издательство «Наука», 1965. 952 с.

Сайт «Монеты Боспора». URL: <http://bosporan-kingdom.com/> Дата обращения: 31.01.2018

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Издательство АН УССР, 1959. 180 с.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в.до н.э. – середина IV в.н.э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. – 210/211 г.н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997а.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в.до н.э. – середина IV в.н.э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211 – 341/342 гг.н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997б.

Чореф М.М.«Non multa, sed multum», или дифференты на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. с.171-200.

Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв.н.э.). Дисс. док. истор. наук. СПб, 2009. 571 с.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. Причерноморье в античную эпоху. Вып. 9. М.: Издательство АН СССР, 1956. 232 с.

ПАРОМОВ Я.М.
(ИА РАН, Москва)

О СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Сельская территория – хора – играла значительную роль в жизни любого античного полиса. Еще большее значение она имела в государствах, обладавших плодородными полями, как, например, на Боспоре [Strab. VII, 4, 6]. В таких странах хора составляла экономическую основу государства, а значительная часть населения была сосредоточена в деревнях. Попытки начать систематическое изучение хоры азиатской части Боспорского государства начались лишь с 1950 г., европейской – с 1951 г. [Блаватский, 1958, с. 9, 11]. Изучение хоры всегда было сопряжено с рядом значительных трудностей. Можно сказать, что среди памятников античного времени сельские поселения представляют наиболее многочисленную и наименее изученную категорию. Их исследованию препятствуют трудности поиска самих поселений, растянутость их остатков в пространстве, плохая сохранность большей частью распаханных следов сырцовых строений, относительная бедность находок.

Первым, кто не в теории, а на практике столкнулся с остатками сельских поселений античного времени на Таманском полуострове, был В.Д. Блаватский, пять сезонов (1950–1954 гг.) возглавлявший их исследования в юго-западной части полуострова, в округе станицы Тамань. Небольшими по своим масштабам разведочными раскопками тех лет было затронуто 16 памятников. Материалы раскопок позволили их организатору выступить с некоторыми предварительными обобщениями, касающимися хозяйственной и экономической жизни этого региона в античную эпоху [Блаватский, 1958, с. 13, 14; 1959, с. 46–48]. С точки зрения внутренней организации и планировочной структуры античных сельских поселений результаты исследований выглядели весьма скромно. Было

Рис.1. Монеты Боспорского царства I – IV вв.н.э. (<http://bosporan-kingdom.com/>)
1 - сестерций Рескупорида I; 2 - статер Савромата I 108/109 г.н.э.; 3 - сестерций Котиса II; 4 - сестерций Реметалка; 5 - сестерций Евпатора; 6 - двойной денарий Савромата II; 7 - статер Рескупорида II 212/213 г.н.э.; 8 - статер Котиса III 229/230 г.н.э.; 9 - статер Рескупорида IV 266/267 г.н.э.; 10 - статер Савромата IV 275/276 г.н.э.; 11 - статер Фофорса 294/295 г.н.э.; 12 - статер Рескупорида V 327/328 г.н.э.

установлено, что остатки поселений растягиваются по довольно обширной площади, отнюдь не уступающей по размерам малым боспорским городам. Первоочередной задачей была названа разведка и нанесение на карту по возможности всех поселений боспорской хоры, а также хотя бы небольшие раскопки каждого из них [Блаватский, 1958, с. 13].

Именно в этом направлении проходило специальное изучение сельских поселений глубинной части Европейского Боспора, начавшееся в 1953 г. под руководством И.Т. Кругликовой. Ее исследования охватили почти весь Керченский полуостров и район Феодосии. Материалы, полученные в результате раскопок и разведок 1950–1960-х годов, позволили, по мнению их руководителя, в общих чертах воссоздать историю сельскохозяйственных поселений Боспора от бронзового века до позднеантичного времени и дали возможность сделать попытку создания первой истории сельского хозяйства Боспорского государства [Кругликова, 1975, с. 13]. Благодаря археологическим исследованиям, автору этого труда удалось выделить несколько типов сельских поселений: 1 – неукрепленные деревни; 2 – поселения в хорошо защищенных природой местах или с искусственными укреплениями; 3 – неукрепленные, отдельно стоящие сельские усадьбы, расположенные на клерах или частновладельческих участках; 4 – укрепленные сельские виллы – центры крупных земельных владений, стоящие одиноко или группами [Кругликова, 1975, с. 149]. Из этих четырех типов сельских поселений лишь первый, к которому относились «комы» (неукрепленные деревни, расположенные на равнине и представлявшие собой группу изолированных домов, отстоявших один от другого на 30–50 м и разделенных, видимо, приусадебными участками), обладал какой-то внутренней структурой, подчинявшейся некоторым закономерностям. Ввиду ограниченных масштабов раскопок, эти закономерности не были выявлены. Поселения второго типа по внешнему облику, планировке и характеру построек были сходны с малыми городами Боспора того же времени. Относящиеся к третьему и четвертому типам отдельные неукрепленные и укрепленные усадьбы, строго говоря, не являются поселениями: с пространственно-планировочной точки зрения они не подчиняются общим закономерностям организации сельских поселений.

Более определенные сведения о внутренней структуре и ориентировочном размере одной усадьбы на античном сельском поселении приведены Е.М. Алексеевой в статье, посвященной изучению сельских поселений вокруг Горгиппии – одного из крупнейших городов Боспорско-

го государства, расположенного в его юго-восточной части, на берегу современной Анапской бухты. По сведениям автора, хора Горгиппии простиралась на расстояние не менее 20 км от города. Остатки сельских поселений были различимы на свежей пахоте как группы пятен диаметром 25–50 м, насыщенных камнями и битой керамикой. Эти пятна расположены бессистемно, в шахматном порядке или вытянуты в линии и удалены друг от друга в местах скученности на расстояние 50–100 м. Хотя фиксация этих пятен на топографической основе почти не производилась, в статье есть важные данные о небольшом поселении, состоявшем из пяти вытянутых в линию усадеб. На одной из них – Джемете I – раскопками были выявлены остатки двух стен ограды участка [Алексеева, 1980, с. 18, 26–32]. Расчеты показывают, что величина участка могла составлять 0,53 га или 53 сотки [Паромов, 2008, с. 28]. Для античной хоры Азиатского Боспора это было первое свидетельство, относящееся к размерам одной усадьбы на сельском поселении.

Вполне очевидно, что достаточно надежные данные о внутренней структуре античного сельского поселения могли быть получены только в результате специальных исследований в этом направлении, включающих сплошное обследование хоры и раскопки поселений широкими площадями. Эти работы были проведены на хоре Ольвии в 1970–1980-е годы Ольвийской экспедицией ИА АН УССР. В качестве эталонного памятника было выбрано поселение последней четверти VI – V в. до н.э. Чертоватое 7. В центральной и периферийной частях поселения для получения наиболее полной картины о его структуре было заложено несколько раскопов общей площадью около 6 тыс. кв. м. В ходе инструментальной съемки в распаханной части поселения удалось локализовать и оконтурить 76 изолированных скоплений с обильными выходами золы, обломков амфорной тары, аттической чернолаковой, расписной ионийской, красноглиняной, сероглиняной, лепной и другой посуды конца VI – начала V в. до н.э., мелких необработанных камней и костей животных. Эти пятна диаметром от 30 до 60 м и размерами 0,1–0,2 га располагались на площади около 34 га. По убеждению исследователей, каждое из зольных пятен на поселении Чертоватое 7 отражало местонахождение отдельного домохозяйства. На междомовых пространствах располагались сады и огороды. Всего на площади 34 га локализовано 76 домохозяйств. Таким образом, размер средней усадьбы на поселении Чертоватое 7 составлял 0,45 га или 45 соток [Крыжицкий и др., 1989, с. 8, 26, 32]. Следует отметить, что эта величина близка рассчитанному выше

размеру усадьбы на поселении, находившемся вблизи Горгиппии (0,53 га или 53 сотки). Разница между ними невелика, однако возникает вопрос – насколько близки по характеру сельская округа Ольвии и хора Азиатского Боспора (Таманского полуострова), правомерно ли это сравнение?

Оба региона – округа Ольвии и Таманский полуостров – схожи по своим природным и геолого-почвенным особенностям, поскольку входят в Придунайскую степную провинцию южных среднетощных (каштановых) черноземов (хора Ольвии) и в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию мощных черноземов (Таманский полуостров) [Афанасьева и др., 1979, с. 50]. В отличие от хоры Херсонеса, где следы античного земельного межевания признаны эталонными [Щеглов, 1993, с. 19], на территории Таманского полуострова и округа Ольвии следы сырцовых оград земельных наделов на поверхности земли в настоящее время практически не заметны. Однако они замечательно различимы с воздуха. Исследование античных систем землепользования в этих регионах стало возможным с появлением плановых топографических аэрофотосъемок. Сравнивая наиболее значительные системы межевания Северного Причерноморья по типу пространственно-планировочной композиции, А.Н. Щеглов разделил их на регулярные (хора Херсонеса) и иррегулярные [1993, с. 23, 24]. В последнюю категорию вошли античное межевание на Таманском полуострове и на хоре Ольвии, имеющие много общих черт. Нет ничего удивительного в том, что общие черты могли быть и у находившихся в этих регионах неукрепленных сельских поселений. Ранние поселения сельской округа Ольвии имели размеры от 0,2 до 50–80 га [Крыжицкий и др., 1989, с. 25]. Поселения Таманского полуострова также были разновелики – от 0,1 до 80 га. Как и на хоре Ольвии, среди 218 поселений Таманского полуострова существовали отдельные усадьбы и хутора, малые, средние и крупные по размерам поселения, а также несколько наиболее значительных, условно называемых «доминантами» [Паромов, 1994, с. 337–346]. В этой ситуации мы вправе надеяться, что и внутренняя структура этих поселений подчинялась общим закономерностям и соотношениям. Каждая отдельно взятая усадьба (или домохозяйство) на таком поселении включала в себя комплекс жилищных и хозяйственных построек (по терминологии украинских ученых – «куст»), а также приусадебный участок с огородом и садом. Соотношение между размерами комплекса построек и приусадебной землей имело, вероятно, вполне определенное значение, имевшее универсальный характер

практически для любого неукрепленного сельского поселения античного времени в Северном Причерноморье.

Специальные исследования структуры античных сельских поселений на Таманском полуострове не производились, однако некоторые данные по этому вопросу появлялись в качестве исключений или сопутствующих сведений при других работах. В 1998 г. одним из отрядов Таманской экспедиции ИА РАН проводились работы на поселении Приазовский 4 (площадь 18,5 га), состоявшие из поверхностного обследования памятника, уточнения его внешних границ, топографии, структуры, исследования динамики границ на основании дифференцированных сборов подъемного материала и зачисток обнажений (Н.И. Сударев), а также из небольших раскопок в разрушаемой части памятника (А.А. Завойкин). В результате исследований авторы пришли к выводу, что поселение Приазовский 4 в конце VI – первой половине IV в. до н.э. представляло собой некое «скопление» небольших сельских ойкозов, центром которых были скромные по размерам приусадебные строения и окружающая их хозяйственная зона. Между этими центрами, судя по их словам, лежали сельские уголья [Завойкин, Сударев, 1999, с. 391; 2000, с. 190]. Не трудно заметить, что эти наблюдения о дискретности структуры античного сельского поселения Приазовский 4 целиком совпадают с данными, полученными украинскими учеными в результате исследования поселений на хоре Ольвии. К сожалению, работы на поселении Приазовский 4 не подкреплены плановыми материалами, которые позволили бы ввести в научный оборот конкретные данные о размерах комплексов усадебных построек и соотношениях между ними и приусадебными участками.

По данным натурных обследований о внутренней структуре таманских сельских поселений античного времени можно сказать немного. Их планировка в значительной мере определялась развитой сетью дорог. Линейной являлась структура так называемых придорожных поселений, усадьбы которых в один или два ряда были выстроены вдоль древних дорог. В организации пространства средних и больших по площади поселений особую роль играли искусственные пруды-водоемы, вокруг которых или рядом с которыми располагались усадьбы поселений. В отличие от ранней хоры Ольвии, картина, наблюдаемая на многих памятниках Таманского полуострова, осложнена наличием средневековых слоев, перекрывающих поселенческие остатки античного времени. Там, где картина не искажена, на античных памятниках остатки усадебных строений заметны в виде небольших пологих возвышений, проступающих на пахо-

те осветленными желтоватыми или серовато-золистыми пятнами, более насыщенными подъемным материалом, достаточно четко отображенными на аэрофотоснимках. По данным обследования и аэрофотосъемок, представилось возможным определить общий характер планировки 24 античных поселений и вычислить среднюю величину одной усадьбы на них, составлявшую около 0,45 га или 45 соток, что совпадает с величиной усадьбы на поселении Чертоватое 7 (хора Ольвии) и близко размеру усадьбы на хоре Горгиппии.

Наряду с общим представлением о величине одной усадьбы на поселении, не менее важно соотношение застроенной и свободной земли на усадьбе, которое может быть установлено лишь по данным раскопок. Здесь мы вновь обращаемся к исследованиям украинских коллег. На нескольких поселениях округа Ольвии (Лупарево 2, Чертоватое 7, Куцуруб 2 и Старая Богдановка 2) были исследованы девять отдельных комплексов жилищно-хозяйственных построек (домохозяйств или «кустов»), общая площадь которых составляла 5042 кв. м [Крыжицкий и др., 1989, с. 31, 32]. Средняя застроенная площадь на одной усадьбе была около 560 кв. м или 5,6 соток. Таким образом, если средняя величина одной усадьбы на раннеантичном поселении ольвийской хоры составляла 0,45–0,50 га или 45–50 соток, то жилыми и хозяйственными постройками на ней были заняты лишь 11–12% ее территории – около одной десятой части, а девять десятых находилось под садом и огородом. Эти расчеты необходимы и важны для палеодемографических и палеоисторических реконструкций. Вероятно, размер одной усадьбы на сельском поселении античного времени, близкий к 50 соткам, был достаточно типичен как для сельской округа Ольвии, так и для хоры Азиатского Боспора. Таким же закономерным представляется и соотношение величины жилищно-хозяйственной застройки на усадьбе к величине сада и огорода, примерно равное 1:10. Эти размеры и пропорции были продиктованы необходимостью обеспечить себя жильем, разместить скот и птицу, урожай и корма для скота, сельскохозяйственные орудия и инструменты, а также вырастить на огороде и в саду рядом с домом необходимые для семьи овощи и фрукты.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. I. Краснодар, 1980. С. 18–50.
- Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В., Шермет Б.В. Почвы СССР. М., 1979. 382 с.
- Блаватский В.Д. Об археологическом исследовании хоры // Вестник Московского университета. № 4. М., 1958. С. 9–14.
- Блаватский В.Д. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 41–48.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. Археологические исследования на поселении Приазовский 4 // ПИФК. Вып. VII. М.–Магнитогорск, 1999. С. 388–391.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. Исследования на поселении Приазовский 4 // АО 1998. М., 2000. С. 188–190.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. 300 с.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. 240 с.
- Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб., 1994.
- Паромов Я.М. Внутренняя структура античных поселений // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2008. С. 28, 29.
- Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10–38.

ПЕТРАКОВА А.Е.
(Гос.Эрмитаж, Санкт-Петербург)

**ФРАГМЕНТЫ ПАНАФИНЕЙСКИХ АМФОР
ИЗ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, АТРИБУЦИИ**

В собрании Музея истории Пермского государственного университета среди прочих экспонатов обширной коллекции памятников античного искусства хранятся фрагменты ваз, которые могут быть определены по размерам, а также технике исполнения и тематике росписей, как фрагменты панафинейских амфор. Они были переданы в университет в 1917 году из Императорской археологической комиссии, то есть, очевидно, происходят из раскопок на юге России.

Панафинейские амфоры изготавливались аттическими мастерами на протяжении нескольких столетий, вплоть до эпохи эллинизма [см., например: Edwards, 1957]. Безусловно, пропорции и размеры ваз, стилистические особенности росписей этих амфор менялись со временем (изделия VI века до н.э. значительно отличаются по этим параметрам от изделий, например, IV века до н.э.), но целый ряд элементов оставался неизменным. Помимо чернофигурной техники и специфического сюжетно-тематического репертуара росписей (Афина – на одной стороне, изображение одного из видов состязаний – на другой) панафинейские амфоры имеют более вытянутые пропорции, чем обычные амфоры, их тулово сильно сужается книзу, а размер их – значительно больше, чем у обычных амфор. По особенностям формы и декора их подразделяют на две большие группы: ранние и поздние. Фрагменты пермских амфор относятся к поздним панафинейским амфорам: их отличают от ранних пропорции и размеры (они гораздо более высокие и узкие), а также – стиль росписи, ведь гравировки становятся гораздо более изобильными и свободными, мастера пытаются при помощи линий передать округлости и объемы [см., подробнее, например: Benz 1998; Benz, Eschbach, 2001].

Один из фрагментов, о которых идет речь, был опубликован в 2006 году среди прочих избранных экспонатов античной и египетской коллекций Музея истории Пермского государственного университета [Колпаков, Стабровский, 2006, ил. на с. 51]. На этом фрагменте представлен движущийся влево бородатый [по поводу возраста участников игр см., например: Neils, 1992, pp. 13-27] возница в длинной одежде на колеснице, запряженной, конями: сохранились головы и части корпуса трех коней, изображение колеса, виден низ корпуса колесницы и дуга сверху. В публикации этот фрагмент был определен как принадлежащий панафинейской амфоре середины – третьей четверти IV века до н.э.

Работа в фондах Музея истории Пермского государственного университета позволила выявить еще несколько фрагментов, явно принадлежащих к той же самой панафинейской амфоре: фрагмент, на котором представлена передняя часть коня (морда, ноги, шея) и часть колонны/стелы слева от коня (по-видимому, выполняющей роль меты), которую перекрывают его передние ноги. Хотя фрагмент не стыкуется с предыдущим, но по стилю росписи, размерам коня и по общей композиции понятно, что его следует разместить слева от имеющихся на предыдущем фрагменте трех коней. Еще один маленький фрагмент с изображением двух задних ног коня и части колеса колесницы стыкуется с фрагментом с тремя конями; также имеется фрагмент нижней части вазы (край клейма и черное пространство под ним), который не стыкуется с предыдущими, но по своим параметрам (размер, толщина, цвет глины и «черного лака») подходит к предыдущим. Судя по размерам фрагментов они относятся к крупной панафинейской амфоре высотой приблизительно 60-70 см (высота наибольшего из сохранившихся фрагментов 23,2 см).

Помимо этого в собрании музея удалось выявить фрагменты другой панафинейской амфоры: это горло (венчик отбит) с двумя полностью сохранившимися ручками и верхней частью тулова. Шейка украшена цепью двойных пальметт, плечики – рядом длинных язычков; поверх язычков нарисован крупный гребень шлема, декорированный белыми точками. Этот фрагмент хорошо стыкуется с фрагментом, на котором сохранилась часть фигуры Афины влево с большим круглым щитом (украшенным эмблемой в виде летящей Ники, выполненной белой краской) в руке и часть фигуры петуха на колонне слева от нее [подробнее о петухах на колоннах на панафинейских амфорах см., например: Eskermap, 2012; Porkin, 2012]. С этим фрагментом не стыкуется, но, очевидно, принадлежит к той же амфоре, фрагмент с нижней частью большого кругло-

го щита – он подходит по своим размерам и декору к щиту в руке Афины. Возможно к этой же амфоре относятся и несколько крупных фрагментов с изображением одежды (явно, принадлежащей Афине); на одном из них также сохранилась ступня, некогда покрытая белой краской. Судя по контурам одежды и расположению ступни, все это принадлежит Афине, обращенной влево – так же, как и Афина на описанном выше фрагменте. Также в фондах музея имеется фрагмент нижней части панафинейской амфоры, четыре стыкующихся фрагмента левой части клейма с кромкой и изображением ствола и базы колонны; вполне возможно их следует расположить слева от фигуры Афины, т.е. это колонна, на которой сидит петух (чью верхнюю половину мы видим на фрагменте с головой Афиной), хотя также это может быть и часть меты на противоположной стороне вазы. Также имеются три не стыкующихся фрагмента с колонной, которые, по-видимому, следует расположить справа от Афины. По размерам и толщине фрагментов, цвету «черного лака» и глины, а также по стилю росписи на тех фрагментах, где сохранилось изображение, мы можем предположить, что все эти фрагменты принадлежат к одной и той же вазе, опять таки, больших размеров, по крайней мере – от 70 см и выше (сохранившаяся высота горла составляет 14 см, высота клейма с Афиной – не менее 40 см). Это – наиболее многочисленная группа фрагментов панафинейских амфор в собрании Музея истории Пермского государственного университета.

Последнюю группу фрагментов составляют три сходящихся кусочка с верхней кромкой клейма: на них представлена верхняя половина фигуры обнаженного мужчины, движущегося вправо. На голове у него шлем с высоким гребнем, в левой руке – большой круглый щит, видимый с внутренней стороны. Судя по сохранившимся целиком композициям на панафинейских амфорах из других музеев этот мужчина может быть гоплитодромом (в ряду из нескольких гоплитодромов) или апобатом (тогда еще должна быть колесница, однако к колеснице, изображенной на первой группе пермских фрагментов он явно отношения не имеет ни по размеру, ни по месту и характеру расположения). Очень возможно, к этой же амфоре относится фрагмент с нижней кромкой клейма и изображением ноги со щиколоткой, а также два сходящихся фрагмента нижней кромки клейма и два – боковой кромки клейма с аналогичной полосой вдоль кромки.

Таким образом, собрание Музея истории Пермского государственного университета позволяет ввести в научный оборот сильно фрагмен-

тированные панафинейские амфоры, поступившие в 1917 году из Императорской археологической комиссии. Их датировка – от последней трети V до начала IV века до н.э. По размерам, стилю росписи, деталям одни фрагменты следует сопоставить с вазами, атрибутированными Группе Робинсон (The Robinson Group, 430-420 гг. до н.э.) [см., например: Beazley, 1943, p. 453; Benz, 1998, S. 151-153; Shapiro, 2014, p. 227], а другие – с вазами, отнесенными к Кубанской Группе (The Kuban Group, 410-390 гг. до н.э.) [см., например: Beazley, 1943, pp. 453-454; Beazley, 1956, p. 411-412] и современной ей Гильдесгеймской Группе (The Hildesheim Group) [см., например: Beazley, 1943, p. 454; Beazley, 1956, p. 412].

В Государственном Эрмитаже хранятся панафинейские амфоры, происходящие из раскопок на территории Северного Причерноморья, в частности – кургана на мысе Ак-Бурун в Керчи [Олимпия 2013, кат. 64] и курганов Краснодарского края [Олимпия 2013, кат. 62 и кат. 63], – датированные последней третью V – последней третью IV веков до н.э. и атрибутированные различным аттическим вазописцам, в том числе – мастерам Кубанской Группы (именно ваза из Эрмитажа с инв. Ку.1913-4/389 дала название этой группе [Олимпия 2013, кат. 63]) и мастерам, образующим переходное звено между Группой Робинсон и Кубанской группой [Олимпия 2013, кат. 62; Beazley, 1943, p. 453]. В этот ряд памятников органично встраиваются и фрагменты из Перми.

Реконструкции панафинейских амфор из собрания Музея истории Пермского государственного университета, их атрибуции и интерпретации изображения на них посвящено настоящее исследование.

ЛИТЕРАТУРА

Колпаков И., Стабровский А. Утро исторической легенды. Екатеринбург, 2006.

Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2013.

Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.

Beazley J.D. Panathenaica // American Journal of Archaeology vol. 47, no. 4. Oct.-Dec., 1943, pp. 441-465.

Bentz M. Panathenaische Preisamphoren, Eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.-4. Jahrhundert v. Chr. 18. Beih. z. AntK. Basel, 1998.

Bentz, M. and Eschbach, N. (eds.), *Panathenaika: Symposion zu den Panathenaischen Preisamphoren*, Rauschholzhausen 25.-29.11.1998. Mainz, 2001.

Eckerman C. *Cockfighting and the Iconography of Panathenaic Amphorae* // *Illinois Classical Studies*, No. 37 (2012). Pp. 39-50.

Edwards G.R. *Panathenaics of Hellenistic and Roman Times* // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 26, No. 4 (Oct.-Dec., 1957). Pp. 320-349.

Neils J. *The Panathenaia: an Introduction* // *Goddess and Polis: The Panathenaic Festival in Ancient Athens*. Princeton, 1992. Pp. 13-27.

Popkin M.L. *Roosters, Columns, and Athena on Early Panathenaic Prize Amphoras: Symbols of a New Athenian Identity* // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 81, no 2 (April-June, 2012). Pp. 207-235.

Shapiro H.A. *The Robinson Group of Panathenaic Amphorae* // *Athenian Potters and Painters III*. Oxford, 2014. P. 221-230.

ПЕТРОВСКИЙ В.М.
(СГУ, Саратов)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАТОПЛЕННОЙ ЧАСТИ ПОСЕЛЕНИЯ ТАМАНЬ-3 В 2018 ГОДУ

Затопленная часть античного поселения Тамань-3, расположенного на южном берегу Таманского залива, к настоящему времени является одним из самых малоизученных археологических памятников на Боспоре. Первая, разведочная, т.е. без права раскопок и шурфовок, экспедиция на этот объект состоялась только в 2018 году при финансовой поддержке НКО благотворительного фонда «Деметра» (г. Керчь). До этого памятник осматривался лишь дважды – в 2004 году группой аквалангистов из г. Волгоград под руководством А.Н. Шамрая (Шамрай А.Н., 2009, с. 501-504) и в июле 2016 членами Таманского отряда Боспорской экспедиции (Петровский В.М., 2018, с. 75-79). Первой комплексной подводной экспедицией на данном поселении стали его исследования летом 2018 года. В акватории памятника были проведены общие разведочные работы, сбор подъемного материала для последующей датировки, составлена карта расположения объектов под водой. В рамках этих работ, экспедицией Южного федерального университета (г. Таганрог) под руководством к.т.н. П.П. Пивнева, были проведены батиметрические исследования, - оценка рельефа, профилирование донного грунта и его промер.

Результаты этой первой экспедиции и двух предыдущих осмотров показали, что затопленная часть поселения в настоящий момент представляет собой сильно заиленную, поросшую морскими травами часть дна Таманского залива у устья балки Лисовицкого (3,5 км на восток от Маркитантского озера, 7 км от станицы Тамань). Затопленная часть является продолжением расположенного на суше античного поселения Тамань-3.

Дно прибрежной части от линии прибоя и на удаление 30 метров от берега в настоящий момент представляет собой чистую, практически лишенную растительности полосу желтой материковой глины, на которой отсутствуют какие-либо поверхностные отложения. Глина плотная, все наносы, в том числе остатки следов деятельности человека в этой полосе отсутствуют из-за того, что под воздействием волн все предметы выносятся с этого места. Далее в море, на удалении 30-40 метров от берега, на глубине примерно 0,5 метров, проходит хорошо видимая с берега полоса песка нанесенного прибойным действием волн. Здесь так же отсутствуют какие-либо видимые следы человеческой деятельности, кроме отдельных, часто сильно окатанных фрагментов керамики, которые, по всей видимости, были вымыты из расположенных дальше в море культурных слоев и вынесены на песчаную отмель. Песок в этом месте покоится на той же материковой глине, толщина его местами достигает 0,3 м.

При удалении от берега свыше 40-50 метров, сразу за песчаной отмелью дно моря превращается в практически плоскую равнину, поросшую морскими водорослями и травами, в основном зоостерой и в некоторых местах цистозирой. Корневища зостеры плотно переплетены между собой и создают достаточно плотный донный покров толщиной до 10 см. Под этим слоем корневищ покоится слой жидких иловых отложений, местами рыхлый песок, перемешанный с раковинным детритом. По мере удаления от берега толщина песка или ила под корневищами увеличивается, одновременно возрастает и их плотность, но в обоих случаях, как пластичный ил, так и плотный песок покоятся на той же плотной, желтоватой материковой глине (Рис.1).

Такое строение дна в этой части залива объясняется, скорее всего, тем, что по мере подъема уровня моря береговая глина, постепенно подмывалась и сползала в воду. Вследствие этих абразионных процессов поверхность материковых глин в прибрежной полосе дна уплотнилась и испещрена «оспинами», т.е. небольшими углублениями и выемками. Культурный слой или иные остатки деятельности человека, лежащие на берегу, при этом полностью разрушались, перемешивались волнами и были разнесены. По мере дальнейшего подъема уровня моря эти переотложенные слои уходили глубже в море, где покрывались слоем наносного песка и илами. Сверху эти отложения покрыты слоем корневищ и плотными зарослями морских трав и водорослей.

Таким образом, не прибегая к раскопкам, обнаружить остатки человеческой деятельности на дне моря в этом районе практически невоз-

можно, так как по мере удаления от берега толщина этих наносов и отложений возрастает, и все следы разрушенного культурного слоя исчезают из виду. Исключениями являются т.н. «размывы», участки дна, где под воздействием прибойной волны корневища, песок и ил на дне размывы и отнесены в стороны. В таких местах мы наблюдаем дно из чистой материковой глины, на которой остаются все тяжелые предметы, камни и керамика. Площадь таких размывов невелика (самый большой из отмеченных размывов имел размеры 3,5×1,5 м), а глубина их равна толщине слоя корневищ в этом месте. По мере удаления в море, примерно в 100 метрах от берега, «размывы» исчезают, т.е. очевидно, что с увеличением глубины перестает сказываться действие прибойной волны. Таким образом, эти готовые «природные шурфы» дают возможность наблюдать остатки переотложенного культурного слоя, и знакомится с отдельными находками, не прибегая к раскопкам.

Другим способом обнаружить следы человеческой деятельности является применение параметрического профилографа. Это прибор показывает плотность донных осадков и во всех случаях, когда его данные указали на наличие плотных мест, показания профилографа полностью совпали с визуально найденными на дне скоплениями камней и отмелями. Другим способом обнаружить скрытые под донными наносами остатки культурного слоя и развалы камней является поиск плотных зарослями цистозеры. Эта водоросль имеет свойство расти, прикрепляясь корневищами только к плотному основанию – камням или керамике и большое скопление цистозеры в одном месте безошибочно указывает на наличие в этом месте скопления плотного материала. Прочие методы – зондаж щупом и съемка дна гидролокатором бокового обзора не дают однозначного указания на места скопления камней или культурного слоя под донными наносами и зарослями трав и водорослей. Первый метод, зондаж щупом, позволяет лишь определить толщину наносов и в редких случаях показывает наличие плотных камней под наносами, которые и без того определяются зарослями цистозеры. Использование же ГБО в этом районе затруднено плотным покровом травы и водорослей, которые полностью скрывают все возвышения над грунтом.

В целом, использованные методы и приемы позволили составить подробный план дна моря на затопленной части поселения, отметить как минимум два плотных скопления камней и одну отмель, обнаружить места выходов на поверхность переотложенного культурного слоя, составить карту видимой части затопленного поселения.

Все крупные археологические объекты, обнаруженные под водой, можно разделить на три группы. Первая группа, «Строительный комплекс 1» (СК 1, Рис. 1), вторая «Строительный комплекс 2» (СК 2, Рис. 2) и «Строительный комплекс 3» (СК 3, Рис.1).

СК 1 расположен строго на север от восточного, безымянного рукава балки Лисовицкого и представляет собой свал камней мергеля и песчаника (часто встречаются обломки мрамора) шириной от трех до семи метров в поперечнике и протянувшийся на сто метров на северо-запад, в сторону открытого моря. Основание развала покоится на материковой глине, а сам он представляет собой хаотичное нагромождение камней разного размера и формы. Возвышение над материковой глиной не более чем 0,5 м. Северо-западная часть развала уходит в толщу иловых наносов. Следов кладки не обнаружено, камни просто плотно уложены в виде вала постепенно уходящего на глубину. Окрестности этого вала насыщены обломками неокатанной керамики, что говорит о ее непо потревоженном положении со времени затопления этой части морем. В юго-западной части СК 1 встречается множество мелких (не крупнее 5×5 см) кусков мрамора. Кроме того, по описаниям прежних наблюдений, к востоку от развала СК 1 была обнаружена хозяйственная яма или подвал античного дома, заполненный обломками камня, керамикой, там же присутствует древесина (Шамрай А.Н., 2009, с.502). Однако, в экспедицию 2018 года этот объект обнаружен не был.

СК 2 находится западнее развала СК 1 и представляет собой группу плотно уложенных камней размерами 25×15 метров, возвышающихся над поверхностью дна максимум на 0,3 м. Основание этого развала полностью замывто иловыми отложениями, но, надо полагать, он так же лежит на материковой глине. Окрестности этого строительного комплекса насыщены крупными обломками керамики в непо потревоженном положении, без следов окатанности, а также отдельными камнями, блоками прямоугольной и подпрямоугольной формы, часть которых носит следы обработки. В западной части развала камней СК 2 найдены два каменных блока прямоугольной формы. Блоки хорошо обработаны, имеют четкие, прямые углы. Ширина каждой из сторон блока 25 см, длинная же сторона скрывается в наносах песка и корневищ зостеры и не может быть осмотрена или измерена без раскопок. Выступающие из песчаного дна части блоков имеют квадратные углубления ок. 5×5 см. По предварительной оценке оба блока изготовлены из базальта.

Все пространство между обоими строительными комплексами представляет собой поле зостеры скрывающее следы прежней деятельности человека. Аналогичная ситуация и вокруг развала камней СК 2, за тем исключением, что под поверхностным слоем корневищ лежит тонкий, до 10 см, слой жидкого, черного ила.

Третий крупный объект на затопленной части поселения это необычная археолого-геоморфологическая структура у самого берега, в устье балки Лисовицкого. Эта структура состоит из толстого (до 20 см) слоя дресвы, щебня и мелких фрагментов керамики (в том числе со следами пепла). Случайная выборка в одном месте показала, что на участке 20×20 см находится 5 мелких фрагментов неокатанной керамики и 18 зерен щебня и дресвы. Покоится этой слой на плотном песке с раковинным детритом. Сама структура выдается в море наподобие насыпи или наноса и, по всей видимости, она образована выносом мелких фрагментов керамики и дресвы с каких-либо береговых построек внешними водами из устья балки Лисовицкого. Впрочем, визуальный осмотр устья балки показал, что подобная структура, т.е. мелкие фрагменты керамики и дресва отсутствует на берегу. Это дает возможность предположить и искусственное происхождение данной структуры, например, она была создана как некая береговая отсыпка, забутовка, т.е. сооружение для укрепления берега. Косвенно это подтверждается тем, что под несколькими фрагментами керамики, лежащими на поверхности насыпи, сохранился слой пепла от костра или пожара, что говорит о непо потревоженном положении данной насыпи с момента ее полного затопления.

Сбор подъемного материала на всем пространстве затопленной части поселения показал наличие большого количества керамики разных периодов. В основном она относится к различным типам амфор, изготовленных в промежутке с конца VI до конца IV вв. до н.э. Найдены так же фрагменты средневековой керамики, черепица, остеологические остатки и т.п.

Результатами разведочной экспедиции 2018 года являются батиметрические измерения и определение толщины илово-песчаных наносов, точная локализация и обмер следов построек, установление видимых границ поселения и составление батиметрической и археологической карты затопленной части поселения Тамань-3.

ЛИТЕРАТУРА

Шамрай А.Н. Подводные археологические объекты у поселения «Тамань 3» // Боспорские чтения. 2009. Вып. X. С. 501–504.

Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. – 1018 с.

Петровский В.М. Подводные исследования у поселения Тамань-3 // Материалы научной археологической конференции «Подводная археология в России: Основные направления исследований» 21-23 марта 2018 г. Феодосия, 2019 С. 75-79

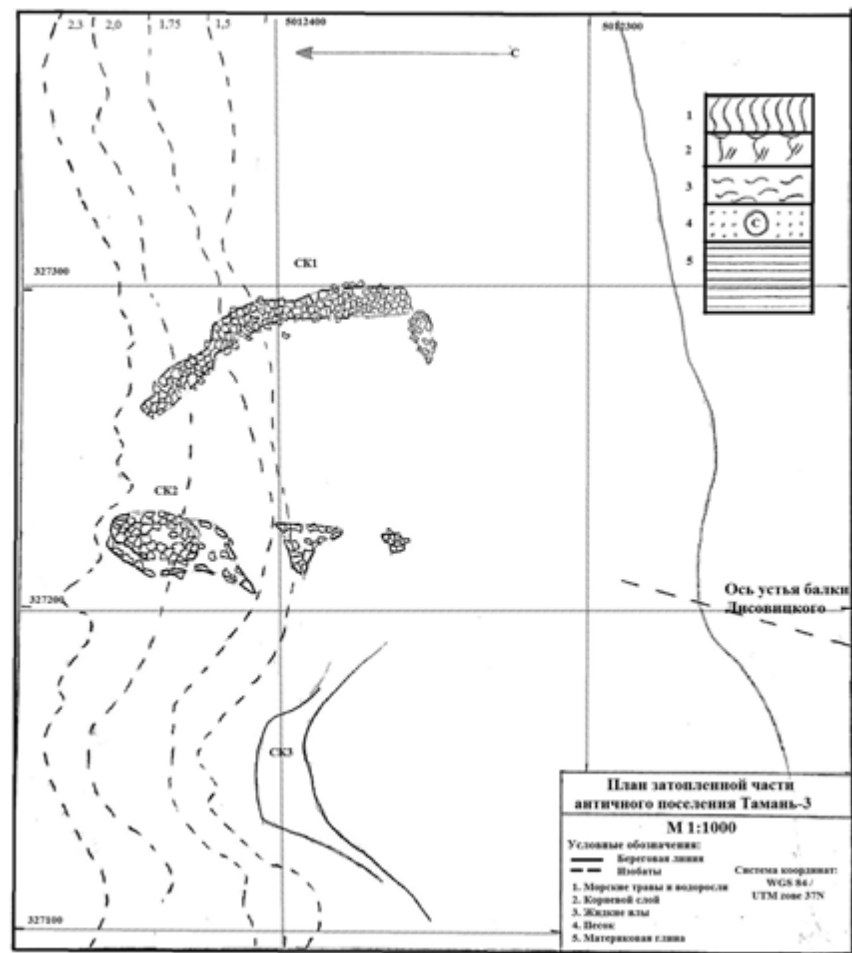

Рис.1. Тамань-3

ПОВАЛЯЕВ Н.Л.
(Геттингеский университет, Гёттинген)

ИДЕОЛОГИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ НА БОСПОРЕ И КОМПЛЕКС КУРГАНА КУЛЬ-ОБА

В настоящем докладе я хочу остановиться на интерпретации обряда захоронения кургана Куль-Обы, как боспорско-греческого, использующего «варварскую», в данном случае, скифскую символику для артикуляции греческих «аристократических» идеалов, имевших, правда, отчетливую местную специфику. Последний факт, а именно, то что боспорский «аристократический» курганный обряд должен был учитывать реалии Боспора, чтобы достигать конкретных целей, в том числе, создания идеализированного образа умершего в актуальной этно-политической обстановке, игнорируется многими отечественными авторами, которые видят в негреческих объектах лишь предметы, прямо указывающие на этничность погребенного.

Я не буду останавливаться на доказательстве ошибочности такой интерпретации. Разбор «этнической» точки зрения был сделан в прошлом году, желающие могут посмотреть его вновь. Там же был изложен подход к обряду погребения, как «ритуалу перехода» (rite of passage). Этот методический прием вкупе с данным там же определениями «аристократичности» будет использован и здесь.¹

В отечественной науке курган Куль-Оба считается однозначно скифским. Да, действительно, в обрядах Куль-Обы, в том что касается негреческой составляющей гораздо меньше этнической неопределенности, по сравнению например с курганом 5 1875 г. или 5 курганом 1962 г. или другими «варварскими» курганами Юз-Обы. На скифскую принадлежность захороненных в нем указывает по мнению большинства исследователей, как совпадение со скифскими обрядами по форме, так

¹ Поваляев 2018, 382-394.

и обилие предметов, выполненных в скифском стиле и изображающих скифов.²

Тем не менее скифские компоненты были не единственной частью ритуала. Во-первых они были сильно сокращены касательно собственно степных скифских, в том числе, относительно предполагаемых жертвоприношений, как человеческих, так и конского, от которого была только часть скелета.³ Во-вторых скифские элементы были вплетены в не менее значимые боспорско-греческие компоненты, которые включали в себя архитектуру самого кургана и купольной гробницы под ним, ювелирные украшения, причем не только женские, греческие керамику и парадную металлическую посуду, типичную для других элитных погребений Боспора, а также греческие надписи на ценных и значимых предметах.

Вполне справедлива поэтому точка зрения, что существует определенный континуум собственно боспорских курганных захоронений, в пределах которого находится Куль-Оба, несмотря на все свои скифские черты.⁴

Есть, однако, гораздо более существенные признаки, которые позволяют утверждать, что символизм Куль-Обинского захоронения был греческим, по-крайней мере греческо-боспорским. Начать можно с того факта, что для Куль-Обы были характерны такие же способы манипуляции с материальными объектами для артикуляции идей греческой «аристократической» культуры, каковые мы находим и в других боспорских «аристократических» захоронениях, как «греческих», так и «варварских».

Одним из таких «традиционных» способом было создание временной глубины с помощью подбора разновременных объектов для загробных приношений.

Символизм, аналогичный проанализированному на примере из 5-го кургана 1875 г.⁵ использовался для создания образа умершего в считающихся «варварскими» кургане Ашика и кургане Баксы,⁶ и в боль-

² Как черты скифского обряда интерпретируются захоронения сопровождающие основное мужское, принадлежавшие жене/наложнице скифского владельца, а также его слуге, принесенных в жертву во время погребальной церемонии. Скифским считается и обычай принесения в жертву лошади и снабжения умерших едой (котлы с мясом) для путешествия в иной мир. Элементы одежды и украшений, предметы в скифском стиле, изображая скифов, часто в ритуальном контексте оставляют, согласно этой точке зрения, мало сомнений в скифской принадлежности усопших. - Rostowzew 1931, 334-341; Gajdukevič 1971, 283-289; Firsov, Žuravlev 2007, 276ff; Виноградов 2017, 161-163.

³ Rostowzew 1931, 338; Gajdukevič 1971, 287.

⁴ Fless, Lorenz 2005, 62-68; ср. Gajdukevič 1971, 285-287; Виноградов 2017, 161.

⁵ Поваляев 2018, 390-394.

⁶ Виноградов 2017, 160ff.

шинстве курганов Юз-Обы. Так, например, намеренное конструирование временной глубины очевидно во 2-м Павловском кургане, в материалах из гробницы 49 Первого кургана, в находках из 50 гробницы Третьего кургана.⁷ Похожим образом, подбором антикварных объектов, создавалось впечатление связи с прошедшим создателями 6-го Каменного Кургана, Змеиног кургана, кургана 1994 г., Целенаправленное манипулирование разновременными объектами является наиболее вероятной причиной особенностей погребального обряда в кургане 1909 г., в гробницах номер 7 и 9 из т.н. 1-ой и соотв. 2-ой малых насыпей на южном склоне Юз-Обы, а также в двойной гробнице номер 48 «Пятого каменного» кургана.⁸

Подобное обращение с разновременными объектами наличествует и в Куль-Обе. Наиболее ранним предметом считается знаменитая золотая бляха с оленем, которую сейчас ряд исследователей по стилистическим соображениям склонны датировать 1-й половиной 5 в. до н.э.⁹ Фасоская амфора из склепа датируется последней третью, более вероятно даже последней четвертью 4 в. до н.э.¹⁰ Такой временной разброс пытаются ликвидировать предположением, что бляха принадлежит более раннему захоронению знатного скифа, возможно одному из предков усопшего. Для последнего и был воздвигнут курган с гробницей на месте старого захоронения.¹¹ Такая гипотеза представляется совершенно фантастической, т.к. включает в себя предположение о сносе старого кургана и возведении над предыдущим захоронением монументального каменного строения. Подобные технико-строительные мероприятия не отмечены ни на Боспоре, ни в скифском мире. Имеются впускные захоронения, либо как в случае, отмеченном в Золотом кургане, возведение общей насыпи над тремя разновременными гробницами, но нет случая полного перекрытия старого могильного места.

⁷ Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, 30-31, 41-42, 48-49.

⁸ Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, 59-60, 66, 95-96, 109-111; ср. Gajdukevič 1971, 279; Савостина 1986, 98, № 30.

⁹ Артамонов 1968, 10 датирует бляху с оленем второй половиной 4 в. до н.э. Алексеев 2003, 177 считает, что имеющиеся аналогии дают возможность отнести бляху к первой половине 5 в. до н.э. Ср. Виноградов 2017, 161. В.П. Яйленко считает, что эпиграфические особенности, а именно, написание альфы со скошенной перкладиной не противоречат ранней дате. Данное мнение аргументировано недостаточно, т.к. исходит из материалов только афинской эпиграфики. – Яйленко 2013, 294, прим. 497.

¹⁰ Виноградов 2017, 161-162 с соответствующей литературой. Надпись ПОРНАХО на обложке ножен меча датируют первой третью 4 в. до н.э., граффито Ермѣш на серебряном килике относят ко второй половине 4 или даже к началу 3 в. до н.э. – Яйленко 2013, 294-295; см. Rostowzew 1931, 339; Gajdukevič 1971, 285.

¹¹ Виноградов 2017, 161.

Таким образом наиболее аргументированным остается подход, при котором имеет смысл рассматривать все находки Куль-Обы, в том числе упомянутую золотую бляху как часть единого комплекса, некоторые предметы которого находились либо в тайнике, как предполагал М. Ростовцев, либо может быть в еще одном захоронении, дополняющем в своем высказывании основное.¹²

Как бы то ни было, даже если удрежняющие датировки куль-обской бляхи с оленем не совсем верны, можно согласиться с мнением высказанным М. И. Артамоновым о сознательном воспроизводстве архаического скифского образа греческим мастером.¹³ Таким образом можно с уверенностью полагать, что как и в других «аристократических» курганах Боспора имело место метафорическое возвышение умершего, в котором его связь с прошлым играла одну из основных ролей.

В рамках такого процесса особенности погребального обряда Куль-Обы могут быть интерпретированы без характерных для «этнического» подхода внутренних противоречий. Признавая метафоричность «скифских» элементов, имеет смысл не вырывать их из наличествующего контекста, генерирующего некий идеализированный образ. В том числе, как было сказано выше через подчеркивание особой связи с прошлым. Не касаясь черезчур детального анализа иконографии изображений скифов следует отметить, что это не собственно скифские, а греческие, ориентированные прежде всего на греческую «аристократическую» публику представления об идеализированных скифах. В изображениях на сосудах, как подчеркивается в литературе, можно увидеть и генеалогические легенды скифского царского дома, как их передал Геродот, и образ мудрого Анахарсиса.¹⁴

В любом случае это такие представления о скифах, которые отличаются от геродотовой версии, согласно которой скифы победили персов, не в силу морального превосходства, а в силу обусловленного природой

¹² Путанные рассказы грабителей не могут к сожалению прояснить картину происшедшего. Технически, если речь идет об еще одном захоронении, то оно должно было быть впускным, т.е. даже более поздним. Скорее всего мы имеем здесь дело с тайником, подобным тайнику в кургане Солоха, где хранились наиболее ценные и значимые вещи. Такая параллель к захоронению в Солохе усиливается тем фактом, что многие предметы из этого кургана были исполнены в стилистике наблюдаемой в Куль-Обе и по всей видимости в тех же пантикапейских мастерских. – Артамонов 1966, 44-45, 65-66. ср. Rostowzew 1931, 335; Артамонов 1968, 13; Firsov, Žuravlev 2007, 282; ср. Alekseev 2007, 245.

¹³ Артамонов 1968, 15.

¹⁴ Moreno 2007, 74ff.

образа жизни, будучи при этом жестокими и дикими. Можно полагать, что видимое сокращение скифского обряда и ограничение его брутальности имело целью, с одной стороны создать узнаваемость скифских царских обычаев, с другой подчеркнуть более высокие моральные качества захороненного, по сравнению с «дикими» скифами.

Почему использовался такой способ идеализации можно понять, если учесть изменения образа «благородного дикаря», которые происходили в 4 в. до н.э. в греческой культуре и напрямую касались, как афинско-боспорских взаимоотношений, так и проблем легитимизации царской власти на Боспоре.

Что касается Афин, оставивших больше всего сведений о Боспоре в этот период, то можно констатировать, что афиняне, в первую очередь публичные политики и пишущие на заказ авторы судебных речей, активно инструментализировали в борьбе за контроль над общественным мнением и, следовательно, за власть идеализированные самопредставления основной массы своих сограждан сталкивались с концептуальными трудностями, когда представляли своим слушателям боспорских владык.

Подобные трудности могут быть видны в почетных декретах афинян выставленных в честь правителей Боспора. Их составители избегают по возможности потестарных терминов, указывающих на автократический характер власти чествуемых персон. Так в надписи 347/6 г. до н.э. (IG II² 212) боспорские владыки, включая Сатира I и детей Левкона, названы или по имени, либо описаны как «добрые мужи» (ἄνδρες ἀγαθοί - Стр. 13). В позднем декрете (IG II² 653) от 284 г. до н.э. Спарток III назван, как и следует ожидать в эпоху эллинизма «царем» (Стр. 42). Предки царя именуется однако по-прежнему «добрыми мужами» (Стр. 17).¹⁵

Одной из причин подобных эвфемизмов было то обстоятельство, что такой демократический полис *par excellence*, как Афины не мог поддерживать тиранию.¹⁶ Корни такого убеждения следует искать в интенциональной истории Афин, выросшей в эпоху греко-персидских войн и наполненной мифами о самих себе.

Выходом из ситуации могла быть и явилась по-моему мнению стилизация боспорских тиранов, как своего рода «благородных дикарей», в частности, как своего рода скифских натурфилософов на троне. При этом следует особо подчеркнуть, что подобная стилизация являлась

¹⁵ Хайнен 1999, 158-169.

¹⁶ Moreno 2007, 69-73.

продуктом греческой культуры, безотносительно того, какова могла быть доля варварской крови у представителей династии.

Имеющиеся тенденции в греческой «аристократической» культуре, изображать некие этнии, обитающие на краю Ойкумены, как сообщества особенно мудрых и справедливых людей (Abioi – II. 13,6; Argipraier – Hdt. 4,23,5)¹⁷ были переформатированы, как представляется весьма обоснованно, в кругах софистов, к которым принадлежал и историк Эфор в один из системообразующих элементов глобального видения мира. В рамках такого подхода народы, сохранившие свой исконный, не испорченный цивилизацией образ жизни, наделялись такими качествами, как дружелюбие, простота и справедливость.¹⁸ В основе такого понимания лежало, как подчеркивается в литературе, убеждение о наличии некоей естественной натурфилософии, как имманентного фактора бытия, у не тронутых урбанизированной полисной культурой народов.¹⁹

Еще у Геродота для скифов, как впрочем и других немифических народов скифского круга рисуется достаточно стереотипный и, главное, однородный образ жестоких дикарей (Hdt. 4. 46). Несколько выбивается из этого общего ряда лишь фигура Анахарсиса. Причем сам Геродот принижает ту часть его образа, в которой угадывается черты греческого мудреца (Hdt. 4. 76, esp.77). В первый раз в наших источниках у Эфора (Str. 7,3,9 = FGrHist 70 F 42) происходит общая переоценка части скифов, в том числе и савроматов, в рамках указанных выше тенденций греческой софистики. В это же время, как засвидетельствовано у Страбона (Str. 7,3,9) поднимается на новый уровень канона греческих мудрецов и образ Анахарсиса.²⁰

Кажется весьма вероятным, что в этот же период было предпринято засвидетельствованное у Хрисиппа (Str. 7,3,9 = FGrHist 70 F 42) включение боспорских царей времени Левкона (περί τῶν τοῦ Βοσπόρου βασιλέων τῶν περί Λείκωνα κτλ.) в круг мудрых и справедливых «варваров» неиспорченных цивилизацией.

Такая стилизация давала возможность с идеологической точки зрения менее проблематично легитимировать связи демократических Афин с боспорским царством, в том числе, принятие подарков, как всем полисом, так и отдельными лицами. Сами афиняне посредством равно-

¹⁷ Иванчик 1999, 7ff.

¹⁸ Moreno 2007, 74-75; ср. Иванчик 1999, 25, 48.

¹⁹ Dihle 2000, 184-187.

²⁰ Ungefehr-Cortus 1996, 59-51; Dihle 2000, 187; Иванчик 1999, 45ff.

го общения с таким мужем как Левкон (οὗτος ἀνὴρ - Dem. 20,33,7) повышали свой статус. По крайней мере на этом настаивает Демосфен. С точки зрения аристократических ценностей, обладателем которых был полис, как целое, такой вывод достаточно очевиден. Контакт с дальним и добродетельным гостеприимцем, являлся доказательством положительных качествах самого гостя, в данном случае, ведущих с Левконом торговлю афинян и их полиса.

Что касается самого Боспорского царства, то данная стилизация позволяла его владыкам легитимировать свои претензии на власть в контексте межэлитного соперничества. Результаты социологического анализа монархических обществ позволяют утверждать, что идеология царского дома, вырастая из аристократических ценностей, формируется в результате особого процесса, своего рода *opting out*, выводящего династию на другой уровень по отношению ко всему обществу и придающего ей, т.е. династии, особую легитимность.²¹ Это значит, что перед новой династией стоит задача, по возможности быстро преодолеть потенциально опасную ситуацию, которую можно описать как первые среди равных, и стать обладателем качеств, возвышающих ее над остальной аристократией.

Если под этим углом посмотреть на краткое сообщение Диодора (12.31) о переходе власти от Археанактидов к Спартоку, то можно признать, что Спарток обладал всем набором «аристократических» ценностей, ожидаемых от претендента на власть. Его «контактность» подчеркивалась именем, подразумевавшим способность устанавливать дальние связи (преодоление пространственных барьеров) и, возможно, намекающая на «иностранное» происхождение. К тому же он был связан, тем или иным способом, с предыдущей элитной группировкой, правивших на Боспоре, как бы ни понимать значение термина «бывшие басилеями» (**basileu^ssanteu**), поскольку перенял (**diedemxato**) у них власть, как бы эта передача не соотносилась с реальностью, вследствие ли дворцового переворота, родства итп. Это значит, что у Спартока наличествовала другая составляющая черта «аристократичности», а именно, необходимая «аристократу» связь с прошлым (преодоление временных барьеров).

Тем не менее, подобные качества необходимые молодой династии на первом этапе не позволяли некоего качественного идеологического отрыва от боспорской «аристократии». Во всяком случае они могли легко имитироваться другими претендентами. Описанная выше стилизация монарха, как скифского натурфилософа, позволяла подкреплять пре-

²¹ Assmann 1986, 127-143.

тензию на власть более весомыми и, пожалуй, не допускающими повторения другими аристократами аргументами.

Если вернуться к геродотовским версиям о похождениях Анахарсиса, как наиболее ранним и аутентичным свидетельствам, то можно отметить, что даже несмотря на значительные расхождения, образ скифского мудреца, видимый в них, давал возможность легитимировать власть, как над скифами, так и над греками. Анахарсис с одной стороны сын скифского царя, брат нынешнего царя и поэтому имеет законное право на власть, в. т. числе судебную, над самими скифами и их данниками. Для греков его легитимность как владыки опирается на ряд факторов; он Гераклид и потому ровня другим греческим владыкам, как мифо-историческим, так и современным. Он мудрец, путешествовавший по миру. Этот факт, а также греческое воспитание дают ему моральное превосходство, поднимают над греками, позволяют ему выносить суждения о них. Таким образом в одном лице объединялись качества, едва ли комбинируемые каким-либо другим способом. Ввиду последнего нельзя исключить, что титулатура боспорских владык (ср. например, CIRB 6; 6a; 10) отражала, в первую очередь, претензию на двойственную натуру ее носителя, а не являлась отражением реальной власти над варварами или симптомом предэлленизма на Боспоре.

Таким образом представляется очень вероятным, что культурное взаимодействие интеллектуальных кругов Афин и боспорской элиты, преследовавших достаточно разные цели, привело к созданию синкретического образа, который оказался очень удачным решением, пережившим свое время. Другими словами, как характеристика Левконидов, так и Куль-Оба отражали, каждый своим способом, один и тот же идеологический продукт греческой культуры, а именно, идеализированный образ «благородного дикаря», который оказался очень удачным инструментом в борьбе за власть.

В этой связи можно упомянуть нескольких боспорских царей, как например, Асандр, Аспург или Савромат I, чей «сценический» образ не исключает примеривания маски варварского философа на троне.²² О том что такой образ существовал в римское время можно заключить из анекдота Филострата Старшего в «Жизни Софистов (1,25,4) о некоем безымянном боспорском царе, которому удалось добиться встречи с фи-

²² Следует учитывать, что имя Савромат не может свидетельствовать о каком-то новом этапе в сарматизации Боспорского царства. Оно не отражало реальную этнополитическую ситуацию римского времени (см. Страбон (7.3.17) и будучи греческим образованием вряд ли несло ассоциации с тем или иным конкретным иранским кочевым племенем эпохи Савромата I. Скорее здесь можно видеть намек на высокий уровень

лософом Полемоном, убедив последнего, что несмотря на свое варварское происхождение, он удостоился прекрасного греческого воспитания.²³

Проведенный выше анализ делает весьма вероятным, что корни этого образа в идеологии боспорской царской власти восходят как минимум к 4 в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. 2003 Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. СПб.

Артамонов М. 1966 Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л.

Артамонов М. 1968 Куль-Обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Виноградов Ю, Зинько В., Смекалова Т. 2012 Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т.1. Симферополь-Керчь.

Виноградов Ю. 2017 Культура боспорской элиты при Спартокидах. // Боспорские Исследования XXXIV.

Иванчик А. 1999 «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // А.В. Подосинов (Ред.), Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. Москва.

Поваляев Н. 2018 Греческая «аристократическая» традиция и «варварские» курганы Боспора. «Социальный» взгляд на проблему // Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.), XIX Боспорские чтения. Симферополь-Керчь.

Савостина Е. 1986 Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА 1986 № 2.

Хайнен Х. 1999 Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG, II², 653) // А.В. Подосинов (Ред.), Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. Москва.

образованности его носителя и прямую связь с высказываниями Эфора (Strab. 7.3.9.= FgrHist 70 F 42) о высоких моральных качествах савроматов и рассуждениями самого Страбона (7.3.8) о добродетелях не тронутых цивилизацией номадов.

Актуализацию символов эпохи Спартокидов, в том числе двойственного образа монарха, укорененного как в греческой, так и в варварской среде можно отчетливо разглядеть у Асандра, если его отождествление с Асандроном верно, и у Аспурга (ср. CIRB 40) что позволяет предполагать использование разработанного ранее метода легитимизации.

²³ Gajdukevič 1971, 339.

Яйленко В. 2013 Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII-III вв. до н.э. Москва.

Alekseev A. 2007 Skythische Könige und Fürstengurgane // H. Parzinger (Hg.), Im Zeichen des goldenen Greifen. Berlin.

Assmann A. 1986 Opting In und Opting Out. Zum Wandel des Stilbegriffs im England des 18. Jahrhunderts // H. Gumbrecht und K.L. Pfeiffer (Hgg.), Stil. Geschichten und Funktionen eines kulturwissenschaftlichen Diskurselements. Frankfurt a. M..

Dihle A. 2000 Die Philosophie der Barbaren // T. Hölscher (Hg.), Gegenwelten. Zu den Kulturen Griechenlands und Roms in der Antike. Leipzig.

Firsov K, Žuravlev D. 2007 Kul'-Oba, Kozel und Aksjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe // H. Parzinger (Hg.), Im Zeichen des goldenen Greifen. Berlin.

Fless F, Lorenz A. 2005 Griechen, Skythen, Bosporaner? // Eurasia Antiqua Band II.

Gajdukevič V. 1971 Das Bosporanische Reich. Berlin.

Moreno A. 2007 Athenian Wheat-Tsars: Black Sea Grain and Elite Culture // The Black Sea in Antiquity. Aarhus.

Rostowzew M. 1931 Skythien und der Bosphorus. Berlin.

Ungefehr-Cortus C. 1996 Anacharsis, der Typus des edlen, weisen Barbaren. Frankfurt a. M.

ПОНОМАРЕВ Л. Ю.
(Керчь)

КЕРЧЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В ГЕНУЭЗСКИЙ И ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД (КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ДИСКУССИОННЫМ ВОПРОСАМ)

Керченская церковь Иоанна Предтечи обратила на себя внимание российской и западноевропейской «интеллектуальной элиты» уже в конце XVIII в. Со временем она получила в научных кругах широкую известность, но изучалась до недавнего времени лишь в одной плоскости – как один из немногих хорошо сохранившихся образцов византийского церковного зодчества в Крыму. Соответственно, приоритетными вопросами в изучении церкви традиционно оставались время сооружения ее древнейшей – крестово-купольной части и реконструкция первоначального архитектурного облика. Более поздний – генуэзско-османский период, охватывающий XIV – последнюю четверть XVIII вв., оставался незаслуженно забытым, хотя вопросов к нему со временем накопилось не меньше, чем к византийскому периоду.

Один из наиболее актуальных вопросов связан с дискуссией относительно времени постройки церкви, поскольку в качестве одной из возможных дат ее сооружения предлагают считать конец XIII в., XIII–XIV вв., или первую и вторую половину XIV в. [Науменко, Пономарев, 2016, с. 329]. Дискуссионной до сих пор остается и конфессиональная принадлежность храма в генуэзско-османский период, а именно – была ли церковь в это время превращена в мечеть или она продолжала обслуживать городскую христианскую общину. Среди других нерешенных вопросов выделим еще один – во имя кого была освящена церковь в рассматриваемый нами период и когда она получила современное свое название?

Что касается времени постройки церкви, дискуссия вокруг этого вопроса не утихает уже два столетия, хотя археологические данные свидетельствуют о том, что возведена она была в первой или второй половине

X в. Сторонники более поздних дат базируются исключительно на материалах ее архитектурного анализа.

В рамках остальных вопросов мы проанализируем основные группы источников, среди которых, пока наиболее информативными остаются письменные свидетельства о церкви XIV–XVIII вв.

Впервые церковь Иоанна Предтечи упоминается в сочинении Ибн-Баттуты, посетившего Керчь в 1333/1334 гг. (734 г. х.) [Тизенгаузен, 1884, с. 279]. В церкви его внимание привлекла фреска с изображением святого воина, которого он описал как «араба в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке». К удивлению путешественника, встретившийся ему здесь же «монах», пояснил, что это «изображение пророка Али». По мнению Ф. К. Бруна, который первым попытался объяснить этот загадочный пассаж, монах, вероятно, имел в виду святого пророка Илью, имя которого по стечению обстоятельств оказалось созвучно пророку Али [Брун, 1877, с. 251]. Однако в данной трактовке он не учел иконографию образа святого из керченской церкви, изображенного с воинскими атрибутами – копьем и мечом.

Некоторые современные исследователи считают, что ответ монаха отражал реальную действительность, и, может быть объяснен смешанными культурными традициями средневековой Керчи, в которой на тот момент одновременно проживали христиане и мусульмане. В частности, А. Б. Малышев предположил, что речь, вероятно, шла об изображении Св. Георгия Победоносца, но горожане считали его пророком Али [Малышев, 2003, с. 15]. Еще менее убедительной выглядит иная историческая реконструкция, согласно которой, церковь уже к 30-м гг. XIV в. была превращена в мечеть, а фрески с изображением христианских святых на ее стенах сохранились благодаря «нетвердости мусульманских устоев в этих краях» [Макарова, 1972, с. 377; Макарова, 2003, с. 72].

На наш взгляд, столь неожиданное и труднообъяснимое пояснение монаха можно объяснить только затруднениями в переводе, и, как следствие недопониманием, возникшим между собеседниками. Иными словами, речь идет не более чем о казусе [Крамаровский, 2014, с. 67].

К сожалению, дальнейшая дискуссия по этому вопросу исчерпала себя, поскольку описания фресок керченской церкви никто кроме Ибн-Баттуты не оставил. Да, и, собственно, сама церковь привлекла к себе внимание только три столетия спустя.

Наиболее обстоятельно ее описал Эмидио Дортелли д'Асколи, префект доминиканской миссии в Каффе, посетивший Керчь между 1624–

1634 г. Он упоминает ее как «церковь, во имя св. Георгия» принадлежащую «грекам, в которой есть алтарь с куполом, поддерживаемым 4-мя великолепными колоннами из мрамора» [Дортелли д'Асколи, 1902, с. 113, 122].

Иными словами, мы имеем надежное свидетельство тому, что в XVII в. она именовалась совершенно иначе. Что же касается ее современного названия, то впервые, как церковь «Рождества Иоанна Предтечи», «Святого Иоанна» и «Иоанно-Предтеченская» она упоминается только с 70-х гг. XVIII в., причем, в первое время, исключительно в официальных документах, в частности, реестре церковью Павловского духовного Правления (1777 г.), реестре имущества церкви Иоанна Предтечи, составленном священником Дмитрием Триполитом в 1778 г., реестре церковью Павлоградского Духовного Правления от 6 июля 1784 г. и в клировой ведомости 1794 г. [Макидонов, 2014, с. 166, 170–171; Православна..., 2004, № 325; Макаревский, 1880, с. 1048].

Таким образом, древний храм, именовавшийся, на момент посещения Керчи Эмиддио Дортелли д'Асколи церковью Св. Георгия, был спустя какое-то время повторно освящен. К сожалению, когда именно и в связи с чем, документально установить, пока не удалось. Для такого рода обряда, как известно, нужны весомые причины. В качестве таковой, в настоящее время, можно лишь допустить некое событие, повлекшее за собой полную реконструкцию престола, который, судя по вторично использованному при его сооружении мусульманского надгробия [Авдеев, 1887, с. 382–383], был сооружен не ранее 1771 г. В «османский» период использовать мусульманские надгробия для сооружения престола, вряд ли бы кто решился. Позднее же, когда город вошел в состав Российской империи, заброшенные мусульманские кладбища постепенно застроили, а большую часть надгробий использовали в качестве строительного материала.

Спустя три десятилетия (в 1666 или 1667 гг.) после Эмиддио Дортелли д'Асколи Керчь посетил турецкий дипломат и путешественник Эвлия Челеби. В городе, судя по его словам, функционировали несколько мечетей и «церковь неверных», на стенах которой сохранились фрески, позволившие ему охарактеризовать ее как «древний храм генуэзских франков» [Челеби, 2008, с. 195–196]. К сожалению, ее название он не привел, но указанное им местоположение церкви (внутри крепости) и фрески, о которых, за три столетия до Челеби, сообщил Ибн-Батутта, позволяют говорить о том, что речь идет о церкви Иоанна Предтечи.

В 1699 г. две действующих «греческие церкви» в Керчи были упомянуты в бортовом «журнале» вице-адмирала К. И. Крюйса, одного из участников «Керченского похода» Азовского флота [Крейс, 1850, с. 392; Богословский, 1948, с. 94; Байер, 1782, с. 212]. И, по крайней мере, одна из них, по свидетельству инженер-подполковника Р. Н. Томилова оставалась действующей до вступления в город русских войск в 1771 г. Он упомянул ее среди других построек на территории крепости («в самом городе и замке»), но, к сожалению, не указал названия и описал очень кратко, как «греческую церковь, которая и поныне содержится» [Томилов, 1868, с. 192]. Тем не менее, поскольку других альтернатив церкви Иоанна Предтечи мы не знаем, есть все основания утверждать, что именно она и являлась этим последним, уцелевшим в период османского владычества, городским христианским храмом.

Таким образом, в нескольких заслуживающих доверия источниках первой трети XIV – третьей четверти XVIII вв. церковь упоминается, как действующий храм, и он не был превращен в мечеть, не в XIV в. и не в XVI – начале XVII вв., как полагали и полагают до сих пор некоторые исследователи [Лопушинская, 1970, с. 36–37; Макарова, 1972, с. 377; Макарова, 2003, с. 72; Воронов, Михайлова, 1983, с. 73; Кирилін, 1981, с. 55; Пономарьова, 1997, с. 88]¹. В отличие от остальных храмов, возведенных в византийскую эпоху, церковь Иоанна Предтечи (Св. Георгия) продолжала обслуживать христианскую общину Воспоро-Керчи в генуэзский и османский период, вплоть до 1771 г., после которого для нее начался новый период истории.

С этим выводом вполне согласуются археологические источники и материалы реставрационных работ. В 1971 г. Т. И. Макаровой были прослежены следы ремонта церкви, датированного на основании стратигра-

¹ Впервые такую возможность в 1827 г. допустил Керчь-Еникальский градоначальник Ф. Ф. Вигель, при этом совершенно не понятно о каком «высоком минарете», который якобы располагался у ее входа и служил колокольней, в своих записках он пишет [Вигель, 1864, с. 78]. Во всяком случае, его современники об этой постройке не упоминают, нет ее и на наиболее раннем рисунке церкви, опубликованном Н. Н. Мурзакевичем [Мурзакевич, 1837, с. 682]. Позднее предположение Ф. Ф. Вигеля поддержал А. А. Авдеев, но ничем его не аргументировал [Авдеев, 1887, с. 382]. Противоположной точки зрения придерживался Ю. А. Кулаковский. По его мнению, «храм не был в запустении» в XIV в., «не запустел он и позднее, дождавшись времен утверждения русского господства на берегах Керченского пролива» [Кулаковский, 1908, стлб. 544]. «Неприкосновенной» во время «турецко-татарского господства» в Крыму назвал церковь и Н. Н. Мурзакевич [Церковь..., 1856, с. 440]. Позднее его точку зрения поддержал Х. Х. Зенкевич, отметив при этом существование противоположной точки зрения по этому вопросу [Зенкевич, 1894, с. 144].

фических наблюдений XIV в.² У южной стены в западном борту раскопа ей удалось зафиксировать слой строительного мусора, насыщенный камнями, а с восточной стороны выявить дополнительную обкладку апсид толщиной до 1 м, благодаря которой была совершенно скрыта их первоначальная граненая форма. Этой же обкладкой были практически полностью скрыты и несколько детских плитовых могил (№№ 23, 26, 27, 29, 35, 36, 37), датированных погребальным инвентарем не позднее XIII в. Кроме того, на глубине 0,80 м был обнаружен пояс из двух рядов кладки, сложенных из больших и подтесанных камней, отличающихся по размерам и форме от камней первоначальной кладки. После того, как стены апсид были усилены, их оштукатурили, при этом ремонту, проведенному в XIV в., соответствовал нижний (из четырех выявленных) слой штукатурки, прослеженный на глубине 0,60–0,80 м [Макарова, 1998, с. 380–382, рис. 15].

Следы капитального ремонта XIV в. в процессе реставрационных работ церкви зафиксировала и Е. И. Лопушинская. Тогда же, по мнению исследовательницы, на стены ее интерьера нанесли слой известковой штукатурки и фрески.

Остатки фресок были обнаружены в 1937 г. экспедицией реставраторов Государственной Третьяковской галереи в составе П. И. Юкина и И. А. Баранова. Весной 1938 г. на стенах церкви ими было сделано восемь зондажей. На северо-восточном и юго-восточном столбах предалтарной арки удалось расчистить погрудные изображения двух неизвестных святых. Кроме того, на южной стене алтарной апсиды над арочным проемом, ведущим из алтаря в диаконник (южную апсиду), был расчищен еще один ряд, практически не сохранившихся полуфигурных изображений. По мнению О. И. Домбровского, благодаря которому керченские фрески и получили широкую известность, роспись храма «по способу письма... и характеру самих изображений» можно было «без колебаний» отнести к началу XIV в. В качестве стилистически близких ей по «своему восточно-греческому характеру» росписей исследователь привел фрески храма Св. Дмитрия (Стефана) в Феодосии, которые, как и фрески церкви Иоанна Предтечи в Керчи, «художественно и идейно противостояли ренессансному искусству католиков-генуэзцов». При этом манера художников,

² Еще в 1895 г. Ю. А. Кулаковский предположил, что церковь была реконструирована не ранее XIV в., но в качестве обоснования даты он привел только один сомнительный аргумент, а именно, уже упоминавшееся выше мусульманское надгробие, использованное в конструкции престола [Матвеева, 2002, с. 185].

расписавших обе церкви, напомнила ему образы фресок Феофана Грека [Домбровский, 1966, с. 10, 68–70].

Повторный анализ фресок предпринял Г. В. Попов. В целом он согласился с выводами О. И. Домбровского, но поскольку базировался на работах А. И. Комеча, то дату возведения церкви и ее росписи уточнил в пределах второй половины XIV в. В стилистике же фресок, Г. В. Попов не нашел ничего общего с манерой Феофана Грека. По его мнению, они были выполнены представителем совершенно иной школы византийской монументальной живописи палеологовской эпохи [Попов, 1995, с. 117–124].

Что касается стилистических особенностей фресок, на наш взгляд более реалистичной выглядит версия Г. В. Попова, но относительно даты их нанесения более обоснованна точка зрения О. И. Домбровского, поскольку в 1333/1334 гг. росписи на стенах церкви увидел Ибн-Батутта. В то же время, предложенная О. И. Домбровским и Г. В. Поповым историческая схема, согласно которой фрески были нанесены на стены храма одновременно с его строительством, вызывает большие сомнения, поскольку базируется исключительно на материалах архитектурного анализа (в частности Ю. С. Асеева и А. И. Комеча) и совершенно не учитывает археологические данные, указывающие на постройку церкви в первой или второй половине X в. Кроме того, как установила Е. И. Лопушинская, самый ранний слой штукатурки (известковый и хорошо отмученный, серого оттенка), на котором была выполнена фресковая роспись, нанесли прямо на камни кладки. А они к тому времени уже частично разрушились и покрылись копотью или сажей, отложившейся, возможно, вследствие пожара. Таким образом, стены храма были расписаны гораздо позднее, скорее всего, в процессе его реконструкции в XIV в.

Позднее, когда церковь подверглась очередному ремонту, фрески, по какой-то неизвестной причине скрыли под новым слоем штукатурки, причем для ее качественного сцепления еще сохранившуюся стеновую роспись покрыли насечками.

По мнению Е. И. Лопушинской эти работы были произведены в XVI или начале XVII вв. Снаружи, для поддержания «очень выветренной и разрушенной древней кладки» стены были облицованы толстым слоем бута на известковом растворе с песком и большим количеством раковин морских моллюсков. Местами для имитации кладки *opus mixtum* использовались обломки черепицы, фрагменты керамических плиток из первоначального покрытия пола и кирпичи размерами 24,5×12,0×3,0 см. Этим же кирпичем был выложен свод над южной апсидой и центральный ку-

пол храма. Благодаря новым каменным перемышкам, все оконные проемы подкупольного барабана и фасадов получили прямоугольную форму, а до этого имели полукруглое завершение. Двойные оконные проемы на фасадах были заложены каменной кладкой. Кроме того, новой кладкой был надложен подкупольный барабан. Верхний карниз барабана был сохранен, но переложено заново. Новый купол был сложен из тонкого кирпича. Апсиды, имевшие изначально граненную форму, окончательно получили полукруглые – ассиметричные очертания. Юго-восточную апсиду надложили и покрыли новым сводом. Надложены были и ветви креста. Стены храма были изнутри оштукатурены толстым слоем известкового раствора, замешанного на шерсти, а фрески, как уже упоминалось выше, предварительно исцарапаны и покрыты насечками.

Таким образом, большую часть выявленных следов ремонтов и перестроек Е. И. Лопушинская отнесла к османскому периоду. Насколько обоснованна была ее точка зрения, ответить сложно, поскольку результаты работ, полученные исследовательницей в процессе реставрации церкви, по существу, так и не были опубликованы. К сожалению, в полном объеме не были изданы и материалы раскопок Т. И. Макаровой, которые позволили бы устранить ряд дискуссионных вопросов.

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении источники уже сейчас позволяют прийти к следующим выводам:

- церковь Иоанна Предтечи, возведенная в первой или второй половине X в., на протяжении всей своей многовековой истории функционировала как христианский храм, и нет никаких оснований утверждать, что в османский, и, тем более, генуэзский период она была превращена в мечеть.

- в XIV в. церковь подверглась перестройке, благодаря чему ее внешний облик был существенно изменен. Тогда же на ее стены были нанесены фрески. В это же время прекращает функционировать прицерковное кладбище.

- в очередной раз церковь была отремонтирована в османский период, но на этот раз реконструкции подверглись лишь отдельные ее архитектурные элементы.

- свое современное название церковь получила не ранее третьей четверти XVIII в., а до этого, по крайней мере в 30-е годы XVII в., она именовалась церковью Св. Георгия.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев А.А. Церковь Св. Иоанна Предтечи в Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 год. Одесса, 1887. Ч. III. С. 382–386.

[Байер Г.З.] Древние Азовские и Крымские известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1782.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т. 4: 1699–1701 гг. 514 с.

Брун Ф.К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1877. Т. XXIII. С. 231–253.

[Вигель Ф.Ф.] Записка о Керчи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1864. Кн. 1. Отд. 2. С. 11–99.

Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М., 1983.

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.

[Дортелли д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 г. // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. Отд. 1. С. 89–180.

Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь, 1894.

Кирилін Д.С. Сучасниця Київської Русі // Пам'ятники України. Київ, 1981. № 1 (47). С. 55.

Крамаровский М.Г. Ибн-Баттута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. Казань, 2014. № 1 (3). С. 64–74.

[Крейс К.И.] Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову, 1699 года / пер. с голланд. П. Ларионова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1850. Ч. VIII. С. 367–394.

Кулаковский Ю.А. Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия: в 12 т. / под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб., 1908. Т. IX. С. 535–544.

Лопушинская Е.И. Древний памятник Керчи // Строительство и архитектура. М., 1970. Вып. 10. С. 36–37.

Макаревский (Феодосий) Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав, 1880. Вып. 2.

Макарова Т.И. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО 1971 года. М., 1972. С. 375–377.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 344–393.

Макарова Т.И. Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 68–73.

Макидонов А.В. Днепровская линия (1770–1797). Запорожье, 2014.

Малышев А.Б. Православие в этноконфессиональных отношениях Золотой Орды, Византии и государств Северного Причерноморья // Русская Православная Церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье. Волгоград, 2003. С. 5–30.

Матвеева Л.В. Юлиан Кулаковский. Киев, 2002.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 13. № 3. С. 625–691.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 325–331.

Пономарьова Л. Перлина візантійського зодчества в Керчі // Пам'ятки України. Київ, 1997. № 1. С. 86–90.

Попов Г.В. Два фрагмента росписи церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 117–126.

Православна церква на півдні України (1775–1781) / упорядн. І. І. Лиман. Запоріжжя, 2004.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I.

[Томилов Р.Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года // ЗООИД. 1868. Т. VII. Отд. 2. С. 166–198.

Церковь Св. пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в городе Керчи // Новороссийский календарь на 1857 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1856. Отд. 4. С. 439–443.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / пер., вступ. ст. и комм. к. ф. н. Е. В. Бахревского. Симферополь, 2008.

РАДОЧИН В.Ю.
(НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ¹

Могильник у с. Лучистое находится в горном Крыму у подножия горы Демерджи. Считается, что он возник на рубеже IV - V вв. в результате переселения аланских племен со склонов Третьей гряды вглубь крымских гор [1, с. 82; 2, с. 6; 3, с. 104].

Первые археологические исследования на могильнике были проведены А.И. Айбабиным в 1982 г. и, начиная с 1993 г., приобрели характер систематических [2, с. 12-13]. Раскопки позволили вскрыть большую площадь некрополя с разновременными захоронениями. На сегодняшний день наиболее исследованным является участок некрополя с погребениями VI – IX вв.

За время охранных раскопок был получен и обработан костный материал 747 погребенных из 177 погребальных сооружений (76 склепов и 101 могила). Большинство погребений было совершено в склепах, которые принято считать семейными усыпальницами. За время исследования могильника было опубликовано несколько работ, посвященных изучению костного материала из разновременных погребений [5, 6, 7, 8].

В целом, сохранность материала можно охарактеризовать как неудовлетворительную. Данное обстоятельство, вероятно, обусловлено геологическими процессами, в виду чего, для комплексного исследования была пригодна лишь треть костяков.

Несмотря на плохую степень сохранности материала, по результатам исследования можно подвести некоторые предварительные итоги в

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

вопросах демографии, палеопатологических состояний, культурных традиций, некоторых бытовых особенностей.

Соотношение мужских и женских погребений у с. Лучистое практически одинаковое. Детские погребения составили около 40% от общего числа. Отмечается незначительное преобладание детских погребений по отношению к женским.

Средняя продолжительность жизни взрослого населения составила 31,3 года. Пики смертности для мужского населения приходятся на возраст 30-40 лет. Для женской серии ситуация несколько отличная и выглядит достаточно ровно, начиная с подросткового возраста и до 40-44 лет.

Детская смертность до года составила 11 %. До 40% умерших в детском возрасте приходится на возрастной интервал от 4 до 7 лет, что в свою очередь обусловлено рядом объективных составляющих (период интенсивного вытяжения и связанная с этим перестройка организма, возрастающая двигательная активность, повышенный травматизм, инфицирование). Вызывает интерес заниженное число подростковых погребений мужского пола. Вероятно, может иметь место некоторое особенное «бережное» отношение к данной категории.

Эпигенетические маркеры, отражающие вариабельность форм и позволяющие косвенно проследить родственные связи, были отмечены на 7 % исследованных костяков, в большей степени на женских. Наиболее частыми, были добавочные косточки на черепе, метопический шов, вариации зубной системы. Некоторые стигмы были отмечены только на мужских или только на женских костяках.

Патологические изменения, отмеченные на костях, отражают стрессовые нагрузки, испытываемые организмом, и являются важным источником информации в системе реконструкции условий жизни древнего населения.

Наибольшую группу патологических изменений составляют заболевания зубочелюстного аппарата, они были отмечены у 45,7% населения. Кариозное поражение отмечено у 19,3% исследованных индивидуумов. В два раза чаще кариесом были поражены зубы в мужской серии. В современной научной литературе данную патологию принято рассматривать как признак снижения иммунитета организма [4, с. 81].

Прижизненная утрата зубов отмечалась у 15,6% погребенных. Обращает на себя внимание тот факт, что данная патология отмечена на большом количестве костяков молодого возраста.

Отложение зубного камня фиксировалось у 10,6%. В 2 раза чаще он отмечался у мужчин, что позволяет предполагать некоторые отличия в мужских и женских рационах питания.

Дефекты ротовых задержек на зубах, известные как эмалевая гипоплазия, отмечены у 4% и, как правило, указывали на неоднократность стрессовых состояний.

Среди заболеваний, отмеченных на костях посткраниальных скелетов, преобладали изменения на костях позвоночника.

Патологические изменения позвоночника (остеохондроз, спондилоартроз, спондиллоз, узлы Шморля) отмечены у 19,6%. Подавляющее большинство указанных поражений приходится на нижний грудной и поясничный отделы позвоночника. Обращает внимание частота патологий позвоночника в достаточно молодом возрасте. Для похороненных в возрастном интервале после 45 лет число погребенных с дегенеративными изменениями позвоночника достигает практически 90%. Изменения в позвоночнике в 2 раза чаще фиксировались на мужских костяках.

Изменения, характерные для остеоартроза, отмечались у 6 % индивидуумов, как правило, страдали грудинно-ключичный, плечевой и локтевой суставы. Для костей нижних конечностей проявления артроза, в основном, отмечались в тазобедренных и коленных суставах.

Признаки воспалительных процессов на костях черепа и посткраниальных скелетов отмечены у 5,6% населения, Наиболее частыми были проявления, связанные с периоститом.

Поротические изменения на костях черепа, отражающие некоторые специфические состояния, выявлены у 15,6%. Изменения на костях, известные как *cibra orbitalia*, чаще фиксировались на женских и детских костяках, в то время как поротический гиперостоз костей свода черепа, чаще отмечался у мужчин.

В целом, для населения, оставившего могильник у с. Лучистое, можно констатировать достаточно низкий уровень травматизма, который составил около 6%. Большинство выявленных травматических поражений фиксировалось на мужских костяках и характеризуются как бытовые. Травмы позвоночника отмечены в равной степени у обоих полов. Лишь три травмы, отмеченные на мужских костяках, можно с высокой степенью достоверности отнести к разряду боевых.

Важным маркером перенапряжения костного аппарата является энтезопатия. Изменения характерные для энтезопатии отмечены на 18%

исследованных посткраниальных скелетах. В основном, костные изменения фиксировались на нижних конечностях мужских костяков.

Преднамеренно деформированные черепа отмечены практически у четверти исследованных костяков. В подавляющем большинстве черепов имели лобно – затылочную деформацию, выполненную в технике двойного бандажирования.

Погребения с деформированными черепами были зачищены во всех типах погребальных сооружений. Наибольшее количество полученных деформированных черепов приходится на VI-VII вв. Искусственно измененные черепа фиксировались в равной степени в мужской и женской сериях.

На начальный период функционирования могильника (конец IV н.э. – начало V вв.) приходится 5% исследованных захоронений. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с геологическими особенностями участка. Тем не менее, даже столь немногочисленный материал позволил увидеть некоторые различия по сравнению с более поздними захоронениями не только в конструктивных особенностях погребальных сооружений (в частности склепов), но и в краниологических характеристиках. Также отметим, что из раннего хронологического промежутка (конец IV в. – начало V в.) выявлен только один случай преднамеренной лобно-затылочной искусственной деформации черепа.

На южном склоне могильника были заложены раскопы с целью уточнения его границ. В ходе работ были выявлены и зачищены 1 склеп и 9 могил (1 грунтовая, 8 плитовых), с датирующим материалом XIII в.

Из погребальных сооружений был получен антропологический материал, который после реставрационных работ удалось соотнести с 43 индивидуумами (18 из них детского возраста). Погребения в склепе и несколько погребений из плитовых могил были разрушены. Несмотря на плохую сохранность материала, удалось не только установить половозрастной состав, но и определить некоторые патологические состояния костного аппарата. Полученные результаты дают нам возможность сделать некоторые реконструкции, связанные с условиями жизни людей захороненных в нем.

На сегодняшний день, имея некоторые предварительные итоги многолетних исследований, перед нами остаются ряд вопросов, связанных как с ранним этапом функционирования могильника, так и с его поздним хронологическим горизонтом. Прежде всего, это вопросы, связанные с демографической ситуацией, патологическими состояниями, рекон-

струкциями двигательной активности индивидуумов из разновременных захоронений, особенностями условий среды обитания. Остается открытым вопрос о резком увеличении числа искусственно деформированных черепов, из погребений, начиная со второй половины VI в.,

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое Том 1. Симферополь-Керчь, 2008.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.) Симферополь, 2017.

Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.

Назарова Т.Л., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма. АН УССР. Препринт. Ин-т. археологии. К., 1990. С. 32-43.

Радочин В.Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистого // МАИЭТ. Симферополь. 2002. Вып. IX.

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из погребений V-IX вв. могильника у с. Лучистое. // МАИЭТ. Симферополь. 2003. Вып. X.

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003-207гг.) //МАИЭТ. Симферополь 2008. Вып. XIV.

САВОСТИНА Е.А.
(МГАХИ им. В.И. Сурикова, Москва)

БОСПОРСКИЙ МИР И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Один из самых последовательных и представительных форумов, посвященных археологии Северного Причерноморья – «Боспорские чтения», двадцатилетие которого отмечается в этом году, на протяжении своего существования поднимал проблемы не только локально-боспорского, но и более общего характера, к обсуждению которых и теперь возвращаются антиковеды как в связи с новыми находками, так и с развитием теоретических представлений в науке. Определенное место в решении этих проблем было отведено анализу памятников искусства и архитектуры, которые рассматривались не только в качестве произведений, украшавших святилища и жилища, но прочитывались и интерпретировались как исторический источник, как отражение социальных и политических проявлений жизни общества.

Действительно, не стоит забывать, что искусство – явление социальное, некое обобщение возникающих социальных отношений и общественных практик. Соответственно с этим в развитии художественной жизни отмечается и динамика видов искусств, обусловленная социальной потребностью общества. Так, в определенный момент актуальными становятся такие виды искусства, которые можно было бы назвать репрезентативными, не просто дающими представление о характере жизни и структуре социума, но такими, в которых он как бы «выражает себя». На протяжении веков таких моментов может быть несколько, поскольку художественная культура – система динамическая, и ее развитие можно понимать как социально-детерминированный процесс. Безусловно, эти моменты, если нам удастся их зафиксировать и расшифровать, демонстрируют непосредственное проявление изменений, имеющих место в

культуре, структуре общества, типах художественных коммуникаций, восприятию чего-то иного, что в конечном итоге есть отражение исторического процесса. Таким образом, в вещах и художественных явлениях можно увидеть отражение мира боспорцев, хотя бы в малой своей части дошедшего до нас.

Один из таких моментов боспорской истории хорошо известен – когда актуальным стали такие виды погребальной архитектуры как боспорские монументальные гробницы, вполне отвечающие задачам «репрезентативных искусств» и как художественное явление, и как отражение, на наш взгляд, социального (политического) устройства боспорского общества, форма правления в котором по концентрации власти приближалась к единоличной, монархической. Вопрос о времени появления монументальных гробниц не имеет документированного обоснования, однако, по общему мнению, к IV в. до н.э. облик уступчатого центрального склепа уже был сформирован (Царский курган). Интересно, что именно от этого времени известны надписи Левкона I, упоминающие его сложную титулатуру, где он именуется и архонтом, и базилиевсом, ориентируясь и на греков, и на варваров, находящихся в орбите его владычества (кстати, аналогично царю Македонии Филиппу II, архонту Фессалии, гегемону Панэллинского союза). Затем монументальные гробницы распространяются широко за пределы столичного круга, отмечая границы земель боспорской элиты, архитектура склепов претерпевает свою эволюцию и скоро (к концу IV- началу III в. до н.э.) появляются склепы с полуциркулярным перекрытием, близкие гробницам македонского типа, хотя не идентичные им.

Это обстоятельство позволяет с большим вниманием отнестись к обострившейся в настоящее время полемике о происхождении македонских гробниц. Главная «точка не согласия» здесь – вопрос о дате и, соответственно, о принадлежности Гробницы II Большого кургана в Вергине (Borza and Palagia, 2007). Но не только. Мысль о том, что в ней погребен не Филипп II, ведет группу исследователей вообще к отрицанию существования этого типа гробниц в Македонии до походов Александра и к убеждению, что монументальные усыпальницы были введены именно им и под впечатлением облика гробницы Кира Великого в Пасаргадах (Palagia, 2011).

В свое время этот памятник конца VI в. до н.э. действительно оказал воздействие на развитие погребальной архитектуры, но ими стали гробницы персидских же сатрапов середины IV в. до н.э. (известные ныне как

Памятник Нереид, Мавзолей), архитектура которых никоим образом не отразилась в памятниках Македонии, когда бы они ни были сооружены. Но независимо от даты гробницы в Вергине и даже доказательств появления здесь первого полуциркульного перекрытия до походов Александра, ок. 340 г. до н.э. (гробница Евридики), близкого по времени такому же своду в Кари (Лабранды, 2010), монументальные гробницы других форм – с потолком в виде бревенчатого наката над крупной цистой – появляются в царском некрополе в Эгах в V в. до н.э. (Вергина, 2012), доказывая социальные и местные корни этого явления, но также и справедливость наших предположений. Отраднo отметить, что именно с позиций социальных изменений трактуется другой группой исследователей всплеск распространения гробниц в Македонии, отмечаемый во второй половине IV в., когда этот процесс обрел характерные черты и явное усиление, связанное с необычайным ростом и процветанием Македонии при Филиппе II и возвышением особой социальной группы – тяжеловооруженной конницы, гетайров Филиппа, которые были в большом почете и у него, а затем и у Александра (Tsimbidou – Avloniti, 2005; Haddad, 2015).

Актуальный вид искусства наиболее полно отражает социально-эстетические требования своей эпохи. Он исторически изменчив, что обусловлено изменениями этих потребностей, а также социального субъекта, определенным образом влияющего на художественный прогресс. Направление общественного внимания на какие-либо виды искусства создает возможности для их преимущественного развития и является свидетельством возросшей в них необходимости.

Еще одно проявление репрезентативного искусства, где боспорское сообщество «выражает себя», связано с особенностями художественного стиля, проявившегося в скульптуре. Этот вид искусства чрезвычайно важен для создания представлений о художественной среде, которая сложилась на Боспоре, поскольку его формировали как произведения, привезенные из Греции, так и продукция локальных школ. И именно в последней отразился тот «ответ», который был дан на заложенный архаический «импульс», полученный от ионийской метрополии.

Наблюдая архаическую основу в стиле боспорского искусства, мы можем говорить о том, что сохранялись ранние эстетические представления в восприятии пластической формы, некая «манера видения», как определил приверженность какому-либо стилю Г. Вельфлин. С течением времени эта манера видоизменялась, но архаический след в ней сохранялся, он несомненно был определяющей основой этой формы, которая

постепенно разбавлялась – и наполнялась новыми элементами, почерпнутыми у последующих мастеров новых «классических» школ.

Своеобразным ключом к пониманию такой разновидности местного искусства, которую было предложено выделить и определить как «боспорский стиль», оказался рельеф со сценой сражения (ГМИИ им. А. С. Пушкина). Теперь мы можем отнести к нему и ряд других памятников как IV в. до н.э., так и более поздних, включая широко распространенные боспорские надгробные стелы эллинистической и раннеримской эпохи. Есть основания предполагать его существование и в формах архитектурного декора, и в торовитке (золотые предметы из донецкого и ставропольского курганов: Передериева могила и курган, раскопанный в 2013 г. в Ставрополе), и даже в малых формах – терракотовой пластике – этот стиль получил отражение (статуэтка всадника из ГМИИ им. А. С. Пушкина по композиции, уплощенной поверхности рельефа и характерным деталям напоминает стиль боспорских стел позднего эллинизма). Всё это переводит рассматриваемое явление в статус так называемого «Большого стиля», то есть художественной манеры, проявляющейся в разнообразных категориях культуры и в данном случае во многом определяющей облик боспорской среды.

Особая тема предстоящих исследований, если говорить о перспективах, связана с мастерами-камнерезами, работавшими на Боспоре. Об их высоком профессиональном уровне и прекрасной выученности свидетельствует упомянутый рельеф со сценой сражения, выполненный в известняке. Не исключено, что такого уровня мастера могли бы осилить и изготовление Стелы с оруженосцем (Керченский музей), хотя, возможно, именно этот скульптор исполнил бы фигуры несколько иначе. Несомненно блестящее мастерство и резчиков блоков растительного ионического фриза из Нимфея (Керченский лапидарий). Судя по манере исполнения элементов, мастеров было двое – каждый блок делал отдельный мастер, на основании чего можно полагать, что и на Боспоре каменотесы-строители работали в бригаде. Примечательно, что характер обработки приставных поверхностей растительного и фигуративного фризов (нижняя часть блоков с орнаментом и боковая – фриза со сценой сражения) практически идентичен, и это позволяет предположить работу каменотеса боспорской школы и в данном памятнике, каким бы невероятным это предположение не казалось.

Не только «свои» произведения, но и привозные отражают и определяют картину мира боспорцев. В этом плане актуальна скульптурная

серия, относящаяся к особому стилю эллинистической Малой Азии, прослеженному в нескольких головах мраморных статуй, в разное время и при различных обстоятельствах найденных в Керчи (лишь одна обнаружена в слое при раскопках Пантикапея, остальные - случайные находки). Мы связываем их с родственной школой либо стилистической линией развития, условно обозначенной как «малоазийский классицизм». Появление этой серии на Боспоре связано с периодом позднего эллинизма – возможно, с эпохой и даже личностью Митридата VI. Можно думать, что понтийский правитель, оказавшись на Боспоре, создавал здесь свою среду, при нем формировалось характерное художественное окружение, и в репертуар статуарных изваяний, привезенных в столицу его нового царства в качестве репрезентативных памятников, входили изображения богов и его портреты: как широко известный Митридат Пергамский, так и Портрет Царя, в котором можно видеть Митридата в восточной ипостаси. Атрибуция изваяния царя как Митридата Евпатора Диониса была предложена на одной из первых конференций БЧ (2004), а в этот юбилейный год отрадно сообщить, что ему найдена «стилистическая пара» – голова женской статуи, хранящаяся в Эрмитаже (ПАН.740), и в известной линии изваяний добавляется еще одно звено. До сих пор эта женская голова рассматривалась как римская копия с оригинала V в. до н.э., и теперь мы предлагаем ее новую атрибуцию.. «Парность» этих изваяний заключена в чрезвычайном сходстве ряда стилистических черт и деталей.

Скульптурой митридатовского времени завершим наш обзор: с приходом этого правителя многие изменения коснулись мира боспорцев, но еще больше это мир изменился после него.

САПРЫКИН С.Ю.
(МГУ, Москва)

АСПУРГ И АЗИАТСКИЙ БОСПОР

Одним из наиболее процветающих, но слабо освещенных в источниках периодов истории Боспора, является рубеж нашей эры и первые десятилетия I в. н.э., когда на престоле находился царь Аспург. Год его рождения неизвестен, год вступления во власть определяется приблизительно на основании косвенных данных последним десятилетием I в. до н.э., тогда как получение им царского титула датируется 13 г. н.э., а уход из жизни 37 г. н.э. О его правлении можно судить только на основании надписей и обильных серий его медных и золотых монет с датами по вифино-понтийской эре.

Самым ранним свидетельством об Аспурге можно, по всей видимости, считать эпизод, связанный с аспургианами и рассказанный Страбоном: «К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и некоторые другие. К ним относятся аспургианы, живущие на пространстве в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией. Когда царь Полемон, напад на них под предлогом заключения договора о дружбе, не сумел, однако, скрыть своего намерения, они перехитрили его и, захватив в плен, убили» (Strabo XI. 2. 11). Эти события имели место ок. 9/8 г. до н.э., когда понтийский царь Полемон I, завершив военный разгром Танаиса, высадился в Приазовье на Таманском полуострове для уничтожения военно-хозяйственных поселений – катойкий, созданных еще при Митридатах, Асандре и Динамии (Сапрыкин 2002, 141-146).

Этникон «аспургиане» и имя царя Аспурга, как давно выяснено в науке, имеют между собой прямую связь: последнего считают выходцем из аспургиан, коих вслед за Страбоном причисляют к меото-сарматским

племенам; согласно другой точке зрения, аспургиане получили название от имени Аспурга. Существуют два подхода к проблеме происхождения аспургиан: это ираноязычное племя на азиатской стороне Боспора, появившееся во второй половине I в. до н.э., а по другой, более обоснованной версии, аспургиане являлись военно-хозяйственными поселенцами на царской земле из среды местных меото-сармат. Указание Страбона на то, что Полемон I напал на аспургиан под предлогом заключения договора о дружбе, свидетельствует, что они не признавали его власть на Боспоре, имели определенную долю автономии и могли вступать в договорные отношения с противником. Следовательно ими управляли командиры (или вожди), осуществлявшие военно-политическое управление на определенной территории. Ко времени вторжения Полемона в область аспургиан боспорская царица Динамия, опиравшаяся на этих военно-хозяйственных поселенцев, была уже свергнута с престола и царь Полемон остался единственным признанным Римом царем. Можно уверенно предполагать, что понтийский царь, планируя договор о дружбе с аспургианами, признавал их предводителя равной по положению фигурой. Такой фигурой мог являться Аспург, которого уже в то время рассматривали как альтернативного Полемону законного претендента на царский престол.

В качестве претендента на престол Аспурга поддерживали в основном военно-хозяйственные поселенцы азиатского Боспора и соседние сарматские племена, поскольку он был сыном Динамии, внучки Митридата Евпатора, и, по всей видимости, Асандра. В своих надписях он именуется «сыном царя Асандроха», что дало исследователям право утверждать, будто его отцом был некий неизвестный ближе царь, не тождественный Асандру, ибо тот никогда не называл себя официально Асандрохом. На наш взгляд, имя Асандрох – иранизация греческого имени Асандр. Он занимался организацией военно-хозяйственных поселений на азиатской стороне Боспора как этнарх, т.е. предводитель местных общин и племенных союзов, включая, очевидно, и аспургиан (Сокольский 1976, 98-108). Поэтому в ираноязычной среде его называли Асандрохом, хотя эллины Боспора величали его Асандром. Асандр-Асандрох был мужем царицы Динамии (КБН 30; Dio Cass. LIV. 24. 4), которую римляне устранили с престола. Асандр же был возведен императором Августом в цари и получил титул «друга римлян», уступив власть своей супруге и незаконному претенденту Скрибонию (Ps. Luc. Macr. 17), поэтому в глазах боспорцев считался законным царем Боспора. По мужской линии,

в меньшей степени и по материнской линии, Аспург имел все права на власть, а победа над Полемоном, достигнутая при содействии аспургиан, делала его прямым претендентом на царский трон. В этой связи обязанный поддержке ираноязычных жителей царской хоры Боспора на азиатской стороне и соседних сармат, Аспург решил сохранить имя отца, легитимным наследником которого он себя позиционировал, в привычной для эллинизованных варваров огласовке. К тому же, имея родовые корни в среде сарматской знати, очевидно по отцу и по матери, он, учитывая поддержку сармат, принял решение использовать родовую сарматскую тамгу в качестве официального символа, что также объясняет, почему он называл Асандра на иранский манер Асандрохом.

По данным монет, после гибели римского ставленника Полемона I, Аспург не был признан царем Боспора. Это было связано с тем, что греческие полисы, в отличие от меото-сарматских военных поселенцев, не поддержали нового претендента на царский титул, опасаясь гнева Рима и непредсказуемости варварского окружения. Тем более что Пифодорида, вдова Полемона I и его дети от брака с понтийским царем, особенно старший сын Полемон, также имели права на власть и пользовались поддержкой Августа. На это намекает содержание посвянительной надписи Пифодориды жене Августа – Ливии, которую она поставила в Гермонассе (Болтунова 1989, 86-91). В течение нескольких лет на Боспоре сохранялось скрытое двоевластие, хотя ни один из претендентов не был признан римским императором и не имел царского титула. После 3 г. до н.э., когда Пифодорида стала супругой каппадокийского царя Архелая и встала во главе Каппадокийско-Понтийского государства, Аспург получил шанс приблизиться к обладанию вожделенным титулом царя Боспора. Однако города по-прежнему отказывали ему в открытой поддержке, так как Август пока не решался признать его официальным царем Боспорского государства.

Через несколько лет Аспург совершил путешествие в Рим, вероятно, по вызову императора для решения вопроса о предоставлении титула царя. Об этом сообщается в рескриптах Аспурга городу Горгиипии от 15 или 16 г. н.э., когда он вернулся из поездки в Рим и с 13/14 г. н.э. официально титуловался царем (Блаватская 1965, 36; Сапрыкин 2002, 159; Heinen 1999, 133-142). В них, между прочим, говорится, что Аспург, благосклонно расположенный к горгиипийцам, желает воздать им по справедливости за то, что во время путешествия в Рим к императору «они проявили себя благорасположенными к нему и соблюли себя в полной

безмятежности». Поэтому он дал им освобождение от налогов и право полисной общине распоряжаться земельными участками умерших граждан согласно принципам родственного наследования (Сапрыкин 1991, 181; Блаватская 1965, 32-34). Из строчек рескрипта следует, что какие-то города, в отличие от Горгииппии, не выказывали расположения к новому царю Боспора. К сожалению, мы не знаем, какие это города, однако при Аспурге, когда он еще не был царем, чеканились медные монеты, поэтому можно предполагать, что Пантикапей открыто не высказывался против, а вот другие полисы, очевидно, на азиатском Боспоре, могли не подержать Аспурга. На этом основании можно сделать вывод, что позиции Аспурга на Тамани и в Синдике не отличались прочностью, поскольку полисы опасались ограничения их автономии и поддержки царем военно-хозяйственных поселенцев, в особенности, аспургиан.

Действительно, если взглянуть на административно-территориальное деление азиатского Боспора при Аспурге, то можно увидеть, что там существовало три округа, возглавляемых царскими наместниками: «округ остров» во главе с «начальником острова = несиархом», куда входили города Фанагория и Гермонасса, «округ аспургиан» во главе с «начальником аспургиан», включавший обширную сельскую округу от Тамани до Бат (Новороссийска), «округ Горгииппии» во главе с «начальником Горгииппии», объединявший полисную хору (Сапрыкин 2010, 110). Таким образом Аспург укрепил область аспургиан, расширил привилегии Горгииппии в рамках царского землевладения, тогда как привилегии Фанагории, Гермонассы, Кеп были урезаны, а сами города полностью подчинились царским наместникам, так как их хора вошла в разряд царской земли. Мы вряд ли ошибемся в предположении, что это прямое следствие поддержки аспургианами и горгииппийцами внутренней политики Аспурга и результат нежелания Фанагории и других городов азиатского Боспора признавать Аспурга царем.

Во время подводных работ в Фанагории была обнаружена надпись – посвящение царя Аспурга, друга римлян, статуи Эрота Афродите Урании Владычице Апатура в качестве благодарственного дара (Кузнецов 2006, 157). В 2013 г. в Горгииппии была найдена база статуи с надписью – посвящением царя Аспурга, друга римлян, Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Гриппа. По мнению авторов публикации, она датирована ГТ = 303 г. вифино-понтийской (боспорской) эры = 6/7 г. н.э. и является самой ранней из всех надписей Аспурга (Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 682). К сожалению, издатели надписи неверно определили дату – на

камне четко видны цифры \square (ζ - стигма перечеркнутая кривой гостой) IT = 316 г. вифино-понтийской (боспорской) эры = 19/20 г. н.э. (йота немного затерта, но прочитывается на камне даже по фотографии). Дата по написанию полностью соответствует году \square (ζ) IT = 19/20 г. н.э. на золотом статере Аспурга с царской монограммой ВАР (Анохин 1986, 150, № 301; Фролова 1997, 197, табл. XII, 8). Очевидно, что фанагорийское посвящение сделано незадолго до посвящения в Горгииппии.

До нашего времени дошли надписи из Пантикапея – одна от 23 г. н.э., вторая около этого времени, где говорится о посвящении статуи неким лицом и начальником острова Менестратом, сыном Менестрата «Великому царю Аспургу, другу римлян, царствующему над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами, подчинившему скифов и тавров, спасителю и благодетелю» (КБН 39, 40). Они были поставлены после похода Аспурга в Таврику, когда он подчинил тавро-скифов, дошел до Западного Крыма и закрепил статус Херсонеса как подчиненного Боспору полиса (IOSPE I². 573). После этого похода позиции Аспурга на Боспоре явно укрепились. Это дало ему право титуловаться «Великим царем», «царствующим над всем Боспором, Феодосией, племенами азиатского Боспора, чего не наблюдалось в надписях, поставленных до похода в Фанагорию и Горгииппию. На этом основании можно заключить, что посвящения Аспурга популярным эллинским божествам в Фанагории и Горгииппии являлись своего рода попыткой заручиться поддержкой греков азиатской половины царства перед походом в Таврику, чтобы укрепить тыл. Ведь до этого отношение эллинов в этой части государства к царю было крайне противоречивым, а его позиции там отличались прочностью только среди местных племен и в Горгииппии. Поэтому походу Аспурга в Таврику, инспирированному в интересах Рима, предшествовала его поездка на азиатский Боспор, в ходе которой он поставил статуи греческим богам, чем обеспечил благосклонность прежде недоверчивых к нему эллинов, а также упрочил позиции среди меотских племен. Это дало ему возможность принять полный царский титул, который повторял титулатуру Спартокидов, за исключением немаловажной детали – отныне властитель Боспора именовался «царствующим над всем Боспором», т.е. над городами и племенами, а не архонтом Боспора и царем всех меотов, как было при Левконидах.

СЕЙДАЛИЕВА Д.Э.
(НИЦИАК КФУ, Симферополь)

ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ КЕРАМИКИ СОЛХАТА В XXI СТОЛЕТИИ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Археологические исследования на территории Солхатского городища проводятся с 20-х гг. прошлого столетия. Систематическое изучение столицы золотоордынского Крыма началось с конца 1970-х гг., когда тут начала работать археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. С начала XXI столетия археологические раскопки на территории округа Старого Крыма дали наиболее значительный объем керамических находок, относящихся к золотоордынскому периоду. Связано это, в первую очередь с объектами археологических исследований.

В начале 2000-х выходят полные результаты исследований М.Г. Крамаровским поселений Кринички II и Бокаташ II. Поселение Кринички II расположено в 3 км к северо-востоку от Старого Крыма, рядом с д. Кринички, в степной зоне, примыкающей к горному хребту Агармыш. Раскопаны 375 кв. м, обнаружены жилища, хозяйственные ямы и сооружения, тандыры, 1 печь и др. [Крамаровский, Гукин, 2002]. Благодаря нумизматическому материалу, авторы раскопок датируют поселение второй половиной XIII — началом XV вв. [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 9-32].

Наблюдения исследователей за несколько лет раскопок привели к выводу, что поселение Кринички II имело тесные экономические связи с Солхатом. Поступала также посуда из Ближнего и Дальнего Востока, а также из Западной Европы [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 179]

Поселение Бокаташ II находится в предгорье хребта Карасан-Оба, в 1,4 км к юго-востоку от Старого Крыма. Общая площадь поселения составляет 22 тыс. кв. м. Северная часть памятника представляет собой в плане овальную седловину. Южная часть расположена на небольшом отроге, который отходит в западном направлении. Первоначально по-

Рис.1. Посвящение Аспурга из Горгаипии от 19/20 г. н.э

селение функционировало как специализированный гончарный центр. Позднее здесь было возведено жилое помещение, фундамент которого также сохранился. На городской рынок Солхата поставлялась кухонная неполированная и столовая глазурованная посуда. Нумизматический материал датирует ремесленное поселение второй половиной-концом XIII – началу XIV вв. Около середины XIV в эпоху смуты в Золотой Орде гончарное производство на поселении Бокаташ II приходит в упадок [Крамаровский, 2012, с. 325; Крамаровский, Гукин, 2006; Крамаровский, Гукин, 2007]. На двух участках обнаружены печи, наземные сооружения, полуземлянки, хозяйственные ямы, тандыры и др. [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 22-25, 30; Крамаровский, Гукин, 2007, с. 10-19, 22-23].

Примерно с начала 1340-х годов потребность рынка изменилась, и ремесленники Бокаташа стали изготавливать массовую посуду, преимущественно кухонную. Около середины XIV века гончарное ремесло приходит в упадок [Крамаровский, Гукин, 2007, с. 23].

Изданные материалы исследований сельских поселений округа Солхата позволяют детализировать представление о поливной керамике Солхата второй пол. XIII - конца XIV вв., организации здесь гончарного ремесла и получить некоторые основания для более узкой хронологии керамических находок.

М.Г. Крамаровский детально описал и проанализировал чашу с изображением со сценой пира молодых людей в гранатовом саду, найденную в т.н. мечети Бейбарса, в слое заполнения землянки, обнаруженной под полом мечети в слое с джучидскими монетами XIV в. [Крамаровский, 2012, с. 170-193; Крамаровский, 2016, с. 68-69]. Также в книге «Человек средневековой улицы» опубликованы фрагменты византийского импорта эпохи Палеологов [Крамаровский, 2012, с. 298]. Особое внимание уделено теме вина и веселья в художественном оформлении византийской, сельджукской и крымской столовой посуды XII—XIV вв. [Крамаровский 2000; Крамаровский 2012, с. 164-198, 239-252]. Исследователь приходит к выводу о связях керамического производства Солхата с декоративно-прикладным искусством Рума [Крамаровский, 2000, с. 248-249; Крамаровский, 2016, с. 68-69].

В 2013 году на территории архитектурного комплекса мечети-медресе хана Узбека была исследована предпортальная площадь [Крамаровский, Сейдалиев, 2013]. Были обнаружены хозяйственные ямы и водовод 30-х гг. – конца XIV – начала XV вв. Глазурованная керамика

из этих комплексов была опубликована в кратком тезисном сообщении [Крамаровский, Науменко, Сейдалиев, 2014].

Исследователи А.В. Гаврилов и В.В. Майко в книге «Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старого Крыма)» публикуют некоторые находки изделий из некоторых районов Солхата [Гаврилов, Майко, 2014, с. 12, 25, 37, 44, 51, 65, 66, 68, 80, 94, 96; 177]

В 2016 году выходит каталог выставки «Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи», посвященный золотоордынскому периоду в Крыму [Крым..., 2016]. Впервые публикуются несколько целых чаш и множество фрагментов, найденных на территории Солхата в последние годы [Крым..., 2016, с. 86-100].

В монографии И.Б. Тесленко «Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу» упоминается о производстве глазурованной посуде с поселения Бокаташ II и о том, что большинство жителей составляли ремесленники «достаточно широкого спектра специализации, среди которых были мастера по изготовлению декоративной поливной посуды с рельефным «штампованным» декором и орнаментом в технике сграффито» [Тесленко, 2018, с. 24]

В Солхате существовало несколько центров производства керамики, и некоторые исследователи описывали присутствие глазурованной керамики, произведенной тут, на некоторых памятниках за пределами Крыма. [Масловский 2006а, с. 55-371]. Исследователи выделяют группу керамики, найденную в г. Азов (Азак-Тана), которую производили в Юго-Восточном Крыму [Масловский, 2006б, с. 102-126, 112, 116, 121-125; Масловский, 2010, с. 182-242; Дмитриенко, 2006, с. 126-135; Широченко, 2010, с. 253-259]. В работах, посвященных находкам с Азакского городища, приводятся аналогии керамическим сосудам, произведенным и обнаруженным в Старом Крыму и на территории его округа.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в последние десятилетия значительно возросли публикации касательно глазурованной посуды с Солхатского городища и округа. Необходимо отметить, что археологические раскопки ведутся с 1978 года по сей день и до сих пор отсутствует комплексное исследование по золотоордынской керамике с этого поселения. Целесообразно в дальнейшем обобщить весь керамический материал, выделить группы местной керамики, установить корни местного производства, разработать технологическую и морфологическую классификацию керамики, произведенной в Солхате. Также

необходимо выделить группы импортной посуды, определить центры их изготовления и разработать классификацию. В связи с этим, нужно проследить внешнеторговые связи золотоордынского города и степень оживленности отдельных направлений, а также опубликовать анализы и разработки стратиграфии Солхатского городища.

ЛИТЕРАТУРА:

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). / Симферополь: Бизнес-Информ, 2014 – 212 с., цв. ил.

Дмитриенко М.В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Толстого, 70 в 2005 г. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник. 2006. – С. 126-135.

Крамаровский М. 2016. Крым и Рум в XIII—XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата). Золотоордынское обозрение 1, 55-88.

Крамаровский М.Г. Византийская и сельджукская керамика с орнаментом сграффито с темой вина и веселья конца XII – первой половины XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // Античная древность и средние века. Вып. 31, 2000. – С. 233-250.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. Санкт-Петербург: Евразия, 2012 – 496 с., 90 илл., 48 с. цв. илл.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички (результаты полевых исследований). // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. I. Раскопки в Старом Крыму в 1998—2000 гг. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2002 – 184 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 г. // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. IV. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2007. – 262 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.) // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. III. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2006. – 314 с.

Крамаровский М.Г., Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.) // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации» (Севастополь, 5-8 сентября 2014 г.). Тезисы докладов. Севастополь, 2014 – С. 64-69.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет об полевых исследованиях 2013 года на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) объединенной археологической экспедицией Отдела Востока Гос. Эрмитажа и КРУ Бахчисарайского историко-культурного заповедника по изучению архитектурно-исторического комплекса «Мечеть и медресе Солхата» / [рукопись]: Старый Крым – Бахчисарай – Санкт Петербург, 2013-2014 – 362 с.

Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки – г. Симферополь: ООО «Издательство «Тарпан», 2016. – 160 с.

Масловский А.Н. (б) Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник. 2006. – С. 102-126. С. 112; 116; 121-125

Масловский А.Н. (а) Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник. 2006. – С. 308-472.

Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2007-2008 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып. 24. Азов: Азовский музей-заповедник. 2010. – С. 182-242

Тесленко І. Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // археологія і давня історія України, 2018, вип. 4 (29) – С. 7-83.

Широченко Э.Б. Археологические исследования в городе Азове в 2008 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып. 24. Азов: Азовский музей-заповедник. 2010. – С. 253-259.

СИДНЕВА Д.В.
(ННГУ, Н-Новгород)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МОНЕТ СИНДОВ

Рассуждая о проблемах синдской истории и роли Синдики в становлении Боспорского царства, нельзя обойти вниманием вопрос о характере чеканки небольшой группы монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Ведь именно находка этих монет и поставила вопрос о возможности образования на Таманском полуострове в V в. до н.э. варварского государства, достаточно развитого для чеканки собственной монеты. Однако кроме значения этих монет в синдской истории, с ними связан целый комплекс проблем и вопросов, уже не одно десятилетие являющихся предметом научных споров. Где и когда чеканились эти монеты? Почему чеканка прекратилась? Что означают изображения на них? И, наконец, сам вопрос о том, кто именно был эмитентом этих монет, до сих пор не нашел своего окончательного решения, хотя имеет уже солидную историю изучения.

Исследователи выделяют три эмиссии (Зограф 1951, с. 168; Анохин 1986, с. 14; Шелов 1949, с. 111-114; Шелов 1956, с. 43; Анфимов 1963, с. 193; Шилов 1951, с. 214; Казаманова 1969, с. 136; Грач 1972, с. 133) синдских монет. Все синдские монеты чеканены по эгинской системе и изготовлены из серебра (Фролова 2002, с. 77). За исключение драхм, были выпущены все номиналы эгинской системы. Что же касается золотой монеты, опубликованной Ю.С. Крушкол (Крушкол 1946, с. 164-165) и интерпретируемой ей как синдская, то, на мой взгляд, доводы, приведённые в статье Л.Н. Казамановой (Казаманова 1963, с. 130-135) убедительно опровергают подлинность этой монеты.

Трактуя вопрос о принадлежности монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, ученые разделились на две группы: одни (Гайдукевич 1949, с. 51; Мошинская 1946, с. 203-208; Шелов 1956, с. 43; Зограф 1951, с. 168; Анфимов 1949,

с. 285; Анфитмов 1953, с. 75; Анфимов 1967, с. 128; Шилов 1951, с. 214; Берзин 1958, с. 124; Блаватская 1959, с. 94, 103; Белова 1967, с. 54; Казаманова 1969, с. 100, 135; Крушкол 1971, с. 83; Шелов-Коведяев 1985, с. 125; Фролова 2002, с. 83; Виноградов 2002, с. 12-19; Тохтасьев 2001, с. 63-67; Горончаровский 2011, с. 126-128) считают эти монеты эмиссией собственно синдсов, другие (Орешников 1922, с. 121; Каллистов 1950, с. 150; Болтунова 1964, с. 146; Грач 1972, с. 133; Шелов 1981, с. 242-243; Анохин 2010, с. 119-126) придерживаются версии о том, что эти монеты чеканились от имени греческого полиса с созвучным этнониму синдсов названием – Синдика, Синда или Синдская гавань. Была высказана и третья точка зрения (Завойкин, Болдырев 1994, с. 43-46; Кузнецов 2016, с. 256-267; Остапенко 2017, с. 122-123) на происхождение этих монет (монеты чеканились союзом греческих городов, расположенных в Синдике), но она скорее является одной из версий трактовки о принадлежности эмиссии грекам, а не синдам.

Аргументация сторонников той или иной теории строится на различной трактовке нескольких основных положений, связанных с монетой с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Первая точка преткновения – это, собственно, сама легенда ΣΙΝΔΩΝ. Большинство ученых она трактуется именно как «(монета) синдсов», т. к. лингвистический анализ делает затруднительной какую-либо иную трактовку (Тохтасьев 2001, с. 63-67). Противники синдской эмиссии полагают, что легенда ΣΙΝΔΩΝ могла быть сокращением от ΣΙΝΔΩΝ (ΙΚΟΝ/ΟΣ) как этнонима полиса (Кузнецов 2016, с. 263). Однако большинство доказательств этой точки зрения строятся на предположениях.

Другим аргументом сторонников греческой эмиссии является тот факт, что варварские государства Причерноморья чеканили монету в основном от имени царей или вождей, а не от имени народа, как это было свойственно греческим городам (Грач 1972, с. 137). Это возражение более серьезно, но подобный факт может объясняться и значительной эллинизацией синдсов во второй половине V в. до н.э.

Еще одним спорным моментом стал вопрос о трактовке изображений на монетах. Как уже говорилось, в типологическом отношении синдские монеты делятся на три группы:

1. Лицевая сторона: голова Геракла вправо; обратная сторона: голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.
2. Лицевая сторона: грифон, сидящий вправо, перед ним зерно; обратная сторона: голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.

3. Лицевая сторона: коленопреклоненный Геракл с луком; обратная сторона: сова впрямь и над ней надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.

Мы не будем подробно останавливаться на разборе всех изображений и версий, выдвинутых относительно их семантики и происхождения. Отметим лишь, что изображение головы Геракла многие исследователи связывают с изображениями на монетах Гераклеи Понтийской, изображение грифона возводится к Теосу, метрополии Абдеры и Фанагории, а изображение совы – к афинским монетам (Шелов 1956, 44-45). Из чего делаются выводы о политической ориентации синдской знати (Берзин 1958, с. 124-129). В.П. Шилов же считает эти мотивы настолько распространенными среди греков Северного Причерноморья, что не видит смысла в их привязке к конкретному центру (Шилов 1951, с. 207).

Мотивы головы коня и зерна сторонниками синдов как эмитента монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ трактуются как местные мотивы, подтверждающими их точку зрения (Зограф 1951, с. 168). Возражение Н.А. Грач (Грач 1972, с. 140), что конь и зерно – противоречивые символы двух разных хозяйственных укладов, которые не могли существовать на относительно небольшой территории Синдики, не представляется нам убедительным.

Значение использования всех этих мотивов даже в стане сторонников собственно синдских монет оценивается по-разному. Примечателен в этом плане спор В.П. Шилова и Д.Б. Шелова. Д.Б. Шелов считает (Шелов 1949, с. 116), что вся чеканка по характеру исключительно греческая и свидетельствует о значительной эллинизации синдов. В. П. Шилов (Шилов 1951, с. 208-209) усматривает в изображениях на синдских монетах синкретизм культур сочетание творчески переработанных греческих мотивов с местными. Вторая точка зрения кажется мне более убедительной, так как мотивы головы коня и колоса, используемые на синдских монетах, представляют собой наиболее ранний пример подобных изображений на Боспоре.

Также одним из основных вопросов в этой связи остается дискуссия о том, где собственно чеканились монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Здесь мнения исследователей расходятся. Одни предполагают, что чеканка производилась монетным двором Фанагории (Завойкин, Болдырев 1994, с. 43-46; Терещенко 1999, с. 84-89), другие – Пантикапея (Тохтасьев 2001, с. 68; Фролова 2002, с. 80), третьи – греческого полиса Синдская гавань (Анохин 2010, с. 123-124), четвертые – к чеканке собственно столицы синдского государства – Лябрису (Семибратнее городище) (Горнчаровский 2011, с. 126).

Сторонники первой точки зрения в качестве доказательства опираются на тот факт, что Фанагория, являясь крупным полисом на протяжении всего V в. до н.э., не имеет хоть каких-то монет (Зограф 1951, с. 170). Также отмечается, что тип монет с изображением грифона был бы очень уместен в Фанагории как теосской колонии (Завойкин, Болдырев 1994, с. 46; Braund 2017, p. 151). Подобная аргументация вызывает серьезные вопросы. Во-первых, почему Фанагория начинает чеканку синдских монет раньше своих собственных? (Фролова 2002, с. 80) Во-вторых, почему лигатура синдских монет по составу так отличается от собственно фанагорийских, чеканенных уже в IV в. до н.э.?(Фролова 2002, с. 80; Аптекарев 2004, с. 16)

Вторая версия происхождения синдских монет предполагает зависимость Синдики от Боспорского царства и чеканку их монеты в Пантикапее. В пользу этой точки зрения свидетельствует высокий уровень развития Пантикапея в V в. до н.э., его практические и экономические возможности для подобного мероприятия (Фролова 2002, с. 80), сходство подбора номиналов и стилистики (Зограф 1951, с. 168; Фролова 2002, с. 78), а также тесные родственные связи и возможное покровительство Боспорских правителей Гекатею (Тохтасьев 2001, с. 68). Однако и здесь немало спорных моментов. Как и в случае с Фанагорией лигатура синдских монет не совпадает с лигатурой пантикапейских, причем чеканенных одновременно с ними (Аптекарев 2004, с. 16), но хотя С.Р. Тохтасьев и не считает это контраргументом, так как «почему бы не допустить, что Гекатей поставлял на монетный двор собственное серебро в слитках» (Тохтасьев 2001, с. 68), подобное предположение выглядит довольно странным – даже если пантикапейский монетный двор и брался начеканить определенное количество монет из предоставленного синдами серебра, зачем было так четко разграничивать материал по принципу: ваши монеты из вашего металла, наши из нашего, хотя весь материал является серебром? К тому же чем объяснить, что эстетический облик синдских монет несравненно выше синхронных пантикапейских, а синдские серии резко отличаются друг от друга семантикой изображений, тогда как пантикапейские плавно типологически перетекают друг в друга (Аптекарев 2004, с. 16)? И, наконец, если влияние Пантикапея в Синдике было так велико, как объяснить появление в синдских эмиссиях монет с изображениями, характерными для типов монет Афин и Гераклеи, а отношения Афин с Боспорским царством на протяжении V в. до н.э. были весьма и весьма непростыми (Берзин 1958, с. 124-129)?

Теория о том, что монеты могли чеканиться от имени жителей греческого полиса Синдская Гавань, полностью опровергается лингвистически безупречным анализом легенды ΣΙΝΔΩΝ, выполненным С.Р. Тохтасьевым (Тохтасьев 2001, с. 64-66). Тем не менее, концентрация находок на сравнительно небольшой площади в пределах юго-западной части Таманского полуострова, где как раз и локализуется Синдская гавань (Аптекарев 2004, с. 17), оставляет определенные сомнения. Но возможно, что подобная топография находок просто связана с локализацией большинства синдских поселений как раз на этой территории и их внутренним обменом (Крушкол 1971, с. 2).

Последняя точка зрения, относительно недавно высказанная В.А. Горончаровским (Горончаровский 2011, с. 126-128) и предполагающая возможность выпуска синдских монет греческими мастерами в столице Синдского царства Лябрисе, кажется наименее противоречивой, так как объясняет и вопрос об особенном составе лигатуры синдских монет, и проблему эстетического облика, а также позволяет объяснить резкую смену семантики изображений на монетах и их связь с различными политическими силами, действующими в Северном Причерноморье и влияющими на политическую ориентацию синдской знати. К настоящему времени на территории Семибратнего городища известно около 50 случайных находок синдских монет почти всех известных типов, что в масштабах боспорского региона является исключительным показателем (Горончаровский 2011, с. 126).

Другим интересующим нас аспектом изучения корпуса монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ является вопрос об их датировке. Большинство исследователей датируют синдские монеты второй половиной V в. до н.э. (Мошинская 1946, с. 206-207; Зограф 1951, с. 169; Берзин 1958, с. 124; Анохин 2010, с. 119-126; Горончаровский 2011, с. 127) Некоторые исследователи сдвигают верхнюю границу в первой половине, а то и началу V в. до н.э. (Фролова 2002, с. 79, 83-84; Тохтасьев 2004, с. 176). Но нижняя граница всегда приходится на рубеж V – начало IV вв. до н.э. В целом, датировка синдских монет как раз совпадает с периодом расцвета Синдского царства.

В заключение следует отметить, что несмотря на многолетнюю историю изучения поставленные в статье вопросы все ещё ждут своего окончательного решения. Но несмотря на весьма аргументированные попытки пересмотра принадлежности монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, все же нет достаточных оснований отрицать принадлежность синдских монет племени синдов.

ЛИТЕРАТУРА:

- Анохин, В. А. К истории Синдики // В. А. Анохин Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010. С.115-126.
- Анохин, В. А. Монетное дело Боспора. Киев: «Наукова думка», 1986. 223 с.
- Анфимов, Н. В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. 79 с.
- Анфимов, Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. 232 с.
- Анфимов, Н. В. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. № 51. С. 99-112.
- Анфимов, Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // Советская археология. 1949. № 11. С. 241-260.
- Анфимов, Н. В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. Л., 1967. С. 127-131.
- Анфимов, Н. В. Синдика в V-IV вв. до н.э. // Труды Краснодарского государственного педагогического института. 1963. № 33. С. 181-196.
- Аптекарев, А. З. «Синдские монеты» - проблема принадлежности остается // V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С.15-18.
- Белова, Л. Н. Поддельная золотая монета Синдики // ТГЭ. 1967. № 9. С. 50-54.
- Берзин, Э. О. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 1. С.124-129.
- Блаватская, Т. В. Очерки политической истории Боспора. М.: Наука, 1959. 160 с.
- Болтунова А.И. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 136-149.
- Виноградов, Ю. Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 3-22.
- Гайдукевич, В. Ф. Боспорское царство. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. 622 с.
- Горончаровский, В. А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. 2011. Вып. 10. С.115-140.
- Грач, Н. Л. К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ. 1972. № 3. С. 133-142.
- Завойкин, А. А., Болдырев С. И. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник. 1994. № 4. С. 43-46.
- Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.,1950. 150 с.

Казаманова, Л. Н. Поддельные синдские монеты // Нумизматика и эпиграфика. 1963. № 4. С.130-135.

Казаманова, Л. Н. Введение в античную нумизматику / Л.Н. Казаманова. М.: Издательство МГУ, 1969. 174 с.

Крушкол, Ю. С. Древняя Синдика. М.: МОПИ, 1971. 252 с.

Крушкол, Ю. С. Золотая монета Синдики // ВДИ. 1946. № 4. С.164-165.

Кузнецов В. Д. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. М., 2016. С. 250-278.

Мошинская, В. И. О государстве синдов // ВДИ. 1946. № 3. С. 203-208.

Орешников, А. В. Этюды по нумизматике Черноморского // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1922. Т. 2. С. 113-138.

Остапенко С.Н. Некоторые аспекты денежного обращения Боспора в VI-III вв. до н.э. Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (2017), С. 120–144.

Терещенко, А. Е. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Stratum-plus. 1999. № 6. С. 84-89.

Тохтасьев, С. Р. Ещё раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 63-79.

Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180.

Фролова Н.А. Корпус монет синдов // ВДИ. 2002. № 3. С. 71–83.

Шелов, Д. Б. Монетное дело Боспора М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 221 с.

Шелов, Д. Б. Монеты Синдов // КСИИМК. 1949. № 30. С. 111-119.

Шелов, Д. Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой колонизации. Тбилиси, 1981 г. С. 232-247.

Шелов-Коведяев, Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 5-187.

Шилов, В. П. Синдские монеты // СА. 1951. № 15. С. 204-215.

Braund D. The Griffins of Taman? Teos and Abdera: reflections on Dionysus, Heracles, and colonization // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н.Новгород, изд-во ННГУ, 2017. С. 151-162.

СИДОРЕНКО В.А., ШОНОВ И.В.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь)

МОНОГРАММЫ НА МОНЕТАХ АРХОНТА ГЮГИЭНОНТА¹

В 1911 году выходит в свет статья А.Л.Бертье-Делагарда «О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами» [Бертье-Делагард, 1911], по сей день не утратившая своего значения для выяснения вопросов хронологии правителей античного Боспора и его истории. Для истории Боспора далеко не все отмеченные монограммами на монетах правители отражены в анналах, что делает этот эпиграфический материал порой единственным источником. Одним из результатов исследований А.Л.Бертье-Делагарда явилось выявление параллельности выпусков медных монет с монограммами ΒΑΕ и ΒΑΜ с золотыми статерами, отмеченными монограммами ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΠΑ [Бертье-Делагард, 1911, с. 158]. У исследователей получило признание мнение М.И.Ростовцева о монограммах ΒΑΕ на меди как сокращения титула и имени Митридата Евпатора, помещаемых на монетах как память о знаменитом царе Понта и Боспора [Зограф 1951, с. 194]. Публикация статера с монограммой ΒΑΕ и датой «Α» (первого года правления) [Анохин 1986, с. 148, 255; 1999, с. 126, рис. 31, 1; 2011, № 1345] повлекла отношение к этой монограмме как принадлежности существующему на момент чеканки правителю, в котором В.А.Анохин усматривал Полемона I. Для рассматриваемой темы существенно отметить, что подобная интерпретация монограмм впервые нарушала главный метод их исследования, в котором ключевым компонентом является чтение. Соответствие составляющих монограммы букв начальным буквам читаемых в них титулов и

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

имен представляет незыблемый принцип их функциональности: любая – должна была быть понятной их современникам.

Атрибуция боспорских монет с монограммами, по высказыванию А.В.Орешникова, является одним из самых «темных и запутанных вопросов» [Орешников 1913, с. 35]. Им был опубликован статер неизвестного ранее в истории Боспора правителя – архонта Гюгиэнонта, причисляемого к боспорским династам. Когда в 1916 г. при чествовании А.В.Орешникова по случаю празднования тридцатилетия его научной деятельности был изготовлен (по заказу Чижова) золотой жетон-брелок с изображением статера Гюгиэнонта, надписи на котором были заменены монограммой юбиляра и тремя деками (знак десятка), то сам он об этом брелочке писал следующее: «Загадкой для меня представляется брелок. Он воспроизводит монету неизвестного в литературе воспорского династа, имя которого мы узнаем из надписи. Вместо надписи видим монограмму моего имени и 3 деки!! Мысль с точки зрения нумизмата крайне неудачная» (заметка А.В.Орешникова «Плакетка и брелок, подаренные мне») [Луппол, 1955, с.32]. Как видно, отнесение А.В.Орешниковым Гюгиэнонта к «воспорским династам» считалось им доказанным, а в подмене имени архонта на брелочке не случайно ощущался элемент иронии по отношению к его изысканиям (один из двух известных ему статеров оказался фальшивым). Значительно позже обнаружилась серебряная драхма того же архонта, которую В.А.Анохин датировал как и статер ок. 215-205 гг. до н.э. [Анохин, 2011, №№ 1275, 1276]. И на статере, и на драхме Гюгиэнонта в левой стороне поля реверса находится монограмма, состоящая из букв «дельты» и «эты».

Монограмма широко распространена в нумизматике античного мира, где могла иметь конкретное значение, связанное с теофорным именем Деметрия, а в посвячительных граффити – с Деметрой. На золотых и серебряных монетах Александра Македонского наряду с другими встречается монограмма (Рис. 1, 1), в которой можно усматривать имя Деметрия I Полиоркета, принявшего царский титул вместе с отцом Антигоном I Одноглазым, полководцем Александра Великого. Биографию и античную историографию Деметрия Полиоркета см.: [Талах, 2013]. Как известно, в сражении под Амфиполем Деметрий разбил Лисимаха, сподвижника Александра Великого, диадоха, правителя и царя Фракии, и если бы Пирр не пришел ему на помощь, судьба царства Лисимаха была бы иной. Но в 281 году до н. э. Лисимах погибает в битве с Селевком при Курупедионе (Лидия) – последнем из сражений между диадохами. Это в

значительной степени определило всю дальнейшую роль Селевкидов в главенстве над ранее подчиненными Лисимаху территориями, в том числе и Боспором. Вопрос отражения в нумизматике роли Селевкидов для ранней истории Боспора сравнительно недавно был поднят в трудах В.А.Анохина [Анохин, 2011, с. 174-181], но остался недостаточно изученным; решение его не доведено до конца в связи со смертью ученого (2019 г.). Отчасти освещаются связи династии Митридатидов с Селевкидами (Известно, что Митридат II был женат на селевкидской цесаревне [Polib., V, 43] и др.).

Монограмма в монетном поле на золотом статере Гюгиэнонта (Рис. 1, 2) и серебряной драхме по аналогии со статерами архонта Асандра (Рис. 1, 3-5) должна относиться к царю, ставленником которого являлся архонт Гюгиэнонт. Хорошо известно, что Асандр был поставлен Фарнаком над Боспором в качестве архонта, чему соответствует и выпуск им монет с 1-го по 4-й гг. архонства, но начиная уже с 4-го и до последнего 29-го гг. на своих статерах он именуется царем. На статерах первых двух годов его архонства слева от фигуры Nike находится буква Ф, безоговорочно принимаемая исследователями как инициальная буква имени Фарнака, и монограмма АРТ, очевидно, принадлежащая Артавазду II (55-34 гг. до н.э.). Буквы Ф нет на фальшивых статерах первого года архонства Асандра, известных в не меньшем числе экземпляров, чем подлинные, и появившихся в конце XIX в. На них же искажена по небрежности фальшивомонетчика монограмма АРТ под венком Nike: буква «тау» соединяется горизонтальной гостой с центром дуги «ро». Прямая аналогия использованию монограмм на монетах архонтов не может рассматриваться в схожем значении с монограммами на статерах и меди Боспора римского времени (ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΒΑΕ, ΒΑΜ, ΒΑΡ и др.), особенность предназначения которых и связь с римской традицией отмечалась еще А.Л.Бертье-Делагардом. Местоположение монограммы в левой части поля монет Гюгиэнонта является главным обоснованием сходства ее по значению с начальной буквой имени Фарнака и монограммой АРТ на монетах архонта Асандра. Монограмма , обозначавшая Деметру или теофорное имя находится на уникальном статере царя Асандра под обрезом на его оборотной стороне [Анохин, 2011, № 1318], но, как и под тронем статеров лисимаховского типа, так и под обрезом обычно располагаются обозначения монетного двора – города. На статере Гюгиэнонта (под тронем) и его драхме (под обрезом) находится монограмма ПА, расшифровываемая в название Пантикапея.

Можно предположить, что монограммы имени Деметрий на статере и драхме Гюгиэнонта принадлежали одному из двух одноименных царей Сирии.

1. Деметрий I Сотер (Δημήτριος Σωτήρ, «спаситель») – царь Сирии (162 – 150 гг. до н. э.) из династии Селевкидов. Сын Селевка IV Филопатора. В 160 г. до н. э. распространил свою власть на Вавилонию, присоединив ее на некоторое время к державе Селевкидов.

2. Деметрий II Никатор (Δημήτριος Νικάτωρ, «победитель») – царь Сирии (146 – 139, 129 – 126 гг. до н. э.) из династии Селевкидов, второй сын Деметрия I Сотера.

На серебряной тетрадрахме Деметрия Никатора (Рис. 1, б) в поле оборотной стороны слева от фигуры Зевса-Никефора изображена монограмма , а над рукой – дополняющая надпись строка «бога» перед дарованным городом вместе с обожествлением титулом «Никатора». Специфика этого датированного выпуска (187г. местной эры) позволяет предполагать, что монограмма имени Деметрий на тетрадрахме принадлежит тому же Деметрию Никатору, чье имя сообщается надписью в родительном падеже, то есть, как имя эмитента. Имя какого-то другого Деметрия на монете Деметрия Никатора едва ли могло быть понятным как таковое и современниками, а принадлежность монограммы богине Деметре исключает отсутствие там же ее изображений. Таким образом, монета прокламирует монограмму как официальный символ Деметрия Никатора. Примеры помещения на монетах рядом с именами правителей также и их символов известны в античной нумизматике.

Возвращаясь к монограмме на монетах архонта Гюгиэнонта, заметим, что конкретизировать ее без обстоятельного исследования истории Боспора II в до н.э. и эпизодического правления боспорского архонта по независимым от приводимых обоснований источникам представляется преждевременным. Можно заключить, что правление архонта Гюгиэнонта, поставленного над Боспором кем-то из Селевкидов-Деметриев, приходилось на 162-126 гг. до н.э., что на настоящее время является хотя и еще далекой от конкретности, но нумизматически аргументированной датировкой.

Возможно, с одним из тех же царей-Селевкидов связан выпуск лишенных этника серебряных монет с именем ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, относимых В.А.Анохиным на основании сходства монетного типа оборотной стороны с херсонесским к этому городу и датироваемых им 100-90 гг. до н. э. [Анохин, 1977, с. 147, табл. XII, 191] или ок. 90-80 гг. до н. э. [Анохин, 2011, № 817], но находимых пока только на Боспоре.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: Стилос, 2011. 328 с.

Бертье-Делагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД, т. XXIX. Одесса, 1911. С. 117-232.

Зограф А. Н. Античные монеты / МИА. 16. М.-Л., 1951. 264 с.

Луппол А. Н. Плакета в честь А.В.Орешникова // Нумизматический сборник. Ч. I / Труды Государственного исторического музея. Ч. I. Вып. XXV. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1955. С. 24-33.

Талах В. Н. Все, что ни пожелает царь Деметрий. К.: Видавець Куприенко, 2013. 229 с. <https://kuprienko.info/talakh-v-n-demetrius/>

Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // Нумизматический сборник. Т. II. М., 1913. С. 1-36.

СМЕКАЛОВА Т.Н.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖЕВАНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО С ПОМОЩЬЮ АРХИВНЫХ АЭРОФОТОГРАФИЙ И КОСМИЧЕСКИХ СНИМКОВ. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ¹

Детальный анализ богатейшего документального источника – коллекции немецких трофейных аэрофотоснимков Luftwaffe 1941–1944 гг., хранящейся в Национальном архиве США, дал новый импульс в изучении античной системы размежевания ближней хоры Херсонеса Таврического. Особое значение этих высококачественных крупномасштабных аэрофотографий заключается в том, что к началу Великой Отечественной войны территория Гераклеяского полуострова были еще не застроена, поэтому структура античного межевания выступает на снимках неповрежденной и со всеми подробностями.

Важную роль для реконструкции херсонесской хоры имеет также полученный из ресурса Национальной геологической службы США космический снимок 1966 г. В то время еще было около 47 практически полностью сохранившихся блоков, что составляло 1/6 часть от общего числа участков (408), а более 150 блоков имели сохранность границ выше 50% [Терёхин, Смекалова, 2018]. Достаточно сказать, что к настоящему времени не осталось ни одного блока, сохранившегося полностью, а наполовину сохранилось всего четыре блока!

Основные принципы и модули херсонесского межевания. Гекаторюг и арура.

Использование аэрофотографий 1941-1944 гг., собранных в геореферированную мозаику, дало возможность измерить точные размеры

¹ Работа написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00134-а «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».

Рис. 1. 1 – золотой статер Александра Македонского с монограммой (имени Деметрия Полиоркета); 2 – золотой статер архонта Гюгиэнонта с монограммами и ПА; 3-5 – статеры первого (3-4) и второго (5) годов правления архонта Асадра с изображением начальной буквы имени понтийского царя Фарнака слева от фигуры Нике; 6 – тетрадрахма царя Деметрия Никатора, правившего в Сирии в 145-141 и 129-126 гг. до н.э.

блоков и основных структурообразующих модулей и доказать, что единицей измерения площадей на хоре Херсонеса являлась арура, равная квадрату со стороной в 100 египетских локтей, или 52,35x52,35 м, а гражданским наделом был гекаторюг², квадрат со стороной в 100 оргий (209,4x209,4 м) площадью 4,385 га (рис. 1, а, г) [Смекалова, Терёхин, Пасуманский, 2018, с. 315-321]. Гекаторюг был равен 16 арурам. Оба вида основных земельных модулей графически четко просматриваются на местности, а также и на архивных аэрофотоснимках всех блоков участков, разделенных как на крупные квадраты (гекаторюги), так и на мелкие парцеллы (аруры). Именно повсеместное визуальное присутствие этих двух квадратов на хоре является, на наш взгляд, главным доказательством того, что именно гекаторюги и аруры являются основными модулями при построении херсонесской межевой системы.

По собранной нами мозаике аэрофотоснимков удалось также построить привязанную к местности сетку четырех- и шести-гекаторюговых блоков участков, разделенных дорогами. Анализ взаимного расположения элементов этой сетки позволил определить последовательность освоения и размежевания территории Гераклеяского п-ва [Смекалова, Терёхин, Пасуманский, 2018, с. 312-314].

Изучение внутреннего межевания блоков по аэрофотографиям 1941-1944 гг. дало возможность проследить динамику изменения внутреннего деления блоков от единичного гражданского надела (гекаторюга) к крупным землевладениям, иногда достигающих и даже превышающих размеры целого блока [там же, с. 321-324]. Действительно, только на архивных аэрофотографиях, сделанных еще до широкого военно-хозяйственного освоения Гераклеяского п-ва, можно заметить все произошедшие перепланировки земельных участков, новые и старые границы которых проступают на снимках с воздуха как в виде четких, резких, так и слабых, расплывчатых линий, не видимых при наземных наблюдениях.

Новое прочтение числовых значений в надписи IOSPE. I². 403

Совместное изучение известной херсонесской надписи IOSPE. I². 403 с дополнениями, а также фрагмента аналогичной надписи, выбитой на другом камне [Соломоник, Николаенко, 1990] и архивных аэрофотоснимков дало основание вернуться к расшифровке численных значений площадей участков, приведенных в этих документах и предложить их но-

² Гекаторюг- галаксный термин, дважды встречающийся в херсонесской надписи IOSPE. I². 403.

вое прочтение [Смекалова, 2019, Приложение]. При этом удалось доказать, что для подсчета площадей неправильных по форме, в основном, краевых, участков использовались не только гекаторюг и арура, но и в 16 раз меньшая, чем арура, единица – плантажный ряд, равный полоске земли шириной примерно 10 футов (3,27 м) и длиной в 100 локтей (52,35 м) (рис. 1, г) [Смекалова, 2018]. Ключ к отысканию этой, наименьшей единицы измерения площадей участков, явился тот факт, что в обеих исследуемых надписях (основной и небольшом фрагменте, выбитом на другом камне), величина площади, выраженная этими, наиболее мелкими единицами, никогда не превышает числа 15. Это может означать только то, что искомая единица является шестнадцатой долей аруры. Действительно, как только число, выраженное этими единицами, превышает 16, оно автоматически переходит в 1 аруру и обозначается уже знаками, соответствующими арурам.

Стандартизация в устройстве виноградных плантажей на хоре Херсонеса

В определения того, чем именно была представлена на хоре Херсонеса эта шестнадцатая доля аруры, обратимся снова к анализу аэрофотоснимков 1941-44 гг., так как все земельные модули обязательно должны иметь визуальное отражение в структуре размежеванной территории. Таким элементом внутреннего межевания являются виноградные плантажи в виде частых и редких каменных стенок, занимающих иногда почти всю территорию блоков участков. Эти сплошные виноградники фиксируются в основном в северной и северо-западной частях хоры.

При изучении аэрофотоснимков был сделан важный вывод о строгой стандартизации в строительстве виноградного плантажа на хоре Херсонеса. Во всех случаях, где присутствует плантаж в виде часто идущих каменных стенок, число таких стенок на одну аруру всегда составляет 16 (рис. 1, в). Данная константа строго выдерживается и там, где был устроен более редкий плантаж: его стенки идут через одну стандартную полосу, через две, три, или даже через четыре стандартных полосы (рис. 1, б). Расстояние между плантажными стенами неизменно кратно найденной нами константе – единичному плантажному ряду.

Эта величина соблюдается не только на ближней, но и на дальней хоре Херсонеса. Она входит, таким образом, в круг важнейших постоянных для системы межевания Херсонеса, наряду с гекаторюгом и арурой (рис. 1, г). Поэтому мы вправе считать плантажный ряд, равный 1/16

аруры, содержащий один ряд виноградника с одной плантажной стеной, наиболее мелкой единицей деления виноградников на хоре Херсонеса. Площадь плантажного ряда составляет 171,19 кв. м или 0,0171 га [Смекалова, 2018].

Надпись IOSPE. I². 403 с дополнениями - кадастр Херсонеса Таврического

В результате проведенного сравнительного анализа надписи IOSPE. I². 403 с дополнениями и аналогичной надписи, выбитой на другом камне, с одной стороны, и схемы межевания, построенной по архивным аэрофотографиям, с другой, удастся интерпретировать указанные лапидарные памятники как часть земельного кадастра Херсонеса Таврического начала III в. до н.э. Показано, что в надписях последовательно приводятся имена владельцев и величины площадей их участков, расположенных в северной приморской части Гераклеяского п-ва, с юга ограниченной Большой Херсонесской дорогой. Перечисление ведется, начиная от стен Херсонеса и заканчивая Маячным полуостровом включительно (рис. 2). Именно здесь, как можно убедиться по аэрофотоснимкам, располагались обширные виноградники, занимающие, подчас, большую часть блоков участков. Следовательно, мы теперь можем называть указанную надпись не актом о продаже или аренды земли, а кадастром Херсонеса Таврического.

Подобная перепись участков, очевидно, потребовалась тогда, когда прежнее деление на равные наделы-гекаторюги полностью устарело, и дифференциация участков, с одной стороны, и нужда в дополнительных средствах, с другой, потребовала от государства введения поземельного налога согласно величине участка. Возросшие по площади участки граждан, как мы видим из надписи, теперь уже часто располагаются в разных блоках.

Создание кадастра, вероятно, имело целью, прежде всего, упорядочение налогообложения доходной винодельческой отрасли, в период наивысшего подъема товарного производства вина на херсонесской хоре.

Роль Херсонесского полиса в освоении земель дальней хоры в Северо-Западном Крыму

Археологические данные доказывают, что по всей территории Херсонесского государства, как на ближней (не Гераклеяском п-ве), так и на дальней его хоре (в Северо-Западном Крыму), принципы наделения граждан землей были одними и теми же [Смекалова, Кутайсов, 2018]. Несмотря на то, что земельный фонд в Северо-Западном Крыму, по срав-

нению с территорией Гераклеяского п-ва был значительно обширнее, количество выделяемой колонисту земли на дальней хоре было строго регламентировано и не превышало величины участка на ближней хоре Херсонеса. При размежевании участков в Северо-Западном Крыму использовались те же стандартные модули, что и на Гераклеяском п-ве – арура и плантажный ряд, а единичным гражданским наделом был гекаторюг [Смекалова, 2013; Смекалова, Кутайсов, 2014; Smekalova, Bevan, Garipov, Chudin 2016]. Этот факт говорит о том, что по всей территории Херсонесского государства, как на «ближней», так и на «дальней» его хоре, принципы наделения граждан землей были одними и теми же. Высокий уровень стандартизации в структуре и размерах земельных наделов на ближней и дальней хоре Херсонеса, определяли устойчивость полисной системы. Равновесие в социально-экономической сфере приводило и к сбалансированности демократической структуры государства. Однако, для ее поддержания, как говорят первые строки херсонесской присяги, требовались известные усилия, поскольку находились силы, стремящиеся нарушить общественные устои.

Экономика Херсонесского государства базировалась на полисной земельной собственности, что являлось основой античной гражданской общины. Равенство величин гражданских земельных наделов в различных частях херсонесского государства позволяет сделать выводы о единой экономической политике государства по отношению к различными категориями граждан. На усадьбы в херсонесском полисе была возложена основная производственная функция. Серия усадеб, построенных на ближней и дальней хоре, составляли экономическую систему государства. Усадьбы служили для организации и управления всем экономическим циклом – от выращивания сельскохозяйственных культур, сбора и краткосрочного или долговременного хранения урожая, до переработки продукции и транспортировки ее в Херсонес.

Если производственную функцию выполняли усадьбы и малые города, рассеянные по ближней и дальней хоре, то функция распределения оставалась за херсонесским полисом, о чем однозначно свидетельствуют строки присяги, гласящие что граждане «клянутся не вывозить хлеб с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес». Таким образом, усадьбы и их земельные наделы служили для поддержания жизнеспособности полисной системы, и, конкретно, Херсонеса.

ЛИТЕРАТУРА

Е. 1822. (Архиепископ Евгений (Болховитинов)). О следах древнегреческого города Херсона, донныне видимых в Крыму. Отечественные записки (IX), № 22.

Смекалова Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2019. №1 (в печати).

Смекалова Т.Н. К херсонесской надписи (IOSPE. I². 403). Материалы конференции «Боспорский феномен», ноябрь 2018 г., СПб. 2018. Т. 2, 90-98.

Смекалова Т.Н. Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат с северо-западном Крыму // ВДИ, 2013, № 2, с. 127-147.

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования. ВДИ. 2018. № 2, 306-332.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А., Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. Материалы к археологической карте Крыма, вып. 18. Санкт-Петербург, «Алетейя». 2017. 448 с.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Два новых античных виноградника в северо-западном Крыму // ВДИ. 2014. № 2. 54-78

Соломоник Э.И., Николаенко, Г.М. 1990. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE I², 403). ВДИ. 1990. № 2, 79–99.

Терехин, Э.А., Смекалова Т.Н. Изучение античной системы размежевания земель Херсонеса Таврического с применением данных дистанционного зондирования. Боспорские Исследования. Т. 37, 87-102.

Smekalova T. N., B.W. Bevan, A.V. Chudin, A.S. Garipov. The discovery of an ancient Greek vineyard. Archaeological Prospecting. 2016. 23, 1, 15-26.

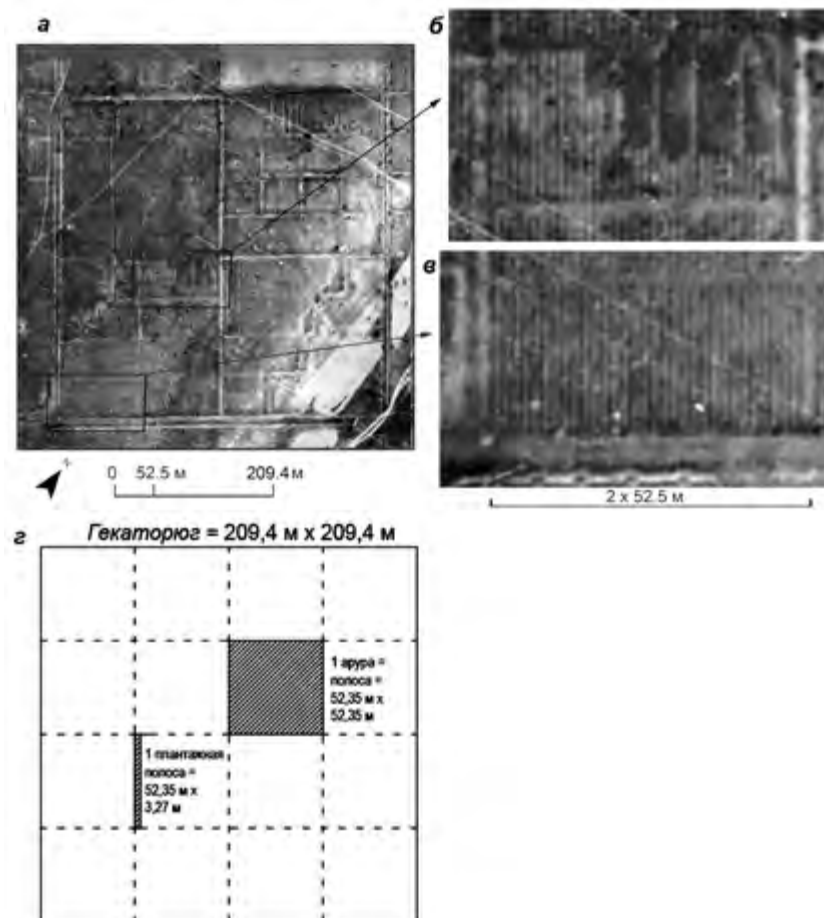

Рис. 1. а) – Внутреннее межевание на блоке № 23, аэрофотоснимок, сделанный 21 мая 1941 г. (Из собрания NARA, 1348/29); б) – частый плантаж и редкий плантаж «через три стенки» и «через четыре стенки»; в) – частый плантаж в двух нижних арурах; г) – основные модули херсонесского межевания: гекаторюг, арура и плантажный ряд

СМЕКАЛОВА Т.Н., ДЕБАЕВ А.С., СМОКОТИНА А.В.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь;
ИАК РАН, Симферополь;
КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ИТОГИ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА КИММЕРИК¹

Мыс Опук расположен на южном побережье Керченского полуострова, выступая в акваторию Черного моря наряду с мысами Чауда, Карангат, Кыз-Аул и Такиль, разделенными небольшими мелководными бухтами. Наиболее значительной возвышенностью в этой части Крыма является гора Опук (183,7 м над уровнем моря), в окрестностях которой находятся археологические памятники различных эпох – от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Локализация древнего Киммерика, о существовании которого нам сообщают ещё Клавдей Птолемей (Ptol. III, 6, 5) и перипл Псевдо-Арриана, на западном склоне горы Опук была впервые осуществлена Петром Симоном Палласом (1741 – 1811 гг.) [Голенко, 2006, с. 50-51]. П.А. Дюбрюкс в 1817-1830 гг. разграничил городище на западном склоне горы Опук (городище Киммерик) и «акрополь» на вершине этой горы, считая их разными строительно-архитектурными комплексами. Порт города Киммерика Дюбрюкс помещал в бухте с восточной стороны крепости – т.н. Баклянья бухта. Локализация портовой части Киммерика и поныне остается спорной. План городища Киммерик на западном склоне, более схематичный, был составлен также И.П. Бларамбергом [Бларамберг, 1848; Тункина, 2002, рис. 8]. Ему же принадлежит и полный план горы Опук с нанесенными на него оборонительными сооружениями. Этот план позже переиздавался Ю.Ю. Марти [Марти, 1928, с. 8-9] и И.Т. Кругликовой [Кругликова, 1958, с. 223]. Значительные топографические изыскания на Опук проводились в

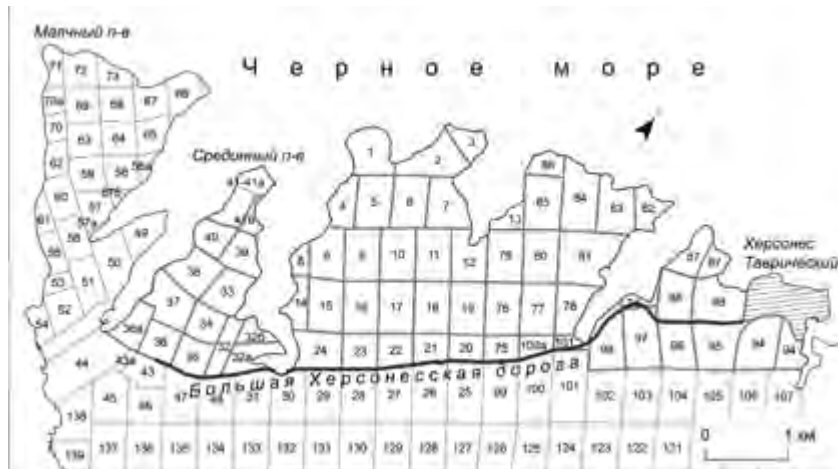

Рис. 2. Схема межевания северной приморской части Гераклейского п-ва по данным архивной аэрофотосъемки 1940-х годов

¹ Работы проводились при финансовой поддержке гранта РФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

1852 г., когда подполковником Рябовым был выполнен план горы Опук и расположенных на ней объектов (хранится в ИИМК РАН).

В 1947-1951 гг. на Киммерике были проведены исследования Киммерикской экспедиции, организованной Керченским музеем совместно с ИИМК АН СССР под руководством И.Б. Зеест. В экспедиции принимали участие И.Т. Кругликова, Д.Б. Шелов и А.К. Коровина. И.Б. Зеест было определено, что наиболее ранние материалы с городища относятся к IV в. до н.э.; в I в.н.э. город был укреплен системой оборонительных сооружений и просуществовал до III-IV вв.н.э. Гавань города И.Б. Зеест предположительно поместила в Кояшском озере. Раскопки 1949-1950 гг. выявили на «Змеином» холме остатки жилого и хозяйственного комплекса II-III вв.н.э. [Зеест, 1949; Кругликова, 1958].

В 1950-1951 гг. Киммерикской экспедицией под руководством И.Т. Кругликовой у берегового обрыва восточнее «Змеиного» холма был вскрыт разрушенный береговой абразией комплекс из нескольких помещений I-II вв.н.э. и несколько крупных хозяйственных ям. Под эллинистическим слоем были выявлены фрагменты сосудов «катакомбного облика», кремневые отщепы и пр. материал эпохи поздней бронзы [Кругликова, 1958, с. 231-234]. На ЮВ склоне горы Опук обнаружены раннегреческие (VI – начало IV вв. до н.э.) культурные напластования – поселение «Холм А».

Детальные археологические разведки на г. Опук проводились в 1996-2007 г. Южно-Боспорской экспедицией ИА АН СССР, затем Крымского филиала ИА НАНУ под руководством В.К. Голенко [Клюкин, Голенко, 2006; Голенко, 2006]. В том числе, топографом В.В. Семеновым была сделана детальная геодезическая съемка на городище Киммерик.

С 2011 г. работы Южно-Боспорской экспедиции КФ ИА НАНУ на г. Опук были возобновлены под руководством В.И. Мордвинцевой. В 2012 г. разведочными шурфами были выявлены геоморфологические особенности залегания культурного слоя на различных участках г. Опук. В 2013 г. раскопочные работы были сосредоточены на верхнем плато горы Опук.

В 2015 г. начались планомерные геофизические и геодезические работы на г. Опук, осуществляемые отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма под руководством Т.Н. Смекаловой (КФУ им. В.И. Вернадского)². В 2015-2017 гг. с помощью магнитной съемки удалось впервые выявить ранние культурные напластования на верхнем плато г.

² В составе участников экспедиции: сотрудники отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского: д.и.н. Т.Н. Смекалова, А.В. Антипенко, И.А.

Опук, относящиеся к эпохе поздней бронзы, позднеклассическому и раннеэллинистическому времени [Мордвинцева, Смекалова, Деваев, 2018].

В 2018 г. была проведена магнитная съемка античного городища Киммерик. Общая площадь магнитной съемки составила 5,25 га; она охватила большую часть городища. Целью этих исследований было определение пространственно-хронологической структуры, границ культурного слоя, и выявление различных археологических объектов на его территории. Магнитная съемка проводилась с использованием четырехдатчикового и двухдатчикового магнитометров «GSM-19WG» производства канадской фирмы «GEM Systems». Датчики четырехдатчиковой системы располагались с интервалом 0,5 м на немагнитной тележке производства американской фирмы «Geometrics». Геодезическая съемка проводилась с использованием дифференциального GPS приемника Trimble R8, который позволяет измерять координаты точек в глобальных координатах (использовалась система СК-63) с высокой точностью (около 0,003 м).

По данным геофизической съемки была построена магнитная карта (рис. 1), на основании которой сделаны выводы о распространении культурного слоя и наличии аномальных зон, соответствующих археологическим структурам.

По результатам интерпретации магнитной карты были заложены 9 шурфов в разных частях городища Киммерик (рис. 2).

В результате удалось сделать следующие выводы.

1. Сплошная застройка и непрерывный культурный слой фиксируется только в южной прибрежной части от склона основного хребта на востоке до «Змеиного» холма и западного спуска на песчаный пляж. Здесь магнитная съемка выявила каменную застройку прямоугольными зданиями (вдоль обрывов), возможно, полуземлянки, зольник (шурф 1), крупное зернохранилище, находящееся в долине между прибрежной частью и центральным холмом. Многочисленный керамический материал из шурфа 1, заложенном на интенсивной и обширной положительной магнитной аномалии, датируется I-IV вв. н.э. Вероятно, здесь находился зольник, относящийся к каменному дому, располагающемуся к югу, у берегового обрыва.

2. На вершине центрального холма, где многие исследователи помещали «акрополь» Киммерика, не выявлено следов оборонитель-

Живанюк, А.Н. Гаврилюк, С.К. Фридрихсон; сотрудник ИАК РАН Д.С. Деваев. Определение керамики проводились к.и.н. А.В. Смокотинной (НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского).

ных сооружений и культурного слоя. Поэтому необходимо отвергнуть бытовавшую более 200 лет гипотезу П.А. Дюбрюкса, что на центральном холме мог находиться акрополь античного поселения. Культурный слой глубиной более 2 м был выявлен только в нижней части южного склона на месте интенсивной положительной аномалии (шурф 9).

Здесь, в шурфе 9, был обнаружен многочисленный амфорный материал, а также фрагменты кружалной и лепной керамики, суммарно датирующиеся I-IV вв. н.э.

3. В ложбине между центральным холмом и восточным хребтом были выявлены слабые локальные положительные аномалии, которые могут быть остатками заглубленных в землю жилищ поселения бронзового века. Заложённый на месте одной из аномалий шурф 2, однако, выявил только немногочисленные обломки амфор и столовой посуды II-III вв. н.э., а также крупный фрагмент фляги IX – XII вв. н.э. Не исключено, что эти находки носят натечный характер, так как шурф располагался внизу склона восточного хребта. Вопрос о нахождении здесь поселения бронзового века остается открытым, он требует дальнейших раскопок по данным магнитной съемки.

4. На северной окраине поселения, к северу от центрального холма было обнаружено несколько локальных положительных аномалий, трактованных нами как хозяйственные ямы или скопления керамики. Для проверки этих возможных археологических объектов были заложены шурфы 3-6. Шурфы 3 и 6, заложённые на вершине локальной холмистой гряды дали очень многочисленные керамический материал, в основном, фрагменты краснолаковых мисок (понтийской сигилляты) I-III вв. н.э., обломки амфор I-IV вв. н.э. В верхних слоях встречен многочисленный керамический материал VIII-IX и IX-XI вв. Вероятно, в этом районе было небольшое позднеантичное, а затем, раннесредневековое поселение. Шурф 4, в основном, дал материал II-IV вв. н.э.

Шурф 5, разбитый на месте одной из 8 локальных положительных аномалий, выстроившихся в ряд, содержал единичный обломок эллинистической боспорской черепицы (калиптера) IV-II вв. до н.э. В основном, материал датировался IV-VI, а также IX-XI и XIII-XIV.

Шурф 7, разбитый на террасе с западной стороны центрального холма, дал материал эллинистического времени IV-III вв. до н.э., а в верхних слоях I-IV и XII-XIV вв. н.э.

Таким образом, в результате проведенной геофизической съемки методом магниторазведки и целенаправленной шурфовки, впервые удалось доказать, что центральный холм не являлся акрополем Киммерика.

Поселение бронзового века, вероятно, находилось в долине между центральным холмом и западным хребтом. Эллинистический материал встречен в шурфах с западной стороны от центрального холма.

Сплошная застройка, с каменными домами прямоугольной формы I-IV вв. н.э. фиксируется только в южной прибрежной части. В ложбине между «Змеиным» и центральным холмами находилось очень крупное зернохранилище. Поселение этого времени занимало площадь около 2 га.

К северу от центрального холма на прилежащих холмистых грядках и в небольших понижениях располагалось позднеантичное и раннесредневековое поселения.

ЛИТЕРАТУРА

Бларамберг И.П. Замечания и некоторые места древней географии Тавриды. Записки Одесского Общества истории древностей. Т. 2. Одесса, 1848.

Голенко В.К., Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006.

Зеест И.Б. Раскопки Киммерика в 1947-1948 гг. // Вестник древней истории 3, 1949.

Клюкин А.А., Голенко В.К. Геоморфология горы Опук // Голенко В.К., Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2006.

Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947 – 1951 гг. // В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович (ред.) Боспорские города II. Работы Боспорской экспедиции 1946-1953 гг. МИА 85. М. – Л., 1958.

Мартин Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра). ИТОАЭ 2(59), 1928.

Мордвинцева В. И., Смекалова Т. Н., Деваев А. С. Исследования городища на верхнем плато г. Опук в 2017 г. Боспор Киммерийский и варварский мир. Традиции и инновации. Боспорские Чтения XIX, Керчь-Симферополь, 2018, с. 323-327.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). С.-Петербург, 2002.

Рис. 1. Магнитная карта городища Киммерик, полученная в 2018 г., на фоне космического снимка. Светлые области соответствуют отрицательным, а темные — положительным аномалиям

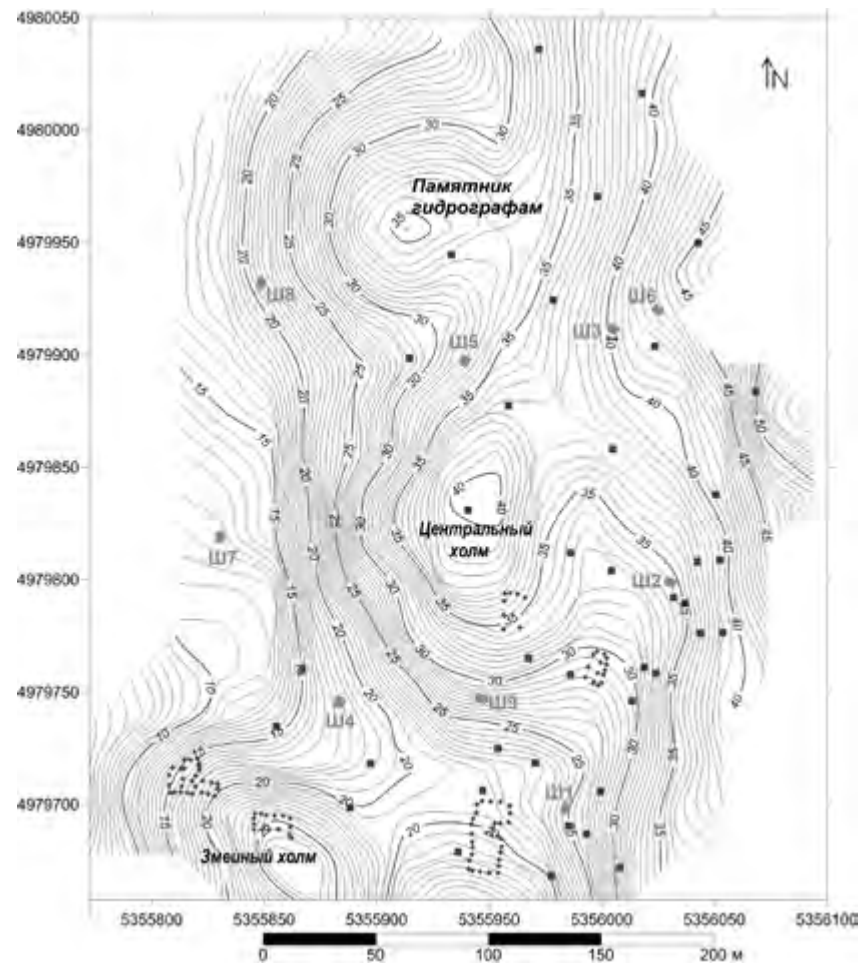

Рис. 2. Топографическая карта городища Киммерик, построенная в точных географических координатах в системе СК-63. Квадратиками и символами «Ш1-9» обозначены проверочные шурфы 1-9, заложенные в 2018 г. Квадратиками отмечены углы участков детальной магнитной съемки. Ромбиками отмечены контуры старых раскопов

СМЕКАЛОВА Т.Н., БЫКОВСКАЯ Н.В.,
БУТЯГИН А.М., ПАСУМАНСКИЙ А.Е.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь;
ВКИЗМЗ, Керчь; Гос. Эрмитаж, С-Петербург;
ООО «Живой Софт», Симферополь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО КРИЗИСА III В. ДО Н.Э.¹

При изучении состава сплава боспорских монет из клада середины III в. до н.э., найденного в 2002 г. на городище Мирмекий (раскопки А.М. Бутягина, место хранения - Керченский музей, состав клада - 722 монеты) удалось получить новые данные о финансово-экономическом кризисе, охватившем в III в. до н.э. многие античные государства Северного Причерноморья. Этот клад детально отразил наиболее важный, переломный, этап денежного кризиса на Боспоре. К моменту тезаврации боспорский рынок был наводнен перечеканенной и вырождающейся медью. Происходит очень быстрая деградация типа «голова сатира - лук и стрела», отразившаяся в небрежности чеканки и редукации веса монет, что подмечали все исследователи монетного дела Боспора (Зограф, 1951; Шелов, 1956; Голенко, 1974; Анохин, 1986 и многие другие). Помимо этого происходит «порча» металла монет большим количеством свинца, добавляемого в монетный сплав для удешевления последнего. Этот факт в общих чертах был нами установлен ранее при исследовании монет из коллекции Государственного Эрмитажа (Смекалова, Дюков, 1998; 2001, с. 49-50).

В результате проведенного нами в 2018 г. массового анализа состава сплава монет из Мирмекийского клада 2002 г., впервые удалось комплексно проанализировать пиковый этап денежного кризиса III в. до н.э. Он проявился в деградации всех характеристик монеты: многократном уменьшении веса монет одного и того же номинала, крайней небрежности чеканки

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке проекта РНФ № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости». Благодарим сотрудника ВКИЗМЗ Нину Михайловну Скорик за помощь в исследовании монет.

изображений, изменении состава сплава монет в сторону ухудшения его качества за счет чрезмерной добавки свинца для удешевления сплава.

Исследовалась репрезентативная выборка из 351 монеты этого клада. В нее вошли монеты трех групп по классификации Н.А. Фроловой (Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006, с. 31-33):

Группа I: начала III в. до н.э. Вес 3,78-7,37 г. Тип «Голова безбородого сатира в венке влево - ПАН, лук и стрела вправо» перечеканенные из типа «голова сатира в венке - голова льва, осетр, ПАН, с надчеканками (рис. 1, 1).

Группа II (подгруппы А и Б): Около 300-275 г. до н.э. Вес 5,06- 7,34 г. (подгруппа А) (рис. 1, 2) и 2,73-4,76 г (подгруппа Б) (рис. 1, 3). Тип тот же, но монеты отчеканены на новых кружках.

Группа III: 275-250 гг. до н.э., Вес 1,16-2,79 г. Деградируемый тип «Голова безбородого сатира в венке влево - ПАН, лук и стрела вправо» (рис. 1, 4).

В результате сопоставления полученных данных по составу сплава с весовыми и визуальными характеристиками монет удалось сделать следующие выводы:

Монеты группы I, перечеканенные на монетах, выпущенных в самом конце IV в. до н.э., с изображениями головы безбородого сатира в плющевом венке, повернутой влево / головы льва, повернутой влево, и осетра внизу чеканены из бронзы, содержащей до 5% свинца (рис. 2, 1). Естественно, что металл перечеканенных монет – тот же, что и оригинальных. Это обычный доброкачественный сплав на медной основе, который повсеместно использовался в античной монетной чеканке для изготовления монет мелких номиналов. Вес монет соответствует номиналу (оболы). Перечеканки выполнены достаточно аккуратно.

Монеты группы II (подгруппа А) биты на новых монетных кружках, которые еще не потеряли в весе (рис. 4, 2). Сплав этой подгруппы еще хорошего качества (содержание свинца в бронзе не превышает 6-7%). Однако монеты подгруппы Б (рис. 4, 3) резко отличаются от предыдущих по содержанию свинца: его уже гораздо больше: 8÷20% и даже 27 %. Таким образом, именно в монетах группы II (подгруппа Б) проявился начальный переход к чеканке из низкосортного сплава, содержащего аномально больше количество свинца, ухудшающего качество сплава. Одновременно с этим почти вдвое падает вес монет.

Свинец как рецептурная примесь обычно добавляется в монетные сплавы для улучшения литейных свойств металла. Однако для достижения этой цели бывает достаточно всего нескольких процентов свинца,

большое же его количество влечет за собой падение качества металла, так как свинец не растворяется в меди и образует глобулы и слои, что вызывает ухудшение фактуры монетного кружка и уменьшение его антикоррозийной стойкости: коррозия идет по границам глобул. Повышенное содержание свинца в монетах, безусловно, отражает кризисные явления и стремление удешевить монетный сплав.

Монеты группы III демонстрируют три очень быстрых процесса деградации монет, идущих параллельно. Монеты этой группы по типу и номиналу остаются прежними, но катастрофически быстро мельчают и ухудшаются по качеству сплава. Происходит резкое уменьшение веса монет; наиболее легкие экземпляры (по-видимому, позднейшие) имеют вес около 1г. Налицо также крайнее ухудшение качества их чеканки (чеканка наспех, скошенный гурт, следы обруба литников). Теперь эти монетки делаются из новых, неряшливо отлитых заготовок, которые содержат в среднем уже не менее 10% свинца, а во многих монетах его содержится более 20% (рис. 4, 4). Некоторые из исследованных монет содержат небольшое количество свинца в своем составе. По-видимому, в переплавку шли все монеты предыдущих выпусков, в том числе и начала III в. до н.э., характеризующиеся «докризисным» содержанием свинца в пределах нескольких процентов.

В качестве причин денежного кризиса исследователи называют спад торговли Боспора зерном, конкуренцию Египта, упадок Афин в III в. до н.э. Все эти события могли быть причинами отсутствия валютных поступлений в казну Пантикапея (Анохин, 1986, с. 55). В III в. до н.э. прекращается чеканка серебряных монет, что, по-видимому, следует связать с нехваткой этого драгоценного металла на Боспоре. Если принять предположение, что для боспорской серебряной чеканки V–IV вв. до н.э. использовалось лаврионское сырье, доставляемое из Афин в обмен на боспорское зерно, то финансовый кризис нужно связать именно с прекращением Афино-Боспорской хлебной торговли.

Наиболее резкие проявления денежного кризиса, по-видимому, надо относить ко второму десятилетию правления Перисада II, т.е. примерно к 275 г. до н.э. (Зограф, 1951, с. 178; Анохин, 1986, с. 50). Войны со скифами, а также междоусобные войны сыновей Перисада, произошедшие в это время, могли привести к быстрому опустошению запасов драгоценных металлов в боспорском государстве, а также к трудностям в доставке монетных сплавов (Шелов, 1956, с. 149, 150), что, вероятно, в свою очередь вызвало острейший финансовый кризис, выйти из которого удалось только при Левконе II во второй половине III в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Иванина О.А., Смекалова Т.Н. 2006. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника (Нумизматическая коллекция. Том I). Мистецтво. Киев. 2006.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Наукова думка. Киев. 1986.
- Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939-1970 гг. // Нумизматика и эпиграфика. 1974. Т. XI.
- Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. Т. 16.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Результаты исследования состава боспорских монет VI–II веков до н.э. из собрания Государственного Эрмитажа // Древности Боспора. 1998. Т. 1.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. Изд-во СПбГУ. СПб. 2001.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II в.в. до нашей эры. Изд-во АН СССР. М. 1956.

Рис. 1. Монеты Боспора времени кризиса III в. до н.э. 1 - монета Группы I: начала III в. до н.э. Инв. № КН156231/12, вес 5,09 г; 2 - монета Группы II (подгруппа А): Около 300-275 г. до н.э. Инв. № КН156231/393, вес 5,40 г; 3 - монета Группы II (подгруппа Б): Около 300-275 г. до н.э. Инв. № КН156231/168, вес 2,91 г; 4 - монета Группы III: 275-250 гг. до н.э. Инв. № КН156231/247, вес 1,88 г.

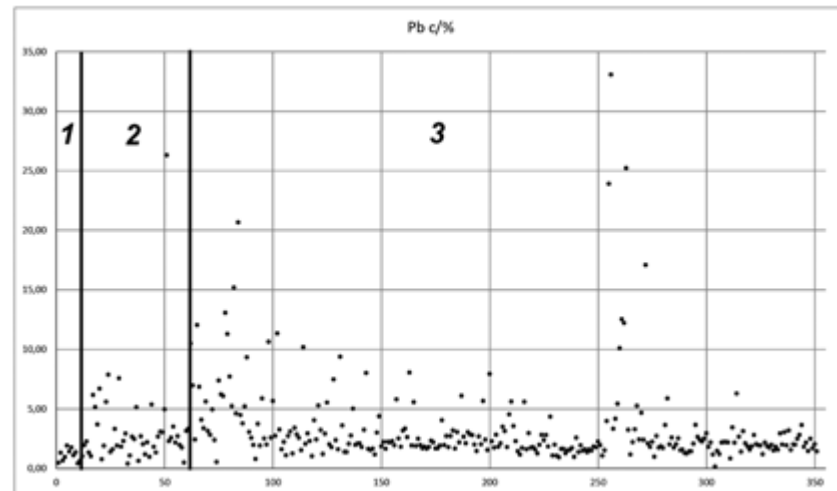

Рис. 2. График зависимости содержания свинца в сплаве монет эпохи денежного кризиса в зависимости от времени их выпуска. 1 - монеты Группы I: начала III в. до н.э.; 2 - монеты Группы II (подгруппы А и Б): Около 300-275 г. до н.э.; 3 - монеты Группы III: 275-250 гг. до н.э.

СМЕКАЛОВА Т.Н., КАШУБА М.Т.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь;
ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ¹

Применение дистанционных и геофизических методов открывает новые возможности в изучении поселений позднего бронзового века Северо-Западного Крыма. Анализ космических снимков в сочетании с последующей магнитной съемкой позволил в последнее десятилетие открыть многочисленные поселения этого времени с ранее неизвестными двойными каменными конструкциями овальной формы с наибольшим диаметром до 50 м [Смекалова 2018а, б]. На некотором отдалении (до 100 м) от этих конструкций обнаружены жилища в виде углубленных котлованов со стенами из плит, поставленных на ребро. Каменные двойные ограды позднего бронзового века могут интерпретироваться как «загоны» для скота (см. ниже).

В Северо-Западном Крыму памятники позднего бронзового века исследовались В. А. Колотухиным, который соотнес их с сабашиновской и белозерской культурами [1990, 2000, 2003]. Он составил карту памятников региона и провел раскопки на отдельных из них, расположенных на северо-восточном побережье Тарханкутского полуострова. На раскопанных поселениях зафиксированы до 10 помещений в виде неглубоких прямоугольных котлованов со стенами (длиной от 4 до 8 м), облицованными плоскими, стоявшими на ребре камнями [Колотухин, 2003, 102–114]. В помещениях находились очаги, зольные ямы и несколько хозяйственных ям. В песчаных полах выявлены идущие по оси помещения

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ-КОМФИ, проект № 18-00-00486 «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

столбовые ямки от опор, поддерживающих двускатную кровлю [Там же, 115]. Поселение Бурун-Эли В. А. Колотухин отнес к развитому этапу сабашиновской культуры, с нижней датой — вторая половина XIV в. до н.э., а поселение Бай-Кият отнес к белозерской культуре, определив время его существования XII–XI вв. до н.э. [Колотухин, 1990, 139; 1997, 151–153; 2000, 526–553; 2003, 56].

Материалы раскопок В. А. Колотухина в Северо-Западном Крыму рассмотрены Г. Н. Тоцевым в обобщающей монографии [Тоцев, 2007, 187 сл.]. Он отметил важность проведенных работ, так как в Крыму на тот момент большими площадями были исследованы всего несколько поселений, среди которых Бурун-Эли (1300 кв. м) и Бай-Кият (2100 кв. м). Г. Н. Тоцев провел сравнительный анализ материалов поселений из Северо-Западного Крыма с другими памятниками позднего бронзового века полуострова. Он отметил, как и авторы раскопок, длительный период существования многих поселений [Там же], поэтому периодизация финала эпохи бронзы, как и особенности перехода от эпохи бронзы к железному веку остаются одной из важных исследовательских проблем в археологическом изучении Крыма.

Начиная с 2007 г. в Северо-Западном Крыму проводятся разведки под руководством Т. Н. Смекаловой. Была применена комплексная методика, благодаря которой открыты и исследованы более 30 новых поселений позднего бронзового века, свидетельствующие о высокой степени заселенности региона в тот период [Смекалова, 2010; Смекалова, Кутайсов, 2017; Смекалова 2018 а, б].

Поселения позднего бронзового века, как и сменившие их поселения раннего железного века, занимают особую ландшафтную нишу, располагаясь на мысах между двумя сходящимися балками или на их берегах [Смекалова, Кутайсов, 2017, 93–94]. Такой выбор местоположения поселений объясняется возможностью наиболее эффективного использования рельефа местности для укрытия людей и скота от холодных ветров в осенне-зимнее и, особенно, в весеннее время, когда у домашних животных появлялся приплод. Кроме того, данная ландшафтная позиция выгодна в гидрологическом смысле: у дна глубоких балок, прорезающих многометровую толщу известняков, при помощи колодцев легче достигнуть водонесущий горизонт.

Археологические разведки поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму проводились по мультидисциплинарной методике, сочетавшей дистанционные, геофизические и традиционные

археологические методы. На начальном этапе полевых исследований изучались и анализировались разновременные космические снимки исследуемой площади из интернет-ресурса Google Earth Pro. Большую часть поселений позднего бронзового века удалось выявить на весенних и летних космических снимках по контрастным пятнам растительности, а также по золистому цвету почвы на вспаханных полях. Выявление поселений позднего бронзового века представляет известную сложность, так как каменные сооружения этого времени почти полностью «утоплены» в земле и не видны на поверхности.

Наличие и вероятная планировка того или иного поселения позднего бронзового века распознаются при помощи магнитной и электромагнитной съемок. Такие детальные исследования проводились на участках, выбранных по данным космической съемки, с использованием Оверхаузеровской четырехдатчиковой системы на базе канадского магнитометра GSM-19WG фирмы Gem Systems и электромагнитного измерителя EM38 канадской фирмы Geonix. На магнитных картах жилища позднего бронзового века отражаются в виде положительных аномалий приблизительно прямоугольной формы (заполнение полуземлянок) с отрицательным обрамлением (немагнитные известняковые стены). На картах электрической проводимости, заснятых с помощью EM38, над полуземлянками фиксируются положительные аномалии, так как их заполнение лучше проводит электрический ток, чем вмещающая среда.

Наиболее примечательное, сделанное с помощью магнитной съемки открытие, — это большие двойные каменные «загоны», зафиксированные на многих поселениях позднего бронзового века. К настоящему времени благодаря этим исследованиям в Северо-Западном Крыму выявлено 15 овальных каменных конструкций, размерами 45–50 м, из которых подавляющее большинство — двойные. Факт наличия таких конструкций открывает новые перспективы в исследовании памятников позднего бронзового века в Крыму, так как из-за своих значительных размеров, полной погруженности в землю и задернованности они ранее были неизвестны. Самая северная двойная конструкция обнаружена в балочной системе, впадающей в оз. Бакал, самая южная — в среднем течении Тюменской балки, на северном берегу оз. Сасык-Сиваш (рис 1 а, б).

В качестве примера типичного поселения эпохи поздней бронзы с двойным каменным «загоном» приведем описание поселения Н8 в северной части п-ва Тарханкут. Оно занимает типичную для этих памятников ландшафтную позицию: на мысу между двумя сходящимися ов-

рагами. Здесь с помощью магнитной съемки выявлен крупный двойной «загон», состоящий из каменного круга диаметром около 28 м и примыкающего к нему овала диаметром примерно 45 м (рис. 2, 2). По загонам проходят несколько линейных аномалий — следы границ более поздних пахотных «длинных» полей шириной 17–18 м, обработанных плугом с боковым отвалом. В южной части поселения на магнитной карте фиксируются прямоугольные каменные постройки, отстоящие друг от друга примерно на 50 м, составляющие «жилой квартал» поселения (рис. 2, 1). Общая протяженность поселения вдоль берега балки — не менее 200 м.

На месте стены помещения в жилом комплексе и двойной ограды, выявленных по данным магнитометрии, были заложены проверочные шурфы, давшие керамику позднего бронзового века, фрагменты костей крупного и мелкого рогатого скота (см. Ш1 и Ш2 на рис. 2) [Смекалова, Кутайсов, 2017, 116–117].

Впервые раскопки каменных двойных сооружений, которые, по нашему мнению, являются «загонами», проведены в 2017 г. на поселении Госпиталь II в связи со строительством автотрассы «Таврида» на северной окраине г. Керчь [Бейлин и др. 2018, рис. 3]. На поселении неподалеку от такого объекта зафиксированы несколько прямоугольных наземных жилищ со стенами, сложенными из вертикально стоящих плоских камней, а также заглубленных в землю «убежищ», котлованы которых обложены плоскими плитами [Там же, с. 14, 18–21]. Эти объекты, судя по параметрам и предложенной исследователями датировке, обнаруживают близкое сходство с «загонами» и полуземлянками, открытым в Северо-Западном Крыму.

Не исключено, что части таких объектов («загоны») могли и ранее присутствовать при археологических раскопках, но они оставались нераспознанными, так как масштабы вскрытых площадей не позволяли предложить их интерпретацию. Благодаря магнитной съемке они впервые выявлены как археологические объекты позднего бронзового века. Также, на наш взгляд, имеются близкие этнографические параллели такого рода конструкциям. Так, в Греческой Македонии, в горной стране Пиндос, до сих пор сохранились каменные и деревянные двойные и тройные загоны, служащие для доения овец [Chang, Tourtellotte, 1993, 260]. Подобные загородки с отделениями могли служить также для стрижки овец.

Наличие одинаковых двойных каменных «загонов» на сравнительно большой территории (от окрестностей оз. Бакал на севере до

Тюменской балочной системы на юге) в сочетании с близкими полуземляночными жилищами позволяет поставить вопрос о единой археологической культуре и хозяйственном типе населения позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму. На поселениях с несколькими разнообразными постройками всегда фиксируется только один двойной «загон», вероятно, это свидетельствует о том, что дома могли принадлежать отдельным семьям, а стадо (смешанного типа?) могло являться собственностью всего коллектива. Однако эти предположения требуют дальнейших детальных исследований по разработанной специальной мультидисциплинарной методике (см. выше), обязательными археологическими раскопками выявленных объектов, а также привлечением широкого спектра естественнонаучных методов.

ЛИТЕРАТУРА

Бейлин Д.В., Кислый А.Е., Михайлов А.М., Рогудеев В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В.Ю. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. 2018. Т. 23, с. 9–35.

Колотухин В.А. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму // Древности степного и предгорного Крыма. 1990. Т. 1, с. 137–144.

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганые погребения Степного Крыма начала железного времени). Симферополь: Сонат. 2000. 120 с.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Сталос. 2003. 138 с.

Смекалова Т.Н. Открытие поселений эпохи поздней бронзы с двойными загонами в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов. ПИФК. 2018а. № 4, с. 19–30.

Смекалова Т.Н. Изучение поселений эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Крыму с помощью дистанционных и геофизических методов. 2018б. ИАК 7, с. 45–51, 194–204.

Смекалова Т.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог // Материалы к археологической карте Крыма. Выпуск II. Симферополь: Доля. 2010. 204 с.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Санкт-Петербург, Алетейя. 2017. 448 с.

Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский национальный университет. 2007. 304 с.

Chang C., Tourtellotte P.A. Ethnoarchaeological Survey of Pastoral Transhumance Sites in the Grevena Region, Greece // Journal of Field Archaeology. 1993. Vol. 20, p. 249–264.

Рис. 1. а — памятники позднего бронзового века на Тарханкутском полуострове: Sbr — Скалистое 2, VEbr — Бурун-Эли, VKbr — Бай-Кият, Abr — Атлеш, D7 — Донузлав 7; б — памятники позднего бронзового века в системе водосбора оз. Сасык-Сиваш: 1 — Багай 1 и 2; 2 — Тюмень 15; 3 — Тюмень 7; 4 — Тюмень 1а; 5 — Тюмень 3; 6 — Тюмень 4; 7 — Тюмень 16; 8 — Тюмень 10; 9 — Тюмень 11; 10 — Бораш 2; 11, 12 — Бораш 3 и 4; 13 — Бораш 5; 14 — Бораш 6; 15 — Бораш 9; 16 — Бораш 10; 17 — Тузла; 18 — Багай 3

Рис. 2. Карта магнитного поля, заснятого на поселении позднего бронзового века НВ в районе Джарылгацкого озера. Отчетливо «читаются» двойная овальная конструкция (2) и прямоугольные каменные постройки (1) к югу от нее; отмечено расположение двух разведочных шурфов Ш1 и Ш2

СТОЯНОВА А.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Репрезентация женского костюма населения крымских предгорий римского времени возможна в виде гипотетической реконструкции, т.е. реконструкции только на основании отдельных элементов убранства без восстановления системообразующей основы костюма — одежды, обуви и головного убора (Доде, 2008, с. 21). Это обусловлено плохой сохранностью органики в погребениях, отсутствием сведений в письменных и изобразительных источниках. Некоторые исследователи считают реконструкцию костюма на основе остатков декора «нужным, но неблагоприятным занятием», поскольку полученные выводы всегда остаются слишком приблизительными (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 21). Возможно, это так. Тем не менее, объем накопленного за годы раскопок археологического материала, практиковавшийся крымскими варварами обряд ингумации, позволяющий фиксировать детали костюма *in situ*, активное введение новых данных в научный оборот и достаточно высокое качество публикаций последних лет позволило выявить некоторые закономерности в расположении вещей, их устойчивые сочетания в уборе и выделить характерные для разных периодов модели костюма.

Представление о костюме жительниц предгорного Крыма дают материалы хорошо изученных Усть-Альминского и Заветнинского могильников, некрополей Бельбек IV, Дружное, Нейзац, Опушки. Стандартный набор аксессуаров, составлявших женский убор, включает фибулы, пряжки, детали головных украшений, бляшки и бусы, нашивавшиеся на одежду. В качестве дополнительных декоративных элементов активно использовались браслеты и кольца, серьги, ожерелья и браслеты из бус и подвесок, иногда — гривны.

Костюм рядовых жительниц не отличался особым богатством и разнообразием металлических деталей. Его основу составляли длинное, доходящее до середины голени или щиколоток платье с рукавами до запястья, верхний распашной халат или куртка, а также, вероятно, штаны. Длина платья, ширина подола и рукавов, форма ворота фиксируется в основном по остаткам обшивки из бус. Для обшивки обычно использовали мелкие пронизи и бисер. Обилие таких бус наблюдается в женских погребениях II – первой половины III в. н. э., где количество пронизей иногда превышает тысячу экземпляров. Именно для этого времени зафиксированы устойчивые комбинации типов бус в наборах, выступающие хронологическими индикаторами для погребений предгорного Крыма. Расшивался обычно подол, рукава и ворот платья. Иногда нитки бус располагаются вокруг берцовых костей погребенной, являясь, видимо, украшением нижней части штанов.

Традицию богато расшивать края одежды бисером обычно связывают с сарматской культурой. В предгорном Крыму следы этой традиции в виде расположенных в ногах скоплений бус зафиксированы в позднескифских погребениях со II в. до н. э. Вероятно, широкое использование бус в костюме было обусловлено близостью античных центров, из которых бусы массово поступали к населению предгорного Крыма еще с эпохи позднего эллинизма. Сравнимые с крымскими по количеству бус и их расположению на костях комплексы известны в раннеаланских памятниках центральных районов Северного Кавказа, куда бусы в большом количестве могли привозиться из городов Боспора (Румянцева 2009, с. 386). Не исключено также, что дешевым стеклянным, фаянсовым и гагатовым бисером «рядовые» жительницы крымских предгорий заменили менее доступные им нашивные бляшки из золотой фольги, которыми расшивали одежду представительницы знати. Особая концентрация таких бляшек отмечается в богатых погребениях мавзолея Неаполя скифского и склепах I в. н. э. Усть-Альминского некрополя. Обычай украшать одежду бляшками сохраняется до V в. н. э., но в погребениях эти украшения встречаются довольно редко и, как правило, сочетаются с нестандартным инвентарем.

О наличии распашной женской одежды свидетельствуют, главным образом, фибулы. Застежки используются населением крымских предгорий для скалывания краев халата или куртки, начиная с рубежа эр, до этого времени находки фибул в погребениях единичны. Во II – первой половине III в. н. э. фибулы встречаются в каждом втором женском захоро-

нении, в IV в. н. э. они зафиксированы лишь в 16% комплексов. Наиболее распространенным был костюм с одной фибулой, располагавшейся в районе груди или немного ниже. По мнению К. Хелльстрем и С. А. Яценко, однофибульный костюм отражает использование жителями Северного Причерноморья плаща, застегнутого на правом или левом плече (Хелльстрем, 2017, с. 379; Яценко, 2006, с. 226). Такие плащи действительно можно увидеть на некоторых изображениях сарматских всадников, но эти изображения репрезентуют мужской воинский костюм. В женских погребениях предгорного Крыма лишь в единичных случаях фибулы зафиксированы на правом или левом плече. Эти данные позволяют согласиться с мнением В. В. Кропотова о том, что плащи в первые века н. э. более или менее массово стали носить жители античных северопричерноморских центров, возможно, под римским влиянием, на варварское население эта «мода» не распространилась (Кропотов, 2010, с. 20-21).

Детали поясной гарнитуры в погребениях II – первой половины III вв. н. э. фиксируются в единичных случаях и представлены только пряжками. Значительно чаще женские погребения этого периода сопровождаются расположенные в районе пояса или таза зеркала-подвески, оселки, ножи, иногда – скопления мелких предметов, предположительно лежавших в сумке или мешочке. Косвенно эти факты свидетельствуют о наличии кожаного или тканевого пояса или ремешка без каких-либо дополнительных металлических деталей, к которому подвешивались необходимые в быту вещи. Иногда присутствие пояса маркирует сохранившийся декор из бус, нашитых золотых бляшек (Фирсов, 2009, с. 447) или нескольких смычковых фибул-брошей с позолоченными щитками (Зайцев и др., 2007, с. 251, рис. 6). В IV в. н. э. пряжки в качестве застежек пояса используются чаще, но все равно остаются необязательным атрибутом костюма, встречаясь лишь в каждом шестом женском захоронении.

Детали обуви в женских погребениях не представлены, за исключением редких случаев расположенных вдоль берцовых костей мелких бус, выполнявших декоративную функцию. По наблюдениям С. А. Яценко, женская и мужская обувь не отличалась по форме, она представлена туфлями, полусапожками и высокими сапогами (Яценко, 2006, с. 235 – 238). Обувь чаще всего делали из кожи, на ноге она крепилась кожаными ремнями или, как зафиксировано в одном из позднескифских погребений, многорядными бронзовыми браслетами (Высотская, 1968, с. 226).

В качестве головного украшения или налобной повязки, удерживающей головное покрывало, некоторые женщины использовали диадемы

из надетых на кожаный ремень бронзовых пластинок. Традиция ношения таких изделий имела локальный характер (находки пластинок сконцентрированы в центральной части крымских предгорий, за пределами этого ареала они известны только в некрополе Чатыр-Даг) и существовала с I в. до н. э. до середины III в. н. э. Примечательно, что аналогичные детали диадем присутствуют в комплексах конца III – IV вв. н. э. в лесной зоне Восточной Европы, а в раннем средневековье — в могильниках бассейна Оки (Храпунов, 2011, с. 37).

Типичными украшениями, дополнявшими женский убор, являлись браслеты, серьги, кольца и ожерелья. Браслеты, преимущественно бронзовые, носились на одной или обеих руках. Иногда вместо металлических браслетов или в дополнение к ним на руки надевали браслеты из бус, которые составлялись из пронизей крупного или среднего размера. Обычно браслеты по цветовой гамме гармонировали с ожерельями.

На некоторых металлических деталях костюма из погребений фиксируются остатки ткани. Относительно хорошая сохранность текстиля из Усть-Альминского могильника позволила провести специальное исследование выборки фрагментов ткани. Выяснилось, что в большинстве случаев сырьем служила шерсть низкого качества, скорее всего местного производства, окрашенная мареной в красный цвет. Одежда погребенных в богатых склепах I в. н. э. была сшита из импортной качественной тонкорунной шерсти, китайского шелка и ткани с золотым шитьем, производство которой, возможно, связано с Восточным Средиземноморьем (Крупа, 2007).

Костюм жительниц крымских предгорий близок сарматскому костюму, хорошо представленному в материалах степных комплексов Причерноморья, Подонья и Предкавказья. Подавляющее большинство использовавшихся в уборе застежек и пряжек относится к типичным предметам среднесарматской и позднесарматской культуры, с сарматской традицией можно связывать способ скрепления краев распахной одежды на груди с помощью одной фибулы, обычай расшивать одежду бляшками, носить прикрепленными к поясу зеркала и небольшие сумочки. Эти элементы фиксируются в крымских комплексах с конца I в. н. э., когда сарматы массово расселяются в предгорном Крыму, и особенно ярко проявляются в погребениях II – первой половины III в. н. э. Вместе с тем в уборе сохраняются некоторые местные особенности. В частности, для обшивки платья вместо бляшек в основном используются более доступные бусы из стекла, гагата и фаянса; ожерелья из бус часто дополняются

подвесками местного производства, формы которых не находят аналогов за пределами полуострова; продолжает бытовать своеобразный вид головных украшений-диадем. Влиянием античной культуры объясняется свойственный представительницам знати обычай украшать голову золотыми венками и использование в костюме фибул-брошей провинциально-римских типов.

Во второй половине III – IV вв. н. э. в женском костюме фиксируются некоторые трансформации: полностью исчезает традиция расшивать платье бусами (хотя продолжают использовать для этой цели нашивные бляшки), существенно меняется состав ожерелий, появляются вещи, типичные для культур германского круга. Сохраняя в основе свойственный сарматской культуре облик, женский убор в этот период приобретает некоторые черты восточногерманского костюма, который позднее, в эпоху раннего средневековья, станет доминирующим на обширной территории от Испании до Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

Высотская Т. Н. Позднекифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С.113-114.

Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII – XVII веков (реконструкция этносоциальной истории). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. М.: б/и, 2008. 36 с.

Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнелът Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. Позднекифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в юго-западном Крыма. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 249–261.

Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

Крупа Т. Н. Исследование археологического текстиля из раскопок позднекифского Усть-Альминского могильника // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 157–172.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005. 234 с.

Румянцева О. С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II – III в. н. э. // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С. 341–437.

Хелльстрем К. К вопросу о костюме с использованием фибул на территории между Карпатами и дельтой Дона во II в. до н. э. – III в. н. э. // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.). М., Симферополь, 2017. С. 371–279.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011. С. 13–114.

Фирсов К. Б. Ювелирные изделия из некрополя первых веков н. э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 437–447.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии. М.: Восточная литература, 2006.

СУВОРОВА Н.И., КОТИНА А.В.,
КРАСНОДУБЕЦ Е.М., СЕРГО С.В., ЛАЗАРЕВ Н.В.
(Азовский музей-заповедник, Азов;
ЦАИ БФ «Деметра», Керчь;
ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь;
ЭКЦ ГУ МВД России, Ростов-на-Дону)

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ АНТИЧНОЙ КОРОПЛАСТИКИ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ ДАКТИЛОСКОПИИ И ТРАСОЛОГИИ

Основным методом при изучении предметов коропластики до сих пор остается традиционный – сравнительно-типологический. Однако в настоящее время известен и успешный опыт применения естественнонаучных методов датирования терракот. Таким образом, привлечение методов естественных наук, к которому все чаще обращаются различные исследователи в области керамического производства, может способствовать получению новых данных и выводов. Среди подобных методов – метод дактилоскопии (подробное описание см. Котина, Суворова, 2017).

В 2013 г. в процессе изучения терракотовых статуэток Танаиса мы обратили внимание на наличие отпечатков пальцев на них, что положило начало нашему исследованию с привлечением методов дактилоскопии.

Большой удачей оказалась возможность сотрудничества с экспертами Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Ростовской области. Была создана рабочая группа в количестве трех человек. В 2013-2015 гг. этой группой было проведено междисциплинарное – историческое, трасологическое (дактилоскопическое) – исследование предметов коропластики, найденных на городище и некрополе Танаиса, с целью получения информации о древних мастерах, производивших их.

Результатом дактилоскопического исследования должны были стать ответы на следующие вопросы:

1. Имеются ли на терракотовых фигурках следы папиллярных узоров рук, если да, то пригодны ли они для идентификации?
2. Какой рукой, какими пальцами отминались фигурки?
3. Какой предположительно был возраст мастера на момент изготовления фигурок?

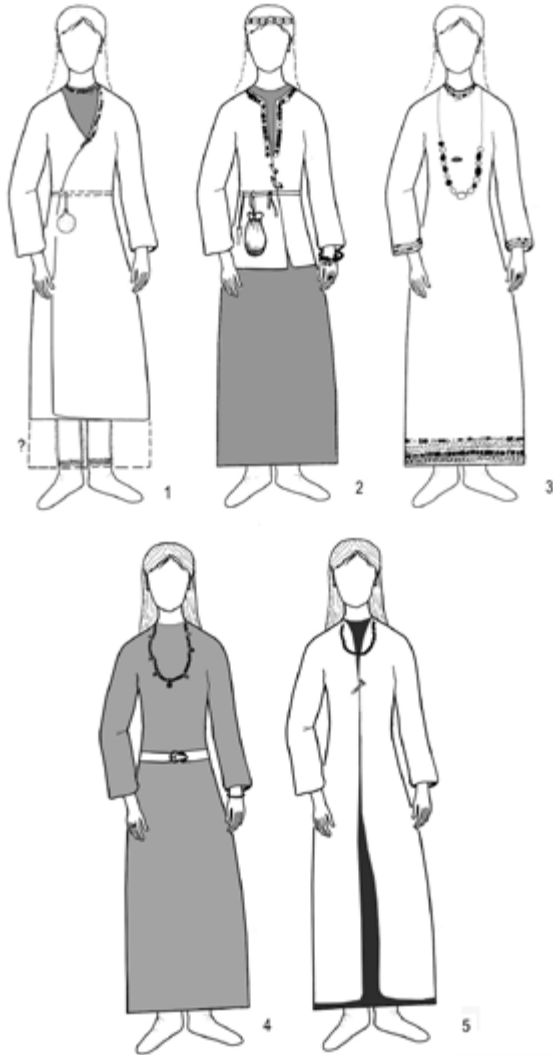

Рис.1. Варианты реконструкции женского костюма (по материалам могильника Нейзац): 1 – 3 — костюм II – первой половины III в. н. э.; 4, 5 — костюм IV в. н. э.

4. Какой предположительно пол мастера?

Из 130 терракот для исследования было отобрано 10 (7,7%), на которых сохранились четкие полные отпечатки, позволяющие дать необходимую информацию. Среди этих терракот – протомы и объемные статуэтки, датируемые III в. до н. э. – III в. н. э. На двух предметах было установлено наличие идентифицирующих объектов, на основании которых возможно проведение идентификации. Как оказалось, они были изготовлены молодыми женщинами (младше 17 лет). Выяснили, что две другие статуэтки были выполнены взрослыми женщинами плотного телосложения, а также, что четыре протомы Деметры были отмяты в одной форме и, вероятно, одним мастером.

Положительный результат дактилоскопического исследования терракот Танаиса позволил не только продолжить, но и расширить географию исследуемых предметов, создавая предпосылки для межмузейного научного исследования, задачей которого является создание единой базы отпечатков пальцев античных мастеров. К 2018 г. количество участников рабочей группы увеличилось до пяти человек.

В 2016-2018 гг. было проведено дактилоскопическое исследование терракот Елизаветовского городища, хранящихся в Азовском музее-заповеднике, в Учебном музее археологии Института истории и международных отношений ЮФУ и в Ростовском областном музее краеведения. Из 126 терракот для исследования был отобран 21 предмет (16,7%). Среди них протомы и объемные статуэтки, датируемые IV-III вв. до н. э. В ходе проведенного исследования нам удалось установить следующее:

1) Четыре протомы Деметры были изготовлены на Боспоре, возможно, в Пантикапее, одним мастером в одной форме.

2) Пять терракот были изготовлены по-видимому, в Херсонесе, женщинами старше 18 лет.

3) Шесть протом Деметры, статуэтка, изображающая дароносительницу, и статуэтка, изображающая сидящего мужчину, были изготовлены на Боспоре, возможно, в Пантикапее, женщинами старше 18 лет.

4) Две объемных статуэтки, изображающих сидящую на троне Кибелу, были изготовлены на Боспоре, возможно, в Пантикапее, мужчинами старше 18 лет.

5) Одна протома Деметры была изготовлена на Боспоре, возможно, в Пантикапее, женщиной до 17 лет.

6) Одна протома Деметры была изготовлена на Боспоре, возможно, в Пантикапее, мужчиной старше 18 лет.

7) При отминке четырех протом Деметры мастер использовал большой палец левой руки.

8) Другие одиннадцать мастеров тоже использовали при отминке терракоты ногтевые фаланги пальцев левой руки.

9) Мастера, изготовившие объемные статуэтки дароносительницы и Кибелы, а также трех протом Деметры, использовали при отминке ногтевые фаланги правой руки.

10) Статуэтка, изображающая Кибелу, найденная в культовом комплексе Елизаветовского городища, и статуэтка Кибелы, происходящая из раскопок 1985 г. на «Полянке», были изготовлены одним мастером, мужчиной старше 18 лет.

В 2018 г. было проведено исследование фрагментов терракот из культового комплекса Пантикапея позднеэллинистического – римского времени, открытого экспедицией Крымского отделения института востоковедения НАН Украины осенью 2002 г. в ходе охранных археологических исследований на участке строительства гаражей по ул. Ленина №№ 10, 12.

Всего в комплексе 107 экземпляров терракот.

Из них:

- с отпечатками пальцев (с разной степенью качества и выраженности следа) – 53,

- без отпечатков – 54,

- пригодных для исследования – 23 (21,5%).

В результате проведенного исследования удалось установить следующее:

1) Рассматриваемые терракотовые статуэтки местного производства, по всей видимости, пантикапейского.

2) При изготовлении фигурок мастера использовали ногтевые фаланги пальцев.

3) Отпечатки на 13 фрагментах (большинство) оставлены пальцами левой руки, на 6 – правой руки. Отпечатки большого пальца зафиксированы в 9 случаях.

4) 3 предмета были изготовлены лицами младше 17 лет, женского пола.

5) 15 предметов (подавляющее большинство) – изготовлены взрослыми женщинами.

6) На 5 фрагментах терракот установить пол мастера по отпечаткам не удалось.

7) Отпечатки, принадлежащие лицам мужского пола, обнаружены не были.

Таким образом, данные, полученные в результате исследования культового комплекса Пантикапея, демонстрируют преобладание среди мастеров женщин старше 18 лет.

В 2018 г. было начато исследование с применением метода дактилоскопии коропластики Херсонеса. За длительную историю раскопок Херсонеса найдено значительное количество терракотовых статуэток, большая часть которых хранится в МЗХТ и опубликована в монографии А.В. Шевченко в 2016 г.

Для первого опыта определения отпечатков на терракотах из фондов Херсонеса Таврического в 2018 г. были отобраны предметы из раскопок 1888–1907 гг. К.К. Косцюшко-Валюжинича, первого заведующего Херсонесским музеем (тогда – «Склад местных древностей»). Среди 274 рассмотренных предметов, отпечатки сохранились на 56. Из них для исследования оказались пригодны лишь 11 фрагментов (19,6%).

К сожалению, предметы из раскопок Карла Казимировича по большей части депаспортизированы. Предположительное место происхождения – «мастерская коропласта» на Северном берегу – восстанавливается лишь для одного фрагмента формы с растительным орнаментом (№ КП-4949, второй фрагмент хранится в Гос. Эрмитаже, Инв. № X.1888.49). Все рассматриваемые образцы относятся к местному производству IV–III вв. до н.э., времени «расцвета» херсонесской коропластики. Среди них – фрагменты протом Деметры, Афродиты и Танатоса; объемных формованных статуэток Кору-Персефоны, танцовщицы и др.; архитектурной детали – узкого декоративного карниза; формы для изготовления терракотового рельефа в виде цветочной гирлянды, а также одной лепной статуэтки (мужская голова) (примечательно, что именно на этом типе херсонесских терракот отпечатки сохраняются крайне редко).

В результате проведенного исследования удалось установить следующее:

1) Предметов с сохранившимися отпечатками – 56. Пригодных для исследования – 11.

2) Во все случаях отпечатки оставлены ногтевыми фалангами пальцев.

3) Отпечатки на 7 фрагментах (большинство) оставлены пальцами левой руки, на 4 – правой руки. Отпечатки большого пальца зафиксированы в 6 случаях.

4) На 9 предметах отпечатки принадлежат женщинам.

5) На 2 предметах (оттиски на фрагментах формы для изготовления терракот и декоративного рельефа) – отпечатки принадлежат мужчинам.

Итак, в результате исследований предметов коропластики с ряда античных памятников (Танаиса, Елизаветовского городища, Пантикапея (культовый комплекс), Херсонеса (коллекция из раскопок 1888-1907 гг. К.К. Косцюшко-Валюжинича) можно сделать общие предварительные выводы:

1. Самый высокий процент терракот, с пригодными для идентификации отпечатками зафиксирован в культовом комплексе Пантикапея (21,5% от общего числа терракот с отпечатками разной степени сохранности).

2. Все исследуемые отпечатки были оставлены ногтевыми фалангами пальцев.

3. В большинстве случаев отпечатки сделаны пальцами левой руки (58%), часто – большим пальцем.

4. Большинство отпечатков принадлежат женщинам старше 18 лет (53%).

5. Мужские отпечатки сравнительно редки (всего 7,6% от общего числа): 3 отпечатка из Елизаветовского городища, 2 – из Херсонеса (коллекция К.К. Косцюшко-Валюжинича).

6. Установлено первое совпадение: статуэтка, изображающая Кибелу, найденная в культовом комплексе Елизаветовского городища, и статуэтка Кибелы, происходящая из раскопок 1985 г. на сельском поселении «Полянка», были изготовлены одним мастером, мужчиной старше 18 лет.

Дальнейшие исследования коропластики других античных памятников дадут возможность уточнить уже имеющиеся выводы, а также расширить наши представления о технологии изготовления терракот. При накоплении и пополнении базы отпечатков станет возможным проследить половозрастные характеристики мастеров, а также передачу навыков изготовления предметов коропластики по женской или мужской линиям.

Создание общей базы данных отпечатков пальцев античных мастеров сделает возможным установление принадлежности разных предметов одному мастеру. Это способствовало бы уточнению авторства тех или иных предметов, местоположения мастерских коропластов, основных направлений торговых отношений Европейской и Азиатской частей Боспора, а также объемов поставок изделий коропластики.

СУДАРЕВ Н.И., КАШАЕВ С.В.
(ИА РАН, Москва¹; ИИМК РАН, Санкт-Петербург²)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ВИНОГРАДНЫЙ-7 В 2015-2016 ГГ.³

В 2015-2016 гг. сотрудниками Восточно-Боспорской АЭ проводились археологические раскопки поселения Виноградный-7 и расположенного на площади поселения грунтового некрополя, а так же курганной группы Вышестеблиевская-21. В ходе раскопок памятник исследован на площади около 100 тыс. кв. м. За два сезона работ было обнаружено более 400 погребений античного времени и 155 погребения эпохи средневековья. Основная часть античных захоронений датируется периодом V в. до н.э. – II в.н.э., средневековые относятся к IX-X вв. н.э. [Сударев, 2016, с.333-340; Сударев, 2017, с. 182; Сударев, Кашаев, 2016, с.471-479].

В 2015 г. раскопкам подверглась северная часть памятника, расположенная к северу от существующих железнодорожных путей. Поверхность памятника в этом месте в целом ровная, слабо понижающаяся к северу, в сторону Таманского залива. В недалёком прошлом она подвергалась регулярным распашкам плантажным плугом. Вдоль железной дороги идёт полоса лесопосадки. С её северной стороны проходит

¹ Отдел классической археологии, Институт Археологии Российской академии наук, г. Москва, 117036, Россия.

² Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Сударев Н.И. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0176-2016-0003 «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир - контакты и взаимовлияния». Кашаев С.В. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

просёлочная дорога. К началу проведения археологических раскопок поверхность памятника была слабо задернована. Восточная часть территории, подлежащей раскопкам, частично покрыта виноградником.

Общая раскопанная площадь составила около 50000 кв. м. В ходе исследования археологического памятника Виноградный-7 широкими площадями постепенно стала выявляться его структура. В западной части культурный слой поселения сильно нарушен распашкой. Обнаруженные находки датируются III-II вв. до н.э. В восточной части – исследован грунтовый некрополь.

В ходе раскопок стало понятно, что остатки культурного слоя памятника повсеместно оказавшись в толще слоя многолетней плантажной распашки, глубина которой достигала 0,6 м от уровня современной дневной поверхности. При этом следы поселенческих археологических объектов полностью отсутствовали. Был сделан вывод о том, что территория раскопа находилась на дальней северной периферии памятника. Этому соответствовала и крайне низкая насыщенность массовым археологическим материалом, представленным, как правило, мелкими фрагментами керамики античного времени.

Всего при раскопках обнаружено 25 различных объектов и 61 погребение сконцентрированные в восточной части раскопа. Среди погребений встречены захоронения разных конструкций – простые грунтовые могилы, подбойные могилы, могилы с перекрытием, сырцовые и каменные ящики и грунтовые склепы с дромосом [Сударев, Кашаев, 2018. с. 476-484]. Общая датировка обнаруженных погребений укладывается в IV-I вв. до н.э.

Из 25 обнаруженных объектов большая часть относится к комплексам некрополя – это тризны, ямы ботросы, скопления камней и керамики, развалы сосудов. Не исключено, что часть этих развалов является остатками детских погребений в сосудах. В качестве примера можно привести находки из Погребения 20 -сырцового ящика IV в. до н.э. (Рис.1) и Погребения 21 - грунтового склепа II в. до н.э. (Рис.2). Можно отметить, что в обоих случаях были найдены красноглиняные пелики с орнаментом, нанесенным черной краской. В погребениях II в. до н.э. часто встречаются леканы, выполненные из такой же глины и так же расписанные черной краской. Скорее всего, подобные сосуды, производились на Боспоре местными мастерами.

В 2016 г. раскопкам подверглась северная и восточная часть памятника, но на этот раз расположенная к югу от железнодорожных путей. В

этот год так же были раскопаны 5 насыпей (и межкурганное пространство) курганной группы Вышестеблиевская-21 расположенной в восточной части поселения. Вся площадь, предназначенная для раскопок, была разделена несколько Раскопов. Нами были исследованы Раскоп 3, частично Раскоп 2, Раскоп 4 и Раскоп К. Все Раскопы были состыкованы в один общий вытянутый по линии запад-восток. Площадь Раскопа 3 со всеми прирезками составила 14020 кв.м. Там был обнаружен средневековый грунтовый могильник и серия археологических объектов. Могильник исследован в западной части Раскопа 3, всего на этом участке обнаружено 75 погребений (№№62-136). Нумерация погребений, открытых на раскопе 3, начинается с №62 и продолжает нумерацию погребений, открытых на памятнике в 2015 г.

Погребения, обнаруженные в грунтовом могильнике, делятся на две группы: 1) простые грунтовые погребения в подпрямоугольных могилах, 2) захоронения в каменных ящиках. В обеих группах захоронений зафиксирован сходный погребальный обряд: умерший лежит вытянуто на спине, головой на запад. Ноги вытянуты, руки либо вытянуты вдоль тела, либо согнуты (наблюдается вариативность в их положении). В некоторых грунтовых погребениях зафиксированы остатки деревянных гробовищ и перекрытий. В погребениях обнаружены монеты, которые датируют могильник X в. н.э.

Помимо грунтового могильника, была исследована серия археологических объектов - 16 объектов и 38 хозяйственных ям. Объекты в основном представлены скоплениями камней или фрагментов керамики, и небольшими каменными кладками. Хозяйственные ямы округлой формы с плоским или линзовидным дном. Находки из этих ям представлены в основном фрагментами амфор, красноглиняных гончарных и черноглиняных лепных сосудов IV в. до н.э. Скорее всего, в античный период, этот участок являлся северной хозяйственной окраиной поселения. Следы, которой и были зафиксированы.

Раскоп 2 примыкал к Раскопу 3 с запада. Основная его часть исследовалась сотрудниками «ООО Ирида», результаты этих работ, по-видимому, будут представлены отдельно. Нами раскопана восточная часть Раскопа 2 площадь 500 кв.м. В ходе исследований на Раскопе 2 было продолжено изучение средневекового грунтового могильника, открытого на Раскопе 3. Всего на этом участке обнаружено 17 погребений (№№137-154). Нумерация погребений, открытых на Раскопе 2, начинается с №137

и продолжает нумерацию погребений, открытых на Раскопе 3. Каких-либо иных археологических объектов на исследованной части не обнаружено.

Раскоп 4 примыкал к Раскопу 3 с востока, его площадь 11225 кв.м. В ходе исследований на Раскопе 4 был обнаружен античный грунтовый могильник IV – I вв. до н.э., который является продолжением некрополя исследованного в 2015 г. Всего на этом участке обнаружено 123 погребения (№№1-123). Нумерация погребений античного времени, открытых на Раскопе 4, в 2016 г. начата заново.

Обнаруженные погребения конструктивно разнообразны и разновременны. Значительная часть детских захоронений была совершенна в амфорах. В них помещали детей в младенческом возрасте. Уникальность этих погребений в том, что они помимо информации демографического характера, отражают и степень торгово-экономических связей населения Боспора с эллинским миром. Вторая, не менее значительная группа погребений конструктивно относится к «подбоям». Это довольно редкая конструкция, встречающаяся на других некрополях не так часто, на могильнике поселения Виноградный-7 представлена довольно широко. Особенностью данных конструкций является наличие в большинстве из них закладов из сырцового кирпича. Данная черта так же представлена в некрополе Фанагории. Третью группу составляют захоронения в сырцовых ящиках – один из наиболее распространенных типов погребальных сооружений античных некрополей классического времени.

В южной части раскопа были исследованы несколько расположенных локально погребений в простых грунтовых ямах с не богатым, но выразительным инвентарем, например с мегарскими чашами [Сударев, Кашаев, 2017, с.536; Сударев, Кашаев, 2018, с.197-224]. Среди этого инвентаря были встречены бронзовые наконечники стрел скифских типов, которые довольно редко встречаются в захоронениях IV в. до н.э.

В центральных линиях раскопа исследовано два грунтовых склепа III-II в. до н.э. Они представляли собой довольно глубокие подземные конструкции, с сырцовой архитектурой, причем один из склепов был коллективный, и содержал не менее пяти покойных, другая же катакомба была сооружена для индивидуального захоронения.

Но наиболее интересная, и во многом уникальная конструкция принадлежит крупному сырцовому склепу, исследованному в южном секторе раскопа. Для его сооружения был вырыт обширный котлован, в дне которого была обустроена не большая яма, видимо для помещения в нее останков погребенного. Дно котлована, кроме погребальной ямы,

было выстелено сырцовыми кирпичами размерами 0,5 x 0,5 м, плотно пригнанными между собой. Затем вдоль стен котлована был сооружен крупный сырцовый ящик, куда с западной стороны вели четыре ступени, так же выложенные сырцовыми плитками. Это погребение хотя и было ограблено в древности, все же содержало не большой, по-видимому, не взятый грабителями инвентарь, куда входили четыре чернолаковых лекифа [Сударев, Кашаев, 2018. с. 476-484].

Остальные погребения, раскопанные в обозначенный период безинвентарные, атрибутировать их сложно. Между тем, необходимо выделить несколько погребений, которые выглядят несколько атипичными для погребального обряда могильника – это захоронения совершенные скорченно на боку. Эта деталь вполне может свидетельствовать об архаичности комплексов.

Помимо грунтового могильника, было исследовано 97 археологических объектов. Например, можно отметить, что были вскрыты две крупные (одна из них более 4 м глубиной) естественные балки, в которые были совершенны сбросы и зольники. Материалы сбросов – V в. до н.э.- II в. н.э. Интересен исследованный в одной из балок крупный локальный зольник, соотносимый с римским временем, точнее с первыми веками н.э. Эти материалы свидетельствуют об интенсивной жизнедеятельности на данной территории на протяжении практически всей античной эпохи. Помимо этого из слоя могильника происходят тысячи различных находок, среди которых более сотни медных боспорских и средневековых монет разного достоинства и широкого хронологического диапазона [Абрамзон, Сударев, 2018, с.81].

Раскоп К примыкал к Раскопу 4 с востока, его общая площадь составила 25325 кв.м. Там была исследована часть курганный группы Вышестеблиевская-21 перекрывающая восточную окраину поселения Виноградный-7. Памятник был выявлен и обследован, как одиночный курган в 1983 году разведочным отрядом Института археологии АН СССР под руководством Я.М. Паромова. На сводной карте памятников Темрюкского района, составленной Я.М. Паромовым, обозначен под номером 329. Памятник охраняется государством согласно решению Краснодарского крайисполкома от 23.12.1987 №615 и охраняется государством согласно Закону Краснодарского «О перечне объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Краснодарского края от 17.08.2000 №313-КЗ и имеет государственный номер 4866.

В 2011 году курган и прилегающая к нему территория были обследованы в ходе проведения детальных археологических разведок проведенных сотрудниками археологической экспедиции института археологии РАН под руководством начальника экспедиции Н.И. Сударева. В результате разведок было выявлено еще 9 курганных насыпей (курганы №2-10) в непосредственной близости от кургана 329 (курган №1). Все насыпи были объединены в единую курганную группу.

Далее в 2014-2015 гг. курганная группа Вышестеблиевская-21 была обследована археологическим отрядом ОАО «Наследие Кубани» при выполнении археологических разведок. По данным учетной документации (учётная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность №23124380068р) курганная группа состоит из 10 насыпей и делится на 5 участков, расположена в 4,2 км к северо-западу от ст. Вышестеблиевская, на землях свх. «Победа», в 5,0 км к северо-западу от ст. Вышестеблиевская.

Курганы, входящие в группу ранее распаивались, что значительно повлияло на их сохранность и практически уничтожило полы. На момент обследования поверхность памятника была слабо задернована. Диаметр сохранившейся части курганов от 20-25 до 60 м, высота до 1,0 м. Грунт насыпи супесчаный.

В ходе исследований на Раскопе К были раскопаны 5 курганов Курганной группы Вышестеблиевская-21, а так же все пространство между ними. В результате проведенных раскопок:

- в Кургане 4 исследовано 3 погребения и 5 объектов.
- в Кургане 5 исследовано 21 погребение и 1 объект.
- в Кургане 6 исследовано 84 погребения и 24 объекта.
- в Кургане 7 исследовано 7 погребений и 6 объектов.
- в Кургане 8 исследовано 90 погребения и 9 объектов.

В результате удалось установить, что на этом участке изучен курганно-грунтовой могильник, содержащий погребения и объекты, относящиеся к разным хронологическим периодам. Данный некрополь является продолжением обширного некрополя исследованного на Раскопе 4 и относящегося к V – I вв. до н.э. Здесь, как и на Раскопе 4, обнаружены погребения разных конструкций. В разных частях раскопа были исследованы погребения в простых грунтовых ямах, детские погребения в амфорах, подбойные погребения, захоронения в сырцовых ящиках [Сударев, Кашаев, 2018. с. 476-484]. Исследовано несколько грунтовых склепа конца IV-II в. до н.э. Они представляли собой довольно глубокие подземные

конструкции, и часто содержали большое количество инвентаря. Серия безинвентарных погребений атрибутировать сложно, можно лишь предположить, что они не выходят за установленные хронологические рамки памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Древнерусские и византийские монеты X-XI вв. из некрополя поселения Виноградный-7 // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Москва, 2018. С. 81-90.

Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2015-2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб. 2016. с. 333-340.

Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. Сер. «Материалы спасательных археологических исследований» Москва, 2017. С. 182-189.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XVII Боспорские Чтения. Керчь. 2016. с.471-479.

Сударев Н.И., Кашаев С.В., Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный-7 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XVIII Боспорские Чтения. Керчь. 2017. С. 536-544.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Традиция погребения в сырцовых ящиках в некрополях Артющенко-2 и Виноградный-7 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. XIX Боспорские Чтения. Керчь-Симферополь. 2018. С. 476-484.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный-7 // Боспорские исследования. Вып. XXXVI. Керчь-Симферополь. 2018. С. 197-224.

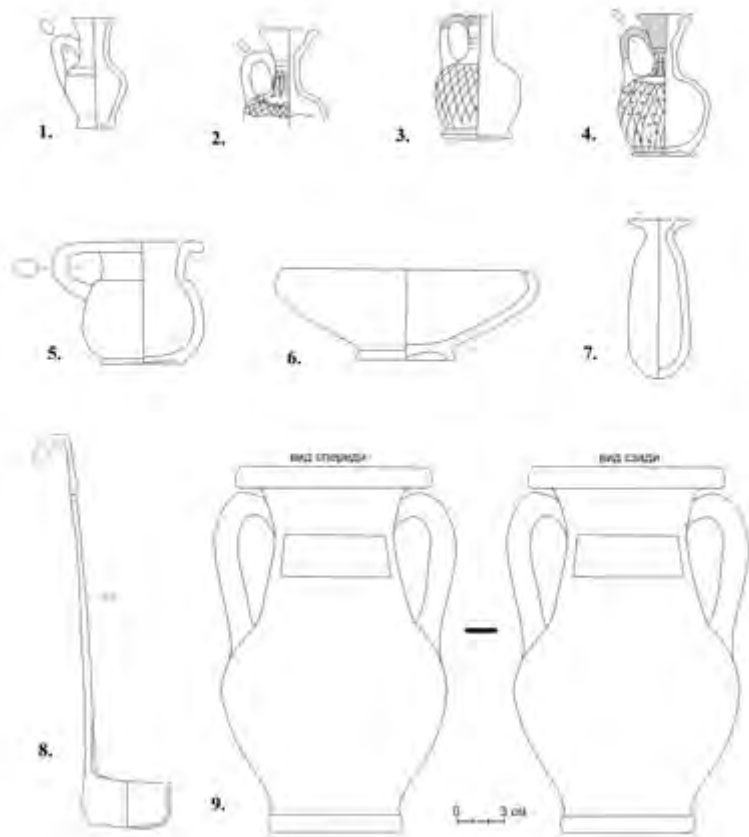

Рис.1 Некрополь Виноградный-7. Находки из Погребения 20 (2015).
 1- лекиф красноглиняный, 2-4- лекиф сетчатый, 5- кружка чернолаковая,
 6- миска красноглиняная, 7- алабастр красноглиняный, 8- киаф бронзовый,
 9- пелика красноглиняная

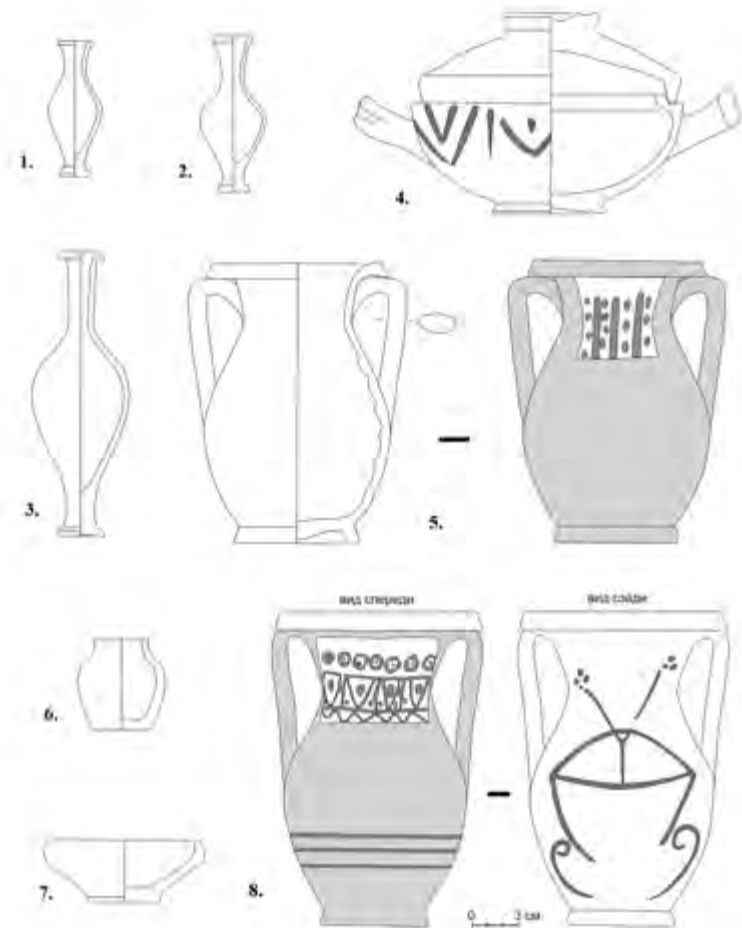

Рис.2 Некрополь Виноградный-7. Находки из Погребения 21 (2015).
 1-3- унгентарий красноглиняный, 4- лекана красноглиняная, 5- пелика красноглиняная,
 6- горшочек лепной, 7- миска красноглиняная, 8- пелика красноглиняная

СУПРЕНКОВ А.А., СТОЛЯРЕНКО П.Г., ТРЕБУХИНА Н.Ю.
(ИА РАН, Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАЛА БЕЗКРОВОГНО В 2017-2018 ГГ. И СОПУТСТВУЮЩИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Вал Безкровного, известный так же под названием Чокракский – один из основных меридиональных валов Керченского полуострова. Он расположен в его восточной части, между Узунларским и Тиритакским валами и простирается от озера Чокрак на севере до Тобечикского озера на юге. Этот вал был открыт в 1875 году И.С. Безкровным [Безкровный, 1875, с. 443-444]. На протяжении последующего столетия он не привлекал внимания исследователей и попал в их поле зрения только в 1995 году. Тогда Восточно-Крымской экспедицией под руководством А.А. Масленникова на основании натуральных исследований и данных аэрофотосъёмки была прослежена трасса вала, а также сделан его стратиграфический разрез в районе Чокракского озера [Масленников. 2003, с. 121-127]. Спустя десятилетие, этот вал обследовался А.Л. Ермолиным, и им был заложен нго разрез к западу от посёлка Багероно. [Ермолин 2010, с. 147-150].

В связи с началом масштабных строительных работ в Восточном Крыму, связанных с глобальными инфраструктурными проектами, начиная с 2017 г. Вал Безкровного стал объектом охранно-спасательных работ, проводимых отрядом экспедиции ИА РАН под руководством авторов.

В ходе работ 2017 года вал был исследован на 20-м км трассы Керчь – Феодосия, в 4.8 км к востоку – северо-востоку от центральной части поселка Горностаевка. Результаты этих работ были опубликованы ранее [Столяренко, Супренков, Прокопенко, 2017, с. 354-362]. Авторами подробно описывается трасса вала-рва, которая в пределах обследуемого участка имела дугообразный изгиб, следуя рельефу поверхности, а также структура остатков насыпи и заполнения рва, выявленная на

основании нескольких стратиграфических разрезов. Отдельно описываются промежутки в трассе вала, оставленные древними строителями, предположительно, для проездов. В данной работе рассмотрен археологический материал, найденный в ходе работ, как в заполнении рва, так и в большой степени в непосредственной близости от оборонительной линии.

Наибольшее число археологических находок 2017 г. происходило из раскопа 1, заложенного в непосредственной близости к югу от автодороги Керчь-Феодосия. В ходе разведочной шурфовки здесь было выявлено несколько скоплений археологического материала. Последующие работы позволили установить, что вал и ров Безкровного располагались приблизительно в 50 м к востоку от данного участка. Археологические находки из раскопа 1 относились к нескольким хронологическим периодам. Наиболее ранним этапом, по-видимому, датировалось разрушенное погребение, представленное скоплением костей и зубов, вблизи которых был найден венчик и несколько стенок лепного горшка. Вероятно, здесь мог находиться небольшой единичный курган эпохи бронзы, разрушенный антропогенным воздействием.

Античный период был представлен здесь многочисленным и разнообразным материалом. Наиболее ранние находки¹ – венчик пухлогорлой хиосской амфоры (рис. 1.6) и ножка хиосской амфоры с прямым горлом (рис. 1.1), которые датировались V в. до н.э. [Монахов. 2003. табл. 6, рис. 1]. Наиболее многочисленны были находки эллинистического периода, представленные фрагментами амфор Синопы, Менды (рис. 1.2), Гераклеи, Хиоса и Фасоса, датирующихся в основном IV-III вв. (например [Монахов. 2003, табл. 60, рис. 4]). Отдельно отметим находку двух гераклейских клейм конца V – начала IV в. до н.э. (рис. 1.12) и 390-х гг. до н.э. (рис. 1.13)² Период позднего эллинизма был представлен скромнее – встречались фрагменты амфор Книда (рис. 1.7), Родоса, Косса, датирующихся III-II вв. до н.э. Находки рубежа эр были ещё более редки. Отметим фрагмент ножки южнопонтийской амфоры со сбитым профилем (рис. 1.8) I в. до н.э. – II в. н.э.

Более поздние периоды были представлены тремя фрагментами амфор «причерноморского» типа (рис. 1.5) VIII-X вв., и единичными фрагментами поливных сосудов средневекового времени. Прочий археологический материал состоял из металлических предметов, фрагментов

¹ *Определение массового материала П.Г. Столяренко и А.В. Смокотиной.*

² *Определение клейм Е.В. Болонкиной.*

амфор неизвестных центров, а также обломков разнообразной столовой посуды и многочисленных стенок амфор и других сосудов.

Раскоп 2 был заложен к югу от раскопа 1, на участке, где вал и ров визуально прослеживались на дневной поверхности. Античный материал был здесь немногочисленным и представлен ручкой амфоры Менды, и двумя ручками хиосских амфор (рис. 1.3), которые так же датируются в пределах IV-III вв. до н.э., при этом некоторые фрагменты находились в заполнении рва. Основной же материал на раскопе 2 происходил из двух средневековых хозяйственных ям, прорезавших ров. Он был представлен многочисленными фрагментами средневековых амфор (рис. 1.9), некоторые из которых относились к XIII-XIV вв. [ХК-95], фрагментами красноглиняной и поливной (рис. 1.10) посуды. Часть сосудов датировалась XIII-XV вв. Наиболее поздние фрагменты посуды из этих ям могли иметь датировку вплоть до XVIII в.

Раскоп 3 был заложен к северу от автодороги. Самой ранней и наиболее примечательной находкой здесь был фрагмент скифской стрелы (рис. 1.4) конца VII – первой половины VI вв. до н.э. [Мелюкова 1964, табл. 8]. Эллинистический материал был здесь представлен ручкой гераклейской амфоры, ручкой хиосской амфоры и придонной частью синопской амфоры. Эти находки датировались IV-III вв. до н.э. Отметим, что хиосская ручка была найдена в заполнении рва, хотя и в его верхнем горизонте. Материал римского времени на раскопе был представлен единичным венчиком краснолаковой миски.

Наконец небольшой раскоп 4, заложенный к востоку от раскопа 1, на участке где ров был прорезан автотрассой, содержал в его заполнении единственный фрагмент сосуда эпохи бронзы.

Интерпретация найденного археологического материала чрезвычайно затруднительна. Прежде всего, в непосредственной близости к западу от вала Безкровного на исследуемом участке расположено большое многослойное поселение Кош-Кую, которое вроде бы существовало в течение всех хронологических периодов, материал из которых нам попадался [Куликов 2018, с. 164-173]. Присутствие эллинистического материала в раскопах, а также в различных горизонтах заполнения рва вполне может объясняться наличием напластований этого периода, выявленных под средневековыми слоями поселения Кош-Кую. Тем не менее, всё-таки отметим многочисленность находок эллинистического времени и скромность материала рубежа эр.

Работы 2018 г., проводившиеся к западу от п. Багерovo, носили более локальный характер. Тем не менее, здесь удалось получить два разреза вала-рва, практически идентичных стратиграфически (рис. 2). В бортах разреза 1 была выявлена следующая стратиграфия:

дёрн мощностью 0,05 — 0,1 м был распространён на всей площади исследуемого участка;

тёмно-серый гуммированный суглинок — слой современной почвы — также был распространён повсеместно и достигал максимальной мощности порядка 0,6 м;

непосредственно над рвом, перекрывая его заполнение, залегал балластный слой мощностью до 0,7 м, представленный перемешанным почвенным грунтом и материковым суглинком с включениями современного мусора;

заполнение рва, сложенное гуммированными суглинками различных оттенков от темно-коричневого до темно-серого, выстилающимися друг над другом в виде вогнутых линз, понижающихся к центру рва. Наиболее тёмные, почти чёрные, суглинки лежат в верхних горизонтах заполнения рва. В нижних же горизонтах, вдоль дна и стенок рва, существенную часть заполнения представляет рушенная материковая глина с примесью гуммированного суглинка. Мощность отдельных линз колебалась от 0,2 до 0,4 м. Общая мощность слоя заполнения — 1,58 м;

Материк был представлен светло-коричневым суглинком с белыми известковыми включениями;

Насыпь вала была сложена светло-коричневым (переотложенным) материковым суглинком максимальной мощностью до 0,36 м, ширина ее составляла около 9 м;

Погребённая почва прослеживалась под основанием насыпи вала горизонтом гуммированного суглинка мощностью около 0,2 м (-60 / -80).

Таким образом, глубина рва от материковой поверхности составила 0,6 м, от современной дневной поверхности 2 м. Ширина рва достигала 7 м. Его стенки были довольно сильно оплывшими, однако восточная (эскарп) всё же была более крутой, а западная (контрэскарп) — более пологой. Вал, подвергшийся существенным разрушениям природного и антропогенного свойства, был сооружен непосредственно к востоку от рва, по видимости, за один этап: в стратиграфическом разрезе следы постройки или реконструкции не прослеживались.

В ходе работ 2018 г. был собран незначительный археологический материал, представленный несколькими амфорными ручками, находя-

щийся в данный момент в обработке. Любопытна находка в качестве подъёмного материала ручки синопской амфоры редкого типа V (рис. 1.5) 2-3 четверти I в. н.э. [Внуков 2017, с. 330, рис. 1].

Итак, в ходе работ 2017-2018 гг. была получена разнообразная информация о структуре вала Безкровного на разных его участках и найдено множество археологического материала. Тем не менее, проведённые исследования пока не позволяют нам добавить какие-либо уточнения относительно самого актуального вопроса - о времени и обстоятельствах возникновения данного оборонительного сооружения. На сегодняшний момент наиболее «новой» и аргументированной представляется точка зрения А.Л. Ермолина, отмечающего датировку большинства оборонительных объектов вблизи вала эпохой Митридата [Ермолин 2010, с. 159] и последующую их реконструкцию в период правления Аснадра.

Дальнейшее изучение вала Безкровного является перспективным научным направлением, и возможно приблизит нас к решению вопросов, касающихся времени и обстоятельств сооружения боспорских валов, прояснение которых, безусловно, имело бы большое значения для осмысления отдельных важных этапов истории Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Безкровный И.С. Древний вал и шоссе вдоль Керчи // ЗООИД. Т. IX. Одесса, 1875 С. 443-444.

Внуков С.Ю. Редкая синопская амфора римского времени // КСИА вып. 249 часть 1. Москва 2017. С. 329-333.

Ермолин А.Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // Древности Боспора. Т. 14. М., 2010. С. 131-161.

Куликов. А.В. Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М., 2018. С. 164-173.

Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. 280 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ Д.1-4. Москва, 1964. 90 с., 23 табл.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003. 352 с.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. ХК-95. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть 2. Екатеринбург, 1995. 173 с.

Столяренко П.Г., Супренков А.А., Прокопенко С.Н. Валы Безкровного (Чокракский) и Акмонайский (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. 25. М., 2018. С. 354-362.

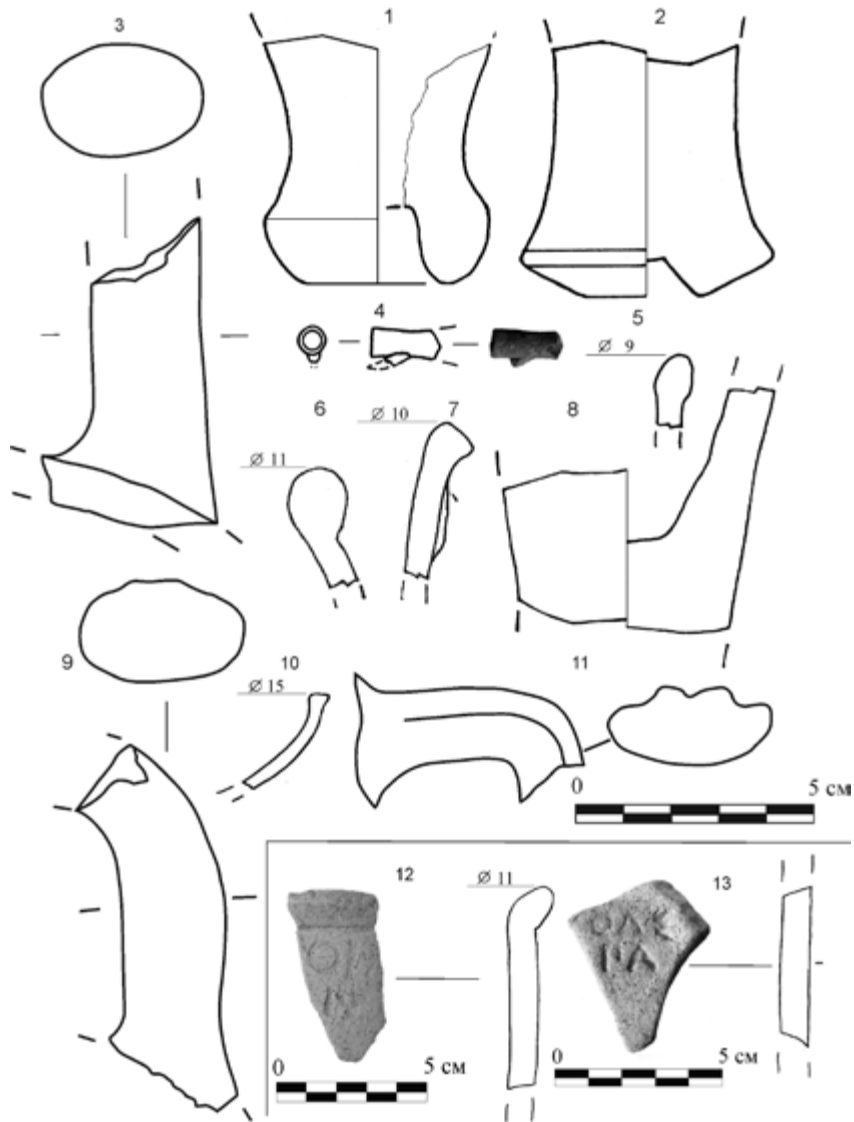

Рис. 1 Вал Безкровного 2017-2018. Находки. 1. Раскоп 1. Ножка хиосской амфоры с прямым горлом. Вторая половина V в. до н.э. 2. Раскоп 1. Ножка мендейской амфоры. IV-III вв. до н.э. (Монахов 2003, табл. 60, рис. 4). 3. Раскоп 2, заполнение рва. Ручка хиосской амфоры с нижним прилепом. IV-III вв. до н.э. 4. Раскоп 3. Наконечника стрелы бронзового скифского типа фрагмент. Кон VII – 1/2 VI вв. до н.э. (Мелюкова 1964, табл. 8) 5. Раскоп 1. Венчик амфоры причерноморского типа, ок. VIII – X в. 6. Раскоп 1. Венчик хиосской пухлогорлой амфоры. V в. до н.э. (Монахов 2003, табл. 6, рис. 1). 7. Раскоп 1. Венчик книдской амфоры III-II вв. до н.э. 8. Раскоп 1. Ножка южнопонтийской светлоглиняной амфоры ф-т. I в. до н.э. – II в. н.э. 9. Раскоп 2. Ручка амфоры с нижним прилепом. Класс 45 по ХК-95, XIII-XIV вв. н.э. 10. Раскоп 2. Венчик красноглиняной поливной миски. XIV-XV вв. 11. Раскоп 5 Синопа, тип V. 2-3 четверть I в. н.э. (Внуков 2017, с. 330, рис. 1). 12. Раскоп 1. Фр. клейма энглифического ретроградного в две строки на горле гераклейской амфоры. ΔΙΟ[N-; Υ]Σ[Ι]Ο. клеймо фабриканта Дионисия I. Конец V – начало IV в. до н.э. 13. Раскоп 1. Фр. клейма энглифического на горле стенке гераклейской амфоры [Κ]ΟΑΑΣ; ΠΑ. Магистрат Πα(---). 90-ые гг. до н.э.

ТРУФАНОВ А.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ КОМПЛЕКСА БРОНЗОВЫХ УКРАШЕНИЙ КОНЦА II – СЕРЕДИНЫ III в. н. э. ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ПРЕДГОРНОГО И ГОРНОГО КРЫМА

К настоящему времени в Крыму выявлено множество варварских могильников первых веков н. э., что свидетельствует о высокой плотности заселения территории в этот период. Существенные различия в погребальном обряде, прослеженные в процессе исследования могильников, указывают на неоднородность проживавшего здесь населения. Вместе с тем, комплекс вещевых находок, обнаруженных при раскопках этих памятников, во многом схож. В погребальном обряде используются одни и те же типы фибул, пряжек, бус, подвесок и предметов быта, в захоронениях различных некрополей присутствуют одинаковые краснолаковые и стеклянные сосуды. Даже среди лепной посуды, по определению более чуткой к локальным различиям, имеются базовые формы, встречающиеся повсеместно.

Несмотря на то, что вещи из разных крымских могильников во многом одинаковы, прослеживаются и различия. В частности, наблюдаются некоторые особенности комплекса бронзовых изделий из погребений конца II – середины III в. н. э. центральной зоны предгорного и горного Крыма, отличающие его от группы синхронных находок из юго-западной части предгорий.

1. **Браслеты и височные кольца** с окончаниями в виде крючка и относительно длинной петли. Изделия выполнены из круглой в сечении или из четырехгранной перекрученной проволоки, в некоторых случаях петлю заменяет расплющенное окончание с отверстием. По конструкции рассматриваемые браслеты и височные кольца повторяют серьги распространенного типа, отличаясь от них большим диаметром и толщиной проволоки.

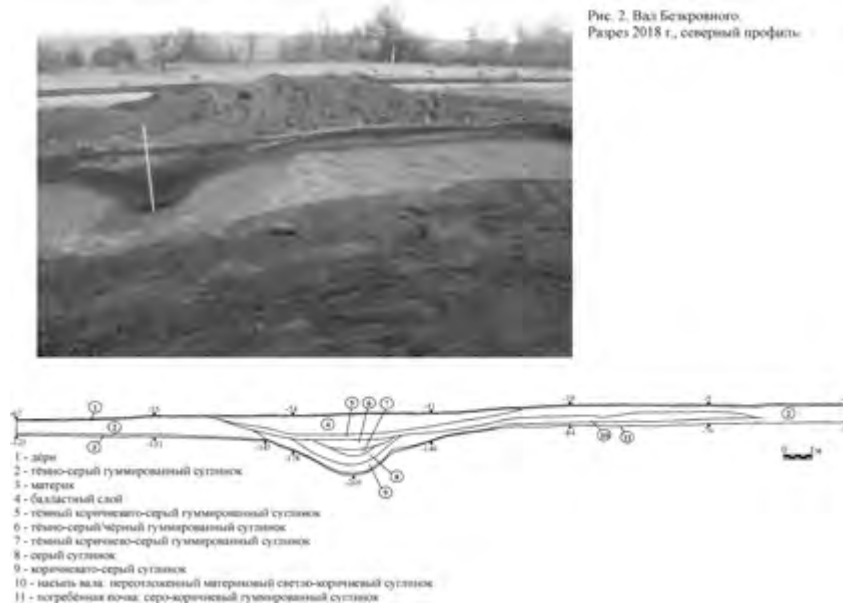

Рис. 2 Вал Безкровного. Разрез 2018 г., северный профиль

Абсолютное большинство таких находок сосредоточено в центральной зоне предгорного Крыма. В Битакском могильнике два височных кольца найдены в захоронении (могила 62) конца II – первой половины III в. н. э. Такие же изделия обнаружены в погребениях Нейзацкого некрополя (могилы 5 и 81) (Храпунов, 2006, рис. 33, 1; 41, 16). Большое количество браслетов (14 экз.) и височных колец (не менее 3 экз.) рассматриваемой конструкции происходит из погребений конца II – III в. н. э. могильника Перевальное (могилы 15-б, 17-а, 17-б, склеп 18). Целые и фрагментированные браслеты (не менее 8 экз.) найдены в пещере Глазастой на восточном склоне Караби-яйлы «в местах скопления антропологического материала». Там же обнаружено несколько изделий меньшего диаметра, определенных как височные кольца (Лысенко, 2003, с. 90, рис. 5, 1, 3, 5, 6, 8, 10, 12; 6, 1). Подобные изделия продолжают попадать в погребения и после середины III в. н. э., примером чему служит могила 21 (Чатыр-Даг) с монетами 251–253, 253–268 и 266–267 гг. н. э., в которой найдены два браслета (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, таб. 25, 2а, д).

За пределами центральной части предгорного и горного Крыма браслеты и височные кольца рассматриваемой формы встречаются исключительно редко. Например, среди материалов исследований Усть-Альминского некрополя удалось выявить лишь две находки таких браслетов (могилы 457-а и 997): один из них найден в комплексе конца I – первой половины II в. н. э., а второй происходит из погребения конца II – первой половины III в. н. э. По крайней мере, один браслет с петлей, украшенной спирально навитой проволокой, обнаружен в комплексе III в. н. э. могильника «Совхоз 10» (Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2005, табл. 17, 85). К этому же типу изделий, по-видимому, относится браслет, найденный в пещере Албатская у пос. Куйбышево (Лысенко, 2003, с. 92, рис. 8, 5).

3. Перстни из узких и, как правило, орнаментированных пластин с заостренными окончаниями, свернутых в полтора-два оборота. Часть находок представлена изделиями, концы которых лишь слегка заходят один за другой. Орнамент состоит из врезных линий, насечек или пуансонов.

В Битакском могильнике пластинчатые перстни с заходящими друг на друга концами (4 экз.) найдены в 2 погребениях (могилы 1 и 109). Один многовитковый перстень происходит из могилы 25 (Неаполь), где найден с лучковой фибулой (4-1-4, форма 1) конца II – первой половины III в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 80, 116). Перстни этой же формы обнаружены в ряде погребений могильника Нейзац, относящихся к концу II – первой

половине III в. н. э., в том числе в могиле 20 (4 экз.) и в могиле 59 (5 экз.) (Храпунов, 1999, рис. 2, 13, 14, 16; 3, 9, 10; 2006, рис. 34, 20–22, 35, 3). В могильнике Перевальное перстни рассматриваемой формы (всего 28 экз.) найдены в 7 погребальных сооружениях конца II – середины III в. н. э. Датирующими вещами из этих комплексов выступают лучковые фибулы 4 и 5 вариантов, фибулы «инкерманской» серии II варианта 2 (Амброс, 1966, с. 51, 52), краснолаковые кувшины с грушевидным туловом формы 39 (Журавлев, 2010, с. 171), колокольчики с горизонтально отогнутым нижним краем и другие находки. Наибольшее количество пластинчатых перстней (14 экз.) происходит из могилы 17-б с двумя детскими погребениями. В могильнике Чатыр-Даг выявлено 6 таких перстней (в могиле 13 – 5 экз., в могиле 14 – 1 экз.) (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, таб. 16, 1; 18, 10в).

За пределами центральной части предгорного и горного Крыма подобные перстни встречаются исключительно редко. Всего один такой перстень обнаружен в Усть-Альминском некрополе (могила 1089). В прочих могильниках Юго-Западного Крыма, судя по опубликованным материалам исследований, аналогичные изделия не выявлены.

3. Пластинчатые изделия с загнутыми краями, являющиеся составными частями головного убора (диадемы или повязки). Лицевая сторона пластин обычно украшена орнаментом, состоящим из одной или двух полусферических выпуклостей в окружении выпуклых точек. По-видимому, на головном уборе такие пластины располагались в ряд, закрепляясь на ремне при помощи загнутых краев.

Локальность распространения изделий данного типа, встречающихся на территории, ограниченной «центральной частью предгорного Крыма», отмечена А.А. Стояновой (Стоянова, 2011, с. 124). Наиболее ранние находки (5 экз.) происходят из склепа 20 (Левадки), датированного «I в. до н. э. (возможно, второй его половиной) – I в. н. э. (возможно, первой половиной II в. н. э.)» (Мульд, Масыкин, 2003, с. 7, 8, 12, рис. 3, 1). Еще одна пластина обнаружена в ограбленной могиле 3 (Левадки) (Мульд, 1999, рис. 8, 3). Остальные находки относятся к более позднему времени. Несколько изделий (не менее 7 экз.) выявлено в Неапольском могильнике (Сымонович, 1983, табл. XXIX, 37–39; Пуздровский, 2007, рис. 120, 2). В располагавшемся поблизости Битакском некрополе пластины (не менее 40 экз.) обнаружены в 4 погребениях (Пуздровский, 2007, рис. 120, 4–6), в двух из которых, помимо того, находились сильно профилированные фибулы, характерные для комплексов II в. н. э., но суще-

ствовавшие и в более позднее время. В могильнике Нейзац три набора пластин (4, 7 и 10 экз.) найдены в «женских и детских погребениях III в. н. э.» (Храпунов, 1999, рис. 2, 10; 2006, с. 168, рис. 36, 5, 7, 11; 2011, с. 37, рис. 34, 5–14). В могильнике Перевальное такие пластины (26 экз.) найдены в четырех погребальных сооружениях, причем в подбойной могиле 17-б с остатками двух погребений, найдено не менее двух комплектов таких изделий (Пуздровский, 2007, рис. 120, 7–13). Большая часть захоронений с пластинами из этого могильника датируется в пределах конца II – первой половины III в. н. э. Основанием для такой датировки служат найденные в этих же комплексах лучковые фибулы 5 варианта, фибулы с пластинчатой спинкой «инкерманской» серии II варианта 2 (Амброз, 1966, с. 51, 52) и краснолаковые кувшины с грушевидным туловом формы 39 (Журавлев, 2010, с. 171). В могиле 17-б, помимо прочих находок, обнаружены две боспорские монеты с надчеканкой времени Савромата II (174/5–210/11 гг. г. э.), превращенные в подвески. Пластины с загнутыми краями (6 экз.) найдены также в составе вещей из могилы 14 (Чатыр-Даг), содержащей остатки кремации середины III в. н. э. (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, таб. 17, 1), что свидетельствует об их встречаемости в горной части Крыма.

Большинство вещей рассмотренных типов найдены при исследовании памятников, расположенных в центральной зоне предгорий (Неаполь, Битак, Нейзац) и в горном Крыму (Глазастая, Чатыр-Даг), а также на пространстве, которое прилегает к пути, соединяющем предгорье с побережьем (Перевальное). Указанные вещи распространены именно в указанном регионе, и за его пределами встречаются крайне редко. Они найдены в могильниках, различающихся по погребальному обряду. Большинство этих памятников состоит из погребений, совершенных по обряду ингумации (Нейзац, Битак, Неаполь, Перевальное), один представляет собой пещерный некрополь (Глазастая), другой состоит из погребений-кремаций (Чатыр-Даг).

В таком контексте локальное распространение единообразных изделий, по-видимому, может объясняться лишь ограниченной разветвленностью торговой сети. Иными словами, существовала одна или несколько мастерских, вероятно, расположенных именно в данном регионе, которые, по крайней мере, частично обеспечивали потребности проживающего здесь населения в металлических украшениях, независимо от его этнокультурной принадлежности. В пользу предположения о том, что мастерских было несколько, свидетельствует отличающееся

соотношение количества изделий рассмотренных типов в различных могильниках. Эти мастерские обеспечивали продукцией в основном население именно этого региона, так что данный феномен можно трактовать в качестве одного из региональных признаков материальной культуры населения, проживавшего в центральной части предгорного и горного Крыма в конце II – середине III в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // САИ. Вып. Д 1–30. М.: Наука, 1966. 111 с.
- Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь: 2010. 320 с.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
- Лысенко А.В. Пещерные некрополи горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н. э. – IV в. н. э.) // Vita Antiqua. Київ. 2003. № 5–6. С. 85–107.
- Мульд С.А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999. С. 181–193.
- Мульд С.А., Масыкин В. В. Позднескифский склеп №20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 5–31.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006. 207 с.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.
- Стоянова А.А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / И.Н. Храпунов (ред.). Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 115–152.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum+. 2005. №4. С. 27–277.
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев: Наукова думка, 1983. 174 с.

Храпунов И.Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 262–268.

Храпунов И.Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1 / Ред.-сост. А.И. Айбабин и В.Н. Зинько. Симферополь, 2006. С. 161–250.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / И.Н. Храпунов (ред.). Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 13–113.

Рис. 1. Памятники предгорного и горного Крыма

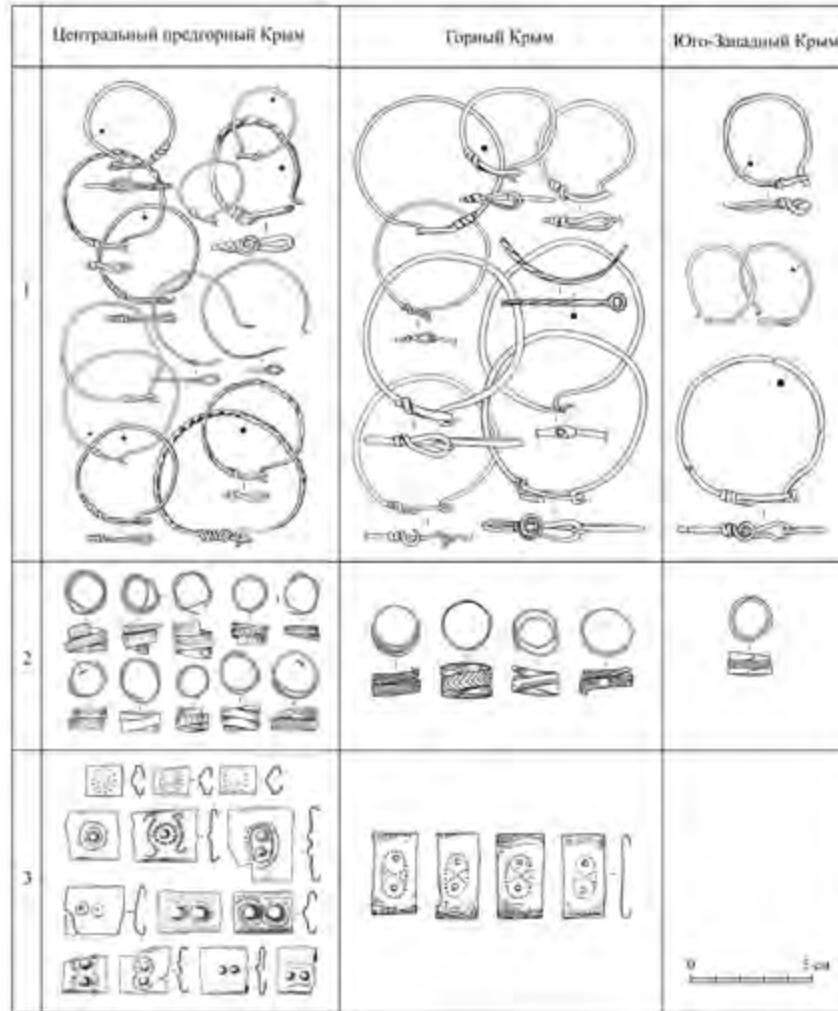

Рис. 2. Бронзовые изделия из погребений центрального, горного и юго-западного Крыма конца II – середины III в. н. э.: 1 – браслеты и височные кольца, 2 – перстни, 3 – налобные пластины

ХАЙРЕДИНОВА Э.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Традиционный костюм является важным элементом материальной культуры любого народа. Помимо утилитарной функции, костюм наделен знаковой системой, позволяющей различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности. Женский костюмный комплекс, по сравнению с мужским, как правило, более подчинен возрастным, субэтническим, этническим и конфессиональным различиям. Поэтому женский костюм представляет собой полноценный исторический источник, иллюстрирующий сложный процесс этногенеза и позволяющий проследить историю народа, его быта и культуры.

Костюм раннесредневекового населения Крыма известен, в основном, по находкам из могильников Юго-Западного Крыма и некрополя Боспора. В этот период умерших хоронили в парадной, прижизненной одежде. О том, что это одеяние не было специально сделано для погребения, свидетельствуют многочисленные следы изношенности и ремонта на металлических предметах одежды. Однотипные происходящим из захоронений аксессуары выявлены и на поселениях, что доказывает их использование в повседневной жизни. Текстиль в погребениях сохраняется только в виде фрагментов на окисленных металлических элементах одежды, находившихся с ним в соприкосновении. По этим остаткам восстановить фасон одежды и ее покрой невозможно. Костюм можно изучать только по металлическим деталям одежды и различным украшениям. По зафиксированному *in situ* их расположению на костяке можно судить о типе одежды. Для реконструкции костюма важно определить место украшений и способы их ношения. Необходимо также учитывать

содержащиеся в сочинениях византийских авторов сведения об одежде современниц и обо всем, что связано с производством тканей, одежды, украшений и их торговлей, а также привлекать обширный иконографический материал, представленный на византийских фресках. В названных источниках отражены общие, характерные для многих народов тенденции в развитии одежды интересующего нас времени.

Известно, что на Боспоре со второй четверти VI и до середины VII в. в моде был женский восточногерманский костюм с большой пряжкой, предназначенной для широкого пояса и парой фибул, которыми застегивали накидку на плечах (рис. 1, 3-5). Он появился после 528 г., когда прибывшие для подавления восстания гуннов с византийскими полками из Подунавья готы поселились на Боспоре с семьями. Они привезли с собой характерные для остготов Италии большие пряжки с прямоугольным щитком различных типов и пальчатые фибулы типа Удине-Планис, а также гепидские орлиноголовые застёжки [Айбабин 1999, с. 100-101]. Пряжки с прямоугольным щитком не получили широкого распространения на Боспоре, зато орлиноголовые застёжки стали популярными: со второй половины VI в. городские мастера начали серийно изготавливать их местные варианты. Боспорский костюм с орлиноголовой пряжкой оставался неизменным на протяжении всего времени бытования – со второй половины VI в. и до середины VII в. (рис. 1, 3,4). Жительницы Боспора в наборе с орлиноголовой пряжкой использовали пару фибул типа Удина-Планис (рис. 1, 5). Зачастую носили и одну пряжку, без наплечных застёжек. Костюм дополняли украшения: серьги с литым или ажурным многогранником (рис. 1, 2), низка бус из стекла, янтаря и сердолика, пара браслетов с утолщенными гладкими или декорированными концами. Местный колорит костюму придавали золотые нашивные бляшки – «городки», украшавшие горловину платья (рис. 1, 1). Этот костюмный комплекс с большой пряжкой и парой пальчатых фибул зафиксирован как в склепах на северном склоне горы Митридат, так и в плитовом могильнике [Айбабин 1999, с. 100-104, 142, рис. 37; 38]. Отдельные его детали – пряжки и, особенно, пальчатые фибулы в VII в. массово импортировали в Юго-Западный Крым. В VII в. на Боспоре традиционный женский костюм носили отдельные представительницы имущих слоев населения, рядовые же горожанки перешли на «урбанизированную» одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой или без нее и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты (рис. 1, 6,7) [Хайрединова 2013]. Так в то время одевались жительницы многих городов Византийской империи.

Во второй половине VI-VII в. жительницы Юго-Западного Крыма носили своеобразный парадный костюм, который выделял их из общей массы народов, живших на границах Восточно-Римской Империи. В его состав входили: широкий пояс с большой пряжкой, пара фибул, носившихся на плечах, головкой вниз, а также украшения специфических форм (рис. 2). Мода на подвязывание платья широким поясом с большой пряжкой и одновременным застегиванием верхней одежды на плечах парой одинаковых фибул возникла в первой половине V в. на Среднем Дунае, под влиянием римской провинциальной моды в среде полиэтничной варварской аристократии, а в VI в. сохранилась только у визиготов, остготов и готов Крыма [Bierbrauer 1975; Айбабин, Хайрединова 2017].

Выделяется шесть типов костюмных комплексов, отличающихся входившей в их состав поясной застёжкой: с пряжками с прямоугольным щитком (типы 1-3); с орлиноголовой пряжкой (тип 4; рис. 2); с пряжкой с ромбическим щитком (тип 5); с византийской шарнирной пряжкой (тип 6). Во второй половине VI в. бытовали гарнитуры типов 1-4. При этом костюмы с пряжкой с прямоугольным щитком (типы 1-3) и с орлиноголовой (тип 4) застёжкой были популярны в равной степени – найдено примерно одинаковое количество гарнитуров, включавших и те, и другие пряжки. Среди наплечных застёжек преобладали местные большие двупластинчатые фибулы варианта IIв. Пальчатые фибулы, которые в этот период носили только в наборе с пряжкой с прямоугольным щитком, представлены привозными экземплярами типов Удине-Планис и Арчар-Истрия. Преобладали серьги с многогранником – серебряные литые или полые золотые. Все браслеты сделаны с утолщенными концами – гладкими, или декорированными поперечными бороздками; их носили парными, по одному на запястье каждой руки. В состав богатых наборов входили золотые украшения горловины платья – нашивные бляшки – «городки».

Костюм первой половины VII в. отличался большим разнообразием форм наплечных и поясных застёжек, а также украшений. В этот период бытовали гарнитуры типов 1-5. Заметно преобладание гарнитуров типа 4 с орлиноголовой пряжкой – их найдено в два раза больше, чем наборов с застёжкой с прямоугольным щитком. Последние представлены, в основном, экземплярами с вытисненным изображением льва. Местные двупластинчатые фибулы варианта IIв остались в моде. Возросло количество и разнообразие пальчатых фибул, главным образом за счет импортных бронзовых застёжек, привезенных из Подунавья, Поднепровья и Боспора. Вместе с бронзовыми фибулами из Поднепровья привозили и

их украшения – длинные цепи и колокольчики. Серьги с многогранником продолжали носить и в этот период. Однако серег с литым многогранником стало меньше, преобладали полые бронзовые или золотые. У золотых серег изменилась форма многогранника – он стал более вытянутым. Преобладали браслеты с утолщенными концами, декорированными поперечными насечками. Горловину платья продолжали украшать золотыми бляшками – «городками».

Во второй половине VII в. носили только гарнитуры типов 4-6. Для этого периода характерно укрупнение всех деталей костюма. Фибулы начали выходить из моды – в наборах с большой пряжкой они встречаются значительно реже, чем в предыдущий период. Доминировали пальчатые фибулы. Браслеты с утолщенными концами, декорированными поперечными насечками стали редкими, их заменили массивные браслеты с гладкими концами. Стало модным носить много украшений: по несколько браслетов на каждой руке, по 2-3 серьги в ухе. Вместо больших местных пряжек иногда использовали византийские шарнирные застежки.

В костюме с большой пряжкой из Юго-Западного Крыма смешены разные этнокультурные традиции. На протяжении всего его существования наиболее ярко выражен восточногерманский компонент. Прототипами для всех типов больших пряжек и многих фибул из Юго-Западного Крыма послужили застежки остготов и гепидов. Традиция ношения фибул парами, на плечах и головкой вниз – на момент ее появления в Юго-Западном Крыму в середине VI в. – была характерна только для остготов в Северной Италии, везиготов в Испании и для готов, живших на Боспоре и в Херсоне. Характерные для костюма на всем периоде его существования украшения – серьги с многогранником и браслеты с утолщенными, декорированными концами во второй половине V-VI вв. были популярны у многих народов Европы. Золотые бляшки – «городки», украшавшие горловину платья – восходят к сармато-аланской традиции расширять одежду нашивными золотыми бляшками. В Юго-Западном Крыму известны отдельные детали боспорского костюма – пряжки и фибулы, что вполне объяснимо торговыми связями между двумя регионами, но в целом характерный для жительниц Боспора костюм не найден. Привозные боспорские аксессуары носили в составе местного костюма (рис. 2). Торговыми контактами с Поднепровьем можно объяснить и появление в местном костюме бронзовых пальчатых и антропоморфно-зооморфных фибул, которые, как и другие привозные наплечные застежки, приспособивались под местный костюм и часто носили непарными.

С усилением политической и военной активности Византийской империи в Юго-Западном Крыму с последней четверти VI в. возросло и влияние византийской моды на костюм местных жителей. В костюме с большой пряжкой появились импортные провинциально-дунайские фибулы, обувные пряжки и отдельные типы украшений. В VII в. особенной популярностью пользовались небольшие пряжки, распространенные во всей Византии и на прилегающих к ней территориях. В костюме с большой пряжкой они были вспомогательными и служили в качестве застежек для сумочки [Хайрединова 2008]. Под влиянием христианства в костюме появились личные предметы культа (кресты, филактерии, медальоны), которые носили в ожерельях как подвески, а также перстни с христианской символикой. В декоре металлических варварских аксессуаров одежды и украшениях активно использовали христианскую символику. Во второй половине VII в. разнообразие византийских пряжек возросло и изменилось отношение к ним. В женском парадном костюме с парой фибул место большой поясной застежки иногда занимала византийская шарнирная пряжка с лировидным или дисковидным щитком, копировавшая парадные золотые поясные застежки знати. К концу VII в. византийские застежки полностью вытеснили из женского костюма большие пряжки, лишив его этнического своеобразия. К этому времени из одежды женщин и девочек исчезли и фибулы. В конце VII в. жительницы Юго-Западного Крыма перешли на византийскую одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты.

Процесс постепенной замены женской традиционной одежды на византийскую можно проследить и в других регионах распространения восточногерманского костюма. Так, у везиготов Испании костюм с большой пряжкой и парой фибул вышел из моды в конце VI в. [Dohíjo 2007, p. 148, fig. 5, 188] и уже начиная с VII в. везиготские женщины отдают предпочтение византийской одежде [Ripoll López 1991, Tab. 1, IV,V; Ripoll López 1998, p. 60].

Подводя итоги, можно отметить, что по имеющимся в нашем распоряжении источникам женский костюм раннесредневекового населения Крыма исследован достаточно полно. Тем не менее, следует выделить несколько направлений, изучение которых представляется перспективным. Отдельного исследования требует костюм девочек и девушек-подростков. Предварительные наблюдения по этому вопросу нами сделаны

[Хайрединова 2017], однако комплексного исследования пока не проводилось. Перспективным направлением является и изучение украшений – их классификация, обоснование хронологии, выявление круга аналогий, исследование особенностей изготовления, а также определения места и роли в costume.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.). Симферополь. 2017.

Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском costume крымских готов // МАИЭТ XIV. Симферополь. 2008. С. 161-183.

Хайрединова Э.А. Costume городского населения Боспора в VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. Симферополь - Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 286-317.

Хайрединова Э.А. Детское погребение первой половины VII в. с пальчатыми фибулами днепровского круга из могильника у с.Лучистое в Юго-Западном Крыму // КСИА. Вып. 248. 2017. С. 232-248.

Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto. 1975.

Dohijo E. La necropolis hispanovisigoda del area foral de Termes // Pyrenae. – 38/1.– 2007.

Ripoll López G. Materiales funerarios de la Hispania visigoda: problemas de cronologia y tipologia // Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne. – Rouen, 1991.

Ripoll López G. Toréutica de la Bética (Siglos VI y VII d.c.). – Barcelona, 1998.

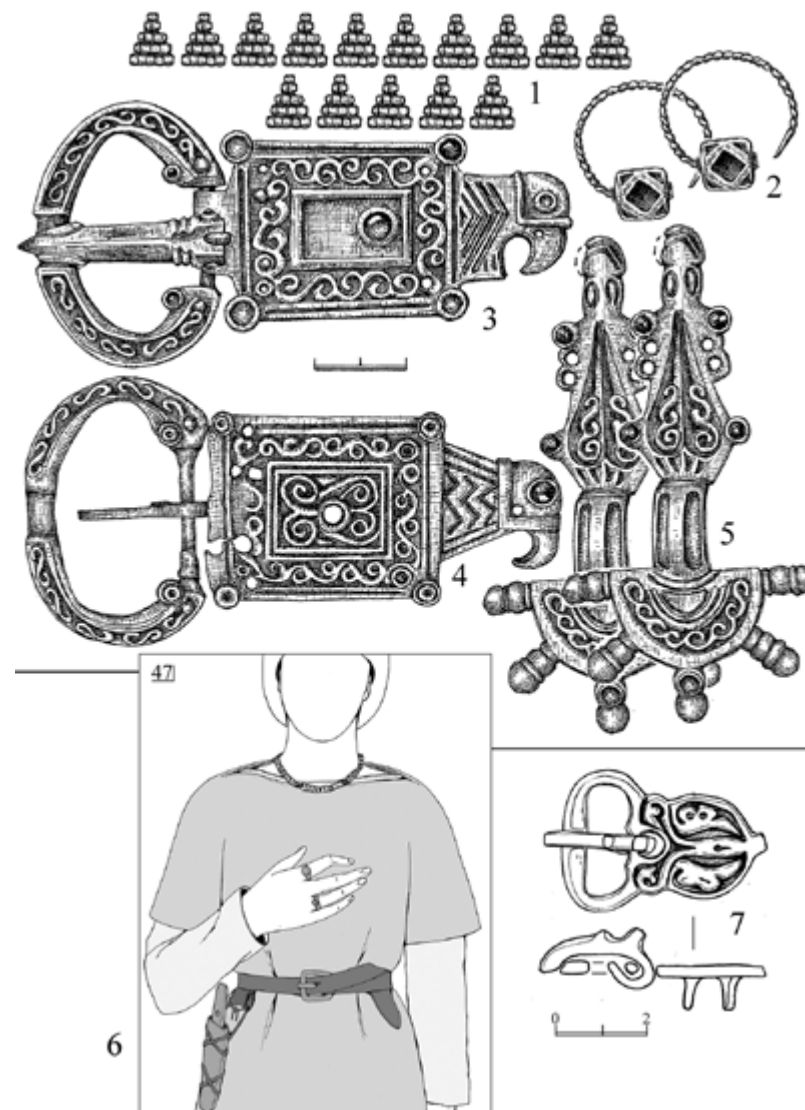

Рис.1. Элементы costume жительниц раннесредневекового Боспора по материалам некрополя. 1,3 – плитовая могила 1/1905; 2 – плитовая могила, открытая в 1977 г.; 4,5 – склеп 152/1904, верхнее захоронение; 6,7 – Босфорский переулок (6 – могила 47; 7 – могила 29)

ХРАПУНОВ И.Н.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВАРВАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ)

Раскопки последних лет могильников римского времени в предгорном Крыму (поселения этой эпохи практически не исследуются) привели к открытиям, которые позволили сформулировать новые проблемы, касающиеся истории населения этого региона.

Могильник Опушки расположен приблизительно в 15 км к востоку от Симферополя. Он исследуется с перерывами с 2003 г. За это время на площади 2762 м² раскопано 242 погребальных сооружения.

Могильник Опушки единственный из крымских варварских некрополей, который использовался непрерывно с I в. до н. э. до IV в. н. э. включительно. Ранние погребения совершались в типичных позднескифских склепах с забитыми камнями входными ямами и погребальными камерами, часто содержащими останки более чем 100 погребенных. Последние захоронения в склепах совершили в первой половине II в. н. э. Погребальный инвентарь представлен обычными для поздних скифов изделиями. Совершенно необычно то, что вблизи некрополя, несмотря на многолетние поиски, не обнаружено поселение, которому он мог бы принадлежать. Позднескифские склепы характерны как раз для некрополей, примыкающих к крупным поселениям, вроде Неапольского или Усть-Альминского.

Еще одной особенностью позднескифского участка могильника Опушки являются расположенные компактно однотипные погребения взызданных коней I–II вв. н. э. Сейчас их раскопано 50, но еще многие конские могилы уходят в борта раскопа.

Начиная с I в. н. э. одновременно со склепами погребения совершались в подбойных и грунтовых могилах. После того, как склепы пере-

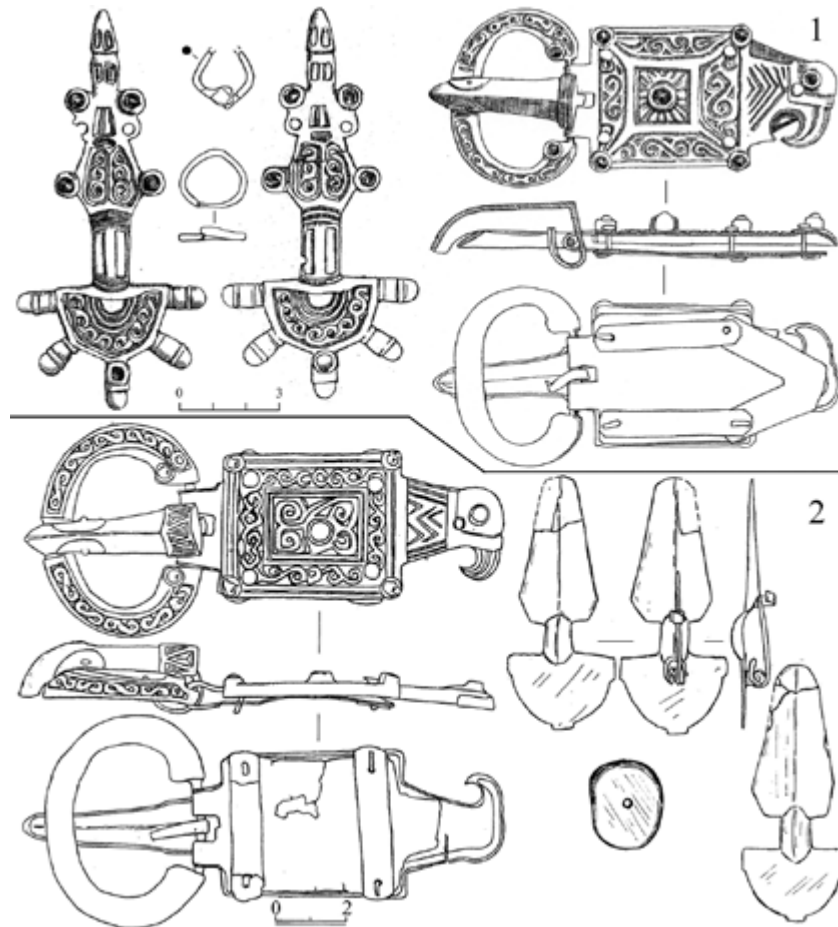

Рис. 2. Женский костюм с орлиноголовой пряжкой второй половины VI в. (1) и первой четверти VII в. (2) из Юго-Западного Крыма.
1 – Алония, подбойная могила 3; 2 – Эски-Кермен, подбойная могила 315

стали использоваться, в подбойных, грунтовых и некоторых других типах могил продолжали хоронить. Причем, если склепы занимают компактную территорию, то погребения в могилах иных типов во II – первой половине III в. н. э. распространились, насколько можно судить по отдельным раскопанным участкам, по всей территории могильника, превышающей 2 га (рис. 1).

В конце II или в начале III в. н. э. появляются склепы иной, по сравнению с позднескифскими, конструкции. Их входные ямы не заполнялись камнями, между входной ямой и погребальной камерой выкапывался короткий дромос, в погребальной камере совершали по 4 – 8 погребений в один ярус. Некоторые из этих склепов прекратили использовать около середины III в. н. э., в других продолжали хоронить и во второй половине столетия. Раскопаны склепы с погребениями IV в. н. э. Склепы с погребениями, датирующимися временем до середины III в. н. э., разбросаны по всей территории могильника, исключая позднескифский участок. Склепы с погребениями второй половины III – IV в. н. э. расположены компактно (рис. 1).

Со склепами позднееримского времени и с могильниками, в которых они обнаружены, связаны три актуальные проблемы.

Во-первых, это время возникновения могильников. На примере могильника Нейзац видно, как, по мере раскопок памятника, менялись представления о совершении в нем первых погребений. В результате выяснилось, что первые могилы были выкопаны не в IV в. н. э., как считалось после первых раскопок, а на рубеже I – II вв. н. э., что позволяет существенно скорректировать гипотезы о причинах и обстоятельствах возникновения подобных некрополей.

Во-вторых, уточнилось время появления собственно склепов новой для Крыма конструкции. Выяснилось, что они появились не во второй половине III в. н. э., как считалось ранее, а приблизительно на полвека раньше. В могильнике Опушки раскопано более десятка склепов первой половины III в. н. э.

В-третьих, продолжается дискуссия о происхождении склепов с короткими дромосами. Одни исследователи указывают на более ранние, чем в Крыму, склепы этого типа на Северном Кавказе и реконструируют на этом основании миграцию северокавказского населения в Крым. Другие обращают внимание на отличия в конструкции склепов и зафиксированных в них погребальных обрядах, предполагая конвергентное возникновение погребальных сооружений с короткими дромосами в обоих

регионах. Открытие значительной серии склепов в могильнике Опушки должно актуализировать эту дискуссию.

В могильнике Опушки открыто единственное погребение, совершенное по обряду трупосожжения в каменном ящике. Оно довольно давно опубликовано и связывалось, как и другие крымские кремации римского времени, с проникновением на полуостров германцев. В последние годы сделаны совершенно неожиданные открытия могильников с трупосожжениями римского времени, но гораздо более древними, чем зафиксированные письменными источниками походы германцев. Речь идет о могильнике Лучистое 2 на Южном Берегу Крыма и нескольких памятниках в Варнутской и Байдарской долинах неподалеку от Херсонеса. Возможно, открытие новых могильников позволит переосмыслить некоторые давно известные погребения с кремациями, в первую очередь те, что не имеют надежно датированного погребального инвентаря, как в случае с каменным ящиком в могильнике Опушки.

В могильнике Опушки обнаружена серия украшений, изготовленных в едином стиле, который обычно именуют позднееримским полихромным или догунским полихромным. Это восемь серег и подвеска-лунница. Они серебряные, украшенные позолоченной орнаментированной фольгой и крупными стеклянными или сердоликовыми вставками. Представительная серия изделий позволила обратить внимание на то, что, в отличие от других ареалов полихромного стиля позднееримского времени (Северо-Западное Причерноморье, Нижнее Подонье, Боспор), в предгорном Крыму он представлен исключительно женскими и детскими украшениями. Каждую их пару ювелиры делали индивидуально, под конкретный заказ. Эkleктичная культура населения предгорного Крыма весьма своеобразна, что выразилось, в частности, в отличном от других регионов ассортименте изделий, изготовленных в полихромном стиле позднееримского времени.

ХРАПУНОВ Н.И.
(НИЦИАК КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь)

ПРОШЛОЕ КРЫМА ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Рис. 1. План могильника Опушки

В последнее время записки путешественников пользуются большой популярностью у историков и археологов. Выходят новые переводы источников, анализирующие их статьи, сведения тревелогов широко используются в работах по истории исследования Крыма и отдельных памятников крымской археологии. В докладе представлены некоторые общие размышления как о наиболее перспективных направлениях изучения размышлений путешественников о прошлом Крыма, так и о трудностях, неизбежных при работе с этой группой источников.

Именно путешественники привлекли внимание образованной публики к прошлому Крыма. Знаменитый англичанин Эдвард-Даньел Кларк назвал Крым «непаханым полем для антиквара» [Otter, 1827, p. 299]. В письме к своему товарищу он заметил, что античное наследие Крыма может оказаться даже более интересным, чем памятники Греции: «Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы её первых колоний, в которых мы роемся?» [Otter, 1827, p. 292]. Опубликованный впоследствии тревелог Кларка многократно переиздавался и был переведен на французский и немецкий языки, а потому существенно повлиял на представления о Крыме в общественной мысли. Крым стал восприниматься как «заменитель» древней Греции, в котором сохранились многочисленные классические памятники и оживали сюжеты древней истории и мифологии.

Интерес к античности путешественники органично сочетали с интересом к романтике мусульманского Востока. «Приехав в Тавриду, я намеревался возвысить свою душу через те великие вещи, истинные и ложные, что здесь произошли. Мой разум был готов обратиться к героическому – с Митридатом, к сказочному – с Ифигенией, к воинскому – с римлянами, к изящным искусствам – с греками, к разбойному – с татарами, и торговому – с генуэзцами. Все эти народы мне хорошо знакомы; но, правда, вот дела! все они исчезли в “Тысячи и одной ночи”», – писал Шарль де Линь [Ligne, 1809, p. 51]. Описывая памятники ушедшей в прошлое мусульманской эпохи, путешественники давали волю фантазии, что делало их записки популярнее, а образ Крыма – романтичнее. Не случайно Пушкин, сочиняя «Бахчисарайский фонтан», ориентировался не только на свои воспоминания, но и на записки де Линя и его товарища по путешествию на юг в 1787 г. в свите Екатерины II Луи де Сегюра [Dickinson, 2002, p. 18].

Мало найдется путешественников, которые не пытались бы внести свой вклад в изучение истории и археологии полуострова. Как правило, они припоминали сюжеты из истории и пытались «привязать» их к тому, что видели на местности. Нередко источниками им служили не сочинения древних авторов, но поэзия и опера нового времени. К числу подобных эпизодов относятся поиски могилы Митридата VI Евпатора, которые вели в Керчи и ее окрестностях. Очевидно, с древним царем пытались связать один из местных курганов. Француз Жильбер Ромм, наблюдавший подобные поиски на Тамани, не без иронии заметил: «Не знаю, у какого историка вычитали, что этот князь там погребен, но какая-то гробница там была» [Romm, 2016, p. 105]. Всею виной трагедия Жана Расина «Митридат», ставшая основой для одноименной оперы Моцарта, действие которых происходит «в Нимфее, морском порте на Боспоре Киммерийском, в Херсонесе Таврическом». Ну а любители исламской культуры ориентировались главным образом на переложения арабских и персидских сказок. Потому, например, Эбенезер Хендерсон, осмотревший здания ханского гарема в Бахчисарае, заметил, что здесь «были замурованы многие тысячи христианок, <...> обреченных служить удовлетворению чувственных желаний» [Henderson, 1836, p. 297]. Хотя физические размеры комплекса не позволили бы держать там столько узниц, нередко фантазии оказывались важнее реальности.

Разумеется, подавляющее большинство рассуждений путешественников на исторические темы давно устарело. Зато они позволяют

реконструировать интеллектуальный контекст, органической частью которого были травелоги. Это было время, когда научных знаний не хватало, современная исследовательская методика не была еще выработана, а научные труды нередко сложно было отделить от сентиментальной литературы или шпионских донесений. Сравнительный анализ травелогов между собой, а также их сопоставление с синхронными работами «кабинетных ученых» и других интеллектуалов, от политиков до поэтов, позволит определить место отдельных сочинений в истории изучения Крыма и их роль в формировании образа полуострова в общественном сознании. Так, например, Кларк, несмотря на свои почти безграничные амбиции и весомый авторитет у нынешних исследователей, оказался плохим антиковедом даже по мерке своего времени. Например, он поместил античную Феодосию в Старом Крыму и привел путанные и неточные локализации памятников Гераклейского полуострова, в том числе Херсонеса [Clarke, 1816, p. 142, 151–152, 154–156, 210–212 и нумерованные карты]. И это притом, что консультантом и проводником Кларка в Крыму был Петер Паллас, точно определивший местоположение этих памятников, известных по древним источникам [Паллас, 1999, с. 40–49, 116]. Зато француз Жильбер Ромм, фигура которого привлекает куда меньше внимания специалистов по истории науки (примечательно, что его имени нет в фундаментальном исследовании И. В. Тункиной [2002]), в записках о путешествии в Крым продемонстрировал знание источников, наблюдательность, критический ум и здравый смысл [Храпунов, 2014]. Впрочем, ему также удалось избежать некоторых заблуждений, к тому же его труд долго оставался не изданным и потому не повлиял на следующие поколения исследователей.

Во многих путевых записках имеются фрагменты, рассказывающее о памятниках, впоследствии разрушенных или частично поврежденных, в чем и заключается их значение для археологических исследований. Поскольку современные археологи предпочитают пользоваться переводами источников, важен вопрос о качестве последних. Иногда ошибки и неточности возникают из-за низкой квалификации переводчиков, иногда из-за их незнакомства с реалиями тех мест, которые описывали путешественники, в результате чего в отрывках, допускающих несколько толкований, используется не самое лучшее из них. Так, например, в недавнем переводе записок Джеймса Уэбстера «древний курган» («an ancient timulus») на окраине Симферополя [Webster, 1830, p. 50] превратился в несколько курганов [Крымские путешествия, 2016, с. 106]. Это

могло произойти от незнания того, как в английском языке образуются формы множественного числа существительных, – но что более вероятно, ошибка заимствована из чужого перевода [ср.: Вебстер, 2012, с. 402]. В другом случае английское «chapel» [Webster, p. 69, 71] некорректно передано как «часовня» [Крымские путешествия, 2016, с. 133–134], хотя общеизвестно, что часовни имели иную функцию и литургическое устройство. Подобные случаи заставляют еще раз пожалеть об упадке института рецензирования и редактирования научной и научно-популярной литературы.

В других, весьма качественных, переводах иногда встречаются неточности и типографские опечатки, которые вводят в заблуждение историков и археологов. Так, в издании французского оригинала записок Ромма исправлена неточная цифра, характеризующая численность крымского населения, которая стоит в русском переводе источника [Romme, 2016, p. 81; ср.: Ромм, 1941, с. 44]. Благодаря этой публикации стало ясно, что путешественник видел древнюю стену («un rempart»), а не «вал», окружавший Старый Крым [Romme, 2016, p. 86; ср.: Ромм, 1941, с. 47]. Впрочем, приверженность французских издателей к однозначному толкованию указанных в рукописи личных имен и топонимов, а также «украинизация» последних привели к тому, что некоторые из них поняты неверно, а главное – читателю трудно будет разобраться в ситуации, если нет возможности воспользоваться хранящейся в архиве рукописью [Храпунов, 2019а].

Записки путешественников сообщают важную информацию об открытии ключевых памятников крымской археологии. Выяснилось, что к XVIII в. уже забыли, где именно находился античный город Херсонес – византийский Херсон. Его искали в разных местах на Крымском полуострове и за его пределами – на нижнем Днепре и в Евпатории, на Мангупе и Чуфут-Кале, в Феодосии, Арабате и Керчи. Историческое местоположение древнего города на юго-западе Крыма было окончательно установлено после присоединения Крыма к России благодаря усилиям отставного архиепископа славянского и херсонского Евгения Булгариса, а также путешественников – авторов описаний Крыма Карла Габлица и Палласа. Последний установил, что древний город занимал не весь Герacleйский полуостров, как думали ранее, но лишь участок на западном берегу Карантинной бухты, который прежде принимали за цитадель, а загородные усадьбы – за городские кварталы [Храпунов, 2016а, с. 324–326; Храпунов, 2018а, с. 248–249]. Известия британцев Джеймса Уэбсте-

ра и Джеймса-Эдварда Александера сообщили прежде неизвестные подробности, касавшиеся первых раскопок на херсонесском городище в 1827 г. [Храпунов, 2013]

Путешественники рассказали и об открытии столицы государства поздних скифов (предполагаемого Неаполя) на окраине Симферополя в 1827 г. По словам Уэбстера, местный помещик Александр Султан-Крым-Гирей обнаружил в дорожном полотне трассы Симферополь – Алушта в рельеф с изображением всадника и греческую надпись. Сопоставив ее со словами античного географа Страбона о крепостях скифского царя Скилура, он пришел к выводу, что камни взяли из скифского Неаполя [Webster, 1830, p. 94]. Явно гордясь находкой, Султан-Крым-Гирей не только сообщил о ней директору Одесского музея древностей Ивану Бларамбергу, который провел первые раскопки, но и рассказывал приезжающим в Крым иностранцам. Рассказ Уэбстера несколько отличается от версии, изложенной Бларамбергом (похоже, завидовавшего непрофессионалу, сделавшему открытие) и в столичной прессе [Храпунов, 2015].

Путешественники способствовали возникновению «виртуальных» памятников, в реальности в Крыму не существовавших, но ставших частью образа Крыма. К их числу относится храм Артемиды (Дианы), связанный с историей мифической Ифигении – дочери Агамемнона, предводителя Троянского похода. Екатерина II подарила де Линю поместье, вероятно недалеко от Балаклавы, «где находился храм, в котором дочь Агамемнона была жрицей». Путешественник оставил восторженные описания этих мест, более всего напомиравших земной рай, где реальность была неотличима от волшебной сказки. В результате окрестности мыса Фиолент стали крымской достопримечательностью, которую описывали новые поколения путешественников [Проблемы, 2017, с. 333–334, 373–378]. Немец Пирс-Балтазар фон Кампенгаузен отыскал на берегу какие-то развалины, а среди них – кусок мрамора, который он интерпретировал как часть алтаря, украшенного резными изображениями, «и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву» [Campenhausen, 1807, S. 112]. Имеются и рисунки предполагаемого места, где некогда высилось святилище Артемиды. Даже Пушкин не удержался: «К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымилась жертвоприношенья...» [Пушкин, 1994, с. 323].

К числу подобных, исключительно стойких, заблуждений относится поиск следов всемирного потопа в Крыму. Путешественники соединяли библейскую легенду со свидетельством Диодора о водах, некогда переполнивших Черное море и вызвавших наводнение в Малой Азии, крымскотатарские предания и идеи прославленного французского естествоиспытателя Жоржа де Бюффона. Предполагалось, что некогда, когда море покрывало большую часть полуострова, и лишь вершины гор поднимались над волнами, подобно архипелагу. Тогда древние люди соорудили жилища на этих «островах», там самым создав загадочные «пещерные города», которые по современным представлениям относятся к византийской эпохе [Храпунов, 2014, с. 81–82].

Одним из особенностей Крыма считалось исключительное многообразие живших здесь народов, а потому многие путешественники не удержались от соблазна выявить их «генеалогию». Предполагалось, что народы не исчезают бесследно, но лишь меняют свое имя. Отыскать эту преемственность помогали косвенные данные. Для Уильяма Итона крымские татары были гуннами, а потому неудивительно сходство их военного дела с кочевниками эпохи Переселения народов [Eton, 1798, p. 202, 331–332]. Маттью Гатри решил, что татары – это другое имя скифов, а караимы – потомки Геродотовых меланхленов, потому что носят черную одежду [Guthrie, 1802, p. 84, 406]. Для Реджинальда Хебера было естественно начать историю казаков с киммерийцев и скифов [The Life, 1830, p. 531–638]. На основании созвучия выстраивали и более сложные цепочки, например: киммерийцы – кимвры – кельты (галлы) – древний город Киммерик – средневековый (Старый) Крым [Guthrie, 1802, p. 193–195]. Увлеченность античностью приводила к тому, что ее влияние видели в мусульманской архитектуре. Так, Хебер «установил» связь между конструкцией татарских и древнегреческих домов. У тех и других храмы имели заостренные крыши, а светские здания – плоские [The Life, 1830, p. 256]. Кларк же решил, что каменный мост близ Старого Крыма и городская баня сооружены древними греками, поскольку их архитектурный стиль напоминал античный [Clarke, 1816, p. 154–156].

Путевые дневники раскрывают процесс формирования представлений об особой роли Крыма в русском православии и о святости находившихся на его территории древних церквей и монастырей. Выясняется, что эти идеи возникли только в российскую эпоху и были связаны с переосмыслением археологических объектов и литературных памятников византийского времени. Изучение травелогов продемонстрировало,

что сакрализации ландшафтов способствовали не только усилия государственных идеологов и действия церковных иерархов, как это считалось ранее, но и духовные искания рядовых членов клира, переселявшихся в Крым крестьян, солдат и моряков, а также начавшееся научное изучение полуострова. Так, например, в византийскую церковь Иоанна Предтечи в Керчи принесли постамент античной статуи с креплением для ног, который переосмыслили как волшебные отпечатки стоп святого Андрея. Вероятно, образованный настоятель храма привлек известия славянского жития апостола и русской «Степенной книги» XVI в., что позволило виртуально «удревнить» историю храма. В Феодосии и Евпатории возникли представления о том, что местные соборные мечети XVI в. были на самом деле перестроенными христианскими церквями более раннего времени, причем феодосийский храм связали с крещением древнерусского князя Владимира. Наконец, образованные путешественники выдвинули предположение о связи между «пещерными городами» Крыма, прежде всего монастырями и церквями в долине Инкермана, и православными лаврами, расположенными на материке к северу от полуострова – Святогорской на Северском Донце и Киево-Печерской. Эту мысль использовали для того, чтобы «встроить» историю Крыма в контекст византийско-русских отношений [Храпунов 2019б].

Прошлое Крыма использовалось для обоснования политических и экономических проектов. Французы Шарль де Бар и Жан Рёйи, британцы Уильям Итон и Маттью Гатри оправдывали российскую экспансию в Причерноморье тем, что так открывались возможности для торговли, а торговля была «двигателем» истории. Они разрабатывали проекты превращения Крыма в звено международной коммерции между странами Запада и внутренними губерниями России, а далее – с Индией и Китаем. В качестве аргумента ссылались на исторический опыт, средневековых генуэзцев и древних греков [Храпунов, 2018b, с. 105–109; Eton, 1798, p. 306]. Кларк же, наоборот, считал, что эпоха Крымского ханства была «золотым веком» в истории полуострова, на смену которому пришел период угнетения и страданий, который принесли русские завоеватели – «новые скифы». Он провел параллели с жестоким покорением Британии римлянами, тем самым уподобив крымских татар своим далеким предкам. Путешественник предложил европейским державам силой «вернуть» Крым османам и даже составил план высадки на крымских берегах [Clarke, 1816, p. 179–180, 268–270]. Обвиняя русских в безжалостном и бессмысленном уничтожении археологических памятников, он тем самым дока-

звал их «нецивилизованность». Кларку принадлежит сомнительная честь быть автором идеи о том, что для «спасения» археологических находок их надо вывозить из Крыма и помещать в коллекции «цивилизованных наций» [Храпунов, 2016b].

Наконец, существует несколько десятков рисунков, выполненных путешественниками. Некоторые из них иллюстрируют книги, другие, неопубликованные, хранятся в музейных и архивных собраниях. Археологические находки рисовали редко – но книги Гатри и Рёйи включают изображения античных и средневековых монет. Гораздо популярнее изображения сооружений, поразивших воображение путешественников. Среди них нет построек античного времени. Рисовали остатки генуэзских укреплений (рис. 1), а также культовые, погребальные и общественные постройки мусульманской эпохи – вероятно, по причине их сохранности. Некоторые из них только предстоит локализовать. Такие изображения представляют ценность для изучения и реставрации пострадавших впоследствии или утраченных памятников. Так, например, акварели Андрея Воронихина, изготовленные во время путешествия Ромма, показывают интерьеры двух мечетей в Феодосии [Romme, 2014, p. 1030]. Панорамы городов позволяют реконструировать историческую топографию населенных пунктов ханского времени (рис. 2). Наконец, в альбоме Уильяма Хейсти собраны чертежи, отражающие как актуальное состояние памятников христианской и мусульманской архитектуры, так и планы их реставрации, что свидетельствует о реальном отношении правительства Павла I к культурному наследию мусульман [Храпунов, 2017].

Так размышления путешественников формировали в обществе представления о прошлом Крыма. Их влияние на работы последующих историков и археологов было, скорее, опосредованным. Описания и рисунки путешественников представляют определенную ценность для изучения истории науки, археологических исследований и подготовки реставрационных проектов. Но, как представляется, не менее важны они для воссоздания той интеллектуальной атмосферы, в которой начиналось изучение Крыма. Как выяснилось, в первые российские десятилетия в истории Крыма прошлое полуострова начали использовать для обоснования политических, экономических, идеологических проектов. Возникло представление о необходимости «спасения» древностей путем вывоза их за рубеж. Важнейшей задачей остается публикация выполненных путешественниками рисунков, а также качественных переводов их записок.

ЛИТЕРАТУРА

Вебстер Дж. Путешествие по Крыму, Турции и Египту / пер. с англ. О. Н. Герардини // Воронцовы и русское дворянство между Западом и Востоком. – Симферополь, 2012. – С. 399–410.

Крымские путешествия. Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / пер. с англ. Т. А. Прохорова, О. В. Широков. – Симферополь, 2016.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А. Л. Бертъе-Делагард, С. Л. Белявская. – М., 1999.

Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. – Севастополь, 2017.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 2. – М., 1994.

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К. И. Раткевич. – Л., 1941.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002.

Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // Chersonos themata: империя и полис. – Севастополь, 2013. – С. 351–366.

Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник 2014. Т. 2. – М., 2014. – С. 63–101.

Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик – предполагаемого скифского Неаполя // Археология и история Крыма. Вып. 2. – Симферополь, 2015. – С. 461–469.

Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. – 2016а. – Вып. XXI. – С. 317–358.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016b. – Т. 18. – № 3. – С. 116–132.

Храпунов Н. И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) // Археология Северо-Западного Крыма. – Симферополь, 2017. – С. 188–195.

Храпунов Н. И. Известия о «крымском походе» Владимира Мономаха в источниках Нового времени // АДСВ. – 2018а. – Вып. 46. – С. 241–260.

Храпунов Н. И. Переосмысление Шелкового пути после присоединения Крыма к России // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. – Казань, 2018b. – С. 103–113.

Храпунов Н. И. О французском издании записок Жильбера Ромма про его путешествие на юг // Французский ежегодник 2019. – М., 2019а (в печати).

Храпунов Н. И. Новые времена, новая святость: о переосмыслении археологических памятников Крыма в начале российской эпохи // Chersonos themata 02. – Севастополь, 2019b (в печати).

Campenhausen [B. von]. Bemerkungen über Rußland. – Leipzig, 1807.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 (4th ed.). Vol. 2.– London, 1816.

Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2002. – Vol. 3. – No. 1. – P. 3–25.

Eton W. A Survey of the Turkish Empire. – London, 1798.

Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea. – London, 1802.

Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia. – London, 1836.

[Ligne Ch. J. de] Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 4me éd. – Paris; Genève, 1809.

Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. – New York, 1827.

Romme G. Correspondance 1779–1786. Vol. 2. T. 2. – Clermont-Ferrand, 2014.

Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / éd. M. Deschanet, G. Bekirova. – Paris, 2016.

The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta... Vol. I. – New York, 1830.

[Webster J.] Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. Vol. I. – London, 1830.

Рис. 1. Реджинальд Хебер. Каффа

Рис. 2. Реджинальд Хебер. Балаклава

ШАБАНОВ С.Б.
(Благотворительный фонд
«Наследие тысячелетий», Симферополь)

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА «СОВХОЗ №10 (СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ)»: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Варварские некрополи, расположенные в Юго-Западном Крыму особенно выделяются обилием античной стеклянной посуды. Наиболее крупная коллекция т.н. «римского стекла» представлена в могильнике «Совхоз №10 (Севастопольский)» (далее – «Совхоз №10»). Некрополь расположен к востоку от г. Севастополя, в Инкерманской долине на правом берегу реки Черной. Он был открыт случайно в 1954 году при проведении на юго-восточном склоне горы Сахарная Головка строительных работ на землях совхоза №10. В том же году начались полноценные исследования памятника под руководством С.Ф. Стржелецкого, заведующего античным отделом Херсонесского музея, а затем продолжены Ю.А. Бабиновым и С.Г. Рыжовым. С 1954 по 1969 годы на площади около 5 га были открыты захоронения в грунтовых и подбойных могилах, склепах и каменных ящиках, с помещенными в них урнами с прахом, курган и кенотаф. Разнообразие погребальных сооружений и инвентаря, биритуальный погребальный обряд и продолжительность использования (I – V вв.н.э.) выделяет могильник «Совхоз №10» среди крымских памятников римского времени. Некоторые результаты его исследования и наиболее выдающиеся находки были представлены в ряде публикаций и использовались в реконструкциях этнических процессов, происходивших в Крыму в первые века нашей эры. Важным событием в изучении крымских древностей стал выход коллективной монографии, в которой были представлены более подробные и систематизированные материалы, проливающие свет на уникальность этого памятника. К сожалению, работа содержала и ряд недостатков, таких как отсутствие чертежей погребальных сооружений и некачественные рисунки. Несмотря на то, что анализу

стеклянной посуды был посвящен обширный раздел, описания сосудов в нем даны неверно и уже к моменту выхода публикации устарели их датировки. Для исправления накопившихся ошибок и неточностей были привлечены материалы из раскопок некрополя, хранящиеся в фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»¹. Было проанализировано более 200 стеклянных сосудов, из которых 35 ранее не публиковались (рис. 1). Сделаны новые рисунки всех сосудов, что позволило уточнить их морфологию и выявить ряд особенностей для составления новой типологии стеклянных изделий. Привлечение аналогий из других синхронных памятников Причерноморья и разных уголков античного мира, сопоставление разнообразных форм и типов сосудов, анализ погребальных комплексов на основе современных данных позволило уточнить хронологию целых групп стеклянных изделий из могильника «Совхоз №10». Перспективным в плане изучения не только стеклянной посуды, но и других категорий находок остается привлечение естественнонаучных методов исследования для разрешения вопроса происхождения, хронологии, распространения изделий из стекла, керамики и металла.

¹ Автор выражает благодарность сотруднику музея-заповедника Л.А. Рыжовой за помощь в работе с коллекцией античного стекла из некрополя «Совхоз №10».

ШАМРАЙ А.Н.
(ЦАИ БФ «Деметра», Керчь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ НАСТУПЛЕНИЯ МОРЯ НА ТАМАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Наземные остатки древнего Таманского городища, носившего на протяжении веков различные названия – Гермонасса, Матлука (Таматарха), Тмутаракань, Матрика (Матарха), Матрега, Таман, расположены в пределах современной территории станицы Тамань на берегу широкой бухты одноимённого залива. С востока бухта ограничена Маркитанской косой и её отмелями, а с запада безымянным мысом, который образован северо-западным отрогом горы Лысой. Акватория бухты открыта северо-восточным, северным и северо-западным ветрам, которые в регионе являются преобладающими. Берега бухты обрывисты, их вертикальная форма указывает на то, что материк определённое время подвергался разрушению в процессе сложного взаимодействия с морским заливом. В настоящее время разрушение берега у Тамани временно приостановлено возведением волноотбойной каменной отсыпки значительной ширины.

Сведения об изменении береговой линии в границах древнего города под воздействием волн морского залива фрагментарно отражены в трудах путешественников, учёных и государственных чиновников со времён строительства поблизости новой Фанагорийской крепости в 1796 – 1800 гг. Большая часть этих сведений приходится на XIX в. Их содержание не выходит за рамки личных наблюдений и пересказов местных преданий. В XX в. научный интерес к затопленной части городища носил эпизодический прикладной характер. Проведённые здесь изыскания соответствовали уровню ознакомительных наземных и подводных разведок, которые не перешли в системные комплексные исследования памятника. Со второй половины 80-х гг. прошлого столетия научное внимание к разрушаемой морем части древнего городища выражено только

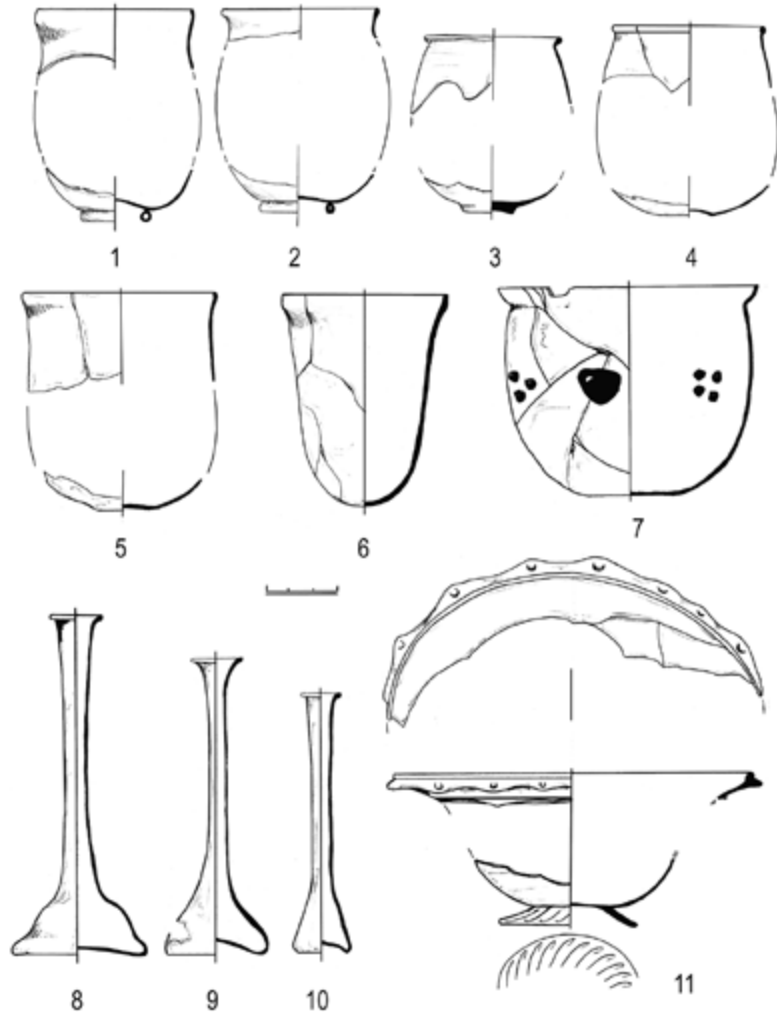

Рис. 1. Стекланные сосуды из могильника «Совхоз №10 (Севастопольский)». 1 – мог. 260; 2 – мог. 83; 3 – мог. 20; 4 – мог. 2; 5 – мог. 184; 6 – мог. 168А; 7 – кенотаф; 8 – мог. 42Б; 9 – урна 189; 10 – мог. 116; 11 – склеп 10

в теоретических определениях общих перспектив его изучения (Агбунов, 1987, С. 98; Таскаев, 1992, С. 231), которые до настоящего времени не нашли практического воплощения.

Первое упоминание античного города Гермонасса, исчезнувшего из-за больших изменений берегов Таманского полуострова со времён Страбона, было высказано в конце XVIII века. Оно принадлежит младшему советнику П.С. Палласа – натуралисту Ф.К. Биберштейну, который связывал своё предположение с блужданием основного русла реки Кубани между Азовским и Чёрным морями. В результате этих изменений «часть побережья, простиравшегося раньше далеко в море, оказалась под водой» (Тункина, 2002, С. 567). По его мнению, исчезновение памятника ускорялось частыми обрушениями восточных берегов Кубанского (Кизилташского) лимана, подмываемых его водами. Там он ошибочно помещал античный город (Тункина, 2002, С. 569; 2010, Рис. 7). В настоящее время большинством специалистов принята локализация Гермонассы на месте Таманского городища (Финогенова, 2010, С. 510). Научное обоснование такого местоположения памятника было предложено М.О. Поночевным в конце XIX в. (Поночевный, 1891, С. 35).

Предположение о существовании древнего города у Тамани, который следовало искать в море, было впервые изложено швейцарским путешественником Дюбуа де Монпере в 1843 г. (Dubois de Montpereux, 1843, P. 90). Свою мысль он обосновал положением мраморных скульптур львов, лежавших в море у древнего фонтана, самим фонтаном, находившимся на урзе воды, и руинами старинных зданий тут же на берегу у фонтана. В самом начале века эти же скульптуры, ещё валявшиеся на берегу, видел английский учёный минеролог Э.Д. Кларк (Clark, 1812, P. 546). Почти на полтора столетия ранее, в 1666 г., эти мраморные скульптуры львов украшали с двух сторон припортовые ворота маленькой крепости неверных генуэзцев, которую турецкие власти сохранили в качестве небольшой цитадели, стоявшей внизу у берега моря, внутри внешнего контура стен турецкого города Тамань (Эвлия Челеби, 2008, С. 210 – 212). Следует отметить, что в этом же месте или вблизи него, по-видимому, располагались какие-то общественные постройки в византийское и античное время. На это указывают найденные здесь в 1797 и 1798 гг. три мраморных карниза византийской работы, а также мраморная капитель ионического ордера. На одном карнизе были изображения голов и креста (Ваксель, 1801, С. 106, Рис. 2; 9).

В 1846 г. директор Керченского музея А. Ашик отметил постепенное разрушение древней почвы под старой турецкой крепостью от воздействия моря (Ашик, 1846, С. 23). Им же опосредовано, через описание истории открытия Пуленцовского клада в этой почве, охарактеризован её общий археологический состав и мощность культурных напластований (10,6 м). А в контексте датировки клада, дано время начала образования культурного слоя на материковом грунте (V – IV вв. до н.э.) и отмечено его положение в уровень с поверхностью моря того времени (Ашик, 1846, С. 17 и сл.).

Примерно в то же время начальником I Отдела Эрмитажа Ф.А. Жилем, по воспоминаниям местных жителей, засвидетельствована пространственная организация культурного ландшафта вокруг турецкой крепости, очевидно, характерная для XVIII века. Перед крепостью со стороны моря находился сад, а на самом берегу стоял дворец турецкого паши. Сад и дворец занимали пространство вдоль залива в две версты (Жиль, 1854, С. 422).

Несколько позже профессор классической филологии Ришельевского лицея в Одессе П.Ф. Беккер, со ссылкой на уверения старожилов, привёл сведения о существовании в прошлом у городища широкой прибрежной полосы (около 100 м), на которой находилось несколько древних построек. Он дал примерные размерные характеристики её остатков по ширине 6,5 – 10,6 м, а также высоту берегового обрыва на ней 10,6 – 12,8 м. Вместе с тем, им также подмечен механизм и скорость воздействия лимана на эту полосу при сезонном повышении его уровня в половодье. Прибрежная полоса медленно размывалась, а на её поверхность часто выбрасывались древние монеты (Беккер, 1853, С. 375).

В середине второй половины XIX века археолог К.К. Гёрц использовал большую часть приведённых выше свидетельств о физических изменениях линии берега у Таманского городища при объяснении главной причины разрушения древних памятников на берегах Таманского залива. Содержание этой причины исследователь видел в постоянном повышении уровня воды в данной местности в течение двух тысяч лет, при котором залив расширялся (Гёрц, 1870, С. 40, 43).

Уже в 30-х годах XX столетия ещё большее количество разрушаемых морем древних памятников по берегам Таманского полуострова отмечал А. Миллер. В этой связи он впервые в практике полевой археологии предложил с этими процессами считаться при проработке всех вопросов местоположения и планировки таких памятников (Миллер

1931а, С. 28). По наблюдениям исследователя наиболее сильным разрушениям от воздействия моря подвергалось древнее городище в Тамани. Основанием для такого заключения послужили останки мощёной камнями улицы, имевшей наклон к морю и обрывавшейся на высоте 15 м над его уровнем. Этот объект археолог открыл в разведочном шурфе на краю берегового обрыва (Миллер, 1934, С. 45). Его пространственное положение в культурном слое позволяло исследователю полагать, что морем разрушена вся центральная часть памятника вместе с участком, примыкавшим к нему со стороны берега. В качестве дополнительного аргумента учёный привёл пример того, как древние предметы, попавшие в море, часто находят на мелководье вдоль берега, а несколько ранее здесь на небольшой глубине существовал их промысел, организованный старателями-«счастливыми» (Миллер, 1931б, С. 34).

Первый шаг практического изучения разрушенной морем части городища был сделан во второй половине XX столетия. Примерные его границы предварительно намечены в 1957 г. на основании результатов двухдневных разведок, проведённых подводным отрядом Пантикапейской экспедиции под руководством В.Д. Блаватского. За археологические признаки этой границы была принята полоса переработанных (переотложенных) морем культурных остатков шириной 90 м. В их составе были камни и фрагменты остродонных амфор античного и средневекового времени. На амфорах встречались клейма (Блаватский, 1958, С. 83; Петерс, Смирнов, 1961, С. 162; Блаватский, Кошеленко, 1963, С. 74; Блаватский, 1964, С. 58; 1985, С. 222).

Следующий кратковременный и последний эпизод в изучении подводной части памятника приходится на 1983 г. Его организовали аквалангисты Центра подготовки космонавтов совместно с археологами Краснодарского историко-археологического музея заповедника и Таманской археологической экспедиции Пушкинского музея. Судя по единственной краткой публикации материалов экспедиции (Окороков, 1993, С. 19 – 22) этот сводный коллектив ставил перед собой задачи: установить границы древней береговой линии городища; составить предварительную подводно-археологическую схему исследуемого района с нанесением на неё обнаруженных находок, но фактически их не выполнил. Подводные разведки были проведены методом разрезов (очевидно, археологических) в акватории залива, прилегающей к наземному археологическому раскопу. Протяжённость разрезов от берега в море составляла около 400 м, они заканчивались переходом песчано-каменистого грунта в ил. В пределах

прибрежной полосы шириной 160 м обнаружено множество единичных фрагментов керамики IV в. до н.э. – XVI вв. Их внешнее состояние: отсутствие морских обрастаний и сохранность, объяснялось глубоким положением в песчаном грунте до размыва. На расстоянии 300 м от берега на глубине 4,5 м открыты развалы каменных блоков, сконцентрированные на площади 0,8 га. Блоки представляли собой мелкозернистые известняковые плиты со следами искусственной обработки, некоторые из них имели одинаковый размер 50 x 30 x 20 см.

На сегодня в акватории залива, прилегающей к городищу, известны и две случайные находки. Их открытие связано с тренировочными погружениями аквалангистов любителей и работой профессиональных водолазов. Первый эпизод произошёл в 1994 г., когда ныряльщики из г. Волгограда осуществляли погружения с яхты «Аверс» напротив центрального археологического раскопа тех лет, примерно, в 0,7 км от берега. Спусками руководили инструкторы В.А. Пермяков и А.С. Серов. Вокруг места погружения, в радиусе около 50 м, были обнаружены фрагменты глиняных сосудов, среди которых находились ножки лесбосских и гераклейских амфор V – IV вв. до н. э., днища и венцы амфор, а также их стенки (Архив О.В. Пермяковой, 1994, Киносюжет). Второй случай, ставший известным автору в последнее время, произошёл в 2017 г. О нём сообщили водолазы МЧС России из самой Тамани. При обследовании припортовой акватории залива на удалении 0,5 км от берега (точка отмечена GPS) ими обнаружен комплекс свинцовых предметов. Он состоял из одного прямоугольного бруска с П-образным углублением посередине (вес 4,4 кг) – штока небольшого деревянного якоря, одной веретёнообразной детали с отверстием посередине (вес 0,1 кг), и 25 кольцеобразных грузиков общим весом в 1 кг, относящихся к рыболовной снасти типа намёта. Набор этих предметов находился на глубине 4,5 м, он залегал на дне компактно среди небольших камней, которые были разбросаны по оголённому гребню материковой глины. Исходя из назначения этих предметов, можно предположить, что комплекс представлял собой место хранения рыболовного инвентаря на берегу залива в ранний период античности.

Представленные материалы характеризуют процесс накопления знаний о разрушенной морем части одного из ключевых археологических памятников Азиатского Боспора – Таманского городища, первых попыток их научного осмысления, а также начала практического изучения остатков самого памятника на дне залива. Сопоставительный анализ этих материалов позволяет думать, что процесс формирования куль-

турных остатков в его подводной части проходил в сложных условиях изменения природной среды в течение исторического времени. Механизм этих изменений носил геосистемный характер. Будущие комплексные гидроархеологические исследования городища позволят прояснить действие этого механизма и определить степень сохранности его культурных остатков, а также наметить дальнейшие перспективы их изучения в единой территориальной структуре памятника, принадлежавшего нескольким цивилизациям прошлого времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Агбунов М.В. Античная лоция Чёрного моря. – М.: Наука, 1987. – 156 с.
- Архив О.В. Пермяковой, 1994, Киносюжет / г. Волгоград, ул. Петроградская, д. 5, кв.3.
- Ашик А.Б. Боспорское царство. Одесса. Ч. 2.
- Беккер П.В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 года // «Пропилеи» – Т. III. – М.: 1853. – С. 349 – 383.
- Блаватский В.Д. О подводной археологии // СА. – 1958. – № 3. – С. 73 – 89.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А. Открытие затонувшего мира. – М.: АН СССР, 1963. – 107 с.
- Блаватский В.Д. Подводная археология и её задачи // ВИ. – 1964. – №12. – С. 54 – 63.
- Блаватский В.Д. Подводные археологические работы в северной части Чёрного моря//Античная археология и история. – М.: Наука, 1985. – С. 221 – 227.
- Ваксель Л. С. Изображения разных памятников древностей, найденных на берегах Чёрного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подленников в 1797 и 1798 годах, с приложениями географической карты тех мест, где оные памятники обретены, с древними наименованиями. Спб., 1801.
- Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М.,1870. – 128 с.
- Жиль Ф. А. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб. 1854. Т. 2.
- Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК// Сообщения ГАИМК., 1931. № 1. – С. 26 – 29.
- Миллер А.А. К вопросу об охране памятников старины// Сообщения ГАИМК., 1931. № 4 - 5. – С. 22 – 51.
- Миллер А.А. Археологические разведки. М. – Л. 1934. – 216 с.
- Окоороков А. В. Подводная разведка прибрежной зоны Гермонассы в 1983 г.//Судова археологія та підводні дослідження. Збірник наукових праць. – Запоріжжя, 1993. – С. 19 – 22.
- Петерс Б. Г., Смирнов И.В. О новейших подводных археологических работах // ВДИ., 1961. № 3. – С. 160 – 164.
- Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, изданные под редакцией Е. Д. Фелицина. – Екатериноар, 1891. Т. II. – 62 с.
- Таскаев В.Н. Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе// Боспорский сборник 1. – М.: НИАЦ «Архе», 1992. – С. 212 – 217.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) – СПб.: Наука, 2002. – 676 с. – 156 ил.
- Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани. Т. 1. – М.: Наука, 2010. – С. 20 – 129.
- Финогенова С. И. Гермонасса // Античное наследие Кубани. Т. 1. – М.: Наука, 2010. – С. 510 – 527.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь: «Доля», 2008. – 272 с., ил.
- Clark E. D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Paris, 1812. Vol. 1.
- Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, en Crimee. Paris, 1843. Vol. 5.

ШАРОВ О.В.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

СКЛЕП ДЕМЕТРЫ В КЕРЧИ: В ПРЕДДВЕРИИ 125-ЛЕТИЯ С МОМЕНТА ЕГО ОТКРЫТИЯ. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Введение. Склеп Деметры является уникальным памятником античной погребальной архитектуры и фресковой живописи европейского Боспора. Значение этого археологического комплекса трудно недооценить, ибо это единственный расписной склеп, сохранивший в настоящее время в такой полноте свою живопись, хотя конечно, многие мифологические сцены можно сегодня восстановить лишь по снимкам керченского фотографа Е. Ф. Кеппеля 1910 г., рисункам талантливого художника М. В. Фармаковского 1908 г., опубликованным М. И. Ростовцевым в 1913 и 1914 г. (Ростовцев, 1913. Табл. XVI–XIX) и неоднократно затем переизданным. Недавно были введены в научный оборот также некоторые из самых первых копий фресок, сделанных в акварели еще в 1896 году П. Ридигером (Медведева, Шаров, 2017, С.100-101).

История названия памятника. Склеп Деметры долгое время назывался совершенно иначе: он стал известен первоначально из сообщения В.В. Шкорпила от 3 марта 1896 года как «катакомба, открытая в начале прошлого года на Глинище, в Керчи», а в газете Московские новости от 10 апреля 1896 года как «Катакомба с фресками» (Зинько, 2009. С. 26. Рис.9). В телеграммах и рапортах К.Е. Думберга, направленных в Императорскую Археологическую комиссию директор музея применял иные эпитеты: «склеп с замечательными фресками», «катакомба Зайцевой» (Зинько, 2009. С. 17-19) или «склеп во дворе Зайцевой» (НА ИИМК РАН, Ф.1, Д.58, Л.147об.). М.И. Ростовцев в работе о керченской декоративной живописи писал «в 1895 году во дворе мещанки Зайцевой найден был склеп» и называл его далее в тексте как «склеп Зайцевой» или «склеп в усадьбе Зайцевой», а при публикации данного памятника в 1913-1914

гг. назвал его «Склеп, открытый в 1895 году во дворе мещ. Зайцевой на Глинище». Свое современное название «склеп Деметры» (сначала «склеп с изображением Деметры») памятник первоначально приобрел в документах служебной переписки Керченского музея и Императорской Археологической Комиссии в 1902–1904 гг. (НА ИИМК, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 32, л. 134, 205 и др.), а окончательно такое наименование закрепилось за ним уже в послереволюционный период (см.: Федосеев, 2011. С. 496). В научной литературе современное название появилось при Ю. Ю. Марти, который в изданиях Керченского музея, выпущенных в 1926 г. — «Путеводителе по Керченскому музею» и «Сто лет Керченскому музею», официально закрепил за этим уникальным памятником название «Склеп Деметры» (Марти, 1926а; 1926б).

Состав погребального инвентаря. Склеп Деметры в момент его открытия «счастливчиками» был не ограблен и все вещи больше года держал у себя сын хозяйки Иван Зайцев. Первым осмотреть склеп с фресками Иван Зайцев пригласил директора Мелек-Чесменского музея В.В. Шкорпила 3 марта 1896 года. В сообщении от 3 марта 1896 года, заслушанного 15 марта на заседании № 294 Одесского общества истории и древностей В.В. Шкорпил дал первое предварительное описание склепа, его фресок, их семантики и составил первую опись находок: два золотых кольца, два стеклянных сосуда зеленого и синего цвета, бронзовый канделябр на трех львиных ножках (Шкорпил, 1896. С. 58). Далее В.В. Шкорпил пишет: «Но куда все эти вещи девались, кому они были проданы, нельзя было никоим образом узнать (Шкорпил, 1896. С. 56-57). Уже через месяц, К. Е. Думберг в рапорте № 42 от 3 апреля 1896 года в Императорскую Археологическую комиссию доложил, что «как в последнее время выяснилось, оказался склеп при открытии нетронутым, и в нем найдены следующие вещи: деревянный гроб, пара золотых перстней с резными камнями, большой бронзовый канделябр на трех ножках, сосуд синего стекла, разбитый стеклянный сосуд. Судя по всем признакам, предметы находятся в руках сына владелицы склепа Ивана Зайцева, который их никому не показывал, опасаясь конфискации» (Зинько, 2009. Рис.8). Уже через 2 недели, К.Е. Думберг узнает о судьбе вещей и в рапорте № 86 от 18 апреля пишет, что вещи уже проданы господину Кизерицкому, но какие именно и сколько их, не указывает (Зинько, 2009. С. 25, Рис.4). Гангольф Егорович Кизерицкий являлся с 1886 года по 1904 год старшим или главным хранителем отделения древностей (1-го Отделения) в Императорском Эрмитаже. (Тихонов, 2012). Какие же вещи и когда поступи-

ли в Эрмитаж? Те ли это вещи, которые упомянули В.В. Шкорпил и К.Е. Думберг или другие, которые позднее были изданы М. И. Ростовцевым, как принадлежащие к данному комплексу? Рассмотрим данные, приведенные М. И. Ростовцевым.

Автор «Античной декоративной живописи на юге России» приводит наиболее внушительный список находок из этого склепа по данным, полученных им из отделения Древностей Императорского Эрмитажа (Ростовцев, 1914. С. 206).

К вещам из склепа М.И. Ростовцев отнес следующие предметы: бронзовый канделябр; бронзовые ножки в виде ступни; фрагменты бронзовой патеры с ручкой; фрагменты бронзовой обивки деревянного ящика и ключа от замка; серебряная раковина; бронзовая пряжка с серебряным язычком; большое количество листьев золотого лаврового венка; три золотые круглые бляшки, украшенные стилизованными разводами и пунктиром по краю; пятнадцать золотых дутых бус; две золотые круглые бляшки с изображением герм, одна с монограммой; ойнохойя из синего стекла с белыми пятнами; ойнохойя из бледно-зеленого стекла; золотое кольцо с рубином с изображением Тихи; золотой кольцо с зеленым камнем с изображением Ареса; каменное навершие меча; маленькая цилиндрическая костяная пиксида; фрагменты деревянного саркофага. Как мы видим, ряд вещей описан, но нет их фотографий. К ним относятся: листья золотого венка, золотые дутые бусы, каменное навершие меча, костяная пиксида, бронзовые детали шкатулки. Фото этих предметов, кроме фото золотых бус, сохранились в научном архиве ИИМК РАН, есть фотография патеры с ручкой, каменного навершия меча и костяной пиксиды, трилистников золотого венка и деталей шкатулки и замка (НА ИИМК РАН, №№ Q 614.21; Q 614.23; Q 638.2; Q 828.5).

М.И. Ростовцев писал о своих сомнениях по поводу находок некоторых типов вещей из склепа Деметры: «Не исключено, однако и то, что продавцы присоединили к вещам, найденным в склепе, другие, чтобы сбить все вместе по более дорогой цене» (Ростовцев, 1914. С. 206. Прим. 2).

Эти сомнения М.И. Ростовцева повлияли и на мнение Е.А. Зинько, которая написала по поводу достоверности комплекса следующее: «Из сопоставления данных В.В. Шкорпила, К.Е. Думберга и М.И. Ростовцева следует, что лишь пять предметов (бронзовый канделябр, две стеклянные ойнохойи, два кольца с резными камнями) можно, предположительно, отнести к погребальному инвентарю склепа Деметры. (Зинько, 2009. С. 27).

Некоторую ясность внесли не введенные ранее в научный оборот документы, найденные в архиве Эрмитажа (НА ГЭ, Д.8, 1896, Л.75-79). В этих документах хранится расписка И.М. Зайцева от 8 июня 1896 года о продаже вещей из склепа Г.Е. Кизерицкому: «Продано мной Отделению Древностей Императорского Эрмитажа за четыреста рублей пять золотых бляшек, два золотых кольца с разными камнями, золотые листья от погребального венка, два стеклянных сосуда, бронзовый канделябр, четыре бронзовых ножки, одна бронзовая ручка от сосуда, серебряная раковина и серебряная пряжка. (НА ГЭ, Д.8, 1896, Л.77).

Таким образом, список «достоверных» вещей из комплекса сильно увеличился: помимо бронзового канделябра, двух золотых перстней и двух стеклянных сосудов, также 5 золотых бляшек, золотые листья от погребального венка, четыре бронзовых ножки, серебряная раковина и серебряная пряжка.

Остается пока до конца неясной судьба остальных предметов, описанных М.И. Ростовцевым: фрагменты бронзовой обивки шкатулки и ключ к замку, 15 золотых дутых бус, бронзовых фаларов, каменного навершия меча и костяной пиксиды. Это вещи, которые относятся к комплексу склепа Деметры или происходят из других комплексов?

В инвентарной книге № 1893 античного отдела Государственного Эрмитажа записаны все покупки, сделанные в 1892 - 1900 гг. «Склеп Деметры» назван в книге как «Керчь, Глинище, 4-я Продольная ул. Усадьба Зайцевой. Каменный склеп 1896 г.». В графе «Время и способ поступления» написано «через Археологическую Комиссию», год поступления не указан. Согласно этому инвентарю в хранении Эрмитажа находятся следующие предметы:

1. Перстень золотой с резным камнем с изображением Фортуны - П 1896.22
2. Перстень золотой с резным камнем с изображением Афины - П 1896.23
3. Золотая индикация с изображением гермы - П 1896.24
4. Золотая индикация с изображением гермы и монограммы «ВА» - П 1896.25
5. Золотая бляха круглая штампованная - П 1896.26
6. Две золотые бляшки, круглые, штампованные, выпуклые - П 1896.27
7. Листья золотого венка - П 1896. 28
8. 14 золотых обкладок головок шпилек - П 1896.29

9. Серебряная раковина с рельефными ребрами - П 1896. 30
10. Стакан стеклянный с цилиндрическим туловом - П 1896.31
11. Стеклянный кувшин - П 1896. 32
12. Стеклянный кувшин - П.1896. 33
13. Канделябр П 1896. 34
14. Часть бронзовой патеры с ручкой – П 1896. 35
15. Бронзовые подставки в виде ноги – П 1896. 36
16. Серебряная пряжка со сфинксом – П 1896.37
16. Железная прямоугольная пряжка – П 1896. 38
17. Часть бронзовой обивки от ящика – П 1896. 39
18. Бронзовая круглая пластина – П 1896.40
19. Бронзовая круглая пластина – П 1896. 41

Таким образом, все предметы, описанные М.И. Ростовцевым, можно с большой долей вероятности, отнести к предметам, происходящим из склепа Деметры. Часть предметов была куплена напрямую Императорским Эрмитажем через его хранителя Г.Е. Кизерицкого (14 инв. номеров (№№ 1-7, 9, 11-16), остальные 5 предметов (№№ 8, 10, 17-19) были приобретены Эрмитажем через Императорскую Археологическую Комиссию. Остается найти документ, когда и кем была совершена эта вторая покупка.

Хронология комплексов. В процессе работы с материалами погребений мной было установлено, что два ранних погребения в склепе были совершены в первой половине I в. н. э в деревянных саркофагах в форме храма с двускатной крышей (Ростовцев, 1914. С. 212), затем прах погребенных был вынут и сложен при входе в погребальную камеру, при этом самые ценные вещи из ранних погребений были изъяты, но основная часть раннего погребального инвентаря была вторично использована. В те же саркофаги в середине- второй половине II века были помещены новые покойники, при которых в склепе была повешена у входа конская узда (Ростовцев, 1914. С. 206; Гайдукевич, 1949. С. 408), от которой сохранились бронзовый распределитель ремней конского снаряжения с 4 бронзовыми фаларами (Шаров, 2011). К инвентарю поздних погребений можно отнести также стеклянный стакан, каменное навершие длинного меча (Ростовцев, 1914. С. 209-211), и бронзовую патеру типа Эггерс 155 с окончанием ручки в виде головы барана (Шаров, 2016).

Заключение. Таким образом, подводя предварительные итоги, можно сказать, что введенные в последние годы новые архивные материалы и анализ отдельных типов находок позволили по-новому взгля-

нуть на состав и хронологию погребального инвентаря. Следует все же с сожалением констатировать, что находки, происходящие из склепа, до сих пор научно не изданы и остается открытым вопрос о точном составе погребального инвентаря и количестве погребенных. Обработка всех материалов, хранящихся в Эрмитаже (№№ П 1896. 22-41), подготовка их к изданию, публикация в цвете 12 акварелей 1896 года П. Ридигера, поиск архивных материалов о второй покупке вещей из склепа Деметры в Императорский Эрмитаж будут являться темами будущих исследований коллектива авторов и их скорейшая публикация станет достойным вкладом в подготовке к чествованию юбилейной даты - 125 - летия со дня открытия склепа Деметры.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- НА ИИМК РАН, Ф.1, Д.38, 1896
 НА ИИМК РАН, Ф.1, Д.58, 1896
 НА ИИМК, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 32
 РО НА ГЭ, Д.8, 1896
 ФО НА ИИМК РАН, №№ Q 305.10, Q 614.21; Q 614.23; Q 638.2; Q 828.5
 Гайдукевич, В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.. С. Изд-во АН СССР, 1949.
 Зинько Е.А. История открытия памятника и изучения склепа Деметры // Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Яги О. Склеп Деметры. Киев, 2009.
 Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь. 1926а
 Марти Ю. Ю. Путеводитель по керченским древностям. 1926b.
 Медведева М. В., Шаров О. В. «Склеп Деметры в Керчи: история открытия и исследований (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // Российские археологи XIX - начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора». ИИМК РАН, СПб, Нестор-история, 2017. С. 96-123.
 Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. II, Альбом. СПб., 1913.
 Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. I, Текст. СПб., 1914.
 Тихонов И.Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий // МНЕМОН, вып. 11, СПб, 2012, С. 419-438.

Федосеев Н.Ф. К публикации монографии «Склеп Деметры» // Научный сборник Керченского заповедника. III. Симферополь, 2011. С.486-508.

Шаров О.В. К вопросу о «сарматской» знати на Боспоре в поздне-римскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Сборник статей. Выпуск 3. Ростов- на-Дону, 2011а, С.426-453

Шаров О.В. Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2016. № 4. С. 318-334.

Шкорпил В.В. Сообщение от 3 марта 1896 года, заслушанное 15 марта на заседании № 294 Одесского общества истории и древностей // ЗООИД, Т. XIX, С. 56-58.

ЯЙЛЕНКО В.П.
(Москва)

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ЭПИГРАФИКИ АНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Перспективы развития северочерноморской эпиграфики связаны с решением ряда задач.¹ Одни из них традиционны (ниже, 1-4), другие в некоторой мере решались, либо вовсе новы (5-12). Коротко охарактеризуем эти задачи.

1. Публикация новых надписей. Эту традиционную форму эпиграфической работы следует приспособить к новым информационным условиям. Во-первых, надо создать специальный электронный ресурс, в котором аккумулировались бы все публикации новых надписей; при этом у всех должен быть единообразный шрифт – один и тот же греческий, кириллица, латиница; одинаковый набор специальных эпиграфических значков (по существующей международной лейденской системе); желательна единообразная структура публикаций: место, время, условия находки, описание камня (черепка) и состояния текста, изобразительная фиксация (фото, при необходимости прорись), текст, перевод, комментарий. Во-вторых, следует создать электронный сборник эпиграфических текстов СП (по типу уже существующих), это необходимое подспорье для точного выявления лексикологии и формульной структуры новых надписей. В-третьих, должна быть преодолена застарелая болезнь большин-

¹ В соответствии с темой конференции я написал заметку об итогах и перспективах эпиграфики Северного Причерноморья, но из-за ограниченности объема здесь отдал раздел об итогах в ДБ. 2019. Т. 24. Тут наряду с обычными сокращениями употреблены следующие: ЗХУ – Записки Харьковского ун-та; НО – Надписи Ольвии (1968); НЭ – Нумизматика и эпиграфика; ОХБ – В. П. Яйленко. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. (2017); СП – Сев. Причерноморье; ТБР – В. П. Яйленко. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. (2010); PhW – *Philologische Wochenschrift*; ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*.

ства профессиональных эпиграфистов – погоня за новыми надписями; я наблюдал три поколения эпиграфистов, у некоторых это идефикс, ма-разм дошел даже до воровства – кражи у Т. В. Блаватской фанагорийского декрета Митридата о ветеранах. Работа профессионала должна быть направлена на исследование уже имеющегося огромного фонда надписей, а публикация новых – всего лишь дополнительное занятие. Приведу в качестве примера, достойного подражания, Эллу Исаковну Соломоник, которая скрупулезно пересматривала изданные ранее херсонесские надписи, извлекая из них новые данные, вместе с тем публиковала и новые поступления; прекрасный плод такого труда – две книги «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» (1964, 1973).

В связи с публикацией новых надписей стоит и вопрос о подделках. Последние три десятилетия неожиданно дали несколько писем, хотя до этого находки их были крайне редки. У них узкая локация – Керченский п-ов, Тамань, один материал – все на свинцовых пластинках, происходят из частных рук (не ведем речь о тех, что найдены при легальных археологических раскопках). Все это само по себе подозрительно, одну из них я держал в руках (по словам владельца, найдена близ Фанагории), позднее ее опубликовали С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников (ВДИ. 2007, 4, с. 50 сл.). Сама пластинка античного времени – с сильной патиной и заизвесткованностью обеих сторон, но резьба букв свежая: на их врезках ни патины, ни известки, при хорошем освещении грани врезок блестят. Между тем врезы букв подлинных надписей на свинце быстро покрываются патиной по причине окисления (см. ДБ. 2005. Т. 8, с. 482). Я держал в руках свинцовые пластинки с надписями в Эрмитаже и Одесском музее, они прошли недавнюю реставрацию, но врезы букв тусклые. Подозрительному виду «фанагорийской» пластинки соответствует содержание надписи, состоящей из 7 выписанных столбиком имен: Дионисий, Ариусал (неизвестно), Амасис, Солон, Сосий; два последних неаутентичны: Αδοῦξης не засвидетельствовано, Προμηθῶ[υ] Сапрыкин воссоздал, т. к. на пластинке только ΠΙ Ο ΙΙ. Амасис и Солон известны из Геродота, Сосий из «Анабасиса» Ксенофонта, – оба источника имен хрестоматийные; Дионисий общераспространенное имя, существует поныне (Денис), три не засвидетельствованы. При этом все имена даны в номинативе, а имя Σόλωνος в род. падеже. Все это вполне соответствует характеристике В. В. Латышева: фальсификатор механически соединяет из разных источников тексты, но понимает их смысл; при этом делает ошибки в падежах личных имен (ЗООИД. 1895. Т. 18, с. 6-7). Из сказанного следует, что из-

датели вновь появляющихся из частных рук писем должны апробировать их подлинность.

Проблема поддельных надписей в СП стара – с конца XIX в. писали об этом В. Н. Юргевич, В. В. Латышев, Э. Р. Штерн, Т. Н. Книпович и др. , недавно высказался А. И. Иванчик (2015). Он изложил материалы указанных авторов, что полезно (статья Книпович осталась ему неизвестной), внес и собственную лепту: обнаружив в Херсоне да Одессе текстуально одинаковую надпись IOSPE I2 188, счел одесскую поддельной, ибо буквы Ρ, Υ там «немыслимой» формы для эллинистической эпохи и «странной» для римской. Ему просто неизвестен подобный пошиб письма позднеэллинистического да римского времени: яркий пример – декрет нимфейцев в честь Митридата Евпатора, в самой Ольвии таково письмо HO 46, 53, 95, 124. Я видел одесский и херсонский камни, ничего подозрительного в них не нашел. Два этих одинаковых вотива, весьма краткие, могли быть поставлены в честь соименных деда и внука, дяди и племянника этой семьи стеностроителей, в которой излюбленны два имени – Клеомброт да Пантакл (см. об этом: БИ. 2019. Т. 39). Вывод: бди, но знай материал, о котором пишешь.

2. Уточнение текстологии всего имеющегося эпиграфического фонда. Камни и черепки с надписями в силу разных обстоятельств и сами часто фрагментированы, и утрачивают в той или иной мере текст. По этой причине текстология разрушенных временем надписей – существо работы эпиграфиста, его главная задача. Если текст установлен адекватно первоначальному состоянию, он полноценный исторический источник, если в недостаточной мере, у него отчасти условные права на существование, если же надпись прочтена плохо – это фиктивный источник. В эпиграфике СП пруд пруди примеров всех трех состояний, приведем некоторые. К IOSPE В. В. Латышева тьма претензий по части текстологии, поскольку преобладающая часть надписей издана им по эстампам, фото, прорисьям, описаниям корреспондентов. Но если он держал камень в руках, можно быть уверенным в хорошей его текстологии. Один из блестящих примеров прочтения им сильно поврежденной надписи, причем, с помощью другого крупного эпиграфиста В. К. Ернштедта – раннеэллинистическая эпиграмма IOSPE I2 179 из Ольвии. Она выставлена ныне в экспозиции Эрмитажа и каждый имеет возможность видеть, насколько ювелирной была совместная работа обоих выдающихся ученых. Подобных образцов всего несколько, но менее значимых примеров удачной текстологии множество. Навскидку упомяну

объединение П. О. Карышковским и Ю. Г. Виноградовым в ОАМ фрагментов IOSPE I2 25+32, давшее довольно полный текст раннеэллинистического ольвийского декрета в честь Каллиника. Условно прочтенных текстов настолько много, что говорить об этом не приходится. Примеров плохо прочтенных текстов тоже немало, приведу пару. Тот же Виноградов издал фрагмент декрета Ольвии с остатками нескольких слов да имен, в котором усмотрел изгнанного в 437 г. из Синопы тирана Тимесилея; отсюда его вывод исторического плана: если Ольвия приняла беглого тирана, значит и в ней тирания (ВДИ. 1981, № 2, 3). В рамках своей гипотезы о скифском протекторате над Ольвией, следствием которого была сия тирания, он добавил сюда обломок эпитафий, которую понял в том смысле, что чествуемый ею некто не убил тирана; по времени он подтянул ее к декрету. На поверку все это обернулось псевдоисторической байкой. «Тимесилеев» декрет может быть прочтен по-разному, так что, например, вместо Синопы могут быть усмотрены другие города; эпитафия о тираноборце оказалась эллинистическим списком эпитафий Иона Хиосского в честь афинских тираноборцев Аристокитона и Гармодия (А. Lebedew // ZPE. 1996, Bd. 112, p. 266 f. ; ОХБ, с. 242-252). Один из последних примеров плохо прочтенного текста – публикация А. И. Иванчиком ольвийского декрета в честь смирейца Стефана (НЭ. 2011. Т. 18). Ввиду недостаточного знания формуляра позднеэллинистических декретов Ольвии в его реконструкции немало ошибочного (см. АМА. 2015. Вып. 17, с. 195-208; ОХБ, с. 642-655).

3. Совершенствование датирующих показаний и принципов датировки надписей. Качество датирования зависит от опыта работы эпиграфиста с камнями. Но не только. Например, В. В. Латышев держал в своих руках немало подлинников, но давал широкие датировки, по столетиям, реже с нюансами – ранний, поздний век, середина; это свойственно его времени. В XX в. датировки стали точнее: указание на ранний период века, середину его или поздний период, по возможности, обязательны. Искушенные в работе с камнями, А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович, Э. И. Соломоник давали хорошие датировки, когда это было возможно. Но у иных эпиграфистов датирование бывало ахиллесовой пятой. К примеру, Ю. Г. Виноградов для создания единовременного комплекса из упомянутых выше «Тимесилеева» декрета, который отнес к третьей четв. V в. , и эпитафии подтянул последнюю к началу IV в. , что получило точную оценку А. Грейема: «Ни один квалифицированный эпиграфист не будет счастлив такой датировкой: фотография свидетельствует, что это

надпись бесспорно эллинистического времени» (А. Graham // Gnomon. 1983. Bd. 55, p. 462). Во многих своих статьях Виноградов раздавал надписям точные датировки вроде начала, середины или конца четверти столетия, ссылаясь на разработанную им хронологию, но никогда так и не явил читателю эту свою работу, всегда отделяясь некоторыми наблюдениями ad hoc. Посему А. Грейем справедливо заключил, что его выводы «всегда надо проверять», это в полной мере относится и к его текстологии, и к датировкам. Известные статьи А. И. Болтуновой и Т. Н. Книпович о развитии письма боспорских и ольвийских надписей поныне служат хорошим подспорьем, но они ограничены кругом датированных надписей, которых на Боспоре немало, а в Ольвии и Херсонесе мало, по несколько образцов. Я применял простую, но эффективную методику датирования – сравнение письма исследуемого документа с точно датированными аттическими надписями, каковых тьма, что при культурном и прочем доминировании Аттики в греческом мире V-II вв. до н. э. вполне оправдано; это давало мне основание датировать надписи VI-II вв. до н. э. по четвертям столетия (ТБР, ОХБ, passim). Особенно эффективно соотношение графем δ и ω в надписях позднего V – середины IV вв. , которое позволяет датировать надписи вплоть до десятилетия (ТБР, с. 23-25). В будущем актуально, во-первых, собрать воедино лучшее, что уже наработано учеными в отношении хронологии надписей, во-вторых, создать монографическое исследование по хронологии надписей СП, желательней, коллективное.

Дальнейшие задачи ввиду ограниченности места характеризуем скороговоркой.

4. Углубленное введение надписей в исторический контекст. Эпиграфика – лишь вспомогательная историческая дисциплина, она инструмент работы историка, поэтому введение надписей в исторический контекст, по возможности, обязательно. Примеров множество, навскидку упомяну историческую проблематику правления Митридата Евпатора и Фарнака в СП, по которой многое сделали С. А. Жебелев, Д. Б. Шелов, Е. А. Молев, Ю. Г. Виноградов, М. Ольбрихт и др. (см. ТБР, с. 199-226, лит.). В перспективе развитие эпиграфики СП будет связано также с исследованием мало разработанной проблематики или вовсе новой. Примеров много, приведем два – взаимоотношения греков и окрестных синдов, которые получили хорошее освещение опубликованным Т. В. Блаватской посвящением Левкона I из Лабриса (ТБР, с. 12-35, лит.); комплексом

надписей выявлена военная политика Савромата I в отношении племен Азиатского Боспора (с. 310-330, 497-503).

5. Фронтальная разработка типологии надписей. Выявление и сравнительный анализ региональной специфики эпиграфической документации в разных центрах СП. Типология надписей Греции, в т. ч. СП, хорошо разработана, и удовлетворительно подана в IOSPE, КБН, НО: декреты, посвящения, проксении, почетные надписи, списки имен, акты фисов, строительные документы, эпитафии и пр. В эпиграфической науке давно имеются монографические разработки отдельных типов, например, декретов (Х. Свобода, П. Родес, Д. Льюис и др.), почетных декретов (Г. Герлах, Г. Науманн и др.) проксений (Хр. Марек и др.), манумиссий (А. Кальдерини и др.), эпитафий (А. Конца, Л. Джеффери, Хр. Клермон и др.) и т. д. Давно назрела необходимость такого монографического исследования популярных в эпиграфике СП типов: сбор материала по отдельным центрам, выявление и характеристика формульного языка, развитие формуляра во времени, специфика употребления формул в отдельных центрах и многое иное. Другая сторона такой работы – выявление и сравнительный анализ региональной специфики эпиграфической документации в разных центрах СП. В качестве примера типологического подхода укажем на необходимость сбора воедино и исследования стихотворных надписей СП, лапидарных и граффити, которые хорошо представлены в Ольвии, на Боспоре. Это давняя и хорошо разрабатываемая тематика общегреческой эпиграфики, начиная со свода Г. Кайбеля, продолженная сборниками П. Фридлендера, В. Пека, Г. Пфоля и др. Северочерноморский материал можно подключить к проекту *Corpus of the Epigrams of the Black Sea Region* (см. статью J. Nollé и M. Oller Guzmán в сб. *Mobility in Research on the Black Sea Region*, 2016, p. 73-100).

6. Разработка просопографии населения СП от VII-VI вв. до н. э. по V-VI вв. н. э. У нас для этой задачи давно накоплен необходимый материал – нам известны имена тысяч жителей региона, о некоторых известно кое-что или немало. И региональные и общегосударственные своды просопографии строятся уже более столетия. По величине базы данных СП, конечно, не равня аттической просопографии (своды И. Кирхнера, Дж. Дэвиса, Дж. Трейла), для нашей эпиграфики образцами могут служить своды по отдельным регионам, к примеру: *Prosopographia Moesiaca*, издаваемая польскими учеными (L. Mrozewicz и др.), *Prosopography and Onomasticon of Aegean Thrace* (M. Parissaki, 2007). Много уже сделали по ольвийской просопографии С. И. Капошина (1956), Т. Н. Книпович (1968),

Ю. Н. Трещева (1975, 1977), П. О. Карышковский (1982, 1993), М. Оллер Гузман (в сб. *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods*, 2014, p. 505-524); это хороший задел созданию полной просопографии населения античного Нижнего Побужья. Представителям боспорской верхушки уделены доклады конф. «Элита Боспора и элитарная культура» (СПб. 2016). Сбор и разработка материала должны вестись по центрам, важная роль принадлежит так называемым граффити владельцев сосудов, которые представлены повсюду; поскольку обычно это сокращения имен, учету подлежат сокращения, начиная с трех букв (например, сокращение API определено принадлежит к кругу иранских имен на Ар- или греческих на Ариот-). Необходим учет и богатых данных литературных источников. Конечная цель – введение всех персональных данных из отдельных центров региона в свод *Prosopographia Ponti Septentrionalis*. Просопография не самоцель, но важный инструмент исследования демографии региона.

7. La vie quotidienne населения различных центров СП по данным эпиграфики. К изучению повседневной жизни людей в разных странах и в разных исторических периодах историческая наука пришла через извечный женский вопрос. Упомянем, к примеру, диссертацию Элен Мак Клиз о женщинах в аттических надписях (Н. Mac Clees, 1920). Но подлинным создателем этого направления стала с середины XX в. социологическая историография Франции, давшая множество исследований о повседневной жизни страны в самые разные периоды ее истории; обращалась она и к античной Греции (например, книга Клод Моссе *La Femme dans la Grèce antique*, 1983). Сие направление подхвачено историками других стран, в СССР и затем России пока прижилось мало; в частности, Институт всеобщей истории РАН предпринял издание двух хороших сборников – *Женщина в античном мире* (1995, идея моя), *Человек и общество в античном мире* (1998, идея Л. П. Маринович). Что до СП, то немало уже в этом отношении сделали археологи – Д. В. Бейлин, А. С. Бейлина, М. И. Венцова, Д. В. Журавлев, А. К. Каспаров, Н. Н. Кучеревская, А. А. Масленников, А. Н. Матукина, И. А. Тульпе, Э. А. Хайретдинова и др.). Особенно много сделала М. В. Скржинская, которая опиралась на археологические, литературные и эпиграфические источники. Обширный и пока еще мало исследованный материал предоставляет эпиграфика – и лапидарная и граффити. Приведем несколько образцов уже сделанного. Конечно, и здесь в авангарде женщины: подразумеваем статьи Н. В. Молевой, назовем последнюю как самую содержательную

– «Гетеры на Боспоре» (БИ. 2018. Т. 36, с. 87-99), в ней немалое место уделено данным надписей. Один из первых удачных опытов – рецензия О. О. Крюгера на КБН (ВДИ. 1966, 2, с. 176-183), в которой он на примере списков имен и прочих надписей раскрыл множество прозвищ людей, образованных по их профессиональным занятиям, переходящим из поколения в поколение, по личностным специфическим чертам характера, внешности и прочего. Превосходный источник бытовой истории – заклания; к примеру, собранные воедино боспорские надписи этого типа рисуют обширный мир inferнальной вражды людей, конфликта интересов, первенства личной выгоды, дремучей необразованности и мн. др. (ДБ. 2005, Т. 8, с. 459–508). Особенно много материала по бытовой истории дали письма разных людей на свинцовых пластинках из Ольвии от VI по III вв. до н. э. Тут мы встречаемся и с финансовыми да торговыми проблемами зажиточной публики (письмо Апатурия, письмо Ахиллодора), с бедствием бездомных бедолаг (письмо Артикона), сутяжническими страстями (ОХБ, с. 196-242, 469-475). А уж вечные вопросы любви ярко освещены застольными, подарочными и прочими граффити, зачастую стихотворными (например, ДБ. 2018, Т. 22, с. 239-274). Есть эпиграфические материалы и в сборнике «Любовь и Эрос в античной культуре. Каталог выставки» (ред. Д. В. Журавлева, А. Е. Петраковой, А. А. Трофимовой). Семейные узы, отношения внутри семьи, дружба семей и отдельных людей выразительно вырисовывается из эпитафий. Словом, полномасштабное и многогранное выявление повседневной жизни населения СП – из числа самых интересных и плодотворных задач эпиграфики.

8. Иностранцы в СП, уроженцы СП в Греции. Эта тема начата хорошим сводом Б. Н. Гракова (начал создавать его А. И. Доватур) «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии» (ВДИ. 1939, 3). С тех пор материала прибавилось, он есть в ряде статей В. Кожокару, А. Твардецкого, монографиях А. Аврама (Prosopographia Ponti Euxini externa, 2013), В. Кожокару (Instituția proheniei în spațiul pontic, 2016). Тем не менее, остается широкое поле и для будущих исследований отечественных эпиграфистов.

9. Построение грамматики языка надписей СП. Увы, эта важнейшая тематика разрабатывалась в прошлом – А. С. Коцеваловым, А. И. Доватуром (не воспринимаем всерьез лепет С. Р. Тохтасьева: БФ. 2011). Поэтому первоочередная задача – собрать в одной книге все, что есть. 1) Kocevalov A. Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini. 1935, 131 p., плюс отзывы Е. Г. Кагарова (PhW,

1936, S. 1344 + ЗХУ, 1917 (!), № 1-2, с. 57-59) и Э. Диля (Gnomon. 1938, Bd. 14, Sp. 469-471). 2) Kotsevalov A. Koine Syntax of Greek Colonies on the Black Sea // Studies Presented to D. M. Robinson. 1953. Vol. 2, p. 434-442. 3) Der Genitiv auf -ω in Bosphoros // PhW, 1931, S. 1038-1039. 4) Неизданная статья А. С. Коцевалова о грамматике языка ольвийских надписей (хранится в архиве Ин-та археологии, Киев). 5) Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН, с. 797-831. 6) Ходорковская Б. Б. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей // Вопросы античной литературы и классической филологии, 1966, с. 466-480. В дальнейшем необходимо создать полноценную грамматику языка надписей СП по типу региональных грамматик, например, аттических надписей (L. Threatte) или эолийских (R. Hodot).

10. Подготовка и издание сводов лапидарных надписей да граффити, как по региональным центрам, так и магистрально по Северному Причерноморью в целом. За неимением места эту тему мы освещаем в ДБ. 2019. Т. 24.

11. Написание истории изучения эпиграфики Северного Причерноморья от первых путешественников XVIII в. до основных явлений XX в. Большую работу по истории науки о СП ведет И. В. Тункина, вносят свой вклад также В. Н. Боровкова, Г. В. Длужневская, Д. В. Журавлев, Е. Г. Застрожнова, В. Ю. Зуев, Л. М. Лазенкова, З. В. Ханутина, В. А. Хршановский, Т. Н. Шевченко, С. А. Шестаков и др. Эпиграфика СП прошла долгий путь, он должен быть исследован во всей своей полноте. К примеру, следует выявить по архивным материалам процесс создания IOSPE, КБН.

12. Решение вопросов с освещением отечественных работ по эпиграфике СП в зарубежной эпиграфической хронике – Bulletin épigraphique (в Revue des études grecques) и Supplementum epigraphicum Graecum. В прошлом хронику эпиграфики СП успешно вел Г. Михайлов в SEG, обращался к ней и Л. Робер в Bull. егр. После смерти этих выдающихся ученых раздел по СП в SEG вели не знавшие русского языка Г. Плекет, А. Ханиотис; в Bull. егр. он отдан А. Авраму. Все они хорошие специалисты по эпиграфике, но каждый в своей области, эпиграфики СП они вовсе не знают, отсюда хроническая ошибочность их суждений (см. ОХБ, с. 660-664). У нас с 2012 г. эпиграфическую хронику удовлетворительно ведет А. В. Белоусов (в журнале Аристей), из зарубежных эпиграфистов хорошо знает надписи СП только В. Кожокару, им и должны быть отданы разделы по СП в SEG и Bull. егр.

13. Вопросы кадровой политики, создание отечественной эпиграфической школы. Изложенная программа перспективного развития эпиграфики СП может быть осуществлена лишь при наличии достаточного числа профессиональных эпиграфистов. Ныне у нас таковых совсем мало: с надписями Херсонеса управляется И. А. Макаров, профессионально работают с граффити Н. В. Завойкина, А. С. Намойлик. Остальные, не будучи профессионалами, совершают успешные или не очень вылазки на поле эпиграфики. Вопрос о кадрах самый острый: наиболее актуальная задача – создание профессиональной школы. Мы располагаем примерами успешного создания в науке об СП плодотворно работающих специализированных школ: Н. Н. Болгов построил в Белгороде центр по изучению позднеантичного СП, С. Ю. Монахов создал в Саратове коллектив амфороведов. Со временем может быть образована и эпиграфическая школа.

ЯРЦЕВ С. В., СМЕКАЛОВ С. Л.,
БУТОВСКИЙ А. Ю., ШУШУНОВА Е. В., АСТАХОВ И. А.
(ТГПУ им. Л.Н.Толстого, Тула)

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК В УРОЧИЩЕ АДЖИЭЛЬ В 2017-2018 ГГ.¹

Урочище Аджиэль расположено в одном из районов Восточного Крыма, игравшем важную роль в древности. Балка Аджиэль, идущая по направлению северо-запад–юго-восток труднопроходима, отгораживает значительную часть Керченского полуострова и является одним из естественных защитных рубежей Восточного Крыма. Длина ее около 12 км, максимальная ширина вместе с рукавами доходит до 5 км. Максимальная высота соседних склонов фиксируется на левом юго-западном склоне. Здесь он представлен хребтом Каменистым, высота которого около 140 м. Уровень дна балки около 60–20 м над уровнем моря, с понижением ближе к устью.

Необычное географическое положение урочища и другие важные его особенности были замечены еще в древности. Судя по находкам характерных орудий труда, территория балки Аджиэль была заселена уже в каменном веке. В бронзовом веке (III–II тыс. до н.э.) одним из наиболее массовых типов объектов археологии на территории урочища становятся курганы. В античный период балка Аджиэль попадает в орбиту влияния Боспорского царства. В этот период в урочище Аджиэль, по причине наличия благоприятных почв для ведения сельского хозяйства и обилия воды, могли функционировать как античные усадьбы, так и некие варварские селища. По мнению А. А. Масленникова, практически все Крымское Приазовье в IV–III вв. до н.э. являлось владением правившей на Боспоре династии [Масленников, 2007, с. 84]. Силами же гарнизонов

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н.Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

возведенных здесь в дальнейшем укрепленных поселений и, в первую очередь, крупного античного городища «Белинское», боспорские цари могли контролировать наиболее проходимые места, где в древности проходили, по-видимому, кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань.

В рамках госзадания Минобрнауки РФ в 2017-2018 гг. силами научных сотрудников, преподавателей и аспирантов ТГПУ им. Л.Н.Толстого были проведены масштабные пешеходные разведки в границах Аджиэльской балки, в ходе которых были обнаружены и дополнительно обследованы объекты культурного наследия.

На северо-восточном склоне Аджиэльской балки в 1,1 км на юго-запад (145°) от современного с. Белинское Ленинского района был выявлен новый археологический памятник Аджиэль I площадью около 1,94 га. Объект обнаружен на платообразной поверхности выступающего в сторону Аджиэльской балки мыса и на его резко обрывающихся в балку юго-западном, южном и юго-восточном склонах.

Подъемный материал, равномерно распространенный по всей площади выявленного поселения, представлен несколькими категориями находок. К первой категории можно отнести фрагменты транспортной тары (амфор) и столовых сосудов, в основном I в. до н. э. – II в. н.э., в том числе красноглиняных амфор с двустольными ручками и широкогорлых типа С-III по С.Ю.Внукову. Ко второй относятся фрагменты лепной керамики античной эпохи. К третьей категории – мелкие фрагменты костей животных и створок раковин мидий, зафиксированных в местах выхода зольника на дневную поверхность.

В 2018 году на вершине мыса был заложен шурф, который, судя по находкам фрагментов синопских амфор, зафиксировал наличие культурного слоя. Более того, на глубине 0,38 м от дневной поверхности под слоем темно-серой супеси средневекового времени, по всей площади шурфа был выявлен плотный каменный завал, относящийся к слою желто-коричневого суглинка античного периода. Возможно, некоторые камни данного завала являлись остатками стены круглого в плане сооружения. Судя по его расположению, данная конструкция могла являться особым укрепленным пунктом – сторожевой башней, относящейся к оборонительной системе, существовавшей в период функционирования аналогичных сооружений на Узунларском валу в I в. до н.э., расположенных в 1,7 км в западном направлении.

Следует отметить, что часть выявленной площади античного памятника занимал зольник, следы которого на площади около 0,44 га,

были зафиксированы ниже по склону указанного мыса. Здесь золистые слои местами практически выходят на дневную поверхность. Заложенный шурф также подтвердил наличие на этом участке довольно мощного (более 1 м) культурного слоя. Из находок, помимо фрагментов синопских и гераклейских амфор, отметим фрагменты амфор типа С I и С III по С.Ю.Внукову второй четверти I в. до н.э. – I в. н.э. Из ручки амфоры типа С I было сделано своеобразное грузило с глубокими насечками по краям. Не исключено, что данный зольник на позднем периоде своего функционирования, являясь, в первую очередь, сакральным объектом, мог иметь непосредственное отношение и к находящемуся в прямой видимости Белинскому городищу II-V вв. н.э. Во всяком случае, местоположение золистого святилища вполне согласуется с локализацией известных «загородных» сельских теменосов [Зубарев 2015, с. 163]. Для дальнейшего прояснения ситуации с данным памятником требуется продолжение археологических исследований.

Следующий объект культурного наследия – Аджиэль II был выявлен на северо-восточном склоне Аджиэльской балки в 2,5 км к юго-востоку (135°) от юго-западной окраины с. Белинское. Поселение площадью 5,29 га находится к северу от полотна современной действующей железной дороги, в нижней части южного выположенного склона водораздела, имеющего высотные отметки 62,4 и 82,9, на северо-восточном берегу Аджиэльской балки. В 1 км к северо-западу от поселения находятся строения действующей животноводческой фермы и развалины деревни Державино. Рельеф платообразной надпойменной террасы Аджиэльской балки, на котором располагалось поселение, относительно ровный. Микрорельеф не выражен.

Подъемный материал, равномерно распространенный по всей площади выявленного поселения, с максимальным его сосредоточением в центре северной части, представлен несколькими категориями находок. К первой категории можно отнести фрагменты транспортной тары (амфор) V–II вв. до н.э. Ко второй – маловыразительные фрагменты сосудов бронзового века с южного участка поселения. К третьей – несколько створок раковин мидий.

Магнитная разведка на памятнике Аджиэль II, уже проводилась в 2017 г. [Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2017, с. 69-75] и в 2018 году. Проведение повторной магнитной съемки было связано с двумя обстоятельствами. Первое – территория памятника была после съемки 2017 г. распахана, а координаты участка магнитной съемки 2017 г. фиксировались по GPS-Глонавигатору, точность которого составляет 3-5 метров на местности. Физические реперы – стержни из стальной арматуры, уста-

новленные на угловых точках участка, съемки были уничтожены вспашкой, и было необходимо восстановить точные места положения аномалий для их исследования. Второе – как повлияла вспашка, глубина которой составляла не более 0,2 м, на картину магнитного поля.

Результаты магнитной съемки 2018 г. на памятнике Аджиэль II практически полностью повторяет результаты магнитной съемки 2017 г. Это позволило сделать заключение, что источники аномалий находятся ниже поверхностного слоя, поврежденного вспашкой. На фоне общего спокойного поля, меняющегося на большей части участка в пределах ± 2 нТл, выделяется значительное число положительных аномалий амплитудой до 30 нТл и размерами 2-2,5 м. Такие аномалии могут создаваться ямами, заполненными со временем поверхностным грунтом.

Для проверки наличия хозяйственных ям в районе одной из аномалий в 2018 году был заложен шурф размером 2х2 м. Под поверхностным слоем почвы глубиной 0,1 см располагался слой желто-коричневого суглинка мощностью 0,3 см. Далее в материковой глине действительно была выявлена яма цилиндрической формы с плоским дном диаметром 1,25 м и глубиной 0,8 м. Яма была заполнена желто-коричневым суглинком, в котором были обнаружены несколько десятков фрагментов керамики (ручки, стенки амфор, ножки) производства Гераклеи, Фасоса, Менды, в том числе 2 фрагмента с клеймами. Определения клейм были проведены Колесниковым А.Б., к.и.н., научным сотрудником ИА РАН (ἀστυνόμου Ἀττάλου Φιλοκράτου – голова астином Ἄτταλος ок. 297 г. до н.э. по Н.Ф.Федосееву; Ποσιδείου τοῦ Ἡφαίστου-δύρου ἀστυνό πалица ок. 329 г. до н.э. по Н.Ф.Федосееву).

Судя по хронологии и расположению данного памятника, он мог являться поселением, непосредственно предшествующим возведению мощной крепости (Белинское городище) на расположенном рядом плато, которое с севера и востока обходит Аджиэльская балка.

Следующий обследованный объект культурного наследия – курганный комплекс из 9 курганов «Аджиэль IV» в качестве памятника археологии известна, по крайней мере, с XIX века. Памятник фигурирует на карте масштаба 1:42000 конца XIX века. Он расположен на юго-западном склоне Аджиэльской балки в 740 м в южном направлении (180°) от юго-западной окраины современного села Белинское. Основная территория могильника располагается на склонах довольно значительного природного холма, зафиксированного на карте масштаба 1:25000 50-х годов XX века как «Высота 71,4». Здесь выявлено 8 курганов. Еще один курган зафиксирован на небольшом удалении от основной группы погребальных

насыпей (в 130 м от высоты 71,4 в северо-восточном направлении (65°)), на склоне другого возвышения, обозначенного на карте XIX века как холм-курган Учъ-Оба. Он также был отмечен на карте масштаба 1:25000 XX века. Данная возвышенность круто обрывается в Аджиэльскую балку в юго-восточном, южном и юго-западном направлениях. Указанные холмы являются вершинами мшанцевых рифов, и именно на эти локально господствующие и соседствующие высоты ориентировались люди в древности при выборе мест для захоронений сородичей.

Несмотря на некоторую удаленность крайнего восточного кургана от основной группы насыпей, все выявленные погребения были совершены вдоль дороги, которая проходит по южным склонам указанных холмов в направлении запад – восток. Видимо, не случайно в западном направлении по указанной дороге в 830 м (280°) от «Аджиэль IV» располагался древний проезд через Узунларский вал. Данный участок вблизи оборонительного вала, включая остатки расположенной в 60 м от него к востоку сторожевой башни, был раскопан в 2000–2002 гг. А. А. Масленниковым. Скорее всего, возникновение курганного могильника «Аджиэль IV» было связано с дорогой, проложенной через проход в древнем погранично-оборонительном сооружении.

Таким образом, очевидно, что дальнейшие перспективы исследований в урочище Аджиэль, связаны с продолжением изучения варварских и античных древностей в этой стратегической для Боспорского царства местности, в том числе с детальной реконструкцией оборонительной системы на западных рубежах государства и обрядовой составляющей сакральной защиты укрепленных пунктов и крепостей.

ЛИТЕРАТУРА

Зубарев В.Г. Культурные объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996-2014 гг.) // Древности Боспора. 2015. № 19. С. 161-183.

Масленников А. А. Античные древности Крымского Приазовья. Взгляд через полвека // Российская археология. 2007. № 1. С. 79–88.

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Магнитная разведка на античных поселениях в урочище Аджиэль в 2017 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5-1. С. 69-75.

DAVID BRAUND
(Exeter)

A BIRD FOR APHRODITE IN THE BLACK SEA: PORPHYRIA AT APATOURON?

In recent years we have come to understand the great importance of Aphrodite in the religious culture of the cities of the Black Sea, not least in the Bosporan Kingdom and at Olbia. There has been significant development also in our understanding of Aphrodite at Miletus, though recent work on her cult there has not really changed very much. The larger point is that Greeks who came to the Black Sea did not simply transfer deities from their homelands, whether in Ionia or elsewhere. Rather they adapted their religious life to suit their new colonial environments, with reference to the new natural contexts there (e.g. volcanoes, special to the area, local wildlife and so on) and in ways which also included the local population, if only stories about them and their role in the development of local religion, as is especially clear at Olbia. I hope that we can follow these lines of thought without returning to sterile arguments about whether any particular cult is Greek or non-Greek. It is clear that any significant cult within the Greek cities of the region had been made Greek by the colonists and their successors, whether or not any such cult had some roots in local non-Greek culture, or was thought to have such roots. We should remember that Greeks everywhere imagined that their gods had, in many cases, come from non-Greek cultures, as in the case of Aphrodite Ourania (known in archaic Olbia as the “Syrian Goddess”, and discussed in such terms by Herodotus, no doubt through his adventure in Olbia).

Against that background of Aphrodite’s importance around the region, I wish to discuss some fairly new material from western Georgia that takes us into an aspect of her cult that deserves rather more attention than it often gets, namely birds. Along with familiar birds of the goddess, notably the swan, the dove or pigeon and more, I am concerned here with the porphyryon. As its name suggests in Greek, its colours are striking, usually blue feathers and a red beak and pate, as

well as rather ungainly red legs. It is a water-bird that prefers wetlands with reeds and dense undergrowth. Ancient texts tell us a lot about the creature, which was famous for its extreme commitment to “marriage” and, in general, its very moral and modest lifestyle, so that it was even reluctant to eat in the presence of other creatures. We are told that this bird was often to be seen in the precincts of temples, though no deity is specified by our informant. The behaviour of the bird, which was well known in the ancient world, would match the cult priorities of Aphrodite Ourania better than any other deity. Fortunately, we are told that the bird was one of those given as a gift by lovers (Ar. Birds 705-7), which might suggest Aphrodite. However, more important, we are told by Pausanias that a Porphyryon was first to establish a cult of Aphrodite Ourania in Attica (Paus.1. 14). We need not assume that the bird was only linked to this goddess, for the swan, for example, might also be found with other deities. However, the fact remains that our only specific indications of a link between the porphyryon and a deity takes us to Aphrodite, while the general lifestyle of the bird also suits her very well.

With the help of colleagues in Batumi, I have established that the bird that (rarely) occurs on Colchian coinage is a porphyryon. The surviving examples are in poor condition, but a very clear example has come from Vani, where the coin-image has been used on a ring (found with another ring that has done the same with the familiar bull’s-head of the coinage). There is no obvious reason for the appearance of the bird on Colchian coins, where we might perhaps have expected a pheasant, the characteristic bird of the region. I suggest therefore that the bird is an indication of the cult of Aphrodite in ancient Colchis. In general we know very little about the Greek cults of the eastern Black Sea, so it is hardly an objection to this suggestion that we have no direct evidence on her cult. In fact, the cult may help to explain more puzzles of the coinage and also a little of what else we know about Greek religion there.

As for the Bosphorus, we may well note that the bird would be at home in the environment of the Taman peninsula, particularly if it had some extra shelter in winter. Perhaps we should imagine that the great sanctuary at Apatouron was populated by some of these very beautiful and idiosyncratic birds.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века
АО — Археологические открытия
БИ — Боспорские исследования
ВДИ — Вестник Древней истории
ГАРК — Государственный архив Республики Крым
ЗООИД — Записки одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии, СПб.
ИА РАН — Институт Археологии Российской академии наук.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР, РАН
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, Ленинград
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА ГМЗХТ — Научный архив музея-заповедника «Херсонес Таврический»
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
РА — Российская археология
РАН — Российская Академия наук
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников;
СПБФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры ; Магнитогорск.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ХК — херсонесская классификация
ХСб — Херсонесский сборник, Севастополь
BSA — The Annual of the British School at Athens
CH — Coin Hoards. London, 1975–1985.
IGBulg — Inscriptiones Graecae Bulgariae repertae
IGCH — An Inventory of Greek Coin Hoards /ed. by M. Thompson, O. Mørkholm, C.M. Kraay. New York, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории конференции «Боспорские чтения»	5
Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. (Магнитогорск, Анапа) «Забытые» монетные клады из Анапского археологического музея (поступления 1980-х гг.).....	31
Агафонов А.В., Толстикова В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. (Москва) Штука-турка с граффити из раскопок Пантикапея 2018 года.....	35
Айбабин А.И. (Симферополь). К дискуссии о локализации крымских климатов.....	41
Алексеев Н.А. (Севастополь). Перспективы исследований византийских печатей в Крыму (на примере находок из Херсона и его окружи).....	48
Антипенко А.В. (Симферополь). Использование и распространение латуней у варваров и греков Северного Причерноморья.....	54
Ахмадеева М.М. (Санкт-Петербург). Полтора века исследований некрополя античной Феодосии.....	60
Белик Ю.Л. (Керчь) Итоги и перспективы исследований крепостей Керченского полуострова	70
Букина А.Г. (Санкт-Петербург) Всадник среди вакханок: редкая аттическая иконография на периферии античного мира.....	75
Бутягин А.М. (Санкт-Петербург) 20 лет работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа.....	77
Бутягин А.М., Колосов В.П. (Санкт-Петербург) Пирамидальные керамические ткацкие грузила: опыт массового анализа.....	83
Быковская Н.В., Смекалова Т.Н. (Керчь, Симферополь) Еще раз к вопросу об «античном» размежевании на Боспоре и в Северо-западном Крыму.....	87

Вахонеев В.В., Соловьев С.Л. (Феодосия, Санкт-Петербург) От находки до экспоната: комплексные исследования боспорского города Акра...97	
Вахтина М.Ю. (Санкт-Петербург) Класс Энман. О Наталии Александровне Энман.....101	
Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург) Основные итоги изучения священного участка поселения Атрющенко-I (Таманский полуостров).....110	
Винокуров Н.И. (Москва) Средневековые погребения юго-западного некрополя городища Артезиан. Первые итоги и перспективы исследования.....116	
Власов В.Н. (Симферополь) О «греческой» лепной керамике из античных центров Северного Причерноморья.....125	
Ганцев В.К. (Симферополь) Итоги и перспективы исследований средневековых памятников виноградарства и виноделия в юго-западном Крыму.....132	
Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. (Симферополь) Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища.....139	
Гончарова С.М. (Азов) Сюжетные композиции в керамике азовского производства.....149	
Гусач И.Р. (Азов) Крымская неполивная керамика из раскопок турецких крепостей Азак и Сед-Ислам в Северо-Восточном Приазовья.....153	
Домжальский К., Смокотина А.В. (Варшава, Севастополь) Краснолаковая керамика Тиритаки позднеимперского и ранневизантийского времени.....155	
Дорошко В.В., Дорошко О.П. (Севастополь) Исследования на высоте Виноградной в 2017 г.: новый памятник римского времени на перешейке Гераклейского полуострова.....160	

Ермолин С.А., Буравлев С.А., Бонин А.В. (Москва) Манитра. Царская усадьба эпохи эллинизма в Восточном Крыму.....167	
Ефремов Н.В., Тюрин М.И. (Грайфсвальд, Севастополь) Новые клейма Синопы, Коса и Книда из раскопок на укреплении Масляная гора.....174	
Жуан Пинар Жил (Градец Кралове) Третья фибула из Полленцо (Пьемонт, Италия). К вопросу о развитии погребальных вещей причерноморско-подунайского круга на Западе (400-500 гг. н.э.)181	
Журавлев Д.В., Батасова А.В., Шлотцауер У. (Москва, Санкт-Петербург, Берлин) Оборонительный ров поселения Голубицкая 2183	
Журавлев Д.В., Батасова А.В., Шлотцауер У., Курков В.М., Скрыпичина Т.Н., Князь В.А., Кудряшова А.И., Кобзев А.А., Мишка К. (Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Эрланген-Нюрнберг) Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования).....193	
Завадская И.А. (Симферополь) Предварительные итоги и перспективы изучения кровельного материала средневекового жилого квартала на Эски-Кермене.....201	
Захаров Е.В., Смирнов С.В. (Москва) Селевкидские монеты в Северном Причерноморье: переосмысление проблемы.....206	
Захаров Е.В. (Москва) «Кизикские статеры на Боспоре»: взгляд через 70 лет.....211	
Зинько А.В., Шамрай А.Н. (Симферополь, Керчь) Подводно-археологические разведки в акватории мыса Тузла (итоги и перспективы по материалам 2016-2018 гг.).....216	
Зинько В.Н. (Симферополь) Важнейшие результаты и возможные перспективы проекта «Боспорский город Тиритака» (2002-2019 гг.).....226	

Зинько Е.А. (Симферополь) Раннехристианский Боспор: основные направления исследований на рубеже тысячелетий.....	236
Зубарев В.Г., Ярцев С.В. (Тула) Предварительные итоги и перспективы археологических раскопок в восточной части городища «Белинское».....	241
Иванов А.В., Сударев Н.И. (Краснодар, Москва) О двух необычных объектах исследованных в Синдике	250
Казанский М.М. (Париж) Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы.....	256
Камелина Г.А., А.А. Строков, Мамонова А.А. (Москва) Новые данные о женском костюме раннесредневекового населения Крыма (по материалам могильника Суук-Су).....	266
Каспаров А.К., Хршановский В.А. (С-Петербург, Москва) Фаунистические остатки из юго- западного участка Китейского некрополя (по итогам раскопок 2010 – 2018 гг.).....	272
Кашаев С.В. (Санкт-Петербург) Некрополь Артющенко-2. Результаты работ 2003-2018 гг.....	284
Клемешова М.Е. (Москва) Основные итоги и перспективы изучения лепной керамики с территории азиатского Боспора.....	294
Колесников А.Б. (Москва) Новые гераклейские магистраты.....	301
Колтухов С.Г. (Симферополь) О времени тризны у кургана Беш-Оба IV и о половецком святилище в кургане Беш-Оба IV/1.....	309
Корженков А.М., Ларьков, А.С., Овсяченко А.Н., Зинько В.Н. (Москва, Симферополь) Сейсмические деформации на древнем городище Тиритака.....	314

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. (С-Петербург, Симферополь) Археологические исследования Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001-2018 гг.: итоги и перспективы.....	324
Кропотов В.В., Колтухов С.Г. (Симферополь) Новый некрополь античного времени в Крымском Приазовье.....	327
Кузина Н.В. (Н-Новгород) О сакральной топографии боспорской хоры (на примере Крымского Приазовья).....	331
Лобода А.Ю., Антипенко А.В. (Москва, Симферополь) Изучение элементного состава украшений из могильника Черная речка.....	340
Майко В.В. (Симферополь) Основные итоги и перспективы исследований материальной культуры средневековой Сугдеи.....	349
Масленников А.А. (Москва) Сельское хозяйство Боспора (вчера, сегодня, завтра).....	354
Мастыкова А.В. (Москва) Итоги исследования могильника Горзувиты в 2018 г.	370
Милихина Н.М. (СПбГУ, С-Петербург) Две архаические землянки из Мирмекия.....	377
Минаев А.П. (Азов) Поселение Чумбур-Коса-I в Азовском районе – предварительные итоги и перспективы исследований.....	381
Молев Е.А. (Н-Новгород) Причины долголетия боспорской тирании (некоторые итоги исследования проблемы).....	387
Молева Н.В. (Н-Новгород) Итоги исследования фортификации боспорского города Китея: сакральный аспект.....	394
Намойлик А.С., Новоселова Н.Ю. (Севастополь, С-Петербург) Мерные сосуды эллинистического Херсонеса: новые находки и промежуточные итоги исследования.....	405

Павличенко Н.А., Панкратова Е.Г. (Санкт-Петербург) Боспорские надписи в Санкт-Петербургском филиале Архиве РАН: к истории формирования коллекции.....	411
Панкратова Е.Г. (Санкт-Петербург) Основные тенденции в истории изучения античной археологии на рубеже веков.....	419
Панченко В.В. (Севастополь) Использование дифферента «трезубец» в монетном деле Боспора I–IV вв. н.э.	431
Паромов Я.М. (Москва) О структуре сельских поселений азиатского Боспора.....	441
Петракова А.Е. (С-Петербург) Фрагменты панафинейских амфор из Императорской археологической комиссии в собрании музея истории Пермского Гос.университета: опыт реконструкции, интерпретации, атрибуции.....	448
Петровский В.М. (Саратов) Исследование затопленной части поселения Тамань-3 в 2018 году	453
Поваляев Н.Л. (Геттинген) Идеология царской власти на Боспоре и комплекс кургана Куль-Оба.....	460
Пономарев Л.Ю. (Керчь) Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский период (краткий обзор источников по дискуссионным вопросам).....	470
Радочин В.Ю. (Симферополь) Некоторые предварительные итоги и перспективные направления исследования антропологического материала из могильника у с. Лучистое.....	479
Савостина Е.А. (Москва) Боспорский мир и его отображение в памятниках искусства: некоторые итоги изучения проблемы	484
Сапрыкин С.Ю. (Москва) Аспург и азиатский Боспор	489

Сейдалиева Д.Э. (Симферополь) Изучение золотоордынской керамики Солхата в XXI столетии: основные итоги и перспективы	495
Сиднева Д.В. (Н-Новгород) Некоторые итоги изучения монет синдов.....	500
Сидоренко В.А., Шонов И.В. (Симферополь) Монограммы на монетах архонта Гюгиэнонта.....	507
Смекалова Т.Н. (Симферополь) Реконструкция системы межевания хоры Херсонеса Таврического с помощью архивных аэрофотографий и космических снимков. Некоторые итоги	513
Смекалова Т.Н., Деваев А.С., Смокотина А.В. (Симферополь) Итоги археолого-геофизического изучения городища Киммерик	521
Смекалова Т.Н., Быковская Н.В., Бутягин А.М., Пасуманский А.Е. (Симферополь, Керчь, С-Петербург) Новые данные для изучения кризиса III в. до н.э.	528
Смекалова Т.Н., Кашуба М.Т. (Симферополь, С-Петербург) Поселения позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму: результаты междисциплинарных исследований и новый этап изучения	534
Стоянова А.А. (Симферополь) Некоторые итоги изучения женского костюма варварского населения Крыма римского времени	542
Суворова Н.И., Котина А.В., Краснодубец Е.М., Серго С.В., Лазарев Н.В. (Азов, Керчь, Севастополь, Ростов-на-Дону) Основные итоги исследований предметов античной коропластики с помощью методов дактилоскопии и трасологии	549
Сударев Н.И., Кашаев С.В. (Москва, С-Петербург) Результаты исследований поселения Виноградный-7 в 2015-2016 гг.	555
Супренков А.А., Столяренко П.Г., Требухина Н.Ю. (Москва) Исследования вала Безкровного в 2017-2018 гг. и сопутствующий археологический материал	564

Труфанов А.А. (Симферополь) Региональные отличия комплекса бронзовых украшений конца II – середины III в. н. э. из погребений центральной части предгорного и горного Крыма	573
Хайрединова Э.А. (Симферополь) Женский костюм раннесредневекового населения Крыма: итоги и перспективы исследований	581
Храпунов И.Н. (Симферополь) Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки)	589
Храпунов Н.И. (Симферополь) Прошлое Крыма глазами путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: некоторые наблюдения	593
Шабанов С.Б. (Симферополь) Стекланные сосуды из могильника «Совхоз №10 (Севастопольский)»: основные итоги и перспективы исследования	604
Шамрай А.Н. (Керчь) Археологические следы наступления моря на Таманское городище (историография вопроса).....	607
Шаров О.В. (С-Петербург) Склеп Деметры в Керчи: в преддверии 125 -летия с момента его открытия. Некоторые итоги изучения погребального инвентаря.....	614
Яйленко В.П. (Москва) Перспективные задачи эпиграфики Северного Причерноморья	621
Ярцев С.В., Смекалов С.Л., Бутовских А.Ю., Шушунова Е.В., Астахов И.А. (Тула) Итоги и перспективы археологических разведок в урочище Аджиэль в 2017-2018 гг.....	631
David Braund (Exeter) A bird for Aphrodite in the Black Sea: porphyria at Apatouron?	636
Список сокращений	638

CONTENTS

From the history of the Conference "Bosporan readings»	5
Abramzon M.G., Novichikhin A.M. (Magnitogorsk, Anapa) "Forgotten" coin hoard from Anapa archaeological museum (1980s new items).....	31
Agafonov A.V., Tolstikov V.P., Shelov-Kvediaev F.V. (Moscow) Plaster with graffiti from Panticapaeum excavation in 2018.....	35
Aibabin A.I. (Simferopol) To the discussion of Crimean Klimathoi localization.....	41
Alekseenko N.A. (Sevastopol) Prospects for the study of Byzantine seals in the Crimea (on the example of finds from Kherson and its surroundings).....	48
Antipenko A.V. (Simferopol) The use and distribution of brass among the barbarians and Greeks of the Northern Black Sea region	54
Akhmadeeva M.M. (Saint Petersburg) A century and a half of research in the ancient necropolis of Theodosia.....	60
Belik Iu.L. (Kerch) Results and prospects of studies of the fortresses of the Kerch Peninsula.....	70
Bukina A.G. (Saint Petersburg) The Rider among the bacchantes: a rare Attic iconography on the periphery of the ancient world.....	75
Butiagin A.M. (Saint Petersburg) Twenty years of work of the Myrmekion expedition of the State Hermitage Museum.....	77
Butiagin A.M., Kolosov V.P. (Saint Petersburg) Pyramidal ceramic weights: experience of mass analysis	83

Bykovskaia N.V., Smekalova T.N. (Kerch', Simferopol) Once again to the question of the "ancient" delimitation in the Bosphorus and in the North-Western Crimea.....	87
Vakhoneev V.V., Solov'ev S.L. (Feodossia, Saint Petersburg) From the discovery to the exhibit: a comprehensive study of the Bosphorus city of Akra.....	97
Vakhtina M.Iu. (Saint Petersburg) Class Enman. About Natalia Alexandrovna Enman.....	101
Vinogradov Iu.A. (Saint Petersburg) The main results of the study of the sacred site of the settlement Atryushchenko-I (Taman Peninsula).....	110
Vinokurov N.I. (Moscow) Medieval burials of the southwestern necropolis of the settlement Artesian. The first results and prospects of research	116
Vlasov V.N. (Simferopol) About the "Greek" stucco ceramics from the ancient centers of the Northern Black Sea region.....	125
Gantsev V.K. (Simferopol) Results and prospects of studies of medieval monuments of viticulture and winemaking in the south-western Crimea	132
Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. (Simferopol) The main results and prospects of research of the princely palace of the Mangup settlement	139
Goncharova S.M. (Azov) Scene compositions in Azaka ceramics	149
Gusach I.R. (Azov) Crimean unglazed ware from the excavations of the Turkish fortresses Azak and Sed-Islam in the North-East of Azov	153
Domzhal'sky K., Smokotina A.V. (Warsaw, Sevastopol) Red-glazed ceramics of the Late Roman and Early Byzantine time	155

Doroshko V.V., Doroshko O.P. (Sevastopol) Studies at the height of Vinogradnaya in 2017: a new monument of Roman time on the isthmus of the Herakleian Peninsula.....	160
Ermolin S.A., Buravlev S.A., Bonin A.V. (Moscow) Manitra. The royal manor of the Hellenistic era in Eastern Crimea.....	167
Efremov N.V., Tiurin M.I. (Greifswald, Sevastopol) New marks of Sinope, Kos and Knidos from excavations at the fortification of Maslianaia Mountain.....	174
Juan Pinar Gil (Hradec Kralove) Third fibula from Pollenzo (Piedmont, Italy). To the question of the development of burial things of the Black Sea-Danube circle in the West (400-500 AD).....	181
Zhuravlev D.V., Batasova A.V., Shlotsauer U. (Moscow, Saint Petersburg, Berlin) Defensive ditch of the settlement Golubitskaya 2	183
Zhuravlev D.V., Batasova A.V., Shlotsauer U., Kurkov V.M., Skrypitsyna T.N., Kniaz' V.A., Kudriashova A.I., Kobzev A.A., Mishka K. (Moscow, Saint Petersburg, Berlin, Erlangen-Nuremberg) New data on the structure of ancient monuments of Asian Bosphorus (according to remote sensing data).....	193
Zavadskaja I.A. (Simferopol) Preliminary results and prospects of studying the roofing material of a medieval residential area on Eski-Kermen	201
Zakharov E.V., Smirnov S.V. (Moscow) Seleucid coins in the Northern Black Sea region: rethinking the problem.....	206
Zakharov E.V. (Moscow) "Kizik staters in the Bosphorus": a glance after 70 years	211
Zin'ko A.V., Shamray A.N. (Simferopol, Kerch) Underwater and archaeological reconnaissance in the waters of Cape Tuzla (results and prospects for the materials of 2016-2018).....	216

Zin'ko V.N. (Simferopol) The most important results and possible perspectives of the project "The Bosphorus City of Tyritake" (2002-2019)	226
Zin'ko E.A. (Simferopol) Early Christian Bosphorus: the main directions of research at the turn of the millennia	236
Zubarev V.G., Iartsev S.V. (Tula) Preliminary results and prospects of archaeological excavations in the eastern part of the Belinskoe settlement ...	241
Ivanov A.V., Sudarev N.I. (Krasnodar, Moscow) About two unusual objects investigated in Sindica	250
Kazansky M.M. (Paris) The beginning of the Epoch of the Great Migration of Nations in the Cimmerian Bosphorus: results and prospects	256
Kamelina G.A., Strokov A.A., Mamonova A.A. (Moscow) New data on female costume of the early medieval population of the Crimea (based on materials from the Suuk-Su burial ground)	266
Kasparov A.K., Khrshanovsky V.A. (St. Petersburg, Moscow) Faunistic remnants from the southwestern section of the Kytaiia necropolis (following the results of the excavations of 2010–2018)	272
Kashaev S.V. (St. Petersburg) Necropolis Artiushchenko-2. Results of work in 2003-2018	284
Klimeshova M.E. (Moscow) The main results and prospects of stucco ceramics from the territory of Asian Bosphorus	294
Kolesnikov A.B. (Moscow) New Heracleia magistrates	301
Koltukhov S.G. (Simferopol) About the time of the funeral feast at the Besh-Oba IV mound and about the Polovtsian sanctuary in the Besh-Oba IV / 1 mound	309
Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Ovsichenko A.N., Zin'ko V.N. (Moscow, Simferopol) Seismic deformations on the ancient settlement of Tyritake	314

Kramarovsky M.G., Seidaliev E.I. (St. Petersburg, Simferopol) Archaeological research of the Starokrymskaya archaeological expedition of the State Hermitage Museum in 2001-2018: results and prospects	324
Kropotov V.V., Koltukhov S.G. (Simferopol) A new necropolis of ancient time in the Crimean Azov region	327
Kuzina N.V. (N-Novgorod) About the sacral topography of the Bosphorus chora (on the example of the Crimean Azov region)	331
Loboda A.Iu., Antipenko A.V. (Moscow, Simferopol) The study of the elemental composition of jewelry from the Chernaya River burial ground	340
Maiko V.V. (Simferopol) The main results and prospects of studies of the material culture of medieval Sugdeia	349
Maslennikov A.A. (Moscow) Agriculture of the Bosphorus (yesterday, today, tomorrow)	354
Mastykova A.V. (Moscow) Results of the study of the Gorzuvity burial ground in 2018.	370
Milikhina N.M. (St. Petersburg State University, St. Petersburg) Two archaic dugouts from Myrmekion	377
Minaev A.P. (Azov) The settlement of Chumbur-Kosa-I in the Azov region - preliminary results and prospects of research	381
Molev E.A. (N-Novgorod) Causes of longevity of the Bosphoran tyranny (some results of the study of the problem)	387
Moleva N.V. (N-Novgorod) The results of the study of the fortification of the Bosphorus city of Kytaiia: sacral aspect	394
Namoilik A.S., Novoselova N.Iu. (Sevastopol, St. Petersburg) Measured vessels of the Hellenistic Chersonesos: new findings and intermediate results of the study ...	405

Pavlichenko N.A., Pankratova E.G. (St. Petersburg) Bosphorus inscriptions in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: on the history of the collection formation	411
Pankratova E.G. (St. Petersburg) Major trends in the history of the study of ancient archaeology at the turn of the century	419
Panchenko V.V. (Sevastopol) The use of the trim "trident" in the coinage of the Bosphorus of the 1st - 4th cc AD.....	431
Paromov Ia.M. (Moscow) On the structure of rural settlements in Asian Bosphorus	441
Petrakova A.E. (St. Petersburg) Fragments of panathenaic amphorae from the Imperial Archaeological Commission in the collection of the Museum of the History of Perm State University: experience of reconstruction, interpretation, attribution.....	448
Petrovsky V.M. (Saratov) Study on the submerged part of the settlement of Taman-3 in the year 2018.	453
Povalyaev N.L. (Göttingen) The ideology of royal power in the Bosphorus and the Kul-Oba barrow complex	460
Ponomarev L.Iu. (Kerch) Kerch Church of St. John the Baptist in the Genoese and Ottoman period (a brief overview of sources on controversial issues).....	470
Radochin V.Iu. (Simferopol) Some preliminary results and promising directions for the study of anthropological material from the cemetery in Luchistoe village	479
Savostina E.A. (Moscow) The Bosphorus World and its display in the monuments of art: some results of studying the problem	484
Saprykin S.Yu. (Moscow) Aspurgus and Asian Bosphorus	489

Seidalieva D.E. (Simferopol) Studying of the Golden Horde ceramics of Solkhat in the XXI century: main results and perspectives	495
Sidneva D.V. (N-Novgorod) Some results of the study of Sindi coins	500
Sidorenko V.A., Shonov I.V. (Simferopol) Monograms on the coins of Archon Hug hienon.....	507
Smekalova T.N. (Simferopol) Reconstruction of the system for surveying the chora of Tauric Chersonesos with the help of archival aerial photographs and satellite images. Some results	513
Smekalova T.N., Devaev A.S., Smokotina A.V. (Simferopol) Results of the archaeological-geophysical study of the Kimmerik ancient settlement	521
Smekalova T.N., Bykovskaya N.V., Butyagin A.M., Pasumansky A.E. (Simferopol, Kerch, St. Petersburg) New data to study the crisis of the III century BC	528
Smekalova T.N., Kashuba M.T. (Simferopol, St. Petersburg) Late Bronze Age settlements in the North-Western Crimea: the results of interdisciplinary research and a new stage of study.....	534
Stoyanova A.A. (Simferopol) Some results of the study of the women's costume of the barbarian population of the Crimea in the Roman time	542
Suvorova N.I., Kotina A.V., Krasnodubets E.M., Sergo S.V., Lazarev N.V. (Azov, Kerch, Sevastopol, Rostov-on-Don) The main results of studies of ancient coroplasty items using the methods of fingerprinting and trasology	549
Sudarev N.I., Kashaev S.V. (Moscow, St. Petersburg) Research results of the Vinogradny-7 settlement in 2015-2016	555

Suprenkov A.A., Stoliarenko P.G., Trebukhina N.Iu. (Moscow) Studies of the Bezkrorny Shaft in 2017-2018 and related archaeological material	564
Trufanov A.A. (Simferopol) Regional differences of the complex of bronze ornaments of the end of the II - the middle of the III cc AD from the burials of the central part of the foothill and mountainous Crimea	573
Khairedinova E.A. (Simferopol) Female costume of the early medieval population of the Crimea: results and prospects of research	581
Khrapunov I.N. (Simferopol) Some results and prospects of research of barbarian monuments of the Roman time in the piedmont Crimea (on the example of Opushka burial ground)	589
Khrapunov N.I. (Simferopol) Past of the Crimea through the eyes of travellers of the end of the XVIII - beginning of the XIX centuries: some observations	593
Shabanov S.B. (Simferopol) Glass vessels from the "State Farm No. 10 (Sevastopol'sky)" burial: the main results and prospects of the research	604
Shamray A.N. (Kerch) Archaeological traces of the advance of the sea on the Taman site (historiography of the issue)	607
Sharov O.V. (St. Petersburg) The Crypt of Demeter in Kerch: on the eve of the 125th anniversary of its discovery. Some results of the study of grave goods	614
Iaylenko V.P. (Moscow) The perspective tasks of the epigraphy of the Northern Black Sea region	621
Iartsev S.V., Smekalov S.L., Butovskikh A.Iu., Shushunova E.V., Astakhov I.A. (Tula) Results and prospects of archaeological investigations in the Ajjel tract in 2017-2018.	631

David Braund (Exeter) A bird for Aphrodite in the Black Sea: porphyria at Apatouron?	636

List of Abbreviations	638

**Боспорские чтения
Выпуск XX**

**Боспор Киммерийский
и варварский мир в период античности и средневековья.
Основные итоги и перспективы исследований**

Редакторы-составители: д.и.н. Зинько В.Н., к.и.н. Зинько Е.А.
Компьютерная верстка: Смирнова В.С.
Корректор: Барановская И.Н.

Подписано в печать: 19.04.2019 г.,
согласно Протокола № 3 от 15.03.2019 г.
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 38.13
Тираж 150 экз. Заказ № 1

**SOLO
RICH**

Издательство:

ИП Кифниди Георгий Иванович
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Родниковый, 18
тел.: +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 722 63 66
e-mail: IP_kifnidi@mail.ru

Отпечатано:

ИП Слынько Г.И.
Москва, Филевский бульвар, 40, кв. 71
тел.: 8 916 194 08 76

Представитель ИП Слынько Г.И. в Республике Крым:

ИП Кифниди Георгий Иванович
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Родниковый, 18
тел.: +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 722 63 66
e-mail: IP_kifnidi@mail.ru